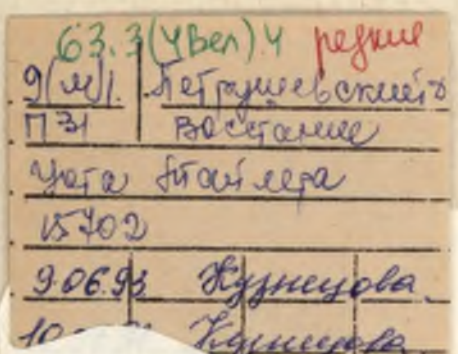
633(4Ва)4
П31


63.3(Увел).4 редкие
9(и)1. Петрашевский
П31 Воспоминания
узника бастилии
15702
9.06.98 Кузнецова
10.[illegible] Кузнецова
[illegible]ова

15702

Рф.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА
И ЕГО КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

На дом не выдают
63.3(4Вел)4
П31

ПРОФЕССОР
Д. М. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ В АНГЛИИ

ТРЕТЬЕ ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

15702
1 вкл лист карта.
942
П31

1990
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

№ 193
1938 г.
19 г.

Главлит № 60052. Гиз № 7759. Зак. № 1728. Тираж 3.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ОТ РЕДАКЦИИ

Работе Д. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» бесспорно принадлежит почетное место среди научных исследований по истории крестьянства и рабочего класса в Англии. Это одна из работ, вышедших из среды выдающихся русских историков и экономистов, воззрения которых складывались в конце XIX века под прямым или косвенным влиянием К. Маркса. Влияние это сказалось в настоящей работе уже в том, что эпизод восстания 1381 года рассматривается здесь, как явление хозяйственной и социальной истории средневековой Англии, в тесной связи с рабочим законодательством и «феодальной» реакцией второй половины XIV века.

«Восстание 1381 года, — говорит автор в своем предисловии ко 2-му изданию этой книги, вышедшему в 1914 году, — является главным образом протестом английского крестьянства против устоев феодального порядка с его социальной и экономической стороны. Крестьянская масса принесла в восстание определенную социальную программу, была воодушевлена определенными социальными идеями. Выяснить возникновение этой программы, понять генезис этих идей—значит изучить тот сложный хозяйственный и социальный процесс, который развивался в средневековом английском обществе и, разрушая его старые хозяйственные и социальные формы, тем самым вводил его в новые формы и общественного бытия, и общественного сознания» (стр. 11).

Мы не можем, однако, согласиться с отдельными положениями автора. Нам кажется, что автор слишком преувеличивает творческую роль государства в процессе строительства феодализма, который он рассматривает лишь как определенную форму государственного устройства и управления, опирающуюся на организованную государственною властью систему политически соподчиненных государственных тяглых сословий (стр. 10); такое определение скорее характеризует политический строй эпохи торгового капитализма, крепостническое государство, «старый режим», чем собственно феодализм. Повидимому, в связи с этим пониманием феодализма стоит и стремление автора возможно отчетливей отмежевать себя от «представителей натурально-хозяйственной концепции» феодализма. Если феодализм и связан с некоторыми стеснениями в народно-хозяйственном развитии, то причину этого следует, по мнению автора, искать именно в факте возникновения самого феодализма (понимаемого как определенная форма государственного устройства и управления) и, таким образом, натурально-хозяйственные элементы в экономике феодализма выводить из политического развития, а не обратно. «Феодализм, — говорит автор, — наложил свою печать и на хозяйственный, и на социальный облик крупного поместья и тем конституировал его как свою

хозяйственную базу, создав тем самым условия, ограничивавшие территориальную экономическую свободу крестьянской массы и тем стеснявшие свободу гражданского и, в частности, хозяйственного оборота общества и тормозившие его эволюцию в направлении к расширению общих хозяйственных связей, к развитию народного хозяйства» (стр. 144—145).

Не будем останавливаться на ряде других наших разногласий с автором. Отметим лишь, что автор характеризует движение 1381 года как исключительно аграрное; при таком объяснении остаются вовсе в тени городские элементы этого движения: борьба классов и цехов внутри английского города, способствовавшая вовлечению в движение и значительных масс городского населения.

Все эти расхождения с автором не мешают нам признавать за работой крупные научные достоинства. Это классический труд по истории английского крестьянства в XIV веке, истории разложения феодализма и первых этапов развития рабочего класса в Англии. Последнему вопросу посвящен ряд интересных страниц, обстоятельно характеризующих английское рабочее законодательство XIV века (гл. V: Черная смерть и рабочее законодательство XIV века; ряд отделов в главе VI: Экономическая эволюция и социальная борьба во второй половине XIV века) — вопрос, лишь мимоходом затронутый Марксом в «Капитале».

Отметим, что Д. М. Петрушевский близко стоит к Марксу в оценке рабочего законодательства XIV века, что особенно отчетливо обнаруживается при сравнении с оценкой того же законодательства, какую дает, например, в своей «Заметке о первоначальном накоплении в изображении Маркса» [1], покойный А. Н. Савин, который основную тенденцию знаменитого статута Эдуарда III считает «глубоко реакционной»: цель его «не расчистить место для нового порядка, а, наоборот, — искусственно продлить на некоторое время жизнь отживающего организма, поддержать расшатавшиеся устои городского и мэнориального хозяйства». В противоположность этому, Д. М. Петрушевский развивает иной взгляд на рабочее законодательство XIV века: по его мнению, «рабочее законодательство обнаруживает совершенно определенную анти-феодальную тенденцию. В этом отношении оно вполне стоит на почве современной ему хозяйственной действительности, которая... не считалась с мэнориальными перегородками, развиваясь в направлении к народному хозяйству со всеми его экономическими и социальными особенностями, несовместимыми с хозяйственной замкнутостью и социально-правовою исключительностью, характерными в той или иной мере для мэнориального строя в его чистом виде» (стр. 252). «Назвать рабочую политику XIV века реакционной мы... не имеем права» (стр. 257).

Все это делает книгу Д. М. Петрушевского особенно интересной для читателя-марксиста.

---

[1] Сборник «Помощь» 1901 г.

ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Для нового, третьего, издания книга эта была подвергнута автором тщательному пересмотру. За двенадцать лет, которые протекли со времени выхода ее в свет вторым изданием (у М. и С. Сабашниковых в 1914 году), в научной литературе по социальной и экономической истории средневековой Англии не появлялось работ, которые бы внесли существенные изменения во взгляды автора на восстание 1381 года и на место, занимаемое им в хозяйственной и социальной эволюции названной страны. Скорее можно сказать, что то, что сделано в этой области за это время, лишь укрепило позицию, занятую автором в этом вопросе. Если, тем не менее, автору пришлось внести в свою работу немаловажные по его мнению поправки, то они были вызваны главным образом соображениями теоретического порядка, стоящими в связи с общим движением исторической мысли за последнее десятилетие, а также с результатами непрерывавшихся собственных усилий автора сделать для себя возможно более ясным социологическое существо феодальных соотношений, как одной определенной стороны в строе средневекового и всякого иного общества.

Уже во втором издании своей работы автор успел достаточно определенно формулировать свое понимание существа феодальных соотношений, но он не достаточно отчетливо отмежевал себя там от представителей натурально-хозяйственной концепции средневековой культуры, да и его собственное понимание феодализма и феодализационного процесса не было им проведено с полной отчетливостью и последовательностью. Получались неясности, противоречия и недоумения. Автору кажется, что теперь эти недостатки устранены; по крайней мере, он все усилия направлял на то, чтобы их устранить и облегчить для читателя возможность без всяких затруднений схватить общее построение автора и ни минуты не терять его из вида. Для этого пришлось кое-что выбросить из прежнего текста, но кое-что и прибавить, не говоря уже о целом ряде оговорок, которые должны были смягчить категоричность многих утверждений и отрицаний.

В частности, пришлось вычеркнуть все *Введение*, посвященное выяснению особенностей истории английского феодализма, и дополнить третью главу целым, пятым, параграфом, в котором автор подводит итоги всему содержанию главы, посвященной характеристике основ поместного строя средневековой Англии, и вместе с тем формулирует выработанный им взгляд на общую экономическую основу феодального общества и государства, что дает ему возможность вполне, как ему представляется, отчетливо формулировать проблему разложения феодального строя Англии вообще и, в частности, той

его стороны, с которой проблема эта является прежде всего проблемой историко-экономической, проблемой разложения строя английского феодального поместья.

Внесением в третью главу этого нового, пятого, параграфа устраняется надобность во *Введении*, находящемся во втором издании книги и представлявшем собою по задаче своей как раз то, что имеет в виду этот пятый параграф, т.-е. постановку проблемы разложения феодального строя в Англии. Во *Введении вся* эта проблема понималась, как проблема исключительно историко-экономическая, и это объяснялось особенностями истории английского феодализма, как феодализма лишь социального, а не политического, лишь как формы общественной, сословной организации, неизбежной при данных хозяйственных условиях. В настоящее время автор совершенно не разделяет взглядов, формулированных им в этом *Введении* и, в частности, считает совершенно неправильным деление феодализма на феодализм политический и феодализм социальный и видит в феодализме определенную форму государственного устройства и управления, опирающуюся на организованную государственной властью систему политически соподчиненных государственных тяглых сословий *. Не отрицая особенностей истории английского феодализма, автор усматривает их в том, что индивидуальная, своеобразная история средневековой Англии создала здесь феодальный порядок, приближающийся к своему идеальному типу и что и возникновение здесь феодального строя, и разложение его представляют собою процессы, протекавшие здесь со всей ясностью и отчетливостью нормально развивавшихся процессов этого типа, что делает изучение их чрезвычайно важным для уразумения социологического существа феодализма **.

Едва ли нужно прибавлять, что все существенное, что могла дать автору специальная литература для освещения фактической стороны изучаемых в его работе явлений, было принято им во внимание.

Москва, 1926 г.

---

* См. четвертое или пятое издание принадлежащих автору «*Очерков из истории средневекового общества и государства*», особенно *Заключение*.

** См. статью автора «*Феодализм и современная историческая наука*» в юбилейном сборнике в честь Н. И. Кареева «*Из далекого и близкого прошлого*», 1923 г., стр. 110—119.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Исследователь, изучающий социальную эволюцию западно-европейских обществ и, в частности, интересующийся тем фазисом ее, который обозначается термином «разложение феодального строя», с особенным вниманием должен отнестись к восстанию, поднятому английским крестьянством в июне 1381 года и по имени одного из своих вождей названному восстанием Уота Тайлера, видя в нем центральный пункт, вокруг которого сосредоточиваются едва ли не все вопросы, входящие в область его специального изучения, в их конкретной, английской оболочке.

Восстание ярким светом освещает жизнь английского общества, как она сложилась к концу XIV века, и ее основные интересы, как они к этому времени определились в разных его группах, и является поэтому весьма удобным отправным пунктом для изучения эволюции этого общества, которое переживало в XIV веке острый социальный кризис, знаменовавший решительный переход его к новым формам хозяйственного и социального существования.

Восстание 1381 года являлось главным образом протестом английского крестьянства против главных устоев феодального порядка с его социальной и экономической стороны. Крестьянская масса принесла в восстание определенную социальную программу, была воодушевлена определенными социальными идеями. Выяснить возникновение этой программы, понять генезис этих идей значит изучить тот сложный хозяйственный и социальный процесс, который развивался в средневековом английском обществе и, разрушая его старые хозяйственные и социальные формы, тем самым вводил его в новые формы и общественного бытия, и общественного сознания.

Исследование восстания 1381 года превращается, таким образом, в исследование процесса разложения поместной организации и сословного строя, характерных для средневековой Англии в такой же мере, как и для всей средневековой, феодальной Европы. Интересы исторической науки, как науки об индивидуальном, о конкретном, переплетаются здесь самым тесным образом с интересами ее, как науки об общем, и изучение индивидуального явления английской социальной истории превращается в изучение процесса разложения феодального строя на Западе Европы. Только сохраняя характер науки о конкретном, может историческая наука приходить к общим научным результатам. Только в индивидуальном, конкретном познается исторической наукой общее, а не каким-либо иным путем.

Таковы те общие соображения, которые определили характер работы автора о восстании 1381 года и дали направление его изысканиям в области печатного и рукописного материала, который ему приходилось изучать, с од-

ной стороны, в русских университетских библиотеках, а с другой,—в Британском Музее и в Государственном Архиве (Public Record Office) в Лондоне, в конце восьмидесятых и в конце девяностых годов истекшего столетия.

Работа эта является теперь перед читателем в новом, переработанном виде. Первоначально она состояла из двух частей. Первая ее часть вышла в 1897 году (предварительно печаталась в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1896—97 годах) и была магистерской диссертацией автора, вторая — в 1901 году и была его докторской диссертацией. В 1904 году она была награждена Академией Наук большой премией митрополита Макария (см. «Отчет о X присуждении премии митрополита Макария», рецензию П. Г. Виноградова). Совершенно заново написана теперь глава, посвященная характеристике основ мэнориального строя (глава III). Она стала значительно больше, и основные точки зрения автора на существо феодализма и поместного строя более отчетливо формулированы в ней и более обстоятельно обоснованы. В связи с этим произведены соответствующие изменения и в остальных главах. В частности, опущен весь первый отдел последней главы второго тома (теперь глава шестая), где дана была общая характеристика хозяйственного строя мэнора и был сделан очерк экономических и социальных идей средневековой католической церкви. Историографические экскурсы, в интересах цельности работы и отчетливости изложения, сведены к минимуму, и благодаря этому вся большая первая глава первого тома («Восстание Уота Тайлера в ученой литературе») и около тридцати страниц последней главы второго тома, посвященных разбору мнений P. Dutaillis'a, Пэджа и Тревельяна о восстании 1381 года, заменены в новом издании всего лишь шестью с чем-то страницами, посвященными вопросу о феодальной реакции второй половины XIV века в научной литературе. По тем же соображениям сокращена вторая глава первого тома, посвященная анализу летописной традиции и даже вынесена в *Приложение*, где читатель и найдет главные результаты этого анализа. В интересах той же ясности и отчетливости изложения подведены итоги четвертой главе (нового издания) и прибавлено к книге общее *Заключение*, которое должно возможно рельефнее подчеркнуть тесную, неразрывную связь восстания 1381 года с процессом разложения феодального строя в Англии и вместе с тем дать общую схематическую картину этого процесса.

Москва, 1 декабря 1913 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОПИСАНИЕ ВОССТАНИЯ

Семидесятые годы XIV столетия приближались к концу. Столетняя война, когда-то доставившая английскому оружию столько блестящих триумфов, превратилась в тяжкое бремя, истощавшее страну. Времена Кресси и Пуатье были уже далеким прошлым, английские войска терпели одно поражение за другим, и французские владения английского короля безостановочно сокращались. Одна экспедиция была неудачнее другой; но ни правительство, ни парламент и думать не хотели о мире с Францией и облагали народ все новыми и новыми налогами на военные нужды. Недовольство и раздражение все усиливались, тем более, что военные неудачи шли рука об руку с неурядицами и злоупотреблениями во внутреннем управлении.

В ноябре 1380 года, в четвертый год царствования Ричарда II, парламент, заседавший в Нортгэмптоне, разрешил королю поголовный налог (the Poll tax) на содержание войска, находившегося с графом Бэккингэмом в Бретани и для защиты королевства, и для охраны его со стороны моря [1]. Каждое светское лицо, как мужчина, так и женщина, не моложе пятнадцати лет, за исключением настоящих нищих, должно было внести три грота (т.-е. шиллинг, так как грот равнялся 4 пенсам). Люди состоятельные (les suffisantz) могли при этом помогать людям менее состоятельным (les meindres); но платить больше шестидесяти гротов и меньше одного грота за себя и за жену не позволялось. Таким путем парламент рассчитывал собрать сто тысяч фунтов стерлингов. Две трети этой суммы должны были быть собраны к празднику св. Гилярия (13 января 1381 года), остальная треть — к празднику Пятидесятницы (2 июня 1381 года). Сборщиками налога и контролерами должны были явиться достаточные лица (suffisantz persones) как в сельских округах, так и в городах и местечках, не присутствовавшие в парламенте, разрешившем налог; они должны были принести присягу в том, что будут добросовестно и в согласии с законом исполнять возложенную на них обязанность [2].

За последние четыре года это уже был третий поголовный налог, и притом самый тяжелый, всею тяжестью ложившийся на самые несостоятельные классы английского общества. Налог 1377 года брал с каждого плательщика лишь по одному гроту (4 пенса), а налог 1379 года очень принимал во внимание платежные силы индивидуума и, беря с герцога Ланкастерского 6 ф. ст. 13 шил. и 4 пенса, с рядового рабочего человека (laborarius) требовал не больше одного грота. Нельзя сказать, чтобы и поголовный налог, разрешен-

ный правительству нортгэмптонским парламентом, игнорировал имущественные различия плательщиков; но он принимал их во внимание в слишком общей форме, и в целом ряде бедных деревень и вовсе не оказывалось «достаточных» людей, которые могли бы облегчить платежное бремя менее «достаточных», и каждому из их жителей приходилось платить по целому шиллингу. В общем налог 1380 года всею тяжестью лег на самые несостоятельные элементы английского общества, не говоря уже о том, что, как и предшествовавшие ему поголовные налоги, он, в отличие от налогов чисто феодального типа, падавших на землю и лишь через посредство связанной с землей социальной структуры соприкасавшихся с индивидуумом, ставил каждого индивидуума в непосредственное соприкосновение с агентами государственной власти и тем открывал перед этими последними возможность самого широкого произвола и злоупотребления.

Число сборщиков, назначенных для каждого графства, было невелико; но им был дан довольно многочисленный штат помощников (subcollectores), и, кроме того, им должны были помогать констэбли деревень и мэры или бэйлиффы городов. В каждой деревне и в каждом городе они должны были выяснить число всех достигших пятнадцатилетнего возраста, собрать следуемую с них сумму налога и составить подробный отчет для государственного казначейства, заключающий в себе поименный список всех плательщиков, цифры внесенного каждым из них налога, а также общую цифру плательщиков и общую сумму внесенного ими налога.

Ко второй половине февраля 1381 года сборщики закончили всю свою работу: составили списки подлежавшего налогу населения, собрали весь налог и, согласно постановлению нортгэмптонского парламента, две трети собранных денег вместе с отчетами доставили в казну. Подсчет полученного сбора разочаровал и встревожил правительство: оно рассчитывало получить гораздо больше, опираясь на данные налоговых списков 1377 и 1379 годов. И было от чего прийти в изумление и беспокойство. Сравнительно с данными списков 1377 года население Англии к началу 1381 года, если судить по спискам, полученным правительством теперь, оказалось уменьшившимся на целую треть. В каждом графстве число жителей, подлежавших уплате поголовного налога, было показано в поразительно малых цифрах. А между тем за последние пять лет Англия ни разу не страдала ни от чумы, ни от голода, ни от вражеского нашествия [3]. Все это показалось правительству крайне подозрительным, и оно решило немедленно принять меры для разъяснения дела и для соответствующего пополнения собранной суммы.

16 марта 1381 года от имени короля был разослан по графствам приказ, в котором король сообщал, как о вполне установленном факте («satis patet per veras et notabiles evidencias»), что сборщики поголовного налога в три грота, разрешенного на нортгэмптонском парламенте магнатами и общинами королевства, щадя многих лиц каждого данного графства («parcentes pluribus personis dicti comitatus»), одних не внесли в списки преднамеренно, а других по небрежности или покровительству им («quasdam voluntarie et quasdam negligenter vel favorabiliter omiserunt»), благодаря чему большая часть этой субсидии в каждом данном графстве вследствие небрежности и упущения сборщиков была укрыта от короля («sic quod magna pars ejusdem subsidii in comitatu predicto per negligentiam et defectum ipsorum Taxatorum et Col-

lectorum a nobis est cancellata et detenta»), и назначал в каждом графстве комиссию из нескольких лиц, которые должны объехать каждое данное графство и проверить податные списки, представленные в Палату Шахматной Доски сборщиками поголовного налога в три грота, путем тщательного выяснения численности населения каждого города и деревни в пределах каждого данного графства и взыскать налог со всех уклонившихся от него с правом всякого, кто вздумает противиться их требованиям, арестовывать и заключать в тюрьму [4].

Комиссии деятельно принялись за выполнение данного им поручения. Подозрения правительства нашли полное подтверждение. Окончательно выяснилось, что население действительно спасалось от налогового бремени, уменьшая на целую треть цифру своей действительной численности и, при содействии или, по крайней мере, при попустительстве сборщиков, констэблей и бэйлиффов или мэров, составляя заведомо неполные податные списки. Оказалось, что, например, в графстве Норфольк не попало в списки около 8.000 человек, а в графстве Сэффольк в течение нескольких недель было обнаружено комиссией не больше и не меньше, как 13.000 уклонившихся от уплаты гротов прежним сборщикам [5].

Современные хроникеры согласно отмечают жестокость и даже бесчеловечие, с каким комиссары производили расследование и взимали недоимки, утверждая, что они чинили народу многие утеснения и обиды («populum inhumaniter pro hujusmodi pecunia levanda tractantes, eisque plures injurias et molestias inferentes») [6], не щадя даже девичьей чести [7]. Раздражение в народе все росло, тем более, что на комиссаров он смотрел как на сборщиков нового налога, к тому же не разрешенного никаким парламентом, и приписывал появление их нечистым махинациям каких-то придворных дельцов, внушивших правительству мысль, что его обманули при сборе разрешенных ему гротов и что необходимо произвести расследование, и рассчитывавших сделать на этом хорошую аферу [8]. Не предвидя конца все новым и новым налогам и не будучи больше в состоянии выносить их бремя, народ, по словам современных хроникеров, стал думать об организованном сопротивлении [9].

Мысль эта впервые получила осуществление в Эссексе. В этом сходятся как летописные известия, так и судебные протоколы, взаимно дополняющие друг друга. Пунктом, где произошла первая вспышка, и те, и другие называют Брентвуд (Brentwood). Здесь в конце мая 1381 года производил расследование о сборе гротов посланный сюда комиссар Томас Бэмптон (Bampton). Он велел собрать к себе жителей соседней рыбацкой деревушки Фоббинг (Fobbing). Среди них был хлебник Томас, который был одним из сборщиков поголовного налога в этой местности. Хлебник сказал своим односельчанам: «Им недостаточно того, что уже было собрано; они пришли собирать новый налог. Если бы меня поддержали, я бы дал им отпор» [10].

Мысль Томаса встретила сочувствие. Жители Фоббинга заявили Бэмптону, что они не станут платить ни одним пенни больше того, что они уже прежде заплатили сборщикам. Бэмптон стал грозить крестьянам жестокою расправой. Тогда к жителям Фоббинга присоединились жители соседних деревенек Кэррингэм (Curringham) и Сэмфорд (Samford), справедливо видя в деле фоббингцев и свое собственное дело, вступили в соглашение между собою и, вооружившись луками и стрелами, явились к Бэмптону и дали ему категори-

ческий ответ, что они не только не будут платить денег, которые он с них требует, но и вовсе не желают иметь с ним дела. Бэмптон имел неблагоразумие пригрозить им арестом и тюремным заключением и принужден был со всеми своими помощниками поспешно бежать в Лондон, спасая свою жизнь от рук раздраженного народа [11]. Это произошло в последних числах мая 1381 года.

Движение стало быстро распространяться. Организация, возникшая впервые в Фоббинге, а затем включившая в себя жителей Кэррингэма и Сэмфорда, все больше и больше расширялась. Жители названных деревень разослали своих людей в соседние села, прося у них помощи и совета, приглашая их присоединиться к ним для защиты общего дела. Вновь присоединившиеся к союзу деревни посылали к своим соседям, и восстание захватывало все больший и больший район [12].

Получив известие о беспорядках, правительство послало в Эссекс судебную комиссию с сэром Робертом Белкнэпом (Belknap), главным судьей Суда Общих Тяжб, во главе. Комиссия приступила к разбирательству. С помощью присяжных ей удалось узнать имена лиц, участвовавших в беспорядках. Оставалось арестовать обвиненных. Но тут Белкнэпу пришлось убедиться, что он имеет дело не с обычным в его судебной практике инцидентом. К нему явилась толпа народа, обозвала его изменником королю и королевству, заставила его поклясться на Библии, что он никогда больше не будет участвовать в таких комиссиях, и потребовала, чтобы он объявил ей имена присяжных, составлявших списки обвиняемых. Присяжные, не успевшие скрыться, были немедленно обезглавлены, дома их были разрушены. Белкнэп едва спасся бегством. Восстание разгоралось. Чиновники Бэмптона попали в руки восставшим; им сняли головы и понесли на кольях [13].

Силы восставших увеличивались. Если прежде они вербовали себе сторонников мирными средствами и под покровом тайны, то теперь тактика их совершенно изменилась. Они стали рассылать своих агентов во все концы Эссексского графства с требованием, чтобы все, вооружившись, чем кто может, являлись к ним, не медля; ослушникам грозили смертью, сожжением или разрушением домов и расхищением имущества [14]. Крестьяне бросали полевые работы, оставляли жен и усадьбы и спешили на зов восставших [15]. Скоро их собралось до пятидесяти тысяч человек [16]. Местные крупные сеньеры и другие значительные люди бежали в Лондон и в другие графства, ища спасения от рук восставших [17]. Пестрота вооружения крестьянского войска дала современным летописцам материал для сатирических выходок как в прозе, так и в стихах. «У одних (из крестьян) были только палки, у других — покрытые ржавчиной мечи, у некоторых — бердыши, а у иных — луки, ставшие от дыма желтее старой слоновой кости, и по одной стреле, в большинстве случаев с одним только пером; и (вот с таким оружием) они явились завоевывать королевство» [18]. Топоры, серпы, вилы и молоты служили им вместо шпаг и мечей [19]. Восставшие разгромили дом эссексского шерифа Джона Сьюэла (Sewall) в Coggeshall'е и унесли более тысячи марок казенных денег [20]. Финансовый чиновник (escheator) Джон Юэль (Ewell) поплатился жизнью, а дом его подвергся разграблению [21]. Отряды восставших переходили из одной местности в другую, нападали на усадьбы духовных и светских землевладельцев, уводили скот, уносили имущество и беспощадно жгли

документы в виде протоколов поместных судов, описей крестьянских повинностей и других показателей крестьянской несвободы [22]. Так, они проникли в Coggeshall'ское и Stratford'ское аббатства, унесли отсюда разное имущество, а также cartas, scripta et alia munimenta, то-есть всякого рода юридические документы [23]. Не избежали общей участи и поместья матери короля, вдовы Черного Принца: и здесь «к величайшему поношению нашему и соблазну» («in nostri maximum vituperium et scandalum»), как выражается король в своем патенте, восставшие разграбили, разрушили и сожгли дома, а также предали пламени libros, rotulos, cartas, scripta et alia munimenta [24]. В особенности много народа явилось к поместью магистра госпитальеров (иерусалимского ордена иоаннитов) Cressyngtemple, или просто Cressyng (Крессинг), близ Лондона. Здесь, по словам хроники, был собран большой запас съестного и всего необходимого для главного капитула ордена, а также большое количество прекрасных материй, сукон из Арраса, вин и иных предметов для братии-рыцарей. Толпа ворвалась в усадьбу, съела всю провизию, выпила три бочки вина, разграбила и разгромила поместье, причинив ордену большой урон [25]. Разгром этот происходил в понедельник после Троицы, 10-го июня. В нем принимал участие и один из представителей местной администрации, бэйлифф Ганингфилдской сотни; он явился сюда во главе жителей трех поселков, составлявших названную сотню, которых, по словам обвинительных присяжных, он повел на Крессинг будто бы «вопреки их желанию» [26]. Этот бэйлифф был одним из главных вождей и организаторов эссексского восстания после того, как оно из Брентвуда распространилось по всему Эссексу. Из документов мы узнаем, что он послал своего слугу к мировым судьям Эссексского графства с приказом под страхом смерти явиться с восходом солнца в приходскую церковь села Magna Badewe, где они встретят самого бэйлиффа во главе местного ополчения и вместе с ним пойдут на графа Бэккингэма и других, чтобы перебить их и сжечь их дома. В назначенный день бэйлифф собрал крестьян из пяти селений, прилегавших к лесу в Ретингдоне, и заставил их поклясться, что они «пойдут войною на короля» [27].

Постепенно отдельные отряды восставших присоединялись к основному ядру, и вся многотысячная масса двинулась к столице, громя и сжигая по дороге усадьбы судей, адвокатов, присяжных, представителей администрации, самих владельцев предавая смерти или заставляя присоединяться к восстанию.

Такими чертами рисуется нам эссексское движение, возникшее из сопротивления сборщикам поголовного налога и превратившееся в восстание народной массы против представителей королевского суда и администрации и против крепостного права.

Движение очень скоро перешло границы Эссексского графства. Летописцы сообщают нам, что эссексцы, начав восстание, разослали своих посланцев в Кент, Сэффольк и Норфольк, приглашая жителей этих графств восстать вместе с ними, чтобы соединенными силами добыть свободу и «изменить худые обычаи в королевстве» [28]. Первым известным нам пунктом, в котором эссексцам удалось поднять жителей Кента, было кентское селение Erith, в близком расстоянии от Эссекса. Erith можно с полным основанием назвать передаточным пунктом движения: таким он является в хрониках [29], таким рисуют его и документы. Из протоколов судебной комиссии, разъезжавшей

Московская Губернская Центральная Библиотека
15702

по Кентскому графству после подавления восстания, мы узнаем, что некий Абель Кер (Abel Ker) из Erith'a вместе с Джоном Эйлуордом (Eylward) из Erith'a, Ричардом atte Frythe из Lessness'a и сапожником Джоном Янгом (Yonge) из Erith'a, «согласившись между собою, предательски восстали против короля и его парода» и, собрав толпу, в воскресенье, 2-го июня, отправились в аббатство в Lessness (в соседстве с Erith'ом) и заставили аббата этой обители дать клятвенное обещание быть с пими заодно [30]. На другой день (в понедельник, 3-го июня) Кер и его сообщники (кроме упомянутых трех человек, названо еще несколько человек из Erith'a и из соседних мест) Темзой переправились в Эссекс, а на следующий день (вторник, 4-го июня) вернулись обратно в пределы Кентского графства вместе с отрядом эссексцев человек в сто и более, с ними двинулись к Дартфорду и подняли очень многих жителей этого города [31]. Восстание произошло здесь в среду (5-го июня). Толпа напала на дом Томаса de Shardelowe, главного коронера Кентского графства, захватила все хранившиеся у него казенные документы и сожгла их на городской площади [32].

Восстание в Кенте напоминает ряд вспыхивающих в разных местах огоньков, которые постепенно сливаются в одно большое пламя, неудержимо разливающееся на все большее и большее пространство. Раз дан был толчок из Эссекса, не было надобности в особых поводах для того, чтобы отдельные огоньки вспыхнули почти одновременно. Тем не менее летописное предание сохранило нам рассказ о самостоятельном поводе, вызвавшем восстание в Кентском графстве, и даже не один рассказ, а целых два. Один из них, именно весьма популярный рассказ об оскорблении сборщиком поголовного налога дочери некоего кровельщика (tyler), мы считаем легендой и о ней ведем речь в другом месте *; другой более похож на правду, и мы его приведем здесь.

Один из королевских придворных, рыцарь Симон Бэрли (Burley) в сопровождении двух королевских сержантов (serjeants at-arms) в понедельник, 3-го июня, явился в Грэвзэнд (Gravesend) в Кентском графстве и потребовал, чтобы ему выдали одного из жителей города, которого он называл своим виллапом. Горожане стали просить рыцаря, чтобы он не настаивал на своем требовании, и предложили ему выкуп за виллана. Бэрли согласился на просьбу грэвзэндцев, но потребовал за освобождение виллана триста фунтов серебра. Повидимому, горожане дать такую сумму не нашли возможным, и виллан по приказанию Бэрли был арестован и отправлен в Рочестерский замок. Инцидент этот, весьма обычный в прежнее время, на этот раз произвел взрыв в наэлектризованной атмосфере. Жители Кента стали подниматься. Для расследования беспорядков король отправил в Кент судебную комиссию, которая должна была заседать в Кентербэри. Но заседать комиссии не пришлось, она встретила энергичный отпор со стороны населения Кентского графства, заставивший судей поскорее вернуться в Лондон [33].

Город Дартфорд сделался на время центром, куда направлялись отдельные элементы кентского восстания. Здесь произошло совещание у восставших, и они постановили, что никто из живущих в двенадцати милях от моря

---

* В первой части первого издания (1897 г.) этой нашей работы, стр. 141—149. См. также *Приложение*.

не может присоединяться к восставшим, но должен оставаться на месте и охранять берег от неприятелей. В стране,— было заявлено на совещании,— в настоящее время не один король, а несколько; этого нельзя допускать: никакого другого короля, кроме короля Ричарда, они иметь не желают [34]. Из Дартфорда восставшие двинулись по направлению к Кентербэри. В пятницу, 7-го июня, мы находим восставших кентцев в Мэдстоне (Maidstone). Здесь они разрушили и сожгли дом Уилльяма Torclyve'a и унесли найденного в нем разного имущества на тысячу марок [35], а также убили некоего Джона Стонгелда (Stonhelde) [36]. В тот же день они явились в Рочестер и здесь встретили большую толпу эссексцев. Вместе с ними они осадили Рочестерский замок и, хотя встретили сильное сопротивление со стороны гарнизона, во главе которого стоял сэр Джон Ньютон, взяли замок, освободили заключенных в нем и прежде всего грэвзэндского жителя, отправленного сюда сэром Симоном Бэрли [37]. По мере движения к Кентербэри силы восставших увеличивались: к ним присоединялись жители тех сотен и сел, через которые они проходили. Нередко они направляли восставших на тот или иной дом, на то или иное поместье, и те производили здесь разгром. Так, в сотне Чэтэмской в воскресенье, 9-го июня, восставшие, руководимые некиими Томасом Бергстэдом (Berghestede) и Робертом Прэтом (Prat) из села Джиллингэма (Gillingham), напали на усадьбу одного из обвинительных присяжных, некоего Томаса de Bedemanton в Джиллингэме, ворвались в его дом и захватили всякого рода документы («cartas, scripta et diversa memoranda»), а также разные другие вещи на сумму сто фунтов [38]. Эти Томас и Роберт были инициаторами восстания в Чэтэмской и Джиллингэмской сотнях [39]. В понедельник, 10-го июня, навстречу инсургентам вышли жители Фэверзэма (Faversham) под предводительством портного Джона Гарденера и повели их на дома некоторых из жителей Престона [40]. Восставшие не всегда ограничивались разгромом домов и усадеб ненавистных им лиц. Судебные протоколы сообщают нам о том, как некий Томас atte Raven из Рочестера вместе с другими схватил рыцарей Томаса Трайвета (Tryvet), Томаса Кобгэма (de Cobeham), Джона Френпингэма (Frennyngham), Якова Пекгэма (de Pekham) и многих других из Кентского графства и подверг их заключению, чтобы заставить их дать клятву, что они присоединятся к их сообществу [41]. Инсургенты останавливали всех богомольцев, шедших из разных концов Англии в Кентербэри, чтобы поклониться гробу Фомы Бекета, или возвращавшихся уже домой, и заставляли их давать им клятву, что они будут хранить верность королю Ричарду и общинам, не станут признавать королем никакого Джона, явятся к ним по первому требованию, привлекут на свою сторону своих соседей и никогда не допустят, чтобы в королевстве взимался какой-либо иной налог, кроме пятнадцатой деньги («nisi quintaedecimae»), которую только и знали их отцы и деды [42].

В понедельник, 10-го июня, стали подниматься жители сотен Бленгетской (Blengate), Тенгэмской (Tenham), Уингэмской (Winggham), Кингэмфордской (Kynghamford), Крэнбрукской (Cranebrook), Тендерденской (Tenderden) и Лонгбриджской (Longbridge). Жителей Бленгетской сотни поднял косец (mowere) Джон Leuesnoth. Крестьяне Тенгэмской сотни с некиим Ричардом Frere из Milton'ской сотни ворвались в тенгэмскую усадьбу, захватили найденные здесь документы, именно протоколы вотчинных судов (rotulos curiae) и рен-

тали (rentalia), а также другие документы, и предали их сожжению. Кингэмфордцев поднял некто Ричард de Denne, который явился агитатором и в других селах («fecit proclamationem de villa in villam»). Жители Крэнбрука (Cranebrook) вместе с жителями Тендердена, которых возмутил некто Джон de Beaghedenn из Крэнбрука, отправились в селение Аппелдор (Appledore) и вместе с жителями этого последнего произвели здесь разгром домов Уилльяма Горна (Horne) и Уилльяма Blosme, повидимому местных сеньеров, предварительно разгромив дома этих же лиц в Тендердене. Организатором восстания в Аппелдоре явился некто Уилльям (Willelmus de Apoldre), который на другой день после разгрома увел с собою некоторых аппелдорцев, заставив их присягнуть общему делу («et eos jurare compulsit ad eundum in comitiva sua»). Во вторник, 11-го июня, крэнбрукские инсургенты под предводительством плотника Джона Финча (Fynch) вместе с некоторыми из Тендердена сделали нападение на усадьбу приходского священника в Стэпелгэрсте (Staplehurst). В тот же день жители Лонгбриджской сотни напали на усадьбу финансового чиновника Джона Брода (Brode) в Mersham'е и истребили найденные здесь податные списки («et Rotulos escaetorie domini Regis de...grosse domino Regi concessi dum predictus Johannes fuit escaetor felonice fregerunt»). На следующий день восстали и жители Mersham'а; их подняли их односельчане Уолтер Мэтью (Mathewe) и Джон Sauere и повели на соединение с инсургентами из других мест [43].

Сильно увеличившаяся вследствие присоединения к ней отрядов из названных местностей главная масса кентцев с Уотом Тайлером из Эссекса Walter Tegheler de Essex), которого, по словам анонимного хроникера, они сделали своим вождем и руководителем («fieront leur chieftaine... pur les meinteyner et conceller»), Джоном Гелзом из Mallyng'а (Johannes Halis de Mallynge) и Уилльямом Гоукером (Willelmus Hauker) в тот же понедельник, 10-го июня, вступила в Кентербэри [44]. Фруассар утверждает, что кентербэрийцы очень обрадовались их приходу [45]. Немедленно восставшие сделали нападение на Кентербэрийский замок и освободили заключенных в нем лиц. Живший в Кентербэри шериф Кентского графства Уилльям Сентванц (Septwantz), под угрозою смерти, должен был принести им клятву верности («eis jurare fecerunt») и выдать им все хранившиеся у него документы «libros videlicet rotulos placitorum Comitatus et Corone domini Regis et brevia quecumque domini Regis sub custodia ipsius vicecomitis existentia», которые в тот же день были сожжены на городской площади [46]. Толпа ворвалась в помещение городского управления (pretorium), освободила лиц, сидевших здесь в заключении [47], и заставила мэра, бэйлиффов и кентербэрийских горожан дать клятву верности королю Ричарду и верным общинам Англии [48]. Дома некоторых из горожан подверглись разгрому и в числе их дома коронера Уилльяма Медменгэма (Medmendham) и рыцарей Ричарда de Hoo и Томаса Фога (Fog). а также Роберта Шермэна (Scherman); в доме этого последнего толпа разбила ящики, в которых хранились разные документы, а самые документы унесла, взяв предварительно с владельца их выкуп в размере десяти марок [49]. Трое горожан было убито по указанию самих кентербэрийцев [50]. Явившись в аббатство Фомы Кентербэрийского (Фомы Бекета), резиденцию примаса Англии, восставшие ворвались во дворец архиепископа, достали бочки с вином, хранившиеся в его погребах, часть его выпили, а остальное розлили

по полу; проникнув в покои архиепископа, они, по словам Фруассара, стали ломать и выбрасывать из комнат богатую обстановку примаса, заявляя, что они потребуют от архиепископа Симона Сэдбэри (Sudbury), канцлера королевства, отчет в доходах Англии и в тех больших суммах, которые он собрал со времени коронации короля [51]. По словам анонимного хроникера, толпа в 4.000 человек вошла в собор, когда там шла обедня, и закричала монахам, чтобы они приготовились избрать нового архиепископа, потому что Симон Сэдбэри — изменник и должен быть обезглавлен [52]. Не избежало разгрома и аббатство св. Винцента [53].

На другой день (вторник, 11-го июня), присоединив к своему отряду многих из кентербэрийцев [54], кентские инсургенты оставили город и двинулись по направлению к столице, «увлекая за собою всех жителей деревень направо и налево», «подобно буре разрушая дома адвокатов и прокуроров королевского суда и суда архиепископа и никому не давая пощады» [55]. По дороге они еще раз зашли в Мэдстон (вспомним, что в первый раз они были в Мэдстоне, отправляясь в Кентербэри), разбили здесь тюрьму архиепископа кентербэрийского, освободили всех заключенных («против их воли», «contra voluntatem suam», прибавляет судебный протокол) и увлекли их за собой [56]. В числе заключенных в архиепископской тюрьме находился, по словам Найтона, и капеллан сэр Джон Болл, знаменитый проповедник, пользовавшийся великою славой и уважением среди народа, который видел в нем пророка, бесстрашно обличавшего неправду сильных мира сего, как светских вельмож, так и в особенности духовных сановников, официальных охранителей «Божьего Закона» (Goddislowe) на земле; по распоряжению архиепископа кентербэрийского он неоднократно подвергался проклятию во всех церквах королевства Англии, но не прекращал своих обличений и даже не щадил при этом самого верховного первосвященника, отзываясь о нем совершенно нестерпимым для благочестивых ушей образом («sinistra et piis auribus detestanda»); тогда, при содействии королевской администрации, он был схвачен и посажен в архиепископскую тюрьму в Мэдстоне; при этом, по словам сент-албанского монаха, он предсказал, что двадцать тысяч друзей освободят его из темницы [57]. Болл немедленно стал одним из главных вождей восставших рядом с Уотом Тайлером, Джоном Гелзом и Уилльямом Гоукером и своими пламенными речами воодушевлял народные толпы.

В среду, 12-го июня, накануне праздника Тела Христова полчища восставших кентцев подошли к Блэкгизсу (Blackheath), покрытой лесом возвышенности в трех милях от Лондона. По словам одних летописцев, здесь собралось их до пятидесяти тысяч человек [58], по словам других—до ста тысяч [59]. Перед ними развевались два больших знамени св. Георгия и сорок малых знамен. Здесь должно было произойти их свидание с королем. Король накануне из Уиндзора отправил к ним посланцев, чтобы узнать от них, из-за чего они восстали. Они отвечали, что поднялись они для того, чтобы спасти его и истребить изменников ему и его королевству («que ilz leueront en salvacione de luy et pur destroyer les traytors a luy et a la Roialme») [60]; они жаловались на те тягости, какие терпит простой народ благодаря налогам и притеснениям знати [61]; по словам Фруассара, они уверяли короля в своей преданности и заявляли, что все, что они делают, они делают для него; в течение целого ряда лет,— говорили они,— королевством английским дурно

управляли; от этого страдала честь королевства, и много терпел простой народ; во всем этом виноваты дядья короля и духовенство, в особенности архиепископ кентербэрийский, канцлер королевства; у него они хотят потребовать отчет [62]. Король послал сказать им, что все, согласно их желанию, он исправит, что требует исправления в государстве, и согласился явиться к ним на следующий день на Блэкгизс [63]. В тот же вторник король поспешил вернуться в Лондон. Ему навстречу выехал лондонский мэр с группой более видных горожан и проводил его в Тауэр, куда вместе с ним укрылись его родственники, сановники и придворные. Но прежде чем следить за дальнейшими действиями главной массы кентских инсургентов, посмотрим, что происходило в это время в тех частях Кентского графства, которые до этого времени еще не были затронуты движением.

Еще во вторник, 11-го июня, началось восстание в сотне Уай (Wye). Поднято оно было здесь жителями Лонгбриджской сотни, которые из Mersham'a (где, как мы видели, они в этот же вторник разгромили усадьбу королевского чиновника Джона Брода и истребили хранившиеся у него податные свитки) явились в деревню Уилмингтон в приходе Bocton Уайской сотни и, сделав нападение на дом некоего Джона Колбронда (Colbrond), взяли найденные в нем так называемые «свитки зеленого воска» («rotuli viridae cerae»), то-есть податные списки, и предали их сожжению. В числе нападавших судебный протокол называет полицейского чиновника, констэбля Лонгбриджской сотни, некоего Томаса Стэйгэма (Steyham); эта же толпа разорила и голубятню (columbare) Колбронда [64].

Восстание немедленно распространилось по сотне Уай. Организатором его явился местный сквайр (armiger) Бертрам де Уилмингтон (едва ли не землевладелец той самой деревни Уилмингтон, где, как мы только что видели, отряд из Mersham'a разгромил усадьбу Джона Колбронда). На следующий день (в среду, 12-го июня) мы видим этого сквайра во главе отряда, производящего нападение на дом некоего Джона Лестера (Laycestre) в селении Уай (Wye); имущество Лестера было разграблено, а найденные при этом документы были брошены в огонь [65].

В четверг, 13-го июня, в праздник Тела Христова, по повелению Бертрама («per preceptum Bertrami de Wylmynton»), некто Томас Джеркин (Gerkyn) сделал оповещение («proclamacionem fecit»), чтобы все жители сотни Уай вооружались, чем кто может, и шли в ополчение; оповещение это собрало большую толпу народа. О дальнейших действиях Бертрама нам ничего не говорят протоколы, а летописные источники и вовсе о нем не упоминают [66].

В сотне Петэмской (Petham) восстание началось во вторник, 11-го июня. Вождями его явились некие Генри Алеин (Aleyn) младший и Джон Колин (Colyn), действовавшие здесь до первых чисел августа. 16-го июня они сожгли в Петэме так называемый custumale кентербэрийского архиепископа, то-есть писцовую книгу архиепископа, в которой были записаны обычные повинности его держателей в Петэме [67].

Чрезвычайно интересные данные сообщают нам судебные протоколы о восстании жителей острова Танета (Thanet). В четверг, 13-го июня, в праздник Тела Христова, в церкви св. Иоанна на острове Танете капеллан Уилльям, служивший в этой церкви, вместе с сакристаном той же церкви Джоном Тэй-

лором (Tayllour) и еще несколькими единомышленниками, «исполняя поручение Джона Рэкстроу и Уолтера Тайлера» («pro commissione Johannis Rakestraw et Walteri Tegheler») [68], сделали следующее оповещение: все и каждый из верных подданных короля («chescun home lige a nre Sr le Roi») под страхом смерти и конфискации имущества должны отправляться к дому коронера Уильяма Медменгэма (Medmenham), чтобы разрушить этот дом, взять и истребить все хранящиеся в нем документы, а самого Медменгэма предать смерти, если удастся его захватить. Немедленно собралась толпа человек в двести («et patriam ibidem ad numerum ducentorum hominum levare cogerunt») и отправилась к названному дому. Двери дома были выломаны, разбиты и опустошены ящики со всяким добром и унесены документы, относящиеся к должности коронера, а также податные списки Кентского графства за зеленою печатью; все эти документы были сожжены («et rotulos corone domini Regis tangent' et rotulos officii recepcionis Com' Kanc' de viridi cera ceperunt et felonice comburaverunt») [69].

Те же лица и в той же церкви сделали и другое оповещение: никто из держащих землю не должен отбывать повинностей и вносить обычных платежей, следуемых сеньерам; ослушникам этого приказа грозит смерть и конфискация имущества [70]. Та же группа лиц организовала налог для борьбы с сеньерами на всем протяжении острова Тапета («et ount ordeynes une taxacion estre paie pour maintenaunce de les ditz matieres encountre les Srs par tout lisle de Tent»); обложению почему-то не подлежали держатели кентербэрийского приората и города Кентербэри («forpris les tenauntz del Priorie de Caunterbirs et la franchise de Caunterbirs»).

Вернемся на Блэкгиз. Здесь в среду, 12-го июня, накануне праздника Тела Христова, расположились, как мы видели, кентские инсургенты с Уотом Тайлером, Боллом и другими своими предводителями. Силы их увеличивались вновь прибывшими. По словам сент-албанского монаха, Джон Болл произнес перед толпою патетическую речь на текст двустишия: «Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был дворянином?» («Whanne Adam dalfe and Eve span, who was thanne a gentil man?»)

В начале,— говорил Болл,—все люди были равны: такими они вышли из рук природы. Впоследствии нечестивые люди стали несправедливо угнетать своих ближних, и явилось рабство, противное воле божьей: если бы богу угодно было создать рабов, он бы еще в начале мира определил, кому быть рабом и кому — господином. Настал назначенный богом час сбросить иго долговременного рабства и получить давно желанную свободу. Болл убеждал своих слушателей действовать мудро, уподобляясь доброму хозяину, вырывающему плевелы на ниве своей, чтобы они не заглушали пшеницы. Прежде всего они должны перебить всех магнатов королевства, затем истребить законоведов, судей и присяжных и в заключение стереть с лица земли всех тех, кто может принести вред общинам. Только когда у всех их будет одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть, только тогда они будут наслаждаться миром и безопасностью.

Речь эта произвела сильное впечатление на народ и вызвала одобрительные крики: «Болл один достоин носить архиепископский сан; пусть он будет архиепископом и канцлером королевства; нынешний архиепископ — изменник общинам и королевству; его нужно обезглавить!»

Лондонский мэр Уилльям Уолуорс, с согласия олдерменов и общины города Лондона, отправил к восставшим олдерменов Джона Горна (Horn), Адама Карляйля (Carlylle) и Джона Фреша (Fresch), поручив им от имени короля и всего города сказать восставшим, чтобы они «не приближались к городу и не приводили в страх и замешательство короля и других сеньеров и сеньер, а также названный город, но чтобы во всем повиновались королю и оказывали ему должное уважение» [71]. Посольство это не имело успеха, на который рассчитывали. По словам обвинительного акта по делу о лондонских олдерменах, только что нами цитированного, посланные, вместо того, чтобы уговорить вождей инсургентов оставить свои намерения, вступили с ними в соглашение. Джон Горн, с согласия Карляйля, превысил свои полномочия. Отделившись от своих товарищей и приблизившись к тому месту, где толпа была расположена более густой массой («ubi spissius erant congregati»), он стал говорить вождям инсургентов «прелестные речи» («pulcris sermonibus»), приглашая восставших в столицу, уверяя их, что население столицы с ними заодно, что их примут там самым дружеским образом, как отец сына, друг друга, и снабдят их съестными припасами и всем необходимым в неограниченном количестве [72]. Обещания эти произвели на восставших ободряющее действие («hillares devenerunt») и утвердили их в их намерениях, прибавляет судебный протокол [73].

В Тауэре решили, что королю следует отправиться на Блэкгизс для свидания с восставшими. Было снаряжено несколько лодок. В одну из них вошел король со своим советом, в остальных разместилась его свита, и лодки поплыли по Темзе в направлении к Гриничу. Проезжая мимо королевского поместья Rotherithe (на правом берегу Темзы), они увидели огромную толпу народа. Это была часть инсургентов, спустившаяся с Блэкгизса навстречу королю. С берега раздался приветственный крик нескольких тысяч человек; казалось, все дьяволы преисподней были в их компании, замечает французский летописец. Советники короля были поражены ужасом. Архиепископ (канцлер) и приор госпитальеров (казначей королевства) стали убеждать короля не высаживаться на берег к этим «босоногим разбойникам» («nequaquam adire tales discaligatios ribaldos») [74]: ему может угрожать великая опасность, если он попадет в руки возбужденной толпи. Лодки повернули и унесли короля и его свиту обратно к Тауэру. Отъезд короля привел кентцев в сильнейшее раздражение. С криками «Измена! Измена!» они быстро двинулись к Лондону и вступили в предместье столицы — Саусуарк (Southwark) [75].

В тот же день десятки тысяч эссекских крестьян [76] подошли к Лондону с северо-восточной стороны и остановились в загородном месте Майл-Энд (Mile End), что возле ворот Олдгет [77].

Явившись в Саусуарк, кентские инсургенты разгромили тюрьму Маршалси (Marhalsea), освободили всех заключенных и присоединили их к своей толпе. В разгроме этом принимали участие и жители графства Сэррэй, в пределах которого находится Саусуарк; они поднялись с приходом кентцев; вместе с ними они разрушили дом Ричарда Имуорса (Imworth), заведывавшего тюрьмою Маршалси, а также дома присяжных и стряпчих [78]. В этот же день эссексцы произвели нападение на загородный дворец архиепископа кентербэрийского в Ламбесе (Lambeth). Все найденные во дворце книги, документы, географические карты (mappae), одежды и многие другие пред-

меты, принадлежавшие примасу Англии, были брошены в огонь; толпа разбила бочки с вином, хранившиеся в погребе архиепископа, сколько могла выпила из них, остальное разлила по полу; в заключение вся кухонная утварь во дворце была переколочена («singula coquinae vasa adinvicem collidentes fregerunt»), и с криками торжества народ оставил резиденцию архиепископа [79].

В ту же ночь в одной из комнат Тауэра архиепископ Симон Сэдбэри (Sudbury) в присутствии некоторых магнатов, рыцарей и других придворных «по некоторым известным причинам» («quibusdam certis de causis») возвратил королю большую королевскую печать, которую он хранил у себя, пока занимал пост канцлера королевства [80].

Лондонский мэр Уильям Уолуорс (Walworth) с согласия городского совета приказал запереть все ворота столицы и издал повеление, чтобы все олдермены вооружились вместе с обывателями своих участков и сторожили ворота и другие выходы, не пуская в город инсургентов [81]. Распоряжение мэра не предотвратило, однако, сообщения между восставшими и столицей. По словам судебного протокола, в эту ночь олдермен Джон Горн принимал у себя в доме многих из главных вождей восставших и в числе их Томаса Гоукера (Hawker), Уильяма Ньюмэна (Newman) и Джона Стерлинга (Sterlyng) [82]. Показания летописцев еще более определенного свойства. «Мэр лондонский и олдермены, — говорит сент-албанский монах, — боясь за город, постановили запереть ворота, но простонародье города, и в особенности беднейшие, сочувствуя крестьянам, воспрепятствовали мэру запереть ворота, употребив в отношении к нему силу и угрожая ему смертью, если он вздумает попытаться сделать это. Таким образом, всю эту ночь, т.-е. канун праздника Тела Христова, негодяи пользовались свободным входом и выходом» [83].

Между тем в Тауэре еще не теряли надежды, что все может прийти к мирному окончанию. Утром следующего дня от короля и его совета был послан к восставшим пекто Джон Блайтон с поручением уговорить народ не приближаться к столице («ut ad civitatem non appropinquarent»). Блайтон добросовестно выполнил поручение, но успеха не имел [84]. Судебный протокол, сообщающий нам об этом посольстве, объясняет неудачу его тем, что одновременно с Блайтоном к восставшим кентцам поехал олдермен Джон Горн с совсем иными целями: он повез им знамя с королевским гербом и должен был еще раз передать вождям их приглашение вести свои отряды в столицу, где они найдут полное сочувствие и содействие [85].

Как бы то ни было, только в то же утро (четверг, 13-го июня, праздник Тела Христова) огромные толпы жителей Кентского графства вместе с жителями графства Сэррэй, с Уотом Тайлером, Джоном Боллом, Аланом Тредером (Thredere), Томасом Гоукером (Hawker), Джоном Стакпуллом (Stakpull), Робертом de la Warde и многими другими вождями во главе, с распущенными знаменами, подступили к Лондонскому мосту (London Bridge). Им не долго пришлось ждать пропуска. По словам *Анонимной хроники*, восставшие из графства Сэррэй, под угрозой смерти, потребовали от стражи, охранявшей мост, чтобы она спустила цепь, которою был загорожен вход на мост, и требование это было немедленно исполнено [86]. Судебный протокол представляет дело несколько иначе: вход вовсе не был загражден, цепь вовсе не была натянута, и в этом виноват олдермен Уолтер Сайбил (Sybyle). По распоряжению мэра олдермен этот должен был охранять Лондонский мост, и он

стоял здесь вооруженный с ног до головы; вместо того, чтобы добросовестно исполнить свою обязанность, он не позволил запереть мост и отсылал от себя всех, кто приходил к нему на помощь, заявляя им, что кентцы — друзья их и короля и люди хорошие, что запирать от них ворота и делать им затруднения не следует [87]; а когда ему сообщили, что восставшие разбили королевские тюрьмы, произвели целый ряд убийств и разрушили «некий дом» возле Лондонского моста, то он заявил на это, что это следовало сделать еще двадцать лет тому назад («dixit quod ex hoc dignum est et dignum fuit everti per XX-ti annos elapsos») [88].

Кентцы вступили в город. В то же время через северо-восточные ворота вошли в Лондон эссексцы, стоявшие на Майл-Энде. По словам судебного протокола, их впустил олдермен Уильям Тонг (Tonge) [89]. Немедленно к толпам восставших присоединились жители столицы, и с криками «К Савою! К Савою!» [90] тысячи народа устремились к дворцу герцога Ланкастерского на Стрэнде. На пути они встретили торжественную процессию, устроенную черным и белым духовенством столицы, чтобы молить бога о ниспослании мира [91]; но она не остановила их.

Летописцы один перед другим выхваляют изящество, великолепие и богатство Савоя и в один голос говорят, что ничего, подобного ему, не было тогда во всем английском королевстве [92]. Здесь были собраны несметные сокровища герцога как в монете, так и в золотой и серебряной посуде, в ювелирных вещах, украшенных драгоценными камнями, и в богатейшем гардеробе, лучше которого не было ни у одного из королей христианского мира [93]. Дворец подожгли со всех сторон. Все эти богатства погибли. Все было изломано, изрублено, изорвано на мелкие куски, частью истерто в порошок и брошено в Темзу и клоаки. Никто, под страхом смерти, не смел присваивать себе чего-нибудь из этих драгоценностей [94]. «Тут можно было видеть вещь, неслыханную в наши времена («nostris seculis inauditam»), — замечает современный летописец: — толпа крестьян, видя перед собой массу драгоценностей, не осмеливалась похищать их воровскими руками, и если кто был замечен в воровстве, того без суда и следствия предавали смерти» [95]. Кто-то попытался было спрятать за пазуху кусок серебра, но сделал это неискусно, был пойман на месте преступления и брошен в огонь. «Мы ревнители правды и справедливости, а не воры и грабители»; такими словами, — передает другой современник, — напутствовали его его товарищи [96]. Свою ненависть к герцогу Ланкастерскому восставшие проявили еще особым образом. В гардеробе герцога они нашли особенно драгоценное одеяние его, так называемый на языке того времени «джэк» («quoddam pretiosissimum vestimentum ipsius, quale Jakke vocamus»). Вонзив в землю пику, они повесили на нее «джэк» и стали стрелять в него из луков, затем сняли и изрубили в куски своими мечами и топорами [97]. Той же участи не избежал бы и сам герцог, если бы он попался в руки толпе; но на свое счастье в этот момент он был далеко от Лондона: он находился на северной границе королевства и вел с шотландцами переговоры о мире.

Человек тридцать проникли в погреб герцога, разбили несколько бочек вина и стали пить его с песнями и шутками. Выйти во-время из погреба они уже не были в состоянии и погибли все до одного [98]. Автор *Анонимной хроники* сообщает дошедший до него слух, что инсургенты нашли во дворце

три бочки с порохом и, думая, что они наполнены золотом или серебром, бросили их в огонь; произошел взрыв и довершил разрушение великолепного здания [99]. Вместе с сокровищами герцога погибли и все хранившиеся во дворце его документы [100].

От Савоя толпа двинулась к Темплю. Это было помещение корпорации английских адвокатов и вместе с тем школа права, где подготовляли молодых людей к адвокатской деятельности. Темпль принадлежал приору госпитальеров, которым был тогда Роберт де Гелз, занимавший также пост казначея королевства. Некоторые его здания толпа разрушила до основания, с других только сняла черепицу; ящики, в которых хранились книги и документы корпорации, были разломаны, а сами книги и документы были изрублены топорами и сожжены на улице [101]. Находившаяся недалеко от Темпля тюрьма Флит (Fleet) была разбита, и все заключенные в ней были выпущены на свободу. Восставшие разгромили и сожгли и многие дома по соседству с тюрьмою, обезобразив красивую улицу Флитстрит (Fleetstreet) [102]. Разрушению и сожжению подвергались преимущественно дома присяжных (jurati), а сами присяжные, попав в руки толпе, немедленно предавались смерти; той же участи не избегли и многие адвокаты [103]. Источники сохранили нам несколько имен этих жертв народного негодования. Одного из стряпчих, Роджера Легата (или Леджета, Legat и Leget) (анонимный хроникер называет его grand cisorer и quest mauger) толпа вытащила из церкви св. Мартина (Saint Martins le Grand), где он искал убежища в главном алтаре, повлекла на Чипсайд и здесь обезглавила [104], а дом его в приходе св. Андрея на Голборне разрушила и сожгла [105]. Восставшие разбили тюрьму Ньюгет (Newgate) и Уэстминстерскую тюрьму и выпустили всех узников [106]; при этом, по словам мэмсбэрийского монаха, они взяли из Ньюгета железные цепи и отнесли в церковь францисканцев в нынешнем еврейском квартале Minories [107].

Летнее солнце клонилось к закату («in sequente noctis crepusculo»), когда толпа, совершив все только что описанное, двинулась к помещению рыцарей св. Иоанна (госпитальеров) в Клеркенуэлле (Clerkenwell). Убив оказавших ей сопротивление клириков, толпа ворвалась во двор приората, и начался разгром. Все вино, найденное в погребах братии-рыцарей, было выпито или розлито. Церковь, госпиталь и все остальные постройки были разрушены и сожжены и горели неугасимым огнем в течение целых семи дней [108]. Отсюда уже к почи толпа тысяч в двадцать, под предводительством Джэка Строу, направилась к поместью приора госпитальеров и казначея королевства, расположенному в двух милях от Лондона. Поместье называлось Гайбэри (Highbury). Только недавно приор выстроил здесь себе изящный дворец, названный в современной хронике вторым раем («quasi alterum paradisum») [109]. Дворец и все другие здания запылали. Наступившее утро застало здесь восставших занятыми делом разрушения: при помощи разных орудий они громили все то, что не легко поддавалось огню [110]; из Лондона к ним прибывали новые подкрепления [111].

В то время, как часть восставших отправилась к Гайбэри и здесь оставалась всю ночь, другая толпа, и, повидимому, самая многочисленная, расположилась на ночлег на Майл-Энде. В то же время третий отряд восставших занял площадь св. Екатерины возле Тауэра с намерением заставить короля выслушать и исполнить их требования [112]. По словам Фруассара, восставшие

заявляли, что они желают потребовать отчет у канцлера Англии и узнать, что сталось с теми большими суммами, которые были собраны в королевстве Англии в течение последних пяти лет, и если канцлер не представит удовлетворительного отчета, он худым кончит [113]. Занятие площади св. Екатерины имело, повидимому, характер настоящей осады Тауэра: восставшие даже перехватывали съестные припасы, которые везли по Темзе для королевского стола в Тауэр [114].

В пятницу утром (14-го июня) толпа, осаждавшая Тауэр, подняла сильный шум. Если король не явится к ним для собеседования,—заявляли восставшие,—и не выдаст им изменников и своих дурных советников «proditores et malos consiliarios suos», они разрушат Тауэр и перебьют всех в нем находящихся, не исключая и самого короля [115]. Король сделал попытку убедить осаждавших мирно разойтись по домам, обещая им прощение всех совершенных ими беззаконий и предлагая им письменно изложить их требования, чтобы затем удовлетворить их, насколько это будет полезно ему, им и всему королевству. Но попытка эта не имела успеха: когда посланный к ним королем рыцарь прочел им предложение короля, они увидели в этом предложении один лишь вздор и насмешку («ils dissoient que il ne fust forsque trifles et mockery») [116]. Королю не оставалось ничего другого, как согласиться на требование восставших и отправиться к ним для личных переговоров. Местом свидания был назначен Майл-Энд [117].

Ворота Тауэра были открыты, и из них выехал король в сопровождении своих родственников и небольшой свиты из рыцарей, оруженосцев и городских нотаблей столицы [118], направляясь к воротам Олдгет.

За королем последовали многие из находившейся у Тауэра толпы; но большинство их осталось на своем месте [119], и лишь только королевский кортеж проследовал мимо них, огромная толпа восставших ворвалась в Тауэр и с криками «Где изменники?» стала бегать по всем комнатам замка, разыскивая архиепископа, приора госпитальеров и других ненавистных им лиц [120]. По словам сент-албанского монаха, в Тауэре оставался гарнизон, состоявший из тысячи двухсот человек; все это были люди, весьма опытные в военном деле и храбрые; но тут они совсем потеряли присутствие духа: страх совершенно парализовал их, и они скорее походили на мертвецов, чем на живых людей; на них напал полный столбняк, и они с безжизненным спокойствием безмолвно глядели на то, как восставшие с палками расхаживали по комнатам замка, забрались даже в спальню короля и в спальню его матери, садились и даже ложились на королевскую кровать, отпуская при этом крепкие шутки; у матери короля они просили поцелуев; некоторые из крестьян подходили к воинам, иным грозили, а иных фамильярно трогали за бороды, предлагая им перейти на их сторону, заключить клятвенный союз и совместно с ними разыскивать изменников королевства [121].

Схватив одного из служителей архиепископа, толпа потребовала, чтобы он указал, где скрывается этот последний. Служитель привел инсургентов в капеллу. Здесь находился Симон Сэдбэри, только что перед тем отслуживший обедню в присутствии короля. Толпа обозвала примаса Англии изменником королевства («regni proditor») и разорителем простого народа («communis vulgi depraedator») и потащила его на холм возле Тауэра. Здесь толпа подняла ужаснейший крик, сравниваемый летописцем с завыванием подземных жите-

лей. Такой крик восставшие издавали всякий раз, как кого-нибудь обезглавливали или разрушали чей-либо дом. Архиепископ, видя вокруг своей головы целый лес обнаженных мечей, сверкавших на солнце, попытался было образумить рассвирепевшую толпу и указал ей на опасность интердикта, грозящую Англии в случае его смерти; но толпа пришла в еще большую ярость, закричала, что не страшен ей папа, и не боится она его интердикта, и потребовала немедленной казни для изменника общин и королевства («qui falsus fuerat communitati et regni proditor»). Только восьмой удар топора прекратил жизнь архиепископа, отделив голову от его туловища [122].

Вместе с архиепископом на холме возле Тауэра (Tower-Hill) были обезглавлены приор госпитальеров и казначей королевства Роберт Гелз (Hales), а также Джон Лег (Leg), один из королевской свиты, которому приписывали мысль отправить комиссаров для ревизии сбора поголовной подати, францискапец Уильям Аппелдор (или Аппелтон) (Appledore и Appeltone), хирург герцога Ланкастерского и близкий к нему человек [123], и еще несколько лиц [124]. Толпа насадила головы казненных на пики и с торжеством понесла их по улицам столицы, громко восклицая: «Вот головы изменников!» Насладившись потехой, она выставила их на Лондонском мосту, как головы изменников; на голову архиепископа надели красную шапку и прибили ее ко лбу гвоздем [125].

После этого началась расправа с другими. Одним из первых пострадал богатый лондонский купец Ричард Лайэнс (Lyons). Этот Лайэнс был осужден Добрым Парламентом 1376 года за крупные мошеннические проделки, при помощи которых он вместе с лордом Латимером (Latimer) обирал государственное казначейство, и был заключен в тюрьму, но впоследствии был освобожден и восстановлен в своих правах помимо воли народа, который считал его и его союзника достойными виселицы [126]. Толпа ворвалась к Лайэнсу в дом, схватила его, потащила на Чипсайд и здесь обезглавила [127]. Всех встречавшихся на пути, толпа спрашивала: «Вы за кого?» («With whome haldes you?») И если спрошенный не отвечал: «За короля Ричарда и верные общины» («With Kinge Richarde and the true comons»), с него со страшным, каким-то особенным криком срывали шапку и отсекали ему голову [128]. Особенно много погибло в этот день фламандцев, на которых местное промышленное население давно уже ревниво глядело, как на своих привилегированных конкурентов. Толпа узнавала фламандцев по дурному произношению слов *хлеб* и *сыр* и не давала пощады никому, кто вместо bread (брэд) и cheese (чиз) говорил brot и cawse [129]. Многие из них искали убежища в церквах, но их вытаскивали оттуда, как и из их собственных домов, влекли на улицу и здесь обезглавливали, сваливая их тут же в кучи человек до сорока в каждой [130]. Толпа врывалась в дома ломбардцев и других живших в столице иностранцев и громила все, что ей попадалось здесь под руку [131]. Всякий, кто питал к кому-либо злобу или вражду, мог найти немедленное удовлетворение [132]; ему только стоило указать на такое лицо, и при громких криках толпы голова этого последнего катилась с плеч. Таким способом расправились со своими мастерами многие ученики [133], убежавшие от пих к восставшим, лишь только эти последние вступили в город [134]. Все, кто считал себя жертвой несправедливости, спешил восстановить свои права. По словам судебного протокола, олдермен Джон Горн, ведя за собою неисчислимую

толпу вооруженных людей, разъезжал верхом на коне и с развевающимся знаменем в руках по улицам столицы и всем желающим предлагал скорый и справедливый суд [135]. И желающие находились. К Горну, — показывают присяжные, — подошла некая Матильда Токи (Toky) и стала жаловаться ему на Ричарда Токи (Toky), торговца москательными товарами, заявляя, что этот Ричард незаконно завладел принадлежащею ей по праву наследования усадьбой. Немедленно же Джон Горн и вся его свита в сопровождении Матильды двинулись на Ломбардстрит (Lombardstreet), где находилась спорная усадьба. Здесь Горн, «присвоив себе власть, принадлежащую королю» («capiens super se regalem potestatem»), публично произнес приговор («dedit judicium aperte»), что Матильда должна завладеть усадьбой, и присудил в ее пользу все находившееся в усадьбе имущество в возмещение ее убытков [136]; таким образом, Ричард Токи и его наниматели (tenentes) были изгнаны, и во владение усадьбой вступила Матильда [137].

Лондонский житель Томас Фарндон (или Фарингдон; Farndon, Faryngdon), предводитель большой толпы восставших, подошел к королю, когда тот выезжал из Тауэра, чтобы отправиться на Майл-Энд, и обратился к нему с просьбой разрешить ему вступить во владение усадьбой, отнятою у него неким Ричардом Уэстоном (Weston), грозя в противном случае завладеть отнятым имуществом по собственной воле с помощью находившегося в его распоряжении отряда [138]. Последний способ действий — самый обычный, хотя и при этом восставшие не всегда считали удобным вполне обходиться без юридических формальностей. Так, некто Роберт Гулл (Hull), лондонский матрос (shiperman), в сопровождении толпы кентских и эссекских жителей, с распущенным знаменем ворвался в аббатство de Grace в предместье столицы и заставил аббата этого монастыря отправить вместе с ними в Лондон одного из монахов, чтобы ввести их во владение недвижимостью аббатства («ad seisinam dandam in diversis tenementis dictorum Abbatis et conventus») [139]. Восставшие врывались в дома и угрозами заставляли владельцев их давать им богатый выкуп за свою жизнь [140]. Пивовар Уильям Трумэн (Willielmus Treweman Brewere) остановил возле ворот Олдгет ехавшего с королем на Майл-Энд Николая Брембера (Brembre), схватив за узду его коня, и стал упрекать его за те несправедливости, которые тот причинил ему в бытность свою лондонским мэром [141]; вечером Трумэн с толпою восставших отправился в дом Брембера apud le Riole, приведя в великий ужас Брембера и его семью, и путем страшных угроз заставил его уплатить ему пять марок [142]. Другой пивовар, Уолтер atte Keye (Walterus atte Keye Brewere de Wodestrete), привел толпу народа к дому пивовара (brewere) Андрея Vernoun возле верфи св. Павла («apud Pouleswharf London»), силою ворвался в дом и грозил Андрею смертью, а его дому разрушением, пока тот не уплатил ему 3 шиллинга и 4 пенса [143]. Отсюда вместе с другими Уолтер отправился к Гилдголлу (Guildhall, ратуша) в приходе св. Лаврентия, в еврейском квартале Олд Джьюри (Old Jewry) («in veteri judaismo»), неся с собою огонь, чтобы поджечь Гилдголл и сжечь какую-то книгу, называемую *Le jubile;* книги этой они здесь не нашли и двинулись отсюда на улицу Милкстрит (Milkstreet), где помещалась счетная палата короля («computatorium domini Regis»). Инсургенты разбили палату, разломали все ящики и все искали «книгу об обычаях города Лондона, называемую *Le jubile*», чтобы сжечь ее, если она найдется, но все не находили ее [144]...

Восстание распространялось и на те из предместий столицы, куда оно еще не успело проникнуть, и здесь сопровождалось разгромом домов, сожжением документов, требованиями выкупа за жизнь [145].

Между тем король и его свита прибыли на Майл-Энд. Современный летописец так изображает это свидание короля с восставшими.

Король находился в смертельном страхе, уподобившись ягненку, попавшему в стадо волков («quasi agnus inter lupos»). На него угрюмо глядели тысячи суровых лиц. Ричард приветствовал толпу растерянно-заискивающим поклоном («suppliciter adoravit»). К нему подошло несколько человек и от лица остальных подали ему письменную петицию, весьма настойчиво требуя, чтобы он утвердил ее своими королевскими письмами («per Regis literas patentes»), заявляя при этом, что он не уйдет от них, пока не даст своего согласия на их требования [146].

Вот содержание этой петиции: «Все в пределах королевства Англии должны быть освобождены от всякого рода личной зависимости и рабства, так, чтобы впредь не было ни одного виллана.

«Всем своим подданным король должен простить всякого рода совершенные теперь против него преступления, как-то: восстания, измены, убийства и грабежи, захват чужих прав, вымогательства, и даровать им, всем и каждому, свой крепкий мир.

«Всем подданным короля должно быть даровано право свободно покупать и продавать во всех городах, местечках, селах, где производится торговля, и во всех других местах в пределах королевства Англии.

«Землю, которую прежде держали на вилланском праве, за службу, впредь должно держать исключительно за деньги, при чем с акра следует брать не более четырех пенсов; в тех же случаях, когда за акр взимали менее четырех пенсов, эта последняя плата не должна быть возвышаема» [147].

И много других предосудительных вещей («haec et plura alia praejudicialia») требовали они от короля, прибавляет летописец. В частности, Уот Тайлер от имени общин потребовал от короля выдачи им «всех изменников ему и закону» («toutz les traytores que uels fueront encontre luy ec la ley») [148].

Отклонив это последнее требование [149], король согласился на все остальное и, с своей стороны, предложил народу мирно разойтись по домам, оставив в Лондоне по два или по три человека от каждой деревни, которым и будут выданы грамоты за королевскою печатью, заключающие в себе все то, о чем просил его народ на Майл-Энде [150]. Эссексцам приятно было слышать это предложение,—говорит сент-албанский монах:—они уже устали от продолжительных трудов и соскучились по своим домам, женам и детям; и они решили удалиться, оставив некоторых из своих получать королевские грамоты [151].

Простившись с народом («licentia petita») [152], король в сопровождении своей свиты отправился обратно в Лондон. В тот же день, находясь в своем дворце Wardrobe (самом укрепленном пункте во всем Лондоне после Тауэра), король вручил графу Ричарду Аронделу (Arundel) большую печать на временное хранение [153]. Более тридцати клерков было засажено за изготовление королевских патентов, и эти освободительные грамоты за королевской печатью были переданы оставленным эссексцами депутатам и всем, кто их желал получить [154].

После удаления эссекских крестьян в Лондоне остались кентцы с Уотом Тайлером, Джэком Строу, Джоном Боллом и другими своими предводителями [155]. Французский хроникер насчитывает их более тридцати тысяч [156]. Наступила суббота (15-го июня), а они, по словам сент-албанского монаха, и не думали прекращать убийств, разгромов и пожаров, не менее свирепствуя, чем накануне [157]. Несомненно, среди восставших не мало было людей, воспользовавшихся восстанием с целью грабежа, самого беззастенчивого и непосредственного: стоит только вспомнить, что все тюрьмы были открыты, и преступники отпущены на свободу с клятвенным обязательством присоединиться к восставшим; несомненно, что все эти и другие паразиты восстания остались в Лондоне с уходом эссексцев, сообщив движению внутри города более резко выраженный хищнический отпечаток. Тем не менее едва ли прав Фруассар, утверждая, что все оставшиеся в Лондоне инсургенты не особенно много заботились о приобретении писем за королевскою печатью, но всецело были заняты мыслью о том, чтобы произвести в городе полное смятение, перебить сеньеров и богатых людей и разграбить их дома, и торопили своих предводителей приступить к разгрому богатого и могущественного Лондона прежде, чем явятся ополчения из других графств и перехватят у них золото, серебро и все богатства столицы [158]. Правда, об исключительно разрушительных намерениях оставшихся в Лондоне кентцев говорит в своей *Исповеди* и Джэк Строу, а с его слов и сент-албанский монах [159]; но программа Строу была программой лишь небольшой кучки самых крайних из участников восстания 1381 года, и судить по ней о намерениях десятков тысяч оставшихся в Лондоне кентцев мы не имеем права. Кентцы не были удовлетворены освободительною грамотой, выданною жителям Эссекса: они и бывшие в их сообществе хотели большего, хотя едва ли это большее рисовалось для всех них в одинаковых очертаниях. Вот в сущности и все, что мы пока можем сказать об их намерениях. Повидимому, между ними и королем было условлено, что король явится к ним на Смисфилд (площадь, где по пятницам продавали лошадей) («oú li marchiés des chevaulx est le venredy») [160], и они придут здесь к какому-нибудь соглашению.

Прежде чем отправляться на Смисфилд, король в сопровождении баронов и рыцарей и отряда лондонских горожан поехал в Уэстминстерское аббатство, чтобы просить у Эдуарда Исповедника заступничества в деле, в котором, — благочестиво замечает современный летописец, — ум человеческий был бессилен [161]. У монастырских ворот его встретила процессия монахов в богатых облачениях с аббатом во главе. Король и его свита сошли с коней. Король преклонил колени и набожно, со слезами на глазах, поцеловал поднесенное ему распятие, которое несли впереди процессии [162]. Затем все прошли в церковь и слушали обедню. Король долго беседовал наедине с жившим в аббатстве затворником, исповедывался у него [163], а затем причастился и стоял на молитве пред чудотворным образом богоматери [164]. Молитвенное настроение всех присутствовавших в церкви было нарушено сильным шумом у входа, и в церковь ворвалась большая толпа, на глазах у короля схватила искавшего убежища у гробницы св. Эдуарда королевского маршала и начальника тюрьмы Маршалси (Marshalsea) Ричарда Имуорса, знаменитого своей жестокостью в отношении к заключенным («homme sans pitie come tormentour») [165], и повлекла его вон из церкви, чтобы по

пути к Смисфилду обезглавить его на рыночной площади (ныне Чипсайд, Cheapside) [166].

Из Уэстминстерского аббатства король и бывшие с ним отправились на Смисфилд. Здесь уже ждала его стоявшая в боевом порядке огромная толпа народа с Уотом Тайлером во главе. Король и его свита остановились возле госпиталя св. Варфоломея. Немедленно же король послал лондонского мэра Уилльяма Уолуорса сказать восставшим, чтобы их предводитель явился к королю и изложил ему их требования [167].

Взобравшись на низкорослую лошадку, в сопровождении знаменосца, с одним лишь кинжалом в руке, Уот Тайлер отправился к королю. Подъехав к королю, он сошел с коня, почтительно согнул перед королем колено, схватил и сильно и грубо пожал королю руку и сказал: «Будь спокоен, брат, и весел: через какие-нибудь две недели общины будут благодарить тебя еще больше, чем теперь, и мы будем хорошими товарищами» [168]. Король спросил Тайлера, почему он и его товарищи не хотят возвращаться домой, как это сделали другие: ведь королевская грамота дала им все то, чего они требовали на Майл-Энде. Тайлер решительно на это заявил и подкрепил свое заявление весьма энергичной клятвой («par grand serement»), что ни он, ни его товарищи не уйдут, пока не получат грамоты, дополненной новыми статьями, и что лорды королевства горько раскаются, если эти статьи не будут прибавлены. И затем, по требованию короля, стал излагать эти новые пункты [169].

Все выделенные в исключительное пользование сеньеров лесные и водные территории («omnes warennae tam in aquis quam in parcis et boscis») должны стать общим достоянием, чтобы как богатый, так и бедный мог по всему королевству во всех реках и прудах свободно ловить рыбу, охотиться за зверями во всех лесах и гонять зайцев на всех полях [170]. В королевстве не должно быть никакого закона, кроме закона Уинчестерского («que nul ley deuoiet estre fors la ley de Winchester»). Впредь суды не должны приговаривать к лишению покровительства законов («que nul vttelagarie seroit en nul proces de ley fait de ore en avant»). Права сеньеров должны быть упразднены и установлено равенство всех кроме короля. Находящиеся в распоряжении монахов, настоятелей приходов, викариев и других церковных людей имущества должны быть отняты у них, за исключением того, что необходимо для их содержания, и разделены между прихожанами. В Англии должен быть лишь один епископ и один прелат, и все земли и держания епископов и прелатов должны быть взяты у них и разделены между общинами. В заключение Тайлер заявил: в Англии не должно быть вилланов и виллайства, но все должны быть свободны и равны («que nul naif seroit en Engleterre ne nul servaige ne naifte mes toutz estre free et de vn condicione») [171]. Король выразил готовность удовлетворить все эти требования, поскольку это совместимо с его королевскими правами, и предложил Тайлеру и его товарищам не медля разойтись по домам.

Был жаркий день; от продолжительного разговора с королем у Тайлера пересохло в горле, и он послал своего оруженосца достать ему чего-нибудь напиться. Ему принесли сначала воды, а потом пива. Сначала он выполоскал «грубо и непочтительно» («ledement et vilanousment») в присутствии короля свой рот, а затем отпил большой глоток пива и стал тут же, не обращая внимания на короля, взбираться на свою лошадь. В этот момент один из свиты

короля, хранившей все это время глубокое молчание, попросил позволение из задних рядов пройти вперед и взглянуть на вождя восставших. Лишь только он увидел его, он открыто заявил, что это — величайший вор и грабитель во всем Кенте. Услышав эти слова, Тайлер в раздражении замотал головой и крикнул говорившему, чтобы он подошел к нему. Тот не решался сначала, но затем подошел к нему. Тайлер велел своему оруженосцу сойти с коня и отрубить голову оскорбителю. Этот последний заявил Тайлеру, что он не заслужил смерти, так как то, что он говорит, — чистейшая правда, и отказался вступать с ним в пререкания в присутствии короля. Тогда Тайлер ринулся на него с кинжалом в руке и въехал в ряды королевской свиты. Лондонский мэр остановил его и заявил ему, что арестует его. В ответ на это Тайлер ударил Уолуорса кинжалом в живот. Удар скользнул по кольчуге, которая была надета на мэра, не причинив ему никакого вреда; мэр с своей стороны выхватил из ножен тесак и ударил Тайлера сначала в шею, а потом в голову; один из членов королевской свиты несколькими ударами меча смертельно ранил вождя кентцев; но он еще успел дать шпоры своему коню и проехал несколько шагов, а затем свалился полумертвый на землю [172]. Его окружили плотной цепью королевские люди.

Кентцы не догадывались, что произошло с их предводителем [173]; не заметили они и того, как Тайлера за руки и за ноги стащили в госпиталь св. Варфоломея [174]. Но, наконец, все им стало ясно. В толпе пронесся грозный ропот. Все натянули свои луки, чтобы пустить в короля и его свиту тысячи стрел и отомстить за предательскую смерть своего вождя [175]. В эту минуту король дал шпоры своему коню и быстро помчался к толпе. «Я ваш предводитель, я — ваш король! — воскликнул Ричард. — Кто за меня, пусть следует за мной в поле: там он получит все, чего желает» [176]. Неожиданность появления короля, смелость его и решительный тон его слов произвели на толпу сильнейшее впечатление, подействовали на нее, как самое непреодолимое внушение, и вся она, как один человек, последовала за королем в открытое поле [177]. Здесь между королем и народом должно было состояться соглашение [178]. Восставшие, по словам одного анонимного автора, соглашались вести с королем переговоры о мире только на том условии, что он выдаст им головою лорда мэра Уилльяма Уолуорса [179].

Между тем мэр в сопровождении одного слуги помчался в город и поднял тревогу: король находится в смертельной опасности; не медля ни минуты, нужно спешить к нему на помощь, иначе будет поздно. Быстро составился значительный отряд вооруженных людей и под командой сэра Роберта Нолиса (Knollis) поскакал за город [180]. Дело короля было выиграно. Если до этого момента восставшие еще сильно колебались, как им поступить — умертвить ли короля, или же мирно разойтись по домам, получив королевскую грамоту [181], то совершенно неожиданное для них прибытие блестящего городского ополчения [182] внесло полное смятение в их ряды [183], и без того расстроенные предательскою смертью их предводителя [184], и сделало их более сговорчивыми. С своей стороны, король и его советники не сочли возможным вторично подвергать риску свою жизнь и все ставить на карту и сдержали воинственный пыл рыцарей и лондонских нотаблей, изъявлявших сильное желание броситься на крестьян и отомстить им недавнее унижение [185]. Король приказал выдать восставшим освободительные грамоты [186],

проводить их через Лондон и через Лондонский мост [187] и вместе с своей свитой и городским отрядом в великой радости возвратился в Лондон [188], предварительно тут же, среди поля, возведя в рыцари лондонского мэра Уильяма Уолуорса и с ним еще нескольких богатых и влиятельных представителей столичной буржуазии *.

В тот же день по улицам Лондона был оповещен королевский приказ, чтобы всякий, кто не принадлежит к лондонским уроженцам и кто не прожил в столице в течение целого года, немедленно оставил пределы города под страхом быть признанным королевским изменником и поплатиться головою [189]. Приказ был прочитан и выслушан, никто не имел смелости его нарушить, и в ту же субботу весь пришлый люд вышел из города [190].

Восставшим были выданы грамоты за королевскою печатью, и огромная толпа их в совершенном беспорядке двинулась внутрь страны, постепенно уменьшаясь по мере удаления от столицы.

В грамотах этих король доводил до общего сведения, что по своей особенной милости он отпускает на волю всех и каждого из своих подданных, простого звания и других («communes et alios») в королевстве Англии и всех их и каждого освобождает от всякой личной зависимости и рабства «ab omni bondagio et servitio»; что он прощает этим своим поданным всякого рода восстания, ими против него поднятые, когда они ездили и ходили по разным местам королевства с вооруженными людьми, стрелками и прочими, с распущенными знаменами и значками, а также всякого рода измены, убийства и грабежи, захват чужих прав и вымогательства, ими или кем-либо из них совершенные, равно как ставит под защиту закона тех из них, кто, благодаря этому, был объявлен вне его стоящим, и всем им и каждому дарует свой крепкий мир; что он желает, чтобы эти его подданные свободно покупали и продавали во всех городах, местечках, торговых селах и в других местах в пределах его королевства Англии и чтобы ни один акр земли, которую теперь держат на вилланском праве, за службу, впредь не держали иначе, как за деньги, и притом не более, как за четыре пенса, а где раньше держали его за меньшую плату, там он и впредь не возвышался бы в цене [191].

Вернувшись домой с королевскими письмами, крестьяне, как вилланы, так и свободные, стали считать себя, по выражению современного летописца, благороднее самого короля («aestimabant se supra lineam regiam generosos») и свободными от всяких служб и обычных повинностей и решили не исполнять вовсе никаких служб, обычных повинностей и не платить никаких денежных взносов [192]. Никому из них не приходило на мысль, что и торжественные обещания короля на Майл-Энде, и совершенно официальный

* *Knighton*, *col.* 2637; *Mon. Evesh.*, 29; *Froissart* IX, 415; *Riley*, *Memorials*. По словам *Анонимной хроники* король приказал мэру надеть на голову шлем. Мэр спросил, для чего он должен это сделать. Король ответил ему, что он хочет возвести его в рыцари за ту услугу, которую он ему оказал. Мэр заявил на это, что он недостоин этой чести и не имеет необходимого для рыцаря состояния, так как он простой купец и принужден жить торговлей. Но король заставил его надеть шлем, взял обеими руками меч и с великой охотой дал ему сильный удар по спине («et luy dona en colle fortement et od bone volunte»), а затем пожаловал ему землю в сто фунтов; еще трое возведенных им в рыцари получили каждый землю в 40 фунтов. (An anonimalle cronicle, 520—521).

характер королевской грамоты, и королевская печать, что все это только средство избавиться от них, принятое правительством в интересах самосохранения в минуту крайней опасности, что, лишь только опасность пройдет, все это будет уничтожено, и их опять заставят попрежнему нести и барщину, и все другие повинности «без противоречия, ропота, сопротивления или какого-либо затруднения» («absque contradictione, murmure, resistentia, seu difficultate aliquali») [193], предварительно наведя на них ужас страшными казнями, усеяв страну виселицами по девяти-десяти трупов на каждой [194], чтобы для потомков их «на вечные времена служило зеркалом их несчастие, чтобы они могли проклинать их и боялись совершать подобное» [195].

А между тем именно это их ожидало, и в самом скором времени. Немедленно же по удалении кентцев король разослал по графствам приказ, чтобы все, кто любит короля и дорожит его честью, конны и оружны спешили в столицу [196]. И вот, в течение трех дней в Лондоне собралось, по словам летописца, до сорока тысяч прекрасно вооруженных всадников [197].

В понедельник, 17-го июня, в лондонском гиллдголе заседала уже чрезвычайная судебная комиссия с лордом-мэром во главе и творила суд и расправу над попавшими в руки правительства инсургентами [198]; среди них был Джэк Строу и два других предводителя восставших, Джон Кэркби (Kirkeby) и Алан Тредер (Thredere, купец), а также, признавший себя убийцей архиепископа Симона, некто Джон Стерлинг (Sterlinge), из Эссекса; все они были казнены по приговору комиссии [199]. 18-го июня был разослан по графствам королевский патент, в котором король доводил до всеобщего сведения, что слух, распространенный восставшими, будто бы они действуют по его королевской воле и повелению, совершенно ложен, и приказывал всем шериффам, мэрам, бэйлиффам и всем остальным своим верным подданным, чтобы они, под страхом конфискации всего, что король может конфисковать у них, повсюду оповестили об этом и вооруженною рукою и всеми иными находящимися в их распоряжении способами оказали сопротивление восставшим и велели им оставить свои сборища и мирно разойтись по домам, в противном случае рискуя поплатиться жизнью и всем, что имеют [200].

«Приказ этот, — повествует сент-албанский монах, — весьма ободрил людей, оставшихся верными королю и королевству, и, как и следовало, привел в смятение вероломных. Те, кто прежде хотел быть на виду, принуждены были искать потаенных мест, а юристы и те, кто прежде бежали перед лицом страха, приобрели смелость оставить свои убежища (cavernas). Одни молча, со страхом, ждали над собою суда; другие, освободившись от страха, с радостью подымались мстить за свои обиды» [201].

Но, прежде чем изображать участь, постигшую народ в самые первые дни медового месяца его свободы, познакомимся с тем, что происходило по всей Англии в то время, как в Лондоне разыгрывалась описанная нами драма.

В тесной связи с лондонскими событиями развивалось *восстание в городе Сент-Албансе* (St.-Albans) и в соседних с ним селах и городах, находившихся вместе с Сент-Албансом под юрисдикцией сент-албанского аббатства, в Гертфордском графстве (Hertfordshire). Источники чрезвычайно обстоятельно сообщают нам обо всем, что здесь происходило, так что мы имеем полную возможность восстановить картину движения во всех ее конкретных

подробностях, переносящих нас в современную восстанию атмосферу и тем облегчающих нам понимание тогдашнего настроения и тогдашних отношений.

В четверг, в праздник Тела Христова (13-го июня), вечером, из города Барнета (Barnet) примчалось несколько человек в Сент-Албанс и сообщили следующее: сент-албанцы должны вооружиться, кто чем может, и вместе с жителями Барнета немедленно отправляться в Лондон; этого требует народ («communes mandasse»), угрожая, в случае отказа исполнить его повеление, прислать двадцать тысяч человек, которые предадут пламени Барнет и Сент-Албанс, а жителей их уведут в Лондон силою [202].

Около полуночи большая толпа сент-албанских горожан («graunt partie des gentz de la ville de Seint Auban») явилась в аббатство, сообщила аббату полученную весть и обратилась к нему за советом, как быть («et demanderunt consail») [203].

Аббат и соборные старцы пришли к такому решению: двенадцать человек из более видных монастырских служащих («duodecim de valentioribus familiaribus») и двенадцать из более значительных горожан Сент-Албанса («et duodecim valentiores de praedicta villa») должны отправиться к королю и общинам («ad Regem et dictam communitatem»), спросить у них, действительно ли справедливо известие, принесенное в Сент-Албанс из Барнета, и передать им, что Гертфордское графство и город Сент-Албанс остаются верными королю и общинам, что между сеньерами и их подданными здесь существуют самые дружеские отношения, так что королю и общинам нет надобности являться сюда для улаживания каких бы то ни было несогласий: все здесь готовы сражаться за короля и государство, лишь бы им было указано время и место [204].

Видя в этом совете скорее поощрение, чем запрещение, сент-албанцы в числе пятисот приблизительно человек, едва дождавшись утра, вышли из города вместе с монастырскими служащими; в Барнете к ним присоединилась большая часть жителей города, и все они направились к Лондону [205].

Не доходя до столицы, возле мэнора магистра госпитальеров Гайбэри (Highbury), они встретили двадцатитысячную толпу («rusticorum et communis vulgi») под предводительством Джэка Строу, которая, как мы знаем уже, была занята разрушением пылавших домов в этом поместье. Строу тотчас же заставил новоприбывших дать клятву верности королю Ричарду и общинам. Они присоединились к его отряду и вместе отправились в Лондон.

В Лондоне они остановились возле церкви св. Марии на Чипсайде, так называемой St. Mary-le-Bow (Sanctae Mariae de Arcubus, как переводит автор Gesta), и стали совещаться о том, как им лучше всего поступить, чтобы добиться от аббата давно желанных прав и вольностей (общинного выгона, права ловить рыбу в некоторых местах, права охотиться и ловить птиц в лесах и парках аббатства, права иметь свои собственные ручные мельницы и беспрепятственно молоть на них свой хлеб, свободы от вмешательства в их городские дела бэйлиффа монастырских владений) и получить обратно обязательства, которые их предки выдали аббату Ричарду де Уоллингфорд (Wallyngford), а также разные другие грамоты [206]. Одни советовали обратиться к Уоту Тайлеру и попросить у него помощи, другие предлагали обратиться к королю, чтобы он выдал им указ, скрепленный королевскою печатью, повелевающий аббату исполнить все их желания. Оба предложения показались одинаково благоразумными. Среди пришедших в Лондон сент-албанцев находился не-

кто Уилльям Грайндкобб (Gryndecobbe). По словам летописца, человек этот многим был обязан монастырю: здесь он был вскормлен, воспитан и выведен в люди. Вот этот-то Грайндкобб взялся исполнить и то, и другое предложение. Шесть раз,— рассказывает летописец,— преклонял он колени пред королем в присутствии толпы народа [207], и король согласился выдать ему требуемую грамоту. К Тайлеру Грайндкобб явился в сопровождении довольно значительной толпы сент-албанцев, которые стали жаловаться вождю кентцев на аббата, приора и некоторых монахов, обвиняя их в том, что они несправедливо поступают с своими крестьянами, притесняют городских жителей и задерживают содержание бедных и служащих [208]. Тайлер сказал им на это, что, если понадобится, он не замедлит явиться в Сент-Албанс с двадцатью тысячами своих людей сбрить бороды аббату, приору и всем прочим монахам («ad radendum barbas Abbatis et Prioris et caeterorum monachorum»); только сент-албанцы должны повиноваться всем его приказаниям. И тут он дал им некоторые инструкции, как они должны поступить, вернувшись к себе домой, и взял с них клятву, что все будет в точности исполнено [209].

Заручившись такими обещаниями, сент-албанцы вышли из Лондона. Раньше их прибытия в Сент-Албанс в аббатство примчался один из монастырских служащих, отправленных аббатом в Лондон, и сообщил аббату о всех ужасах, происходивших в столице, об убиении архиепископа и казначея королевства и многих других, о том, что народ без милосердия рубит головы всем, к кому питает ненависть, что приору и еще нескольким монахам грозит неминуемая смерть, если они будут ждать прихода восставших. Услышав эту весть, приор, четверо монахов и не малое число монастырских служащих немедленно бежали.

Вечером того же дня в Сент-Албанс вернулся Уилльям Грайндкобб и булочник (pistor) Уилльям Кэдиндон (Cadyndone) и сент-албанские горожане, прибывшие несколько позже своих руководителей. Грайндкобб и Кэдиндон оповестили по городу, что все им удалось, что с этих пор все сент-албанцы будут людьми свободными, что в эту же ночь нужно отправиться в лес аббата и сломать и изрубить все загородки (faldas) и ворота (portas), а также нужно разрушить городской дом помощника келаря, стоящий напротив улицы, на которой продавалась рыба [210]. На этот призыв охотно откликнулись сент-албанцы и сделали все, что им советовали их вожди [211].

Тогда же во все села и деревни, находившиеся под властью аббатства, был разослан полученный от Тайлера, как уверяет летописец [212], приказ, чтобы все жители их являлись в Сент-Албанс требовать от аббата вольностей; кто не придет, тому грозили смертью, разрушением и сожжением дома и конфискацией имущества; крестьяне должны привести с собой и всех дворян, живущих в тех местностях [213].

На другой день (в субботу, 15-го июня), рано утром, жители Сент-Албанса с великою торжественностью («cum pompa magna») отправились в монастырский лес, носивший название Соколиного леса (Fawconewode), захватив с собою оружие и всякую утварь, которая могла его заменить: таков был приказ, оповещенный по всему городу и грозивший смертью, изгнанием из дома и конфискацией имущества всякому, кто его ослушается. Здесь у них произошло совещание, после которого они вернулись в город, разрушив предварительно уцелевшие от вчерашнего разгрома загородки и ворота. Их встре-

тили прибывшие из монастырских владений крестьяне («de villis circumjacentibus et dominio Monasterii rustici et communes») в числе около двух тысяч человек [214]. Взявшись за руки, сент-албанцы тотчас же заключили с ними клятвенный договор и вместе с ними вступили во владение как огороженными, так и неогороженными лесами и полями аббатства путем передачи древесных веток [215]; поймав кролика, они понесли его на пике в город и выставили у позорного столба в знак завладения монастырским заповедным лесом («in signum libertatis et warennae sic adeptae») [216].

После этого вся толпа с распущенными знаменами и значками двинулась к воротам аббатства и стала шумно требовать, чтобы ей открыли двери монастырской тюрьмы, находившейся возле ворот. Требование ее было исполнено. Толпа ворвалась в тюрьму и вывела оттуда всех заключенных; тут же над одним из них нарядили следствие и, найдя его заслуживающим смертной казни, немедленно отрубили ему голову и с тем же страшным криком, с каким восставшие в Лондоне обезглавливали своих жертв, понесли ее к позорному столбу и выставили здесь, «чтобы всем стало ясно, — говорит летописец, — что они пользуются новыми правами и привилегиями» [217]; остальные были отпущены на свободу и принесли клятву верности общинам (communitati) [218].

Вскоре явились в Сент-Албанс жители Барнета, а около трех часов вернулся из Лондона и именитый сент-албанский горожанин Ричард Уоллингфорд (Ricardus de Walyngforde, maximus villanorum Sancti Albani) вместе с некоторыми сент-албанцами [219]; перед ними развевалось знамя с изображением св. Георгия. Они привезли аббату королевскую грамоту, о которой от лица сент-албанцев просил короля Уильям Грайндкобб. Король приказывал аббату выдать горожанам (les burgeis) и bones gentz города Сент-Албанса хранящиеся в монастыре грамоты, полученные сент-албанцами от короля Генриха и утверждающие за ними общинные права на поля, пастбище, рыбную ловлю и на другие угодья [220]. На площади у монастырских ворот их встретила большая толпа сент-албанских горожан и прибывших в город жителей окрестных сел и деревень.

Оставив всю эту толпу на площади возле привезенного им знамени, Уоллингфорд в сопровождении некоторых других из более значительных горожан Сент-Албанса («et plures de majoribus») отправился в церковь для переговоров с аббатом. Прочтя королевскую грамоту, аббат заявил Уоллингфорду и его спутникам, что требования их незаконны, что против них говорят хранящиеся в Уэстминстере протоколы процесса, который их отцы вели с монастырем [221]. Аргументы эти не убедили Уоллингфорда и его товарищей. Ссылки на законы и на судебные решения показались им излишними, когда власть перешла к общинам, для которых существующие законы утратили свое значение [222]; они советовали аббату лучше обратить внимание на толпы вооруженных людей, стоящих у ворот аббатства с твердою решимостью немедленно же добиться всего, а в случае отказа тотчас же послать за Уотом Тайлером, который приведет с собою двадцать тысяч человек, и тогда уж не будет пощады ни монастырю, ни монахам. Аббат согласился на все. Он обещал написать и скрепить печатью новые грамоты о вольностях, каких они себе пожелают, и приказал выдать им обязательства, заключенные их предками с аббатом Ричардом Уоллингфордом (de Wallyngford), а также документы и книги, принадлежащие архидиакону и викарию св. Петра [223]. Не довольствуясь этим,

Уоллингфорд и его товарищи потребовали от аббата, чтобы он выдал им грамоту древних вольностей Сент-Албанса, полученную горожанами от короля Генриха, в которой заглавные буквы были одни из золота, другие из лазури. Аббат отвечал, что такой грамоты у него нет; впрочем, он поищет, и если найдет ее, то выдаст ее им после обеда.

В то время, как Уоллингфорд и его товарищи вели переговоры с аббатом, часть инсургентов, стоявших у монастырских ворот, проникла внутрь монастырской ограды, вошла в дом, носивший название «Гостиной» («Parlour», locutorium; повидимому, здесь останавливались богомольцы) [224], и унесла хранившиеся здесь жернова ручных мельниц; эти камни были снесены сюда сент-албанцами при аббате Ричарде Уоллингфорде, который отнял у них право иметь свои собственные ручные мельницы и заставил их молоть свой хлеб на монастырской мельнице. Камни были разбиты на мелкие куски, и каждый из присутствовавших получил по такому кусочку в знак и память приобретения утраченного права [225].

Уоллингфорд и бывшие с ним вышли из церкви и сообщили толпе о результатах своего разговора с аббатом. Все возвратились в город и здесь на площади возле креста (juxta Crucem) предали сожжению выданные аббатом обязательства и другие документы [226].

После полудня у монастырских ворот опять толпились массы народа. По требованию их аббат выслал им писца, и он под их диктовку написал новую грамоту вольностей и приложил к ней печати аббата и монастыря. Но это не удовлетворило их, и они стали требовать грамоту своих древних вольностей, которая, как они уверяли, непременно должна находиться у аббата, грозя разрушить монастырь. Аббат велел сказать им, что такой грамоты он не мог найти среди монастырских документов, что пусть они сами напишут грамоту о всех вольностях, каких только они желают, поместят ее временем короля Генриха и современного ему аббата, и он скрепит ее своею и монастырскою печатями. Толпа упорно требовала подлинной древней грамоты, грозя погибелью монастырю. Было, наконец, заключено перемирие до девятого часа следующего дня [227]; по истечении этого срока аббат во что бы то ни стало должен выдать народу древнюю грамоту его вольностей. Толпа удалилась и, возвратившись в город, бросилась разрушать дома ненавистных ей лиц, заведывавших управлением монастырскими имениями; сами эти министериалы еще в начале восстания бежали вместе с приором и некоторыми другими монахами; не зная об этом, восставшие при свидании с аббатом потребовали от него выдачи этих лиц, и аббат, не будучи в состоянии сделать этого, пообещал им сместить их и удовлетворить всех, кому они нанесли какой-либо ущерб [228].

В тот же вечер, распустив королевское знамя («sub vexillo regio displicato»), сент-албанцы оповестили по городу, что на всю ночь вокруг города должна быть поставлена многочисленная стража, чтобы никто из монахов не мог ни войти, ни выйти из него, а кто будет схвачен ею, тому немедленно отсечь голову или заключить его до утра под караул; те, кому аббат, приор или кто-либо из остальных монахов не уплатил вознаграждения или жалованья («pro mercede vel stipendio»), пусть завтра явятся за ним, и горожане Сент-Албанса пусть постараются удовлетворить каждого из них из монастырского имущества [229].

На другой день (воскресенье, 16-го июня) в Сент-Албанс пришла весть о смерти Уота Тайлера и о том, что вокруг короля собираются силы для подавления восстания. Из Лондона прибыл рыцарь и привез королевскую грамоту, помеченную 15-м июня, в которой король просил всех своих подданных Гертфордского графства и всех других соседних графств не причинять никакого ущерба аббату сент-албанскому, монахам, монастырю, людям его и его владениям и обещал заставить аббата дать удовлетворение всякому, кто чувствует себя обиженным им или его людьми [230].

Известие о смерти Тайлера и королевское послание не произвели на сент-албанцев и действовавших вместе с ними жителей соседних сел и деревень сильного впечатления; самое большее, они настроили их на несколько более миролюбивый тон. Сент-албанские горожане перестали требовать немедленной выдачи им древней грамоты о их вольностях, удовольствовавшись пока новою грамотой, написанною под их диктовку и скрепленною печатями аббата и монастыря, и согласились взять с аббата и монастыря обязательство на тысячу фунтов в том, что если к празднику Благовещения аббат найдет древнюю грамоту, то он должен выдать ее им, а если такой грамоты не найдется, и это подтвердит аббат и двенадцать старейших монахов («cum duodecim de senioribus monachis») клятвою на Евангелии, или если горожанам угодно будет к этому сроку написать новую грамоту о своих вольностях, которыми они пользовались издревле, или в полученную уже ими грамоту вставить новые статьи об этих вольностях, то обязательство это теряет силу [231]. Кроме новой грамоты о городских вольностях и обязательства, сент-албанцы в это же воскресенье получили от аббата еще один документ, в котором аббат заявлял, что он прекращает все иски, как личные, так и имущественные, кроме долговых, какие только он когда-либо вчинял против кого-нибудь из сент-албанских горожан [232].

Выданная горожанам Сент-Албанса новая грамота вольностей давала им право общинного выпаса на полях и в лесах, окружающих город Сент-Албанс, право прохода и проезда верхом через леса аббатства, право охоты в лесах аббатства, как в неогороженных местах, так и в огороженных, право ловить рыбу в определенных местах, право иметь свои собственные ручные мельницы; муниципальные права города были обеспечены тем, что монастырский бэйлифф мог переступать городскую черту только в силу королевского бреве [233].

Получив эту грамоту, громадная толпа горожан с радостными криками отправилась совершать обход своих новых владений и ставить новые пограничные столбы; за ними следовали повозки с хлебом, пивом и другими припасами, часть которых съедалась при постановке каждого столба, чтобы таким образом закрепить в памяти этот торжественный момент и сообщить юридическому акту всю его силу [234].

Возвратившись в город, сент-албанцы собрались на площади возле креста (ad Crucem); здесь громко была прочтена новая грамота о вольностях, затем освободительная грамота, полученная от короля жителями Гертфордского графства (в которой, как мы знаем, все крепостные объявлялись свободными, всем восставшим прощались все совершенные ими преступления и жаловался королевский мир), а также письмо, полученное аббатом от короля, содержание которого мы уже приводили.

Жители сел и деревень, находившихся под юрисдикцией аббатства, действовавшие совместно с сент-албанцами, также получили от аббатства грамоты

о вольностях. Большинство этих грамот представляло собою королевскую освободительную грамоту, скрепленную печатями аббата и аббатства; некоторые из сел и деревень получили, кроме того, еще особые грамоты, жаловавшие им некоторые специальные права и вольности.

Жители Барнета (Barnet) и South Mims'a получили подтверждение всех своих вольностей и свободных обычаев («omnes libertates et consuetudines suas liberas»), утвержденных за ними королем Ричардом II, в силу которых они стали свободными держателями своих земель, должны были ежегодно уплачивать за них монастырю определенные денежные взносы и могли продавать их путем грамоты (per chartam) третьим лицам без всякой помехи со стороны аббатства [235]. Кроме того, аббат обещал жителям Барнета в течение трехнедельного срока выдать книгу с протоколами его владельческой курии; летописец говорит, что протоколы эти свидетельствовали о несвободе их держаний, ставших свободными во время Черной смерти, когда барнетцы, воспользовавшись смертью сенешала и келаря, подделали документы и изменили характер своих держаний; требуя у аббата книгу с протоколами, жители Барнета хотели сжечь ее, чтобы таким образом уничтожить все следы прошлого [236].

Две грамоты, выданные жителям Рикмэнсуорса (Rickmansworth) (от 15-го июня), делали их земли свободными («libera et liberae conditionis»), способными переходить из рук в руки путем дара, продажи, наследования и завещания [237]; держатели должны впредь ежегодно уплачивать за них аббатству определенные денежные взносы вместо всяких служб и повинностей [238]; кроме того, жители Рикмэнсуорса получали право свободно ловить рыбу в прудах Pichelesborne и Gatesey в каком угодно количестве и в какое угодно время [239] и право общинного выпаса для всех своих животных, кроме свиней и гусей, с уплатой за каждую голову ежегодно три пенса вместо всяких повинностей [240].

Жители Тринга (Tring) [241] были освобождены на будущее время от уплаты таможенных пошлин (tolnetum) на всем протяжении владений аббатства [242].

Все жители Уотфорда (Watford) и Кэйшоу (Caysho) получили для себя и для своих держателей право свободно охотиться на диких зверей, ловить рыбу, а также куропаток, жаворонков, речную и всякую иную дичь на всех землях и водах этих поселений, как на монастырских доменах, так и вне их [243], освобождались от обязанности отправляться в курию аббата в Гертфордском графстве [244], от уплаты аббату и монастырю денежного взноса, называемого «пивными деньгами» («Alepeny»), который «несправедливо взимался с них долгое время» [245], а также от таможенных, дорожных, мостовых и всяких иных пошлин при проходе и проезде через владения аббатства и от обязанности строить и чинить мосты и устраивать парки [246]; в заключение они получали право иметь ручные мельницы в своих домах и навсегда освобождались от обязанности молоть свою пшеницу и ячмень на монастырских мельницах в пределах Гертфордского графства [247].

Жители Редбэрна (Redburn) потребовали от аббата, кроме освободительной грамоты, еще права свободно охотиться, ловить птиц и рыбу на землях и водах монастыря, а также свободы от всяких служб в мэноре («chartam de venationibus, aucupationibus, et piscationibus, liberis exercendis, et de nullis debitae aut consuetae servitutis officiis vel operibus manerio de caetero impendendis) [248]. Переговоры с аббатом должны были вести насильно взятые ими в Сент-Албанс соседние дворяне [249]. Освободительную грамоту аббат пообе-

щал им выдать в понедельник (что и сделал); что же касается остальных их требований, то об этом, — заявил он, — ему нужно еще посоветоваться с членами монастырского совета; о результатах этого совещания он обещал сообщить в тот же понедельник.

Редбэрнцы возвратились домой поздно ночью. Немедленно же они сделали оповещение, чтобы все, как те, кто уже успел заснуть, так и те, кто еще не ложился спать, под страхом разрушения их домов, шли к мельнице, носившей название «Bettespool Mille», и засыпали канаву, окружавшую луг редбэрнского приора, известный под именем «Pondesmede», который некогда принадлежал редбэрнской общине и потом насильственно был отнят у нее [250]). Оповещение это подняло всех жителей Редбэрна; канава была сравнена с землей, а посаженные над нею деревья были вырублены и убраны [251].

К двадцатому июня все подданные аббатства как из Гертфордского, так и из Бэккингэмского графств уже получили освободительные грамоты [252] и удалились из Сент-Албанса, чтобы начать новую жизнь среди новых условий.

По словам автора *Деяний аббатов Сент-Албанского монастыря*, сент-албанские горожане говорили не без хвастовства, что с ними в союзе тридцать две общины, готовых подняться, чтобы помочь им, когда в этом будет нужда [253]. К сожалению, у нас нет данных, чтобы проверить это утверждение сент-албанцев, так как наши сведения о восстании в Гертфордском графстве сосредоточиваются вокруг событий, происходивших в самом городе Сент-Албансе, и о жителях других сел и городов Гертфордшира нам известно лишь постольку, поскольку они действовали в Сент-Албансе; если есть исключения, то весьма скудные. Знаем мы, например, что некто Ричард Горзмэн (Horsman) из Тринга сделал знамя с изображением св. Георгия и, держа его в руке, разъезжал по разным частям Гертфордского графства и повсюду побуждал народ к восстанию против короля и его короны [254], а Уильям Уиттон (Wytton) в сообществе с другими «врагами короля» восстал в Беркгэмпстэде (Berkhampstead) в воскресенье, 16-го июня, отсюда отправился в Ашридж (Ashridge) (в графстве Bucks) и здесь предал сожжению книги и документы настоятеля ашриджского монастыря, а после этого явился в Кингс Лэнгли (Kings Langley) и отнял свободное держание у некоего Джона Марлера [255]; сообщают нам протоколы и об убийстве какого-то Уильяма Патрика (Patrik) в Уолтэм Кроссе (Waltham Cross), обвиняя в нем некоего Уолтера Парчменера (Parchemenere) из Честгэнтского (Chesthunt) прихода [256]; но все это отрывочные факты, не рисующие общей картины во всей ее индивидуальности, хотя дающие основание предполагать, что картина эта общими своими очертаниями весьма напоминает происходившее в других графствах, о которых мы имеем более обстоятельные сведения [257].

Восстание в *Бедфордшире* (Bedfordshire) произошло одновременно с восстанием в Гертфордском графстве. Несколько дэнстэблских купцов отправились в Сент-Албанс на ярмарку. Они явились туда в самый разгар восстания подданных сент-албанского аббатства и были свидетелями того, как горожане Сент-Албанса и жители сел и деревень Гертфордского и Бэккингэмского графств густыми толпами оцепили монастырь и заставили аббата и монахов выдать им освободительные грамоты и отказаться от своих привилегий. В тот же день (в субботу) купцы возвратились к себе в Дэнстэбл (Dunstable) и, вступив в соглашение между собою («consilium et, ut dicam, conspirationem, inierunt»),

вместе с городским мэром Томасом Гоббесом (Hobbes) незадолго до вечерни явились в дэнстэблский монастырь. Мэр приветствовал приора Томаса Маршала от имени короля («ex parte domini regis... mendaciter salutavit»). Сняв шапку и почтительно поклонившись, приор спросил о воле короля. Гоббес сурово взглянул на него и отвечал: «Король приказывает тебе, чтобы ты написал для его дэнстэблских горожан грамоту вольностей, какие они имели во времена короля Генриха I» [258]. Приор наотрез отказался исполнить это требование: восстание, повидимому, еще не распространилось на весь город, и в кучке людей, явившихся к нему, приор не видел ничего грозного. Но вскоре поднялся весь Дэнстэбл, к монастырю подошли толпы народа, и приор принужден был уступить; к этому же его склоняли, в интересах безопасности, укрывавшиеся в монастыре рыцарь Уилльям Кройзер (Croyser) и некто Уилльям Бэтмэн (Bateman). Грамота была написана. Приор прочел ее толпе и спросил, все ли согласны принять ее. Толпа заволновалась. Поднялся шум; раздались крики: «Нет! Нет!» Дело в том, что инициаторы восстания, дэнстэблские купцы, заставили аббата включить в грамоту статью, воспрещавшую жителям соседних сел и деревень продавать мясо и рыбу в пределах города Дэнстэбла [259]. Статья эта, представлявшая собою явное посягательство купечества на карманы всего неторгового населения города, возбудила сильнейшее негодование массы собравшегося народа и едва не вызвала кровопролития [260]; она была вычеркнута; приор приложил к грамоте печать и передал ее горожанам.

Движение не ограничилось одним городом Дэнстэблом: оно распространилось и на другие пункты Бедфордского графства, о чем мы можем заключить из жалобы рыцаря Уилльяма Кройзера, на основании которой король поручил Реджиналду de Gray de Ruthyn и еще четырем лицам (между ними Уилльяму Бэтмэну) произвести расследование о людях, восставших в Бедфордском графстве и разоривших имения рыцаря [261].

Главными руководителями восстания в *Сэффольке* (Suffolk) были капеллан из Сэдбэри (Sudbury) Джон Роу (Wraw) и Томас Сэмпсон (Sampson). Они были вождями двух отдельно действовавших отрядов, при чем отряды эти состояли не из одних жителей Сэффолькского графства, но также и из норфольцев, эссексцев и гертфордцев. Сент-албанский монах называет в числе вождей еще Роберта Уэстброма (Westbrom) и говорит, что он был самым знаменитым после Джона Роу и провозгласил себя королем [262]; документы упоминают это имя, но никаких подробностей о деятельности Уэстброма не сообщают [263].

По словам автора *Chronicon Angliae* Джон Роу, «преступнейший пресвитер», был в Лондоне и получил инструкции от Уота Тайлера [264]. Действительно ли Роу виделся с вождем кентцев, или же он вовсе не имел с ним никаких сношений [265], как бы то ни было, только в среду, накануне праздника Тела Христова (12-го июня), он явился в Листон (Lyston) возле Мелфорда (Melford) в Сэффолькском графстве, и стоявшая здесь огромная толпа восставших из Эссекса, Гертфорда, Сэффолька и Норфолька признала его своим предводителем [266]. Тотчас же Роу отправил в Сэдбэри приказ, чтобы все жители этого города шли в Листон и вступали в его отряд [267]. В тот же день толпа разгромила листонскую усадьбу известного уже нам финансового дельца последних лет царствования Эдуарда III Ричарда Лайэнса,

павшего жертвой народной мести в Лондоне в следующую пятницу (14-го июня) [268].

В четверг, 13-го мая, в день праздника Тела Христова, мы видим отряд Роу у церкви деревни Кэвендиш (Cavendish). Один из толпы добыл церковные ключи, двери были открыты, и восставшие ворвались на колокольню и захватили спрятанное здесь имущество королевского судьи Джона Кэвендиша [269]; с общего согласия они поручили разделить между ними это имущество Джону Роу [270]. Отсюда они отправились в Мелфорд и заложили местному кабатчику добытые таким способом вещи за бочку красного вина («unam pipam vini rubei»), которую и распили на мелфордском лугу [271]. В тот же день Роу явился с своим отрядом к южным воротам города Эдмондсбэри (Edmundsbury, иначе Bury St.-Edmund's) и велел объявить всем жителям его, чтобы они немедленно выходили из города и присоединялись к его отряду, грозя смертью всем ослушникам [272].

В пятницу (14-го июня) мы застаем отряд Роу возле Милденголла (Mildenhall). Здесь восставшие произнесли смертный приговор над приором монастыря св. Эдмонда Джоном Кэмбриджским (de Cambridge). Этот знаменитый в свое время певец (летописец сравнивает его с фракийским Орфеем, римским Нероном и Бледгабредом британским), повидимому, навлек на себя ненависть эдмондсбэрийских горожан — и не их одних — слишком ревностным отстаиванием интересов своего монастыря; зная о таком их отношении к себе и предчувствуя беду, он поспешил спастись бегством, лишь только дошла до него весть о начавшемся в окрестностях движении; но уже было поздно, и он попал в руки людей, которые решили выместить на нем свою злобу. При казни его присутствовали и находившиеся на службе у монастыря эсквайры Томас Гэлзуорс (Hallesworth) и Гальфрид Денгэм (Galfridus Denham), которых протокол считает даже главными виновниками его смерти. Приору отсекли голову и, подняв на пику, с торжеством понесли в Эдмондсбэри, где и выставили у позорного столба [273]. Сюда же отряд восставших принес на пике голову главного судьи Суда Королевской Скамьи Джона Кэвендиша, разбиравшего дела о нарушителях статутов о рабочих в графствах Сэффольк и Эссекс. Кэвендиш был схвачен преследовавшей его толпой, когда пытался сесть в лодку, чтобы спастись от грозившей ему участи, и немедленно обезглавлен [274]. Надругавшись над головами убитых друзей [275], толпа и голову судьи выставила у позорного столба. Городская усадьба приора и дом Кэвендиша, находившийся здесь же в Эдмондсбэри, были разграблены и разрушены [276].

Между тем несколько человек из отряда Роу, именно Гальфрид Парфи (Galfridus Parfey), викарий церкви всех святых в Сэдбэри, его капеллан Томас, эсквайр Томас Munchesy de Edwardeston и Адам Брэй (Braye) из прихода всех святых в Сэдбэри отправились (в ту же пятницу) в город Тетфорд (Thetford) в Норфольке и потребовали от мэра и влиятельных горожан («capitalibus burgensibus») двадцать марок золота, угрожая им, в случае отказа, приходом Джона Роу и его людей, которые сожгут город и разорят богатых горожан [277]. Получив деньги, Парфи дал из них по двадцати шиллингов эсквайру Munchesy и Адаму Брэю, сорок шиллингов оставил для себя, остальные четырнадцать марок, по возвращении, передал Джону Роу [278].

Инсургенты с Роу оставались в Эдмондсбэри еще несколько дней. В субботу они вместе с эдмондсбэрийскими горожанами окружили аббатство св. Эда

монда. Проникнув внутрь монастырской ограды, они потребовали выдачи им монаха Джона де Лэкингис (de Lakynghith), стоявшего во главе управления принадлежавшими аббатству землями («custodem baroniae»), грозя сжечь монастырь, если требование их не будет исполнено. По словам летописца, Джон, желая спасти обитель, вышел к ним и был обезглавлен [279]. Та же участь грозила и другому монаху, некоему Уолтеру Тодингтону (Todyngtone), но его не нашли [280]. После этого толпа вызвала всю братию монастыря и заявила монахам, что они, благодаря своей силе, давно уже притесняют их товарищей, горожан Эдмондсбэри; это продолжаться долее не может; они должны возвратить горожанам письменные обязательства, которые те некогда выдали им, а также грамоты городских вольностей, пожалованные горожанам королем Кнутом, основателем монастыря, равно как и грамоты, пожалованные им последующими королями [281]. Монахи вынесли на площадь ряд документов, клятвенно уверяя восставших, что больше ничего они не могли найти у себя из того, что у них требовали. Восставшие передали все эти грамоты горожанам на рассмотрение, заявив им, что если в них не окажется древних вольностей города Эдмондсбэри, то они бы сами составили грамоту о вольностях, которыми пользовались в прежнее время; грамоту эту должен будет скрепить своею и монастырскою печатями содержащийся в заключении в Нотингэмской тюрьме аббат Эдмонд Браунфилд (Brounfeld), которого они намерены освободить до праздника Иоанна Крестителя [282]. Предложение это встретило полное сочувствие у горожан; среди принесенных монахами документов древней грамоты своих вольностей они, повидимому, не нашли и поэтому заключили с монастырем письменное условие, подсказанное им восставшими, взяв с монахов в обеспечение того, что требование их будет исполнено, самые драгоценные вещи, какие только находились в аббатстве (между прочим золотой крест и золотую драгоценную чашу, всего на сумму более чем в тысячу фунтов). Летописец замечает, что во все время переговоров с монахами эдмондсбэрийские горожане вели себя так, как будто бы они здесь были вовсе не при чем, как будто даже сожалели по поводу всего, что происходило перед ними и в их пользу [283].

В то время, как центром деятельности Роу и его отряда был город Эдмондсбэри, Томас Сэмпсон вел восстание в городе Ипсуиче (Ipswich) и его окрестностях. Общественное положение Сэмпсона нам неизвестно; знаем мы только, что он был человек довольно состоятельный, имевший возможность выкупить конфискованное у него казною имущество, стоившее несколько тысяч рублей на наши деньги [284]. В субботу (15-го июня) этот «предводитель большого сообщества» («dux magnae societatis») явился вместе с другими в город Ипсуич и оповестил по городу, что все жители Ипсуича и сотен, к нему прилегающих, под страхом смерти, должны собраться в Ипсуич к половине первого следующего дня, чтобы вместе с ним и его товарищами делать то, что он им прикажет [285]. Прокламация эта подняла всех, к кому была обращена, и в город стали стекаться толпы народа из окрестных сел и деревень [286]. Разгромив и разграбив дома некоторых лиц в городе [287], Сэмпсон вывел отсюда эту огромную толпу (в воскресенье, 16-го июня) и с нею стал переходить из села в село, из города в город, из сотни в сотню, повсюду поднимая народ против его властителей и присоединяя к своему отряду [288].

Судебные протоколы называют еще нескольких человек в качестве главных зачинщиков и вожаков восстания («capitales congregatores, sustentores et manutentores») в Сэффольке. Среди них мы встречаем некоего Георгия de Donnesby из Линкольнского графства, который, по словам присяжных, отправился 14-го июня в Эдмондсбэри и здесь подстрекал жителей этого города к восстанию против короля и верных его подданных, грозя им смертью и членовредительством от имени большого сообщества, эмиссаром которого он себя называл («et ulterius dixit quod ipse est nuntius magne Societatis et missus est ad villam Sancti Edmundi predicti ad faciendum communititatem ejusdem ville surgere») [289]. Любопытные вещи сообщили присяжные и о некоем Якове de Bedyngfeld: в субботу, 15-го июня, он с толпою неизвестных людей явился к дому Уильяма Rous, главного констэбля («capitalis constabularii») сотни de Hoxne в Denyngton'e и, угрожая Уильяму смертью, потребовал, чтобы тот передал в распоряжение его и его товарищей десятерых стрелков названной сотни («ad liberandum sibi et sociis suis decem sagittarios dicti hundredi»); требование его было исполнено, стрелки поступили в распоряжение отряда восставших и получали от него ежедневно по шести пенсов вознаграждения [290].

Во главе восстания в *Норфольке* стояли красильщик из Фелмингэма Джофри Листер (Lister), который называл себя королем общинников («qui se Regem communium appellabat») [291], и рыцарь (miles, chivaler) Роджер Бэкон из Беконторпа (Rogerus Bacoun de Bacounesthorp), который «поднял врагов короля и предводительствовал ими по всему Норфолькскому графству» [292].

По словам сент-албанского монаха, руководимая Листером большая толпа инсургентов производила все, что делали восставшие в других местах; одна черта отличала их, по мнению летописца, от остальных инсургентов: они занимались грабежом [293]. Как мы могли убедиться, в особенности знакомясь с деятельностью отряда Джона Роу, черта эта не так уж характерна для сподвижников Листера. Общим с инсургентами других местностей было у них и то, что они заставили попавших к ним в руки дворян принести клятву верности их делу и возили их с собою по графству для большей безопасности («pro majori cautela»), как утверждает летописец, сообщающий небезынтересные подробности о том, как обращались восставшие с такими невольными союзниками своими. Отряду Листера удалось захватить пятерых дворян-помещиков: de Scales'a, Уильяма de Morle, Джона de Brewes'a, Стефана de Hales'a и Роберта de Salle, не успевших бежать из своих усадеб, подвергшихся нападению вооруженной толпы. Хотели восставшие схватить и графа Сэффолькского Уильяма Эффорда (Ufford), чтобы выставить этого магната и пэра королевства своим руководителем и иметь, таким образом, возможность оправдаться, если в том окажется надобность [294]; но граф во время успел скрыться: он узнал о прибытии инсургентов сидя за обедом, быстро выскочил из-за стола и, пробираясь пустынными и непроходимыми местами, прибыл в Сент-Албанс, а оттуда в простом платье и с сумою за плечами, выдавая себя за слугу одного из местных землевладельцев (Роджера de Bois), отправился к королю. Роберт de Salle очень скоро был убит восставшими, получив смертельный удар в голову от своего собственного виллана за то, что публично осуждал их деяния. Остальные рыцари решили притворяться и хвалить то, что восставшие хвалили, и порицать то, что те порицали. За это, — не без иронии

замечает летописец, — они попали в милость к Листеру и удостоились быть пожалованными в отведыватели его кушаний и напитков и на коленях служить ему за завтраком [295]. Впрочем, восставшие хотели извлечь из пленных дворян и более существенную пользу: они послали Уильяма Морли и Джона Brewes'a вместе с тремя доверенными людьми [296] к королю за освободительною грамотой, вручив им большую сумму денег, с помощью которой они должны были добиться того, чтобы в грамоту были вставлены некоторые специальные пункты, отсутствовавшие в грамотах, выданных жителям других графств. К сожалению, наш летописец не сообщает, каковы были эти пункты, но он приводит одну подробность, не лишенную интереса: он говорит, что деньги, отправленные с рыцарями, были взяты с горожан Норича в виде выкупа за жизнь их и движимое и недвижимое имущество [297].

Рыцарь Роджер Бэкон разъезжал по деревням на протяжении всего Норфолькского графства и поднимал народ против мира короля и его верных подданных [298]; он собирал вокруг себя толпы из разных мест и с ними грабил многих верных подданных короля, а некоторых из них умертвил [299]. Такими и подобными словами характеризуют судебные протоколы деятельность второго из известных нам вождей норфолькских инсургентов и затем приводят ряд фактов, вполне подтверждающих эту общую характеристику. Впрочем, назвать Бэкона вождем *норфолькских* инсургентов значит допустить довольно значительную неточность, потому что в отряде его рядом с жителями Норфолька мы встречаем восставших и из Сэффолькского графства, с главным вождем которых Джоном Роу, как увидим, Бэкон вел сношения, намекающие на тесную связь и единство целей, соединявшие инсургентов двух названных графств.

В понедельник (17-го июня) мы находим Роджера Бэкона и Джофри Листера в городе Нориче. Вместе с другими восставшими, с оружием в руках и с развевающимися значками, Бэкон произвел нападение на дом мирового судьи Реджиналда de Eccles, самого Реджиналда обезглавил, а из дома его унес имущества на сто марок. Та же участь постигла и дома богатого норичского горожанина и представителя от Норича в парламенте 1378 года Генриха Ломинура (Lominour), где было взято имущества на тысячу марок (сумма, огромная на наши деньги), и уже знакомого нам рыцаря Роберта Salle, погибшего от руки виллана из отряда Роу (в доме Роберта инсургенты взяли имущества на двести фунтов) [300]. На следующий день (вторник, 18-го июня) во главе большого отряда норфолькцев и сэффолькцев Бэкон явился в город Ярмут. Он заставил горожан выдать ему королевскую грамоту, дававшую самоуправление этому королевскому городу («cartam Regis predictam de libertate ville predicte»), и, получив ее, разорвал ее на две части, из которых одну оставил у себя, а другую отослал капеллану Джону Роу и другим, действовавшим в Сэффолькском графстве [301]. Сделав нападение на дома Гуго Фастолфа, Уильяма Элиса [302] и Джона Роллсби, Бэкон и его сподвижники взяли найденное здесь имущество ценностью в тысячу фунтов и, между прочим, хранившиеся у этих лиц (повидимому, причастных к городскому управлению) свитки, в которых был определен размер платимых городом в королевское казначейство ежегодных денежных взносов («rotulos et obligaciones de custum' domini Regis») [303]. На следующий день (в среду, 19-го июня) они разбили находившуюся в городе королевскую тюрьму и, найдя

в ней нескольких заключенных, одного из них освободили, а остальных обезглавили [304]. В ту же среду инсургенты вышли из Ярмута, оставив позади себя не мало разрушенных и ограбленных домов и обезглавленных трупов.

Разгром помещичьих усадеб, сожжение всякого рода документов, в той или иной форме определявших и закреплявших зависимое положение низших классов и привилегии высших, взимание денежных выкупов, а порою беспощадное избиение людей влиятельных и богатых, королевских чиновников и министериалов феодальных сеньеров, — все эти подробности так же характерны для дальнейшей деятельности Бэкона и организованного им отряда, как и для разрозненных революционных вспышек в отдельных селах и деревнях Норфолькского и Сэффолькского графств [305]; эти отдельные вспышки скоро сливались в общее пламя, так как жители сел и деревень, уже поднявших восстание до прихода Бэкона и его ополчения, с появлением его немедленно становились под его знамена [306].

Восстание в *Кэмбриджском графстве* началось в первой половине июня. Уже девятого числа этого месяца мы видим восставших в разных местностях графства занятыми разгромом домов и усадеб различных лиц (в числе их мирового судьи Эдмонда де Уолсингэма) и продажею их имущества [307]. Теми же чертами характеризуют протоколы дальнейшую деятельность инсургентов Кэмбриджского графства, приводя огромное количество случаев подобного рода, различающихся лишь по именам действующих лиц, местностей и по дням недели, в которые они произошли. Продажа имущества пострадавших лиц, до дерева с разрушенных домов включительно, принимает здесь совершенно систематический характер, так мало напоминая нам бескорыстие разрушительной деятельности инсургентов Эссекса и Кента, особенно резко проявившееся при разгроме столицы.

Способы, с помощью которых здесь подымали население, те же, что и в других графствах. О некоем Томасе Ро (Thomas Roe) из Wededitton'a, например, присяжные показали, что в продолжение недели до и после праздника Тела Христова (четверг, 13-го июня) он призывал к восстанию жителей сотен Chenelee Radef, грозя им смертью и сожжением их домов и заявляя, что таково повеление и воля короля («fingendo illud esse mandatum et voluntatem domini Regis») [308]. Джон Стэмфорд (Stamford), седельный мастер (sadeler) из Лондона, возмущая народ в Кэмбриджском графстве, заявлял, что у него в ларце есть полномочие от короля истреблять королевских изменников [309]. Джон Грэйстон (Greyston) из Bodekesham'a, побывавший в Лондоне и в Кенте и присутствовавший при убийстве архиепископа, приора и других, вернулся к себе в Bodekesham в воскресенье, 16-го июня, и затем отправился в Wilburham, Swaffham, Burwell и другие деревни и здесь стал показывать грамоту за королевскою печатью, заявляя, что этою грамотой он уполномочен королем собирать народ во всех деревнях для истребления изменников и всех, кого он, Грэйстон, назовет; и при этом грозил жителям названных деревень смертью и сожжением их домов, если они не восстанут и не последуют за ним. Таким путем Грэйстону удалось собрать большую толпу, и с нею он производил все то, что другие производили в том же и в других графствах; только грамота за королевскою печатью оказалась вовсе не тем, за что он ее выдавал: это была охранная грамота, выданная ему из королевской канцелярии год назад и уже утратившая свою силу вследствие истечения срока ее дей-

ствия; конечно, это разоблачилось только перед судебною комиссией, приговорившей Грэйстона к отсечению головы [310].

Последние два случая указывают на связь кэмбриджширского движения с восстанием на юге Англии, и рядом с ними можно поставить несколько еще более красноречивых указаний, не оставляющих на этот счет никакого сомнения.

Главным вождем восставших в Кэмбриджшире был Джон Гэнчэч (Hanchach), все время восстания разъезжавший по графству с отрядом, набранным из многих графств [311]. Рядом с ним присяжные называют еще нескольких лиц, побуждавших народ к восстанию и действовавших в качестве руководителей отдельных отрядов. Некоторых из них мы уже назвали. Кроме них, укажем на Джона Сэффри (Iohannes Saffrey de Stowe jnxta Angleseie), который «по собственной охоте и злонравию поехал к сообществу злодеев и оказал им содействие лично и с помощью своих слуг» [312]; на Гальфрида Кобба (Galfridus Cobbe), владельца земель и держаний в семи деревнях, восставшего вместе с «подданными своими» («cum aliis subditis suis») и поднимавшего народ именем короля, который будто бы уполномочил его на это [313]; на Джона Пепера из Линтона (Iohannes Peper de Lynton), знаменосца в отряде Джона Гэнчэча [314]; на Джона Кука из Бертона (Iohannes Cook de Berton) [315]; на Роберта Тэпелла (Tanell), предводителя инсургентов Сэффолькского графства, принявшего деятельное участие в Кэмбриджширском восстании [316], а также на Ричарда де Лестер (de Leicester), товарища его Джона Бэка (Buk), Адама Климма (Clymme) и капеллана Джона Майкела (Michel), ведших восстание в городе Или (Ely) и его окрестностях [317].

В субботу, 15-го июня, главные силы восставших с Джоном Гэнчэчом, Гальфридом Коббом, Джоном Сэффри, Робертом Тэпеллом и другими вождями мы находим в окрестностях города Кэмбриджа. Здесь инсургенты разграбили, разрушили и сожгли дома и усадьбы мирового судьи и близкого человека герцога Ланкастерского Томаса Геселдена (Haselden) в Stepelmorden'e и Geldenemorden'e, ордена госпитальеров в Shengeye, Shipenham'e и Dokeswurth'e, Томаса de Swaffham в Reche и Burwell'e, шериффа кэмбрижского графства Генри Инглиша (English) в Дэттоне (Dutton) и распродали скот, хлеб в зерне и другое найденное в них имущество [318].

В ту же субботу после праздника Тела Христова бэйлиффы и община горожан города Кэмбриджа, — читаем мы в *Парламентских Свитках* пятого года царствования Ричарда II, — согласившись между собою и своим мэром, собрались и поехали к госпиталю в Shengeye и к дому Томаса Геселдена, на расстоянии шести миль и более от города Кэмбриджа, встретили здесь многих изменников и врагов короля из тех, которые восстали против короля и его короны в графстве Кэмбриджском, и вступили с ними в заговор [319]. Вернувшись в тот же день в город, они отправились вместе с своим мэром Эдмондом Листером (Lystere, Lister) [320] в ратушу (a l'Ostiel) и здесь сделали торжественное оповещение восстания [321]; отсюда они отправились в дом, где взимались торговые пошлины в пользу города, в так называемый на языке того времени Tolboth, и здесь избрали Джэка Грэнчестера своим вождем, заставив его под страхом смерти дать клятву, что он будет делать все, чего они от него ни потребуют; тут же они единодушно сделали этого Джэка и его брата Томаса свободными гражданами города Кэмбриджа [322]. Около десяти часов ночи на колокольне церкви св. Марии зазвонили в колокол [323].

Мэр, бэйлиффы, горожане и община города опять собрались в Tolboth. После непродолжительного совещания они объявили, что все должны отправиться к дому университетского педеля (universitatis pedelli) Уильяма Уигмора (Wigmore), дом разрушить, а самого педеля, если удастся его захватить, обезглавить [324]. Немедленно большая толпа двинулась к указанному дому, разрушила его и унесла найденное в нем имущество [325].

Отсюда вся эта толпа с мэром и бэйлиффами отправилась к коллегии Тела Христова, находившейся под патронатом герцога Ланкастерского [326]. Восставшие ворвались в помещения главы коллегии (magistri) и студентов, разломали ящики, в которых хранились книги, грамоты и всякого рода иные документы, определявшие права и вольности коллегии, некоторые из них тут же изорвали на куски, остальные захватили с собой, выломали двери и окна в коллегии, а также часть стен ее, и унесли с собой вместе с найденными здесь драгоценностями и прочею движимостью, всего на тысячу фунтов стерлингов. Глава коллегии и студенты успели заблаговременно скрыться; толпа тщетно искала их по всем зданиям коллегии и удовольствовалась тем, что исколотила подвернувшуюся ей под руку университетскую прислугу [327].

Разгром коллегии продолжался всю ночь и утро следующего дня. Утром 16-го июня кэмбриджские горожане («les ditz Burgeys et Communaltee») собрались большими толпами и, отправившись за город, привели с собой инсургентов с Джоном Гэнчэчом, Гальфридом Коббом и другими их вождями и вместе с ними стали продолжать начатое [328]. Под предводительством мэра и бэйлиффов они подступили к дому, где жил канцлер университета, и заставили канцлера и начальников отдельных коллегий, под страхом смерти и сожжения всех университетских зданий, отказаться от всех вольностей и привилегий, когда бы то ни было дарованных университету английскими королями; дать обещание, что они будут всегда и во всем подчиняться правилам и распоряжениям, исходящим от города, согласно праву Англии и древним обычаям города Кэмбриджа; взять на себя обязательство, под страхом уплаты горожанам к следующему Рождеству трех тысяч фунтов, на свои средства освободить горожан от всех обязательств по отношению к королю и другим лицам, явившихся в результате споров и тяжб, возникавших между университетом и городом Кэмбриджем, отказаться от всякого рода исков, как личных, так и имущественных, вчиненных когда-либо или теперь вчиняемых против мэра, бэйлиффов, горожан и общин, равно как и отдельных лиц общины города Кэмбриджа и их наследников, в результате каких бы то ни было обязательств, правонарушений, преступлений и договоров и т. п. Все это было оформлено и юридически закреплено в виде двух документов, тут же выданных горожанам университетом, который принужден был отдать им королевские грамоты и другие документы, утверждавшие за ним все его вольности и привилегии [329].

Эти последние документы (между ними были и папские буллы) были вынесены на городскую площадь. Толпа бросилась на них с ножами, палками, топорами и другими орудиями, отрезала и оторвала от них печати, искрошила их на мелкие куски и затем все это зажгла [330]. Предание гласит, что, когда огонь превратил в пепел все грамоты университета, некая старуха, по имени Маргарита Стерр (Sterre), подошла к погасшему уже костру и, собрав весь

пепел, развеяла его по ветру с таким напутствием: «Пусть так исчезнет и мудрость ученых» («abscedat clericorum peritia, abscedat») [331].

Покончив с университетом, восставшие стали грабить дома отдельных лиц [332] и даже церкви. Так, они ворвались в церковь св. Марии, когда там совершалось богослужение, и, к великому смущению священника, служившего обедню, и бывших в церкви прихожан, разломали ящик с драгоценностями и всякой утварью и тут же продали ящик некоему Джону Гиббону старшему за десять шиллингов [333]; подобный же ящик с драгоценностями и с книгами («unam cistam cum jocalibus et libris») разломали они и очистили и в церкви монахов-кармелитов [334].

На следующий день к мэру в Tolboth явилась огромная толпа народа и заявила ему следующее: «Ты — мэр этого королевского города и правитель нашей общины. Если ты не захочешь согласиться с волей и приказанием нашим и не станешь делать того, что будет тебе приказано от имени короля Ричарда и верной общины короля, немедленно будешь обезглавлен». Мэр потребовал, чтобы ему показали королевскую грамоту, в которой была бы выражена воля короля, но в ответ на это его схватили за грудь, и над его головою засверкали мечи и топоры. Возбужденная толпа потребовала («invitis dentibus suis sibi dixerunt»), чтобы он немедленно исполнил волю общины — отправлялся с ними за город и отнял у бернуэлского приора общинное пастбище, которое еще с незапамятных времен принадлежало всем горожанам и простолюдинам, живущим в городе Кэмбридже («omnes burgenses ac communes residentes in villa Cant»), как держателям короля и города («ut tenentes Regis et ville predicte»), а впоследствии незаконно было отнято у них бернуэлским приором и обнесено изгородью и засажено деревьями; предварительно мэр должен сделать оповещение в этом смысле по всему городу, грозя смертью всем, кто не пойдет с ним восстановлять нарушенное право [335].

Позволительно, конечно, сомневаться, чтобы дело происходило именно так, как мы сейчас передали его со слов кэмбриджского мэра, чтобы мэр, принимавший такое деятельное участие в походе на университет, в данном случае, когда шла речь о возвращении городу менее существенного права, являлся лишь невольным орудием мятежных горожан, а, попав на скамью подсудимых, оказался угнетенной невинностью, страдающей за чужие прегрешения. Как бы то ни было, оповещение было сделано, и вооруженные толпы народа под предводительством кэмбриджского мэра двинулись за город к Бернуэлскому монастырю. Деревья, покрывавшие пастбище, были срублены, частокол сломан, рвы засыпаны землею; запруды, устроенные приором на реке и отгораживавшие часть ее в исключительное пользование монастыря, были снесены; как луг, так и река стали общинной собственностью кэмбриджских горожан, которые тут же и осуществили свое право, наловив рыбы в бывших монастырских садках. Толпа проникла за монастырскую ограду и, разрушив здесь несколько домов, а также иным способом причинив монастырю не малый ущерб, заставила приора и монахов дать ей письменное обязательство, подвергавшее их опасности уплатить горожанам две тысячи фунтов в случае, если они станут вчинять против горожан иски о понесенных ими убытках [336].

Судебные протоколы весьма подробно сообщают нам о восстании, происшедшем во владениях епископа Илийского; подробности эти так характерны,

что мы считаем необходимым воспользоваться ими в интересах конкретности нашего рассказа.

Восстание на острове Или (insula de Ely) началось 15-го июня; вождями его были Ричард Лестер (Ricardus de Leicestere), довольно зажиточный купец из города Или, главный руководитель движения [337], неизменный спутник его Джон Бэк (Buk) [338], Адам Климм (Climme), знакомый нам предводитель отряда сэффолькских инсургентов Роберт Тэнелл (Tanell) и капеллан Джон Майкел (Michel). По словам присяжных, капеллан Джон Майкел ушел с о-ва Или в Сэффольк, в отряд капеллана Джона Роу, и сделался там одним из помощников Роу, затем возвратился на о-в Или и стал призывать жителей его к восстанию [339].

В субботу, 15-го июня, Ричард Лестер, собрав большую толпу народа (с ним был и Джон Бэк), стал разъезжать по городу Или и объявлять всем и каждому из жителей его без различия состояний, чтобы они восставали и шли с ним истреблять изменников, которых он назовет им по указанию короля Ричарда и верных общин («ex parte dom. Regis Ricardi et fidelis communitatis») [340]. В тот же день толпа с Адамом Климмом во главе ворвалась в дом Томаса Somenour, захватила податные списки за зеленой печатью и другие документы, исходившие из королевской курии («diversos rotulos exitus viride cere dom. Regis et Episcopi Eliensis ac alia munimenta Curiam dom. Regis tangencia») и тут же сожгла их [341]. В Wrattyng'e были сожжены протоколы курии илийского приора, а в Balsham'e, резиденции епископов илийских, деревне, находившейся в десяти милях на восток от Кэмбриджа [342], той же участи подверглись протоколы епископских курий и другие документы, хранившиеся в помещении епископа [343].

На следующий день (воскресенье, 16-го июня) Ричард Лестер с Джоном Бэком и многими другими отправился в Илийский монастырь и здесь, взойдя на церковную кафедру, объявил всенародно от имени короля Ричарда и общины, чтобы все шли расправляться с изменниками под страхом смерти и сожжения домов [344].

После этого Адам Климм оповестил по всему острову, что все без исключения юристы и должностные лица должны быть обезглавлены [345]. Тотчас же дорога и мост, через которые шло сообщение о-ва Или с окружающими его местностями, были заняты вооруженным отрядом с Уилльямом Комбером (Combere) во главе, который должен был следить за тем, чтобы никто из слуг короля и епископа илийского не мог уйти невредимым; тогда же силы илийских инсургентов увеличились прибытием на остров сэффолькцев под предводительством Роберта Тэнелла [346].

В понедельник (17-го июня) Ричард Лестер присудил к смерти мирового судью кэмбриджского графства Эдмонда де Уолсингэм. В городе Или в присутствии огромной толпы народа королевский судья был обезглавлен, и голова его была выставлена у позорного столба [347]. Протокол сообщает интересные подробности об этом случае народного самосуда. Когда Уолсингэма вели на казнь, Джон Бэк бросился на него и оторвал прикрепленный к его платью кошелек; в кошельке оказалось 42 пенса с фарзингом; из этих денег он дал некоему Джону Deye из Wynelyngham'a (принимавшему участие и в разгроме кэмбриджского университета), исполнявшему роль палача, один шиллинг «за труд» («pro labore suo»). Попав впоследствии на скамью подсудимых, Бэк по-

казал, что он присутствовал при казни Уолсингэма, отправившись туда вместе со многими другими по приказанию восставших; когда же суд осведомился у него, по чьему приказанию он отнял у Уолсингэма кошелек с деньгами, он отвечал, что по приказанию дьявола, как он думает («dixit quod credit ex precepto diaboli»). Как ни чистосердечна могла быть эта ссылка на врага рода человеческого, тем не менее судебная комиссия не нашла в ней юридической убедительности, и Джон Бэк поплатился головою за все свои прегрешения вольные и невольные, и имущество его ценностью в 20 фунтов поступило в королевское казначейство [348].

В тот же день была разбита тюрьма епископа илийского, и все заключенные в ней были отпущены на свободу [349]; тогда же были сожжены книги епископа вместе с протоколами его курии и другими документами [350].

Во все время илийского восстания Адам Климм разъезжал по острову с обнаженным мечом в одной руке и со знаменем в другой, поднимая народ и заставляя его следовать за собою, и, «изменнически захватив таким образом королевские права», объявлял повсеместно, чтобы все, как вилланы, так и свободные держатели, под страхом отсечения головы, перестали отбывать службы своим господам и поступали так, как он им сообщит от имени «большого сообщества» («ex parte magne societatis») [351].

Во вторник, 18-го июня, часть илийских инсургентов с Робертом Тэнеллом вышла из пределов острова и отправилась в графство Гэнтингдонское, к аббатству Ramsey [352].

О восстании в *графстве Гэнтингдонском* (Huntingdonshire) мы имеем скудные сведения. Кроме только что приведенного известия о походе илийцев с Тэнеллом к Рамзэ, укажем еще на другой факт в том же роде: один из видных деятелей в Кэмбриджском графстве Джон Кук (Cook) вместе с некиим Джоном Гэпкином (Hankyn) собрали толпы народа возле Swasheth'a и Fendrayton'a и повели их в Fenstanton в Гэнтингдонском графстве [353]. Известна нам и еще одна подробность. Жители города Гэнтингдона не только не приняли участия в восстании, но даже оказали вооруженное сопротивление восставшим, когда те подступили к их городу, и остановили их дальнейшее движение; за это они получили благодарность от короля, который на пять лет уступил в их пользу все пошлины с товаров, привозимых в город как водою, так и сушей; деньги эти должны были пойти на устройство мостовых в городе («in auxilium ville predicte paviande») [354]. Вождем восстания в Гэнтингдонском графстве *Парламентские Свитки* называют Роберта Фиппа (Phippe) [355].

Столь же скудными сведениями располагаем мы о восстании в *графстве Нортгэмптонском* (Northamptonshire). Мы знаем, что произошли беспорядки в городе Нортгэмптоне, что движение здесь было направлено против мэра и других городских нотаблей («probos et legales homines») и что руководил восстанием некто Уильям Нэнтон из того же города [356]. В Питерборо (Peterborough) восстали держатели местного аббатства вместе с окрестными жителями с намерением разрушить монастырь, но были отражены во-время подоспевшим отрядом норичского епископа [357].

В *графстве Дэрби* (Derbyshire) восставшие, руководимые Томасом, сыном Годефрида Folicambe, и Джоном Smith'ом из Staneleye, напали на аббата Дэльского монастыря (de la Dale) Уильяма возле города Дэрби («apud Derby»),

избили его и его слуг («homines et servientes suos»), и он в страхе за свою жизнь бежал [358].

В *Линкольншире* (Lincolnshire) восстание носило, повидимому, тот же характер, что и в других графствах. Между прочим держатели («homines et tenentes») ордена госпитальеров в пределах этого графства отказались отбывать повинности («consuetudines et servicia»), связанные с их держаниями («pro tenuris suis»), стали собираться толпами и грозить вооруженным сопротивлением управителям и их слугам, если они опять вздумают принуждать кого-либо из них работать на орден [359].

О том, что происходило в *Лестерском графстве* (Leicestershire), некоторые сведения сообщает нам Найтон. Как-то вечером в город Лестер явился какой-то человек и сообщил мэру, что отряд восставших из Лондона приближается к городу, что сейчас он у Гарборо (Harborough), а завтра в первом часу дня он будет здесь, чтобы разрушить и разграбить дворец герцога Ланкастерского. Известие это привело мэра в немалое смущение и страх. Он не знал, как ему поступить: оказать ли инсургентам вооруженное сопротивление, или же открыть им ворота, чтобы не подвергать себя и город риску поражения и всех связанных с ним последствий; но второй выход еще тем был неудобен, что мог навлечь на него обвинение в соучастии с восставшими. Не будучи в состоянии сам справиться с этой дилеммой, мэр созвал городских нотаблей («convocavit vicinos suos juratos et alios peritiores»), и они решили сделать в эту же ночь от имени короля оповещение, чтобы все жители города, как богатые, так и бедные, как хозяева, так и слуги («tam magistri quam servientes»), вооружившись, кто чем может, под страхом наказания, завтра рано утром отправлялись на холм Голтергилл (Galtrehill), что возле города, чтобы дать отпор врагам. Оповещение было сделано у высокого креста («ad altam crucem villae») и у четырех ворот города, и ранним утром около 1.200 человек («tam de bonis et aliis») вооруженные явились к указанному месту. Но пустить в ход свое оружие им не пришлось: неприятель не показывался. И на следующий день горожане собрались на Голтергилле и даже разослали во все стороны разведчиков; но ни неприятель не появлялся, ни разведчики не возвращались («nec erat aliquis eorum qui rediret nunciare eis sive bonum sive malum»), оставляя ополчение в великой тревоге.

Между тем в город прибыл из Лондона хранитель гардероба (custos gardropiae) герцога Ланкастерского. Он тоже боялся прихода в Лестер инсургентов и хотел спасти имущество герцога, находившееся в его Лестерском замке. С этой целью он поспешно нагрузил несколько повозок добром герцога, найденным в замке, и велел отвезти его в лестерское аббатство на сохранение. Каково же было изумление и, вероятно, негодование верного слуги герцога, когда аббат решительно заявил, что вещей герцога он не примет ни в каком случае: поступить иначе значило бы подвергнуть монастырь опасности неминуемой гибели, так как общины ненавидят герцога Ланкастерского больше всех остальных смертных, и, попадись он им в руки, ему бы не сдобровать [360]. Повозки принуждены были повернуть обратно [361].

Дождались ли лестерцы прихода инсургентов, или же непосредственно перешли к повседневным занятиям мирной жизни, лестерский каноник ничего нам об этом не говорит. Впрочем, едва ли может быть сомнение, что тревога оказалась напрасною, иначе летописец не преминул бы сообщить нам все

перипетии борьбы. Ничто не мешает нам предположить, что слух о приближении лондонских инсургентов был пущен с целью поднять низшие классы городского населения; подобные факты нам уже встречались при изучении восстания в других местностях.

О восстании в *Йоркшире* (Yorkshire) нам известно только то, что происходило в городах Йорке, Скарборо (Scarborough) и Беверли (Beverley).

Беспорядки в Йорке начались задолго до общего восстания, чуть не за год. До слуха короля, лордов и общин, заседавших в парламенте в Нортгэмптоне (с 1-го ноября четвертого года) (том самом, который разрешил поголовный налог), дошла следующая весть. В понедельник, ближайший после праздника св. Екатерины (27-го ноября), некоторые из жителей Йорка вступили между собою в соглашение («par fauxe confederacie et alliance entre eux faite») и, присвоив себе королевские права («actochant a eux Roiale poair»), восстали и изгнали из города своего мэра Джона de Gysburgh. После этого они отправились к гилдголлу (ратуше), при помощи топоров и других орудий выломали здесь окна и двери, проникли в здание и заставили Симона де Куиксли (de Quixly) принести им присягу в качестве новоизбранного мэра. Симон принужден был сделать это против своей воли и воли городских нотаблей («bones gentz de la dite Citee»), которые, с своей стороны, должны были под страхом смерти принести присягу новому мэру. Затем восставшие издали целый ряд новых постановлений «против закона и добрых обычаев города» («a contraire de la Loie et les bones Custumes de la dite Citee») и между ними следующее: как только на мосту раздастся звон колокола, будь то днем или ночью, все горожане должны подниматься [362]. И много других «ужасных» деяний («et plusours horribles faitz») совершают они изо дня в день на «погибель» этого города и угрожая великой опасностью всему королевству, если быстро не будут приняты решительные меры для наказания их и в назидание всем другим «лихим людям в королевстве».

Король, по соглашению с лордами и общинами, постановил для расследования этого дела не медля послать в Йорк графа Нортэмберлэнда (Northumberland) вместе с другими сеньерами, рыцарями и эсквайрами; они должны были прислать в королевский совет список лиц, которые будут найдены виновными, и вместе с ним двадцать четыре самых главных советчика и коновода. Симону де Куиксли должен был быть послан королевский приказ немедленно же сложить с себя сан и в назначенный день явиться для ответа к королю и его совету; два другие приказа должны быть отправлены: один — Джону de Gysbourn (sic), чтобы он вступил в отправление своих обязанностей мэра, избранного законным порядком, другой — бэйлиффам, bones gentz и всей общине города Йорка, чтобы они, под страхом конфискации имущества, повиновались Джону, своему мэру, как лицу, представляющему в городе особу короля («come a celuy q̄ represent l'estat n̄re Sr le Roy en le dite Citee»); этот последний приказ должен был быть оповещен по всему городу, чтобы никто не мог отговариваться незнанием [363]. Чем кончилось это дело, мы не имеем об этом сведений; вероятно, порядок был восстановлен.

В момент общего восстания мэром в Йорке мы застаем Симона де Куиксли. О восстании в Йорке нам известны только два факта, несмотря на то, что парламент даровал Йорку амнистию за огромную по тому времени сумму — тысячу фунтов [364]. Собравшись огромными толпами («in exscessivis numeris

congregati»), йоркские горожане, между прочим, разрушили стены и ворота госпиталя св. Леонарда, а также стену, окружавшую помещение братьев-проповедников [365]. Городские власти принимали деятельное участие в восстании (если только они не были его инициаторами). Толпа с мэром и бейлиффами во главе схватила пятерых состоятельных горожан, посадила их в тюрьму и не выпускала до тех пор, пока они под страхом смерти не внесли в гилдголл больших сумм денег и не выдали обязательств, тоже на крупные суммы, что не будут вчинять никаких исков по поводу всего случившегося [366].

В Скарборо горожане соединились с жителями соседних местностей, разграбили и разрушили дома некоторых лиц в городе, других заставили силою присоединиться к их сообществу, сменили должностных лиц и избрали новых. Восставшие вступили во владение расположенными в городе землями Алисы де Уэкфилд (Wakefield), сестры епископа уорикского (Warwick). Многие из них носили особые белые шапки с красными нашивками («quandam liberatam de unica secta capiciorum alborum cum liripipiis rubiis») [367].

О беспорядках в г. Беверли нам известно следующее. Во вторник после праздника св. Иоанна Беверлакского, в мае месяце 1381 года, Адам Coppendale, Стефан Coppendale и еще двенадцать купцов и промышленников города вместе с другими отправились в залу общих собраний гильдии блаженного Иоанна Беверлакского у ворот Уокергэт («apud communam aulam gilde beate Johannis Beverlaci Walkergate») и захватили здесь двадцать фунтов деньгами, общую печать общины города Беверли и различные грамоты и иные документы об щины ценностью в 100 фунтов [368].

Во время общего восстания некоторые из жителей города Беверли, забыв о своем благосостоянии («sue prosperitatis immemores») [369], вступили в заговор и восстали против именитых и состоятельных горожан («probiores et magis sufficientes Burgenses ejusdem ville»), привлекши на свою сторону городскую массу («mediocres et minus sufficientes homines de communitate ville illius») [370]. «Присвоив себе королевские права» («assumentes taliter super se regiam potetsatem»), они путем угроз и заключения в тюрьму и «иными бессмысленными и неслыханными способами» заставили именитых горожан выдать олдермену Ричарду Мидделтону и казначеям Томасу Уайту Тайлеру и Генри де Ньюуорк письменные обязательства на большие суммы денег в том, что они явятся на суд к этим лицам («de standо arbitrio sive judicio earumdem personarum») [371]. Среди пострадавших probiores et magis sufficientes Burgenses мы встречаем десятерых виновников майских беспорядков [372].

Остается сказать несколько слов о движении в юго-западных графствах.

В *Сомерсетшире* (Somersetshire) руководителем восстания был капеллан Николай Фромптон (Frompton). Особенно серьезный характер движение носило в городе Бриджуотере (Bridgewater), как видно из того, что на жителей его не была распространена общая амнистия, дарованная королем участникам восстания в парламенте, собравшемся после восстания [373]. К сожалению, мы ничего не знаем о том, что же именно происходило в Бриджуотере, кроме того, что толпа с Фромптоном и Томасом Ingelby во главе напала на дом госпитальеров и заставила заведующего домом возвратить жителям Бриджуотера выданные ими ему обязательства и, с своей стороны, выдать городу обязательство на 200 фунтов стерлингов. Отсюда толпа отправилась в соседние

деревни East Chilton и Sydenham, убила здесь нескольких человек и сожгла манориальные документы местных сеньеров [374].

О восстании в *Беркшире* (Berkshire) нам мало известно. Кроме нескольких имен инсургентов из Абингдона [375], документы сообщают нам следующий факт. Король Эдуард III назначил на приход Cleobury («ad prebendam de Cleobury in ecclesia beate Marie sarum») некоего клирика Уилльяма Солсбэри (Salesbery). Некто Давид Колуил (Coluyle), тоже клирик, запасшись документом от папского двора («colore cujusdam provisionis sibi per sedem apostolicam nuper facte»), завладел этим приходом и заставил Солсбэри удалиться. Об этом узнали в столице, и король приказал посадить папского ставленника в тюрьму Маршалси. И вот, когда вспыхнуло общее восстание, Давид разбил тюремные запоры и с большой толпою вооруженных людей отправился в Cleobury и насильственно вторично завладел приходом, изгнав оттуда Уилльяма [376].

Восстание в *Гэмпшире* (Hampshire, Hants) засвидетельствовано парламентскими протоколами, в которых приведен список лиц, принимавших участие в волнениях в Уинчестере и не получивших амнистии [377].

Простым констатированием факта приходится ограничиться, говоря и о восстании в *Дорсетшире* (Dorsetshire) [378], в *Уилтшире* (Wiltshire) [379], а также в *Оксфордском графстве* (Oxfordshire) [380].

Повидимому, в той или в другой форме взрыв в центре отразился во всех без исключения графствах Англии, как можно заключить из того, что приказ принимать меры против восставших был отправлен во все графства [381].

Мы оставили Лондон в тот момент, когда на зов короля в столице собралось большое войско, в гилдголле заседала судебная комиссия под председательством лорда-мэра и творила суд и расправу над попавшими в руки правительства участниками восстания, и король разослал по графствам приказ, чтобы местное начальство и все верные подданные вооруженною рукою и иными способами оказывали сопротивление восставшим и приводили их к покорности, а также опровергали пущенный восставшими в народе слух, будто инициатива восстания исходила от него, короля, будто бы давшего на него свое согласие и приказ.

Первые дни после этого мы застаем короля попеременно то в Лондоне, то в Уолтэме (Waltham), в Гертфордском графстве, во главе рыцарского ополчения. Повидимому, для правительства еще не вполне был ясен план действий, и сосредоточившаяся в его руках сила первое время еще не находила применения [382]. Из этого состояния нерешительности его вывели известия из Эссекса. Эссекские крестьяне, так доверчиво отнесшиеся к обещаниям короля на Майл-Энде и мирно удалившиеся из столицы, чтобы пользоваться полученной от короля свободой, увидели, что их свободе грозит опасность, несмотря на всю несомненность королевской грамоты; в этом их убеждало поведение местных властей и местного дворянства, опять почувствовавших свою силу и окончательно воспрянувших после королевского приказа, нами упомянутого. По словам летописца, жители Эссекса опять стали подниматься и, собравшись в деревне Биллерикэй (Billericay), по соседству с деревней Гэтфильд Певерел (Hatfield Peverel), «решили или добиться свободы, или умереть, сражаясь за нее» [383]. Прежде, однако, чем приступать к решительным дейст-

виям, они послали к королю в Уолтэм депутатов, чтобы в ту или другую сторону рассеять свои сомнения, узнать вполне определенно намерения короля; летописец прибавляет, что им, кроме того, поручено было ходатайствовать перед королем (по всей вероятности, в случае благоприятного ответа короля на первый их запрос) об освобождении эссекских крестьян от обязательства являться во владельческие курии в иных случаях, кроме двух раз в год для проверки десятен свободного поручительства («ad visum franciplegii») [384]. Как и следовало ожидать, ответ короля окончательно разбил все их надежды на мирный исход дела и равнялся формальному объявлению войны. И война началась.

Вслед за крестьянскими депутатами в Эссекс был отправлен отряд под начальством Томаса Уудстока, графа Бэккингэма, и Томаса Перси (брата графа Нортэмберлэнда); но прежде чем отряд этот прибыл к тому месту, где крестьяне стояли лагерем, окопавшись рвами, окружив себя частоколом и повозками, а с одной стороны защищенные лесом, крестьяне уже были разбиты подоспевшими силами местных магнатов и рассеялись по лесу. Королевский отряд окружил лес и стал преследовать бежавших. Было убито пятьсот человек, остальные скрылись; в виде добычи победителям досталось восемьсот лошадей, служивших инсургентам для перевозки поклажи [385].

Это поражение не заставило эссексцев сложить оружие. Ускользнувшие из рук Уудстока и Перси крестьяне опять собрались и направились к северу. У стен Колчестера (Colchester) они стали путем просьб и угроз склонять к восстанию жителей этого города, но потерпели неудачу и двинулись к городу Сэдбэри (Sudbury), чтобы здесь повторить свою попытку. Здесь на них внезапно напал отряд Фиц-Уолтера и Джона Гарлестона (Harleston), узнавших о направлении их движения, многих из них перебил, а остальных взял в плен; часть пленных начальники отряда отпустили на свободу, остальные были отправлены в тюрьмы [386].

Приблизительно в это же время было подавлено восстание в графствах Норфолькском, Кэмбриджском и Нортгэмптонском благодаря энергичным мерам молодого норичского епископа Генри Спенсера (le Spenser). Находясь в своем мэноре Бэрли (Burlee), вблизи королевского замка Окэма (Ocham) и невдалеке от Стэмфорта (Stamfort) (в Лестершире), Спенсер услыхал, что в Норфольке происходят волнения; со свойственной ему пылкостью он немедленно же надел рыцарские доспехи и во главе небольшого отряда отправился на место действий. Смелость и энергия воинственного прелата ободрили всех, кого восстание загнало в самые потаенные места, и отряд его постепенно увеличивался представителями рыцарства тех мест, через которые он проезжал [387]. Возле Кэмбриджа, у стен Бернуэлского монастыря Спенсер рассеял кэмбриджских инсургентов, которые, как мы видели, явились сюда, чтобы отнять у монастыря захваченное некогда им их общинное пастбище, и взяли с приора обязательство на крупную сумму денег, что он не будет вчинять иска об убытках. Некоторые из восставших были убиты, другие взяты в плен; часть пленных получила от епископа свободу, дав клятву, что впредь не будут участвовать в подобных делах; остальные были заключены под стражу [388]. Возле Икклингэма (Icklingham, невдалеке от Ньюмаркета) он встретил депутацию, посланную Листером к королю за освободительной грамотой. Депутация эта, как мы уже знаем, состояла из инсургентов Сета, Трэнча и Кьюбита и двух плен-

ных рыцарей — Томаса Морли и Джона Brews'a. Рыцари немедленно же присоединились к отряду епископа и выдали ему своих спутников-конвойных, которые и были без следствия и суда казнены по его приказу в Уаймондгэме (Wymondham), предварительно получив от епископа на исповеди разрешение от всех своих грехов [389]. Прибыв в Норич, епископ узнал, что Листер с огромными силами крестьян находится между Уолсэм-Маркетом (Walsham-Market) и Джимингэмом (Gimingham). В Фелмингэме (Felmingham), где у Листера был дом, Спенсеру сообщили, что накануне Листер был с своим отрядом в Торп-Маркете («apud Thorpmarket») и здесь сделал оповещение, чтобы все, кто желает добра королевству и общинам («omnes qui volehant bonum regni et communitatis), следовали за ним к Уолсэму, где он намерен оружием защищать народ от тирании епископа [390], и за ним пошли все способные носить оружие из соседних деревень. Спенсер поспешил к Уолсэму [391]. Инсургенты стояли здесь укрепленным лагерем, окопавшись рвами, окруженные частоколом, а в тылу поставив повозки обоза. Произошла битва. Инсургенты были разбиты наголову. Листер спрятался было в жниво; но его нашли и привели к епископу, который приказал подвергнуть его тройной казни: повешению, обезглавлению и четвертованию; впрочем, епископ не оставил его своим духовным напутствием в жизнь вечную и, по словам летописца, даже собственными руками поддерживал его голову, чтобы он не ушиб ее, когда его волочили к виселице [392]; части тела казненного были отправлены в Норич, Ярмут, Линн и в Фелмингэм и выставлены здесь в назидание всем нарушителям королевского мира [393].

Для характеристики способа действий норичского епископа весьма красноречивые подробности сообщает лестерский каноник, рассказывая о восстании держателей монастыря в Питерборо, нам уже известном. Как нам уже приходилось упоминать, восстание это было пресечено во-время подоспевшим отрядом Спенсера. По словам хроники, епископ никому не дал пощады; всем он воздал по заслугам: одних он заковал в цепи и посадил в темницы, других умертвил; многие искали убежища в церкви у алтаря, но епископ приказывал убивать их в этом священном месте, и монах-летописец не находит слов для восхваления деяний епископа, видя в нем орудие кары божьей, обрушившейся на голову нечестивых; ему даже кажется, что, пав от руки духовного лица в храме божьем, эти люди удостоились высокой чести, которой вовсе не заслужили [394]. Так же поступал епископ и в графствах Кэмбриджском и Гэнтингдонском, через которые проходил со своим отрядом [395].

22-го июня, находясь в Уолтэме, король назначил Роберта Трезилиана (Tresilian) главным судьею Англии (Capitalis Justiciarius, Chief Justice) [396], а на следующий день поручил ему вместе с Уилльямом Морерзом (Morers) председательство в чрезвычайной комиссии, отправляемой в Эссекс и Гертфордшир для суда и расправы над участниками восстания [397].

Король и сам отправился в Эссекс, надеясь, что его присутствие подействует умиротворяющим образом на жителей этого графства. По словам сенталбанского монаха, к нему явилось более пятисот эссексцев, босые и с обнаженными головами, и стали молить его о помиловании. Король даровал им амнистию, но с условием, чтобы они выдали зачинщиков и подстрекателей. Условие это было добросовестно исполнено, главные деятели восстания были заключены под стражу, и суд приговорил их к повешению, при чем иногда

вешали по девяти — десяти человек на одной виселице [398]. Судебные комиссии были разосланы по всей Англии и совместно с отрядами рыцарства графств приводили страну к порядку, а народ к повиновению *.

«И вот, — повествует лестерский каноник, — по королевскому повелению был послан судья Роберт Трезилиан для следствия над восставшими против мира и для наказания их. Разъезжая повсюду, он никому не давал пощады и произвел великое кровопролитие... Ибо над всеми, кто был обвинен перед ним в вышесказанном деле, справедливо ли, или из неприязни, он немедленно произносил смертный приговор. Одних он приказывал обезглавливать, других просто вешать, иных велел волочить через весь город, затем обезглавить, четвертовать и вешать в четырех концах города, у иных же приказывал выпускать внутренности и сжигать их на глазах у них, пока они еще были живы, а затем четвертовать их и вешать в четырех частях города, воздавая каждому по заслугам его» [399]. И слова эти вполне подтверждаются судебными протоколами.

Картина, которую рисует Джон Малверн, еще более поразительна; она к тому же шире и глубже захватывает предмет, рисуя процесс общественной деморализации, вызванный господством беззакония и безграничного произвола вернувшихся к власти правящих классов, не видевших никакой сдержки для своих разнузданных страстей и пылавших жаждой мести народу за его кратковременное господство и за свое унижение.

«Тогда повсюду можно было видеть королевского судью, производившего расследование об этих заговорщиках и всех виновных немедленно присуждавшего к повешению. Тогда были воздвигнуты виселицы там, где их прежде не было, потому что наличных нехватало для тел осужденных. Многие, участвовавшие в этом возмущении, бежали, чтоб их не схватили и вместе с другими не предали горькой смерти. Ужас объял народ при виде такого множества тел, висевших при свете дня, и печаль охватила его, когда многие, как изгнанники, стали покидать родную землю. И не видно было, чтобы суровость королевской кары сколько-нибудь стала смягчаться в присуждении этих наказаний виновным; мало того: еще более жестокими стали наказания невинных. И очень многим казалось, что в подобном случае королю следовало проявить

*) В какой форме выразилось участие в подавлении восстания местных сил, можно видеть из следующих фактов. Посылая судебные комиссии в Кент, Эссекс, Оксфордшир, графства Глостерское и Герефордское (Herefordshire), король поручает им собирать всех рыцарей и оруженосцев соответствующих графств и вести их против инсургентов и всех других врагов короля; члены комиссий должны всеми зависящими от них средствами пробуждать у рыцарей и оруженосцев готовность повиноваться их приказаниям и итти туда, куда их поведут; в заключение король наказывает всем баронам, рыцарям, оруженосцам и прочим своим подданным, чтобы они, под страхом конфискации имущества, во всем повиновались членам комиссий и содействовали им словом и делом. (*Record Office*. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 33 d.). Кентское дворянство изъявило готовность на свои собственные средства укрепить замки и поместить в них гарнизоны по сто человек в каждом, и король назначает сборщиков добровольного налога, предложенного для этой цели кентскими землевладельцами (*Record Office*. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 33). В письме к архиепископу йоркскому король приказывает ему вооружить всех homines defensabiles из клира его диоцеза в возрасте от 16 до 60 лет для защиты королевства от вражеских нападений и для подавления восстания (*Record Office*. Close Roll 5 Ric. II. m. 42).

благосклонность и снисходительность, а не руководствоваться чувством мести; тогда самые виновные, видя, что милость преизбыточествует там, где избыточествовало преступление («quod superabundaret gratia ubi abundavit delictum»), прекратили бы свои заговоры... Но... мстительная рука была простерта далеко, и посреди рыночной площади (в Лондоне) («in medio Chepe», ныне Чипсайд) было поставлено деревянное бревно (truncus ligneus) с топором для отсечения голов осужденным. Ибо сообразно качеству преступления они подвергались различным наказаниям: одних подымали на дыбы, других обезглавливали, иных разрывали на части, иных подвергали всем этим казням за-раз. Друзьям фландрцев, живших за Темзой и убитых руками сельской толпы, было позволено, по их просьбе, наказать убийц своих друзей, а женам убитых было дано право обезглавить убийц своих мужей» [400]. Когда, таким образом, казни не только не ослабевали, но с каждым днем число их увеличивалось, «многие стали ожесточаться («corde indurescere») и опять возвращаться к заговорам («et in conjurationis fomentum animum revocare»), стали собираться в лесных чащах, и их сходки все увеличивались вновь прибывавшими. Ибо они не видели другого средства избежать лютой смерти. Поэтому они предпочли собрать свои силы и мужественно погибнуть от мечей своих преследователей вместо того, чтобы подставлять свою шею рабству под игом жадных сборщиков или кончить жизнь в петле на виселице» [401]. Многие (plurimi), видя, что нет пощады никому, на ком каким бы то ни было образом оказывалось пятно заговора, стали обвинять в нем тех, к кому они питали застарелую ненависть, чтобы отомстить им [402]. Обвиняемому оставалось три исхода: или быть оправданным приговором двенадцати присяжных, или быть обвиненным и присужденным к позорному повешению, или, наконец, чтобы избежать смерти, стать ложным обвинителем; и ими делались обвинявшиеся в самых тяжких преступлениях. Страсти разнуздались. Многие становились ложными обвинителями, чтобы имуществом своих жертв насытить свое корыстолюбие и свести с ними старые счеты. И это происходило не только среди мирян: и лица духовные подавали изветы на своих прелатов [403]. Многие каноники принуждены были искать убежища в Уэстминстере [404]. «Грустно было видеть, как... раб обвинял своего господина, свободный восставал на своего соседа, жена доносила на мужа, служанка грозила госпоже, а подданные, забыв о всяком терпении, взводили нелепые клеветы на своих правителей [405]. Беззакония эти все усиливались, и им не предвиделось конца» [406].

Внимательное чтение протоколов судебного разбирательства в разосланных по стране чрезвычайных комиссиях, наделенных дискреционной властью, не оставляет сомнения в полной реальности этой картины [407]. Само правительство, наконец, увидело, что так продолжать нельзя. «Тогда король, — говорит Малверн, — понимая, что если дать волю страстям то это грозит гибелью всему гражданскому строю, по указанию своих советников, постановил, чтобы впредь обвиняемый в вышеназванном преступлении (в восстании) тогда только подвергался мукам законной кары, когда против него высказались одна за другою три серии присяжных [408].

30-го июня, находясь в своем эссексском имении Геверинг-эт-Бауэр (Haveringat-Bower), король разослал по графствам приказ, чтобы все держатели, как вилланы, так и свободные, без противоречия, ропота и сопротивления исполняли своим господам все лежащие на них и на их землях повинности, как

натуральные, так и денежные, какие они исполняли перед восстанием, не уменьшая их и не заявляя притязаний ни на какие вольности и привилегии, которыми они не пользовались до восстания, под страхом конфискации всего, что король может у них конфисковать. Всех, кто после этого оповещения станет противиться королевскому приказу, велено было арестовать и препроводить в тюрьму, где они должны оставаться до тех пор, пока король не пришлет распоряжения об их наказании [409].

2-го июля в патенте, разосланном из Челмсфорда (Chelmsford) во все графства Англии, король признал недействительными выданные им инсургентам освободительные грамоты, так как они вышли из его курии без зрелого размышления и наносят великий ущерб ему и его короне, а также грозят конечным разорением как ему, прелатам, знати и магнатам королевства, так и святой английской церкви, и приведут к погибели государство [410]. Все, у кого имеются освободительные грамоты, немедленно, под страхом конфискации имущества, должны представить их королю и его совету для уничтожения [411].

На следующий день всем шерифам Англии был отправлен королевский приказ такого содержания. Некоторые из подданных короля графств Эссекса и Кента, которые восстали против королевского мира и образовали незаконные сборища («contra pacem nostram in conventiculis et congregationibus rebellice se habuerunt et hostiliter insurrexerunt»), желая привлечь на свою сторону и других, отправились в разные графства королевства Англии, чтобы и жителей этих графств поднять против королевского мира и склонить к составлению таких же сборищ; шерифы от имени короля должны всенародно оповестить по всем сотням, городам, местечкам, торговым селам и другим местам их графств, чтобы никто, под страхом конфискации имущества, не пристава к подобным сборищам и других не склонял к этому; подстрекателей они должны хватать немедленно и чинить над ними расправу, как над бунтовщиками, врагами короля и изменниками [412].

Того же 3-го июля король доводил до всеобщего сведения, что герцог Ланкастерский, на которого, как и на некоторых прелатов и других верных подданных, восставшие взвели обвинение в измене королю и королевству и на этом основании сожгли его дома, истребили его имущество и причинили ему много других бед и убытков [413], вовсе не повинен в этом преступлении, всегда был и остается верным королю и королевству, являясь главным ревнителем их чести [414].

Около половины июля король с большим войском вместе с судьею Робертом Трезилианом отправился в Сент-Албанс. Сент-албанский летописец весьма подробно рассказывает о том, что происходило в этом городе, когда здесь получено было известие о смерти Уота Тайлера, весьма живо изображает настроение сент-албанцев, неуверенных в завтрашнем дне, переходивших попеременно от страха к надежде, метавшихся из стороны в сторону в тщетных поисках какой-нибудь точки опоры; не менее интересные данные сообщает он и об обстоятельствах, сопровождавших прибытие в Сент-Албанс короля и о ходе судебного разбирательства под руководством верховного судьи. В интересах конкретности нашего изложения мы считаем необходимым остановиться на этом эпизоде, прямо вырванном из жизни далекого от нас прошлого с его своеобразной физиономией и в миниатюре рисующем картину того, что делалось тогда во всей Англии.

Еще находясь в Эссексе, король собирался с войском отправиться в Сент-Албанс и привести к покорности горожан его, торжествовавших победу над аббатством. Рыцарю Уолтеру Эт-Ли (Walterus Atte Lee) удалось отклонить короля от этого намерения, грозившего полным разорением Гертфордскому графству, в котором жил этот рыцарь [415], и убедить его поручить усмирение сент-албанцев ему самому. Уолтеру дали в товарищи Эдуарда Бенстэда (Edwardum Benstude) и Гальфрида Стэкела (Galfridum Stukle) и еще нескольких человек, и он, запасшись военною силой, двинулся к Сент-Албансу.

Сент-албанцы узнали об этом в пятницу, 28-го июня, и пришли в уныние. Многие из них уже собирались бежать. Уилльям Грайндкобб опять взял на себя роль руководителя, произнес ободряющую речь, и настроение горожан совершенно изменилось. Было решено выехать завтра навстречу рыцарю, спросить его об его намерениях и, если намерения эти враждебны, оказать ему вооруженное сопротивление. Так и сделали. Пускать в ход силу им, однако, не пришлось, так как рыцарь обнаружил самые миролюбивые чувства. Иначе, впрочем, он и не мог поступить, потому что отряд его в большинстве состоял из стрелков, набранных в Гертфордском графстве, которых симпатии были на стороне сент-албанцев; в случае столкновения они не замедлили бы направить свои стрелы на рыцаря и его подручных [416].

По приказу рыцаря, в Дерфолдском лесу («sub sylva de Derfold») собрались сент-албанцы и крестьяне соседних деревень и стали полукругом, «наподобие небесной радуги» («ad modum arcus coelestis»), чтобы выслушать от него волю короля. Явившись к ним, Ли объяснил им причину и цель своего прибытия, указал на то, что король сам собирался с огромными силами итти на Сент-Албанс, и тогда все плоды и весь хлеб в их графстве были бы истреблены, потому что войско у него так велико, что на пять миль в окружности не осталось бы ни сена, ни хлеба, ни плодов как этого урожая, так и оставшихся от прежних годов, — все было бы съедено и истоптано [417]; сообщил им, что ему, своему соотечественнику, они обязаны предотвращением страшной опасности, что король ему поручил произвести расследование о беспорядках в Гертфордском графстве, и в заключение просил их выдать подстрекателей и руководителей бывших среди них волнений и дать удовлетворение аббату сент-албанского монастыря.

Речь рыцаря, повидимому, произвела на толпу благоприятное впечатление. Тут же рыцарь поручил двенадцати присяжным представить к завтрашнему дню обвинительный список и, распустив народ, отправился в город в занимаемое им помещение.

На следующий день (30-го июня) к нему в камеру явились присяжные и категорически заявили, что никого они не могут обвинить, что все среди них люди хорошие и верные подданные короля [418]. Рыцарь ничего им не сказал, но, выслушав обедню, стал уговаривать их возвратить грамоты, взятые у аббатства. Те обещали, но, явившись через некоторое время в дом аббата, где Ли обедал, объявили ему, что обещания своего они не могут исполнить как из страха перед народом («propter metum communitatis»), так и потому, что не знают наверное, у кого хранятся грамоты. Рыцарь разразился проклятиями и заявил присяжным, что они не выйдут из этой комнаты, пока не будут возвращены грамоты. Аббат имел основания быть склонным к миролюбивой политике и убедил рыцаря отпустить арестованных.

Ли еще сделал попытку добиться своей цели. Опять была собрана толпа, на этот раз возле Барнетского леса («ad le Barnet Wode»). Среди нее было до трехсот стрелков из соседних деревень, главным образом из Барнета и Беркгэмпстэда; все они в случае агрессивных намерений рыцаря готовы были дать ему энергичный отпор; рыцарю не трудно было это заметить; знал он и о настроении своих стрелков, и ему ничего другого не оставалось, как опять начать уговаривать сент-албанцев дать аббату удовлетворение и возвратить грамоты. Попытка и на этот раз оказалась безуспешной. Тогда рыцарь дал тайное поручение бэйлиффам и констэблям города, когда разойдется толпа, арестовать Грайндкобба, Уилльяма Кэдиндона и Джона Цирюльника (Johannes Barbitonsor) и некоторых других из руководителей восстания и завтра препроводить их в Гертфорд, куда он сам намерен немедленно отправиться. После этого рыцарь в сопровождении всех прибывших с ним выехал из Сент-Албанса. Благодаря стараниям Ричарда Переpза (Perers) и трех других эсквайров, состоявших на службе у аббата, бэйлиффы арестовали ночью Грайндкобба и его товарищей, хотя и весьма неохотно («quamquam invite»), и на следующий день руководители движения под конвоем военного отряда, находившегося на службе при монастыре, а также в сопровождении именитых горожан Сент-Албанса («majores et valentiores villae Sancti Albani») были отправлены в Гертфорд.

Город опять стал волноваться. Опять начались совещания, тайные сборища (conventicula) как в городе, так и в его окрестностях, на полях и в лесах. Аббат и монахи опять стали переживать тревожные минуты. Распространился даже слух, что горожане хотят поджечь монастырь. А между тем вследствие ухода военных людей аббатство оставалось совершенно беззащитным. В большом беспокойстве аббат обратился к соседним дворянам, прося у них помощи в виду грозящей монастырю опасности. Отряду, сопровождавшему Грайндкобба и его товарищей, был послан приказ немедленно возвращаться домой. С арестованными остались в Гертфорде только прибывшие с ними сент-албанские горожане. Они стали настойчиво требовать, чтобы им выдали обвиняемых на поруки. Ли согласился отпустить только Грайндкобба с условием, что, если до ближайшей субботы (6-го июля) не состоится примирение между сент-албанским аббатом и горожанами, Грайндкобб опять вернется в тюрьму.

Явившись в Сент-Албанс, Грайндкобб стал убеждать горожан не мириться с аббатом, не выдавать ему грамот и твердо стоять за приобретенную свободу и вольности. О себе он не думал и других просил не беспокоиться об ожидающей его участи; он будет счастлив, если ему придется умереть за свободу и этим способствовать ее окончательному торжеству [419]. Горожане воспрянули духом и даже стали бранить себя за то, что, имея на своей стороне большую толпу соседних крестьян, они позволили рыцарю уехать из Сент-Албанса невредимым, а не выставили его головы у позорного столба на страх всем судьям и лже-юстициариям («ad terrorem ubique terrarum judicum et falsorum Justiciariorum»). В назначенную субботу Грайндкобб вернулся в гертфордскую тюрьму.

Повышенное настроение сент-албанцев уступило место унынию и страху, когда от Грайндкобба пришла весть, что к ним идут чинить суд и расправу граф Уорик (Warwick) и лорд Томас Перси в сопровождении тысячи воору-

женных людей (об этом сообщил Грайндкоббу его брат, который ездил в Челмсфорд ходатайствовать перед королем о его помиловании). Стали толковать о том, что следует поскорее помириться с аббатом и вернуть ему грамоты. С этой целью явились горожане к аббату, принеся с собой грамоты, книгу, содержавшую в себе старые договоры, заключенные ими с монастырем, и двести фунтов денег, которыми они хотели возместить ущерб, причиненный ими монастырю. Книгу у них взяли, но грамот и денег от них не приняли. Очевидно, аббат предпочел, чтобы тяжба его с горожанами была решена вооруженной рукой чрезвычайных королевских комиссаров.

А комиссары между тем не приехали. Графу Уорику принесли известие, что в его владениях очень неспокойно, и он поспешил туда, не теряя ни минуты, отправив к аббату нескольких из своих рыцарей, чтобы они извинились за него и ободрили аббата. Как только сент-албанцы, узнали что графа Уорика не будет, ликованию их не было пределов. К аббату они прониклись безграничным презрением, уверенные в его бессилии, не сомневаясь в том, что ему не дождаться помощи со стороны, как бы и кого бы ни просил он об этом, и изощрялись в насмешках над ним. Пусть себе аббат солит мясо убитых им животных, чтобы оно не протухло, пусть продает пиво, которое сварил, чтобы оно не прокисло, и хлеб, который испек, чтобы он не зачерствел и не зацвел, или чтобы его мыши не съели; но возвращать ему грамоты и предлагать деньги не следует: это значило бы себя позорить [420]. Не чуяли сент-албанцы, что беда идет за ними по пятам...

Опять пришла в Сент-Албанс недобрая весть, еще страшнее прежней: сам король собирается сюда, чтобы лично производить суд над мятежными горожанами. Аббат, боясь разгрома, грозившего монастырскому хозяйству от королевского войска [421], сделал попытку предотвратить прибытие короля и с этою целью отправил одного из своих монахов ко двору, к своим друзьям и знакомым, прося их убедить короля изменить свое намерение. Посланный привез аббату известие, что король будет в Сент-Албансе через два дня. Горожане решили мириться с аббатом. С этою целью они наняли за большие деньги одного рыцаря-адвоката, некоего Уилльяма Кройзера [422], и поручили ему устроить примирение между ними и аббатом. На этот раз аббат выразил готовность покончить дело миром. Между ним и сент-албанцами состоялось соглашение, в силу которого горожане обязаны были в день прибытия короля принести в аббатство столько мельничных жерновов, сколько они унесли оттуда во время восстания, на собственные средства заново отстроить дом, тогда же ими разрушенный (дерево с него они получили в собственность от аббата), возвратить выданные им монастырем грамоты и обязательства и заплатить аббату или его преемникам в возмещение ущерба, нанесенного ими монастырю, двести фунтов серебра доброй и законной монеты («bonae et legalis monetae»); с своей стороны, аббат отказывался от всяких претензий и обещал ходатайствовать за сент-албанцев перед королем, когда их призовут к ответу за все совершенное ими во время восстания. Жернова были принесены, грамоты и обязательства возвращены.

В пятницу, 12-го июля, король прибыл в Сент-Албанс. С ним был и Роберт Трезилиан, «опытнейший юстициарий, муж змеиной мудрости и великого ума» [423], и до тысячи человек войска. Монахи встретили короля колокольным звоном и крестным ходом. На другой день по приказу Трезилиана из Герт-

форда привели Грайнкобба, Кэдиндона и Джона Цирюльника, и был составлен список присяжных, которые должны были дать показания об этих лицах и других участниках сент-албанских волнений в следующий понедельник. В эту же субботу был приговорен к повешению, обезглавлению, вынутию внутренностей и четвертованию [424] Джон Болл, схваченный жителями Ковентри и накануне приведенный ими в Сент-Албанс. Казнь его была отложена также на понедельник.

В назначенный день явились перед юстициарием присяжные и заявили ему, что по справедливости они никого не могут назвать в качестве преступников, что все сент-албанцы и их соседи всегда были и будут верны и послушны королю. Трезилиан вместо ответа показал им список лиц, заведомо участвовавших в сент-албанском восстании, составленный неофициальным образом, и присяжным ничего другого не оставалось, как утвердить этот список. То же сделали и другие две серии присяжных, им приглашенных согласно распоряжению короля, о котором мы сообщали уже со слов Малверна [425]. Таким образом, были осуждены на казнь Уильям Грайндкобб, Уильям Кэдиндон, Джон Цирюльник и другие, всего до пятнадцати человек. Ричард Уоллингфорд, Джон Гарлек (Garlek), Уильям Беруик (Berewik), Томас Путор (Putor), городские нотабли («de majoribus villae»), множество горожан среднего положения («et plures alii mediocres»), а также до восьмидесяти из не-городских жителей были взяты под стражу и потом милостью короля получили свободу и прощение.

Сент-албанцы решили отомстить аббату, и с этой целью присяжные представили Трезилиану направленное против аббата обвинение, сущность которого сводилась к тому, что инициаторами восстания в Сент-Албансе были монахи; что аббат заставил горожан отправиться в Лондон, когда они ничего и не знали о том, что там делается; что не кто другой, как он, послал их на помощь врагам короля и королевства. Трезилиан, однако, не поверил обвинителям и заставил их собственными руками изорвать свое показание. Потерпев неудачу в этой попытке, сент-албанцы приняли меры к тому, чтобы дискредитировать аббата и монахов в глазах прибывших с королем рыцарей и эсквайров, и стали жаловаться им, что аббат — лицемер, что своей наружной святостью он обманул очень многих сеньеров и магнатов и, опираясь на их покровительство, не боится безнаказанно чинить всякие беззакония и несправедливо угнетать своих подданных; что он на ложных основаниях отнял у горожан Сент-Албанса их древние права и вольности и их, свободных людей, до такой степени притесняет, что никому из них не позволяет иметь у себя ручные мельницы, заставляя их, как каких-нибудь крепостных, молоть свой хлеб на монастырских мельницах [426]. Кроме того, они распространили слух, что аббат заплатил королю несметное количество золота, чтобы побудить его прибыть в Сент-Албанс и предать казни их сограждан. По словам летописца, горожанам удалось восстановить против аббата почти всех друзей монастыря, хотя и было всенародно объявлено, что за ложные обвинения против аббата мужчин будут вешать, а женщин возводить на костер.

20-го июня в Большой Курии аббатства («in Magna Curia Abbathiae») король принимал присягу от жителей Гертфордского графства (в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет). Все они клялись быть верными королю, выражали готовность скорее умереть, чем слушаться возмутителей королевства, обещали

всякого, кто вздумает восставать и других привлекать к восстанию, немедленно хватать и препровождать в тюрьму и, в заключение, обязывались добросовестно исполнять все обычные повинности и службы («opera et servitia consueta»). После этого король отправился в свой замок Бергэмпстэд.

Когда через несколько дней Ричард был на охоте возле деревни Эстгэмстэд (ad villam de Esthamstede), ему сообщили, что тела повешенных в Сент-Албансе сняты с виселиц и оттащены от них на некоторое расстояние. Немедленно последовал приказ, чтобы сент-албанские бэйлиффы распорядились сделать железные цепи и вновь повесить трупы казненных [427]. Только 3 сентября 1382 года, более, чем через год после восстания, по ходатайству королевы Анны, король разрешил жителям Сент-Албанса предать погребению кости людей, услышавших смертный приговор из уст верховного юстициария [428].

16-го июля, еще находясь в Сент-Албансе, король разослал пригласительные письма архиепископу, епископам, баронам, приглашая их в парламент, который должен собраться в Уэстминстере в понедельник, ближайший после праздника Воздвижения Креста Господня, 16-го сентября [429]; в тот же день шериффы графств получили приказ уведомить о предстоящем парламенте избирателей графств и городов и объявить им, чтобы к назначенному сроку они прислали своих представителей [430]. Письмами от 22-го августа король извещает тех же лиц, что парламент отсрочен на 2-е ноября [431]. Причина этой отсрочки, вероятно, заключалась в том, что надежда правительства на скорое умиротворение страны не оправдалась: подавленное в одном месте, восстание вспыхивало в другом. Действительно, насколько можно видеть из официальной переписки королевской канцелярии, в течение нескольких месяцев после смерти Уота Тайлера жизнь английских графств далеко еще не вошла в обычную колею, а временами можно было опасаться, что июньские события опять могут повториться. Вот что, например, показали присяжные Кентского графства.

В понедельник, ближайший после праздника архангела Михаила, 30-го сентября, Томас Гардинг (Hardyng), каменщик из Линтона, Джон Коут (Cote), каменьщик из Lose, и еще пятнадцать человек из Lose и из других местностей составили в Линтоне заговор, чтобы убить короля, Джона de Frenyngham, Уилльяма Topclyve, Томаса Harcherege, Стефана de Betenham, рыцаря Томаса de Cobeham, рыцаря Уилльма Septvans'a, шериффа Кентского графства и очень многих других верных подданных короля, сжечь город Мэдстон, а всех жителей его заставить дать клятву, что они присоединяются к их сообществу («ad essendum de conventiculis suis jurare»); они схватили Джона Startout'a в то время, когда он пахал свою землю, и заставили его поклясться, что он будет действовать заодно с ними («et ipsum de essendo de eorum covina et conventiculis suis jurare cogerunt»); так же поступили они и с некиим Радульфом Руком (Rook), подняв его ночью с постели.

Неизвестно, какие размеры могло бы принять это движение, если бы среди участников заговора не нашлось предателя. Один из них, Томас Bordefeld, явился к Джону Фраунингэму (или Френингэму) и сообщил ему обо всем. Силами местного дворянства восстание было подавлено в самом начале, Томас Гардинг и его товарищи были арестованы и преданы суду. Во время

судебного разбирательства Джон Коут, желая спастись от верной смерти, сделался доносчиком и выяснил суду намерения заговорщиков во всех подробностях. По его словам, инициатором заговора и главным руководителем его был Томас Гардинг. Целью заговора, в котором принимало участие не малое число жителей Кента, было заставить короля подтвердить все вольности, данные им на Майл-Энде, и общую амнистию, тогда дарованную («omnes libertates et perdonaciones suas quas ipsi nuper furioso tempore insurreccionis predicte de prefato domino Rege contra pacem suam petierunt apud le Mylende juxta London' in comitatu Middlesex»); в противном случае заговорщики решили умертвить короля и всех магнатов королевства и других верных подданных короля и уничтожить все законы и статуты короля и его королевства [432]. Кроме того, Джон Коут показал, что приходившие с севера Англии в Кентербэри богомольцы рассказывали, будто герцог Ланкастерский отпустил на волю всех своих вилланов в разных графствах Англии, и у заговорщиков явилось намерение отправить к герцогу посланцев, чтобы удостовериться в справедливости этого слуха; если слух оправдается, они решили опять обратиться к герцогу и избрать его своим государем и королем Англии, заключив с ним союз на жизнь и на смерть против короля Ричарда и его народа [433].

За свой извет Джон Коут, по ходатайству епископа норичского, получил от короля грамоту, в которой ему прощалось его участие в заговоре, отменялся смертный приговор, над ним произнесенный, и он опять становился под защиту королевского мира [434]. Такую же грамоту выдали и предателю Томасу Бордфилду (Bordefeld) [435]. Томас Гардинг и восемь его товарищей подверглись лютой казни. Из них выпустили внутренности, сожгли их у них на глазах, а затем всех их повесили. Труп Гардинга, как зачинщика и главного предводителя, был снят с виселицы, обезглавлен, опять повешен (за руки), а голова была выставлена на королевском дворце в Уэстминстере [436].

3-го ноября в Уэстминстере собрался парламент. В речи, произнесенной от лица короля лордом-казначеем Англии сэром Гугоном Сигрэвом (Segrave), на обсуждение лордов и общин был представлен следующий вопрос. Во время недавно бывшего волнения, как всем небезызвестно, король принужден был выдать вилланам своего государства и другим грамоты за своею большою печатью, которые давали им свободу и вольности; он хорошо понимал, что он не мог сделать этого вполне искренно, не нарушая закона своей земли; но он руководствовался соображениями блага, имея целью остановить и прекратить восстание. Тогда он не имел законной королевской власти. Но когда бог по своей милости восстановил его в его власти и в его прежнем положении короля и когда волнения отчасти прекратились, он, по указанию бывшего тогда с ним совета, отменил и уничтожил свои пожалования, потому что они были сделаны по принуждению, в противность разуму, закону и совести и грозили разорением прелатам и сеньерам его королевства. Тем не менее король желает знать волю прелатов, сеньеров и общин, здесь присутствующих, и мнение их о том, хорошо ли он поступил в этом случае, согласуется ли эта отмена с их желаниями, или же нет. Ибо, если они желают о общего согласия освободить вилланов, — а королю это достоверно известно с некоторых из них, — он даст свое согласие на их петицию в этом смысле [437].

В понедельник, 18-го ноября, общины явились в палату лордов, и здесь, по просьбе спикера их («q'avoit les paroles de par la Commune»), рыцаря Ричарда Уолдгрэва (Monsr Rihard de Waldegrave, Chivaler), испросившего предварительно у короля разрешение исполнять эту обязанность («s'afforceast de lui avoir excusez de cel Office de Vant-parlour»), новый канцлер Англии, рыцарь Ричард Лэ-Скроп (le Scrop), еще раз прочел им речь короля, произнесенную лордом-казначеем, опять спрашивая всех присутствующих, каково их мнение об отмене королем освободительной грамоты. На это как прелаты и светские сеньеры, так и рыцари и представители от городов и местечек все в один голос отвечали, что отмена эта произведена вполне правильно, что освобождение вилланов, затрогивающее их (лордов и общин) существеннейшие интересы, не могло быть совершено без их согласия, что они не соглашаются на него ни по доброй воле, ни каким-либо иным образом и никогда не дадут на него своего согласия, что скорее они готовы умереть все в один день, чем поступить таким образом («A quoy ils n'assenterent unqs de lour bone gree, n'autrement, ne jamais ne ferroient pur vivre et murrir touz en un jour»). Прелаты и сеньеры, равно как и общины, покорнейше просят своего сеньера короля, чтобы освобождение это, произведенное по принуждению, грозящее им разорением и гибелью королевству, властью парламента было отменено и уничтожено, чтобы была утверждена отмена его, произведенная королем вполне справедливо [438]. И на это дали здесь свое согласие все в один голос [439].

По просьбе общин и по специальному ходатайству невесты короля, дочери императора Карла IV, будущей доброй королевы Анны, король даровал амнистию всем, принимавшим участие в восстании, кроме жителей Кентербэри, Эдмондсбэри, Беверли, Скарборо, Бриджуотера и Кэмбриджа, а также лиц, являвшихся зачинщиками и вождями восстания (список их был представлен в парламент). Все, получившие прощение и желавшие им воспользоваться, должны были явиться в королевскую курию не позже праздника Пятидесятницы будущего года и запастись там грамотами, уплатив при этом пошлину за приложение большой королевской печати [440].

Все перемены в имущественных отношениях, происшедшие во время восстания, парламент решил уничтожить и восстановить прежний порядок. Поэтому все кому бы то ни было и кем бы то ни было выданные во время восстания обязательства и документы на владение, а также все акты завладения («toutes Feffementz des Terres et des Rentes, et touz Obligations et Relesses et Entrees en Terres et Tenementz, faitz par compulsion et par constreinte de poair et multitude des Gentz, ou par manace, en temps de ceste darreins rumour et ryot, encontre les Loys de la Terre et bone foi») были признаны недействительными («soient de tout cassez, irritez, et tenuz voides»), и все, у кого были подобного рода документы, обязаны были к известному сроку представить их в королевский совет для передачи их тем, кто принужден был их выдать [441]. Все, у кого во время восстания были сожжены или иным способом уничтожены грамоты, арендные договоры, обязательства, векселя, протоколы владельческих курий и другие документы («lour Chartres, Relees, Obligations, Estatutz-merchantz, Courte-roulles ou d'autres leurs Evidences» или, как сказано в *Rec. Office*, Close Roll 5 Ric. II. m. 23 d. «diversa carte scripta munimenta rotuli evidencie et rentalia prelatorum dominorum et

magnatum ac aliorum subditorum nostrorum libertates feoda et tenuras suas tangencia»), получили право явиться в королевский совет, не позже праздника Рождества Иоанна Крестителя, представить доказательства, что у них действительно были прежде эти документы, а потом были сожжены и иным способом уничтожены, и король и его совет найдут средство возместить нанесенный им ущерб [442].

Парламент счел нужным сделать еще одно постановление, красноречиво свидетельствующее о том, что, как ни сурова была репрессия, постигшая народ за попытку изменить социальный строй, односторонне охранявший экономические интересы правящего меньшинства, как ни чужда была этому меньшинству не особенно распространенная и в гораздо более близкое к нам время идея социальной справедливости с ее гуманным отношением ко всем трудящимся и обремененным и требованием для всех равного участия в благах жизни, тем не менее политические понятия английского общества изучаемой нами эпохи сделали уже огромные успехи. Хотя суровые меры, принятые сеньерами, джентелменами и другими для подавления восстания вилланов и других «изменнически поднявшихся огромными толпами в различных частях королевства против бога, совести и разума, против достоинства и короны сеньера-короля и против законов страны», были вызваны крайнею необходимостью, при чем сеньеры и джентелмены, без суда казнившие восставших, совсем не знали законов («ne furent touz apris le Loy»), тем не менее общины признали поведение этих сеньеров, джентелменов и других незаконным, так как они действовали без соблюдения определенных законом форм судебного процесса и нарушали то, чего требуют закон и обычай страны («sans due Proces de Loy et, en autre manere q la Loy et Usage de la Terre demandent»); поэтому общины нашли необходимым обратиться к королю с ходатайством даровать амнистию всем этим лицам, и король, принимая в уважение великое усердие и лойяльность, проявленные этими сеньерами и джентелменами («considerant les grantz diligences et loialtee des Seignrs et Gantilx en celle partie»), и их лучшие намерения («bone entente»), а также желая оказать им милость, которую они так заслужили («et voillant partant a eux faire grace sicome moelt bien l'ont deserviz»), дарует им, с согласия сеньеров и общин в этом парламенте, прощение, поскольку это касается его и его преемников («lour ad pardone et relesser, de l'assent des Seignrs et Coes en ce Parlement, quan q a lui ent appartient, ou a lui et ses heirs purra appartenir») [443].

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА ВОССТАНИЯ СО СТОРОНЫ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОГРАММЫ

I

Нарисовав картину событий, происходивших в английском королевстве летом 1381 года, мы должны перейти теперь к изучению описанных нами фактов, к возможно более точному выяснению связи, существующей между ними и позволяющей нам, и не углубляясь в анализ, объединить их под общей рубрикой «Восстания Уота Тайлера».

Внимательно следя за первыми шагами движения с того момента, как крестьяне эссексской деревни Фоббинг, руководимые хлебником Томасом, отказали заседавшему в Брентвуде правительственному комиссару Томасу Вэмптону в уплате поголовного налога и, вступив в соглашение с жителями соседних деревень Кэррингэм и Сэмфорд, заставили комиссара и всех его помощников спасать свою жизнь бегством, мы выносим впечатление, совершенно несовместимое с мыслью о заранее организованном заговоре. Проверяя это впечатление путем тщательного анализа всех подробностей эссексских беспорядков, а также всего, что нам известно о распространении этого движения все дальше и дальше, мы убеждаемся, что иным способом объяснять возникновение восстания 1381 года значит итти наперекор совершенно ясным указаниям источников, позволяющим нам как бы присутствовать при самом зарождении той клеточки, из которой постепенно, хотя и в течение весьма короткого времени, выросла грозная революция, потрясшая основы социального и политического строя Англии. Источники позволяют нам наблюдать и этот постепенный рост движения и дают нам возможность констатировать при этом факт, что по мере расширения объема движения расширялось и его содержание, по мере того, как движение распространялось по территории английского королевства, захватывая различные элементы английского общества, и программа движения (выражаясь не вполне точно) становилась все более и более сложною и пестрою, воспринимая в себя требования и чаяния каждого из присоединявшихся к движению социальных элементов. Таким образом, восстание 1381 года, начавшись без заранее составленного плана, без заранее организованного заговора, прошло процесс эволюции, и нашею ближайшею задачей будет по возможности точно описать этот процесс и тем сделать для читателя доступною критическую проверку выставленных нами положений.

Задача наша весьма значительно облегчается тем, что факты, на которые нам нужно при этом обратить внимание, уже знакомы читателю из предшествующего изложения, и нам остается только напомнить ему их.

Ничто не дает нам основания предполагать у крестьян Фоббинга, Кэрингэма и Сэмфорда какую-нибудь заднюю мысль когда они решили оказать сопротивление Бэмптону, кроме непосредственного желания избавиться от несправедливо, по их мнению, налагаемой на них тягости и дать отпор явившимся за новым, как они были уверены, налогом правительственным чиновникам. В источниках мы не находим на это никакого указания. Не говорит об этом ни одним намеком и народная легенда, связывающая начало восстания с убийством одного из сборщиков, оскорбившего дочь дартфордского кровельщика Джона.

Организация, возникшая в трех названных деревнях для сопротивления сборщикам и королевским комиссарам, все больше и больше расширялась. Жители этих деревень, как мы видели, разослали своих людей в соседние села, прося помочь им в деле, близком им всем; не малую роль при этом мог играть и страх правительственной кары, грозившей им за произведенные беспорядки, и в этом смысле нельзя не признать заслуживающими внимания слова ивзэмского монаха, что крестьяне, оказавшие сопротивление сборщикам, одних из них убив, других ранив, а остальных заставив в страхе бежать, «подняли ненавистное возмущение, так как боялись, что насилие принесет им насилие, и им придется претерпеть тяжкие бедствия» [1]. Соседи с полным сочувствием отнеслись к ним и охотно отозвались на их призыв. Дело было действительно общее; они и сами, как и крестьяне других сел, сотен и графств, уже помышляли о том, как бы положить конец не знающим предела взиманиям правительства, которые становились, наконец, совершенно невыносимыми, и даже делились своими мыслями друг с другом; им недоставало только решимости, чтобы выйти из пассивного состояния [2]. Силы восставших с каждым днем увеличивались, и отправленная в Эссекс чрезвычайная судебная комиссия с Белкнэпом во главе встретила грозный отпор со стороны восставших; сам Белкнэп едва успел спастись бегством, а присяжные, представившие ему список лиц, обвинявшихся в беспорядках, были перебиты, и головы их, посаженные на колья, с торжеством были носимы перед толпою.

В этом случае впервые было произнесено слово «королевский изменник» (так восставшие обозвали Роберта Белкнэпа, главного судью Суда Общих Тяжб), и слово это громким эхом раздалось по всей стране и было повторено тысячами голосов, явившись для массы населения готовою формулой, лозунгом и паролем, а вместе и санкцией, превращавшею бунт против установленных властей в дело высшей справедливости, в призыв к ответу неверных слуг верховного блюстителя закона. Раз возникнув, идея об измене получает дальнейшее развитие: изменники короля и королевства не только королевские комиссары и судьи; в измене повинны все королевские чиновники, именем короля притеснявшие народ, представители как провинциальной, так и центральной администрации и суда и все частные люди, которым правительство давало по временам то или иное поручение, члены следственных комиссий и обвинительные присяжные. Начинается расправа со всеми этими судьями, шериффами, коронерами, конфискаторами (escaetores) и др., разгром их домов и сожжение найденных в них документов, прежде всего податных списков, а затем и всяких других деловых бумаг.

Перейдя в такой фазис, движение быстро распространяется сначала по всему Эссексу, а затем переходит и за пределы этого графства. Народ охотно поднимается против тех, от кого, по единодушным свидетельствам современной литературы и даже самого парламента, собравшегося после подавления восстания [3], ему постоянно приходилось терпеть бесконечные обиды и притеснения. К тому же и тактика восставших меняется: если прежде они привлекали сторонников, посылая в соседние села своих тайных агентов с просьбами о помощи, то теперь, когда силы их возросли до пятитысячного отряда, они стали действовать смело и открыто, грозя смертью и сожжением дома всякому, кто не захочет к ним присоединиться. Многих привлек к движению успех, сопровождавший первые шаги восставших. Наконец, не следует упускать из виду и чисто стихийного начала, присущего подобным массовым движениям и проявляющегося в форме психической заразы. Все это достаточно, как нам кажется, объясняет быстроту, с какою развивалось движение, превращаясь из простого столкновения с сборщиками налога и королевскими чиновниками в восстание против королевской администрации и суда [4].

Очень скоро движение принимает и социальный характер. Восставшие нападают на усадьбы духовных и светских землевладельцев, грабят их и с особенною ревностью истребляют протоколы поместных судов и всякого рода кустумарии и рентали, в которых были записаны натуральные и денежные повинности крестьян, а также всякие иные документы, свидетельствовавшие о личной и поземельной зависимости крестьян от крупных и мелких феодалов, «для того, чтобы с утратой памяти о прошлом их господа не могли потом предъявлять к ним никаких прав» [5].

С двойным характером политического восстания и социальной революции, направленной к ниспровержению крепостной неволи, движение переходит в Кент, Гертфорд, Саффольк и Норфольк, в Кэмбриджшир и другие графства и в каждом из них преобретает местный оттенок в зависимости от условий, в которых находилось его население. До выхода из пределов Эссексского графства восстание носило еще характер стихийный, в том смысле, что программы в истинном значении этого слова оно еще не имело: восставшие еще не теоретизировали, не ставили своей деятельности ясно сознанной, хладнокровно продуманной положительной цели, к которой должны были быть сознательно направлены все отдельные поступки, в виду этого организованные в систему планомерных действий, хотя общие тенденции движения уже вполне определились.

С переходом в Кент, куда эссексцы послали своих агентов немедленно же после столкновения с Белкнэпом, восстание вырабатывает свою теорию и вместе с нею и некоторую общую организацию, до сих пор отсутствовавшую у восставших.

Летописная традиция поводом к восстанию в Кентском графстве выставляет осуществление феодальным сеньером своего права собственности на личность своего виллана, рассказывая о том, как рыцарь королевского двора Симон Бэрли потребовал у жителей Грэвзэнда выдачи ему одного из обывателей их города, так как он был его крепостной, как грэвзэндцы просили рыцаря отпустить этого человека на волю и как Бэрли, назначив за виллана огромную сумму денег, которая показалась горожанам слишком громадной, приказал отправить виллана в Рочестерский замок и тем вызвал волнение

среди окрестных жителей, вскоре перешедшее в открытое возмущение. А между тем именно в Кенте крепостного права вовсе не было, крестьяне никогда не превращались в лично несвободных вилланов, и ссылка на кентское происхождение являлась в глазах судей решающим аргументом в пользу свободы человека, права которого оспаривались каким-нибудь феодальным владельцем. Может быть, именно вследствие этого поступок Бэрли и произвел здесь более сильное впечатление, чем мог бы произвести где-нибудь в другом графстве. Как бы то ни было, несмотря на то, что поводом к восстанию в Кенте послужил факт социальный, движение приняло здесь прежде всего и главным образом политический характер, хотя не следует при этом игнорировать и социальную сторону, которую кентское восстание все же имело, как это мы видели, рассказывая о ходе его, приводя такие факты, как нападение кентских инсургентов на помещичьи усадьбы и сожжение ими документов, определявших отношения между сеньерами и крестьянами, державшими землю на условиях, фактически мало отличных от условий вилланских держаний, или оповещение, сделанное в церкви св. Иоанна на о. Танете капелланом Уилльямом, сакристаном Джоном Тэйлором и другими лицами, чтобы никто из держащих землю, под страхом смерти и конфискации имущества, не отбывал повинностей и не вносил обычных платежей, следуемых феодальным владельцам; отсутствие личной несвободы не исключало весьма значительной поземельной зависимости и целого ряда тесно связанных с ней последствий, весьма чувствительно отзывавшихся на материальном положении кентских крестьян, и в этом смысле свидетельство Найтона о том, что на Смисфилде вождь кентцев Уот Тайлер требовал от короля, чтобы все выделенные в исключительное пользование духовных и светских сеньеров лесные и водные пространства превратились в общее достояние [6], имеет в такой же степени местное, как и общее значение. В частности, в Кенте, благодаря системе gauelkind (равный раздел земли между сонаследниками), крестьянские участки были крайне раздроблены, население чувствовало большую тесноту и должно было «с особенным раздражением смотреть на громадные пространства, занятые лордами под свои парки и защитные территории (warennae)» *. Тем не менее, повторяем, политическая сторона в кентском движении выступает на первый план.

Впервые это с определенностью обнаруживается на совещании в Дартфорде, который, как мы видели, на время сделался центром, стягивавшим к себе отдельные элементы кентского восстания. Можно предположить, что это было первое совещание восставших, что здесь впервые была намечена организация и программа. Не все должны вступать в ополчение; живущие в двенадцати милях от моря должны оставаться дома, чтобы не оставить беззащитным берег, и таким образом оградить страну от опасности вражеского нашествия, в особенности возможного при внутренней неурядице. Это распоряжение свидетельствует о том, что восстание уже выходило из первоначального фазиса почти стихийного разгрома всего, что олицетворяло собою фискальный гнет, чиновничий произвол и социальную неправду, что сознательность и планомерность начинали подчинять себе безраздельно господствовавший

* Проф. П. Г. Виноградов: *Отчет о X присуждении премий митрополита Макария* (рецензия на первое издание книги Д. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии». Часть I и II, 1897—1901), стр. 12.

до того момента аффект. Восставшие формулируют и причину зол, заставляющую их подниматься, и вместе с тем ставят определенную общую цель своему восстанию. В стране, — заявляют они, — более одного короля; этого они долее терпеть не могут и никакого другого короля, помимо короля Ричарда, иметь не желают [7]. Страною управляет не король Ричард; власть перешла в другие руки; нужно возвратить ее тому, кому она принадлежит по праву, и тогда все пойдет правильным порядком, и народ не будет больше терпеть угнетение. Чтобы восстановить прежний порядок, для этого нужно казнить тех, кто захватил власть и пользуется ею для собственной выгоды, кто изменил королю и своему долгу. Явившись в Кентербэри, уже имея во главе Уота Тайлера и др., кентские инсургенты требуют, чтобы монахи избрали нового архиепископа, потому что нынешний архиепископ — изменник и должен быть обезглавлен [8]. Изменил он королю не в качестве примаса Англии, но как канцлер королевства, высший сановник в государстве. Они потребуют у него отчет в доходах Англии и в больших суммах, собранных им со времени коронации короля [9].

Останавливая всех богомольцев, которые шли на поклонение гробу Фомы Бекета или возвращались домой, кентцы предлагали им уже целую готовую программу; они должны были дать клятву, что будут верны королю Ричарду и общинам, не станут признавать королем никакого короля Джона (герцога Ланкастерского, носившего титул короля Кастилии и Леона), никогда не допустят никакого другого налога, кроме пятнадцатой деньги («nisi quindecimae»), которую одну только знали их отцы и деды; кроме того, они обязывались привлекать к восстанию своих соседей и давали слово явиться к инсургентам по первому их требованию [10]

Если на дартфордском совещании (насколько оно нам известно из источников) была высказана лишь общая мысль, принявшая несколько более конкретное выражение в Кентербэри, то теперь она получала более детальное развитие. Теперь было названо ненавистное народу имя герцога Ланкастерского, который с последних лет царствования Эдуарда III не переставал руководить высшим управлением в государстве и своим бесцеремонным хозяйничаньем и попиранием самых священных прав народа вызвал крайнее раздражение в самых различных слоях английского общества, с особенною силой выразившееся на знаменитом Добром парламенте 1376 года, призвавшем к ответу и подвергнувшем суровой каре его главных сподвижников. Люди, составляющие правительство, все, начиная с самого знатного среди них, дяди короля, — изменники, извращающие волю короля. Король, которому должна быть возвращена узурпированная другими власть, должен править не со знатью, изменившею ему, а с верными общинами, с народом; только тогда перестанет царить неправда, угнетающая народ всевозможными, прежде неведомыми налогами. Политическим идеалом восставших является, таким образом, демократическая монархия, опирающаяся на непосредственную связь верховной власти с народной массой и отрицающая исторически сложившееся посредничество между ними феодальных сеньеров.

Конечно, нельзя сказать, чтобы эта программа кентцев отличалась большою определенностью своей, так сказать, технической стороны, чтобы она обнаруживала у ее составителей ясность представления о тех положительных реформах, какие они считали необходимыми для осуществления своих требова-

ний, и о мерах, с помощью которых эти реформы могли бы быть проведены в жизнь; тем не менее в ней важно отметить наличность общего положительного принципа и весьма не лишенное определенности указание на те отрицательные задачи, разрешение которых по мнению восставших могло расчистить поле для всяких положительных комбинаций и во всяком случае могло устранить непосредственный источник бедствий, дающих себя знать в данный момент.

Самый факт требования кентцами клятвы от богомольцев и предъявления им более или менее определенной программы свидетельствует о том, что организация, зачатки которой мы отметили, говоря о дартфордском совещании, продолжала развиваться. Нельзя при этом не признать крайне остроумным способом пропаганды обращение именно к богомольцам, пришедшим в Кентербэри из всех концов английского королевства и, следовательно, обеспечивавшим весьма быстрое распространение восстания по всей его территории. Обращаем внимание читателя на этот факт, в значительной степени объясняющий почти полную одновременность взрыва на самых отдаленных один от другого пунктах английской территории, поражавшую современников [11] и наводившую новейших ученых на мысль (или подтверждавшую для них уже раньше составленное ими мнение), что возстание 1381 года было задумано, пропагандировано и организовано заранее, до столкновения со сборщиками поголовного налога [12] О стремлении восставших организовать свои силы говорит и требование, чтобы богомольцы привлекали к восстанию своих соседей и являлись по первому зову. В связь с этим последним известием сент-албанского монаха можно поставить сообщение Фруассара, что инсургенты, разослав своих агентов в разные графства, поручили им звать жителей их к Лондону ко дню праздника Тела Христова [13].

Какие успехи сделала к этому времени программа и организация кентских инсургентов, можно судить по уже раньше приведенному нами свидетельству протокола о восстании на о. Танете, где, как мы видели, капеллан Уилльям и ризничий Джон Тэйлор вместе с другими лицами, бывшими с Уотом Тайлером в Кентербэри и других местах, «*исполняя поручение Джона Рэкстроу и Уота Тайлера*» («pro commissione Johannis Rakestraw et Walteri Tegheler»), в четверг, 13-го июня, в день праздника Тела Христова, сделали оповещение в церкви св. Иоанна, чтобы все *верные подданные короля* («chescun home lige a nre Sr̃ le Roi»), под страхом смерти и конфискации имущества, шли к дому коронера Уилльяма Медменгэма с целью разрушить этот дом, истребить все найденные в нем документы и предать смерти самого коронера, если он попадет им в руки, и чтобы никто из держащих землю («nulle tenant»), под страхом той же кары, не отбывал повинностей и не платил денежных взносов, следуемых феодальным сеньерам; те же лица,— продолжает протокол,— организовали (очевидно, руководствуясь тем же указанием) на протяжении о. Танета налог, чтобы добыть средства, необходимые для борьбы («et ount ordegnes un taxacion, estre paie pour maintenaunce de les ditz matieres encountre les Sr̃s par tout lisle de Tent, forpris les tenauntz del Priorie de Caunterbirs et la franchise de Caunterbirs»).

Ничто не мешает нам предположить, что подобные же воззвания делались и в других местах, что и там принимались подобные меры, тем более, что на это у нас есть и положительные указания источников, уже нам знакомые из другой связи. Вспомним, например, Джона Грэйстона, побывавшего в Кенте

и Лондоне и вернувшегося к себе в Кэмбриджское графство, чтобы поднимать народ против «королевских изменников»; вспомним седельного мастера Джона Стэмфорда из Лондона, ездившего в Кэмбриджшир с той же целью, или Ричарда Лестера, явившегося с большою толпою народа в монастырь на о. Или и с церковной кафедры объявившего, что все должны итти расправляться с изменниками («versus proditores et alios infideles»).

Мы могли бы умножить число примеров, но они все уже знакомы читателю из предшествующего изложения, и нам остается только напомнить о них ему. Во всех них выступает с полною определенностью черта, еще только намеченная в раньше приведенном случае: и Грэйстон, и Стэмфорд, и Ричард Лестер, равно как и ряд других деятелей восстания, все они выставляют себя исполнителями воли короля и верных общин («ex parte domini Regis Ricardi et fidelis communitatis», «ex consensu et praecepto domini Regis»), а некоторые из них (Грэйстон и Стэмфорд) даже заявляют, что у них есть письменный приказ короля в этом смысле, за который они иногда выдают совсем другие документы. Таким образом, *сам король выставляется инициатором восстания*. Он и верные общины не могут долее терпеть беззаконий, чинимых в утеснение народу представителями правительства, изменившими своему долгу.

Раз возникла идея измены королевских слуг, как причины народного угнетения, до мысли о наказании их по приказу короля было весьма недалеко, и конструкция восстания, как народного движения, руководимого самим королем, была готова. То, что вначале носилось перед глазами крестьян, когда они поднимались против сборщиков, королевских комиссаров, коронеров и других должностных лиц, заведывавших взиманием налога и его доставкой в королевское казначейство и наконец истощивших их долготерпение, в виде неясных представлений, разрозненных и расплывающихся, теперь слилось в определенно формулированную идею, которая стала одним из весьма сильных стимулов, способствовавших быстрому развитию начатого дела, в особенности, когда ею вполне сознательно воспользовались как орудием пропаганды.

Мы уже знаем, что идея эта была так популярна [14], что королю пришлось издать особый указ, в котором он доводил до всеобщего сведения, что слух, повсюду распространенный восставшими, будто бы они действуют по его королевскому повелению, совершенно ложен, являясь их чистейшим измышлением. Укреплению популярности этой идеи не мог не способствовать, как нам кажется, факт выдачи королем народу канцлера, казначея и других «изменников», скрывавшихся в Тауэре [15]. Знамена с королевским гербом, изображавшим Георгия Победоносца, которые развевались перед ополчениями инсургентов, должны были служить внешним выражением полной лойяльности восставших и способствовали привлечению в их ряды тех верных подданных короля, у которых еще могло оставаться какое-нибудь сомнение, что их действительно зовут «защищать короля и благо королевства от его изменников» [16], «охранять права короля и общины» [17]; «*Король Ричард и его верные общины*» стало лозунгом и паролем восставших по всей стране. «Ты за кого?», спрашивали инсургенты всякого встречного. «За короля Ричарда и верные общины», должен был отвечать спрошенный, если хотел сохранить голову на плечах [18]. Формула эта наполняла сознание восставших радостною гордостью, оставившей слабый отзвук на страницах монастырской летописи. «В то время, — повествует Уолсингэм, — они очень чванились названием «общин» и никакого другого названия

не считали более почетным, чем название «общины», и полагали по глупому своему разумению, что впредь не будет никакого другого господина, кроме короля и общин» [19]. Присяга делу восстания отбиралась в форме клятвы верности королю Ричарду и общинам [20].

II

Насколько можно судить по данным источников, и эссексцы, и кентцы, восставая против «королевских изменников», громя помещичьи усадьбы и истребляя поместные архивы, едва ли имели в виду поход на столицу. Сомнения нет, что у них было намерение отправиться к Лондону, чтобы повидаться с королем и изложить ему свои жалобы и требования. В этом смысле заслуживает внимания черта, весьма подчеркиваемая Фруассаром в его картине народного движения 1381 года: крестьяне все свое упование возлагают на короля; нужно отправиться к нему и объяснить ему свое положение, и он найдет средство против их бедствий и освободит их от рабства, под гнетом которого они изнемогают; и они шли из Кента, Эссекса и других графств, по дороге требуя к себе короля [21]. Не лишено значения и известие мэмсбэрийского монаха, что Уот Тайлер изложил епископу рочестерскому, приглашенному инсургентами на Блэкгизс, жалобы крестьян на свои невзгоды, которые они терпели от налогов и притеснения со стороны власть имущих, прося передать их королю и уверяя его, что, лишь только против этого будет дано средство, народ немедленно разойдется по домам [22].

С этим последним известием летописца следует поставить в связь категорическое заявление судебного протокола о лондонских олдерменах, что собравшиеся на Блэкгизсе инсургенты намеревались возвращаться домой, не вступая в столицу [23].

Подать петицию о своих нуждах лично королю (приближенным его, как «изменникам», они верить не могли) и, самое большее, потребовать выдачи «королевских изменников», именно «разорителя простого народа» («communis vulgi depraedator») канцлера королевства, архиепископа кентербэрийского Симона Сэдбэри, казначея королевства, магистра госпитальеров Роберта Гелза и некоторых других, — вот та цель, которая руководила массой народа, когда он двигался к столице, громя усадьбы представителей администрации, судей, адвокатов, присяжных, светских и духовных землевладельцев и бросая в огонь горевших зданий все найденные у их владельцев документы. Нам поэтому кажется большою ошибкой со стороны короля, что он послушался совета архиепископа, приора и других сановников и приближенных, которые отправились с ним (на лодках) на свидание с инсургентами, стоявшими на Блэкгизсе. Мы, конечно, не можем сказать с определенностью, чем руководились спутники короля, советуя ему не высаживаться к «этим босоногим разбойникам» («tales discaligatos ribaldos»), действительно ли страхом за безопасность короля, или же чувством самосохранения, но мы имеем основание предполагать, что, не поверни король обратно к Тауэру, а дай он возможность вожакам толпы изложить ему все ее жалобы и требования, дело приняло бы несколько иной оборот, и та кровавая полоса, которая окрашивает восстание в памяти потомства, была бы значительно меньше. Но король не высадился на берег, и раздраженная толпа бросилась силою добывать то, что она отчаялась получить

мирным путем [24], видя в своей неудаче лишнее доказательство измены королевских советников. Таким образом, появление кентских инсургентов в столице мы склонны приписывать в значительной степени аффекту.

Но наше объяснение этого факта не вполне будет соответствовать исторической действительности, если мы не примем во внимание еще одного обстоятельства — роли Лондона в восстании 1381 года, если мы не ответим на вопрос, как отнеслось к восстанию жителей Кента и Эссекса столичное население. Протокол о лондонских олдерменах, обвинявшихся в приглашении в столицу инсургентов названных графств и в открытии им ее ворот, найденный нами в лондонском Публичном Архиве (Public Record Office) в 1889—1890 учебном году, дает возможность ответить на этот вопрос с довольно значительною определенностью, недоступной в прежнее время, когда пришлось бы довольствоваться сравнительно скудными намеками летописцев. Содержание этого ценного документа отчасти уже знакомо нам из предшествующего изложения; теперь мы остановимся на нем более подробно, пользуясь при этом и другими документальными и летописными указаниями.

Мы уже знаем, что к кентским инсургентам на Блэкгизс, а затем в Саусуарк ездили лондонские олдермены Джон Горп, Адам Карляйл и Джон Фрэш (на Блэкгизс ездили все трое по поручению лорда-мэра и горожан, а в Саусуарк один Джон Горн, не имея такого поручения), что они вместо того, чтобы уговорить народ удалиться от столицы, сделали совершенно обратное, «прелестными речами» («pulcris sermonibus») убеждая вождей восставших не медлить и поскорее вести восставших в Лондон, где они встретят самый радушный прием; знаем мы также, что в заговоре с названными олдерменами был и олдермен Уолтер Сайбил, который впустил кентцев в город через Лондонский мост (London Brigde), отослав от себя всех, кто хотел охранять мост согласно приказу городского управления; наконец, нам уже приходилось упоминать и о том, что Джон Горп накануне вступления в Лондон инсургентов принимал у себя ночью многих из их главных вождей.

Все это факты, относящиеся к кентским инсургентам и позволяющие нам, в связи с приведенными выше соображениями, понять их появление в столице, куда они вовсе не думали отправляться, собравшись на Блэкгизсе. Мы приведем еще один факт, свидетельствующий о сношениях лондонского населения с кентскими инсургентами. Некто Томас Рэвен из Саусуарка (Thomas Raven de Southwark) принимал деятельное участие в кентском восстании с самых первых его моментов: присяжные называют его в числе участников дартфордских беспорядков (5-го июня), разрушения и сожжения дома Уильяма Торclyve'a и убийства некоего Джона Стонгелда (7-го июня), разгрома тюрем в Кентском графстве и освобождения всех заключенных, сожжения податных списков, задержания рыцарей и т. п. [25]. Если олдермены являлись несомненными представителями городского нобилитета, то ничто не дает нам основания видеть в Томасе Рэвене члена этого же класса; по всей вероятности, это был представитель столичной массы, действительно весьма радушно принявшей инсургентов и немедленно присоединившейся к ним, лишь только они проникли в город, о чем мы положительно знаем из наших источников, как это уже приходилось нам указывать при описании лондонских сцен.

В то время, как появление в Лондоне кентцев объясняется, с одной стороны, аффектом, вызванным в них отказом короля высадиться к ним возле

Блэкгизса для выслушания их петиций, а с другой — сочувственным отношением к восстанию некоторой части городского нобилитета и большинства городской массы столицы, приведшим как к прямому призыву кентских инсургентов, когда они еще стояли на Блэкгизсе и, в особенности, когда они уже проникли под влиянием аффекта в предместье города Саусуарк, так и к открытию им входа через Лондонский мост, когда они уже стояли у ворот столицы, — проникновение сюда эссекских ополчений источники представляют исключительно делом лондонских горожан. Протокол об олдерменах сообщает об этом следующие данные. Лондонский житель Томас Фарндон (Thomas Farndon de London) по собственной своей инициативе («ex proprio suo capite») отправился еще в самом начале восстания к эссекским инсургентам («ad malefactores de Com' Essex'») и стал жаловаться на приора госпитальеров, который будто бы отнял у него его наследство («a recta sua hereditate injuste expulsus»), «вследствие чего вышеназванные злодеи негодование и великую злобу возымели к вышереченному приору и учинили много вреда и разорения его поместиям и держаниям в Эссексском графстве» [26]. Став во главе отряда эссекских инсургентов («ut unus eorum capitaneus»), Фарндон водил их к Крессингтемплю, эссекскому поместью приора, и принимал участие в его разгроме, происшедшем, как мы знаем, в понедельник, 10-го июня [27], а затем отправился с ними в Лондон, вошел в столицу в четверг, в праздник Тела Христова, и участвовал в разгроме Темпля (принадлежавшего приору), в сожжении Савоя и Клеркенуэлла, вечером возвратился с своими «полчищами» («cum eisdem turmis») в Лондон и ночью принимал у себя в доме вождей восставших (в числе их Роберта de la Warde) и вместе с ними составил список горожан, которых следовало, по их мнению, обезглавить, разрушив при этом их дома [28]. Рано утром в пятницу он был в Гайбэри и участвовал с своим отрядом в разрушении и сожжении здесь дворца приора, возле Майл-Энда обращался к королю с жалобой на приора, завладевшего его наследством, «изменнически, предательски и без должного почтения» схватив за узду королевского коня (об этом нам уже приходилось упоминать), отсюда повел свою дружину к Тауэру, ворвался в Тауэр и присутствовал при казни архиепископа и приора на Тауэрском холме (Towerhill), а затем стал разъезжать с своим отрядом по городу, делая нападения на дома разных лиц, подвергая их разрушению, а владельцев их заставляя давать ему выкуп за свою жизнь, пока, наконец, его не схватили и не посадили в тюрьму в то время, когда он был занят разрушением усадьбы некоего Джона Нота (Knot) в Стэнинглэне (in Stanynglane) (одна из улиц Лондона). Присяжные называют Фарндона первым из всех вождей, восставших в графстве Эссекс, и говорят, что с понедельника, 10-го июня, до дня своего ареста он все время собирал инсургентов, чтобы убить приора и погубить короля и королевство [29].

На ряду с Фарндоном протокол называет Адама atte Welle и Роджера Гарри (Harry); оба они были лондонские мясники (bocheres), при чем Адам имел лавку в торговых рядах св. Николая («ad macellas sancti Nicholai London») и был поставщиком герцога Ланкастерского («provisor victualium dom. Ducis Lancastriae»). Еще за две недели до прихода инсургентов Эссекского графства в Лондон («per quatuordecim dies ante adventum dictorum insurrectorum de Com' Essex' London'») они отправились в Эссекс и разными обещаниями склонили восставших к походу к столице, а в четверг, 13 июня.

ввели их в Лондон и повели к Савою [30]. Присяжные обвиняют олдермена Уильяма Тонга в том, что, когда эссексцы подошли к столице, он отпер им ворота Олдгет, которые ему поручено было охранять городским советом, но при этом не берутся решать, сделал ли он это с злым умыслом, или по внушению вступивших в заговор Джона Горна и Уолтера Сайбила, или же, наконец, из страха перед угрозами кентских инсургентов, уже находившихся в то время в пределах столицы [31]. В заключение присяжные заявляют, что только по незнанию они не могут сообщить имен массы других лиц, принимавших главное участие в привлечении инсургентов в столицу и давших им возможность войти в нее [32].

Парламентский протокол пятого года царствования Ричарда II до известной степени восполняет пробел, оставленный присяжными, давая нам список жителей Лондона, принимавших участие в восстании в качестве «главных вождей, подстрекателей, пропагандистов и зачинщиков» («principales ductores, abettores, procuratores et inceptores»). Из этого списка мы окончательно убеждаемся, что на стороне восстания были далеко не одни представители городской массы (pauperiores или simpliciores civitatis, или plebs communis, по терминологии сент-албанского монаха, menues gens en la citté de Londres, как выражается Фруассар), но и не мало людей достаточных, из тех, которых *Английская хроника* называет majores, magis sufficientes burgenses: преобладающее большинство «главных вождей, подстрекателей, пропагандистов и зачинщиков» — хозяева ремесленных и торговых заведений (виноторговцы, пивовары, содержатели харчевень, рестораторы, золотых дел мастера, портные, содержатели цирулен, сапожники, кожевники, сукновалы, ткачи и т. п.), а не ремесленники-пролетарии, живущие исключительно заработною платой, слуги или чернорабочие [33].

В виду всех этих фактов мы, кажется, имеем некоторое основание предполагать, что, не примкни к восстанию жители Лондона, оно, может быть, не получило бы того грандиозного вида, который сообщили ему разгром столицы и страшная расправа с высшими саповниками королевства.

Является вопрос: внесли ли лондонские инсургенты что-нибудь новое в программу восстания, насколько она успела выясниться из слов и деяний жителей Эссекса и Кента перед их вступлением в столицу? Принимая в соображение самые существенные моменты лондонской трагедии, мы приходим к выводу, что лондонские инсургенты всего лишь подчеркнули красною чертою политическую сторону программы; к этому сводится идейная сторона всех сцен смерти и разрушения, описанных нами в предыдущей главе. Разгром и сожжение Савоя источники представляют делом лондонских горожан; так думали присяжные, показания которых мы только что приводили; таково и мнение летописцев [34]. Все это заслуживающие внимания свидетельства, вполне согласующиеся со всем тем, что нам известно об отношении лондонского населения к герцогу Ланкастерскому. Тем не менее не следует забывать того общего раздражения, которое вызвал в народе герцог, стоя во главе управления королевством, и которое так резко выразилось на Добром парламенте 1376 года. Герцог был в особенности ненавистен лондонским горожанам, и, отправляясь вместе с жителями Кента и Эссекса разрушать Савой, они, по словам сент-албанского монаха, старались опередить своих спутников, считая для себя позором, если кто-нибудь раньше их причинит герцогу какой-нибудь ущерб [35].

Но имя его не вызывало добрых чувств и у провинциалов, и первые шаги своего восстания они ознаменовали беспощадным разрушением и сожжением усадеб и домов глазным образом законоведов, королевских чиновников и людей, находившихся в зависимых отношениях с герцогом Ланкастерским, более всего ненавидя их и считая достойными смерти [36]. Производя разгром Темпля, Клеркенуэлла, Гайбэри, осаждая Тауэр и казня архиепископа и приора госпитальеров, инсургенты Кента и Эссекса только продолжали то, с чего и для чего они начали восстание; лондонские жители только увеличили их силы, но к идейному содержанию революции едва ли прибавили свою собственную лепту. Конечно, как и в других местах, и здесь восставшие сводили свои старые счеты, и в этом смысле заслуживает внимание избиение лондонской толпою фламандцев и разграбление домов ломбардцев; в первых столичные ремесленники и купцы видели сильных конкурентов, вторых народ ненавидел как ростовщиков, деятельность которых в глазах средневекового человека являлась грехом и беззакопием [37]; весьма возможно, что убизали фламандцев и грабили ломбардцев не одни жители столицы, что с ними вместе действовал, под их руководством, и пришлый люд, пользовавшийся их указаниями и в других случаях, например, при разгроме Темпля, Клеркенуэлла и т. п., к которым сами провинциалы, в большинстве никогда не бывавшие в столице, может быть, не нашли бы и дороги; тем не менее в общем, можно сказать, разгром столицы и казнь высших сановников в такой же мере — дело населения столицы, как и инсургентов Кента и Эссекса, поднявшихся против «королевских изменников» и явившихся в столицу для расправы с самыми главными из них после того, как они потеряли надежду получить их для казни из рук самого короля.

Лондонское население находилось в самом центре политической жизни страны и неоднократно выражало свой живой интерес к ней весьма энергичными проявлениями. Весьма естественно поэтому, что начавшееся в Эссексе и Кенте движение с политическим характером должно было найти сочувственный отклик в населении столицы, доказавшем своими частыми волнениями почти накануне восстания, что враждебное отношение к правительству в нем не менее сильно, чем у жителей провинции. Но, повторяем, ничего новаго в программу восстания столица не внесла: и после вступления инсургентов в Лондон развитие восстания шло по раньше наметившемуся пути.

Если мы спросим, каково было организационное воздействие лондонского населения, то самым близким к истине ответом будет следующее: в нашем распоряжении нет данных, позволяющих нам констатировать это воздействие хоть в сколько-нибудь осязательной форме; возможно, что слишком кратковременное пребывание кентцев и эссексцев в столице, быстрота, с которою развивались лондонские события, в известной степени объясняют отсутствие результатов, возможных при других условиях.

Для полноты картины лондонского разгрома нужно еще вспомнить, что восставшие, по словам летописцев, выпили много вина, которое они в большом изобилии нашли в погребах разрушенных ими домов; сент-албанский монах даже утверждает, будто лондонские горожане открыли для них все свои погреба [38]; не следует также забывать, что вместе с восставшими действовало не мало профессиональных грабителей и иных преступников, выпущенных ими из лондонских и иных тюрем.

III

Мы сказали, что программа восстания развивалась своим путем, не восприняв в себя никаких новых пунктов вследствие перенесения места действия в столицу. Сцена на Майл-Энде раскрывает нам в известной мере содержание этой программы в том виде, какой она приняла к этому времени. Уничтожение личной несвободы вилланов, перевод на деньги всех натуральных повинностей крестьян и установление нормы арендной платы, свобода торговли и полная амнистия всем участникам восстания, — вот основные пункты петиции, поданной королю народом [39]; в заключение, по словам ивземского монаха, королю было заявлено, что до сих пор он пользовался советами дурных советников, что впредь сам народ будет руководить им [40].

В этой петиции нас поражает прежде всего ее почти исключительно социальный характер; политическая сторона здесь совершенно в тени, и в то время, как социальные требования инсургентов формулированы весьма ясно и определенно, их политическое недовольство выражено весьма глухо и нечленораздельно, что, впрочем, вполне соответствует слишком общему характеру положительного смысла уже раньше известного нам лозунга «король и верные общины».

Чем объяснить такую односторонность петиции? Из *Английской хроники* и из других источников мы узнаем, что жители Эссекса были вполне удовлетворены королевской грамотой, полученной ими в ответ на эту петицию, и мирно разошлись по домам; в Лондоне остались одни кентцы с Тайлером, Боллом и другими вождями [41]. Весьма естественно предположить, что это была как раз программа эссексских инсургентов, не успевшая еще, как мы видели, принять определенную форму до выхода движения за пределы Эссекса и только, очевидно, теперь окончательно сложившаяся. Если в Кенте, в зависимости от местных условий (отсутствие вилланства), в движении возобладала, как мы видели, политическая сторона, то в Эссексе свои местные условия дали движению почти исключительно социальное направление, и в этом отношении Эссекс был типичным английским графством.

Эссексская программа приняла свою окончательную форму майл-эндской петиции уже после разгрома столицы, в котором эссексцы принимали участие наравне с кентцами и жителями Лондона, как об этом свидетельствуют современные документы; да и сама петиция не оставляет на этот счет сомнений: эссексцы просят короля предать забвению все совершенные ими теперь восстания, измены и иные преступления («omnimodas insurrectiones... proditiones, felonias, transgressiones et extorsiones... hiis occasionibus provulgatas») и даровать им свой крепкий мир. Приведенный параграф, как и все содержание петиции, свидетельствует также о мирных намерениях эссексцев, с которыми они направлялись к столице. Произведя расправу над «королевскими изменниками» у себя дома и разгромив усадьбы местных землевладельцев, эссексцы шли к Лондону, чтобы просить короля законным порядком отменить то, на что они, под влиянием аффекта, наложили собственные руки. Особые, не предвиденные ими обстоятельства сделали их участниками кровавых сцен внутри столицы. Но когда им пришлось более или менее спокойно обсудить свои истинные цели и стремления и предложить их в виде петиции королю, предварительно определенно формулировав их и изложив на бумаге («redacta in scriptis»), то

оказалось, что в сущности они стояли на весьма легальной почве, и все то, что было совершено ими в пылу страсти, было признано ими самими беззаконием, требующим кары, от которой может освободить только королевское помилование.

Односторонний характер эссексской программы и исход майл-эндского свидания бросают яркий свет на организацию восстания. В виду подобных фактов едва ли может быть речь о какой-нибудь дисциплине, необходимой для достижения хотя бы некоторого единства в действиях разнородных элементов, присоединившихся к движению. Те зачатки организации, которые мы наблюдали у кентских инсургентов, если и развились во что-нибудь более прочное, то во всяком случае не связали кентского и эссексского восстаний в одно организованное целое и, по всей вероятности, даже совсем не распространились за пределы Кентского графства. Присутствием у кентцев некоторой организации, а также более широким характером их программы, не вмещавшейся в узкие рамки освободительной грамоты, которою вполне удовлетворились эссексские инсургенты, объясняется то, что они не последовали примеру этих последних, как предлагал им сделать король, и остались в Лондоне, чтобы добиться осуществления своих требований. Основываясь на том, что мы уже знаем о программе кентских инсургентов до вступления их в Лондон, мы можем сказать, что требования эти носили прежде всего политический характер, что кентцы совместно с жителями Лондона явились на Смисфилд с жалобами на дурное управление, на злоупотребления правительства, его высших сановников и самых мелких агентов, на бесконечные налоги, принимавшие все новые и новые формы, и, повидимому, хотели добиться от короля каких-нибудь более или менее прочных гарантий в этом смысле; выражаясь языком сент-албанского монаха, они хотели «изменить королевство и его худые обычаи» («pro regno regnique malis consuetudinibus immutandis») [42]. Анонимный хроникер говорит, что Тайлер требовал у короля на Смисфилде отмены института лишения покровительства законов и даже отмены всех законов, кроме Уинчестерского статута. Но он требовал также и конфискации церковных имуществ и раздела их между прихожанами, упразднения всех епископских кафедр, кроме одной, и уравнения всех сословий [43]. И если мы прибавим к этому, что, по словам Найтона, Тайлер, между прочим, требовал превращения в общинную собственность всех лесов и рек в королевстве [44], то не остается сомнения, что в программу кентцев входили требования и социального характера. Вопрос об угодьях играл огромную роль в крестьянском хозяйстве в конце XIV столетия, и, в виду захватов со стороны духовных и светских землевладельцев, это был вопрос наболевший, порождавший не мало гражданских тяжб и уголовных процессов. Нужно было так или иначе разрешить его, и восстание 1381 года, поднявшее все нерешенные вопросы, не могло обойти и этого, существеннейшего для всего сельского, да и городского, населения вопроса. В данном случае восставшие поступили так же, как и с вопросом о крепостном праве, о вилланстве: сначала они сами, собственными средствами, решили его, а затем обратились к королю за легальною санкцией. При рассказе о ходе восстания нам приходилось приводить факты разрушения крестьянами и горожанами изгородей, поставленных феодальными владельцами на их общинных пастбищах, засыпания ими рвов, которыми были окопаны экспроприированные у них общинные луга, завладения заповедными

лесами и парками, а также уничтожения загородок, которыми были обозначены границы рыбных садков, устроенных сеньерами в реках и озерах; особенно много данных этого рода сообщают нам, как мы видели, источники, откуда мы черпаем наши сведения о восстании подданных сент-албанского абатства, что объясняется совершенно исключительною обстоятельностью сент-албанских хроник сравнительно с другими находящимися в нашем распоряжении источниками [45]. Требование, предъявленное, по словам Найтона, королю Тайлером на Смисфилде, являлось весьма важным дополнением к майл-эндской петиции, трактуя об одном из существенных условий, необходимых для того, чтобы получившие личную свободу и свободу от барщинных повинностей крестьяне могли вполне ее осуществить, и мы с полным основанием можем повторить слова современных летописцев, что на свидании с королем Уот Тайлер просил короля *исправить* и *улучшить* грамоту, которую он раньше выдал восставшим [46]. Что же касается требований уравнительного и секуляризационного характера, о которых говорит автор *Анонимной хроники*, то они далеко выходят за пределы этой освободительной грамоты и связывают восстание 1381 года с религиозно-общественным движением второй половины XIV столетия и с его доктриной, о чем будет речь в дальнейшем.

Если бы эссексцы и кентцы действовали как организованное целое, если бы восстание 1381 года возникло в результате заранее задуманного заговора, тщательно подготовленного путем энергичной и искусной пропаганды, как хотят уверить нас некоторые ученые, у них была бы общая программа, принявшая во внимание, всесторонне обдумавшая и гармонически согласовавшая интересы всех восставших; тогда и результаты движения были бы иные, и факты, подобные мирному удалению эссексцев, лишь только они получили согласие короля на то, о чем они просили его в своей петиции, поданной ему на Майл-Энде, едва ли были бы возможны.

Таким образом, у инсургентов Эссекса, Кента и Лондона (включая и графства Мидделсекс и Сэррэй), у жителей смежных территорий, не оказалось ни общей организации, ни общей программы, и даже когда им пришлось действовать общей массой внутри столицы, даже и это обстоятельство не сплавило их в организованное целое, и части конгломерата продолжали сохранять свою индивидуальность и действовали каждая за свой страх, не получая направляющего импульса из общего центра. Это дало возможность правительству и правящим классам очень скоро, даже, можно сказать, совершенно неожиданно для себя, разъединить случайно соединившиеся силы и, устранив таким образом самый критический момент, затем без особенного уже затруднения окончательно раздавить по началу грозное движение. Если мы рассмотрим, что представляли собою, с точки зрения программы и организации, восстания в других английских графствах, то заключение, к которому мы только что пришли, получит только дальнейшее подтверждение.

Гертфордшир, Бедфордское графство, Сэффольк, Норфольк и Кэмбриджское графство — местности, ближайшие к центру движения; с них поэтому и следует начинать искание ответа на поставленный вопрос.

Рассказывая о ходе восстания в названных графствах, мы видели, что в каждом из них оно носило по крайней мере внешние признаки некоторой организации: в каждом из них восставшие постепенно соединялись в большие отряды, во главе которых стояли предводители, повидимому пользовавшиеся авторитетом и вводившие некоторую дисциплину в ряды восставших. Мало

того. Мы видели даже намеки на более широкую организацию. Напомним эти данные. Главным вождем сэффолькского восстания был, как мы знаем, капеллан из Сэдбэри Джон Роу. Судебный протокол сообщает, что в среду, 12-го июня, он явился в Листон возле Мелфорда в Сэффолькском графстве и немедленно стал во главе расположившейся у Листона огромной толпы из жителей Эссекса, Гертфорда, Сэффолька и Норфолька [47]. Рыцарь Роджер Бэкон, один из главных предводителей норфолькских инсургентов, у которого в отряде были и сэффолькцы, подступает к Ярмуту и заставляет ярмутских горожан выдать ему королевскую грамоту о вольностях их города; грамоту эту он разрывает на две части, одну часть оставляет у себя, а другую отсылает Джону Роу и другим, которые действовали с ним в Сэффольке [48]. Капеллан Джон Майкел, прежде чем сделаться одним из руководителей восстания на о. Или, был помощником (subductor) Джона Роу в Сэффольке [49]. Роберт Тэнелл, один из вождей сэффолькских инсургентов, действовал с своим отрядом в Кэмбриджшире (в окрестностях Кэмбриджа и на о. Или) и в Гэнтингдонском графстве [50]. Факты эти не оставляют сомнения, что некоторые признаки общей организации действительно успели уже наметиться у инсургентов, действовавших в Сэффольке, Норфольке, Кэмбриджшире и Гэнтингдонском графстве, что капеллан Джон Роу был, повидимому, центром ее.

Ничто, однако, не говорит, чтобы эта организация преследовала определенную положительную общую цель, и чтобы ей удалось направить силы восставших к осуществлению этой цели. В каждом из названных графств восставшие преследуют свои местные цели, дробящиеся в свою очередь на целый ряд отдельных интересов, далеко не всегда укладывающихся в категории расправы с королевскими изменниками и уничтожения основ крепостного права. Особенно это следует сказать о городах, примкнувших к восстанию, например, о Кэмбридже и Эдмондсбэри. И тот, и другой только эксплоатируют восстание, пользуясь силами вооруженного народа для своих исключительно городских целей. Кэмбриджские горожане, заключив союз с полчищами инсургентов, собравшихся в окрестностях их города, направляют их на университет, производят разгром в его коллегиях и заставляют университетское начальство выдать им все грамоты королей и другие документы, определявшие феодальные права, вольности и привилегии университета, а также дать им обязательства, что университет отказывается от всяких исковых претензий, имеющих основание как в прошедшем, так и в настоящем, и освобождает их, на свои средства, от всех обязательств в отношении к королю и другим лицам, возникших вследствие споров и тяжб между университетом и горожанами. Горожане Эдмондсбэри, пользуясь присутствием в их городе инсургентов Джона Роу, направляют их на местное аббатство и заставляют монахов выдать им грамоты, которыми английские короли утвердили за монастырем его феодальные права, а также обязательства, когда-то выданные горожанами монахам, и требуют выдачи грамот городских вольностей, пожалованных горожанам королями, начиная с короля Кнута. Ни у кэмбриджцев, ни у эдмондсбэрийцев нет и мысли об общих задачах восстания; их, повидимому, совсем не занимало то, что происходило в столице.

Такое же впечатление производит в общем и все движение в названных выше графствах. В сущности один только факт — разгром отрядом Роу усадьбы известного Ричарда Лайэнса в Листоне (в Сэффольке) — как будто говорит

о более широком политическом сознании восставших, о их способности выйти на время из узких рамок чисто местных интересов. Но, во-первых, факт этот слишком единичен, чтобы из него можно было делать выводы для общей характеристики, а во-вторых, он не свидетельствует об организационной связи движения в упомянутых графствах с центром восстания и не ослабляет свидетельства всех других фактов, не позволяющих нам предполагать, чтобы у руководителей этого движения было намерение вести свои дружины к столице для соединения с инсургентами Эссекса, Кента и Лондона. Уже одно направление, по которому двигался отряд главного руководителя восстания Джона Роу, не оставляет на этот счет никаких сомнений: вместо того, чтобы двигаться к югу и к юго-западу, он двигался к северу, и притом вовсе не спеша, останавливаясь для грабежа, где чувствовал богатую добычу, и комфортабельно располагаясь на зеленом лугу где-нибудь у Мелфорда, чтобы распить бочку красного вина («pipam vini rubei»), отпущенную соседним кабатчиком под заклад награбленных вещей.

Переходя к Гертфордскому графству, еще более близко расположенному к центру движения, мы еще более поражаемся партикуляризмом поднятого в нем восстания. Центром этого восстания, как мы знаем, был город Сент-Албанс. Сент-албанские горожане хвалились, что с ними в союзе тридцать две общины, и это было не простое хвастовство. О чем, однако, хлопочут сент-албанцы и их союзники? Исключительно о своих собственных интересах. И им, как и жителям рассмотренных нами графств, знакомы все лозунги и пароли восстания. Мало того: они даже отправляются в столицу; не доходя до нее, у Гайбэри, дают клятву верности делу революции Джэку Строу, находившемуся здесь с двадцатитысячным отрядом; но, прибыв в Лондон, останавливаются у церкви св. Марии на Чипсайде (St. Mary le-Bow) и начинают совещаться о своих собственных делах, о тех правах и вольностях, которых они хотят добиться от сент-албанского аббатства, об общинном выгоне, о праве ловить рыбу и охотиться в водах и лесах, захваченных монахами в частное владение, о праве молоть хлеб на ручных мельницах, а не на мельнице аббата, о муниципальных правах города Сент-Албанса и т. п.[51], и о том, к каким средствам обратиться, чтобы успешнее добиться своих целей. Решено было обратиться одновременно к королю и к Тайлеру. Король согласился выдать им грамоту, повелевающую аббату исполнить требования восставших, а Тайлер, с своей стороны, обещал сент-албанцам вооруженное содействие, если в нем окажется надобность. Лишь только сент-албанские инсургенты получили эти обещания, они ни минуты дольше не сочли нужным оставаться в Лондоне и немедленно отправились обратно в Сент-Албанс. Таким образом, они просто воспользовались общим восстанием, чтобы обделать свои собственные дела. Весьма характерным в этом смысле является разговор одного из руководителей восстания, Ричарда Уоллингфорда, с аббатом. Уоллингфорд привез аббату королевскую грамоту, о которой только что была речь. Прочтя грамоту, аббат заявил Уоллингфорду, что все требования горожан и других подданных монастыря незаконны, что он может представить документы, доказывающие это. Уоллингфорд заявил на это, что в настоящее время вся власть перешла к общинам, для которых законы не имеют никакого значения («communes jam pro tempore dominari, leges penitus non curare»), и советовал аббату лучше подумать о вооруженной толпе, стоявшей у ворот монастыря, которая еще может

увеличиться двадцатью тысячами под начальством самого Тайлера, если только аббат будет упорствовать и ссылаться на законы [52].

То немногое, что нам известно о движении в остальных графствах, еще меньше свидетельствует о том, что у него была общая программа и организация. Восстание дэнстэблских горожан в Бедфордшире может быть приведено в качестве типичного и даже несколько карикатурного примера. Нам уже приходилось сообщать о том, как дэнстэблские купцы, поднявшие восстание против дэнстэблского монастыря, заставили приора этой обители выдать им грамоту о городских вольностях Дэнстэбла и, между прочим, внушили ему включить в эту грамоту статью, воспрещавшую жителям соседних сел и деревень продавать мясо и рыбу в пределах города, статью, едва не вызвавшую кровопролития в раздраженной толпе, возмущенной таким беззастенчивым посягательством городских нотаблей на ее карманы. Тут уже не может быть и речи о широких горизонтах, о бескорыстии, социальном энтузиазме. Не многим лучше обстояло дело в Йорке, Скарборо, Беверли или в Бриджуотере. Во всех этих городах восставшие сводили свои местные счеты, вовсе не думая об общем деле: в первых трех городах (Йоркского графства) произошла борьба городской массы с probiores и magis sufficentes burgenses, захватившими в свои руки руководство городскими делами и экономическое преобладание; в последнем (Бриджуотер в Сомерсетшире) горожане заставили представителей ордена госпитальеров возвратить выданное им городом обязательство и отказаться в пользу приходской церкви в городе от всех jura et proficua, которыми пользовался здесь орден [53]. Единственный факт, который сообщают нам наши источники о восстании в Беркшире, состоит в том, что клирик Давид Колуил, собрав толпу беркширских инсургентов, отправляется в деревню Cleobury и сгоняет с прихода местного священника Уильяма Солсбэри, чтобы захватить приход в свои руки.

Все приведенные нами факты и соображения позволяют нам утверждать, что восстание 1381 года возникло без заранее составленного заговора, без заранее выработанной программы и без заранее образовавшейся организации, что и программа, и организация развивались по мере развития самого движения, даже идя позади его, не поспевая за ним, и не успели объединить восставших в организованное целое, действующее по одному определенному плану, стремящееся к осуществлению общих для всех или, по крайней мере, гармонически согласованных целей.

IV

Расправа с «королевскими изменниками» олицетворявшими административный произвол, фискальный гнет и судебную неправду, и в том числе с судьями, разбиравшими дела о рабочих и нанимателях, освобождение крестьян от крепостной неволи, вилланства, как путем истребления документов, служивших юридическим основанием их личной и поземельной несвободы, зависимости от светских и духовных землевладельцев, так и силою королевского указа, перевод на деньги всех натуральных повинностей, лежавших на крестьянской земле как вилланов, так и свободных людей, установление нормы арендной платы за землю в 4 пенса за акр, возвращение крестьянам общинных угодий, захваченных в частную собственность и пользование их сеньерами, и освобо-

ждение внутренней торговли от всех феодальных стеснений, крайне затруднявших уже значительно развившийся гражданский оборот, — вот основное содержание того, что можно назвать программой восстания, поднятого в 1381 году от имени короля Ричарда его верными общинами, и что сообщило инсургентам, действовавшим в разных графствах английского королевства, если не единство организации, то, по крайней мере, значительное единство стремлений, позволяющее нам рассматривать всю совокупность фактов, описанных нами в предыдущей главе, как одно целое, поддающееся объяснению из общих причин, из общих материальных и идейных процессов, которыми определялась эволюция английского общества и государства. Если мы прибавим к этому перечню борьбу присоединившихся к восстанию городов за муниципальную свободу, а также классовую борьбу, происходившую внутри некоторых из них, то нам в сущности ничего больше не остается сказать для характеристики той, как увидим еще более впоследствии, совершенно реальной почвы, на которой стояла масса восставшего народа.

Но па ряду с этою основною программой, выражавшею стремления и требования огромного большинства, восставшие выставили еще и другую программу, заключавшую в себе ряд положений гораздо более крайнего характера, к тому же в весьма значительной мере проникнутых отвлеченным духом теории, исходившей не столько от данных конкретной действительности, сколько от общих положений социально-религиозной доктрины.

С основными пунктами этой радикальной программы знакомят нас *И повсдь* Джэка Строу, одного из вождей восстания, казненного по приговору судебной комиссии с лондонским мэром во главе, и проповеди Джона Болла, «сумасшедшего английского попа из Кентского графства» («uns fols prestres d'Engleterre, de la conté de Kent»), как его энергично именует Фруассар [54], а также некоторые из известных уже нам требований, предъявленных королю Уотом Тайлером па Смисфилде. Разбирая содержание *Исповеди* в связи со свидетельствами других источников, мы приходим к заключению, что ею можно пользоваться вполне безопасно, что в ней следует видеть сделанное сент-албанским монахом литературное переложение подлинного документа [55]. Нам необходимо подвергнуть подробному рассмотрению показания Строу и пропаганду Болла, чтобы выяснить основные пункты радикальной программы и установить связь ея как с умеренною программой большинства, уже нами рассмотренною, так и с идеями, уже много лет пред тем распространявшимися Боллом среди английского народа.

Вот содержание *Исповеди*. Когда инсургенты, стоя на Блэкгизсе, послали за королем, то их намерением было, по словам Строу, завладеть особой короля, перебив для этого всех рыцарей, оруженосцев и прочих дворян, которые явятся с ним в качестве его свиты. Захватив в свои руки короля, они стали бы оказывать ему все царские почести («inter nos regaliter exhibitum in universis») и, переезжая с ним с места на место по всему королевству, дали бы тем понять народу, что сам король стоит во главе восстания. Таким путем они надеялись привлечь на свою сторону огромную массу простого народа и тогда приступили бы к выполнению задуманного плана. План этот состоял в следующем. Восставшие намеревались умертвить всех светских сеньеров (domin s), которые бы вздумали оказать им сопротивление или имели против них злой умысел. Та же участь грозила госпитальерам и всем духовным земле

владельцам (cunctos possessionatos): епископам, монахам, кононикам, а также настоятелям приходов (rectores insuper ecclesiarum). Из всего духовного сословия остались бы в живых одни нищенствующие монахи (soli mendicantes), и их было бы вполне достаточно для удовлетворения религиозных потребностей всего народа («qui suffecissent pro sacris celebrandis aut conferendis universae terrae»). Перебив, таким образом, всех, кто мог быть значительнее, храбрее или ученее их («cum vero nullus major, nullus fortior, nullus scientior, nobis superfuissent»), инсургенты собирались издать для себя новые законы («leges condidissimus ad placitum») и во главе каждого графства поставить особого короля, при чем кентским королем они избрали бы Уота Тайлера. Архиепископ помешал им осуществить этот план (припомним его совет королю не высаживаться на берег к «босоногим разбойникам»), и они решили предать его смерти. Вечером того дня, когда был убит Уот Тайлер, инсургенты, имея на своей стороне лондонское простонародье, преимущественно беднейших, собирались зажечь столицу с четырех концов, предать ее грабежу и затем разделить между собою все ее богатства [56].

Разбирая *Исповедь* и сопоставляя отдельные показания Строу с соответствующими свидетельствами других источников, мы видим, что все эти свидетельства очень часто являются почти перифразом того, что мы находим в тексте *Исповеди*. Это дает нам основание утверждать, что Строу действительно открыл на суде намерения инсургентов, что его показания, как и показания других участников восстания (например, Джона Роу), были записаны в протокол и затем подверглись литературной переработке под пером сент-албанского монаха. Тот же протокол был, по всей вероятности, тем источником, откуда почерпнули свои отрывочные сведения о крайних намерениях восставших и другие летописцы — Найтон, Фруассар (не говоря уже об ивземском монахе, приводящем даже текст Confessio Johannis Straw по сент-албанскому хроникеру), может быть, поэт Гауэр, а также составители парламентской петиции, поданной королю в седьмой год его царствования [57].

В *Исповеди* Строу едва ли можно видеть изложение вполне определенной программы одной вполне организованной группы. Кажется, как будто все крайние тенденции революции 1381 года нашли в ней свою формулировку. Рядом с бесспорно идейными стремлениями секуляризационного и коммунистического характера мы встречаем здесь намерение разграбить Лондон, свойственное не «ревнителям правды и справедливости», но ворам и разбойникам, как выпущенным инсургентами из всех тюрем Лондона и других городов и деревень, через которые они проходили, так и не успевшим еще попасть в руки правосудия. Несмотря, однако, на эту мозаичность *Исповеди*, объясняющуюся, как нам кажется, только что приведенным соображением, все же в ней можно выделить элементы, которые представляют собою части некоторого целого, может быть и не вполне определенного в своих подробностях, но все же достаточно ясного по своим основным очертаниям, в особенности при том свете, какой бросает на него учение Джона Болла. То же можно сказать и о некоторых требованиях, предъявленных королю Тайлером на Смисфилде: мы имеем в виду требование равенства всех, кроме короля, секуляризации церковной собственности и раздела ее между прихожанами и упразднения церковной иерархии [58].

Нам уже приходилось отметить факт, весьма характерный для восстания 1381 года, — полное отсутствие биографических сведений о главных деятелях

его. Единственное исключение представляет Джон Болл. Источники не поскупились сообщить нам целый ряд крайне интересных данных, которые знакомят нас с жизнью и деятельностью Болла до того, как он вместе с Уотом Тайлером и другими стал во главе восставших, а также позволяют нам определить ту роль, которую он играл в восстании в качестве одного из его руководителей.

Первые известия о Джоне Болле относятся еще к 1366 году. До слуха Симона Лэнгэма (Langham), занимавшего в то время кафедру архиепископа кентербэрийского, дошло («ad nostrum pervenit auditum, fama publica referente»), что в пределах его непосредственной юрисдикции какой-то Джон Болл, едва ли по праву именующий себя священником («quidam Johannes Balle presbyterum se praetendens»), проповедует многоразличные заблуждения и соблазны («multiplices errores et scandala praedicet») на погибель как своей душе, так и душам тех, кто ему покровительствует, а также к явному соблазну всей церкви («tam in animae suae et ipsius in hac parte fautorum animarum salutis dispendium, quam universalis ecclesiae scandalum manifestum»). Архиепископ шлет приказ бокингскому декану (decano de Bockyng) и всем настоятелям (rectoribus), викариям и приходским капелланам того же округа Бокинг, чтобы они запрещали своим прихожанам присутствовать на проповедях Болла («eis peremptorie inhibendo, ne quis eorum praedicationibus dicti Johannis interesse praesumat»); сначала они должны воздействовать на своих прихожан путем увещаний, затем, в случае ослушания, подвергать их большому отлучению («sub poena excommunicationis majoris») и, наконец, привлекать их к суду архиепископа. Те же лица должны представить на суд архиепископа и Джона Болла, и Болл должен будет дать здесь ответ на некоторые вопросные пункты, касающиеся исправления и спасения его души. которые предложит ему архиепископ, и взять на себя обязательство во всем повиноваться закону [59].

Удалось ли бокингскому декану и подведомственным ему настоятелям, викариям и капелланам задержать Болла и представить его на суд примаса Англии, а также, насколько оказались действительными меры, рекомендованные архиепископом для того, чтобы отбить охоту у их прихожан слушать проповеди, заведомо опасные для их будущей жизни, мы не знаем. Прошло десять лет. За все это время источники наши ни словом не обмолвились о Джоне Болле. Но вот 13-го декабря 1376 года король Эдуард III в пятидесятый год своего царствования снаряжает комиссию из пяти лиц (в состав ее вошли два священника — Роберт Adewyne из Пэнтфилда и Реджиналд из parva Teye — и Томас Джойс из Колчестера, Джон Блайтон из того же города и Джон Флечэм из Shaldeford'a) и поручает ей разыскать Болла и препроводить его к шериффу Эссексского графства, чтобы тот арестовал его и держал под стражей, пока он не даст удовлетворения «святой церкви» за ослушание и за обиды, ей нанесенные. Сделать такое распоряжение побудило короля письмо архиепископа кентербэрийского Симона Сэдбэри, в котором архиепископ доводит до сведения Эдуарда, что капеллан его диоцеза Джон Болл за свое явное непослушание отлучен им от церкви, но не желает подчиняться церковной дисциплине. Все шериффы, меры, бэйлиффы и другие слуги короля и его верные подданные должны оказать свое содействие комиссии в задержании непокорного капеллана [60].

Но и вмешательство королевской власти, обязательное, по словам короля, в случаях раздоров, происходящих внутри святой церкви («potestas regia sacrosancte ecclesie in querelis suis deesse non debet»), оказалось, повидимому, без результатов. «До слуха нашего дошло,—пишет 26-го апреля 1381 года тот же архиепископ Симон Сэдбэри своему генеральному комиссару кентербэрийской провинции («commissario nostro Cantuar', generali») и официалу кентербэрийского архидиакона («ac archidiaconi nostri Cant. officiali»), а также всем настоятелям, викариям и заступающим их место («et eorum loca tenentibus») и капелланам («ac capellanis curatis et non curatis») церквей, находящихся под его непосредственною юрисдикцией,—что некий схизматик, сэр Джон Болл, именующий себя пресвитером.., не боится узурпировать в свою пользу право и обязанность церковной проповеди» («quidam schismaticus dominus Johannes Balle, presbyterum se praetendens, cum doctorum et praedicatorum ordo sit quasi praecipuus, in ecclesia sibi praedicationis officium usurpare non veretur»), не имея на то никакого разрешения ни со стороны апостольского престола, ни со стороны епископа своего диоцеза. «Предшественник наш, досточтимый господин Симон Ислип (Islip), будучи архиепископом кентербэрийским (от 1349 по 1366 год), отлучил от церкви выше названного бродягу Джона Болла за заблуждения и расколоучения, которые он сеял» («praedictum vagabundum Johannem Balle, propter errores et schismata per eum seminata, publice excommunicatum fecit denunciari»); то же сделали и суффраганы архиепископа в своих диоцезах и сам нынешний архиепископ, который был тогда епископом лондонским, и отлучение это никогда не было снято с Болла, да он и не беспокоился об этом («a quibus quidem excommunicationum sententiis beneficium absolutionis nunquam obtinuit, seu obtinere curavit»). «И вот теперь, подобно волку, избегающему засад охотников,—продолжает архиепископ, которому, как и его собратьям, повидимому не чужды были благородные утехи рыцарской жизни,—он направился к пределам нашего диоцеза и здесь иногда в церквах и на погостах, против желания настоятелей этих церквей, а иногда и на общественных рынках возле торговых рядов и в других неосвященных местах, услаждая слух мирян поносительными речами, говорит вещи, позорящие как нашу персону, так и других прелатов и церковников, и, что еще более достойно порицания, подняв лицо к небу, о самом верховном первосвященнике дерзает высказываться дурно и нестерпимым для благочестивых ушей образом и не боится проповедывать многие заблуждения и расколоучения и развивать мысли, которые являются чистейшею ересью, а также учить и другим несообразностям, которые мы считаем необходимым пройти молчанием». «Не желая, чтобы порок тайно прокрадывался под видом добродетели и желая обуздать несказанную дерзость этого посягателя» («nolentes igitur vitia occulte sub virtutis specie subintrare, ac hujusmodi praesumptorem a suis nefandis ausibus refraenare volentes»), архиепископ приказывает названным выше лицам, чтобы они в своих церквах и в других местах торжественно и всенародно провозглашали Джона Болла, «скорее схизматика и отступника, чем пресвитера», отлученным от церкви. Архиепископ грозит большим отлучением тем из своих пасомых, кто вздумает оказывать Боллу какое-нибудь содействие советом, помощью или благорасположением или станет слушать его проповеди [61].

Таковы свидетельства официальных документов. Осторожности архиепископов мы обязаны молчанием документов о том, в чем же именно состояли

те соблазны, расколоучения и ереси, которыми Болл прельщал слух мирян, стекавшихся на его проповеди в церкви и на рыночные площади. Летописцы, менее опасавшиеся за правоверие своих читателей, заполнили этот чрезвычайно важный для нас пробел, каждый по мере сил своих и знаний. Они же несколько дополнили и биографические данные о Болле.

По словам сент-албанского монаха, Найтона, Фруассара и одного из авторов повествовательной части сборника материалов для истории лоллардизма, так называемых *Fasciculi Zizaniorum* (Стефана Пэтрингтона), архиепископу Симону Сэдбэри, при содействии лондонского епископа Уильяма Кортнэя, удалось, наконец, заставить Болла прекратить свою проповедническую деятельность: его схватили и заключили в архиепископскую тюрьму в Мэдстоне, откуда, как мы знаем, он был освобожден восставшими [62]. Выйдя из тюрьмы, Болл, по словам анонимного хроникера, сделался советником восставших общин [63]. Схваченный в Ковентри, он, как мы знаем, был приведен в Сент-Албанс, где в это время находился король, и по приговору Трезильяна был казнен здесь (четвертован) 15-го июля (1381 года). Голова его, по словам Малверна, была выставлена в Лондоне на воротах Лэдгет [64].

Если церковные сановники видели в проповедях Болла опасность для душ своих пасомых, то светская власть карала в нем, как ей казалось, агитатора, своими речами возбуждавшего, как она думала, народ к восстанию [65], а во время восстания взявшего на себя руководство им [66]. Рассмотрим и ту, и другую сторону его пропаганды.

Те обвинения общего свойства, какими аттестуют «схизматика сэра Джона Болла» приказы архиепископов, встречаем мы и у летописцев. По словам Найтона, Болл в течение многих лет неразумно сеял слово божье, мешая пшеницу с плевелами, и приобрел большое расположение к себе среди мирян; он крайне поносил вольности церкви и, достойный проклятия, распространял множество заблуждений среди клира и мирян [67].

Но рядом с этим хроникеры сообщают нам и более определенные сведения об учении проповедника, который «более стремился приобресть благосклонность простого народа, чем выслужиться перед богом» [68], и всегда умел собрать большую аудиторию, говорил ли он в церквах или же на площадях, на улицах и на полях, куда ему пришлось перенести свою деятельность после того, как духовные власти заперли перед ним церковные двери [69].

Прежде всего проповедь Болла носила обличительный характер и направлена была на церковное неустройство, на резкое несоответствие между идеалом и действительностью. В этом сходятся все наши свидетельства, выставляя Болла нападающим на привилегии церкви и в угоду черни поносящим прелатов и весьма непочтительно отзывающимся о самом папе [70]. Обличая духовенство за его дурную жизнь, за неисполнение им своих обязанностей, Болл предлагал и меры для лечения болезни. Он учил, что священнику только в том случае следует давать десятину, когда дающий богаче его [71]. Если окажется что прихожанин ведет лучшую жизнь, чем его священник, то в таком случае он может не давать ему ни десятины, ни других приношений [72].

Повидимому, в течение более чем двадцатилетней своей деятельности («per viginti annos et amplius») [73] Болл постепенно приходил к все более и более крайним воззрениям на средства церковной реформы. Только что приведенные положения его, надо думать, относятся к раннему периоду его пропа-

ганды, потому что они слишком умеренны сравнительно с тем, что нам известно о деятельности Болла во время восстания. Едва ли может быть сомнение, что предметом его нападок в этот ранний период были и монастыри, их несметные богатства и роскошь их обитателей, отказавшихся на словах от мира и его соблазнов. Впоследствии Болл стал учить, что монастырские владения должны быть конфискованы в пользу мирян, и число монахов должно быть уменьшено до двух человек в каждом монастыре, что епископские кафедры необходимо упразднить, и только один архиепископ должен был оставаться во главе церкви [74]; и наши хроники довольно согласно показывают, что на этот пост восставшие общины хотели избрать самого Болла [75]. К числу заблуждений Болла сент-албанский монах относит еще его мнение, что кто не рожден в браке, не может войти в царствие небесное [76].

Тот же автор утверждает, что Болл проповедывал еще доктрины Уиклиффа [77]. Учеником Уиклиффа называет его ивземский монах [78], а также автор повествовательной части в *Fasciculi Zizaniorum* [79]. Этот последний сообщает даже, будто перед казнью Болл пригласил к себе лондонского епископа Уилльяма Кортнэя, рыцаря Уолтера Ли (Lee) и нотария Джона Профета (Profete) и сознался перед ними, что в течение двух лет он был учеником Уиклиффа и от него усвоил ереси, которые потом сам проповедывал, между прочим ересь о таинстве евхаристии; кроме того, он открыл этим лицам, что последователи Уиклиффа образовали тайное общество, поставившее себе целью разнести учение Уиклиффа по всей стране, и если не поставить им преграды, они в два года погубят все королевство; главными деятелями в этом обществе являются прежде всего сам Уиклифф, а затем Николай Герефорд, Джон Астон и Лаврентий Бидмэн, оксфордские уиклиффиты [80]. Автор прибавляет, что показание Болла было занесено в протокол, и обещает поместить этот протокол в своей книге [81], но, к сожалению мы его здесь не находим [82].

О сознании Болла говорит и Стау, делая почти буквальный перевод на английский язык только что приведенного известия из *Fasciculi Zizaniorum* [83], встречаем мы его, что особенно важно, и в стихотворном памфлете 1381 года; направленном против лоллардов («Against the Lollards», как его назвал издатель Томас Райт [84]. Автор памфлета прямо обвиняет лоллардов в возбуждении восстания 1381 года и ссылается на сознание Болла, будто бы сделанное им перед казнью. «Они,—говорит он,—виновники ненависти к клиру, распри в народе и смятения в королевстве. От них идут кровопролития, убийства, пожары и восстание рабов. Это сообщал Джон Болл, приговоренный к смерти за свои злодеяния. В этом гнезде находились развращенные птенцы и воспитывались на позор королевству. Этим он указывал на секту Уиклиффа, как на главную причину междоусобия, приведшего в ужас все королевство» [85].

Мы не считаем возможным отрицать подлинность показаний Болла в том виде, в каком они переданы в *Fasciculi Zizaniorum* Но мы вовсе не видим в них обвинения Уиклиффа и лоллардов в возбуждении восстания, как это делает анонимный автор памфлета и единомышленные с ним прелаты с Уилльямом Кортнэем, будущим преемником убитого архиепископа Симона Сэдбэри, во главе, для которых достаточно было услышать из уст Болла одно имя ненавистного им реформатора, чтобы почувствовать уверенность (не оправдавшуюся все-таки, впрочем), что теперь их враг не уйдет от них, что теперь, при едва ослабевшей панике, он едва ли найдет в ком-нибудь из силь-

ных мира сего поддержку, страшно скомпрометированный в связи с недавними событиями (мы даже склонны думать, что Кортнэй именно это имел в виду, когда ходатайствовал об отсрочке казни Болла на два дня, хотя сент-албанский летописец и уверяет нас, что епископ беспокоился исключительно о спасении его души и хотел доставить ему время для покаяния) [86]. Болл просто констатирует существование организованных Уиклиффом проповедников, так называемых «бедных священников» (poor priests), которых тот действительно рассылал по стране для распространения среди народа евангельских истин на понятном для всех родном языке; ничего нового не сообщил Болл и тогда, когда назвал Герефорда, Астона и Бидмэна главными сподвижниками реформатора. Наконец, ничего резко расходившегося с действительностью не видим мы и в том, что Болл и себя назвал учеником Уиклиффа, в течение двух лет усваивавшим его доктрины, хотя на первый взгляд это как будто противоречит совершенно бесспорному факту, что Болл выступил на поприще народного проповедника более чем за двадцать лет до восстания, т.-е. в то время, когда Уиклифф был еще в полном ладу с католическою церковью, погруженный в науку и в университетские интересы. Вполне прав Найтон, называя Болла предшественником Уиклиффа, подготовившим для него почву. Но не совсем неправы будем, может быть, и мы, если скажем, что Болл, лишь только раздалось веское и авторитетное слово оксфордского реформатора, одним из первых стал внимательно прислушиваться к нему, находя в нем родственные звуки, часто более определенную и основательную формулировку того, чему он сам учил народ, а иногда и совершенно новые для себя идеи. Секуляризация монастырской собственности, лишение приходского священника десятины за его худую жизнь и даже такая догматическая подробность, как мнение, что рожденный вне законного брака не может войти в царствие небесное, — все эти указанные летописцами пункты в учении Болла, не говоря уже о его обличительных филиппиках по адресу прелатов и даже самого папы, находят себе полную параллель в ученых трактатах и популярных проповедях Уиклиффа и его несомненных последователей [87]. Секуляризационные тенденции были весьма не чужды в то время и правительственным кругам и нашли своего выразителя в герцоге Ланкастерском, стоявшем во главе целой анти-церковной партии при дворе, мечтавшей о конфискации земельных богатств церкви и об упразднении правительственной роли ее высших представителей. Ничего революционного приведенные мнения Болла в себе не заключали, разделяемые отчасти даже теми, на кого с особенною силой обрушилось народное негодование в 1381 году. Отмеченное единомыслие Болла и Уиклиффа так же мало компрометирует этого последнего, как и герцога Ланкастерского, которого восставшие ненавидели «больше всех смертных» («super omnes mortales... magis exosum habebant») [88].

Призыва к революции, к насильственному ниспровержению существующего церковного строя не усматривали в деятельности Болла и сами церковные власти, как это мы видели, приводя содержание архиепископских приказов, обвинявших Болла в распространении заблуждений и расколоучений, опасных для душ его слушателей, но не грозивших революционным потрясением всему общественному порядку; в противном случае, вместо того, чтобы подвергать Болла дисциплинарному наказанию путем заключения в архиепископскую тюрьму, церковная администрация не замедлила бы передать его свет-

ской власти, и тогда Боллу едва ли бы пришлось участвовать в восстании 1381 года.

Но не одни церковные порядки критиковал Болл, не одних прелатов, монахов и настоятелей приходских церквей бичевал он своими обличениями. И в социальном строе своего отечества он видел воплощение неправды. Крепостная организация труда, характеризующая феодальный строй и определяющая резкое расчленение общества на господ (сеньеров) и лично и по земле несвободных вилланов, вызывала с его стороны резкое осуждение, как совершенно противоречащая божьему закону. «Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был дворянином?» — любил он повторять перед своими слушателями популярное среди простого народа двустишие, и вся его речь обыкновенно являлась подробным и патетическим развитием простой мысли, заключавшейся в этой близкой сердцу трудящегося поговорке. В начале мира не было ни рабов, ни господ; все были равны, происходя от одного отца и от одной матери, от Адама и Евы. Если бы богу угодно было создать рабов, он бы еще в самом начале определил, кому быть рабом, а кому господином. Но он этого не сделал. Если рабство существует, то корень его — несправедливое угнетение своих ближних нечестивцами, нарушившими волю божью. Вилланы — такие же люди, как и сеньеры, а их, между тем, держат как зверей. «Почему те, кого мы называем сеньерами, властвуют над нами? — говорил Болл. — Чем они это заслужили? Почему они держат нас в рабстве? В чем их большее основание быть сеньерами, кроме того, что они заставляют нас работать и приобретать то, что они тратят? Они одеты в бархат и меха, а мы — в плохое сукно. У них хорошие вина, пряности и хороший хлеб, а у нас ржаной хлеб, мякина и солома, а для питья — вода. У них досуг и пышные дворцы, а у нас заботы и труд, и дождь и ветер на полях. А между тем от нас, от нашего труда, идет то, чем держится государство («et faut que de nous viegne et de nostre labeur ce dont il tiennent les estas») [89]. По словам Болла, дела только тогда пойдут хорошо в Англии, когда имущество станет общим, когда не будет ни вилланов, ни дворян, но все будут в одинаковом положении [90].

Мы не знаем, сопровождал ли Болл эту проповедь того, что может быть названо христианским коммунизмом, практическими указаниями, как эти идеи осуществить, как доставить торжество правде и истине, нарушенной нечестивыми; призывал ли он к насильственному ниспровержению существующего строя перед началом восстания 1381 года. Из подробного рассказа Фруассара этого не следует: у него Болл советует народу обратиться к королю, и король найдет способ избавить его от угнетения и рабства [91]; только в том случае, когда король не поможет им, придется обратиться к собственным средствам [92]. То же заключение можно как будто сделать и из повествования сент-албанского монаха: до заключения в тюрьму ничего революционного Болл как будто не проповедывал; по крайней мере все, что говорил о нем автор *Английской хроники* до этого факта, рисует его только как обличителя духовных особ и светских сеньеров («detrahens tam personis ecclesiasticis quam dominis secularibus») и лолларда по своим религиозным воззрениям; агитатором и революционером является он уже после освобождения своего восставшими [93]. Совершенно так же изображает деятельность Болла и автор повествовательной части в *Fasciculi Zizaniorum* [94]. Наконец, мы опять позволим себе привести наше соображение: если бы до восстания Болл возбуждал народ к революции,

светская власть едва ли оставила бы его в живых; а между тем король Эдуард III, как мы видели, если и принимает какие-нибудь меры против Болла, то только оказывая содействие церковной власти в задержании отлученного от церкви, не желающего добровольно предстать пред духовным трибуналом, только для того, чтобы способствовать скорейшему прекращению раздора, возникшего исключительно внутри церкви.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют нам говорить о Джоне Болле, как о революционере, *только после того, как началось восстание*. Ничто не дает нам права утверждать, что до июньских событий 1381 года его деятельность выходила из рамок обличения, правда, весьма энергичного и едва ли стенявшегося в выражениях по адресу сильных мира сего, как духовных, так и светских, и пропаганды христианского коммунизма, как такого общественного порядка, который вполне согласен с евангельским законом, представляя собою воплощение правды и истины.

Обличал при этом Болл и политическое нестроение Англии, бесконечные поборы правительства и злоупотребления его агентов, ложившиеся тяжелым гнетом на народ, и в этом случае его язык был не менее резок и силен, чем в тех случаях, когда он бичевал социальную неправду, не щадя и особы самого короля. Народ видел в нем божьего пророка, праведника, своего благодетеля [95] и готов был итти за ним, куда бы он его ни повел. Об этом говорит летописная традиция; то же показали и присяжные перед судебной комиссией, творившей суд и расправу над участниками восстания в Кэмбриджском графстве, как это видно из найденного нами в Лондонском архиве (Public Record Office) протокола о некоем Джоне Шерли из Нотингэмского графства.

По словам протокола, Шерли все время восстания бродил («fuit vagabundus») по разным графствам и разносил из одного в другое «ложные измышления и вредный вздор», благодаря чему нарушался королевский мир, и народ начинал волноваться и поднимать возмущение. Как-то, уж после того, как был оповещен королевский мир и судебная комиссия заседала в городе Кэмбридже, Шерли сидел в харчевне («in quadam taberna»), находившейся на одной из кэмбриджских улиц, Бриджстрите. В харчевне собралось много народа, чтобы послушать новостей, которые он станет рассказывать («pro novis ac frivolis ab eo audiendis»). И вот Шерли стал говорить, что королевские сенешалы, юстициарии и многие другие сановники и слуги короля более достойны виселицы и других законом назначенных мучений и кар, чем капеллан Джон Болл, которого с королевского согласия эти слуги короля осудили на смерть несправедливо и из ненависти. А он был праведный человек, пророчествовавший во благо общине королевства и обличавший несправедливости и притеснения, чинимые народу королем и его слугами, и смерть его не останется безнаказанною, но скоро последует за нее расплата как королю, так и его сановникам и слугам. За такие речи и угрозы, «служившие явным предосуждением и поношением для королевской короны и вызывавшие волнение среди народа», Шерли погиб на виселице по приговору Гугона Ла-Зуша и его товарищей, членов чрезвычайной судебной комиссии, назначенной в Кэмбриджское графство [96].

Революционером стал Болл, повидимому, уже после своего освобождения из мэдстонской тюрьмы; его, как и многих других, с неудержимою силой захватило общее увлечение; и он, как и они, увидел в начавшемся восстании

народа против своих властителей удобный случай для осуществления всех своих желаний, стремлений и мечтаний и начал проповедывать насильственное ниспровержение существующего строя, чтобы на развалинах его возвести новый порядок идеальных общественных отношений, основанный на свободе, всеобщем равенстве, братстве и общности имущества. Речь на Блэкгизсе и прокламации, разосланные Боллом вождям восставших, знакомят нас с Боллом как с агитатором, перешедшим от критики к действию и, подобно древнееврейским пророкам, призывавшим меч и огонь на головы нечестивых. «Настал назначенный богом час сбросить иго долголетнего рабства» — говорил Болл десяткам тысяч своих слушателей на Блэкгизсе и советовал им быть подобными доброму хозяину, который вырывает плевелы на своей ниве, чтобы они не заглушали пшеницы. Прежде всего нужно перебить всех магнатов («majores regni dominos»), затем законоведов, судей и присяжных и вообще всех, кто может быть вреден общинам. Только когда у всех будет одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть («si... esset inter eos aequa libertas, eadem nobilitas, par dignitas, similisque potestas»), только тогда наступит мир и спокойствие [97]. Поступая так, они доставят торжество божьей правде на земле, и это зачтется им и в будущей жизни [98].

Прокламаций Болла дошло до нас несколько. В одной из них (приведенной у сент-албанского монаха) Болл, называя себя Джоном Шепом (Jon Schepe), некогда священником церкви св. Марии в Йорке, а ныне в Колчестере, приветствует Джона Безымянного (Jon Nameles), Джона Мельника (Jon the mellere) и Джона Возчика (Jon Karter) и просит их помнить о коварстве, господствующем в городе (в государстве? «of gyle in burge»), и стоять вместе во имя божье («and stondith to gidre in Goddes name»); просит он также Петра Пахаря (Piers Ploughman) приняться за дело («go to his werk») и наказать разбойника Гобба («and chastise wel Hob the robbere»); они должны взять с собою Джона Праведного (Jon Treweman) и всех его товарищей и больше никого и зорко смотреть на одну только голову («and loke scharpe you to on heued, and no mo») [99].

В других прокламациях Болл говорит от своего собственного имени. В одной из них он приветствует всякого звания людей («alle maner men») и просит их «именем Троицы — Отца, Сына и св. Духа — мужественно стоять в правде («stonde manlyche togedyr in trewthe») и помогать правде, и правда поможет им. Теперь в мире господствует гордость, жадность считается мудростью, разврат не знает стыда, чревоугодие не вызывает никакого осуждения. Зависть царствует вместе с изменой, леность в полном почете. Боже, дай удачу: теперь время» [100]. В другой из этих прокламаций язык Болла более конкретен. Болл уведомляет всех, что он уже прозвонил в свой колокол («doth yow to understande, he hath rungen youre belle») и просит бога поторопить ленивых и помочь хорошо закончить то, что они начали [101]. Таков же смысл еще трех прокламаций, написанных, по словам Стау, тем же Боллом от имени Джэка Мельника, Джэка Возчика и Джэка Праведного. Мельник просит помочь ему поставить как следует его мельницу, которая пойдет полным ходом только в том случае, когда сила будет помогать праву, ум будет итти впереди воли, право — впереди силы («let myght help ryght, and skyl go before wille, and right before might, than goth oure mylne aryght») [102]. Возчик просит хорошо кончить начатое: когда конец хорош, тогда все хорошо. «Пусть брат мой Петр На-

харь остается дома и приготовляет нам зерно, а я пойду с вами и помогу приготовить вам вашу пищу и питье... Смотрите, чтобы разбойник Гобб был наказан, как следует, за то, что потерял ваше расположение... Теперь время быть на стороже» [103]. Джэк Праведный указывает на то, что ложь и коварство долго царствовали, а правда была под замком, и никто не может достичь ее, если не запоет «Если дам... Боже, дай удачу: время наступило» [104].

Язык прокламаций свидетельствует о сильном религиозном подъеме того, кто говорил на нем, и тех, кто его понимал. Это язык тех, кто называл себя ревнителями правды и справедливости («zelatores veritatis et justitiae»), кто шел за Боллом громить дворцы, жечь монастыри, предавать казни «королевских изменников» не с тем, чтобы воспользоваться их неправдою нажитыми богатствами, не в качестве воров и грабителей («non fures aut latrones»), но охваченный религиозным пылом фанатика, с радостью отправляясь огнем и мечом насаждать попранный нечестивыми божий закон (Goddislawe). В призывных словах своего пророка восставший народ видел высшую санкцию своему делу, религиозное освящение восстания, и они, подобно тревожным звукам набатного колокола, поднимали даже ленивых.

Но Болл был не один. В восстании, как мы знаем, принимали участие и другие духовные лица, преимущественно того же скромного общественного положения, что и он сам, — капелланы, составлявшие особый, совершенно своеобразный класс тогдашнего общества, мало чем отличавшийся экономическими условиями своей жизни от рабочего класса. Класс этот возник и развился в значительной мере благодаря развитию плюрализма (совмещения в одних руках нескольких и даже многих приходов) и тесно связанного с ним абсентеизма настоятелей приходов. За известную годовую плату настоятель прихода нанимал капеллана, и тот исполнял все его обязанности, оставляя за своим патроном все доходы, позволявшие ему вести веселую и даже роскошную жизнь, вовсе не обременяя себя заботами о душах своих пасомых. Когда после чумы 1348 года был издан целый ряд узакопений о рабочих с целью нормировать их заработную плату, сильно поднявшуюся вследствие весьма значительной убыли населения, то не забыли и капелланов и предписали и им умерить свои требования под угрозой лишения прав и даже отлучения от церкви [105]. Поставленные даже законом в один ряд с сельско-хозяйственными рабочими и с рабочими-ремесленниками, капелланы, естественно, чувствовали в унисон с народной массой, жили ея интересами, печалились ее печалями. Нет поэтому ничего удивительного в том, что, когда началось восстание, они оказались на стороне восставших, явились их вождями и руководителями.

Так они поступили бы и в том случае, если бы к этому времени и не началось в английском обществе движение, известное под названием лоллардизма, которое подняло и поставило на почву Евангелия (ставшего доступным массе благодаря переводу его на английский язык) самые основные вопросы человеческого общежития. Тем с бо́льшим рвением примкнули они к народному делу, уже затронутые этим движением, которое не оставалось в узких рамках абстрактного морализирования, но с самого же начала стало на широкую жизненную дорогу критики современной общественной действительности. Живя одною жизнью с народной массой, капелланы направили свою критику прежде всего на то, что являлось злобой дня для простолюдинов: на фискальный гнет,

давивший народ, на бесконечные злоупотребления представителей королевской администрации, на продажность судей, законоведов и присяжных и на крепостное бесправие, так резко противоречащее евангельскому учению о свободе, равенстве и братстве людей, происходящих от одного отца и от одной матери, от Адама и Евы. Одним словом, едва ли было хоть одно больное место в жизни крестьянина и городского рабочего или мелкого ремесленника, которого бы не коснулось сочувственное слово его духовного наставника, так что, не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что все те условия политической, социальной и экономической жизни Англии второй половины XIV века, которые делали народ недовольным своим положением и, наконец, вызвали взрыв 1381 года, в конкретной форме отдельных фактов и явлений подверглись обличительной критике со стороны этих истинных представителей народа, его сынов и духовных руководителей, отдавших на служение ему весь тот запас знаний, который они почерпнули из непосредственного источника тогдашней науки, отбросив все ее исторические ухищрения. Восстание началось, и за народом пошли и его просветители. Народ и теперь не переставал видеть в них своих наставников. Как явствует из судебного протокола, достаточно было капеллану Джону Роу из Сэдбэри явиться в Листон возле Мелфорда в Сэффолькском графстве, как стоявшая здесь огромная толпа инсургентов из Эссекса, Гертфорда, Сэффолька и Норфолька признала его своим предводителем [106]. Вспомним еще подручных Роу — Гальфрида Парфи, состоявшего викарным священником в церкви Всех Святых в Сэдбэри, и капеллана его Томаса; вспомним капеллана Джона Майкела, сначала действовавшего в отряде Роу, а потом ставшего одним из вождей восстания на о. Или; вспомним капеллана Уилльяма из церкви св. Иоанна на о. Тапете, поднявшего восстание на этом острове вместе с ризничим той же церкви Джоном Тэйлором и другими... [107].

Не лолларды вызвали восстание 1381 года. Вполне реальной и научной будет та постановка вопроса, которая станет искать объяснения восстания в политических, социальных и хозяйственных условиях тогдашней Англии, вызывавших в народе недовольство своим положением. Лолларды играли чисто публицистическую роль: как люди, более чуткие к нравственным и общественным несовершенствам окружавшей их действительности и более образованные, они разъясняли народу его положение, делали более понятными и более чувствительными все его горести и печали, давали более определенную и часто весьма резкую формулировку тому, что иногда представлялось народному сознанию в смутном и нерасчлененном виде. Волна восстания подхватила и многих из них; некоторые очутились даже во главе движения; и все-таки мы не имеем данных утверждать, что они повинны в возбуждении народа к революции, что в них следует видеть агитаторов, сознательно подготовлявших взрыв 1381 года; не можем мы сказать этого даже о Джоне Болле, в чем мы имели уже случай убедиться, разбирая все дошедшие до нас, далеко не скудные, известия о его проповеднической деятельности.

Восстание, как мы видели, вспыхнуло случайно, то-есть без заранее организованного заговора, и его программа развивалась с развитием самого восстания и с увеличением охваченной им территории. На революционный путь стали, совершенно неожиданно для себя, все те лица и группы, которые до этого едва ли и думали о насильственном перевороте, об общем восстании,

как о способе осуществить свои требования, стремления и мечты. Они принесли с собой в восстание все то, что составляло главное содержание их повседневной, будничной борьбы за жизнь, а также и то, что мерцало вдали светлой точкой идеала, которая становилась все ярче и ярче в атмосфере развивавшегося в массе религиозного брожения с его жизненным отношением к христианству, с его страстным стремлением возродить и воплотить в жизнь евангельские принципы в их чистом виде, освободив их из-под груды исторических наслоений. Все это разнообразие интересов нашло свое выражение в программах восставших, как в умеренной программе большинства, уже нами рассмотренной, так и в программе радикальной, с которой знакомит нас главным образом *Исповедь* Строу, а затем требования, предъявленные Тайлером королю на Смисфилде. Истребление госпитальеров и всех вообще духовных землевладельцев (possessionatos) — епископов, монахов, каноников и настоятелей приходов, — о котором говорит Строу, и оставление в живых одних нищенствующих монахов, а также полное уравнение всех членов общества во всех отношениях, — эти пункты радикальной программы, бесспорно, тесно связаны с реформационным движением второй половины XIV века, представляя собою крайнее выражение его секуляризационных и коммунистических тенденций, как связаны с ним и более мирные требования секуляризационного и уравнительного характера, предъявленные Тайлером королю.

Идеологический характер присущ не только этим пунктам радикальной программы. В сущности им проникнута вся эта программа, ставящая целью революции полное разрушение всех основ старого общества и создание совершенно нового порядка общественных отношений на принципах свободы, равенства и политического самоопределения. Она требует смерти сеньерам, всем судьям, законоведам, чиновникам; некоторые из ее сторонников, может быть, даже готовы были предать сожжению и совершенному разрушению столицу этого беззаконного государства, это средоточие всего, от чего страдал и не находил защиты простой, небогатый и незнатный человек. Не было пощады и королю: и он обречен был на смерть после того, как исполнит насильственно навязанную ему роль главы революции и тем привлечет на ее сторону огромную массу народа. Все прежние законы, державшие народ в угнетении, должны погибнуть [108]. После этого общины приступили бы к созидательной работе.

Нельзя сказать, чтобы эта положительная сторона программы отличалась определенностью своих требований, чтобы она шла дальше самых общих заявлений, чтобы она обнаруживала у своих сторонников технически точное представление о тех конкретных формах, в какие эти общие идеи должны были облечься, без чего, как известно, не может рассчитывать на прочный успех никакая общественная или политическая программа. Издание новых законов, которые бы вполне удовлетворяли желаниям общин («leges condidissimus ad placitum»), которые бы, следовательно, регулировали новые отношения, возникшие на почве полного равенства и свободы, программа считает, повидимому, первым делом, за которое должен приняться народ, разбив все свои оковы; но каковы должны быть эти законы, как их будут издавать, как их будут приводить в исполнение, какие будут органы власти в этом новом государстве, каково будет их отношение к народу и друг к другу, — эти и целый ряд подобных вопросов совершенно отсутствуют в программе даже в

самой общей форме; да едва ли они и представлялись сознанию Строу и ему подобных. Правда, в *И поведи* мы находим свидетельство о том, что восставшие намеревались разделить Англию на несколько отдельных королевств, в каждом графстве поставив особого короля; с своей стороны, сент-албанский монах сообщает, что некоторые из вождей восстания (Роберт Уэстбром и Джон Листер) носили королевский титул, называя себя королями общин (rex communium), а Фруассар говорит о разделе Англии на пять частей между главными вождями восстания. Но эти известия едва ли прибавляют что-нибудь существенное к скудному содержанию положительной стороны радикальной программы.

Как ни абстрактна эта программа, тем не менее связь ее с современной ей действительностью не подлежит сомнению. Это мы видели уже отчасти, останавливаясь на тех пунктах ее, которые отражают на себе реформационное движение второй половины изучаемого нами столетия. Связь эта станет для нас еще яснее, если мы сопоставим радикальную программу с раньше рассмотренной нами вполне реальной программой громадной массы восставшего народа. Намерение предать смерти всех светских и духовных сеньеров находит себе параллель в выраженном в майл-эндской петиции требовании уничтожить крепостную зависимость вилланов, отняв у сеньеров право распоряжаться их личностью и трудом. Намерение захватить короля и возить его по стране, выставляя его инициатором восстания с целью привлечь к восстанию возможно больше народа, а затем умертвить его, — не так уже далеко от того, что известно нам о тактике инсургентов, которые, как мы видели, действительно выставляли себя исполнителями воли короля Ричарда и верных общин, так что королю пришлось потом особым манифестом опровергать распространенный в народе слух о его связи с восставшими. Намерение упразднить все законы, все прежнее право — только крайнее выражение той ненависти к закону и его представителям, какую воспитали в народе его блюстители своей продажностью, произволом и вымогательствами. Мы уже знаем о жестокой расправе, их постигшей; они были первыми жертвами народного гнева. Летописцы сообщают, что ненависть эту восставшие распространили даже на науку, видя в ней послушное орудие в руках своих властителей, не говоря уже о науке юридической и ее служителях и продуктах, всякого рода документах, беспощадно истреблявшихся ими, где только их можно было найти [109]. По словам сент-албанского монаха, они заставляли учителей грамматических школ давать клятвенное обещание никогда больше не обучать мальчиков своей науке [110]. «Опасно было тогда быть признанным за клирика» (т.-е., по крайней мере, за грамотного человека), — говорит тот же автор, — но гораздо большей опасности подвергался тот, у кого находили у пояса чернильницу: такие почти никогда не уходили из их рук живыми» [111]. Кэмбриджская старушка, развеявшая по ветру пепел сожженного на городской площади университетского архива, весьма красноречиво выразила это отношение к науке своим напутственным пожеланием: «Пусть так исчезнет и мудрость ученых» [112].

Таким образом, радикальная программа представляет собою лишь крайнее выражение тех требований и стремлений, какие составили главное содержание реальной программы восстания 1381 года, и вызвана она к жизни теми же условиями, какие породили и эту последнюю. В известной мере эти

крайние тенденции не чужды всей массе восставших, поскольку речь идет о *настроении* ее в первые моменты движения, когда аффект играл преобладающую роль, и в этом смысле *Исповедь* Строу имеет более общее значение. Но в форме программы, сознательно поставленной цели они могли быть только у сравнительно небольшой группы, остающейся за вычетом из всей массы восставших громадного большинства с его, в сущности, весьма умеренными требованиями и желаниями. Если бы, например, намерение захватить короля было намерением всех явившихся на Майл-Энд, то оно было бы осуществлено тут же без всяких препятствий; тут же толпа могла бы перебить и всех, прибывших в королевской свите. А вместо этого народ обратился к королю с петицией законным путем удовлетворить его требования и не причинил при этом никакого вреда ни ему, ни его свите, а на Смисфилде вождь кентцев был так проникнут доверием в королю, что не побоялся выехать один, с одним лишь знаменосцем, для переговоров с ним, несмотря на то, что король был окружен отрядом вооруженных людей. Поднимая восстание, народная масса в громадном большинстве была настроена вполне монархически, совершенно искренно считая свое дело и делом короля, называя ненавистных ей представителей администрации и суда изменниками короля и общин и питая глубокую уверенность в том, что, обратившись к королю и изложив ему свои жалобы, она получит от него полное удовлетворение.

Подведем итоги.

Восстание 1381 года вспыхнуло, можно сказать, совершенно неожиданно для его участников: ему не предшествовал заранее организованный заговор, у него не было заранее заготовленной для него программы. И организация, и программа явились уже после того, как произошло столкновение народа с сборщиками поголовного налога в пределах Эссексского графства, немедленно же встретившее сочувственный отклик в Кенте, Гертфордшире, Лондоне и в других соседних местностях. Восстание вспыхнуло на почве аффекта, как протест против притеснений и вымогательств правительственных агентов, в конец истощивших терпение народной массы. Таким образом, непосредственную причину восстания нужно искать в политических условиях данного момента и в предшествующей восстанию истории отношений правительства и народа, давшей в результате весьма острое политическое настроение, для которого нужен был только повод, чтобы прорваться бурным потоком ненависти и злобы против «королевских изменников».

Но, политическое по своему происхождению и по своему началу, движение 1381 года немедленно же приняло и социальный характер, вскоре оттеснивший на второй план его первоначальную политическую сторону, и превратилось в широкий протест против феодального строя во имя свободы личности, свободы труда и земли, свободы торговли, свободы всего гражданского оборота. Присутствие в рядах восставших некоторых представителей господствующих классов, представителей того общественного порядка, против которого было направлено движение, не изменяет характера движения.

В то время, как политическая программа восставших (употребляя слово *программа* в широком смысле) отличается, с одной стороны, значительной неопределенностью своих положительных требований, а с другой — крайней несложностью и примитивностью требований отрицательного характера,

не свидетельствуя о политической зрелости народной массы, не представленной в парламенте и не приобретшей навыков политической мысли и действия, программа социальная поражает нас полной отчетливостью своих параграфов. В ней тоже преобладает отрицательная сторона. Но тогда как осуществление политической программы или сводилось к простому акту истребления «королевских изменников», ни в чем не изменяя существующего политического порядка, или же приводило (в руках приверженцев радикальной теории) к безусловному разрушению всех политических связей, к полному политическому хаосу, над которым витали туманные призраки каких-то новых законов, изданных самим народом и закрепляющих торжество правды на земле, обеспечивающих свободу, равенство и братство, — осуществление социальной программы давало сразу весьма определенные результаты, заменяя один весьма определенный порядок отношений другим столь же определенным и столь же конкретно представляемым порядком, вполне осуществимым в условиях тогдашней общественной действительности.

В самом деле, уничтожение личной несвободы и натуральных повинностей крестьян превращало их в свободных держателей, в сокменов, которых было весьма не мало в средневековой Англии. А это ведь было основное и самое популярное из требований, общее всей массе восставшего крестьянства, и отличается оно полной определенностью и конкретностью: установлен даже максимум денежной платы с акра земли — 4 пенса. Как естественное дополнение к свободе личности и труда, выставлено требование свободы торговли.

Вся эта определенность и конкретность социальной программы наводит на мысль, что содержание этой программы сложилось в сознании народа уже давно, что в восстание он принес его в готовом уже виде, воспользовавшись неожиданно вспыхнувшим политическим мятежом, чтобы осуществить свои давно назревшие социальные идеи. События 1381 года не дают ответа на вопрос, как возникли эти идеи. Его следует искать в предшествующей истории. За этой социальной программой стоит целая эпоха классовой борьбы, не прекращавшейся все предшествовавшее тридцатилетие. Изучение этой эпохи дает нам возможность выяснить, в какой степени социальные идеи восставших соответствовали хозяйственной и социальной действительности; в какой степени они развивались в сознании народа параллельно с ходом хозяйственного и социального процесса, являясь отражением этого процесса в народном сознании; в какой степени попытка осуществить их, когда неожиданно представился благоприятный случай, может быть названа попыткой насильственно ускорить прошедший через сознание процесс, совершавшийся в хозяйственной и социальной действительности. Можно ли сказать, что анти-феодальные идеи восставших были лишь формулировкой тенденций хозяйственной и социальной действительности, что им соответствовало, параллельно развиваясь, самопроизвольное разложение феодального строя с его хозяйственной и социальной стороны? Вот в общих терминах основной вопрос о генезисе социальной стороны восстания 1381 года. Только такая постановка его может привести к определению места, занимаемого восстанием в социальной эволюции средневековой Англии, к научному объяснению восстания.

Само собою разумеется, что этот общий вопрос обнимает собою целый ряд вполне конкретных частных вопросов, указывая то направление, в каком

должно вестись исследование, и с полной определенностью он возникает в уме исследователя не априорным путем, а уже после обстоятельного предварительного знакомства с материалом этих частных вопросов, в качестве конечной цели всех отдельных изысканий, стремящихся разъяснить характер общественных явлений предшествующей восстанию эпохи и связать с ними это последнее явление, уже изученное нами в его индивидуальности.

Повторяем: события 1381 года не дают ответа на вопрос о генезисе тех социальных идей, какие они обнаружили у восставших. Прибавим в дополнение к этому, что не дают они ответа и на другой, тесно связанный с ним вопрос, каким образом эти идеи сложились в весьма разработанную и строго определенную социальную программу, нашедшую сочувственный отклик в сердцах, можно сказать, всей массы восставшего народа и сплотившую ее,— правда, весьма непрочными узами и на весьма непродолжительное время, — для совместной борьбы за свободу, лишь только начался кровавый протест против политического гнета.

Вопрос этот станет перед читателем во всей своей настоятельности, если мы напомним, что данные источников не позволяют нам применить к объяснению восстания 1381 года полицейскую точку зрения, разыскивающую зачинщиков, подстрекателей, склонявших народ к мятежу, организовавших среди него заговор, подготовивших восстание 1381 года. Рассмотрение деятельности Джона Болла и подобных ему представителей социально-религиозного движения второй половины XIV века не дало нам фактов, которые бы подкрепили взгляд Роджерса и других исследователей, что лолларды вообще и «бедные священники» в частности и были организаторами восстания, подготовившими его вместе с его программой задолго до взрыва 1381 года. Как мы видели раньше, анализируя факты, рисующие события 1381 года, организация явилась уже после столкновения народа со сборщиками поголовного налога. Факт этот весьма красноречиво свидетельствует о том, что содержание социальной программы действительно было выработано предшествующей историей, что оно явилось продуктом весьма развитого общественного сознания, воспитанного в атмосфере социальной борьбы с весьма определенными лозунгами, борьбы, сделавшей возможным для народной массы взаимное понимание и, при случае, совместную деятельность для достижения всем одинаково понятных и дорогих целей. Таким случаем и был неожиданный взрыв народного раздражения против королевской администрации, осветивший ярким светом все то, что только таилось на дне народной души, открывший народу путь для проведения в жизнь всего того, за что он боролся всю предшествующую эпоху. Исследовать эту эпоху, понять эту борьбу и значит найти ключ к выяснению генезиса восстания 1381 года с его социальной стороны. А эта социальная борьба может быть понята лишь в органической связи с экономической и социальной эволюцией, как она развивалась в Англии ко второй половине XIV века.

Таким образом, исследователь, желающий выяснить генезис социальной программы восстания Уота Тайлера, должен предварительно разобраться в основных течениях хозяйственной и социальной эволюции средневековой Англии. Маяком для него будет служить кровавое зарево 1381 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВ МЭНОРИАЛЬНОГО СТРОЯ

Английский мэнор (manor) представляет собою разновидность феодального поместья средневековой Европы. На ряду с типическими чертами, характерными для этого последнего, в нем очень определенно выражены и его индивидуальные особенности, вполне отчетливо отражающие на себе все своеобразие английской средневековой истории, как она сложилась с Нормандского Завоевания, создавшего сильную государственную власть, в равной мере располагавшую и феодальными, и нефеодальными рессурсами. Возникнув еще в обстановке англо-саксонского развития, английское феодальное поместье подверглось затем весьма существенным изменениям, которые в значительной мере были непосредственным результатом катастрофы 1066 года и сопровождавших ее насилий и захватов, тяжело отразившихся на положении англо-саксонской массы, а также — и это едва ли не самое главное — явились в результате приспособления его к потребностям широко поставленной государственной организации.

Английское феодальное поместье, каким мы наблюдаем его в XIII веке, который признается его классической эпохой, уже вполне восприняло все реорганизующие воздействия безостановочно развивавшейся английской государственности, и его индивидуальные особенности уже вполне определились.

I

Еще совсем недавно хозяйственный строй и хозяйственная жизнь средневекового феодального поместья представлялись очень далекими от хозяйственного уклада и римской виллы конца республики и первых веков империи, и современной нам крупной капиталистически организованной фермы,— далекими и по целям, и по способам их достижения. В то время, как для хозяйственной жизни римской виллы названной эпохи и современной нам капиталистически организованной фермы определяющим моментом является обмен, широкий сбыт продуктов, и необходимым условием их существования является обширный, даже мировой рынок,— хозяйственную жизнь средневекового феодального поместья представлялось возможным истолковывать в терминах натурального и замкнутого, так называемого домашнего хозяйства, изображать поместное хозяйство средних веков ставящим себе исключительно потребитель-

ные цели и отправляющим на ближайший местный рынок лишь незначительные излишки своих продуктов, да и то далеко не регулярно.

А между тем средневековому поместному хозяйству далеко не были чужды меновые интересы. Стоит только прочесть любой хозяйственный отчет, какие составляли приказчики английских феодальных поместий (таких Ministers' Accounts хранятся в Public Record Office в Лондоне целые горы), чтобы в этом не оставалось никакого сомнения. В числе статей дохода в них мы встречаем проданный хлеб в зерне, скот и другие сельско-хозяйственные продукты, которые сбывались на местном рынке, а иногда отправлялись и в более далекие места сбыта (например, в Лондон), даже за границу (например, во Фландрию) [1]. На местном рынке сбывал свои излишки и крестьянин; иначе он бы не мог делать своему сеньеру тех денежных взносов, которые под различными наименованиями фигурируют в пестром списке его вотчинных повинностей уже с очень отдаленных времен *.

---

* Окончательно должны рассеяться все натурально-хозяйственные иллюзии, связанные с английским мэнором, после работы Gras'a, специально посвященной выяснению эволюции английского хлебного рынка от XII до XVIII века (*The Evolution of the English Corn Market from the Twelfth to the Eighteenth Century*, by Norman Scott Brien Gras. 1925. Книга эта представляет собою XIII том *Harvard Economic Studies)*.

Основная проблема, которую ставит себе автор, это — «выяснить, продавал ли мэнор регулярно на рынке свои продукты, и можно ли поэтому сказать, что он был организован для рыночных целей, а если был, то когда (to discover whether the manor regularly sold its products on the market, and therefore could be said to be organized for the purpose of marketing. And if so, when)». Исследование отчетов мэнориальных приказчиков (Ministers' Accounts) и иных документов дает автору возможность в положительном смысле разрешить эту проблему. Мэнор вступал в тесную связь с рынком (the manor was coming into close relation to the market), о чем свидетельствует прежде всего отразившийся в отчетах приказчиков поместий тот факт, что в XIII столетии хлеб в поместьях продавался в большом количестве, и количество это все росло. Продавали хлеб не только владельцы мэноров, но и держатели, как свободные, так и вилланы. В XIII столетии, а может быть, уже и в XII, возник особый класс дельцов, которые назывались хлебными торговцами (corn mongers); они были сельскими жителями, из разбогатевших крестьян, как свободного, так и крепостного состояния, и регулярно занимались скупкой и продажей хлеба. Между 1200 и 1300 годами не только возрастало количество производимого хлеба, но и росли цены на хлеб. По данным, относящимся к 26—44 мэнорам епископства Уинчестерского в южной Англии, за первую половину XIII столетия цены на пшеницу поднялись приблизительно на 25%, во вторую половину столетия более чем на 50%. Производство пшеницы увеличилось между 1200 и 1300 годами per acre на 150%, продажа ее увеличилась на 44%, а цена на 50%. Вероятную причину этого роста цен на пшеницу автор усматривает в увеличении торговли пшеницей, вызванном частью растущим заграничным спросом и, более специально, ростом городского населения. Торговля мэнориальными продуктами все расширялась, и влияние рынка на мэнориальную организацию в конце концов становится главным определяющим ее фактором (the chief determining factor) (p.p. 14—19).

Мы сделали лишь самые незначительные извлечения из этой богатой интереснейшим содержанием книги Граса, не оставляющей уже и тени сомнения в том, что средневековое английское поместье никогда не было тем, чем его изображают представители натурально-хозяйственной концепции средневековой культуры, что оно с тех пор, с каких только помнит его история, имело связь с рынком, и что в XIII веке, в свою классическую пору, оно вело свое хозяйство на чисто коммерческих началах.

Представлять себе средневековое феодальное поместье хозяйственно замкнутым значило бы давать совершенно неправильное освещение всей средневековой культуре, очень сложной и во многих отношениях очень далеко ушедшей вперед, и рисовать общество средневековой Европы, знавшей достаточно живое хозяйственное и культурное общение, междугородской и отчасти даже международный обмен, по типу первобытного общества, воображать себе его каким-то чудом сохранившей в полной неприкосновенности всю элементарность своего хозяйственного строя Германией Цезаря и Тацита, оставшейся совершенно нечувствительной ко всему тому, что несла с собой и эпоха миграций, и утверждение германцев на территории Римской империи, и основание больших варварских монархий, и объединение западно-европейского мира империей Каролингов, и оживленные сношения с Востоком, и сравнительно рано начавшийся рост городов и городской культуры... Не был хозяйственно замкнутым не только английский мэнор XIII века, но и каролингская вилла, какой ее рисует знаменитый *Capitulare de villis* и не менее знаменитый *Полиптик* аббата Ирминона.

Говоря об английском (и не об одном английском) феодальном поместье, следует окончательно расстаться с тем фантастическим образом его, какой был создан под гипнозом натурально-хозяйственной концепции средневековой европейской культуры, и раз навсегда признать, что мэнор, как хозяйственная организация, всегда был связан с рынком и вел свое хозяйство, как предприятие, преследовавшее коммерческие цели, и чем дальше, тем все более и более выяснялся и определялся этот его хозяйственный характер. По своим задачам вотчинное хозяйство было меновым и денежным. Не в этом заключается его особенность, отличающая его от хозяйства современного нам культурного мира.

Самым характерным для поместного хозяйства средневековой Европы является его организация. Хозяйственное строение английского мэнора имеет некоторые очень существенные особенности, и мы еще будем иметь случай обратить на них все то внимание, какого они заслуживают; но его основные черты типичны для всякого феодального поместья. Поместное хозяйство средневековой Англии, как и всей средневековой Европы, теснейшим образом связано с крестьянскими хозяйствами членов сельской общины, во главе которой стоит сеньер, как представитель феодальной, по существу политической власти *. Связь эта имеет двойной характер. Во-первых, барское хозяйство опирается, как на свою основу, на крестьянские хозяйства, которые должны служить ему трудом своих рабочих рук и своим инвентарем, а, во-вторых, оно органически связано с крестьянскими хозяйствами через посредство тех общинных хозяйственных распорядков, которым в равной мере должны подчиняться как крестьянские хозяйства, так и хозяйство сеньера, входящие

---

* Поместье и деревня с ее общинной, корпоративной организацией не всегда территориально совпадали: нередко мэнор состоял из владений, разбросанных в нескольких деревнях, так что в одной деревне могли быть владения нескольких лордов, а с другой стороны бывали случаи, что в состав одного мэнора входило несколько деревень; но обычным и типическим случаем, повидимому, является территориальное совпадение мэнора и деревни. (См. Pollock and Maitland. *History of English Law*. Second Edition. Vol. I, p. 606—607).

в равной мере, в качестве составных частей, в некое высшее хозяйственное единство, каким является сельская община, деревня. Барская земля (terra dominica или просто dominicum) обыкновенно так же, как и земля крестьянская, состояла из полос, разбросанных по всем полям общины вперемежку с полосами, входившими в состав крестьянских участков, и так же, как и земля крестьянская, должна была подчиняться порядку принудительного севооборота и совместной общинной обработки, а после уборки хлеба превращалась на определенное время в общинное пастбище. Сеньер, лорд мэнора, являлся таким же дольщиком в общине, как и его вилланы и свободные держатели, и не только в отношении пахотной земли, но и в отношении к общинным угодьям, каковы луга, пастбища и т. п.: пользоваться и ими он должен был на общем с крестьянами-общинниками основании, выгоняя, например, на общинное пастбище лишь тот скот, который перезимовал в поместье («levant e couchant en le maner», как тогда говорили).

Барское хозяйство было в такой же ограниченной мере индивидуализированным хозяйством, как и хозяйство крестьянское. До поры, до времени ему не было тесно в этих общинных рамках, и оно долгое время не принимало мер к тому, чтобы порвать связывавшие его общинные узы и превратиться в совершенно индивидуализированное рациональное хозяйство. Не принимало оно долгое время мер и к тому, чтобы не только освободить от общинных уз свою территорию, но и расширить ее на счет общинных пустошей. А между тем общее право Англии (the Common Law) и своей теорией, и своей судебной практикой давно признало лорда мэнора собственником и земли общины — и, главным образом в церковных мэнорах — большинства пользующихся ею членов общины. Мы пока отметим этот кажущийся парадокс и рассмотрением его займемся в другой связи.

Барское хозяйство феодального поместья обыкновенно имеет, таким образом, своей предпосылкой сельскую общину и входящие в состав этого аграрного союза крестьянские хозяйства. Без этой предпосылки оно нетипично. Хозяйственные интересы сеньера, т.-е. интересы его барского хозяйства, и интересы крестьянских, в большинстве — по крайней мере в церковных поместьях — вилланских, хозяйств находились в гармонии, в том по крайней мере смысле, что удовлетворение первых возможно было лишь при удовлетворении последних, и притом в рамках исконной общинной организации. В интересах сеньера было не только не разрушать общины и ее общинных распорядков, но даже принимать меры к укреплению общинных связей и к сохранению ее хозяйственного равновесия в тех случаях, когда им грозила какая-нибудь опасность. Естественное, обусловленное ростом населения дробление крестьянских участков, а также скопление их в одних руках встречало препятствие со стороны поместной администрации. Дошедшая до нас от второй половины XIII века инструкция приказчикам поместий Сент-Албанского аббатства решительно вооружается против продажи вилланом значительной части его держания, так как это лишает его возможности отбывать следуемые сеньеру с его держания повинности. Уменьшая хозяйственные рессурсы вилланского хозяйства и тем ослабляя его, такая продажа грозит серьезным ущербом и сеньериальному хозяйству, опирающемуся на эти рессурсы, и в результате может привести обе стороны к конечному разорению («plurima destructio»), как энергично выражается названный документ [2]. В той же инструкции находим

запрещение передавать несколько держаний в руки одного человека и требование, чтобы скопившаяся в руках одного земля была разделена между несколькими, но чтобы при этом не были нарушены интересы справедливости и удобства («si commode et honeste fieri poterit») [3]. В инструкции приказчикам поместий Глостерского монастыря (в так называемом *Scriptum quoddam super dispositione domus et familiae*, чрезвычайно обстоятельно и детально изображающем распорядки средневекового барского хозяйства) вилланам запрещается без ведома лорда меняться своими наделами [4].

В интересах сеньериального хозяйства было, чтобы держащий надел виллан был обставлен в хозяйственном смысле вполне удовлетворительно, чтобы он имел достаточное количество земли, соответствующий инвентарь, достаточную долю в общинном пастбище и в других общинных угодьях, вообще все то, что необходимо для удовлетворительного состояния его собственного хозяйства, потому что только при таких условиях он мог быть полезен для барского хозяйства, опиравшегося на крестьянские хозяйства как на свою основу. Даже тогда, когда хозяйственная гармония, соединявшая барский двор и сельскую общину и создававшая под властью сеньера их более или менее мирный симбиоз, уже была сильно расстроена, и их хозяйственные интересы стали резко расходиться, даже и тогда «commodum domini et tenentis sui natiui utilitas et aisiamentum manifestum» (удобство лорда и явная польза и выгода его держателя-виллана) [5] еще во многом продолжали сохранять свое тожество, и община попрежнему еще во многих случаях продолжала решать такого рода вопросы: можно ли лорду принять ту или иную меру в отношении к тому или иному держанию, не будет ли она во вред ему самому и держателю данного участка, а также кому-либо иному из членов общины («aut alicuius alterius»); например: оставить ли на оброке данную виргату или полувиргату (обычный вилланский надел), или же опять перевести ее на барщину, конфисковать ли коттэдж, незаконно купленный одним держателем у другого, или же оставить его в руках купившего; передать ли данный вилланский надел кому-либо из вилланов, или же оставить его in dominico (в барской запашке), и т. п. [6].

Изложенные факты и соображения являются в известной мере и ответом на вопрос о размерах и о характере хозяйственной эксплоатации, которой подвергалось население феодального поместья со стороны сеньера и его барского двора. Мы строго различаем здесь чисто хозяйственную эксплоатацию от эксплоатации фискальной. Нас интересует в данный момент хозяйственная организация феодального поместья, точнее говоря, — организация барского хозяйства, и нам нужно выяснить возможно точнее, какое участие в хозяйственной жизни барского двора принимает население поместья своей собственной рабочей силой и своим хозяйственным инвентарем. Фискальная эксплоатация сеньером зависимого населения поместья, всякого рода платежи натурою и деньгами, которые дают сеньеру его вилланы и свободные зависимые люди на самых различных основаниях, занимает очень видное место в хозяйственном обиходе как барского двора, так и дворов крестьянских; но с точки зрения хозяйственной организации ее можно трактовать лишь в связи с крестьянским хозяйством, одну из функций которого эти платежи составляют, тогда как с барским хозяйством они ни в какой органической связи не находятся, являясь лишь дополнительным хозяйственным рессурсом сеньера,

чрезвычайно характерным для его общей позиции в отношении к крестьянской общине, находившейся под его властью как лорда мэнора, и для его положения как лэндлорда.

Мы видели, что хозяйственной эксплоатации сеньера подлежали крестьянские *хозяйства* членов общины, во главе которой он стоял, именно хозяйства крестьян, а не сами крестьяне, взятые вне собственной хозяйственной организации. Виллапы и другие зависимые люди поместья подлежат хозяйственной эксплоатации не сами по себе, не просто как зависимые люди, но лишь как субъекты собственных хозяйств, как владельцы земли, рабочих рук и рабочего инвентаря. Лишь хозяйственно вооруженные зависимые люди, жители поместья, лишь члены аграрного союза, над которым надстроена поместная организация, необходимы для барского хозяйства и служат ему основой. И виллап, и всякий другой зависимый человек является рабочей силой в барском хозяйстве лишь через посредство земли, на которой он сидит, лишь через посредство общинного надела, лишь чрез посредство своего держания и пропорционально размерам своего держания, своего общинного надела, «secundum terrarum suarum quantitatem», как выражаются земельные описи той эпохи [7]. Если виллан-держатель целой виргаты, полного вилланского надела, — представлявшего собою величину далеко не постоянную и, например, на землях Глостерского аббатства колеблющуюся между 18 и 80 акрами [8], — должен был, как общее правило, работать на лорда по два или по три дня в неделю в обыкновенное время и по четыре или по пяти дней в страдную пору — барщинный день продолжался обыкновенно лишь до полудня — и, кроме того, дней пятнадцать в году должен был выходить на помочи, то держатель полувиргаты должен был отдавать хозяйству сеньера приблизительно вдвое меньше дней, держатель четверти виргаты — вчетверо меньше и т. д.

Общинный надел, держание — необходимое условие барщины виллана. Оттого-то в источниках, в поместных, например, описях, в *кустумариях* и *ренталях*, главное, если не исключительное, внимание обращено на землю, а не на человека, сидящего на ней и обязанного давать свой труд и труд своего рабочего скота барскому хозяйству. «Работает», «пашет», «несвободна» земля, прежде всего, конечно, земля хозяйственно устроенная, снабженная необходимым хозяйственным инвентарем и необходимой рабочей силой и в том числе рабочей силой держателя ее, виллана или свободного человека. Повинности так с течением времени срослись с землей, с держанием, с наделом, что стало совершенно безразличным, кто держит этот надел, виллан или лично свободный зависимый от сеньера человек. Все держания распались на две категории: на несвободные, вилланские держания (tenementa villenagia) и на держания свободные (tenementa libera), и характер держания, т.-е. связанных с ним повинностей, не менялся от того, что оно переходило из рук лично несвободного виллана в руки личного свободного человека или наоборот, равно как не менялся и status (личное состояние) человека от того, что, будучи свободным, он брал вилланское держание, а будучи вилланом, брал свободную землю. «Tenementum non mutat statum» (держание не меняет личного состояния) — гласила юридическая теория XIII века, и судебная практика руководствовалась в своих решениях этим принципом.

Поразительно то, что с землей срослись не только рабочие повинности, но даже повинности, вытекающие исключительно из личного состояния, напри-

мер меркет, merchet pro carne et sanguine, который обыкновенно считался самым характерным признаком несвободного состояния [9], и свободный человек, державший вилланское держание, когда выдавал замуж свою совершенно свободную дочь, должен был платить лорду этот платеж, клеймящий виллана как раба, и при этом не нанося ни малейшего ущерба своему личному достоинству.

Таким образом, можно с полным правом сказать, что мэнориальное барское хозяйство построено не столько на эксплоатации зависимых людей, сколько на эксплоатации зависимой земли. Сколько бы ни увеличивался личный состав группы, сидевшей на наделе, повинности, лежавшие на этом наделе, от этого не увеличивались, и отвечал за них пред барским двором (terram defendit) попрежнему лишь один держатель; дело не менялось от того, что рабочие повинности не всегда отбывал непременно сам держатель надела, что вместо него мог являться на барщину и кто-либо другой из сидевшей на наделе группы.

Человек безземельный лишь в очень ограниченной мере подвергался хозяйственной эксплоатации со стороны барского двора. Правда, мы его видим на барском дворе в числе постоянного рабочего персонала барского хозяйства. Глостерская инструкция предписывает главному управляющему поместий ежегодно за месяц до праздника св. Михаила созывать всех вилланов монастырских поместий в один из мэноров монастыря и из них выбирать годных к службе у сеньера («qui sunt apti retinendi in servitio domini»), распределять их по поместьям и по специальностям и каждому назначить определенное обычаем содержание («et in quo servitio, et ad quem locum, et qua forma, et ad quam liberationem, et ad quae stipendia»); бэйлиффам предоставляется право перемещать их из одного поместья в другое в течение срока, на который они наняты, если это будет удобно сеньеру, но с сохранением назначенного им содержания; при этом на службу на барский двор могут быть приняты только люди надежные, которые к тому же могут представить поручителей в том, что они будут верно служить сеньеру и возмещать упущения [10].

Едва ли можно признать эту службу вилланов на барском дворе их феодальной повинностью, формой феодальной эксплоатации сеньером зависимого населения поместья. Это скорее нечто в роде кустарного, а иногда и отхожего промысла вилланов, а не барщина. Да и сама поместная администрация не смешивает ее с барщиной. В том же параграфе глостерской инструкции. содержание которого мы только что привели, в конце его, мы находим такие строки: «Если кто-либо из тех, кого берут на службу, по своему личному положению обязан был перед тем отбывать сеньеру службы и помочи, то он не перестает отбывать их оттого, что его взяли на службу, потому что ведь за службу он получает полное вознаграждение («si aliquis retinendus domino suo teneatur in servitiis et bederipis ratione suae conditionis, hoc non omittatur causa servitii sui eo quod inde plena consequitur stipendia») [11].

Остаются помочи. Самое большее, что мог получать для своего барского хозяйства сеньер от безземельных, даже лично зависимых от него людей, — да и то в том только случае, если они находились в пределах его поместья, которые в то же время были и пределами их досягаемости, — были помочи, помощь «из любви», «по просьбе» (bene, benerthe, metebene, ad preces, ex praecatione, bede-

ripa, metebederipa, bondenebederipa, precaria de parte amoris) [12], которую должны были оказывать сеньеру вилланы и другие зависимые люди в страдную пору. На помочи должны были иногда выходить все члены сидевшей на наделе группы, кроме хозяйки дома; но это было не всегда, а главное — эта помощь никогда не была даровой; так как это была повинность экстренная (в источниках мы даже встречаем наименование ее незаконной, unlawenherthe) [13], то лорд должен был вознаграждать за нее вилланов настолько хорошо, что нередко вовсе предпочитал отказываться от нее, чтобы только не входить в расходы на угощение помогавшим, нередко равное по стоимости самой их работе [14]; так что и помочи приходится поставить, как и службу на барском дворе, скорее под рубрику чего-либо в роде кустарного промысла вилланов, чем под рубрику настоящей барщины.

Как сейчас было указано и что, впрочем, и само собою понятно, на помочи выходили, кроме держателей наделов, лишь те безземельные вилланы, которые находились в пределах поместья; если же они уходили за его пределы, то они оказывались совершенно вне сферы хозяйственной эксплоатации сеньера, вовсе, можно сказать, переставали существовать для барского хозяйства, и самое большее, что лорд мэнора мог рассчитывать получить с них, это был каплун, которого каждый из них должен был доставить ему к Пасхе «pro recognitione», т.-е. для засвидетельствования ему своей зависимости от него, как от своего сеньера (этот взнос назывался chevagium) [15]. Но и этот расчет далеко не всегда оправдывался, потому что стоило виллану переступить границу, отделявшую мэнор от остального мира, и лорду в сущности так же трудно было опять вернуть его под свою сеньериальную власть, как рыбаку вернуть в сеть рыбу, раз она выскочила из нее в широкое море: виллан немедленно же становился в глазах общего права страны совершенно свободным человеком, вступал во все права «boni et legalis hominis», и право лишь тогда отступалось от него, лишало его своей защиты как свободного человека, когда лорду удавалось доказать свои сеньериальные права на него, как на своего виллана, родившегося в его мэноре, под его частной властью, потому что, только принадлежа к данному поместью по рождению и принадлежа к вилланскому роду данного мэнора, зависимый человек признавался вилланом лорда данного поместья [16]; а доказать это было для лорда нередко очень трудным делом, и браться за него не всегда у него могла явиться охота, даже в тех случаях, когда дело шло об оставившем его мэнор виллане-держателе.

Итак, барское хозяйство в феодальном поместье построено не столько на эксплоатации зависимых от сеньера людей, сколько на эксплоатации зависимой земли. Рабочие повинности лежат не столько на том или другом виллане, сколько на хозяйственно обставленной земле, которую он в данный момент занимает, и поскольку он ее занимает. Стоит ему эту хозяйственно устроенную землю оставить, стоит только ему порвать связь с этим общинным наделом и организованным на нем крестьянским хозяйством, и он в сущности выбывает из строя для барского хозяйства.

А связь эту ему не трудно было порвать. Английский виллан вовсе не был связан с землей так, как был связан со своим участком римский колон. Его никак уж нельзя было бы назвать glebae adscriptus. Едва ли в практике римского possessor'а IV или V века могли случаться такие, например,

факты: «В понедельник, ближайший после праздника св. Андрея, явился (в курию сеньера) Ричард le wite перед сенешалом и по бедности (pro paupertate) передал свою землю сеньеру графу» [17]. Или: «В тот же день явился перед всей курией («coram totam Curiam») Джон le palmer и возвратил всю свою землю сеньеру графу по своей доброй и свободной воле («bona et spontanea voluntate sua»), потому что не мог нести следуемых с этой земли повинностей» («quia non potuit dictam terram defendere») [18]. А между тем в протоколах мэнориальных курий средневековой Англии такие случаи далеко не редкость. В протоколе одной мэноріальной курии мы даже находим совершенно определенное указание на то, что держащий вилланскую землю имеет право свободно оставить ее, вернуть в руки сеньера, что таков обычай, которым руководствуется курия (consuetudo curie) [19]. Какая же тут может быть речь о крепости земле?

Виллан, как мы видим, мог добровольно оставить землю и таким образом, в сущности, выйти из рамок хозяйственной организации мэнора. И при этом, что весьма характерно для всей мэнориальной системы, лорд не мог вполне bona et spontanea voluntate sua посадить на оставленную им землю кого ему вздумается из своих безземельных вилланов, не справляясь с тем, желает ли он этого или не желает. Фактически он мог иногда это сделать, и в источниках такие случаи мы встречаем; но относятся они уже к более позднему времени, ко второй половине XIV века, когда землевладельцы очутились в очень, как мы знаем, критическом положении, лишившись массы своих держателей, унесенных Черною смертью; кроме того, таких случаев встречается сравнительно все-таки немного, и, что особенно важно, всякий раз необычайность такого поступка со стороны лорда весьма определенно подчеркивается в протоколе курии отметкой, что с такого держателя лорд не берет обычных вступных денег («finis pro ingressu habendo» на языке протокола), «потому что он взял эту землю против своей воли» («et nihil dat de fine pro ingressu habendo quia illam cepit contra voluntatem suam»), несмотря на то, что этот новый держатель иногда вполне мог бы внести эту вступную плату, будучи нередко человеком состоятельным и даже богатым; а состоятельностью имущественною и физическою и мотивирует в подобных случаях лорд свое требование, чтобы этот или тот его nativus садился на вакантное держание: они «sunt nativi domini et potentes tam in corpore quam in catallis accipere et tenere tenementa nativa» [20]. Состоятельным виллан мог сделаться, как в данном случае, живя за пределами мэнора, или занимаясь каким-нибудь прибыльным ремеслом, или просто зарабатывая большие деньги в качестве вольнонаемного рабочего, не взирая на громы парламентских узаконений против «жадности и коварства» рабочих; как бы то ни было, но это его благосостояние не прибавляло к рессурсам лорда ни одного пенни, раз виллан оставался за пределами мэнора, и даже пасхальный каплун pro recognitione едва ли доставлялся в кладовую лорда более аккуратно, чем при других условиях, несмотря на уверенія ученых юристов, что как сам виллан, так и все приобретенное — полная и безраздельная собственность его лорда. Конечно, лорд ничего не имел против теории ученых юристов, но на практике нередко был очень далек от нее и, даже насильно водворив в своем поместье своего промышлявшего и богатевшего на стороне виллана и сам находясь в весьма стесненном, созданном чумою, положении, не считал возможным иным

способом хозяйственно использовать его и его средства, как посадив его на землю, да еще тут же постарался смягчить свой поступок, отказавшись от следуемой с него вступной платы.

Подобные факты весьма характерны как для не держащих земли вилланов, так и для держащих ее и, в общем, свидетельствуют о том, до какой степени поверхностную надстройку представлял собою мэнориальный строй, как мало он захватывал до него и помимо него сложившиеся и складывавшиеся жизненные отношения. Но об этом будет речь в другой связи. В данный же момент они интересуют нас лишь с точки зрения организации барского хозяйства, именно, поскольку они освещают вопрос о характере и размерах эксплоатации, которой в интересах барского хозяйства сеньера подвергалось зависимое от сеньера население поместья и его хозяйственные рессурсы. Ограниченность хозяйственной эксплоатации поместного населения, его рабочей силы и других его хозяйственных рессурсов, равно как и тесная связь и зависимость барского хозяйства от крестьянских хозяйств, выступают здесь с полной конкретностью. В своей хозяйственной деятельности лорд мэнора, сеньер, чувствует себя связанным вне его стоящей организацией, на которую он должен всецело опираться, но которая в то же время противопоставляет его воле (voluntas domini) свое собственное право и закон и заставляет его с ними считаться, которая ставит ему границу, дальше которой он не должен итти в своих хозяйственных расчетах.

А между тем с точки зрения строго юридической и сами вилланы, и все их хозяйственные рессурсы — полная собственность лорда мэнора, можно сказать, его собственный хозяйственный инвентарь. Так по крайней мере учила юридическая доктрина XIII века и далеко не оставалась одной лишь теорией, отчетливо формулированной воспитанными на римском праве юристами, но со всей строгостью проводилась в жизнь юридической практикой судов общего права, королевских судов, так расширивших свою компетенцию и так могущественно воздействовавших на правовую жизнь и на правовое сознание английского общества. Доктрина эта, приравняв виллана к серву, к совершенно бесправному в отношении к своему сеньеру рабу, а его землю и всю его движимость объявив собственностью сеньера, отдавала в распоряжение сеньера все хозяйственные рессурсы во многих случаях основной массы поместного населения и давала ему полную юридическую возможность совершенно свободно располагать землей, рабочей силой и хозяйственным инвентарем всего вилланского контингента поместья, соображаясь лишь с интересами своего барского хозяйства, свободно комбинируя эти свои хозяйственные средства в согласии лишь с своими хозяйственными расчетами и совершенно не считаясь с хозяйственными интересами вилланов и с их общинными распорядками.

Как объяснить такое противоречие между хозяйственными возможностями сеньера и хозяйственною действительностью его барского двора? В чем разгадка характеризованных нами особенностей барского хозяйства в английском феодальном поместье? Что мешало ему расширить свои размеры и усилить свою интенсивность в полную меру предоставленных ему общим правом страны хозяйственных возможностей? Что заставляло его так нехозяйственно с точки зрения современного нам хозяйства-предприятия эксплоатировать предоставленные в полное его распоряжение хозяйственные силы основной группы

поместного населения, довольствоваться minimum'ом и не требовать maximum'а? Что удерживало его от равномерной хозяйственной эксплоатации всех без исключения несвободных элементов поместного населения и от ломки общинных хозяйственных распорядков, от разрушения хозяйственной автономии общины? Почему, наконец, хозяйственно эксплоатируя виллана лишь как члена аграрного союза, как владельца хозяйственно устроенного общинного надела, барское хозяйство считало себя связанным в отношении к размерам этой эксплоатации определенными обычными нормами и не считало возможным выходить за пределы этих обычных норм, которые вовсе не имели защиты в общем праве страны и трактовалась этим последним лишь как проявление доброй воли сеньера?

Все эти вопросы и недоумения выводят нас за пределы чисто экономического трактования поместного строя и заставляют нас взглянуть на него и с других сторон и только после этого приступить к их посильному разрешению.

Оставим на время барский двор и его чисто хозяйственные интересы, которые до сих пор занимали все наше внимание, и приглядимся возможно пристальнее к тем правовым нормам, которые регулировали жизнь поместного населения и прежде всего его поземельные отношения. С точки зрения общего права свободная воля лорда (voluntas domini) — единственный регулятор этих и всех других отношений, характеризующих жизнь во многих случаях основной группы поместного населения, вилланов-сервов; юридической санкцией и защитой со стороны государства эти отношения не пользовались и в глазах королевских судов вовсе лишены были юридического значения, представляя собою всего лишь допускаемый и терпимый лордом мэнориальный обычай (consuetudo manerii), который во всякий момент мог быть совершенно свободно нарушен и даже вовсе уничтожен лордом, собственником и бесконтрольным владыкой и самих вилланов, и всей движимости и недвижимости, какою только они владели в пределах поместья. В какой мере официальная юридическая теория совпадала с правовой жизнью поместного населения? Не окажется ли и здесь такого же несоответствия между теорией и жизнью, какое мы уже наблюдали, изучая хозяйственную жизнь средневекового английского поместья?

II

Мэнориальное право, *consuetudo manerii*, признавало за виллaном право собственности на его землю, как его вообще понимала феодальная эпоха. После смерти виллана земля его iure hereditario (по праву наследования) переходила к его сыну (младшему); если сына у него не было, то к тому из родственников, кто являлся после сына propinquior heres (ближайшим наследником) [21]. И в том, и в другом случае наследник заявлял о своих правах (ius suum) на землю умершего перед мэнориальной курией и доказывал их здесь с помощью средств чисто юридического характера. Разумеем расследование через присяжных (inquisitio) и ссылку на протокол курии (rotulus или rotuli Curiae). Теми же процессуальными средствами пользовался он и в тех случаях, когда ему приходилось отстаивать свое право от притязаний или захватов с чьей бы то ни было стороны. Вдова умершего виллана имела право до смерти вла-

деть держанием своего мужа; это так называемое право свободной скамьи, liberum bancum. В случае малолетства наследника умершего виллана держание и сам наследник поступали под опеку, при чем опекуном назначался человек, по возможности не связанный с умершим узами родства, открывавшими перед ним перспективу возможного (в случае смерти наследника) наследования. При жизни виллан имел широкую возможность распоряжаться своим держанием путем продажи, отдачи его в обеспечение долга или передачи его третьим лицам в условное держание, делая во всех этих случаях в пользу лорда тот или иной денежный взнос.

После смерти держателя-виллана земля его поступала в руки лорда (in manus domini), которому по феодальной теории принадлежало высшее на нее право. Но, как и в случае свободного держания, это вступление лорда в свои права на землю виллана имело чисто формальное значение и было далеко не полным. Немедленно же в курии делалось оповещение (proclamatio), что такая-то земля, напр., половинная виргата (dimidia virgata), лишилась своего держателя, и что всякий, кто считает за собою право на нее («si aliquis clamat aliquod ius in dimidia virgata terre»), пусть явится в ближайшее заседание курии и ищет здесь это свое право («quod sit ad proximam Curiam ad clamandum tenementum predictum») [22]. Оповещение это делалось несколько раз, в трех, четырех, пяти заседаниях курии, и только тогда, когда возможные наследники и после этого не являлись, только тогда лорд вступал вполне в свои права и мог распоряжаться землей вполне по своей воле, потому что неявка наследников считалась равносильной отказу их от своих прав. Умер Джон de Denby, державший от лорда усадьбу (unum mesuagium) с 21 акром пахотной земли in bondagio, т.-е. настоящее вилланское держание. Из имущества умершего лорду достался в качестве гериэта («dominus habuit nomine herieti») черный бык, который и был продан Генриху del Grene за 12 шилл., а держание умершего поступило in manus domini. Было сделано первое оповещение («et proclamatio facta est prima»), затем второе, третье и, наконец, четвертое. «И никто не явился, чем все кровные этого Джона совершенно отказались от всяких исковых претензий (в отношении к этой земле)» («et nullus venit *per quod omnes de sanguine predicti Johannis penitus abiudicentur ab omni accione cujuscumque iuris* etc. secundum consuetudinem manerii») [23].

Отказ от прав на землю мог совершаться и в прямой форме: наследник мог явиться в курию и отказаться от своих прав. Матильда Pundelwike возвратила (sursum reddidit) лорду землю, которую от него держала, оставив себе только усадьбу, чтобы жить в ней до смерти («saluo uno mesuagio suo ad terminum vite sue causa hospitandi»). В курию явился Адам, ближайший наследник (proximus heres) Матильды, и на вопрос, желает ли он взять в держание землю Матильды, отвечал отрицательно («dixit quod non») и отказался в пользу сеньера от всех своих прав, предоставив ему свободное распоряжение ею (*«et quietum clamauit domino totum ius suum ad faciendum inde voluntatem suam»*), после чего лорд отдал эту землю другому лицу уже по своему усмотрению [24]. Лорд мог отдать такую освобожденную от всяких исковых претензий со стороны родственников умершего или добровольно оставившего свое вилланское держание виллана землю на каких ему угодно было условиях, так как его воля, voluntas domini,—которая с точки зрения общего права всегда была свободна в отношении к его вилланам (если только он

сам ее не ограничил с какой-нибудь стороны), зависевшим вполне, согласно этой точке зрения, от его воли, являвшимся вполне tenentes ad voluntatem domini, — только в этих случаях становилась действительно свободной, т.-е. когда ее добровольно переставали ограничивать вполне в теории зависимые от него люди, те самые виланы, которых ученые юристы XII и XIII века, не задумываясь, приравнивали к римским рабам, живому инвентарю своего господина.

Свободу распоряжения землею своего виллана получал лорд еще и тогда, когда у умершего или добровольно оставившего ее держателя-виллана вовсе не оказывалось наследников, т.-е. когда земля эта становилась выморочным леном (escheat), сказали бы мы, если бы пользовались терминологией общего права (common law). Гальфрид, сын Гальфрида Sygor, взял в курии у лорда усадьбу и полвиргаты вилланской земли («I mesuagium et dimidiam virgatam terre custumarie cum omnibus suis pertinentiis in villa de Estre). Земля эта и эта усадьба находилась некогда в руках у Гугона le Gest, который держал ее в зависимости от воли лорда, так как не было никого, кто мог бы предъявить на нее права в качестве наследника и кто, следовательно, мог бы держать ее наследственным порядком («que quidem mesuagium et terra aliquando fuit in custodia hugonis le Gest qui ea tenuit ad voluntatem domini pro defectu heredis»). И Гальфрид, сын Гальфрида Sygor, получил ее на том же основании, что и Гугон le Gest, не по праву наследования, а тоже исключительно в силу ставшей свободной по указанной причине воли лорда, руководимой, впрочем, указаниями зависимых от нее вилланов: «И так как было найдено всеми обычниками деревни de Estre, что более удобно сдать эти держания на руки кому-нибудь из вилланов, чем удерживать их при домэне, а также было найдено ими же, что никто в качестве наследника или иным каким-либо путем не может предъявлять к этим держаниям исковых претензий, так как они уже в полной воле лорда («et quia tunc compertum fuit per omnes Custumarios villate de Estre quod esset maius commodum dicta tenementa ad manus alicuius natiui dimittere quam in dominico retinere et compertum fuit per eosdem quod nullus nomine hereditario, vel aliquo alio modo clameum de iure apponere potuit quia totum ad voluntatem domini»), то ему уступлено было право владения ими с обязательством нести сеньеру следуемые с них повинности и обычные службы («concessa est ei inde seisina faciendo domino seruicia et consuetudines inde debitas»). Гальфрид получил *seisinam* на усадьбу и на половинную виргату; хозяйство лорда от этого выигрывало (мы не имеем основание не верить компетентному заявлению omnium custumariorum villate de Estre), но voluntas domini терпела несомненный ущерб не только в пользу Гальфрида и «его приплода» (sequela sua), как не особенно деликатно выражалось иногда феодальное право, т.-е. его потомства, но и всех его родственников («omnes de sanguine suo», той самой крови, которую виллан должен был выкупать, «emere ad voluntatem domini», выдавая замуж свою дочь), отца, например, и его потомства. И действительно, из того же протокола мы узнаем, что отец Гальфрида, Galfridus Sygor senior, проживавший в усадьбе сына во время его малолетства (держание было взято этим последним еще в малом возрасте) и, очевидно, ведший его хозяйство и фактически отбывавший все следовавшие с держания seruicia et consuetudines в пользу лорда, явился как-то в курию и здесь заявил, что не имеет никакой правовой претензии на эти держания и отка-

зывается за себя и за своих наследников от всякого права на них и передает всякое свое право и притязание, какое имел или каким бы то ни было образом или в силу какого бы то ни было основания мог иметь, этому своему сыну Гальфриду и наследникам его («et dicit quod nichil clamat in dictis tenementis *ratione alicuius iuris renuncians pro se et heredibus suis omne iuris beneficium* et remisit et quietum clamauit *totum ius et clameum suum* quod habuit seu aliquo modo uel titulo habere potuit dicto filio suo Galfrido et heredibus suis») [25].

Мы не знаем конкретных мотивов, подвинувших старшего Гальфрида на этот шаг; да они не так и важны для нас в этой связи; каковы бы они ни были, для нас важна сама возможность подобного факта, какой мы только что передали словами протокола; в нем каждая подробность, каждая мелочь чрезвычайно характерна и рисует виллана и его отношение к земле и к лорду такими чертами, которые стоят в резком контрасте со всем тем, что говорила обо всем этом официальная юридическая теория, не признававшая за вилланом никаких прав на его держание и объявлявшая свободную волю лорда единственным источником мэнориальной жизни как в ее хозяйственных, так и в ее нормативных проявлениях. А Гальфрид-отец не только совершил свое чисто юридическое деяние, сделав приведенное нами заявление в официальном собрании своих односельчан, но сообщил ему еще более юридическую силу, потребовав занесения его в протокол собрания, за что сын его, принесший тут же новую присягу лорду («de nouo fecit fidelitatem»), заплатил следуемую лорду в подобных случаях денежную пошлину («et dat domino pro dicta quiete clamacione irrotulanda ut patet supra») [26].

Обычная процедура предъявления наследниками своих прав на землю умершего или оставившего ее виллана и вступления в эти права была следующая. Если наследник находил возможным или желательным для себя отозваться на оповещение, а то и вовсе не дожидаясь его, заявить о своих правах на вакантное держание, то он являлся в курию и... Но лучше послушаем, что говорят сами протоколы курии. Умерла («diem clausit extremum») Sayeta, вдова Уильяма le Bedel, державшая (несомненно, как liberum bancum suum) полвиргаты земли de molland (т.-е. вилланской земли, переведенной на денежный оброк) in La hoo и четверть виргаты такой же земли («unum quarterium terre de molland») de terra le Graung', и вся земля взята была in manus domini, пока не явится наследник умершей (quousque etc). Явился Джон le Bedel и потребовал себе всю эту землю («et petit totam predictam terram») в качестве сына и наследника этой Сайэты («ut filius et heres predicte Sayete»), к которому *по праву должна* перейти эта земля *наследственным порядком* («et cui predicta terra nomine hereditario *de iure* descendere *debet* tanquam filio et heredi eiusdem Sayete»), и попросил произвести об этом расследование («et hoc petit quod inquiratur») (внеся за это пошлину, как мы знаем из других протоколов). Расследование (inquisitio) об этом было произведено всеми обычниками Уолтэма («per omnes Custumarios de Waltham»), которые под присягой показали («qui dicunt super sacramentum suum»), что этот Джон — действительно сын и наследник Сайэты, и что вся эта земля наследственным порядком *должна* перейти к нему («et quod tota predicta terra nomine hereditario eidem Johanni descendere *debet* secundum consuetudinem manerii). На этом основании к этому Джону *должно* перейти владение ею («ideo *debita* est eidem Johanni unde *seisina*»), что и совершается в полном собрании курии («in plena Curia»), при чем

Джон платит лорду 10 шилл. за ввод во владение («pro ingressu») и приносит ему присягу на верность («et fecit fidelitatem»); поручителями за него являются все обычники («per plegium omnium custumariorum») [27].

Bartholomeus le Ram потребовал, чтобы ему были отданы два акра земли cum pertinentiis («petit deliberacionem sibi fieri de duabus acris cum pertinentiis»), на которое он заявляет правовое притязание («quas clamat ut ius suum»). Эти два акра поступили in manus domini (в руки лорда) после смерти Адама Pinnok, который держал их лишь временно, «*пока явится несомненный наследник Алана Canel и возьмет эту землю*» («qui illas tenuit ex dimissione domini *quousque rectus heres* Alani Canel *uenerit ad dictam terram recipiendam*»). Bartholomeus заявил, что этой землей некогда владел некто Алан Canel, его предок («quod quidam Alanus Canel antecessor suus inde seisitus fuit etc»), и от этого Алана право на эту землю («ius dicte terre») перешло к Саэте, сестре и наследнице его, а от Саэты к нему, и в качестве сына и наследника этой Саэты он и требует себе эту землю. Он просит произвести об этом расследование («et hoc petit quod inquiratur») и уплачивает за это шесть пенсов («et dat pro inquisitione habenda etc»). Расследование, произведенное всей курией («inquisitio super hoc capta per totam Curiam»), дало результаты, во всем согласные со словами Бартоломея («concordat in omnibus ad calumpniam dicti Bartholomei»). Поэтому ему передано было владение этою землею, которую может держать сам он *и его наследники на виллянском праве* за службы и обычные повинности («ideo liberata est ei inde *seisina* tenend', sibi *et heredibus in villenagio* per seruicia et consuetudines»), после чего он приносит присягу на верность и платит пошлину за ввод во владение [28].

Гальфрид Шок (Shok), сын и наследник Уильяма Шока, просит передать ему усадьбу и полвиргаты виллянской земли cum suis pertinentiis («petit unum mesuagium et dimidiam virgatam terre custumarie cum suis pertinentiis), которыми на виллянском праве владел его отец, когда умирал («unde predictus Willelmus quondum pater suus cui heres est obiit seisitus *ut in bondagio ad voluntatem domini*»). После смерти Уильяма Шока эту землю держала до смерти своей («ad terminum vite sue») как liberum bancum suum его вдова. Гальфрид дает лорду шиллинг, чтобы позволено было произвести расследование о его праве («et dat domino ad inquirendum *de iure* suo»). Расследование, произведенное всеми обычниками мэнора, показало, что Гальфрид действительно сын и наследник Уильяма и что все и земли, и держания, которыми владел его отец в момент смерти, *должны* перейти к нему *по праву наследства* («quod predictus Galfridus est filius et heres predicti Willelmi et quod omnes terre et tenementa de quibus predictus Willelmus pater ipsius Galfridi obiit seisitus dicto Galfrido *nomine hereditario* descendere *debent*») в качестве держания по воле лорда по обычаю мэнора («tenend', *ad voluntatem domini* secundum consuetudinem etc»). На этом основании Гальфрид был введен во владение этою землею, уплатив за это пошлину и принеся клятву на верность лорду [29].

Джон Canel обращается в курию с просьбой передать ему полвиргаты виллянской земли («dimidiam virgatam terre custumarie») *ut ius et hereditatem suam*: ее держал его отец и умер, владея ею, а после смерти отца она находилась во владении его вдовы, матери Джона, как liberum bancum suum. Из расследования, произведенного всеми членами курии («per omnes sectatores Curie»), оказалось, что Джон совершенно прав, и ему передано было владение

этою землею («concessa est seisina de dicta terra»), как вилланским держанием («tenenda in villenagio per seruicia etc»), обычным порядком [30].

Расследование через присяжных, этот прочно укоренившийся в Англии с Нормандским Завоеванием способ раскрытия истины как юридической, так и всякой иной, сыгравший огромную роль в правовой и фискальной истории Англии, послуживший основой, из которой развился суд присяжных, и давший Англии *Книгу Страшного Суда* (Domesday Book) и *Сотенные Свитки* (Rotuli Hundredorum), как видим, является обычным средством в жизни мэнориальной группы, к которому прибегает виллан для доказательства своих прав на вакантную вилланскую землю. Но рядом с этим средством ему представляется и другое, более простое и удобное: вместо того, чтобы пускать в ход такой несколько тяжелый механизм, как inquisitio per omnes custumarios, per omnes sectatores Curie, виллан для доказательства своих прав на землю может просто сослаться на протокол курии, в котором зарегистрован юридический акт, происшедший в свое время в курии и служащий основанием для его правовой претензии. Умерла Джен Collebrond, державшая на вилланском праве (de bondagio) коттэдж и 6½ акров земли («unum cotagium de bondagio et IIII acras et dimidiam terre de bondagio et II acras terre de bondagio nuper Johannis Cabalt»). В качестве гериэта лорду досталась черная корова ценою в 6 шилл. 8 пенс., которая немедленно же была продана, а земля поступила in manus domini. «После этого явилась Эмма, дочь и наследница Джен («filia et heres ipsius Johanne»), и заявила притязание на четыре акра земли («et clamat statum cunctum in IV acris terre»), *как оно явствует из протокола курии* («prout ostenditur per recordum Curie»), и взяла у сеньера коттэдж и два акра с половиною земли *de bondagio*, чтобы держать от сеньера sibi et heredibus suis secundum consuetdinem manerii» [31].

Во всех приведенных нами случаях наследник совершенно беспрепятственно вступал в свои права. Но нередки были случаи другого характера, когда ему приходилось отстаивать свои права на данную землю против других претендентов, опять-таки с помощью чисто юридических средств, к каким прибегали и его противники.

Джон Shortepoleyn был позван в курию («*summonitus fuit*»), чтобы отвечать Джону Poleyn по иску о земле («*de respondendum* Johanni Poleyn de Bathelisbregg' *de placito terre*»). По словам истца, он незаконно завладел принадлежащей ему, истцу, четвертью виргаты, состоящей из восьми акров вилланской земли со всеми «принадлежностями» («et unde queritur quod ei iniuste deforciauit quartam partem unius virgate terre continentem VIII acras terre custumarie cum pertinenciis»). Иск свой Джон Poleyn мотивировал следующим образом. Землей этой владел в момент своей смерти его отец Уолтер, державший ее in bondagio ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii («dicit eciam quod Walterus Poleyn pater suus cui heres ipse est obiit inde seisitus tenend' in bondagio ad vol. dom. sec. cons. man.»). После смерти отца землю эту ut liberum bancum suum держала его вдова, Amicia, мать истца. Когда мать умерла, Джон Poleyn тотчас же явился в курию, «представил себя, как сына и наследника вышесказанного Уолтера Poleyn, своего отца, и попросил себе земли и держания, во владении которыми находился в день смерти вышесказанный Уолтер» («et optulit se ut filius et heres prefati Walteri Poleyn patris sui et petit terram et tenementum de quibus Walterus obiit seisitus»).

Тогда же всеми обычниками этой деревни de Estre было обнаружено («compertum fuit per omnes Custumarios villate de Estre»), что он, истец, действительно сын и наследник Уолтера и «что все земли и держания, которыми владел этот Уолтер при своей смерти, *должны* перейти к нему, Джону, как сыну и наследнику («et quod omnes terre et tenementa de quibus idem Walterus obiit seisitus ipsi Johanni ut filio et heredi descendere *debuissent*»). Все это, по словам истца, произошло в одном из заседаний курии на седьмом году царствования Эдуарда II (иск предъявлен в первый год царствования Эдуарда III), и из всего этого с очевидностью явствует вся бесспорность его прав («et hoc manifeste constat in quadam Curia hic tenta in anno patris domini regis Edwardi nunc VII°). И тем не менее Джон Shortepoleyn насильно отнял у него, истца, эту землю, не обращая никакого внимания на результаты произведенного обычниками расследования, о котором только что была речь, и причинил ему убытка на 100 шилл. («et nihilominus idem Johannes Shortepoleyn ipsum iniuste deforciauit nonobstante inquisicione predicta ad dampnum C s.»). Ответчик, Джон Shortepoleyn, не признал в своем поступке насилия и несправедливости («venit *et defendit uim et iniuriam*») и заявил, что истец несправедливо вчинил против него иск об этой земле («et dicit quod iniuste ipsum implacitat de predicta terra»): ведь отец истца, Уолтер Poleyn, когда Джон Mareschal был констэблем, здесь же, в курии, передал всю эту землю лорду («totam predictam terram sursum reddidit domino»), и в том же заседании курии Гуго Poleyn, отец его, ответчика, приобрел эту землю у лорда («dictam terram adquisiuit de domino») в наследственное держание («tenendam sibi et suit per seruicia inde etc»), а после смерти отца он, ответчик, и вступил в его права («successit in eadem»). Для доказательства своих слов ответчик потребовал справку в протоколах курии (*«et de hoc vocat rotulos Curie ad warrant* (isandum)» [32].

Мы не знаем, чем кончилась эта тяжба. Но с нас достаточно и того, что передает нам о ней протокол, чтобы для нас был вполне ясен строго юридический характер всего процесса, совершенно свободного от какого бы то ни было вмешательства со стороны «воли» лорда и беспрепятственно движущегося в строго определенных, веками выработанных, обычно правовых рамках. Если бы мы не знали, что истец, Джон Poleyn, и ответчик, Джон Shortepoleyn, — вилланы, что земля, о которой они ведут тяжбу, — вилланская земля и что дело происходит в курии лорда, состоящей из таких же вилланов, то мы могли бы думать, что пред нами гражданский спор о свободном держании, фриголде (freehold), что истец отстаивает свои права на фриголд перед королевским судом с помощью так называемой *ассизы и смерти предшественника* (*assiasa de morte antecesoris*, *the assize of mort d'ancestor*), одного из знаменитых процессуальных средств, которые Генрих II предоставил в распоряжение свободных держателей, чтобы они могли защищать свои владельческие права (так называемую *сейзину*, *teisina*, *seisin*) от чьих бы то ни было покушений. И другое из этих средств, так называемая *ассиза о новом захвате* (*assisa novae disseisina*, *the assise of novel disseisin*), находит свое соответствие в процедуре мэнориальной курии. Если для *ассизы о смерти предшественника* главным было установление путем показания присяжных факта, что лицо, наследником которого является истец, в момент смерти было владельцем данного свободного держания (имело seisinam в отношении к нему), то *ассиза о новом захвате* тем же путем стремилась установить факт, что данное

лицо (истец) незаконно лишено своих владельческих прав на данное свободное держание (лишено *сейзины* в отношении к этому держанию).

Симон de Deye дает лорду полшиллинга, чтобы было произведено в курии расследование о его праве на землю, которую захватили у него и держат Роберт de Neuton' и его жена («pro inquisicione Curie habenda *de iure suo* inquirendo in una roda et quarta parte unius rode terre quas Robertus de Neuton' et margeria uxor eius tenent et ei deforciant»). Расследование показало, что Симон имеет право на эту землю, которая и должна быть ему возвращена Робертом и его женою («quod dictus Simon habet ius ad dictam terram versus eosdem recuperandam») [33]. В сущности и в деле Джона Poleyn с Джоном Shortepoleyn истец стремится доказать не только то, что его отец, наследником которого он является, в день своей смерти владел («obiit seisitus») восемью акрами вилланской земли, но и то (и это прежде всего), что этими акрами незаконно, вопреки его, истца, праву, завладел ответчик («ei iniuste deforciavit»), так что здесь мы имеем обычное и в практике судов общего права соединение в одном иске собственно двух.

Центральное место в виндикационном процессе, как его рисуют протоколы мэнориальных курий, занимает, как мы видели, расследование через присяжных, inqusitio Curiae, производившееся per totam Curiam, per omnes sectatores Curiae, per omnes custumarios villatae, per totum homagium. Клятвенное показание всей курии или двенадцати присяжных, выделявшихся из общей массы несвободных sectatores мэнориальной курии, сельского схода, было решающим в вопросах о *seisina* виллана, о его владельческих правах на вилланское держание, в не меньшей мере, чем клятвенное показание двенадцати boni et legales homines, решавших вопросы о *seisina* свободного человека, о его владельческих правах на свободное держание, в суде королевском. Протокол курии, черпавший свою юридическую силу из того же общинного, народного источника, представлявший собою лишь запись того, что совершалось в судебном собрании omnium custumariorum villatae, и прежде всего результатов присяжного расследования, начинает уже довольно часто фигурировать в качестве юридического аргумента в тяжбах о вилланской земле. Истец или ответчик нередко *vocat rotulos Curie ad warrantisandum*. Агнеса, вдова Радульфа le herde, вчиняет иск против Джона atte hell' о двух акрах земли («petens optulit se versus Johannem atte hell' tenentem II acras terre unde ipsum implacitat»), и Джон ссылается на протокол курии от девятого года царствования Эдуарда II («vocat Rotulos Curie ad Warrant' de anno IX° prout patet per processum Curie precedentis»); тогда клирику Джону велено было навести справки в протоколах курии («et preceptum fuit Johanni clirico de Plessetis scrutare rotulos Curie») [34].

Повидимому, однако, свидетельство протокола не исключало еще необходимости дополнительного свидетельства живых людей, к которому и прибегали для проверки показаний протокола. Джон Strout явился в курию и просил передать ему землю, которою владел в момент смерти («obiit seisitus») его отец. После этого в курию пришел его брат Генрих и заявил, что отец их еще на девятом году нынешнего царствования (Эдуарда III) (дело относится к 14-му году) передал лорду («sursum reddidit domino»), здесь, в курии, избу с прилегающим к ней огородом («unum cotagium cum quodam curtilagio, vocat' Stroutesbytoun), которые тут же, тогда же, взял у лорда он, ответчик, чтобы

держать ad voluntatem domini per seruicia et consuetudines inde debitas, заплатив при этом пошлину и принеся лорду клятву верности («et fecit finem pro ingressu et fidelitatem»); все это явствует из копии протокола курии, который он тут же и представил («prout patet *per quandam copiam rotulamenti Curie*, quam nunc protulit»). Прочитывается текст этой копии, вполне подтверждающий слова истца, действительно, как оказывается, получившего от лорда эту избу с огородом в держание sibi *et suis* ad voluntatem domini. После этого ответчик заявляет, что он готов проверить свои подтвержденные копией протокола заявления путем расследования через присяжных, через вилланов деревни Уолтэм («quas quidem sursum reddicionem et receptionem paratus est verificare per homagium de Waltham»). И все обычники заявили под присягой («omnes custumarii de homagio dicunt per sacramentum suum»), что все это, что говорит Генрих, совершеннейшая правда, и поэтому пусть он владеет мирно тем, что получил от своего лорда («Ideo dictus Henricus habeat in pace de domino etc»). Что же касается усадьбы и виргаты земли, которыми владел в момент своей кончины («obiit seisitus») его отец, то, по словам присяжных, ближайшим наследником в отношении к ним действительно является Джон («dicunt quod ipse est filius et heres propinquior successiue»). И ему была передана *seisina* на эту землю («ideo deliberata est ei seisina saluo iure etc.») [35].

Таким образом, протокол имеет в сущности еще второстепенное значение. Вся сила в живых словах присутствующих на сходе вилланов, которые одни вполне осведомлены, кто из их сосельчан и почему и на каком праве владеет тем или другим участком земли, потому что в их присутствии, публично, на сельском сходе совершаются все юридические акты, касающиеся членов их общины и земли, которую они обрабатывают. Так смотрели на дело и сами лорды мэноров, не желавшие поэтому поощрять развитие в курии нового духа, который могли внести в нее, например, профессиональные адвокаты с их, несомненно, формалистическими тенденциями. Уже знакомая нам сент-албанская инструкция выражается на этот счет весьма определенно. «Не должно допускать — гласит один из ее параграфов, — чтобы в галимотах (т.-е. в собраниях сеньериальной курии) пришлые адвокаты велеречиво говорили в пользу сторон; пусть истина расследуется простым способом, через крестьян, собирающихся в курию, без всяких хитросплетений» [36]. Не менее выразительно и постановление, сделанное по этому предмету в одной из курий Рамзэйского аббатства. Никто из держателей аббата, под страхом уплаты 20 шилл., не может приводить в курию аббата адвокатов: они только тормозят правосудие и разводят волокиту [37].

Имея владельческие права (seisina) на свое держание, виллан может распоряжаться им едва ли менее свободно, чем свободный человек свободным держанием: может продать его, отдать в обеспечение долга, передать в условное владение и т. п. То обстоятельство, что во всех этих случаях он должен был обращаться за санкцией в мэнориальную курию, и что лорд, подобно современному государству, из всех этих сделок извлекал доход в виде пошлин, платимых той или другой стороной, едва ли что-нибудь говорит против свободного по существу характера этих сделок; и здесь, как и в области хозяйства и юстиции, мэнориальный лорд только эксплоатировал помимо него развивавшиеся отношения, не его волей определявшийся гражданский оборот внутри,

прежде всего, политически подвластного ему населения. Вилланы в сущности свободно вступали друг с другом в договорные отношения по земле, и из этих conventiones свободно вытекали все юридические последствия в виде, например, исков в случае их нарушения и т. п.

Уильям Blacch держал от лорда in villenagio усадьбу и три четверти виргаты земли. Усадьбу эту и эту землю он передал в руки лорда («sursum reddidit domino») с тем, чтобы их взяли у лорда Джон Parker de veteri parco, жена его Roesia и сын их Джон и держали от лорда также in villenagio за службы и обычные повинности, но с таким условием: они должны отвести Уильяму у себя комнату, где бы он мог прилично проживать до своей смерти («unam cameram in qua possit honeste hospitari ad totam vitam suam»), и доставлять ему пищу и одежду, «как это приличествует его положению» («prout decet statum suum»), при чем он может столоваться у них, если захочет; если же не захочет, то они должны выдавать ему до самой его смерти по полбушеля пшеницы еженедельно. Джон и его семья согласились на это условие, и им по всей форме было передано вилланское держание Уильяма [38]. Добросовестно ли они исполняли взятое на себя обязательство, все ли они доставляли Уильяму, что он считал необходимым для «приличествующей его положению» жизни, сведений об этом до нас не дошло. Ничего не говорит протокол и о том, что было бы, если бы Джон Паркер, его жена и сын не захотели ни поселить у себя Уильяма, ни содержать: не мог ли бы он, например, предъявить к ним иск? Но зато вполне обстоятельный и определенный ответ на этот юридический вопрос дает протокол тяжбы Эстрильды Nenour с своею дочерью и зятем [39].

Эстрильда передала обычным порядком своей дочери Агнесе усадьбу и полвиргаты земли, которые держала от лорда in bondagio secundum consuetudinem manerii (на вилланском праве по обычаю мэнора), с тем, чтобы та содержала ее у себя до смерти [40]; в случае же, если Агнеса не исполнит этого обязательства, Эстрильда имеет право опять вступить во владение усадьбой и полувиргатой и, кроме того, удержать у себя все, что она найдет здесь («quod si non fecerit, liceret eidem Estrildi in predictis tenementis reintrare et omnia in eisdem inventa retinere»). Получив в курии сейзину (seisina) на держание своей матери, Агнеса и не подумала приводить в исполнение взятых на себя в силу договора обязательств («quam quidem conuencionem predictam in nullo hucusque obseruabat»). На этом основании Эстрильда обратилась в курию с просьбой опять ввести ее во владение переданным дочери держанием («per quod predicta Estrildis petit quod admittatur tenquam tenens tenementum predictum iuxta tenorem conuencionis predicte»), предъявив к дочери и зятю иск о насильственном удержании ими ее земли («optulit se versus Henricum Poleyn et Agnetem uxorem eius in placito quare ei iniuste deforciant unum mesuagium et dimidiam virgatam terre cum pertinenciis in Alta Estre racione quibusdam conuencionibus (вм. cuiusdam conuencionis) inter eos prolocute non obseruate»). В ближайшую курию были вызваны Генрих и его жена, чтобы дать ответ, почему они не допускают Эстрильду вступить в ее держание («ad ostendendum si quid habeant pro se vel dicere sciant quare eadem Estrildis tanquam tenens tenementi predicti admitti non debeat»). В назначенный срок ответчики уже были в курии и заявили, что держание было передано им без всяких условий, без всяких обязательств в отношении к Эстрильде, что

никакой conventio между нею и ими не было заключено, и потребовали расследовать это дело через присяжных. Присяжные показали, что Эстрильда передала свое держание дочери на условии, заключив с нею соглашение, о котором она говорит, и что Агнеса не исполнила своих обязательства. Курия постановила («ideo consideratum est»), что вследствие нарушения Агнесой заключенного с матерью договора Эстрильда имеет право обратно получить свои владельческие права на землю («seisinem in dominico rehabeat»), и было велено бэйлиффу передать ей сейзину на ее бывшее держание («ideo preceptum est balliuo quod seisinam tenementi predicti cum omnibus suis pertinenciis eidem Estrildi rehabere faciat»). Что же касается Агнесы и ее мужа, то, так как присяжное расследование, которого они потребовали, доказало их виновность в проступках против Эстрильды, они должны быть оштрафованы («et predicti Henricus et Agnes qui conuicti sunt per inquisicionem in quam se posuerunt de omnibus et singulis transgressionibus eidem Estrildi illatis sint in misericordia»). С них велено было взыскать убытки на сумму (определенную присяжными) шесть шиллингов и восемь пенсов.

Отстояв свое право, Эстрильда не забыла и родственных чувств. В следующем же заседании курии она опять передала дочери и зятю свою землю на прежнем условии, но постаралась сделать более обеспеченным и спокойным свое сожитие с ними у семейного очага. «А если сказанной Эстрильде не угодно будет («non placuerit») пребывать на этом держании в обществе вышеназванных Генриха и Агнесы, в таком случае вышеназванные Генрих и Агнеса пусть выплачивают вышесказанной Эстрильде до конца ее жизни по двадцати шести шиллингов восьми пенсов ежегодно в четыре главных срока равными частями» [41]. Двадцать шесть шиллингов и восемь пенсов — весьма солидная по тому времени сумма, и едва ли мы ошибемся, если скажем, что семейный мир в доме Генриха Paleyn был надолго обеспечен, и у Эстрильды не являлось поводов быть серьезно недовольной обществом своей дочери и зятя.

Виллан мог передавать свою вилланскую землю третьим лицам и на таком, например, условии. Джон Ogyllington «возвратил в руки лорда» («reddidit in manus domini») 18 акров и усадьбу, которые он держал на вилланском праве (de bondagio), и еще кусок земли (I placcam), который он держал ad voluntatem (domini), с тем, чтобы все это держание было передано Уилльяму Cratton («ad opus Willelmi Cratton») и его наследникам, рожденным им в законном браке («tenend' sibi et heredibus de corpore suo legitime procreatis»); если же он умрет без таких наследников, вся эта земля и усадьба возвращаются законным наследникам Джона («et si obierit sine heredibus de corpore suo legitime procreatis quod dicte terre et tenementa rectis heredibus predicti Johannis reuertantur» [42]. Кто хоть сколько-нибудь знаком с средневековым английским земельным правом, не может не вспомнить при этом о том, что известно в общем праве под именем условного владения (conditional estate).

В форме условной передачи владельческих прав третьим лицам совершают вилланы и операции заклада своих вилланских держаний в обеспечение долга. Джон atte Teye из Alta Estre явился в курию («venit in plena Curia») и возвратил лорду («sursum reddidit domino») огород в два с половиною акра, огороженный и окопанный рвом, с тем, чтобы он был передан («ad opus») Гальфриду Sigor на пять лет. При этом, если Джон уплатит Гальфриду в течение этого срока 100 шиллингов, выплачивая ему по 20 шил. ежегодно к празднику

Всех Святых, то по истечении этого срока земля возвращается к нему. Впрочем, возвращение это может произойти и раньше, в любой из этих пяти лет, в какой только Джон найдет возможным уплатить всю названную сумму. Если же в какой-нибудь из этих пяти лет Джон не заплатит всех 20 шилл. или части их, то земля навсегда остается у Гальфрида и его наследников с лежащими на ней в отношении к лорду повинностями («tunc dicta crofta cum suis pertinentiis dicto Galfrido et heredibus suis imperpetuum remaneant faciendo domino seruicia inde debita et de iure consueta»). Гальфриду была передана эта земля, и он уплатил лорду 6 пенсов за ввод во владение («de fine pro ingressu») [43].

Раз в глазах мэнориальной курии виллан имет на свое вилланское держание такие же наследственные владельческие права (seisina), какие свободный держатель в глазах общего права имеет в отношении к своему свободному держанию, то нет ничего удивительного, если в протоколах курий мы встречаемся и с явлениями, аналогичными феодальной опеке, или с такими фактами, как известное общему праву держание *per legem Angliae* (когда муж держал землю, владельческие права (seisina) на которую принадлежали его жене).

Как известно, опека (custodia) над малолетним наследником простого свободного держателя и над его наследством передавалась одному из его родственников (consanguinei) и при этом такому, который не мог иметь никаких прав на это наследство. До точности тот же принцип применяется, как оказывается, и к вилланской опеке. Умер Джон le Cartere, и его вилланская виргата была взята в руки лорда. В следующее заседание курии явился Гальфрид Godebold, брат умершего, и стал просить, чтобы ему передали опеку над этой землей и над Гальфридом, четырехлетним сыном и наследником умершего, по причине его малолетства («et petit quod habere possit custodiam terre predicte et corpus (sic!) Galfridi filii et heredis predicti Johannis racione minoris etatis heredis predicti qui est etatis quatuor annorum»). «А так как курии известно, что в случае смерти этого Джона без наследников, им рожденных, а также в случае смерти оставленного Джоном потомства держание это должно бы было по наследству перейти к этому Гальфриду Godebold, то ни опека над этой землей, ни воспитание наследников Джона никоим образом не должны быть переданы этому Гальфриду («et quia constat Curie quod predictum tenementum predicto Galfrido Godebold si idem Johannes sine herede de corpore suo procreato obiisset uel si exitus nunc de corpore ipsius Johannis obierint nomine hereditario sibi descendere debuisset custodia terre predicte neque nutrimentum heredum ipsius Johannis nullomodo concedatur ipsi Galfrido»). Поэтому бэйлиффу было приказано держать это держание в руках лорда и давать лорду отчет о его доходах («in manibus domini retinere et de exitibus respondere») [44]. После этого явился в курию Джон Lonel, и ему передана была опека над землей наследника и над ним самим, а также над его малолетней сестрой Алисой; на случай, если бы наследник умер до своего совершеннолетия, к опекуну переходит опека над наследницей и забота о выдаче ее замуж. В качестве опекуна Джон Lonel должен был нести все следуемые лорду с земли повинности [45].

О держании *per legem Angliae* (иначе *per curialitatem*) протоколы дают нам не менее обстоятельные сведения. У Томаса Bowyere умерла жена. Она держала от лорда полвиргаты вилланской земли (terre custumarie) ut ius et here-

ditatem suam. В курию явился муж и попросил, чтобы ему позволили держать до смерти эту полувиргату («et petit ut habere et tenere possit predictam dimidiam virgatam terre cum pertinenciis ad terminum vite sue») «quasi per legem Anglie juxta consuetudinem manerii». Все обычники заявили, что такой обычай практикуется («et testatum est per omnes custumarios eiusdem ville quod talis est consuetudo usitata»), и поэтому просьба Томаса была удовлетворена, и он принес клятву верности лорду мэнора [46].

Иногда у курии возникало сомнение, применим ли этот обычай к держателям вилланских держаний, не есть ли он исключительное право свободных держателей («videtur Curie quod tenentes in nayuitate talis (sic) custuma uti nec debent habere ut liberi tenentes»). Такое сомнение возникло у курии в Plessetis (в Эссексе). Присяжные-вилланы совершенно категорически заявили, что такой обычай существует с незапамятных времен («dicunt precise quod talis est consuetudo a tempore quo non extitit momoria usitata»). Но курия этим их показанием не довольствовалась, и бидлю было велено пригласить двенадцать свободных людей, чтобы еще лучше расследовать этот вопрос («perceptum est bedello quod venire faciat XII probos etc qui nec etc ad melius inquirendum etc»). После этого было произведено расследование всей деревней («inquisicio capta per totam villatam»), которая показала, что все обычники (custumari) имеют право держать («tenere debent») per legem Angliae, как и свободные держатели [47].

На этом мы можем и кончить наш экскурс в область обычных норм, регулировавших поземельные отношения несвободного населения мэнора. И приведенных фактов вполне достаточно, чтобы всякий мог видеть, что здесь мы имеем дело с настоящими правовыми нормами, что не воля лорда, а настоящее гражданское право и настоящий гражданский процесс регулируют эти отношения, что это гражданское право признает за вилланом наследственные владельческие права на его вилланское держание, ничем не уступающие сейзине (seisina) свободного держателя, а этот гражданский процесс дает виллану в руки чисто юридические средства для защиты этих владельческих прав, этой вилланской сейзины, против всех, кто находится под юрисдикцией мэнориальной курии, а косвенно и против самого лорда, что, одним словом, внутри мэнориальной группы гражданский оборот совершается под сенью правового порядка, который ничего общаго не имеет с ничем не связанным, никаких сдержек не знающим произволом лорда мэнора и его министериалов. Мы не отрицаем, что в истории каждого мэнора могло быть не мало случаев самого грубого и бесцеремонного попирания лордом прав его вилланов. Но нарушение права говорит ли против существования права? Лорд мог удержать в своих руках вилланское держание после смерти его держателя и совершенно игнорировать права законного наследника умершего виллана. Все это было возможно так же, как было возможно английскому королю Вильгельму II Рыжему или Иоанну Безземельному бесцеремонно нарушать права своих баронов или права английской церкви. И если против захватов и насилий лорда виллан не мог найти судебной защиты, то не в лучшем положении были и бароны, страдавшие от захватов и насилий короля; и они нигде не могли найти против него судебной защиты, потому что не существовало учреждения, юрисдикции которого был бы подчинен их король, могущественный глава централизованного государства. Но значит ли это, что Англия

конца XI века или начала XIII столетия не знала никаких правовых норм? [48] Лорд мэнора был политическим главою подвластного ему населения, жившего своею правовою жизнью так же, как жило ею население английского королевства, подвластное Вильгельму II или Иоанну Безземельному, и вопрос о том, в какой мере эта правовая жизнь страдала от его неправомерных вторжений в нее, есть вопрос политический, и решение его в ту или другую сторону ничего не прибавляет к юридическому существу регулирующих эту жизнь правовых норм.

Повторяем: виллан имел наследственные владельческие права на свое вилланское держание, защитимые против всех и *косвенно даже против его собственного лорда*. Действительно, раз мы читаем, например, в протоколе мэнориальной курии, что «tota terra predicta nomine hereditario (вся земля выше названная наследственным порядком) (речь идет о вилланской земле) eidem Johanni descendere *debet* secundum consuetudinem maneri (*должна* перейти этому Джону по обычаю мэнора) (так показала «inquisitio super hoc capta per omnes custumarios de Waltham»), ideo deliberata est eidem Johanni inde seisina» (поэтому передано этому Джону владение ею), то мы имеем полное основание сказать, что постановление курии признает за вилланом *право* на его вилланское держание, в чьих бы руках в данный момент оно ни находилось, будут ли то руки не по праву (iniuste) захватившего его виллана или свободного человека, или же руки самого лорда. И в том, и в другом случае виллан *имеет право* вступить во владение принадлежащей ему землей, и если фактически ему препятствуют в этом, то и в том, и в другом случае мы имеем дело с *правонарушением* в самом серьезном и самом обычном значении этого слова. Предъявить иск к своему лорду виллан, конечно, не мог, как не мог предъявить иска к королю Иоанну Безземельному его барон или просто свободный человек (liber homo); но явиться в курию и заявить свои права на землю, которую благодаря потворству приказчика, а то и самого лорда, захватил другой виллан или свободный держатель, и добиться признания этих прав со стороны omnes sectatores curiae виллан имел полное право, и, как общее правило, результатом этого являлась передача ему его прав («ideo deliberata est ei inde seisina») на данное держание. Объявляя, что данное вилланское держание *должно* перейти к Джону, sectatores curiae не имеют в виду и не делают никаких ограничений и оговорок в пользу лорда: права Джона действительны в отношении к лорду в такой же мере, как и в отношении ко всякому, даже самому незначительному из его подданных.

Даже в той сфере, в которой, казалось бы, более всего должна бы была царить свободная воля лорда мэнора, даже в сфере повинностей вилланов, воля эта оказывается весьма серьезно ограниченной. Повинности вилланов все более и более фиксировались, и увеличить количество следуемого с виллана в пользу сеньера труда или продуктов значило посягнуть на освященный временем обычай. От времени до времени мэнориальная администрация производила с помощью присяжных расследование о повинностях несвободных и свободных держателей, и протоколы этих расследований, так называемые extenta manerii, являлись для вилланов (не говорим о свободных держателях) настоящей конституционной хартией; в них до самых мелких подробностей были обозначены все их consuetudines, которые мог требовать с них их лорд. Время шло, общие хозяйственные условия, когда-то определившие эти повинности,

постепенно видоизменялись, а вилланские земли все продолжали нести все те же seruicia debita et consueta.

Если из области гражданских правоотношений вилланов мы перейдем в сферу преступления и наказания, точнее — проступков и взысканий, то и здесь мы встретимся с фактом, который мы сейчас наблюдали: и здесь над всем господствует и все определяет не воля лорда, не его произвол, а строго юридические нормы и формы. Как и в судах общего права, дело возникает здесь или по частной жалобе, или по «представлению» (presentment) присяжных, juratores Curiae, а то и всей деревни (villata presentat), и решается в мэнориальной курии с помощью чисто юридических процессуальных средств, из которых главное — расследование через присяжных, inquisitio. Джон le Parker и жена его Роза подают в курию жалобу на Изабеллу Bost за то между прочим, что она «часто поносила их позорящими словами, облыжно обзывая его бесчестным человеком и разбойником, а Розу, его жену, непотребной женщиной, чем причинила ему, Джону, ущерба и бесчестия на 20 шилл., а то и более («quod dicta Isabella sepissimme per verba contumeliosa insultauit ipsum falsum hominem et latronem et Rosam uxorem eius meretricem false vocando ad dampnum et pudorem ipsius Johannis XX s. et amplius»). Изабелла заявила, что она ни в чем не виновата, и потребовала расследования чарез присяжных («dicit quod non est culpabilis et de hoc ponit se super inquisicionem Curie»). Джон потребовал того же («et dictus Johannes similiter»). Расследование, произведенное всей курией («inquisicio super premissis capta per totam curiam»), показало (dicit), что Изабелла действительно нанесла бесчестие Джону и его жене («quod eadem Isabella dictum Johannem et Rosam uxorem eius dispersonauit sicut ei imposuerunt»), и на этом основании курия присудила ее к штрафу в два шиллинга [49].

Если внутри мэнора жизнь виллана регулировалась строго юридическими нормами обычного права, под весьма внешним контролем сеньериальной власти, то за пределами мэнора виллан вполне подлежал юрисдикции общего права (common law): здесь, в отношениях своих ко всем людям, кроме своего лорда, он стоял совершенно на одной линии с свободным (liber homo) и с точки зрения уголовного, и с точки зрения гражданского права [50].

III

И хозяйственная, и правовая жизнь английского феодального поместья в равной, как мы видим, мере свидетельствует о том, что официальная юридическая теория, сводившая все проявления ее к свободной воле лорда, совершенно неправильно конструировала весь жизненный уклад поместья и в своем стремлении свести все к возможно более простым категориям вполне игнорировала все то, что более всего характерно для него. Гармония, которую мы наблюдали между хозяйственными интересами барского двора и крестьянской общины, во главе которой стоял лорд мэнора, не может быть объяснена односторонними хозяйственными расчетами барской экономии и возможностью свободного осуществления их с помощью хозяйственных рессурсов экономически и лично зависимых от сеньера людей. Хозяйственные интересы земледельцев-вилланов, это — не другое лишь название и не другой лишь аспект индивидуально-хозяйственных интересов сеньера в конкретной форме их осу-

ществления на материале данной конкретной хозяйственной и социальной действительности. Хозяйственная гармония между барским двором и крестьянской общиной есть *гармония между двумя хозяйственно автономными организмами*, из которых каждый сам себе ставит хозяйственные цели. Община не сливается хозяйственно с барским двором, не является как бы его продолжением, не входит, выражаясь в терминах немецкой науки, в состав дворового союза (Hofverband), дворовой общины (Hofgemeinde) сеньера. Наоборот: в своих хозяйственных интересах и в своей хозяйственной организации барский двор сам опирается на крестьянскую общину, примыкает к ней, даже входит в состав ее, как автономно существующей хозяйственной организации, и подчиняется ее хозяйственным распорядкам. И правовой строй общины никоим образом не может быть выведен из односторонней воли лорда мэнора как из своего источника. И здесь воля лорда встречает рядом с собою автономно существующий жизненный уклад, и ей остается лишь приложить к нему свой штемпель и, не посягая на его существо, заставить и его служить своим материальным интересам.

Феодальное поместье представляет собою сложный организм, в котором ясно различимы два составных элемента, два организма, своеобразно комбинированных, но от этого не утрачивающих своей индивидуальности и автономности. Чтобы понять, как возникла эта комбинация и тем уяснить себе существо своеобразной общественной формы, какую представляет собою средневековое феодальное поместье и его разновидность, английский мэнор, нельзя подходить к ней, становясь на точку зрения тех или иных экономических и юридических принципов, а необходимо изучать ее исторически, в связи с общим процессом феодализации западно-европейского общества. Нужно помнить, что феодальное поместье средневековой Европы является типическим продуктом этого процесса, представляющего собою процесс своеобразного приспособления общества к потребностям государства.

Процесс этот начался в так называемых варварских королевствах, основанных германцами на территории Римской империи, после того, как система удовлетворения основных потребностей государства с помощью натуральных государственных повинностей, возложенных на всех свободных, которой, повидимому, держалось германское государство тацитовской поры и которая на первых порах оставалась основой и варварского государства, оказывалась все более и более несостоятельной в более сложной политической и культурной обстановке этого последнего, и государству пришлось постепенно видоизменить эту систему, несколько иначе организовать деятельность общества, необходимую для существования политического целого, разделить и распределить этот труд применительно к реальным силам и средствам тех групп, на которые давно уже стало распадаться германское общество. Длинная и сложная история передвижений и связанных с ними внутренних пертурбаций, предшествовавшая окончательному утверждению германских племен на римской территории, непрерывные войны и завоевания, которыми сопровождалось основание больших разноплеменных германских государств (вспомним Хлодвига и его сыновей, основавших большую франкскую державу), а также кровавые междоусобия, которыми наполнена дальнейшая история этих государств, давно уже должны были разрушить хозяйственное и социальное равновесие, поскольку оно вообще когда-либо существовало

в германских обществах, и умножили кадры людей, выбитых из колеи обеспеченного и независимого существования, людей малоземельных и безземельных, неспособных нести нелегкие тогда обязанности гражданина и нередко неспособных сохранить и личную независимость, и рядом с ними выдвинули людей сильных, богатых землею и капиталом в элементарной форме рабов, скота и иного хозяйственного инвентаря. Большую роль в этом процессе социальной дифференциации должна была играть королевская власть, резко усилившаяся в связи с образованием больших государств (ей принадлежала и самая инициатива в деле их основания), сконцентрировавшая в своих руках огромные земельные фонды и иные хозяйственные рессурсы и, с своей стороны, распределившая их среди выдвинутой ею общественной группы, среди своих дружинников и своего служебного персонала, соответствующего уже более сложным потребностям дворцового и государственного управления. Сыграла свою роль в этом процессе и иерархически организованная церковь, быстро богатевшая не только от королевских щедрот и от благочестивых дарений других магнатов, но и от более скудных лепт простых людей.

При таких условиях требовать от всех свободных отправления натуральных государственных повинностей стало совершенно невозможным. К тому же и повинности эти в новой политической обстановке, применительно к потребностям более широкой и более сложной государственной жизни, стали гораздо тяжелее и, с своей стороны, разрушительно действовали на благосостояние среднего свободного германца и тем усиливали отмеченный нами процесс социальной дифференциации. Особенно тяжелой становилась военная повинность, требовавшая теперь участия в больших и продолжительных и, следовательно, разорительных походах, дорогого вооружения и необходимой теперь, с развитием и осложнением военной техники, профессиональной выучки. Благодаря этому она стала совершенно недоступной среднему, нормальному гражданину варварского государства, владевшему обычным земельным наделом (мансом у франков и гайдой у англо-саксов), когда-то вполне, может быть, достаточным для отправления всех лежавших на свободном человеке гражданских обязанностей. Государственной власти ничего другого не оставалось, как требовать военную повинность лишь от тех, кто мог нести ее, и сделать ее специальной функцией отдельной общественной группы и для этого организовать такую группу из наличного социального материала.

В состав ее вошли все те, кто был обеспечен доходом с такого по меньшей мере количества земли, которое признавалось достаточным обеспечением для воина, обязанного конным и оружным являться в ополчение и на свои средства содержать себя во время похода (во франкском государстве такой minimum не был строго определенной единицей и менялся в зависимости от обстоятельств, а в англо-саксонской Англии он был фиксирован и равнялся пяти старинным обычным наделам, пяти гайдам). Доход этот мог быть доходом с его собственной земли или с земли, данной ему в пользование другим собственником; но он мог быть и доходом с земли, находившейся во владении и в собственности тех землевладельцев, которые сами не могли по своей малоземельности итти в поход, но должны были на свои средства отправлять одного воина с каждой военной земельной единицы (например, с каждых пяти гайд, как это было в англо-саксонской Англии). Все эти три категории людей, обязанных лично отбывать военную повинность государству, не были уже

землевладельцами, жившими трудами рук своих. Они лишь жили трудом земледельцев, которые или были их держателями, или же вовсе не были связаны с ними узами земельной зависимости, но обязаны были по требованию государственной власти содержать их доходами с своей собственной, собственными руками возделываемой земли, чтобы они могли отправлять для них уже непосильную натуральную государственную повинность. Крестьянская масса, таким образом, постепенно освобождается от военной повинности и из воинов-земледельцев превращается в крестьянское сословие, обязанное своим трудом содержать и себя, и организованное государством военное сословие.

Таким образом, между общественными группами, на которые расчленилось общество, происходит разделение труда, необходимого для существования политического целого. Но, чтобы эта система государственного разделения труда возможно действительнее обеспечивала интересы государства, необходимо было установить более тесную и юридически более определенную связь между созданными государством сословиями. Государственной власти и в этих случаях пришлось отправляться от наличной социальной действительности, которая знала уже не одну лишь экономическую зависимость безземельного и малоземельного от богатого землей и капиталом, но и патронат сильного над слабым, хотя экономически и независимым человеком, принужденным искать защиты у сильного и отдаваться вместе с своею землею под частную власть сильного, коммендироваться ему, признавать его своим сеньером, лордом, а себя его *человеком* (homo), обязанным оказывать своему сеньеру хозяйственные и иные заслуги в возмещение той защиты, которую он, с своей стороны, обязывался оказывать ему. Союзы частного подчинения и частной власти явились заменой родовых союзов, когда-то обеспечивавших жизнь и благосостояние свободной германской массы и мало-по-малу распавшихся или оставшихся лишь тенью прошлого. Образование и развитие их не только гарантировало индивидуума от опасностей изолированного существования, но явилось серьезным рессурсом и для государственной власти, которая не имела собственных средств для обеспечения общественной безопасности и с разложением родовых союзов была совершенно бессильна охранять внутренний мир. Неудивительно, что государственная власть не только не борется с коммендацией и сеньератом, но всеми мерами способствует дальнейшему развитию этих отношений и с своей стороны делает их возможно более пригодными для обеспечения внутреннего мира и порядка, определенно возлагает на сеньеров ответственность за поведение их *людей* и для этого более тесными узами связывает с ними этих последних и наделяет сеньеров полицейскими и административными полномочиями в отношении к ним, а затем предоставляет им и судебную власть, и все другие свои прерогативы путем пожалования им так называемого иммунитета, т.-е. путем передачи в их частные руки принадлежащих королю прав политического верховенства.

Короли передавали эти свои права очень часто и вне связи с отношениями частной власти и частного подчинения, заранее созданными коммендацией. Видя в этих правах свое частное имущество, они распоряжались ими совершенно свободно и свободно передавали их в частные руки и тем, кто до тех пор мог не иметь никакого отношения к данной территории и к ее населению, и тем сразу и здесь создавали отношения, которые в других случаях возникали постепенно, путем коммендации, и получали в иммунитете лишь

свое завершение и окончательную санкцию со стороны государства. Такой раздачей в частные руки своих прав королевская власть обеспечивала не только интересы внутреннего мира, делая из сеньеров органы внутреннего управления, но и интересы внешней безопасности, передавая в руки сеньеров свои фискальные права в отношении к подвластному им населению, представлявшие собою тогда едва ли не самую ценную и осязательно понятную сторону прав политического верховенства в глазах тех, в чьих руках они находились, и тем гарантируя государству военную службу сеньеров и тех, кого они обязаны были вести с собою в поход соответственно размерам подвластной им территории. Военное сословие является, таким образом, и правящим сословием, и тем теснее была связь, соединявшая с ним уже подвластную ему крестьянскую массу, обязанную в качестве другого сословия государства содержать его своим земледельческим трудом и уже только в этой форме отбывать свою службу государству.

Передавая военному и правящему сословию свои полномочия над крестьянской массой и свое право на часть продуктов ее земледельческого труда, государственная власть не создавала этим экономической зависимости ее от сеньеров. Поскольку эта экономическая зависимость уже существовала между безземельными и малоземельными элементами ее и сеньерами, как более или менее крупными земельными собственниками и обладателями капитала, зависимость эта лишь осложнялась теперь зависимостью политической; поскольку же крестьянская масса оставалась еще экономически самостоятельной, обладала на собственном праве землей и всеми другими хозяйственными рессурсами, она, и подчинившись политической власти сеньеров и обязанная отдавать для содержания их, как военного и правящего сословия государства, часть продуктов своих крестьянских хозяйств, продолжала сохранять свою хозяйственную независимость. А в таком положении находилось еще огромное большинство крестьянства, несмотря на отмеченные уже нами успехи процесса расчленения варварского общества на экономические классы.

Продолжала крестьянская масса сохранять и весь свой хозяйственный уклад и свою исконную автономную корпоративную, общинную в широком смысле организацию. Варварская государственность и ея разновидность, феодальный режим, оставляла по существу нетронутыми исконные формы политического существования тех обществ, которые были соединены королями-завоевателями в большие государства, и лишь заставляла их служить фискальным по существу интересам верховной власти и рядом с этими исконными организациями общества, возникшими для удовлетворения основных потребностей более или менее упорядоченного общежития, сельскими общинами (деревнями) и сотенными округами, организовала свой фискально-полицейский аппарат в виде центральной и областной администрации, созданной прежде всего для удовлетворения фискальных интересов власти. Население попрежнему продолжало собираться на собрания своих сотенных округов и здесь разбирать исковые претензии своих pagenses и на сельские сходы своих деревень и здесь издавать постановления, касавшиеся самых различных сторон общинной жизни, и разбирать проступки и судебные иски своих сосельчан. Разница с прежним заключалась лишь в том, что председательствовало на этих собраниях не свое выборное должностное лицо, а чиновник короля или министериал сеньера, прежде всего блюститель связанных с юрисдикцией фискальных интересов своего господина, сборщик следуемых ему судебных доходов.

Хозяйственную независимость и хозяйственную и корпоративную автономию крестьянская масса (поскольку она и до этого была хозяйственно независима) продолжала сохранять и тогда, когда вместо продуктов собственных хозяйств или рядом с ними она давала сеньерам свой хозяйственный труд для надобностей их собственных хозяйств, когда между барским двором и крестьянской общиной устанавливалась хозяйственная связь, когда возникало феодальное поместье, как уже известная нам своеобразная хозяйственная организация. И в этих случаях — а они чем дальше, тем все более и более становились общим правилом — сеньер мог требовать от политически подвластных ему членов общины хозяйственных услуг все на том же публично-правовом основании, и в этих случаях осуществлял над политически подвластной ему крестьянской группой права, переданные верховной властью ему, как представителю одного из сословий государства в отношении к его другому служилому сословию. Он не становился от этого собственником земли, принадлежавшей в собственность этой крестьянской группе и каждому из ее членов, как не был им и король, передавший ему свои фискальные права в отношении к этой группе. От того, что эти фискальные права сеньер стал осуществлять, требуя с этой группы вместо продуктов ее хозяйственного труда самый хозяйственный труд ее членов, права эти не изменили своего публично-правового существа. Государственная власть для чисто государственных надобностей отдавала в распоряжение сеньера хозяйственные рессурсы крестьянской общины лишь в пределах, указываемых этими государственными надобностями, лишь поскольку это было необходимо для того, чтобы сеньер имел материальную возможность отправлять свои государственные повинности, как представитель военного и правящего сословия в государстве, не уменьшая этим частных прав членов общины и не изменяя хозяйственных порядков общины. Этим были определенно намечены границы хозяйственной эксплоатации основной массы крестьянского сословия, сохранявшей экономическую независимость и лишь политически зависимой от военного и правящего сословия: эксплоатация эта, как и в значительной мере оттесненная ею на задний план чисто фискальная эксплоатация, должна была давать сеньерам средства, необходимые для существования их в качестве служилого сословия государства.

Мы видим, таким образом, что феодальная организация общества, как и государственная организация эпохи варварских государств, разновидностью которой она является, представляет собою лишь поверхностную надстройку над исконным политическим, социальным и хозяйственным укладом общества, лишь приспособлением его к потребностям государства. В интересах более успешного удовлетворения этих потребностей *государственная власть создает особую социальную организацию, организует систему политически соподчиненных государственных сословий*, между которыми в форме сложной кооперации распределяет труд, необходимый для существования политического целого и для возможно более удовлетворительного его функционирования. Но этим она не устраняет той социальной организации общества, какая сложилась в нем на чисто экономической почве. На ряду с *государственными сословиями* продолжали существовать и развиваться и *экономические классы*, поскольку они могли существовать и развиваться в хозяйственной обстановке той поры. Чисто политическая зависимость крестьянства, как государственного сословия, от сеньеров, как военного и правящего сословия государства, не исключала

и не устраняла и чисто экономической зависимости далеко не незначительных элементов крестьянства, людей малоземельных или вовсе безземельных, от сеньеров, как более или менее крупных земельных собственников и обладателей хозяйственного капитала (в виде рабов, скота и т. п.), у которых они брали землю и платили за нее продуктами своего хозяйства и трудом.

Жизнь средневекового феодального общества была достаточно сложна и, как и жизнь всякого сложного общественного организма, текла и развивалась и своими автономными путями, независимыми от потребностей государства и от его властных указаний. Не следует поддаваться гипнозу понятий и под понятие «феодальный» насильственно втискивать все разнообразие жизни средневекового общества и, в частности, всякую зависимость, в нем наблюдаемую, считать феодальной зависимостью. *В средневековом обществе не все феодально. Феодальным оно является лишь одной своей стороною.* Когда мы называем средневековое общество феодальным, мы твердо должны помнить, что мы имеем при этом в виду лишь один из его аспектов, и должны тщательно отграничивать его от других его аспектов и отчетливо представлять себе его природу. *Феодальной в средневековом обществе является лишь та власть и лишь та зависимость, которая всецело и исключительно покоится на основе публичного права.* Средневековое общество является феодальным, лишь рассматриваемое со стороны созданного государственной властью особого социального строя, системы политически соподчиненных государственных сословий, и тех общественных отношений, которые органически связаны с ним и вместе с ним возникли исключительно на почве публичного права *.

IV

Вернемся к поместью. Мы уже знакомы с теми общественными и политическими условиями, среди которых оно возникло, и нам уже более понятны теперь своеобразные особенности его строя: и хозяйственная и корпоративная автономия крестьянской общины, и строго и точно ограниченные размеры хозяйственной, в тесном смысле, эксплоатации ее хозяйственных рессурсов со стороны барского двора. Мы уже знаем теперь, что в основе зависимость общины от сеньера покоится не на частном, а на публичном праве, есть зависимость не экономическая, а политическая, что, однако, не исключает существования в поместье и отношений, берущих свое начало в настоящей экономической зависимости, поскольку речь идет о тех крестьянах, которые держали землю, принадлежавшую сеньеру на праве частной собственности, как более или менее крупному землевладельцу и обладателю хозяйственного капитала. У нас уже не остается сомнений, что основная группа поместного населения была экономически вполне самостоятельна, обладала на правах наследственной собственности и землею, и всеми другими факторами производства, в хозяйственной эксплоатации их подчиняясь лишь ограничениям, налагаемым общиной, а в распоряжении ими, как своим частным имуществом, считаясь лишь

* Выяснению процесса возникновения феодального строя на Западе Европы посвящена моя книга *Очерки по истории средневекового общества и государства*, к четвертому или пятому изданию которой (Москва, 1917 и 1922 годы) и отсылаю читателя, если бы он пожелал подробнее ознакомиться с выставленными здесь точками зрения на этот процесс.

с фискальными требованиями сеньера, по юридической своей природе едва ли слишком отличными от тех фискальных ограничений, какими обставляет свободное распоряжение собственностью современное нам государство, и что хозяйственные услуги, которые эта группа оказывала барской экономии, представляют собою не арендную плату, а государственный налог, уплачиваемый натурою крестьянским сословием для содержания другого такого же государственного сословия, военного и правящего класса, не категорию частного, а категорию публичного права. Теперь мы уже имеем возможность более отчетливо выделить в средневековом поместье те его черты, которые делают его феодальным явлением, дают нам право говорить о нем, как о феодальном поместье.

Если твердо помнить, что *феодальные отношения, как таковые, всецело проникнуты публичным правом*, какие бы конкретные формы феодальная зависимость и феодальная власть ни принимала — фискальных платежей натурою или деньгами, хозяйственных услуг в виде барщины, помочей и т. п., — то не трудно будет ориентироваться среди все же сравнительно сложной социальной обстановки средневекового поместья. Мы уже не раз указывали на то, что сеньер обыкновенно являлся и более или менее крупным землевладельцем на правах собственника и имел лично и экономически зависимых от него людей, которые или жили на его барском дворе, или сидели на отведенных им из барской земли участках и платили оброк и несли барщину, а также свободных арендаторов, также, кроме уплаты оброка, работавших и на его барском дворе, и на его барском поле. Но эти отношения в такой же мере находятся вне сферы феодальных отношений, как аренда и батрачество, весьма распространенные между самими крестьянами средневекового поместья уже в очень ранние времена, всецело принадлежа к области частного права. Но этого нельзя сказать о барском хозяйстве в феодальном поместье в его целом, о той хозяйственной организации барского двора, которой был посвящен первый отдел этого очерка. Присмотримся несколько ближе к этой организации с интересующей нас в данный момент стороны, чтобы по возможности точно определить, что именно в ней может быть признано феодальным.

Барское хозяйство в феодальном поместье, как мы видели, имеет своими предпосылками, с одной стороны, самостоятельные автономные крестьянские хозяйства членов сельской общины, политическим главою которой является сеньер, лорд мэнора, а, с другой стороны, собственную землю сеньера, его terra dominica, и некоторый капитал в форме скота и другого инвентаря и рабочей силы лично или только экономически зависимых от сеньера людей. Теоретически можно представить себе барское хозяйство сеньера вне всякой связи с политически подвластной сеньеру общиной, ведущимся исключительно с помощью собственных хозяйственных средств сеньера, сейчас названных, и так организованное барское хозяйство сеньера не есть феодальное барское хозяйство; оно находится совершенно вне сферы феодальных отношений, так же, как и крестьянские хозяйства членов общины и те общинные распорядки, каким они подчиняются. Барское хозяйство сеньера, каким мы знаем его исторически, сложнее и менее самостоятельно. Оно ведется не исключительно с помощью хозяйственных средств самого сеньера. Ему оказывают хозяйственные услуги самостоятельные и автономные хозяйства членов общины, как политически подвластного сеньеру аграрного союза.

Эти-то хозяйственные услуги, оказываемые барскому хозяйству хозяйственно независимыми от барского двора крестьянскими хозяйствами членов общины *в силу одной лишь политической зависимости этих последних от сеньера, как носителя публичной власти*, и сообщают барскому хозяйству средневекового поместья феодальный характер: феодально барское хозяйство лишь постольку, поскольку оно именно на эти услуги членов общины опирается. *Публично-правовой момент* — вот что сообщает феодальный характер как средневековому барскому хозяйству, так и средневековому поместью. *Лишь то в отношениях между сеньером и общиной может быть признано феодальным, что вытекает из политической власти сеньера над общиной*, в каких бы конкретных формах — хозяйственных или чисто фискальных — эта политическая зависимость общины от сеньера ни выражалась. И сама по себе крестьянская община, являющаяся основой средневекового поместья, и как аграрный союз, и как автономная корпорация с своим правом и с своим корпоративным управлением и судом, и сам по себе барский двор, как организация собственных хозяйственных рессурсов сеньера, как более или менее крупного землевладельца, собственника своей terra dominica, находятся вне сферы феодальных отношений. Феодальной является лишь та связь — хозяйственная и фискальная, — которая возникает между этими организмами в силу политической власти собственника барского двора, сеньера, над общиной, дающей ему право на хозяйственные услуги со стороны крестьянских хозяйств членов общины и на фискальную эксплоатацию населения общины в форме судебных штрафов по приговору судебного собрания общины, пошлин при переходе из рук в руки земли и движимого имущества членов общины и иных видов прямого и косвенного обложения.

Публично-правовой, чисто феодальной природы зависимости общины от сеньера и тех хозяйственных услуг, которые оказывали барскому двору крестьянские хозяйства основной группы поместного населения, не может затемнить для нас и уже известная нам английская юридическая доктрина XIII века, признавшая вилланов сервами, в сущности, рабами, лорда мэнора, а их землю и движимость — его частной собственностью, лишь с его соизволения находящейся в их совершенно ничем не гарантированном от него пользовании.

Конструкция эта, постепенно выработанная теорией и практикой королевских судов общего права, явилась настоящим coup d'état для английского средневекового крестьянства, гораздо более сокрушительным, чем были для римского крестьянства конституции римских императоров IV и V века, создавшие юридическую крепость колонов. И конструкция эта, и эти конституции переводили на строго юридический язык жизненные отношения, сложившиеся фактически. В Риме это были экономически зависимые отношения, создавшиеся с ходом истории между постепенно обезземелившейся крестьянской массой и крупными землевладельцами и требовавшие юридического упорядочения со стороны государства, которому пришлось, спасая себя и свое дело от той бездны, куда тянуло его все более и более дававшее себя знать общее падение культуры и цивилизации, опереться в своей фискальной и полицейской организации на экономически сильный класс крупного земельного магнатства и для этого наделить его фискальными и административными полномочиями в отношении к уже экономически зависимому от него классу, а этот послед-

ний прикрепить к его земле неразрывными узами государственной крепости и таким образом созданные ходом истории экономические классы преобразовать в государственные сословия, служебные органы государства. В средневековой Англии, уже пережившей эпоху Нормандского Завоевания, это были зависимые отношения, сложившиеся с ходом феодализации еще в англо-саксонскую эпоху и благодаря Нормандскому Завоеванию принявшие более определенно выраженный характер, вполне соответствовавший потребностям организованной нормандскими королями широкой и могущественной государственности. Но в то время, как конституции Константина, Валентиниана и других императоров отнимали у колона, в сущности, лишь свободу передвижения, вечными узами (quodam aeternitatis iure) прикрепляя его к тому участку магнатской земли, на которой он сидел, и не увеличивая ни на одну иоту прав собственника земли на его рабочую силу, и, в общем, лишь переводили в сферу публичного права отношения, возникшие на почве частного права, — созданная королевскими судами общего права юридическая доктрина отдавала в полное распоряжение сеньера всего виллана и все его хозяйственные рессурсы, экспроприируя в пользу сеньера и землю виллана, и его инвентарь, и его свободу, *переводя на язык частного права покоившиеся исключительно на публично-правовом титуле права сеньера на хозяйственные рессурсы во многих местах основной массы крестьянского населения, еще сохранявшего хозяйственную независимость.*

Юридическая доктрина представила ход английского социального развития в совершенно извращенном виде, выводя земельные и другие имущественные права всякого виллана и того аграрного союза, к которому он принадлежал, из прав лорда мэнора, как собственника и самого виллана, и той земли, на которой он вел свое хозяйство. Лорд мэнора оказывался единоличным и абсолютным собственником всей земельной площади поместья, и все те, кто сидел на этой площади в качестве исконного собственника своего общинного надела и свободно пользовался своей собственной пахотной землей и общинными угодьями, лишь подчиняясь тем ограничениям, какие налагала на него община, заставлявшая его подчиняться ее общинным распорядкам, — оказались лишь держателями лорда мэнора, получившими от него свои участки в держание и пользующимися общинными угодьями лишь с разрешения его, как их собственника, и обязанными исправно отбывать за это повинности натурою (продуктами и трудом), а отчасти и деньгами, под страхом, в случае неисправности, лишиться своих прав на свой участок и связанных с ним прав на общинные угодья. Кроме права конфисковать вилланские участки, сеньер получил право брать в свои руки выморочные вилланские участки, а также получать с вилланов пошлины при переходе вилланского участка из одних рук в другие, при чем самый переход и процессуально был обставлен так, чтобы не оставалось сомнений, что собственником земли являлся сеньер, а не передающий: и передающий, и тот, кому он передавал землю, должны были явиться в курию сеньера, и здесь первый должен был передать, вернуть, землю в руки сеньеру, и этот последний (или его заместитель) передавал его новому лицу и получал от него пошлину за ввод во владение («finis pro ingressu habendo»).

Таким образом, лишь в политическом смысле зависевшие от сеньера члены сельской общины были приравнены к настоящим держателям земли, принадле-

жавшей в собственность сеньеру, как более или менее крупному землевладельцу, его домэниальной земли (terra dominica), к тем элементам поместного населения, которые по тем или иным причинам были выбиты из колеи обеспеченного существования и садились на собственную землю сеньера и платили ему арендную плату продуктами собственного хозяйства или работой на его барской запашке на ряду с его посаженными на землю рабами или вольноотпущенниками, не говоря уже о том, что во многих деревнях они и лично были приравнены к его рабам; общинные наделы вилланов были включены в состав домэна лорда мэнора, с строго юри ической точки зрения стали рассматриваться как всего лишь части его terra dominica [51].

Если применять к английским отношениям немецкую научную терминологию, то можно сказать, что Gutsherr и Grundherr отожествились, слились в лорде мэнора, что его Gutsherrschaft расширилась до Grundherrschaft, что границы между ними были стерты в противоположность тому, что мы видим, например, в средневековой Германии, где права сеньера, как Gutsherr'а, были строго отграничены от его прав, как Grundherr'а, где его собственная земля, принадлежавшая ему на частном праве, строго различалась от земли членов общины, зависевших от него лишь как от сеньера, носителя политической власти, и лишь на этом публично-правовом основании обязанных отдавать ему часть продуктов своих хозяйств и часть своего труда, несравненно менее значительную, чем та, которую он в праве был требовать от лично зависимых от него держателей его собственной земли; здесь Hofgemeinde сеньера резко отличалась от лишь политически зависимой общины лично свободных крестьян, над которой в качестве чисто внешней надстройки стояла поместная организация. *Хозяйственные рессурсы лорда мэнора были, таким образом, очень значительно расширены, как и его чисто фискальные рессурсы: в его полное распоряжение были предоставлены общим правом страны вся земля и вся рабочая сила основной массы поместного населения.* Барское хозяйство отчасти воспользовалось этими новыми рессурсами, привлекши к работе на лорда наравне с настоящими его свободными и несвободными арендаторами и всех членов деревенской общины, превращенных во многих деревнях в несвободных вилланов. Но, и весьма значительно расширив таким образом свои размеры, барское хозяйство, тем не менее, как мы видели, не разрушило ни самой общины, ни ее хозяйственных распорядков и, пожалуй, еще более тесными узами хозяйственной связи и хозяйственной зависимости связало себя с нею, оставив в полной силе ее хозяйственный уклад и даже, с своей стороны, его укрепляя.

Мы видим, таким образом, что, не взирая на неограниченные хозяйственные возможности, предоставленные общим правом лорду мэнора в отношении к хозяйственным рессурсам едва ли не всего населения поместья, хозяйственная жизнь барского двора протекала и в средневековой Англии в общем в тех же формах и в тех же рамках, что и во всяком другом феодальном поместье средневековой Европы, всецело примыкая к хозяйственным рессурсам автономных крестьянских хозяйств и всецело подчиняясь хозяйственным распорядкам общины и оставляя неприкосновенным то земельное право, которое гарантировало прочность этого хозяйственного уклада феодальной деревни и со стороны юридической.

Факт этот, как и то, что признанная абсолютной воля лорда оставляла по существу неизменными и другие распорядки общины, как автономной об-

щественной организации, как communitatis villae [52] (сельский сход, галимот. с судебными и административными функциями, выборных должностных лиц и т. п.), совершенно определенно свидетельствует о том, что весь этот строй английской средневековой деревни возник помимо воли лорда и до нее, являясь исконной формой хозяйственного и общественного существования деревни, и что лорду мэнора в своей хозяйственной и административной деятельности пришлось считаться с ним и всецело от него отправляться, как это было и в других обществах средневековой Европы, и что, следовательно, и английский мэнор в общем возник таким же образом, как и феодальные поместья остальной Европы, восприняв затем все воздействия политической эволюции Англии, как она протекала с момента Нормандского Завоевания, сообщившие ему его индивидуальные, главным образом относящиеся к его социальному строю, особенности.

В то же время факт этот свидетельствует и о том, что предоставленные общим правом лорду мэнора неограниченные хозяйственные возможности оставались неосуществленными фактически, что, и получив полную юридическую возможность совершенно свободно распоряжаться хозяйственными рессурсами деревни и совершенно игнорировать ее порядки и ее интересы, руководствуясь исключительно своими хозяйственными и фискальными расчетами, лорд мэнора оставлял, тем не менее, можно сказать, все по-старому, оставляя неприкосновенным тот modus vivendi, который давно установился в отношениях между его барским двором и общиной и был закреплен нормами обычного права поместья (consuetudo manerii). Едва ли может быть сомнение в том, что основной причиной такой конституционности лорда мэнора являлись общие хозяйственные условия той поры, ограниченность хозяйственного оборота, скромные размеры местного рынка, с которым считалась хозяйственная жизнь средневековой английской деревни вообще и барского двора в частности. По мере расширения общих хозяйственных рамок начинала колебаться и хозяйственная гармония между барским двором и сельской общиной и уступать место противоположности и борьбе классовых интересов. Но тогда наступал конец и феодальному поместью.

V

Подводя итоги изложенным наблюдениям и соображениям, мы видим, что английское феодальное поместье, мэнор, должно быть рассматриваемо в связи с двумя рядами явлений, с двумя эволюционными рядами, которые должны быть строго отграничены один от другого, хотя в исторической действительности они нередко соприкасались и обусловливали друг друга. Предшествовавшая феодализационному процессу в собственном смысле социальная дифференциация усилила, как мы видели, рост крупного землевладения, светского и церковного, королевского и частного, начавшийся очень давно, еще за пределами сколько-нибудь достоверной истории, и создала социальный материал, необходимый для хозяйственной организации более или менее крупных вотчин как в форме оброчной системы (Grundherrschaft, употребляя этот термин немецкой исторической науки в его чисто хозяйственном смысле), так и в форме барщинной системы (Gutsherrschaft), а также и в форме комбинации этих хозяйственных систем. Дворовые рабы, посаженные на землю

и платящие оброк натурой или деньгами, или несущие барщину, или же эти оба вида повинностей (servicia), свободные держатели или арендаторы, платящие оброк натурой или деньгами, а то и тем и другим (как и посаженные на землю рабы), или несущие барщину, или же комбинирующие оба вида повинностей, — таковы социальные и хозяйственные категории, характерные для крупной вотчины той поры. Если мы укажем еще на территориальную разбросанность (Streubesitz), как на типическую черту этого крупного землевладения, и на чересполосность барских участков с участками крестьянскими в каждой деревне, где только эти барские участки находились, — были ли эти участки под барской запашкой или же были отданы в руки несвободным или свободным держателям, или арендаторам, — и на обусловленную этим необходимость для них подчиняться общинным хозяйственным распорядкам деревни, то мы, в сущности, исчерпаем все существенное, что надо иметь в виду, характеризуя хозяйственный и социальный строй типической более или менее крупной вотчины до-феодальной эпохи. Остается лишь указать на то, что и в эту эпоху вотчинное хозяйство вообще, а тем более хозяйство барщинное, едва ли может быть квалифицировано как хозяйство натуральное и замкнутое, что и тогда оно едва ли было чуждо коммерческих целей и осуществляло их в меру тогдашних общих хозяйственных возможностей, едва ли ограничиваясь чисто потребительными задачами.

Процесс феодализации в собственном смысле, подготовленный предшествовавшим ему процессом социальной дифференциации с только что указанными экономическими последствиями и приведший к реорганизации государственного устройства и управления, точнее выражаясь, к восполнению его с помощью системы политически соподчиненных государственных сословий, носителей дифференцированного государственного тягла, созданных государственною властью из социального материала, подготовленного предшествовавшим процессом социальной дифференциации, не внес ничего существенного в собственно хозяйственную организацию крупной вотчины в ее морфологическом существе, но он очень усилил ее рессурсы, предоставив в ее распоряжение социальные элементы, до тех пор независимые от нее, подчинив чисто политической власти крупного землевладельца до тех пор совершенно свободных и независимых от него крестьян и введя их тем самым в сферу и его хозяйственной власти. В результате власть крупного землевладельца распространилась в очень многих случаях на всю деревню и ряд деревень, и община всей деревни (communitas totius villae, как выражаются протоколы английских вотчинных курий, Court Rolls), стала объектом и хозяйственной, а не только фискальной, его эксплоатации как носителя государственной власти, феодального сеньера.

Нормандское Завоевание и последовавшая за ним реорганизация государства, превратившая англо-саксонскую Англию в приближающееся к идеальному типу феодальное государство с сильной центральной властью и с широкими задачами и, соответственно этому, с большими требованиями, предъявляемыми им к обществу и к его рессурсам, еще более усилила власть военного и правящего государственного сословия над крестьянской массой, в результате чего во многих деревнях до тех пор свободные крестьяне, вилланы, были приравнены к крепостным сервам и наравне с лично и хозяйственно зависимыми от сеньера людьми стали служить своим трудом и своими хозяйственными рессурсами хозяйственным интересам сеньера и его барского двора. Вотчина

стала феодальным поместьем, вилланы превратились в государственное сословие сервов, крепостных, а их земля и движимость были признаны частной собственностью их лордов. Между барским двором лорда и *всей* деревней (таков едва ли не типический случай) установилась хозяйственная связь, столь характерная для *феодального* поместья, как хозяйственной организации.

Превращение вилланов в крепостных (сервов), обязанных служить своим трудом и своими хозяйственными рессурсами хозяйственным интересам сеньера и его барского двора, не могло не отразиться на общем хозяйственном строе страны в качестве тормаза ее народно-хозяйственного развития. Ограничив экономическую свободу основной для многих местностей массы крестьянского населения, территориально связав хозяйственную деятельность виллана, феодальное поместье тем наложило путы на хозяйственную жизнь и хозяйственное развитие всей страны, стеснило ее гражданский оборот, связало до тех пор свободную игру ее хозяйственных сил, поскольку она могла тогда осуществляться, *и тем создало хозяйственную базу для феодального строя и поставило преграду народно-хозяйственному развитию. Хозяйственной основой феодального государственного порядка и является стесненный хозяйственными интересами феодального поместья хозяйственный оборот, имеющий свое юридическое, правовое, соответствие в ограничении свободы крестьянской массы, экономической и личной*, в средневековой Англии приведшем к превращению во многих деревнях основной группы деревенского населения, вилланов, в крепостных, сервов, стоявшего во главе деревни феодального сеньера, лорда мэнора.

Правда, и создаваемая этим замкнутость феодального поместья, и создающая ее экономическая несвобода виллана весьма относительны. Замкнутость эта вполне совместима с денежно-хозяйственными коммерческими интересами вотчинного хозяйства, которое только условно может быть названо натуральным, *лишь поскольку оно опирается на натуральные, барщинные повинности вилланов и свободных держателей.* Что же касается экономической несвободы виллана-серва, то относительность ее становится достаточно ясной, когда мы обратим внимание на то, что экономически его свобода была ограничена лишь постольку, поскольку он был держателем земельного надела; что барщинные и всякие иные его повинности были связаны с наделом, который он держал, и ложились притом не на одного его, а на всю группу, сидевшую на наделе, иногда довольно многочисленную; что он был лишь ответствен за эти повинности перед барским двором, и что, поскольку виллан был не связан с вилланским держанием — а таких вилланов в каждой деревне было очень не мало, — он, не теряя юридической связи с мэнором и его сеньером, оставаясь крепостным виллаком данного мэнора и данного сеньера, мог свободно распоряжаться своими рабочими руками как в пределах данного поместья, так и за его пределами, в качестве ли свободного съемщика земли, или в качестве батрака у своего или у чужого сеньера, а то и у своего же брата-крестьянина и даже виллана, или в качестве деревенского ремесленника, работающего иногда на целую округу, или же качестве городского ремесленника, живущего в городе на оброке, который он должен был доставлять своему деревенскому сеньеру.

Не лишив ставшего крепостным виллана экономической свободы, а лишь ограничив ее, руководимый государством феодализационный процесс, как мы видели, не внес никаких радикальных перемен и в обычно-правовые аграрные

распорядки деревни, и в ее корпоративный уклад, в ее самоуправление. Феодальное поместье представляет собою сравнительно мирный симбиоз барского двора и деревенской корпорации с ее хозяйственными, юридическими и административными в широком смысле порядками, вызванный к жизни передачей хозяину барского двора, более или менее крупному землевладельцу, политической власти над *всей* деревней (берем для многих местностей средневековой Англии типический случай), и, хотя в условиях государственного развития средневековой Англии власть эта получала от жизни более, чем где бы то ни было, резко выраженную частно-правовую интерпретацию, превратив виллана в лично несвободного в отношении к лорду данного мэнора человека, в его крепостного, серва, а его землю и всю его движимость в частную собственность его сеньера, тем не менее долгое время она оставляла в общем неизменным и правовой, и хозяйственный уклад деревни, лишь заставляя его служить хозяйственным и фискальным интересам барского двора и иногда, в виду этого, даже принимая меры к его упрочению.

Если еще в процессе социальной дифференциации, подготовлявшем феодализм, как определенную форму государственного устройства и управления, более или менее крупная вотчина приняла вполне определенные черты характерной для нее хозяйственной организации, то, захваченная последовавшим затем процессом феодализации, как он протекал в индивидуальных условиях английского государственного развития, она превратилась в феодальное поместье, в мэнор, расширив свою хозяйственную базу, захватив в сферу политического господства крупного землевладельца, ставшего феодальным сеньером, лордом мэнора, широкие массы свободного крестьянства и предоставив их и их хозяйственные рессурсы в распоряжение барского двора, приравняв многих из них к крепостным, к сервам, и создав таким образом тот симбиоз барского двора и деревни, который так характерен для хозяйственной структуры мэнора. Феодализм, таким образом, наложил свою печать и на хозяйственный, и на социальный облик крупного поместья и тем конституировал его как свою хозяйственную базу, создав тем самым условия, ограничивавшие территориально экономическую свободу крестьянской массы и тем стеснявшие свободу гражданского и, в частности, хозяйственного оборота общества и тормозившие его эволюцию в направлении к расширению общих хозяйственных связей, к развитию народного хозяйства.

Хозяйственной базой феодального государства является, таким образом, феодальное поместье с характерной для него хозяйственной структурой в форме комбинации барского двора и деревни, во главе которой стоит феодальный сеньер, осуществляющий свою политическую власть над ее населением, заставляя служить его и его хозяйственные рессурсы и интересам своего барского хозяйства, опирающегося, таким образом, на натуральные повинности крестьянских хозяйств деревни. *Разложение хозяйственной структуры феодального поместья, как это последнее окончательно сложилось в процессе феодализации поместья в связи с общим процессом феодализации Англии, — и не одной Англии, — есть разложение хозяйственной базы феодального государства, есть расширение хозяйственных связей страны, устранение стеснений, ограничивавших общий хозяйственный оборот в стране, тормазов ее народно-хозяйственного развития, есть снятие пут с экономической свободы крестьянской массы и в конце концов и ее освобождение от уз личной несвободы, личной крепости,*

поскольку она процессом феодализации, сделавшим феодальным поместье и его хозяйственную структуру, была превращена в лично несвободных вилланов.

Ликвидация феодального строя была ликвидацией созданной государством системы политически соподчиненных государственных сословий. В средневековой Англии с ее сильной государственной властью, никогда (за исключением смутной поры Стефана и Матильды) не терявшей господства над созданным ею феодальным аппаратом, ликвидация эта совершалась более, так сказать, членораздельно и более решительным и быстрым темпом, чем на континенте Европы. Она производилась здесь сознательно и планомерно государственной властью по мере того, как выяснялись для этой последней неудобства той или иной стороны феодального аппарата и возможность передать те или иные его функции органам все осложнявшегося центрального и местного управления. Вспомним судебную реформу Генриха II Плантагенета, так сильно урезавшую юрисдикцию феодальных курий и расширившую королевскую юрисдикцию с ее разъездными судьями и институтом присяжных в гражданских и уголовных делах; вспомним его военную реформу с ее *Ассизой о вооружении* (Assisa de Armis habendis in Anglia), реорганизовавшей народное ополчение, оттеснившее на задний план рыцарское, феодальное, войско; вспомним все учащавшуюся практику замены военной службы рыцарей денежными платежами, так называемыми щитовыми деньгами (scutagia), превратившей постепенно рыцарей в мирных сельских дворян (gentry), занятых своим хозяйством и всецело поглощенных местными интересами; не забудем и законодательных и административных мероприятий «английского Юстиниана», короля Эдуарда I, с его *Placita de Quo Warranto*, явившимися результатом произведенной по его повелению ревизии прав и привилегий феодальных магнатов, с его статутом *Quia Emptores*, поставившим преграду субъинфеодации и тем еще более усилившим власть короля над феодальным миром страны *.

В результате всех этих мероприятий военное и правящее государственное сословие Англии постепенно опять превращалось в экономический класс крупных землевладельцев, утрачивая постепенно свой феодальный облик, но от этого не теряя своего социального веса, сильно увеличившегося, как мы видели, за время его феодальной службы, а также и политического значения, но уже осуществляемого в ином политическом контексте и в иных ролях.

Параллельно этой ликвидации феодального строя сверху, сознательно и планомерно проводившейся государственной властью, шел процесс разрушения его снизу, стихийный, гетерогенный, чисто экономический процесс, процесс расширения хозяйственных связей в стране в народно-хозяйственном направлении, разрушавший основу хозяйственной структуры феодального поместья, тесную хозяйственную связь (и зависимость) барского двора феодального сеньера и деревни, политически ему подвластной, а тем самым и общую хозяйственную базу феодального общества и государства. Эта чисто экономическая эволюция вела неизбежно к ликвидации низшего слоя организованного

* Обо всем этом я подробно говорю в моих Очерках из истории английского государства и общества в средние века. Изд. 2-е. (Брокгауз-Эфрон) СПБ. 1909.

государством в систему политически соподчиненных государственных сословий общества, к ликвидации закрепощенного за верхним его слоем вилланства, хозяйственная роль которого, как феодального сословия, кончалась с разрывом хозяйственной связи между барским двором и деревней, вела к освобождению вилланов и превращению их из закрепощенного за сеньерами в процессе феодализации государственного, феодального, сословия в экономический класс мелких землевладельцев и земледельцев, много, как мы видели, потерявших за время своей феодальной службы. К изучению этой экономической и социальной стороны процесса разложения феодального строя средневековой Англии, к выяснению эволюции хозяйственного и социального строя английского средневекового поместья мы и обратимся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ МЭНОРИАЛЬНОГО СТРОЯ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА

Только находясь под гипнозом натурально-хозяйственной концепции средневековой культуры, так долго господствовавшей в западно-европейской историографии, можно было не замечать фактов, многочисленных, нередко общеизвестных, с полной определенностью свидетельствующих о том, что ни в одну из известных нам эпох своей истории средневековая Европа не была тем, чем ее изображали и изображают творцы и приверженцы названной концепции, склонные представлять ее сплошь покрытой, «как в первый день творения» [1], густой сетью замкнутых, самодовлеющих, почти не ведающих обмена и его денежного орудия хозяйственных организаций.

Не являлась исключением и Англия.

Англо-саксонская эпоха уже хорошо знала денежное обращение и обложение: вспомним Danegeld, датские деньги, уже при Кануте превратившиеся из экстренного сбора для военных надобностей в постоянный налог, реорганизованный потом Вильгельмом Завоевателем и поставленный им на твердую почву тщательно разработанного поземельного кадастра *(Domesday Book)*. И англо-саксонские глафорды (сеньеры) получали деньгами часть следуемых им поступлений с зависимых от них людей. Об этом совершенно определенно говорят и сама *Книга Страшного Суда*, и более ранний памятник *Rectitudines Singularum Personarum*. В этом последнем лично и экономически зависимый от глафорда gebur не только работает на глафорда два или три дня в неделю и дает ему оброк ячменем, овцами и домашней птицей, но и платит ему деньги [2]. В *Книге Страшного Суда* денежные платежи зависимого крестьянства выступают еще отчетливее. За право выпаса своих свиней в господском лесу, например, вилланы платят или натурой (одну свинью с каждых семи свиней), или деньгами [3]; берет с них сеньер деньги и вместо рыбы и быков, которых они должны в том или ином случае давать ему [4]; а добровольные (в теории) подарки, которые он получает с своих держателей под названием gersuma или tailla, всегда поступают ему в виде денег [5]. Нередко и свои основные платежи вилланы вносят деньгами, которые иногда составляют очень солидные по тому времени суммы. Так, в Leominster'e вилланы (их в этом огромном мэноре 238 человек) вспахивают и засевают сеньеру 140 акров и платят ему более 11 фунтов стерлингов деньгами [6], а в Lewisham'e, в Кенте, оброк (gafol) с крестьян дает 8 фунт. 12 шилл. [7]. В некоторых графствах среди крестьян встречаются

даже большие группы censarii, censores (чиншевиков), gablatores (оброчников), которые платят за свою землю исключительно деньгами [8]. *Книга Страшного Суда*, изображающая, как известно, не только Англию Вильгельма Завоевателя, но и Англию Эдуарда Исповедника, дает совершенно определенные указания на то, что как барское, так и крестьянское хозяйство и той эпохи, и более ранней уже считалось с местным рынком и имело его в виду.

Правда, общий склад поместной жизни, несомненно, заключал в себе много натурально-хозяйственного. Ведь барское хозяйство имело тогда своим базисом натуральные повинности зависимых крестьян, и среди статей сеньериального дохода находились натуральные платежи тех же крестьян. В *этом, и только в этом*, смысле барское хозяйство являлось тогда, как и долго потом, натурально-хозяйственной организацией, которая нисколько не теряла своего натурально-хозяйственного существа оттого, что ей далеко не чужды были интересы денежного, менового характера, что оно вовсе не ставило себе чисто потребительных целей, но в той или иной мере входило в систему глазным образом местного обмена.

Это *совмещение в поместном барском хозяйстве натурально-хозяйственной организации и денежно-хозяйственных функций* является характерной особенностью средневекового поместья, и мы находим ее и в английском мэноре во все периоды существования его как феодального поместья. Мы особенно подчеркиваем эту характерную черту средневекового поместного строя, потому что, только вполне отчетливо представив ее себе, мы можем правильно оценить роль натурального хозяйства в средневековых отношениях, так неумеренно преувеличенную и искаженную творцами и приверженцами так называемой «вотчинной теории» (hofrechtliche Theorie), и, в частности, отвести ему надлежащее место и в жизни средневековой феодальной деревни. Барское хозяйство феодальной поры является натуральным хозяйством не столько по своим функциям, *сколько по своей конструкции*, органически связанной, как мы видели, с генезисом всего феодального строя. Как это мы видим на английском мэноре классической поры английского феодализма, барское хозяйство феодального поместья могло по своим *функциям* уйти довольно далеко по пути денежного, менового хозяйства и все же оставаться по своей *конструкции* натуральным хозяйством, т.-е. опираться на натуральные повинности зависимого населения и на его хозяйственные рессурсы и не выходить из рамок освященной обычаем хозяйственной организации. До поры, до времени расширение денежно-хозяйственных функций барского хозяйства было возможно без заметного потрясения его натурально-хозяйственной организации, а также без разрушения хозяйственной гармонии между барским двором и сельской общиной, к которой он примыкал и на которую опирался. Но чем больше развивалось денежное хозяйство в стране и чем шире становились денежно-хозяйственные перспективы, открывавшиеся перед барским хозяйством, тем все более и более разрушались и натурально-хозяйственная основа барского хозяйства, и хозяйственная гармония сельской общины и барского двора, а вместе с ними уходило в прошлое и само феодальное поместье.

Развитие денежного хозяйства в Англии совершалось в общем так же, как и в других странах, т.-е. в результате естественного перехода от более простых форм хозяйственной жизни к формам более сложным, удовлетворявшим более сложные общественные потребности. Рост населения, постепенное

обособление занятий, приводившее к выделению из общей земледельческой массы общественных групп, занятых разными видами ремесла, вызванное этим постепенное обособление города от деревни и развитие между ними обмена, наконец, все развивавшиеся зачатки внешней торговли, — все эти явления, характеризующие хозяйственную эволюцию всякого человеческого общества, присущи и Англии.

Как и в других странах, и в Англии развитие государственности оказало большое влияние на экономический процесс, развивавшийся в указанном направлении, особенно после Нормандского Завоевания, которое, как известно, сыграло огромную роль в политической эволюции Англии, окончательно остановив процесс политического раздробления Англии, делавший значительные успехи в англо-саксонский период, укрепив центральную власть и дав ей возможность приняться за постановку и за разрешение таких государственных задач, которые были совершенно немыслимы в тогдашней Франции или Германии, представлявших собою конгломераты слабо сцепленных самостоятельных политических тел. Достаточно назвать такие факты, как Великая Перепись 1086 года, судебная реформа Генриха II, Сотенные Свитки (Rotuli Hundredorum) Эдуарда I, чтобы сразу стала ясна вся широта политической арены Вильгельма Завоевателя и его преемников. Развитие фискальной, полицейской и судебной власти английских королей, ставшее возможным с момента завоевания, сплотило Англию в единый политический организм, в той или иной мере обеспечило ей общественную безопасность, отсутствие которой всегда является тормазом для хозяйственного развития общества. Но одним устранением препятствий, стоявших на пути хозяйственного развития Англии, не ограничивается экономическое значение роста английской государственности. Предъявляя обществу целый ряд фискальных требований — вспомним, например, *датские деньги* (Danegeld), превратившиеся при Вильгельме в постоянный налог, вспомним *щитовые деньги* (scutage), которые стал брать Генрих II со своих вассалов взамен военной повинности, — государство, несомненно, стимулировало экономический процесс, ускоряло развитие денежного хозяйства, приспособляя таким образом общественное развитие к своим несколько опередившим его, благодаря чисто внешнему факту завоевания, потребностям. Но и этим не исчерпывались экономические результаты Нормандского Завоевания: завоевание поставило Англию в тесную связь с континентом через посредство Нормандии и южных французских провинций, и это не могло не послужить толчком к дальнейшему развитию в ней денежного хозяйства.

I

Развитие денежного хозяйства в стране, открывая перед барским хозяйством лорда мэнора все более и более широкие денежно-хозяйственные перспективы, стало мало-по-малу отражаться и на самой организации барского хозяйства, вызывая в ней ряд изменений, которые в свою очередь отразились на всем строе мэнора и привели к полному его перерождению [9]. Первою и самою основною из таких перемен была замена натуральных повинностей вилланов и державших вилланскую землю денежными платежами, так называемая *коммутация* [10].

В нашу задачу не входит полная история коммутации; нас интересует она лишь как один из элементов мэнориальной эволюции, насколько эта последняя успела развиться ко второй и во второй половине XIV века. Поэтому внешняя ее история не займет много места в нашем изложении; внимание наше будет сосредоточено на ее внутренней, так сказать, истории; мы попытаемся по возможности конкретно представить общую картину тех результатов, к каким привело более широкое и более глубокое проникновение денежного хозяйства во внутренние отношения мэнориальной группы, прежде всего обнаружившееся в замене барщины вилланов денежными платежами.

Все развивавшиеся культурные потребности сеньеров, с одной стороны, и не прекращавшийся рост фискальных требований государства, от времени до времени налагавшего на сеньеров и их земли крупные денежные суммы под тем или иным наименованием, с другой стороны, несомненно, должны были способствовать переводу на деньги натуральных повинностей вилланов и других держателей.

К замене барщины денежными взносами могли склонять лорда и чисто хозяйственные соображения такого, например, порядка. Как общее правило, виллан, державший полный надел, виргату, должен был работать на лорда по три дня в неделю от Михайлова дня (29 сент.) до праздника Петра в веригах (Gula Augusti, 1 авг.) и по пяти дней еженедельно между 1 августа и 29 сентября; держатели половинных наделов, четвертей виргаты и т. д. работали вдвое, вчетверо и т. д. меньше. Эта была барщина в собственном смысле, так называемая «недельная работа» (week-work). Кроме того, дней пятнадцать в году, как раз в страдную пору, держатель полного надела (держатель половинного, четвертного и т. д. надела соответственно меньше) выходил на «помочи» («boon-works», «opera precaria»). Дни, когда виллан должен был являться для отбывания своей барщины, обыкновенно были определены самым точным образом. Но на эти дни мог приходиться тот или другой праздник (а в католической Англии их было очень не мало); могла случиться и дурная погода, делавшая совершенно невозможною работу на поле сеньера. Перенести барщину на другой какой-нибудь, более удобный для него, день лорд едва ли мог всегда и без всяких осложнений. Это обстоятельство, с своей стороны, могло создавать для лордов мэноров серьезный мотив к замене барщины вилланов и других обычных держателей (custumarii, consuetudinarii) наемной рабочей силой, в пользовании которой они были бы более свободны, с помощью которой они могли бы достигать более удовлетворительных хозяйственных результатов, и тем самым вело к коммутации.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что неудобства старого, натурально-хозяйственного порядка могли становиться чувствительными для барской экономии лишь тогда, когда в барском хозяйстве все сильнее и сильнее стали развиваться коммерческие интересы, и раньше игравшие в нем едва ли не определяющую роль. До поры, до времени неудобства эти могли не давать себя знать сколько-нибудь серьезным образом. Иное дело, когда для лорда стало важно, чтобы его хозяйство давало maximum того количества продуктов, какое только оно могло дать, не посягая на освященные обычаем хозяйственные и социальные основы мэнориального строя. Теперь в его интересах было свести до minimum'а все те условия, какие стояли на пути к успешному достижению им этой цели. Перевод барщины вилланов на деньги и устранял

одно из таких тормазивших иногда хозяйственную деятельность лорда условий, позволяя ему заменить иногда крайне неуклюжее хозяйственное средство более удобным, подвижным и более приспособленным к новым, более широким и сложным хозяйственным задачам, — факт, находящий себе параллель в другой сфере общественной жизни той эпохи, когда ограниченная определенным сроком военная повинность вассалов короля, его военных держателей, ставшая весьма неудобным военным средством при осложнении (особенно с Генриха II) международных отношений, была заменяема нередко денежными платежами, так называемыми *щитовыми деньгами* (scutage), на которые король мог напимать вполне находившиеся в его распоряжении военные отряды.

Говоря, что ликвидация барщины могла являться устранением одного из условий, тормазивших развитие барского хозяйства в связи со все расширявшимися коммерческими перспективами, мы вовсе не думаем утверждать, что барщина, как таковая, представляет собою хозяйственную систему, вообще несовместимую с более широкими и сложными хозяйственными задачами и мыслимую лишь в связи с чисто потребительными задачами хозяйства. Мы уже достаточно определенно высказывались об истинном характере средневекового поместного хозяйства, опиравшегося на натуральные повинности зависимого крестьянства и в то же время ставившего себе денежно-хозяйственные цели, чтобы могла быть речь о барщине, как об основе едва ли когда-либо существовавшего в средневековой Европе безобменного, натурального в собственном смысле хозяйства, и нам еще придется говорить о попытках восстановить уже переведенную было на деньги барщину виллапов для надобностей очень далеко ушедшего вперед в денежно-хозяйственном направлении поместного хозяйства. Из истории как западной, так и восточной Европы известно не мало случаев развития барщинного хозяйства, а иногда и крепостного права, как раз в связи с развитием денежного хозяйства в стране: вспомним рост крепостного права среди крестьянского населения в восточных провинциях Пруссии в XVI веке [11], развитие крепостного хозяйства в России в XVIII и XIX веке [12]. И в средневековой Европе и, в частности, в Англии переход от оброчной системы к барщинной бывал нередко средством интенсификации поместного хозяйства [13]. Нам представляется весьма вероятным, что самый факт появления в поместье барского хозяйства, опирающегося на барщинные повинности зависимого крестьянства, является совершенно недвусмысленным свидетельством того, что поместная экономия определенно становилась на почву коммерческих интересов, определенно выдвигала их на первый план, на котором они могли еще не стоять при господстве оброчной системы, и для этого вполне сознательно организовала поместное хозяйство как хозяйство-предприятие, рассчитанное на местный, по крайней мере, рынок, а иногда и на весьма отдаленный. Являясь при известной комбинации условий средством интенсификации поместного хозяйства, при другой их комбинации барщинная система могла являться тормазом ее. Но ни в том, ни в другом случае в связи с ней не может быть и речи о так называемом натуральном хозяйстве.

Что касается виллапов, то выкуп барщины был для них равносилен фактическому освобождению, уничтожая самую основу их несвободного положения. работу в хозяйстве лорда мэнора, и поэтому мог встретить с их стороны лишь полное сочувствие, вполне соответствуя и их собственным инте-

ресам, давая им возможность находить для своего становившегося таким образом свободным труда более производительное применение в условиях все развивавшегося денежного хозяйства. Коммутация в значительной мере развязывала руки как лорду мэнора, так и вилланам, освобождая как барское, так и вилланское хозяйство от связывавших их пут взаимной зависимости. Не следует только выдвигать в этом процессе идеологический момент и представлять дело так, что перед умственным взором виллана всегда носился отвлеченный идеал свободы и он жадно ловил всякий случай, чтобы стряхнуть с себя ярмо барщинной неволи, какие бы жертвы ему ни пришлось для этого принести. Жизнь виллана направлялась более конкретными и более прозаическими мотивами, и только в очень тревожные моменты общего морального подъема, вызывавшегося сильным общественным брожением, серые будни его мелочной хозяйственной возни озарялись ярким светом отвлеченной мысли о естественной свободе человека, созданного «по образу и подобию божьему», и о нечестии тех, кто посягнул на эту свободу, и он со всем пылом религиозного увлечения устремлялся в борьбу за осуществление этого идеала. Движение к коммутации *по своим результатам* было, несомненно, движением к свободе. Но это был чисто материальный, хозяйственный процесс, участники которого руководствовались лишь весьма конкретными соображениями об удобстве или выгоде такой, а не иной формы материальных отношений, и отвлеченно-эмансипационный элемент при этом был так же далек от мысли вилланов, как и от мысли лордов. Неудивительно поэтому, что в источниках мы встречаем случаи, когда вилланы не только не радовались своему переводу на денежный оброк, но даже видели в этом притеснение со стороны лорда или мэнориальной администрации. В одном мэноре, например, староста (reeve) жаловался на обиду, которую ему нанесли трое крестьян этого мэнора; обида состояла в том, что они, между прочим, говорили, будто он брал взятки с богатых, чтобы не переводить их на денежный оброк, и переводил на оброк бедных («quod cepisse debuit munera de divitibus ne essent censuarii et pauperes ad censum posuisse debuit») [14]. Такие случаи могли быть нередки особенно в более раннее время, когда денежное хозяйство еще сравнительно мало отразилось на жизни виллана, когда для виллана было гораздо труднее добыть для сеньера самую небольшую сумму денег, чем самым пунктуальным образом отбыть все свои araturae, averagia и manuoperationes. К тому же тогда еще не могло быть выработано никаких определенных норм денежных платежей, и эта неопределенность должна была тяжело отзываться на имущественном положении виллана. Не существовало тогда, да и долгое время потом, и определенности в смысле фиксирования того или другого порядка: в этом году лорд брал с виллана деньги вместо барщины, а в следующем году он мог опять потребовать с него araturae, averagia и manuoperationes во всей их полноте и разнообразии. В источниках мы часто находим фразы в роде следующей: «Item, si dominus velit, ut operentur, sicut et ipsi de Wychentone operari debent» (если лорд хочет, чтобы они работали, они должны работать, как и те, что в Wychenton'e) [15]; или: «Si autem dominus voluerit, potest opera sua ad censum ponere» (если же лорд пожелает, может свои рабочие повинности перевести на денежный чинш) [16]; или: «ad voluntatem domini possunt opera poni ad censum» (по воле лорда рабочие повинности могут быть переведены на денежный чинш) [17]. Лишь постепенно денежные платежи превра-

щались в *reddilus assisus*, получали неизменную определенность в размере и бесповоротность и приобретали прочный характер освященной обычаем нормы, связывавшей «волю» лорда с не меньшей силой, чем всякий другой consuetudo manerii, нарушение которого со стороны лорда рассматривалось вилланами как насилие и произвол. Время шло и несло с собою дальнейшую эволюцию общих хозяйственных условий, количество денег в стране все увеличивалось, и сообразно с этим уменьшалась их меновая стоимость, а reddilus assisus все стоял на прежней цифре, все более и более терявшей свое реальное значение, которое она имела в тот момент, когда лорд по тем или иным мотивам «помочи и барщину своих держателей... заменил денежными фирмами» [18].

На землях короля и других светских лордов коммутация началась и развивалась раньше, чем в мэнорах, принадлежавших духовным корпорациям.

Королевский домэн всегда являлся одним из главных источников правительственных средств; неудивительно поэтому, что когда государство, уже в англо-саксонскую эпоху удовлетворявшее очень важные свои потребности денежно-хозяйственным способом (вспомним *датские деньги*), с Вильгельма Завоевателя заложило прочные и широкие основы настоящего государственного денежного хозяйства (вспомним *Книгу Страшного Суда*), то это прежде всего должно было отразиться на домэне, который не переставал сохранять свое государственно-хозяйственное значение и после того, как правительство перешло уж к настоящей финансовой системе с ее налогами на землю и на движимость населения.

Политические факторы, ускорявшие коммутацию на королевском домэне, несомненно должны были действовать и привести к тем же результатам и в обширных владениях крупных светских баронов, которые представляли собою во многих отношениях настоящие политические тела и во всяком случае давали место настолько широкой и сложной деятельности по управлению, ими, что старая система натуральных повинностей уже рано должна была являться серьезным для нее тормазом и при первой возможности должна была сменяться денежными платежами. Не малую роль сыграли здесь, в частности, военная деятельность баронов, постоянные походы как с королем, так и против короля, как внутрь страны, так и за море, которыми полна политическая история средневековой Англии с самых первых дней утверждения нормандской династии на престоле англо-саксонских королей. Борьба баронов с королем не прекращалась до тех пор, пока возникший в шуме битв парламент не окреп и не стал ареной, на которой могли меряться силой все элементы английского общества, обузданные и введенные в рамки широкой и свободной государственности. Но не успело наступить это общее внутреннее замирение, как началась вековая борьба с континентальным соседом, отношения с которым и в прежнее время очень нередко переходили в открытую войну, играя видную роль как во внешней, так и во внутренней истории английского общества и государства. Таким образом, английскому барону с самого момента завоевания пришлось вступить в такие условия, которые делали войну его обычной атмосферой. Это, конечно, не могло не отразиться на хозяйственных порядках в его владениях, не могло не действовать ускоряющим образом на процесс перехода от натуральной системы к денежной, при которой только и возможно было удовлетворение почти не прекращавшейся и часто захватывавшей врасплох потребности барона в более или менее крупных суммах на военные нужды.

Жизнь духовных корпораций текла сравнительно более медленным темпом. Тем не менее и на их землях уже в XII веке коммутация сделала значительные успехи, как это видно из дошедших до нас писцовых книг некоторых монастырей. В Бертонском, например, аббатстве уже в царствование Генриха I, т.-е. в первой половине столетия, выкупившие свои повинности вилланы, так наз. *молмены* (molmen), выделились уже в особую группу, и земля во всех поместьях аббатства уже делилась на домэн, на землю ad opus и землю ad malam [19]. Составленная в 1185 году писцовая книга ордена храмовников, изображающая хозяйственные порядки в английских владениях ордена, представляет собою скорее ренталь, чем кустумарий: денежные платежи вилланов занимают в ней главное место, обычные же их натуральные повинности играют уже, как оказывается, второстепенную роль [20]. Денежный оброк — весьма обычное явление и на землях Гластонбэрийского монастыря к концу того же столетия [21].

Переходя к классической эпохе в истории английского феодального поместья, к XIII веку, мы повсюду уже находим двойственность в качестве отличительной черты господствующей хозяйственной системы. Виллан, отбывающий все свои натуральные повинности, — чрезвычайно редкое явление для этой эпохи. Без преувеличения можно сказать, что в кустумариях, составленных в это время, не найдется ни одного виллана, та или другая часть барщины которого не была бы переведена на деньги. Это сразу бросается в глаза при чтении любого картулария названного столетия [22]. Об успехах, сделанных к половине столетия денежным хозяйством вообще и коммутацией в частности, красноречиво свидетельствует и такой факт, как появление как раз к этому времени так называемых *Ministers' Accounts*, отчетов, которые должны были представлять лордам или их сенешалам приказчики, стоявшие во главе барского хозяйства в каждом мэноре. Приказчичий отчет, это — прежде всего отчет о денежных расходах и денежных доходах каждого поместья и в том числе и о доходах, поступавших в качестве redditus assisus вилланов, который они платили теперь взамен весьма значительной части своих натуральных повинностей. Redditus assisus стал теперь неизбежной рубрикой в списке повинностей каждого виллана, и рядом с ним появлялось все большее и большее количество других, более мелких денежных платежей, постепенно заменявших то ту, то другую специальную повинность виллана, состояла ли она в обязанности его давать сеньеру свой труд, или же в доставлении сеньеру по тому или иному поводу тех или иных продуктов своего труда.

Весьма конкретную картину хозяйственных порядков сельской Англии к концу столетия дают нам *Сотенные Свитки* (Rotuli Hundredorum). В этом богатейшем источнике для социальной истории средневековой Англии, каким едва ли может похвалиться история какого-либо другого европейского государства, мы, конечно, находим массу данных и для истории коммутации. Входить в детали мы не будем. Укажем лишь самые общие результаты, к каким привело нас изучение этого источника с интересующей нас в данный момент стороны. В *Сотенных Свитках* мы можем констатировать процесс коммутации на всех трех главных стадиях его и в самых разнообразных вариациях. С одной стороны, мы находим не мало случаев, когда лорд еще вовсе не установил в своем мэноре определенного денежно-хозяйственного порядка: в данном году он требует с вилланов всех их барщинных повинностей, а в следующем та или иная часть их может оказаться ненужной для него,

и он заменит ее денежными взносами [23]. С другой стороны, едва ли не в большем числе случаев денежные платежи являются уже обычной заменой барщины или главной ее части, но при этом делается оговорка, что лорд сохраняет за собою право опять перейти к натуральным повинностям [24]. Наконец, в некоторых случаях (например, в сотне Stodfoid'ской и в сотне Muta в Бэккингэмском графстве) [25] денежные платежи вместо натуральных повинностей или главной их части превратились для виллана в такой же consuetudo manerii, каким являлся наследственный порядок владения вилланской землей, уплата гериэта наследником умершего виллана и т. п. Во многих случаях указан денежный эквивалент натуральных повинностей на случай, если вместо них будут брать деньги («quando taxantur») (например, в описании Bampton'ской и Thame'ской сотен Оксфордского графства) [26]. Во всех мэнорах Бедфордского графства вилланы дают деньги «vel opera ad valorem» (или барщину соответственной ценности) [27]. Не следует при этом упускать из вида, что не все денежные платежи вилланов — обязательно результат коммутации, что во многих случаях они могли быть их исконными повинностями [28].

XIV век с его Столетнею войною, потребовавшей такого напряжения материальных сил английского общества, с его успехами в области торговли и промышленности, мог лишь ускорить так энергично развивавшийся к концу предшествующего столетия процесс замены натурально-хозяйственных отношений денежными. Рабочее законодательство Эдуарда III, как мы потом увидим, не оставляет в этом ни малейшего сомнения. И Ордоннанс, изданный в 1349 году, и подтверждающий и дополняющий его Статут 1350—1351 года вполне определенно указывают на то, что еще до чумы 1348 года барское хозяйство во многих поместьях велось уже главным образом с помощью наемного труда, заменившего обычные повинности вилланов, когда-то составлявшие едва ли не основной капитал мэнориальной экономии. Внимательно изучая текст рабочего Ордоннанса и Статута и их дополнений в связи со свидетельствами современных хроникеров, нельзя не прийти к совершенно, на наш взгляд, бесспорному заключению (к такому заключению привело нас тщательное исследование названных источников), что не Черная смерть, унесшая массу вилланов, создала потребность лордов мэноров в наемных рабочих руках; что она лишь усилила эту потребность, уже и до того ставшую, так сказать, их нормальною потребностью, а главное, вызвала вздорожание этих наемных рук, в прежнее время довольствовавшихся более скромным вознаграждением; что наемные руки и до Черной смерти в общем были необходимы для всех сельских работ — и для выпалывания сорных трав, и для уборки сена, и для жатвы, и для молотьбы, не говоря уже о рабочих, живших во дворе лорда, нанимавшихся на целый год или на определенную часть года для исполнения обязанностей пахаря, погонщика при плуге, возчика, пастуха и т. п.; что Черная смерть лишь развила в них «коварство и жадность», сделавшие их почти совершенно недоступными для среднего лорда, который благодаря чуме лишился денежных платежей очень многих из своих вилланов-держателей, да и без того в большинстве случаев никогда не обладал сколько-нибудь значительными денежными средствами. Изучение мэнориальных документов — именно *Court Rolls* и в особенности *Ministers' Accounts* первой половины XIV века — дает этим выводам конкретное подтверждение.

Конечно, процесс коммутации, как и все другие стороны общественной эволюции, развивался не равномерно и не одновременно во всех частях территории средневековой Англии, в зависимости от местных условий, от индивидуальных особенностей того или иного района и того или иного поместья, исторических, экономических, географических, и в одних местностях едва ли не все барщинные повинности крестьян были переведены на деньги, и барское хозяйство велось уже с помощью едва ли не исключительно наемного труда или было вовсе ликвидировано, и домэн был сдан лордом в аренду целикэм или отдельными участками своим крестьянам (всему селу или отдельным съемщикам, нередко из разбогатевших кулаков, нередко вилланов, иногда побывавших в приказчиках этого же поместья), в других еще продолжала сохраняться старая барщинная система почти что в неприкосновенности, и если в отчетах приказчиков (Ministers' Accounts) мэноров этих местностей встречается рубрика *Продажа барщин* (*Venditio Operum*), то она совсем не равнозначаща с рубрикой *Redditus Assisus* (определенные и более или менее неизменные денежные платежи) и лишь свидетельствует о том, что лорд мэнора в данном году переводил на деньги оказавшиеся по той или иной причине ненужными для него в данном году те или иные барщинные повинности тех или иных держателей, оставляя за собою никем не оспариваемое право опять потребовать их, как только они ему опять понадобятся. Судить об общих успехах коммутации к концу первой половины XIV столетия можно лишь на основании массового изучения этого процесса и притом в самых различных частях Англии и в самых различных вотчинах, как в светских, так и церковных, как королевских, так и частных. Такому изучению коммутации посвящена работа Грэя — *Комм тация вилланских служб в Англии до Черной смерти* (H. L. Gray. *The Commutation of Villein Services in England before the Black Death*), напечатанная в октябрьской книжке *English Historical Review* 1914 года. Грэй исследовал материал так называемых *Inquisitiones Post Mortim*, относящихся к 521 мэнору, расположенным во всех графствах Англии и принадлежащих светских собственникам, а также материал Ministers' Accounts и Court Rolls 227 монастырских мэноров и владений девяти епископств, также равномерно распределенных по стране. Изученные им документы относятся к десятилетию между 1333 и 1342 годами. Исследование всего этого материала, относящегося более чем к 900 мэноров, показало Грэю, что процесс коммутации развивался в Англии до Черной смерти очень неравномерно, и что в этом отношении вся страна может быть разделена на следующие достаточно определенные географические районы: 1) *север и запад* Англии, где службы (барщины) крестьян почти все были переведены на деньги, при чем в местностях на север от реки Трента и на крайнем западе процесс почти вполне закончился, в Leicestershire'е, Warwickshire'е, Worcestershire'е, Shropshire'е и Herefordshire'е барщины были немногочисленны; 2) *юг и восток* Англии, где приблизительно в половине мэноров крестьяне отбывали тогда полную или во всяком случае значительную барщину; 3) *Кент*, где барщин совсем не требовали с крестьян, где, как известно, вилланство, как крепостничество, вымерло очень рано. Если Пэдж (Page), писавший о коммутации лет за пятнадцать до того (его работа *The End of Villainage in England* вышла в 1900 году, а немецкая его диссертация *Die Umwandlung der Frohndienste in Geldrenten* еще раньше) и изу-

чивший для этого отчеты вотчинных приказчиков (Ministers' Accounts) и протоколы вотчинных курий (Court Rolls) не менее 81 мэнора, приходит к иному мнению об успехах коммутации до Черной смерти, утверждая, что «в конце первой половины XIV столетия перевод (a commutation) барщинных повинностей (labor services) на фиксированные годовые денежные платежи, конечно, начался (had indeed begun), но... он сделал очень малые успехи (very little progress»), [29] то это объясняется тем, что Пэдж изучал материал, относящийся как раз к тем местностям (восточным, средним и южным графствам), где коммутация, как это мы только что видели у Грэя, была менее всего развита, и свои наблюдения над этим материалом, к тому же относящимся к церковным вотчинам, обобщил на всю Англию, опираясь при этом на общие, очень далекие от убедительности соображения о недостаточном будто бы количестве находившейся тогда в стране наемной рабочей силы и циркулировавших в стране денег, делавшем невозможным переход от барщинного порядка к коммутации и к хозяйству с наемными рабочими. Из 81 мэнора в течение 25 лет, между 1325 и 1350 годами, только на *шести* натуральные повинности вилланов совершенно исчезли, на *девяти* вилланы выполняли немного даже так называемых по немецкой терминологии Handdienste (ручных повинностей), необходимых на домэне, на *22* вотчинах вилланами выполнялась целая половина необходимого труда, а на *44* вотчинах вилланы «фактически выполняли всю работу, при чем труд нанимали только для большей части работы с упряжкой (the team work)» [30]. Эти результаты работы Пэджа и после исследования Грея остаются ценным достоянием науки, характеризуя процесс коммутации в определенный момент, на определенной части английской территории и в определенной бытовой обстановке (вотчины все церковные) и лишь конкретизируя и подкрепляя наблюдения Грэя и тем делая еще более ценной набрасываемую им широкую картину занимающего нас процесса. Может быть, не все в этой картине основано на вполне правильных наблюдениях; может быть, Грэй не всегда правильно денежные платежи вилланов принимал за результат коммутации, тогда как на самом деле они могли быть нередко исконными платежами, обычными иногда для целых районов в зависимости от тех или иных местных условий; тем не менее картина эта не теряет своего общего значения, давая общее представление о роли денежно-хозяйственных отношений в хозяйственном строе английских поместий до половины XIV века, находящее подтверждение и в других памятниках эпохи.

Коммутация представляет собою лишь одну из сторон той общей эволюции, которой постепенно подвергался мэнориальный строй по мере более широкого проникновения в него денежного хозяйства. С нею органически связаны другие стороны этой эволюции, другие перемены, происходившие внутри мэнора. Переводя на денежный оброк барщину вилланов, лорд, раз он имел в виду продолжать свое хозяйство, должен был вести его, уже все более и более опираясь на наемный труд. Мы уже указывали на то, что эта перспектива иметь в своем распоряжении наемный труд, с помощью которого можно было достигать более удовлетворительных хозяйственных результатов, чем пользуясь обычаем определенными натуральными повинностями вилланов, могла являться одним из серьезных мотивов, побуждавших сеньера заменить барщину денежным оброком. Сделать это он мог тем с большею уверенностью в правильности своего расчета, что найти необходимую для него рабочую силу не предста-

вляло для него никаких затруднений. В нашей общей характеристике основ мэнориального строя мы уже обращали должное внимание на ту характерную особенность его, что он, в сущности, оставлял за пределами хозяйственной в собственном смысле эксплоатации лорда все те элементы мэнориального населения, которые не были связаны с землей, не являлись держателями общинных наделов. Эти-то элементы и являлись всегда готовым материалом для всяких комбинаций денежно-хозяйственного типа. Барская экономия никогда не могла обходиться без наемных рабочих рук, но в большинстве это были собственно слуги, которых нанимали на год и на другие обычные сроки и которые жили во дворе лорда мэнора, получая все необходимое натурой, а деньги — лишь в самом ограниченном количестве: они были постоянными органами барской экономии, без которых она и существовать не могла бы. Это были скорее министериалы, чем рабочие в нашем смысле этого слова [31]. Коммутация увеличивала потребность барского двора в настоящих сельских рабочих, которых лорд или его приказчик нанимал для косьбы и уборки сена, для жатвы и возки на гумно хлеба, для молотьбы и для других сельских работ; она же, впрочем, увеличивала потребность и в слугах, число которых с этих пор заметно умножается. Постепенно растет и принимает все более и более определенные очертания класс сельско-хозяйственных рабочих. Нельзя, конечно, отожествлять сельских рабочих XIII, например, века с современными нам английскими рабочими-пролетариями, давно отторгнутыми от земли, перешедшей в собственность немногих сильных мира. Сельский рабочий XIII столетия в большинстве случаев имел и в своем собственном распоряжении два, три или несколько более или несколько менее акров земли, за которые нес следуемые лорду повинности натурой или деньгами (обыкновенно натурой и деньгами), хотя все эти коттарии, коттерелы и котсетли стояли, собственно, вне рамок надельной системы, вне общинной хозяйственной организации. Таких малоземельных людей было очень много в средневековой английской деревне, едва ли не большинство ее населения состояло из них, в чем не трудно убедиться при внимательном изучении, напр., *Сотенных Свитков* и поместных описей, напр., Глостерского или Рамзэйского аббатства. Несомненно, что они находили работу не только на барском дворе, но и в хозяйстве владельцев целых и половинных наделов, едва ли обходившихся без наемных рабочих рук [32]. Иногда забота о рабочих, необходимых для барского хозяйства, лежала на самих выкупивших свои патуральные повинности вилланах: они обязаны были «найти» (invenire) на свой счет «человека» (hominem) или «людей» (homines, а иногда homines laborantes) для косьбы господского сена или для каких-либо других помочей [33]. Но это, несомненно, переходная форма, постепенно исчезавшая, да и вообще едва ли игравшая сколько-нибудь значительную роль в сеньериальном хозяйстве. На ней еще лежала печать «обычных» отношений; этот homo был лишь заместителем самого держателя, и его работа была все той же «работой по просьбе», «работой из любви» (precaria, lovebone) со всеми ее характерными особенностями (в виде, например, обязанности лорда ставить угощение всем явившимся на помочи, нередко весьма немало стоившее, больше даже самой работы), которые с развитием денежного хозяйства являлись лишь тормазом для барского хозяйства и побуждали лорда перейти к найму настоящих рабочих на совершенно коммерческих основаниях [34].

II

Замена крепостного труда трудом свободным, несомненно, в значительной мере облегчала достижение барским хозяйством более удовлетворительных результатов. Но раз хозяйство это переходило на чисто коммерческую ногу, ставило себе целью извлечь из домэниальной земли возможно больший денежный доход, то в его интересе было не ограничиваться этим первым шагом и пойти дальше по пути реформ, делавших эту цель возможно более достижимой. Коммутация разорвала органическую связь соединявшую хозяйство лорда мэнора с хозяйством общины. Но она разорвала ее только отчасти. Она делала хозяйство лорда независимым от труда членов общины, но не освободила его от обязанности подчиняться принудительному севообороту наравне с их хозяйствами. Попрежнему лорд обязан был при эксплоатации своего домэна во всем сообразоваться с тем, что делалось на земле его держателей: домэн его не переставал быть тем, чем он был и прежде, — всего лишь *долей* в общинных полях и угодьях. Такое положение крайне стесняло хозяйственную предприимчивость лорда мэнора, не давая ему возможности выходить из рамок традиционной земледельческой техники, не совместимой с хозяйством-предприятием, имеющим в виду возможно больший денежный доход, требующим по возможности свободного комбинирования хозяйственных сил в интересах возможно большей их производительности и, наконец, простого расширения размеров хозяйства. В интересах лорда-предпринимателя было освободить свое хозяйство от всех этих пут. Но это значило посягнуть на освященные вековым обычаем права общины и на ее жизненные интересы. Не забудем, что барская земля обыкновенно состояла из полос, разбросанных по всем полям общины вперемежку с полосами вилланов и свободных держателей; что после уборки хлеба она наравне с землей держателей превращалась в общинное пастбище; что каждый третий год та, а не иная ее часть находилась под паром и также становилась на это время общинным пастбищем, на которое лорд, как и другие общинники, мог выгонять только определенное число голов скота (как и на служившие пастбищем общинные пустоши); что, одним словом, домэниальная земля была в очень значительной мере общинным достоянием. Поэтому всякая попытка лорда в интересах интенсивной ее обработки выделить ее из общины, всякая попытка лорда индивидуализировать свое хозяйство сильно урезывала права общинников. наносила весьма серьезный ущерб хозяйственным интересам общины и являлась посягательством на самые основы ее хозяйственного строя.

Таким образом, если прежде интересы лорда мэнора не могли расходиться с интересами общины в том, по крайней мере, смысле, что удовлетворение первых не было возможно без удовлетворения вторых, то все более и более усиливавшееся денежно-хозяйственное развитие внесло в них рознь, все более и более обострявшуюся. Интересы лорда становятся теперь прямо противоположными интересам общины. Если в прежнее время мэнориальное барское хозяйство могло существовать только при условии сохранения всех общинных распорядков, опираясь на крестьянские хозяйства членов общины, то теперь, когда для него открывалась возможность развития, развитие это могло совершаться только на счет общины. *Можно сказать, что история каждого мэнора*

с усилением в нем денежно-хозяйственных тенденций в сущности представляет собою историю борьбы между лордом и общиной. Мэнориальный элемент, который в прежнее время являлся в отношении к общине консервативным началом, искусственно задерживавшим естественную ее эволюцию, теперь начинает действовать на нее прямо разлагающим образом. Только теперь начинает оказывать глубокое воздействие на жизнь мэнориальной группы юридическая теория, наделявшая лорда правом собственности на пахотную землю, на луга и на пустоши жившего под его юрисдикцией населения и делавшая его полным хозяином во всем, что касалось его материальных интересов. До поры, до времени теория эта мирно уживалась с исконным хозяйственным и обычно-правовым укладом поместного населения и с покоившейся на нем организацией барского хозяйства сеньера. Теперь она является разрушительной силой, дающей санкцию права хозяйственным интересам лорда мэнора, идущим в разрез с интересами общины, вполне осуществимым в сильно развившейся денежно-хозяйственной обстановке и совершенно игнорировавшим освященный обычаем хозяйственный и правовой порядок поместного населения и барского двора. Имея на своей стороне формальное право, лорды мэноров получили возможность путем целого ряда захватов поставить себя более самостоятельно в отношении к общине и из дольщиков ее превратиться в индивидуальных собственников своей домэниальной земли и сильно расширить ее на счет общинных угодий и наделов. Но это был длинный и сложный процесс, и закончился он уже в эпоху, выходящую далеко за пределы изучаемого нами периода. Но и в продолжение этого периода он сделал весьма значительные успехи. В памятниках этой поры мы постоянно встречаемся с фактами, не оставляющими в этом никаких сомнений.

Уже в XIII веке мы находим не мало случаев высвобождения лордами мэноров части или всей своей домэниальной земли из общинного пользования в интересах ее интенсивной обработки, требовавшей перехода к более сложным системам культуры, чем те, каких с незапамятных времен держалась община. В одном из мэноров, принадлежавших Глостерскому аббатству, как видно из описи, составленной в 1265—1266 году, ежегодно под пар поступала и делалась на это время общинным пастбищем не вся третья часть домэниальной земли: каждый раз из нее выделялись то 20, то 40 акров (один год 20, другой 40), обносились изгородью (это называлось inhocare) и обрабатывались для нового посева. Таким образом у лорда мэнора оказывались ежегодно засеянными три поля, т.-е. ему удалось хотя отчасти ввести для своей земли четырехпольную систему [35]. В *Сотенных Свитках* такие выражения, как cultura separalis или separabilis, campus separalis и. т. п., довольно обычное явление, в особенности для Гэнтингдонского графства, где мы видим как светских, так и духовных владельцев, успевших уже выделить из общины нередко весьма крупные участки своей домэниальной земли, а то и всю ее. Например, в одном мэноре корнуолского графа было три карукаты (в общем более 300 акров) пахотной земли in dominico и лес; «и все это находится у него в частном пользовании в продолжение всего года» («et hoc totum habet in separali per totum annum») [36]. Конечно, факты, подобные приведенному, составляли исключение. Более часты были случаи выделения отдельных culturae. Некто dominus Tomas de Bekeringe, например, держит в Catwothe Magna (в Гэнтингдонском графстве) in dominico две карукаты пахотной земли (II carucatas terre) и три

акра луга; среди этих двух карукат домэниальной земли «una cultura que vocatur Madcroft» находится в исключительном пользовании сеньера («est separalis») *. Весьма характерно это название madcroft, т.-е. выходящий из нормы участок; в нем очень рельефно выразился взгляд народа на индивидуалистические тенденции лордов мэноров, порывавшие с нормальным хозяйственным порядком, каким являлся в глазах народа исконный общинный строй [37]. В XIV веке тенденции эти все развиваются.

Далеко не всегда лордам мэноров удается проводить их в жизнь вполне беспрепятственно. Consuetudo manerii, обычное право, действовавшее внутри мэнора, гарантировало владевшему землею виллану необходимое для его скота пастбище, и всякое сокращение этого пастбища со стороны лорда вызывало с его стороны протест. Правда, протест этот не мог иметь юридической силы в глазах общего права (common law), так как перед виланом были закрыты двери применявшего это право королевского суда. Дело принимало, однако, совершенно иной оборот, когда протестующие вилланы находили поддержку в свободных держателях лорда, которые имели одинаковые с ними права на общинное пастбище и одинаково были заинтересованы в возможно большей его неприкосновенности. Consuetudo manerii, мэниальный обычай, превращался тогда в настоящее, признаваемое всеми коронными судами право, и лорд мэнора должен был тогда отвечать перед судьями короля (coram Rege) по иску, предъявленному к нему его libere tenentes, жаловавшимися на незаконное сокращение им их общинного пастбища.

Иногда самому лорду приходилось искать у суда защиты от общинников, которые игнорировали вводимые им перемены и попрежнему продолжали выгонять свой скот на всю ту часть его домэниальной земли, какая должна была по принятому общиной порядку оставаться в данном году под паром, и делали это, несмотря на то, что некоторые части этой земли и в этом году были засеяны сеньером.

Такое судное дело мы находим к картуларии Эншэмского аббатства. Относится оно к 43-му году царствования Эдуарда III. «Есть некий поселок («quidam hamelettus»), называемый Tilgerdesley, в пределах («infra bundos») деревни Эншэм, — читаем мы в этом деле — в каковом поселке как на пустошах, так и на пахотных полях, лугах и пастбищах этого поселка («tam in vastis quam in terris, pratis et pasturis eiusdem hameletti») эти Джон Смис и все прочие имеют общинное пастбище («habent communam») для всех своих рабочих животных, принадлежащее к держаниям их («tanquam pertinens ad tenementa sua»), которые каждый из них держит в Hamberge, именно: на пустоши и на пастбище («in vasto et pastura») каждый год в течение всего года, на пахотных полях («in terris arabilibus») после жатвы и уборки хлеба до того времени, пока их вновь не засеют, и в течение целого года каждый третий год во время пара («tempore warecti»), так как все пахотные земли в названном поселке должны засеваться в течение двух лет под ряд, а третий год лежать под паром («eo quod omnes terrae arabiles infra dictum hamelettum per duos annos continuos debent seminari et tercio anno warectari), и на лугах («in pratis») после косьбы и уборки сена до праздника очищения блаженной Марии... И они заявили, что во всех тех случаях, на которые указывает в своей жалобе аббат,

* Слово *mad* значит *безумный*.

этим аббатом и другими были засеяны различные куски пахотных земель в этом поселке, которые тогда должны были лежать под паром, а они (ответчики) лишь осуществили свое право общинного выпаса как на этих кусках, таким образом засеянных, которые должны были тогда находиться под паром, так и на прочих пустошах, лугах и пастбищах названного поселка, на что имели полное право... А вышеназванный аббат не согласился с тем, чтобы пахотные земли в названном выше поселке должны были лежать под паром каждый третий год, решительно заявляя, что земли эти должны обсеменяться в течение трех лет под ряд и лежать под паром каждый четвертый год» [38]. Джон Смис и прочие ответчики были держателями не аббата, а короля; поселок же Tilgerdesley входил в пределы монастырского мэнора Эншэм. Таким образом, держатели одного мэнора имели право общинного выгона на землях другого мэнора, принадлежавшего другому владельцу. Это — довольно обычное явление в изучаемую нами эпоху. Несомненно, территория поселка когда-то составляла одно целое с территорией мэнора, в котором держали свои участки Джон Смис и его товарищи, и переход его в руки Эншэмского монастыря вовсе не разрывал их хозяйственной связи. Полное отделение в таких случаях являлось лишь в результате специального юридического акта, в роде соглашения, заключенного между владельцами мэноров и т. п.

Подобный приведенному случай мы встречаем в Court Rolls мэноров герцогства ланкастерского. Относится он к 4-му году царствования Ричарда II. В курии мэнора Duffeld было сделано представление («presentatum fuit»), что аббат de Derley, лорд мэнора Burleu («dominus de Burley»), огораживает («includit») площадь le Holm, что возле Burley («under Burley»), и этим препятствует держателям лорда мэнора Duffeld осуществлять свое право общинного выгона на этой площади («et perturbat tenentes domini communam suam habere ibidem») во вред и ущерб лорду и его держателям. Представитель аббата, явившийся вместо аббата в ближайшее заседание той же курии, заявил, что аббат и все прежние лорды мэнора Burley всегда огораживали эту площадь и владели ею, как своею частною собственностью («usi fuerunt tenere predictam placeam inclusam ut separale suum proprium»), никому из держателей этих и никому другому не причиняя этим никакого ущерба. На это держатели, представлявшие свои интересы и интересы своего сеньера («tenentes qui sequuntur tam pro domino suo quam pro se ipsis»), с своей стороны, заявили, что площадь эта le Holm является их общинным пастбищем каждый третий год и ежегодно после снятия жатвы («est et extitat communem pasturam suam quolibet tercio anno et quolibet anno tempore aperto»), т.-е. от Михайлова дня до Сретения. Так было всегда до тех пор, пока мэнор Burley не был отдан в аренду Гугону Bate («usque ad tempus Hugonis Bate firmarii manerii de Burley et loci predicti). Дело это долго тянулось («et sic continuatur processus de Curia in Curiam et de die in diem») и, наконец, было решено в пользу аббата («ideo consideratum est quod predictus abbas habeat et gaudeat placeam predictam tanquam separale suum proprium absque impedimento etc») [39]. Огородив площадь le Holm, аббат этим сократил право общинного выгона не только у держателей мэнора Duffeld, но, конечно, и у собственных держателей, точно так же, как и эншэмский аббат в одинаковой мере нарушил интересы и своих держателей, когда ввел четырехпольную систему в поселке Tilgerdesley в ущерб праву общинного выгона, принадлежавшему держателям королевского мэнора.

Стремление выделяться из общины обнаруживали не одни лорды мэноров. Оно не чуждо было иногда и их держателям, в особенности тем из них, которые являлись со стороны и не были связаны с общиной никакими моральными узами, и осуществлялось оно или с разрешения лорда мэнора, или же путем простого захвата. Джон Уоррен, граф Сэррэй, дал магистру Ральфу de Conyngesburgh' две усадьбы и две боваты пахотной земли с принадлежащими к ним угодьями («duo mesuagia et duas bovatas terre cum pertinenciis») в Friseby в Йоркском графстве в свободное держание за 12 шилл. 4½ пенса ежегодной платы и, кроме того, разрешил ему огородить три с половиной акра из этих двух бовat пахотной земли [40]. Разрешение это требовалось и в тех случаях, когда свободный держатель держал от высшего лорда весь мэнор и сам таким образом являлся лордом этого мэнора. Уильям, граф Уоренн, выдал некоему Симону Perpount грамоту, которою разрешал ему огородить свой лес в Danye и домэниальные земли этого Симона («et dominicas terras ipsius Simonis»), прилегающие к этому лесу в графстве Сэссэкс [41].

Иногда индивидуалистические тенденции проявляли крепостные приказчики лордов мэноров, которые, ведя хозяйство лорда, никогда не забывали и себя и пользовались своим положением в интересах собственного хозяйства. Нередко это сходило им с рук, но иногда и их привлекали к ответу, и курия присуждала их к штрафу (misericordia) за такие злоупотребления. Обыкновенно это бывало уже тогда, когда они были уже не у дел: подобно высшему сановнику афинской республики, исполнявший обязанности мэнориального приказчика виллан должен был давать отчет в своих действиях по чьей бы то ни было жалобе лишь по окончании срока (годичного обыкновенно), на который он был избран общиной. Таков был обычай, consuetudo manerii [42]. Расследованием, произведенным в курии мэнора Duffeld 23-го июня в 14-й год царствования Ричарда II, было, между прочим, обнаружено, что praeposítus прошлого года Роберт Bagger «совершил правонарушение в ущерб Ричарду Dautre и общине деревни, удержав в своем частном пользовании после снятия жатвы один огороженный участок» («fecit transgressionem Ricardo Dautre et communitati ville de detencione unius clausi in separalitate tempore aperto»). Ущерб этот был оценен в 6 пенсов, которые и были взысканы в пользу потерпевших; кроме того, Роберт должен был заплатить штраф в наказание за свой проступок [43].

И настоятели деревенских приходов не отставали от мирян в этом стремлении сделать более доходным свое хозяйство и также вступали в конфликты с общиной, доводившие нередко до судебного разбирательства в роде того, например, которое происходило на 32-м году царствования Эдуарда I в королевском суде по жалобе сельского священника, обвинявшего 30 человек крестьян в потраве на его пашне («depastura bladi sui»), на что крестьяне заявили, что они — держатели лорда этой деревни и имеют право пасти свой скот на землях деревни каждый третий год («quod sunt tenentes domini eiusdem ville et quod debent ibi communicare quolibet tertio anno»), что, следовательно, земля, на которой в этом году священник посеял хлеб, должна была находиться теперь под паром и служить общинным пастбищем [44].

Во всех рассмотренных нами случаях речь идет об изъятии из общинного пользования пахотной земли. Но это была только одна сторона процесса индивидуализации барского (и не только барского) хозяйства. Как ни энергичны

и успешны могли быть делавшиеся в описанном направлении попытки, тем не менее такая, например, особенность барской пахотной земли, как ее чересполосность, слишком тесными узами соединяла ее с общинной землей и делала для лорда крайне трудной борьбу с общиной на этой почве. К тому же у лорда не было, в сущности, никакой юридической точки опоры (ведь этим он нарушал и защищенные общим правом интересы свободных держателей, входивших в состав общины), и прибегать к одной физической силе, к прямому захвату, было слишком рискованным делом. Нам не приходилось встречать случаев, чтобы в тяжбах с общинниками лорд мэнора просто ссылался на свои права как лорда, который, как учила юридическая теория, являлся полным и безраздельным собственником не только своей пахотной земли, но и земли своих держателей, и будто бы мог поэтому делать из нее какое ему угодно было употребление; он никогда не дает понять и не делает прямых заявлений в этом смысле, что для него вообще необязателен обычай, в силу которого члены общины выгоняют свой скот на все лежащие под паром поля в пределах мэнора каждый третий год и ежегодно на остальные после снятия с них жатвы, что для него вообще необязательна господствующая в общине трехпольная система. Ничего подобного мы от лорда мэнора не слышим. Он вполне стоит на почве обычая и только старается в каждом отдельном случае доказать, что общинники извращают обычай, или что такой-то отдельный участок в силу таких-то и таких-то, его одного касающихся, обстоятельств не подлежит действию общинного обычая, который он, лорд, так же признает, как и сами общинники. Вполне компетентной инстанцией, к которой мог обратиться суд за проверкой этих вовсе не общетеоретических, а до крайней степени конкретных аргументов лорда, являлась сама община в лице ея boni et legales homines, которые под присягой и давали показания, подтверждающие или опровергающие эти аргументы. Таким образом, ареной, на которой могли бы хоть сколько-нибудь свободно развернуться индивидуально-хозяйственные стремления лорда мэнора, разбросанная вперемежку с землей общины пахотная земля лорда служить не могла: им было здесь слишком тесно. Несравненно больше простора они могли найти вне этого круга слишком тесно переплетавшихся интересов, хотя и в близком с ним соседстве. Разумеем *общинные пустоши*, *vastum*.

У каждой общины всегда был в запасе свободный земельный фонд, который обыкновенно служил пастбищем для скота ее членов. В до-мэнориальную эпоху из этих пустошей, вероятно, нарезывались наделы тем, кому нехватало места на старых наделах. С возникновением мэнориального строя юридическая теория не замедлила сделать лорда мэнора собственником и этой земли. До поры, до времени это право лорда едва ли и выходило из сферы чистой теории, оставаясь без применения в условиях тогдашней действительности. Лишь по мере развития денежного хозяйства открывается для лорда возможность эксплоатировать эти пустоши. На первых порах эксплоатация эта не идет дальше взимания с общинников платы за пользование пустошами в качестве общинного пастбища, а также, вероятно, за разрешение тому или другому члену общины взять под обработку участок из пустоши. Но когда барское хозяйство все больше и больше проникается чисто коммерческими тенденциями, это пассивное отношение лорда к пустопорожним землям общины начинает изменяться.

Если до сих пор заимка (выделение из пустоши участков отдельным лицам под обработку) производилась в интересах членов общины, то теперь претен-

дентом на свободную землю выступил сам лорд, которому она потребовалась в целях расширения своего хозяйства и увеличения его доходности. Последняя цель более всего была достижима как раз на пустоши, на которой можно было ввести более интенсивную культуру с помощью более сложных приемов земледельческой техники, порвав, насколько это было возможно при тогдашнем уровне знаний, с царившей в общине и обязательной для барского хозяйства на старом домэне рутиной, освободившись от оков принудительного севооборота, чересполосицы и от других общинных пут, что было так трудно сделать, не выходя из рамок старого домэна.

Если бы жизнь средневековой деревни в самом деле направлялась феодальными теориями, то ничего не могло бы быть проще такого расширения сферы сеньериальной эксплоатации В действительности, и в отношении к общинным пустошам свободная воля лорда являлась такой же фикцией, как и в отношении к другими сторонам хозяйственного строя мэнориального населения. Сказанное нами о роли свободных держателей в борьбе общины с лордом за свое право выгона на домэниальной земле вполне применимо и в данном случае. И в отношении к пустошам интересы libere tenentes и интересы вилланов были солидарны, и если consuetudo manerii сам по себе не в достаточной мере гарантировал права вилланов, не имевших доступа в королевские суды, то сильную поддержку он встречал со стороны свободных держателей, которые находились под юрисдикцией общего права, защищавшего их имущественные интересы от чьих бы то ни было посягательств. Всякий член общины, как свободный, так и несвободный, имел пастбищные права на каждую, так сказать, точку пустопорожней земли («ubique»), и поэтому лорд мэнора не мог выделить из нее в свое исключительное пользование ни одного самого мелкого клочка, не посягнув при этом на права своих держателей, не вступив с ними при этом в конфликт, исход которого далеко не всегда мог быть для него благоприятным, потому что и в этих случаях он не мог просто апеллировать к своим правам как лорда мэнора и должен был приводить более конкретные мотивы для каждого своего шага, идущего в разрез с интересами его держателей, опиравшихся прямо или косвенно на вполне определенно и точно обоснованные юридические факты или принципы.

А между тем потребность барского хозяйства в расширении своих пределов становится все более и более настоятельной. Стали раздаваться со стороны сеньеров, в особенности крупных, громкие жалобы на то, что держатели общинных наделов с их пастбищными правами на пустоши не дают им возможности брать под обработку (assartare, по средневековой терминологии) эту пустошь. Ответом на них явился так называемый Мертонский статут, изданный правительством Генриха III в 1236 году (в 20-й год царствования Генриха III) Статут прямо ссылается на жалобы сеньеров, как на мотив, побудивший правительство сделать новый законодательный шаг. Многие магнаты Англии жаловались на то, что их свободные держатели, державшие в их мэнорах небольшие держания как на военном, так и не на военном праве («milites et libere tenentes»), препятствуют им «извлекать пользу из остальной части каждого из их мэноров, как-то: из пустошей, лесов и пастбищ («comm dum suum facere... de residuo maneriorum suorum, sicut de vastis, boscis et pasturis»), хотя бы у них (держателей) было и достаточно пастбища при их держаниях («quum ipsi feoffati habeant sufficientem pasturam quantum pertinet ad tenementa

sua»)». Статут разрешает лордам мэноров обращать в свою частную собственность пустоши, но под условием, что заимка эта не лишит свободных держателей такого количества пастбища, какое было бы достаточно для их держаний [45].

Таким образом, для того, чтобы сделать права лорда на пустошь сколько-нибудь действительными, потребовался особый законодательный акт. Но и он не делал лорда тем, чем его представляла феодальная теория, — неограниченным собственником пустоши. Оговорка о свободных держателях накладывала на волю лорда весьма серьезное ограничение, значение которого станет для нас вполне понятным, если мы обратим внимание на то, что инстанцией, единственно компетентною в разрешении вопроса, в какой мере оставляемое в пользование свободным держателям (а вместе с тем и всем остальным членам общины) пастбище может быть признано действительно «достаточным», мог быть лишь сельский сход, галимот, т.-е. те же общинники.

Тем не менее Мертонский статут наносил весьма серьезный удар общинным интересам, и в процессе эволюции мэнориального строя ему должно быть отведено видное место. Если до него лорду мэнора в борьбе с общинными порядками приходилось полагаться в сущности лишь на самого себя, то теперь к его услугам была вся организованная сила английской государственности, включившей в свои задачи и охрану его хозяйственно-индивидуалистических интересов, которые получают таким образом возможность самого широкого развития. С этих пор эксплоатация пустоши лордом принимает все более и более широкие размеры, осуществляясь в самых различных формах.

Барскому хозяйству была предоставлена, таким образом, возможность широко раздзинуть свои пределы в соответствии с его денежно-хозяйственными запросами, и современные свидетельства не оставляют сомнения, что оно вполне использовало эту возможность. В особенности деятельными в этом отношении явились монастыри. И в этом случае монахи обнаружили столь характерную для них готовность и способность лучше других людей устраивать свои хозяйственные дела в том самом мире, от которого они отреклись, презрев все его тленные блага в интересах вечного блаженства. И в хрониках, и в документах мы то и дело встречаемся с фактами обращения в пахотную землю монастыря того или иного количества акров общинной пустоши, и нередко под обработку поступают таким образом одновременно целые сотни акров, при чем заимка весьма часто, если не всегда, сопровождается огораживанием взятой под пашню пустоши или обведением ее рвом, чем раз навсегда разрывается всякая связь этой земли с общинной, и лорду мэнора предоставляется полная свобода в ее эксплоатации. Не особенно отставали от монахов и светские лорды, и одним из весьма красноречивых в этом смысле указаний может служить нередко встречающийся в Ministers' Accounts факт существования в некоторых мэнорах светских владельцев на ряду с *старым домэном* (*vetus dominica*) *домэна нового* (*nova dominica*, или *nove terre dominice*) [46], несомненно, возникшего из общинной пустоши, которую лорд «assartavit et in culturam redegit», имея потребность «de vastis susis se appruare», как говорили тогда в подобных случаях.

Это так называемое right of approver было обеспечено лорду мэнора Мертонским статутом только в отношении к его собственным держателям. Но на общинную пустошь сплошь и рядом имели право выгонять свой скот держатели разных мэноров, принадлежавших разным владельцам. Денежно-хозяй-

ственное развитие, все усиливаясь, стало действовать разлагающим образом и на эту категорию общинных прав, и эти индивидуалистические тенденции получили юридическую санкцию во втором Уэстминстерском статуте, изданном на тринадцатом году царствования Эдуарда I (1285 г.).

Глава 46-я этого статута имеет в виду заполнить пробел в Мертонском статуте, разрешившем сеньерам брать под обработку леса, пустоши, пастбища («Cum in statuto edito apud Merton concessum fuerit quod Domini boscorum, vastorum, pasturarum appruare se possent de boscis vastis et pasturis»), не обращая внимания на протест своих держателей («non obstante contradiccione tenencium suorum»), если только у этих держателей имеется достаточное пастбище при их держаниях с свободным входом на него и выходом («dummodo tenentes ipsi haberent sufficientem pasturam ad tenenmenta sua cum libero ingressu et egressu ad eandem»), но вовсе не упоминающем о соседях, которые могут иметь общинные права на эти угодья («nulla fiebat mencio inter vicinum et vicinum»); благодаря такому упущению многие сеньеры стеснены в распоряжении лесами, пустошами и пастбищами, встречая противодействие со стороны соседей, даже и имеющих достаточное пастбище («multi domini boscorum vastorum et pasturarum hucusque impediti extiterunt per contradiccionem vicinorum sufficientem pasturam habencium»). «Так как чужие держатели не большее имеют право на общинное пользование лесом, пустошью и пастбищем сеньера, чем собственные держатели этого сеньера» («Et quia forinseci tenentes non habent majus jus communicandi in bosco, vasto aut pastura alicujus domini quam proprii tenentes ipsius domini»), то впредь Мертонский статут распространяется и на те случаи, когда участниками в общинных правах являются и соседи; с этих пор владеющие пустошами, лесами и пастбищами сеньеры вполне свободно могут распоряжаться ими для целей собственного хозяйства, раз они обеспечили достаточное пастбище своим держателям и соседям («ita quod domini hujusmodi vastorum boscorum et pasturarum, salva sufficiente pastura hominibus suis et vicinis, appruare se possint de residuo») [47].

Сеньеры приобрели таким образом новое средство для борьбы с общинными порядками, и оно, несомненно, обеспечило за ними не мало побед. Уэстминстерский статут сохранил нам и некоторые конкретные подробности этой борьбы, его породившей. Та же 46-я глава постановляет, что если кто ночью или в другое время тайно уничтожит изгородь или ров, которыми обведена взятая сеньером в частное пользование пустошь («et cum contigit aliquando quod aliquis jus habens appruare se, fossatum aut sepem levaverit, et aliqui noctanter vel alio tali tempore quo non credant factum suum sciri, fossatum vel sepem prostraverint»), и не будет никакой возможности узнать с помощью присяжного расследования, кто это сделал, а жители соседних деревень не захотят назвать виновных («nec sciri poterit per veredictum assise aut Jurate qui fossatum aut sepem prostraverint, nec velint homines de villatis vicinis indictare de hujusmodi facto culpabilibus»),—в таком случае ближайшим деревням будет вменяться в обязанность на свой счет устроить новую изгородь или новый ров и, кроме того, возместить потерпевшему убытки («distringuntur propinque villate circumjacentes levare fossatum aut sepem ad custum proprium et dampna restituere») [48].

Такого рода инциденты были обычным явлением и до, и после издания второго Уэстминстерского статута. И нельзя сказать, чтобы разрушение изго-

родей и уничтожение рвов всегда оказывалось нарушением действительно законных прав сеньера. Повидимому, лорды мэноров, не особенно стесняясь в отношении к общинным правам соседей до Уэстминстерского статута, не стали слишком щепетильны и после издания его и, огораживая пустошь, руководились исключительно собственными интересами, не находя нужным считаться с интересами совершенно для них посторонних людей, хотя бы это был сам король и его держатели. Глостерский аббат, например, как показало расследование, произведенное в 1324 году, огородил площадь («unam placeam terrae») в тридцать акров в Stanleye Leonardi, несмотря на то, что король и его держатели из этой деревни имели на нее общинные права («ubi rex et tenentes sui de dicta villa communicare solebant et de jure debent»), и безраздельно владел ею в течение десяти лет («et eam tenet in separabili per decem annos») [49]. Рожер Мортимер, граф Марч, прорыл канаву на пастбище («quodam fossatum») в Kyngesnorton'ском лесу («in pastura de Kyngesnortonwode») (на границе Уинчестерского и Уоррикского графств), где с незапамятных времен («a tempore quo non extat memoria») пасли свой скот («intercommunarunt ad omnia animalia et pecora quolibet tempore anni») жители деревень Kyngesnorton, Yerdeleye, Solihull. В ответ на это жители названных деревень и некоторые другие, имевшие общинные права на это пастбище («et quidem alii communam in pastura praedicta habentes»), сочли себя в полном праве засыпать эту канаву («prout eis licuit prostraverunt»), наносившую им ущерб и убыток («ad ipsorum dampnum et exheredationem... leuatum»). Граф предъявил к ним иск об убытках, крестьяне не явились в суд, и суд приговорил их к уплате графу 300 фунтов. Король (Эдуард III) велел произвести повое расследование этого дела и, убедившись, что крестьяне были в своем праве («prout eis licuit»), освободил их от уплаты этой суммы («pardonavimus eisdem hominibus de predicta summa») [50]. Конечно, не все в подобных случаях имели возможность, подобно жителям Kyngesnorton'a, Yerdeleye и Solihull'a, добиться деятельного вмешательства самого короля в их дело, и, несомненно, в огромном количестве случаев раз произведенный лордом мэнора захват приобретал все права совершившегося факта.

Нередко лорды мэноров вступали друг с другом в соглашения, в результате которых уничтожались все общинные права, какие могли иметь они (и их держатели) на землях друг друга. Подобного рода соглашение (conventio) состоялось, например, между аббатствами Глостерским и Бристольским («inter abbatem et conventum Sancti Petri Gloucestriae et abbatem et conventum Sancti Augustini de Bristollia») относительно общинных прав, которые осуществляли на землях друг друга жители принадлежавших Глостерскому аббатству деревень Handeperer и Mayesmore, с одной стороны, и принадлежавшей Бристольскому аббатству деревни Essellesworthe — с другой («de communa quam solebant habere adinvicem inter villas suas, scilicet Hardeperer et Mayesmore, quae sunt villae abbatis et conventus Gloucestriae, et Essellesworthe quae est villa abbatis et conventus Augustini de Bristollia»). С этих пор названные деревни порывают до этого времени существовавшую между ними связь («scilicet quod dictae villae per se sint») и не будут иметь общинных прав в прилегающих к ним местах ни в лесу, ни на лугу, ни на равнине, ни в пастбищах, ни на пахотной земле («et nullam communam adinvicem habeant in nullo loco adjacente praedictis villis in bosco, nec in prato, nec in plano, nec in pascuis, nec in

terra arabili»). Аббатству Глостерскому, как и аббатству Бристольскому, предоставляется право вполне свободно распоряжаться всеми своими землями, брать под обработку пустоши, обносить их изгородью и окапывать рвом, без всякого препятствия и противодействия каждого из них или их держателей, сохранять при этом в неприкосновенности права других соседей на эти земли («licebit autem tam abbati et conventui Sancti Petri Gloucestriae quam abbati et conventui Sancti Augustini Bristolliae, in tota terra sua assartare, fossare, claudere, terram arabilem facere, sine impedimento et contradictione utrorumque vel hominum suorum, salvo jure aliorum vicinorum qui in dictis terris communam clamant») [51].

Подобные соглашения представляли собою иногда мирные договоры, которыми заканчивалась тянувшаяся многие годы аграрная война между соседними лордами, сражавшимися во главе своих держателей. Примером может служить сделка между тем же Глостерским монастырем, с одной стороны, и Томасом de Berkeley и всеми свободными держателями, с другой, заключенная 18-го января в шестой год царствования Эдуарда III после многих происшедших между ними споров и столкновений («come divers debatz et conteks fuissent meuz») из-за права выгона на Южном поле («sur une commune de pasture en un champ qe est appele Southfeld») между деревнями Coveley и Froucester. В интересах доброго мира и спокойствия на все времена («pur bone pees e quiete aver en tut temps avenir») каждой из сторон были точно ограничены те части Южного поля, которые поступали в их раздельную собственность, которые они могли брать под обработку и огораживать («avoir et tenir en severaunce desoremes a touz jours, e enclore et enprover a lur volente»), а также те, на которые за ними сохранялись их общинные права (на которых они могли «peisiblement communez ove toutes lour bestes... auxi bien en pree e en pasture dans le dit champ, come en terre arable... en temps overt») [52].

III

Развитием самостоятельного барского хозяйства на основе наемного труда не исчерпываются те изменения, какие стали происходить в жизни мэнора по мере усиления в нем денежно-хозяйственных тенденций. Едва ли не в большей мере тенденции эти способствовали *развитию в мэноре арендных отношений*. Самостоятельное хозяйничанье описанного нами типа было очень сложным и трудным делом, и браться за него могли лишь или очень хорошо обставленные землевладельцы, располагавшие всеми необходимыми для этого средствами, какие-нибудь насчитывавшие десятки, если не сотни, мэноров монастыри или светские магнаты, или же те, кому ничего другого не оставалось. Но и на землях крупных землевладельцев далеко не везде велось это «рациональное» хозяйство. Преследовавшаяся им цель извлечения из домэниальной земли возможно большего денежного дохода могла быть достигнута и другим, более простым и менее хлопотливым способом. Лорд мэнора мог снять с себя все хозяйственные заботы или часть их, целиком взвалив их на плечи одного или распределив их между многими. Лорд мэнора мог сдать весь свой домэн или часть его в денежную аренду. И действительно, чем дальше, тем больше и больше денежная аренда становится распространенным явлением, и арен-

датор, снимающий за деньги ту или иную часть барской земли, мало-по-малу делается постоянным элементом мэнориального населения. Все те меры, какие лорд принимал в интересах индивидуализации своего хозяйства, могли сослужить ему службу и теперь, делая для него возможным свободно располагать своею землею для сдачи ее в аренду и повышая ценность ее в весьма значительной мере, будет ли то пахотная земля или выделенный в частную собственность луг или пастбище [53].

Нельзя сказать, чтобы аренда не была известна и раньше. Но тогда самой обыкновенной ее формой была сдача всего барского хозяйства, со всею домэниальною землею и со всем живым и мертвым инвентарем и даже запасами хлеба, на откуп (ad firmam) так называемому *фирмарию* (firmarius) (т.-е. откупщику), который обязывался уплачивать лорду мэнора ежегодно определенную ренту продуктами и деньгами и вступал во все его помещичьи права [54]. Но это вовсе не изменяло мэнориальных распорядков. Все оставалось так, как было и тогда, когда в мэноре хозяйничал сам лорд или его приказчик. Вилланы попрежнему отбывали свою барщину и все другие свои повинности. Разница заключалась лишь в том, что теперь им приходилось иметь дело не с приказчиком лорда, избранным ими самими из их же среды [55], а с человеком нередко посторонним, совершенно не связанным с ними никакими духовными узами, смотревшим на них исключительно как на источник дохода, несклонным ни к каким уступкам и снисходительности, которых они могли ожидать от самого лорда или его уполномоченного. Откупная система особенно была распространена в области тогдашнего государственного хозяйства. Вместо того, чтобы самому, с помощью собственных финансовых агентов, входить во все мелочи следуемых ему с каждого из графств поступлений, английское правительство сдавало графства на откуп шериффам, которые и должны были представлять в казну ежегодно круглую сумму денег (так называемую *фирму*, *firma*). Нередко лорды сдавали все имение на откуп самим вилланам, всей их общине [56], которая, таким образом, как бы опять возвращалась к своему до-мэнориальному положению.

Эта форма аренды, вполне удовлетворительная для эпохи менее развитого денежного хозяйства, была несовместима с чисто коммерческими тенденциями развитого денежного хозяйства, давая лорду далеко не все то, что можно было получить с имения при известном напряжении его производительных сил. Неудивительно поэтому, что с развитием денежного хозяйства форма эта стала выходить из практики, уступая место другим арендным формам, более гармонировавшим с общими хозяйственными условиями. В ряду этих условий, кроме коммерческих тенденций денежного хозяйства, видное место занимал естественный рост населения мэнора и все усиливавшийся благодаря этому спрос на землю, делавший для лорда мэнора всегда возможным поместить часть своего земельного капитала, а то и всю terra dominica, на выгодных для себя условиях, раздав его отдельными участками за денежную ренту. Условия эти были тем более выгодны, что лорд не был здесь связан обычаем, который с развитием денежного хозяйства стал так стеснителен для него в отношении к вилланским и другим «обычным» держаниям, не позволяя ему увеличивать платежи вилланов применительно к эволюции общих хозяйственных условий, заставляя его довольствоваться тем, что они платили его отцу, деду и прадеду. В отношении к домэниальной земле воля лорда была

несколько более свободна, и он мог ставить арендатору такие условия, какие вполне соответствовали его интересам как в смысле размера платы, так и в смысле срока аренды. Выражение «tenere ad voluntatem domini» («держать по воле лорда»), только для этих, для арендных, отношений и имело реальный смысл, да и то лишь на первых стадиях их развития.

Действительно, еще в эпоху самого расцвета феодального строя в редком мэноре нельзя было найти на ряду с вилланами и свободными держателями так называемых tenentes ad voluntatem domini. Это не была особая социальная категория, отличавшаяся от вилланов и от свободных людей. Если держателями на вилланском праве, tenentes in villenagio или in bondagio, были обыкновенно вилланы, а свободными держателями, libere tenentes, — свободные, то tenentes ad voluntatem в равной мере могли быть как вилланы, так и свободные, и даже рыцари [57], — всякий, кто брал у лорда землю, находившуюся в его исключительном владении, землю, на которую никто не имел наследственных держательских прав, ни в смысле tenementum liberum, ни в смысле tenementum nativum, и которую в силу этого лорд свободно отдавал в пользование тому, кто находил возможным довольствоваться совершенно необеспеченным владением, которое лорд, не ограничиваемый в этом случае ни законом, ни мэнориальным обычаем, мог потребовать обратно во всякое время, имея ли в виду отдать его другому на более выгодных для себя условиях, или же намереваясь эксплоатировать его в своем собственном хозяйстве. Эти tenentes ad voluntatem — живой комментарий к вилланскому держанию, еще раз подчеркивающий его характерные особенности, наследственность и обеспеченность со стороны мэнориального, хотя и обычного, но вполне строгого права; это выделение tenementum ad voluntatem в совершенно особую категорию держаний с полною наглядностью раскрывает перед нами истинный характер отношений между лордом мэнора и его вилланами и еще раз подтверждает, что генезис этих отношений следует искать менее всего в свободной воле лорда. Выделение это — факт, тем более знаменательный, что единственным признаком, отличающим держание ad voluntatem domini от держания вилланского, является только полная зависимость его от свободной воли лорда, этот чисто юридический его признак; во всех других отношениях держание ad voluntatem могло решительно ничем не отличаться от вилланского держания: держатель ad voluntatem domini, как и держатель in villenagio, мог нести как натуральные, так и денежные повинности, давать лорду наравне с вилланами так называемый «подарок» (donum или auxilium), испрашивать у лорда позволение при продаже лошади или быка и платить ему за это разрешение, мог быть обязанным присутствовать на собраниях сельского схода (это так называемая secta halimoti), даже платить меркет при выдаче замуж дочери или женитьбе сына (redimere filium et filiam pro voluntate domini), а после смерти такого держателя лорд мог иметь право на лучшую голову его скота (melius averium pro herieto) [58]; и тем не менее это было не вилланское держание в собственном смысле, а лишь tenementum ad voluntatem, которое лорд во всякое время мог «взять в свои руки» и за которое мог потребовать от держателя увеличенных платежей и натуральных повинностей.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в тех случаях, когда tenementum ad voluntatem фактически вполне совпадало с держанием вилланским, это фактическое тожество могло объясняться иногда тем, что данное держание

ad voluntatem было когда-то настоящим вилланским держанием, но потом, за отсутствием наследников или за отказом их от своих прав (подобные случаи мы уже видели в предыдущей главе), перешло в полное распоряжение лорда, и он мог отдать его в арендное держание. Припомним уже знакомый нам случай, когда некто Гуго le Gest держал усадьбу и полвиргаты вилланской земли ad voluntatem domini pro defectu heredis [59]. Но и участки, выдававшиеся лордом из домэна в собственном смысле, обыкновенно налагали на державших ad voluntatem domini некоторые повинности, совершенно чуждые нашему понятию об аренде, повинности чисто феодального характера, приближавшие аренду к феодальному держанию, будет ли это обязанность являться в собрания мэнориальной курии, приносить лорду к Рождеству курицу и т. п.; сплошь и рядом получение участка в арендное держание сопровождалось клятвой верности со стороны арендатора [60], как это делали виланы и свободные держатели, вступая во владение своими наследственными держаниями. Все это показывает только, что явления, по существу своему анти-феодальные, возникая в феодальной обстановке, не могли не воспринять в себя феодальных элементов, представляя собою на первых порах лишь несколько иную их комбинацию, и лишь постепенно, по мере разложения общих феодальных условий, они эмансипировались от следов той почвы, на которой выросли. Лишь постепенно арендные отношения стали приближаться к нашему, чисто коммерческому типу, и, как увидим потом, даже в эпоху широкого развития аренды, к половине XIV столетия и позже, они все еще продолжали сохранять свой феодальный отпечаток.

Tenementum ad voluntatem продолжало существовать до сравнительно позднего времени. Но уже в XIII веке, если не раньше, рядом с ним возникает более совершенная форма аренды, хоть до известной степени обеспечивающая арендатора и ограничивающая свободную волю лорда, которая и здесь оказывается несовместимой с сколько-нибудь организованным общежитием. Разумеем пожизненную аренду, держание *ad terminum vitae*. Все сказанное нами о феодальных признаках держания ad voluntatem вполне применимо и к этой форме аренды [61]. Определенность срока, на который закон (общее право) обеспечивал арендатору пользование землею [62], выгодно отличала tenementum ad terminum vitae или ad totam vitam от держания ad voluntatem, и не только арендатор, но и сам лорд вполне оценивал это его преимущество, взимая в первом случае более высокую арендную плату, чем во втором, так что в тех случаях, когда арендатор, державший ad voluntatem domini, переходил на положение пожизненного арендатора, он должен был, как это мы видим иногда в источниках, приплачивать ежегодно, нельзя сказать, чтобы очень незначительный, incrementum redditus [63]. В XIV веке сдача земли в пожизненную аренду очень часто сопровождалась выдачей арендатору грамоты (scriptum или carta), что еще более обеспечивало ему пользование снятой землею [64]; впрочем, уже и в XIII веке, несомненно, практиковалась эта форма обеспечения [65].

Развитие аренды шло быстрыми шагами. И tenementum ad voluntatem; и tenementum ad totam vitam являлись слишком неуклюжими формами, чтобы ими мог довольствоваться безостановочно расширявшийся и ускорявшийся гражданский оборот. И вот, уже во второй половине XIII столетия появляются случаи сдачи земли лордами мэноров на определенное число лет,

ad terminum annorum. На всем протяжении *Сотенных Свитков* таких случаев нам встретилось не больше 14: в четырех из них число лет аренды не указано, в шести — срок аренды пятнадцатилетний, в двух — тридцатилетний, в одном — сорокалетний и в одном — десятилетний [66]. Во всех этих случаях, кроме одного, арендаторы дают собственнику земли исключительно деньги; но на некоторых из них, и притом на большинстве, лежит еще чисто феодальная повинность являться в собрания курии (secta curiae) и платить особый, опять-таки чисто «обычный» денежный взнос, так называемое «вспомоществование шериффу» (auxilium vicecomitis), которое мы постоянно встречаем в списках вилланских повинностей; один из арендаторов вместо денег дает собственнику чрезвычайно обычный, особенно для свободных держателей (libere tenentes), корень имбиря (unum radicem zinziberis) (а также ходит раз в три недели в курию сеньера и платит 1½ пенса как auxilium vicecomitis), так что только в шести случаях мы имеем дело с чисто коммерческими отношениями. В *Сотенных Свитках* мы находим, правда, еще одно указание более общего характера, дающее право заключать, что аренда на определенное число лет была уже в это время в довольно значительной мере распространенным явлением. В числе вопросных пунктов, на которые должны были отвечать присяжные в Кэмбриджском графстве, между прочим, встречаем и такой: «qui tenet ad terminum vite vel *annorum?*» [67] В Extenta maneriorum, в Court Rolls и в Ministers' Accounts за XIII столетие случаи этой аренды встречались нам в общем довольно редко [68]. Учащаются они с XIV века, в особенности со второй его половины. При этом нужно заметить, что в первой половине XIV столетия, при сравнительной редкости случаев сдачи в аренду земли непосредственно самими лордами мэноров, нас поражает масса случаев междукрестьянской аренды, и при этом аренды краткосрочной и денежной. Крестьянин, чаще всего виллан, сдает обыкновенно виллану же на то или иное число лет ту или иную часть своего держания со всеми лежащими на ней повинностями в отношении к лорду мэнора, предварительно испросив на это разрешение у лорда, а еще чаще передав эту землю в руки лорда (in manus domini), который уже от себя передавал ее арендатору, взыскав при этом с этого последнего соответствующую пошлину (finis) и приняв от него присягу на верность (fidelitas). Подробное рассмотрение междукрестьянской аренды, равно как и исследование аренды, развившейся на домэниальной земле и на присоединенных к домэну пустошах во второй половине XIV века, сделано нами в соответствующих местах. Здесь же мы можем ограничиться сказанным.

С ростом населения спрос на землю все увеличивался, и выдачи из домэна не могли удовлетворить все усиливавшейся потребности. Неудивительно поэтому, что рядом с арендой на домэниальной земле начинает развиваться сдача лордами в аренду общинных пустошей. Само собою разумеется, что Мертонский и второй Уэстминстерский статуты и в этом отношении весьма облегчили лордам разрешение задач, поставленных им развитием денежного хозяйства. Превратив общинную пустошь в lord's waste, эти законодательные меры устранили юридическое препятствие, которое могло мешать лордам мэноров окончательно взять в свои руки дело снабжения землей растущего населения и обратить его в свою крупнейшую доходную статью. Едва ли может быть сомнение, что среди мотивов, побудивших лордов добиваться издания

этих статутов, перспектива хозяйственных выгод, связанных со сдачей в денежную аренду общинных пустошей, играла очень видную роль, едва ли не бо́льшую, чем потребность в расширении собственного хозяйства. Источники обильно снабжают нас данными, свидетельствующими о том, что землевладельцы широко воспользовались предоставленным им правом. Конечно, и после издания названных статутов, как и до этого, из пустоши выдавались участки не исключительно на арендном начале: и теперь, как и тогда, в широких размерах практиковалась сдача пустопорожней земли, на чисто феодальных основаниях (in feodo), в наследственное держание, свободное или вилланское; но чем дальше, тем все больше и больше начинает преобладать срочная денежная аренда; да и выдававшиеся из пустоши феодальные держания все больше и больше становились чисто денежными; можно даже сказать, что такими в большинстве случаев они были всегда. Если, например, мы обратимся к такому источнику, как *Abbreviatio Rotulorum Originalium*, то мы найдем здесь не мало случаев сдачи в феодальное держание общинной пустоши (все они относятся к царствованию Эдуарда III, и притом, за очень немногими исключениями, к первой его половине), и во всех их без исключения держатели дают лордам мэноров только деньги, обыкновенно по 4 пенса за акр [69]. В том же сборнике мы встречаем случаи и простой денежной аренды на срок (из той же поры), при чем лорды мэноров сдают (обыкновенно ad terminum vitae) иногда целые сотни акров пустоши, предварительно озаботившись превратить эту пустошь в экзарту («assartare et in culturam redigere») [70]. Эта предварительная операция очень часто упоминается в источниках, содержащих свидетельства об аренде пустошей в пределах мэноров как духовных, так и светских владельцев. Может быть, это объясняется тем, что богатым в большинстве случаев монастырям и крупным светским землевладельцам было гораздо легче выкорчевать пустошь и произвести другие работы, необходимые для того, чтобы превратить пустошь в пахотную землю («terram arabilem facere»), и требовавшие таких хозяйственных средств, которыми не мог располагать малосильный человек, каким в большинстве случаев являлся тогда арендатор; с другой стороны, едва ли здесь не играло некоторой роли и то, что если бы заимка производилась самим арендатором, то это создало бы этому последнему такое отношение к земле, которое было несовместимо с положением его как срочного арендатора, потому что, по воззрениям, шедшим из глубины веков, превращение человеком пустоши в пахотную землю давало ему на эту землю права гораздо более прочные, чем те, какими лорд мэнора имел в виду наделить своего срочного арендатора.

Каких размеров достигали иногда делавшиеся лордами мэноров захваты в общинных пустошах с целью сдачи их в денежную аренду нуждавшемуся в земле населению, показывает такой, например, факт: на пятом году своего царствования король Эдуард III разрешил Джону Уоррену, графу Сэррэй, выделить в свою частную собственность (se appruare) столько пустопорожней земли (относящейся к мэнорам его Conyngesburgh, Sandhale, Haitfeld, Wakefeld, Thorn' и Souresbishyre), чтобы сдача ее в денежную аренду всем желающим («certis tenentibus ea recipere volentibus») могла дать в год 200 фунт. стерлингов [71]. Считая по 4 пенса за акр (обычная в то время арендная плата), мы получаем не больше и не меньше, как 12.000 акров. В большинстве случаев, как это мы видим из всякого рода описей имений и из отчетов приказ-

чиков и из протоколов сеньериальных курий, превращенные в экзарту пустоши сдавались небольшими участками и даже клочками, нередко в виде дополнения к оказавшимся недостаточными чисто феодальным держаниям свободного или несвободного характера («pro placea sua in bondagio elarganda или pro mesuagio suo elargando») [72] Что касается форм аренды, развивавшейся таким образом на пустоши, то все сказанное нами выше о развитии арендных отношений на terra dominica вполне применимо и к аренде на vastum, превратившемся в lord's waste: и здесь, как и там, арендное отношение лишь постепенно эмансипировалось от феодальных элементов, лишь медленно приближаясь к обычному для нас типу.

IV

Как ни значительны могли быть завоевания, сделанные арендой на домэниальной земле в собственном смысле и на присоединявшихся к домэну пустошах, тем не менее развитие арендных отношений на этом не остановилось. Протоколы мэнориальных курий вскрывают перед нами явление, до сих пор не обращавшее на себя внимания исследователей, а между тем крайне любопытное и в высокой степени характерное для изучаемой нами эволюции хозяйственных и социальных форм. Оказывается, что уже в конце XIII столетия, и чем дальше, тем все сильнее и сильнее, развивается сдача земли в арендное пользование среди самих крестьян. Сами крестьяне, без различия виллапов и свободных, восполняют дававшие себя знать все больше и больше по мере естественного роста населения, земельные недочеты путем арендования того или иного (обыкновенно небольшого) количества акров у своих же односельчан, по той или иной причине находивших возможным, а иногда и необходимым, отдать в другие руки большую или меньшую часть своего надела, а то и совсем освободить себя от его обработки. Источники не очень скупятся на детали относительно тех юридических и бытовых форм, в какие отливалась эта междукрестьянская аренда, и позволяют нам с значительною конкретностью представить себе это явление и то место, какое оно занимает в процессе эволюции мэнориального строя в качестве одной из многих его сторон.

Как и следовало ожидать, арендные отношения среди зависимого населения мэнора возникали, существовали и развивались под сенью сеньериальной власти, ни на минуту не выходя из юридических рамок этой власти, в глазах общего права являясь всего лишь одной из эманаций этой власти, одной из сторон ее проявления на материале подведомственной ей действительности. Отношения эти, как и аренда у самого сеньера непосредственно, в момент своего возникновения — и очень долго и потом — со стороны формы всецело стояли на чисто феодальной почве, несмотря на то, что по существу они ее подкапывали, представляя собою показателей совсем иного хозяйственного и общественного строя. Несомненно, самой типичной для первоначальной ступени в развитии междукрестьянской аренды формой передачи земли во временное пользование является возвращение сдающим тот или иной участок крестьянином этой земли в руки сеньера («reddit in manus domini») и передача ее арендатору, который становится таким образом арендатором самого лорда («tenet de domino») на определенный срок («ad terminim annorum») и обязуется исполнять все лежащие на этой земле повинности («pro redditu et servicio inde debitis). Проце-

дура эта совершалась в мэнориальной курии («in plena curia»), т.-е. на сельском сходе, галимоте, на котором лорда обыкновенно представлял его сенешал. Берущий землю платил при этом, или обязывался уплатить, пошлину (finis) в пользу лорда и приносил лорду присягу на верность («fecit fidelitatem»). Этим формальная процедура могла и оканчиваться и в таком виде и воспроизводилась в протоколе курии. Между лицом, сдавшим на срок свою землю, и лицом, взявшим ее, как будто не возникало никаких отношений; между землею и сдавшим ее в аренду как будто порывалась всякая связь; из рук своего прежнего владельца земля как будто возвращалась к своему собственнику, который и отдавал ее вполне по своей воле, кому хотел, во временное пользование.

Такова была форма. По внешности это была сделка между сеньером и арендатором; прежний владелец совершенно устранялся. Но это была только форма, далеко не покрывавшая всего содержания хозяйственного факта, на который она была наложена. Она совершенно игнорировала как раз самую сущность этого факта, который представлял собою арендную сделку между двумя держателями лорда, устанавливавшую прежде всего связь между арендатором и сдающим в аренду и только в силу этого ставившую в известные отношения к сеньеру и арендатора. Связь эта выступает наружу с течением времени, когда в протоколы курии в подобных случаях начинают вводить некоторые подробности, проливающие свет на истинный характер заносимого в протокол факта. Повидимому, и самая процедура, происходившая в подобных случаях в мэнориальной курии, несколько изменяется. Обряд передачи сдаваемой в аренду земли в руки лорда как будто начинает выходить из употребления. По крайней мере, нам все чаще и чаще начинают встречаться случаи, когда об этой передаче протокол не упоминает больше, и, вместо выражения «venit in curiam et reddidit in manus domini» для такого-то столько-то акров на столько-то лет, мы читаем о том, как такой-то испрашивает у лорда разрешение сдать («petit licenciam dimittendi») такую-то землю такому-то на столько-то лет, или с разрешения лорда сдал («per licenciam domini dimisit») такую-то землю такому-то на столько-то лет и т. д. Едва ли нужно говорить, что это изменение формы — и само по себе весьма красноречивый факт, уже и сам по себе кое-что дающий для уразумения возникающих отношений и вместе с тем как будто свидетельствующий о том, что и в глазах курии мало-по-малу начинало вырисовываться своеобразие этих отношений, вовсе не требовавших тех неуклюжих формальностей, которыми их первоначально обставляла феодальная практика. Права лорда на данную землю не терпели решительно никакого ущерба в случае передачи ее феодальным держателем третьему лицу в срочную аренду оттого, что земля эта не была предварительно возвращена в руки лорда, чтобы уже после этого быть переданной арендатору. Достаточно было одного резрешения лорда и занесения факта в протокол курии. Вот в таких-то записях мы и встречаем иногда те подробности, в которых, в сущности, и заключается весь смысл арендной сделки. Мы возьмем пример из второй половины XIV столетия; он более всего типичен, и не только для второй половины этого столетия, но и для всего предшествующего времени (с конца XIII века).

Виллан Джон Portier и жена его Матильда явились в курию (в Plessetis в Эссексе, во вторник, в день Обретения Честного Креста Господня,

в 49-й год царствования Эдуарда III) и с разрешения лорда («per licenciam domini») сдали («dimiserunt») Джону atte Tye, такому же виллану, один акр вилланской земли («unam acram terre natiue»), так называемый Joleynesaker, с тем, чтобы Джон atte Tye держал его до конца срока следующих девяти лет («tenedma eidem Johanni atte Tye usque ad finem termini novem annorum proxime sequentium et plenarie completorum»), уплачивая за него ежегодно названным выше Джону Portier'y и Матильде по семи пенсов к празднику св. Михаила Архангела. («Reddendo inde annuatim predictis Johanni Portier et Matildi septem denarios ad festum Sancti Michaelis Archangeli») и отбывая лорду обычные повинности («et faciendo domino seruicia et consuetudines»). Джон atte Tye обязан уплатить за это лорду соответствующую пошлину, в чем поручился за него Джон Blacche («Et dat domino de fine pro termino illo habendo ut patert per plegium Johannis Blacche») [73]. Таким образом, Джон atte Tye одновременно становится арендатором двух лиц в отношении к одному и тому же акру земли. Отношение, возникающее между феодальным держателем лорда и третьим лицом, нисколько не изменяет отношения лорда к отдаваемой в аренду его держателем земле: как и до этого, лорд продолжает получать с этой земли все следуемые ему с нее обычные повинности («servicia et consuetudines»); переменилось, да и то на время, только лицо, несущее эти повинности. Но этого мало. Не произошло в то же время никакого изменения и в юридическом отношении сдавшего в аренду свою землю феодального держателя лорда к этой сданной им в аренду земле: он продолжал оставаться феодальным держателем этой земли, seisina в отношении к ней сохранялась за ним. Об этом свидетельствует факт получения им арендной платы с арендатора; на то же указывают и другие относящиеся к аренде подробности, встречаемые нами в протоколах.

Джон le Swerder сдал на десятом году царствования короля Эдуарда II виллану Джону Чайлду (из той же деревни Plessetis в Эссексском графстве), с разрешения, полученного в мэнориальной курии («per licentiam hic in Curia»), акр с тремя четвертями пахотной земли на девять лет. Через три года он явился в курию и просил разрешить ему по истечении девятилетнего срока, на который он сдал эти 1¾ акра, сдать эти земли тому же Джону Чайлду еще на три года («et petit licenciam dimittendi dictam terram tenendam dicto Johanni Child per tres annos proximo sequentes post primum terminum completum»); и ему дано было это разрешение, а Чайлд внес за это 6 пенсов пошлины [74]. Таким образом, и сдав свою землю в аренду, Джон le Swerder не потерял над нею феодально-держательских прав; в противном случае Чайлд, желая продлить срок аренды, не имел бы никакой надобности в его посредничестве. Наличность этого посредничества ясно указывает на то, что фактически сдающим землю является не лорд мэнора или мэнориальная курия, а сам Джон le Swerder, продолжающий при этом сохранять за собою все свои держательские права на эту землю. Нередко сдавший землю держатель продолжал отбывать лорду все следуемые с нее повинности, так что его даже фактически не замещал арендатор. Виллан Ричар Wrangy (из той же деревни) и его жена испрашивают в курии в Plessetis разрешение сдать Джону de Cornwaille, уолтэмскому викарию, один акр пахотной земли на 12 лет на таком условии: викарий обязуется давать Ричарду и Сарре по 12 пенсов в год и надлежащим образом удобрить эту землю («sub hac forma quod reddit eisdem

Ricardo et Sarre annuatim durante termino predicto XII d. et quod dictam acram terre debito modo compostabit infra tempus predictum ita quod in fine termini predicti dicta terra amelioratur»); если в течение этого времени викарий умрет, и земля окажется засеянной, то после уборки жатвы земля без всяких препятствий возвращается Ричарду и Сарре или их наследникам («et si contigat dictum Johannem infra terminum predictum decedere et terra inbladata fuerit statim preter vesturam inde asportatam dicta acra terre dictis Ricardo et Sarr' vel ad heredes suos sine aliqua contradictione plenarie revertatur»). Ричард и Сарра, с своей стороны, должны были нести все это время все следуемые лорду с этой земли повинности («et dicti Ricardus et Sarra faciant per totum terminum predictum seruicia inde debita et de iure consueta»). Викарию было разрешено взять землю на таком условии («et concessum est dicto Johanni dictam acram terre in forma predicta tenendum et habendum), и он обязался уплатить пошлины 6 пенсов [75].

Приведем еще случай, как бы объединяющий оба только что рассмотренные казуса и еще более подчеркивающий тот факт, что сдающим в аренду землю являлся сам виллан, продолжавший при этом сохранять за собою все свои феодально-владельческие права, свою вилланскую сейзину, на временно отчуждаемую в пользование третьего лица землю. Гуго atte Wode снял у виллана Генриха atte Hulle («habuit ex dimissione Henrici atte Hulle») один акр луга на два года. С разрешения лорда этот арендатор, с своей стороны, пересдал (dimisit) этот луг Джону Waleys на те же два года [(ad) terminum predictum]. Это произошло в курии в Plessetis на 23-м году царствования Эдуарда III. После этого в то же заседание явился Генрих atte Hulle и с разрешения лорда сдал (dimisit) этот же акр луга этому же Джону Waleys еще на 6 лет («ulterius usque ad finem sex annorum»), обязавшись нести вместо Джона в течение этого срока все следуемые лорду повинности [76].

Слово *terminus*, срок, получает техническое значение совокупности прав арендатора на снятую им землю. То обстоятельство, что арендные сделки между крестьянами совершались под эгидою сеньериальной власти, что они получали санкцию от сеньериальной курии и заносились в протоколы, служило серьезной гарантией этих прав арендатора на снятую им землю, придавая этим сделкам вполне юридический характер, давая им судебную защиту в курии. В случае нарушения conventionis, заключенной сдающим землю с арендатором, потерпевшая сторона имела право искать удовлетворения судебным порядком.

Виллан деревни Magna Waltham в Эссексском графстве Уильям Blacche с разрешения лорда сдал своему односельчанину, такому же виллану, Уильяму de Koulande все свои земли и держания, которые он держал на вилланском праве в Magna Waltham («convenit inter predictos Willelmum et Willelmum Ita quod idem Willelmus Blacche per licenciam domini dimitteret dicto Willelmo le Koulande omnes terras et omnia tenementa sua que habuit et tenuit in bondagio in Magna Waltham«), с 8-го декабря 1339 года (13 Edw. III) по 29-е сентября (Михайлов день) следующего года, а затем с этого 29-го сентября — еще на 15 лет, при чем арендатор должен был отбывать все следуемые лорду с арендуемой им земли обычные повинности. Не прошло и года, а арендная сделка уже была нарушена Уильямом Blacche («quam quidem conventionem idem Willelmus Blacche recusauit tenere»), и арендатор его предъявил к нему иск о нарушении договора, требуя возмещения причиненных ему этим убытков

на сумму 40 шилл. («unde idem Willelmus de Koulande detetioratus est et dampna habet ad valenciam XL s.»), и Blacche был позван в курию к ответу («summonitus fuit ad respondendum Willelmo de Koulande in placito conventionis»). Это было в заседании курии в Plessetis в понедельник 6 марта 1340 года. Blacche не мог отрицать, что арендный договор с Уилльямом de Koulande он действительно заключил («in Curia non potuit dictam conventionem dedicere sed cognovit»), и стал ходатайствовать пред курией, чтобы ему позволили помириться с Уилльямом de Koulande («petit licenciam concordandi»). Ходатайство его было уважено, и между ним и истцом состоялось примирение на таком условии: истец простил ему (perdonauit) 20 шилл. из исковой суммы 40 шиллингов; что же касается остальных 20 шиллингов, то истец согласился потребовать от ответчика их уплаты только в том случае, если ответчик до конца арендного срока сдаст кому-либо иному арендованную истцом у него землю, т.-е. еще раз совершит то, за что истец привлек его к ответственности в этот раз [77].

Защищаемый курией в своих правах временного пользования взятой в аренду землею в отношении к сдавшему ее феодальному держателю, арендатор не был оставляем курией и на произвол того, к кому тем или иным законным порядком переходила seisina на эту землю: и против нового феодального держателя, сменившего прежнего, того, с которым был им заключен арендный договор, его terminus оставался в силе. Джон, сын Роджера Thrower, внук и наследник умершей Саэты Thrower, явился в полное собрание курии в Plessetis и предъявил свои права на земли и держания умершей, как на свое наследство («et petit terras et tenementa que fuerunt predicte Saethe ut ius et hereditatem suam»), заявив и о своем намерении нести все следуемые с этих земель по праву повинности («et optulit se ad faciendum quod iure etc»). После этого («super qua calumpnia») в курию явились Алиса и Матильда, дочери Саэты, и заявили, что покойная с разрешения лорда здесь же в курии сдала им усадьбу и $2^1/_2$ акра пахотной земли на срок, оканчивающийся через три года после ее смерти. И справки в протоколах курии вполне подтвердили их заявление («et hoc manifeste constat per inspectionem rotulorum Curie») [78].

Публичность акта сдачи земли в арендное пользование, совершавшегося на сельском сходе, в мэнориальной курии, и занесение его в протокол курии вполне, таким образом, обеспечивали за арендатором неприкосновенность его прав на взятую им землю как в отношении к лицу, у которого он взял землю, так и в отношении ко всем третьим лицам, сменявшим это лицо до истечения обусловленного в арендном договоре срока, так, наконец, и в отношении к той будто бы вездесущей и все проникающей воле лорда, к которой, как к метафизической primum movens, юридическая теория сводила все жизненные проявления феодальной деревни. Воля эта и в этих случаях продолжала играть роль вполне корректного конституционного короля, который царствует, но не управляет, а тем более далек от каких бы то ни было посягательств на действующий правовой порядок, регулирующий жизнь и достаточно гибкий для того, чтобы не стеснять ее свободного развития. Можно смело сказать, что мэнориальное право, умалявшееся в глазах общего права королевских судов до скромного значения consuetudo manerii, значительно раньше создало гарантии для арендных отношений, чем это сделали королевские суды для аренды среди свободного меньшинства английского народа,

среди тех boni et legales или просто liberi homines, для которых только и существовала пока широкая государственность и все сделанные ею до и после Великой Хартии успехи. Ссылка на rotulus curiae являлась вполне убедительным аргументом при отстаивании арендатором своих прав на арендуемую им землю в такой же мере, как и при обосновании вилланом своих наследственных прав на следуемое ему по мэнориальному праву держание. *Dimittere per rotulum curie*, сдавать по протоколу курии — становится даже техническим выражением, весьма нередко встречающимся в мэнориальных протоколах. Правда, нам попадалось оно в применении к земле, арендуемой непосредственно у лорда; но едва ли может быть сомнение, что оно вполне применимо и применялось и к междукрестьянской аренде, тем более, что, как мы видели, с формальной стороны и эта последняя вполне отожествлялась с арендованием земли у самого лорда.

В какой мере была распространена в изучаемую нами эпоху (с конца XIII века) междукрестьянская аренда, об этом дает понятие та масса записей этого рода случаев, какую мы встречаем в протоколах мэнориальных курий уже с первых лет царствования Эдуарда I. Не менее красноречивым показателем являются и заносившиеся в протоколы курии общие факты, подобные тому, с каким мы знакомимся, например, по протоколу заседания курии деревень Waltham и Estre в Эссексе, происходившего в четверг, ближайший после праздника св. Григория, на 14-м году царствования Эдуарда I. В заседании этом была избрана комиссия, которой было поручено произвести расследование об обычных держателях, кто из них купил или продал свободную землю или вилланскую, *или отдал ее в аренду*, и кому продал или отдал («assignantur ad inquirendum de custumariis quis eorum emit vel vendidit liberam terram seu villenagium *uel tradidit* ad firmam et cui vendidit et tradidit» [79].

В отношении к междукрестьянской аренде с полным правом можно сказать то же, что нам приходилось говорить и о других явлениях мэнориальной жизни, все более и более развивавшихся к концу XIII и в XIV веке. Как и эти последние, она не представляла собою явления, совершенно чуждого более раннему времени, когда феодальные черты были преобладающими в мэнориальных распорядках. И в ту эпоху междукрестьянские зависимые отношения по земле несомненно существовали, но они, как и другие, не гармонировавшие с господствовавшим порядком хозяйственных и социальных отношений явления, скромно ютились далеко на заднем плане общей картины, едва заметные для незаинтересованного специально зрителя и не привлекая внимания мэнориальной администрации, поскольку она представляла интересы сеньера. Ошибкой было бы думать, что средневековая английская деревня представляла собою, даже если брать только ея несвободное население, однородную по своему составу группу, что все элементы этой группы находились, так сказать, на одной плоскости. Нам уже неоднократно приходилось убеждаться, до какой степени поверхностною была мэнориальная надстройка, в какой мере жизнь общины, под ней находившейся, могла свободно течь и развиваться по внутренним законам своего течения и роста. Неудивительно поэтому, что в английской средневековой деревне, несмотря на ее феодальную оболочку, скрываясь за этой оболочкой, совершались те внутренние процессы, которые происходили и происходят и в совершенно сво-

бодных общинах с ростом населения, не находящего выхода из узких рамок данной хозяйственной формы; неудивительно поэтому, что дробление фактического владения уже очень рано должно было иметь место под покровом официально признававшихся мэнориальною властью количественных отношений в сфере земледержания, в свою очередь не оставшихся, впрочем, совершенно неподвижными нормами; что рядом с несвободными элементами общины, державшими землю непосредственно от лорда, рядом с несвободными tenentes in capite, уже рано должны были появиться и такие, которые сидели на земле этих непосредственных держателей,— словом, и внутри мэнора, внутри сельской общины, стала возникать социальная лестница, так характерная для верхних этажей феодального общества средневековой Европы; можно только с уверенностью сказать, что в этой мэнориальной лестнице было значительно меньше ступеней, чем в той, по которой были расположены boni et legales homines и их сюзэрэны и вассалы. До поры, до времени мэнориальная власть игнорировала эти новые образования, и поэтому они мало оставили следов в мэнориальных документах. Но как ни скудны данные источников, мы все-таки имеем некоторую возможность констатировать наличность второстепенных держателей внутри мэнора и в чисто феодальную эпоху (поскольку вообще может быть речь о чисто феодальной эпохе).

Исследователям социального строя средневековой Англии давно знакомы термины «anlepemen», «levingmen» и «undersettle». Нельзя сказать, чтобы явления, обозначаемые этими терминами, были в такой же мере известны. Исследователи знают только, что «undersettles», «anlipemen» и «levingmen» были мелкие люди, сидевшие на крестьянской земле, на земле вилланов, при ее хозяевах, не то в качестве их батраков, не то в качестве их держателей, конечно, мелких, что иногда они вместе со своими хозяевами и остальными их домочадцами по зову приказчика выходили на помочи, обыкновенно в страдную пору, когда барская экономия особенно нуждалась в рабочих руках и освобождала от «работы из любви» только хозяек крестьянских дворов. Но каков был характер отношений, установившихся между виллаком и его «подсуседком» (употребляем термин старо-малороссийский, обозначавший аналогичное явление), захребетником, да и действительно ли мы имеем в этих случаях дело с междукрестьянской арендой или же с батрачеством, несомненно, существовавшим, как мы видели *, в средневековом мэноре, обо всем этом исследователи средневекового мэнора не дают вполне определенных и конкретных указаний, так как вопрос этот их специально не интересовал, и они касались его лишь попутно.

В источниках весьма нередко встречаются упоминания о мелких держателях (parvi tenentes), сидящих на земле свободных держателей (libere tenentes), в свою очередь далеко не принадлежащих к разряду сколько-нибудь крупных землевладельцев. Мы имеем в виду, в частности, *Сотенные Свитки*, где мы находим очень много случаев подобного рода, особенно в графстве Бедфордском. Владельцы от одной до двух виргат, владельцы половинных наделов и четвертей виргат очень часто имеют собственных держателей («cum suis propriis tenentibus»), обыкновенно мелких («cum suis parvis tenentibus, cum suis tenentibus de parvis tenuris» или «de parvis tenementis»), иногда в боль-

* См. выше, стр. 158—159.

шом количестве держащих у них землю за небольшие ежегодные повинности («plures habet inde parvos tenentes pro parvis serviciis annualibus») [80]. До каких пределов могло доходить дробление земли между этими мелкими второстепенными держателми, показывает пример некоей Юлианы de Pond', которая держала от приора госпитальеров в Suldriope (в Бедфордшире) с своими мелкими держателями («cum suis parvis tenentibus») всего лишь один акр [81]. Едва ли можно серьезно говорить о различии в хозяйственном положении между владеющим одною-двумя виргатами, а чаще половиной и четвертью виргаты, свободным держателем и сидящим на полном или неполном наделе вилланом. Мы уже имели много случаев убедиться, как мало мэнориальная надстройка изменяла внутреннюю жизнь находившейся под ней общинной группы и каждого из ее членов, отчасти даже задерживая те изменения, каким она подвергалась независимо от какого бы то ни было воздействия сверху. Мы видели, что закрепощение общины и каждого из ее членов в силу общих хозяйственных условий, при которых оно совершалось, могло осуществиться лишь в сравнительно слабой форме прямого и косвенного обложения труда членов общины со стороны политического главы общины, каким является ее лорд, без всякого изменения хозяйственной организации до тех пор свободного крестьянства. Превращение свободного члена общины в виллана не отразилось сколько-нибудь заметным образом на внутренних распорядках крестьянского хозяйства и на отношениях его главы с внешним миром и в этом смысле не проводило никакой существенной разницы между вилланом и свободным держателем крестьянского звания и таким образом оставляло вилланское хозяйство открытым для всех тех влияний, которым подвергалось и хозяйство свободного крестьянина в процессе безостановочно развивавшейся естественной эволюции аграрных и социальных форм внутри мэнориальной общины. В виду этого вполне естественным представляется вывод, что развитие второстепенных держаний, второго слоя зависимых землевладельцев, не могло ограничиться пределами свободного земледержания и необходимо должно было совершаться и на землях вилланов. К тому же мы уже имели случай видеть, что поземельные сделки между вилланами были заурядным явлением в практике мэнориальной курии,—положительный довод в пользу того, что сдача вилланами частей своих наделов третьим лицам вполне гармонировала с общим характером мэнориального строя. Эти общие соображения находят себе поддержку в прямых свидетельствах источников. У проф. Виноградова приведена выдержка из писцовой книги Илийского епископства, хранящейся в Британском музее, говорящая о том, что «Anelipemen, Anelipewyman et coterellus manens super terram episcopi *vel terram alicuius custumariorum suorum* metet unam selionem in autumpno ex consuetudine que vocatur luuebene» [82].

На каких условиях сдавали свою землю свободные и крепостные крестьяне? Относительно свободных крестьян мы имеем указание (уже нами приводившееся) в Rotuli Hundredorum: мелкие держатели («parvi tenentes») держали от них землю за небольшие повинности («pro parvis serviciis annualibus»). Едва ли мы ошибемся, если скажем, что эти малые повинности только количественно отличались от тех, какие несли непосредственные держатели лорда мэнора, и также состояли в труде мелкого держателя и в продуктах его труда, а также и в денежных платежах, поскольку эти последние вообще были тогда в ходу. Ничто не мешает нам распространить это утверждение и на держате-

лей, бравших землю у виллапов. Что касается срока, на какой свободные и крепостные крестьяне сдавали свои земли, то и в отношении к этому пункту можно с полным основанием руководствоваться аналогией из области отношений между самими крестьянами и их лордом. Пока сдача на срок («ad terminum annorum») еще только еле-еле намечалась в практике барского двора, едва ли могла она достигнуть сколько-нибудь значительного развития и в междукрестьянской практике, и обычной формой междукрестьянской аренды являлась сдача земли в наследственное держание или ad terminum vitae сдающего или берущего землю. Само собою разумеется, что и в более позднее время, когда развилась уже и краткосрочная аренда как на барской земле, так и на крестьянской, продолжала сохраняться и эта, более неуклюжая форма, несмотря на успехи денежного хозяйства, как это мы видим из следующего примера. Виллан Джон le Bedel из деревни Waltham Эссексского графства в заседании курии в Plessetis во вторник после праздника св. Матфея, на 13-м году царствования Эдуарда II, возвратил в руки лорда («sursum reddidit domino») 11 акров земли с принадлежностями («cum pertinenciis») в Waltham'е для виллана Джона Blacche («ad opus Johannis Blacche natiui domini»). Курия тут же передала этому Джону владельческие права на эту землю («cui concessa est inde seisina) на таком условии: Джон Blacche, наследники его или им назначенные лица («assignati sui») должны отбывать лорду все следуемые с этой земли повинности («facient annuatim domino et penes quoscunque aquietabunt et defendent omnimoda servicia et consuetudines que de predicto quarterio terre integro aliquo modo exigi possunt») и, кроме того, обязаны ежегодно уплачивать Джону le Bedel и его наследникам или назначенным им лицам по 8 шиллингов серебром равными частями в четыре срока («ad quatuor terminos anni principales per equales porciones») [83].

Возвращаемся к междукрестьянской аренде в собственном смысле. Уже с конца XIII века можно констатировать широкое распространение краткосрочной аренды. Чаще всего встречались нам случаи сдачи крестьянами земли на 9, на 12 и на 6 лет, менее часто — на 15 лет, 4 года, 8 лет, 7 лет, 13 лет, 16 лет, 20 лет и 10 лет. Что касается условий, на каких крестьяне сдавали свою землю, то само собою разумеется, что полного единообразия здесь быть не могло, хотя, чем дальше, тем все больше и больше усиливалась тенденция в направлении к нему: с развитием денежного хозяйства денежные платежи и здесь, как и в отношениях между лордом и его держателями, становились тем знаменателем, к которому все чаще и чаще приводились натуральные повинности во всей их жизненной пестроте и разнообразии. Приведем несколько примеров.

Виллан Джон Alwene (иначе Aleyn) с разрешения лорда («per licenciam domini») в курии Plessetis в Эссексе сдал (dimisit) Стефану Shokk четверть вилланского надела («unum quarterium terre custumarie») на 6 лет вместе с правом хранить хлеб на его, Джона, гумне («et eciam grangiam mesuagii sui pro bladis suis infra tempus predictum hospitandis una cum liberis introitibus et exitibus ad libitum eiusdem Stephani»). Арендатор должен в течение этого срока отбывать все следуемые с этой земли ее лорду повинности («faciendo inde domino per tempus predictum seruicia et consuetudines inde debita») и давать Джону ежегодно по полторы четверти пшеницы и по одной четверти бобов и гороху («et reddendo inde annuatim predicto Johanni unum quarterium

et dimidium frumenti et unum quarterium fabarum et pisarum»). Это было на 13-м году царствования Эдуарда III [84]. Двумя годами раньше в той же курии Агнеса de Bathelesbregg' с разрешения лорда сдала (dimisit) на 9 лет Джону Robert и его жене Изабелле четверть вилланского надела («I quarterium terre custumalis»), которою она владела на праве *свободной скамьи* («quam tenet ut liberum bancum suum») (т.-е. на праве вдовы виллана до смерти владеть землей своего мужа). Арендатор и его жена обязались нести все следуемые лорду повинности и ежегодно выдавать Агнесе в течение этого срока по четверти пшеницы, по 4 бушеля бобов и по 4 бушеля гороху, а также содержать взятое ими держание в том состоянии, в каком они взяли его, и даже улучшить («et sustentabit dictum tenementum per tempus predictum in adeo bono statu quo nunc vel meliori») [85]. Изабелла Coppedok с разрешения лорда в той же курии сдала Уилльяму de Pencostre все свое держание в деревне Badewe («totum tenementum suum quod habet in villa de Badewe») на 8 лет. В течение этого срока Уилльям должен выплатить Изабелле 20 шиллингов («et idem Willelmus satisfaciet eidem Isabelle infra tempus predictum de XX solidis sine dilacione»). Кроме того, Изабелла ежегодно будет получать с Уилльяма все эти 8 лет треть урожая всех родов хлеба, который он будет сеять на этой земле («et eadem Isabella percipiet annuatim de predicto Willielmo durante dicto termino terciam partem vesture cuiusque bladi in dicta terra per totum dictum tempus seminati»). Арендатор все это время должен надлежащим образом обсеменять снятую землю как под озимь, так и под яровое («et dictus Willelmus seminabit per totum dictum tempus predictam terram debito modo secundum formam seisone), должен содержать трех овец Изабеллы и возить в усадьбу Изабеллы в Molesham'e следуемый ей хлеб; взятую в аренду землю он должен возвратить в том же виде, в каком взял, без всякого ущерба («sine vasto»); для огораживания своего поля и других подобных надобностей он будет иметь право брать хворост («et dictus Willelmus habebit hegbot sufficientem pro campis et claustris includendis»). С своей стороны, Изабелла обязуется нести все следуемые с этой земли лорду повинности («et dicta Isabella durante predicto termino faciet domino servicia et consuetudines inde debitas»). Случай этот относится к 6-му году царствования Эдуарда III [86]. Уилльям Смис явился в курию в полном ее составе («venit in plena Curia») и передал (concessit) Адаму Pumock 2 акра на 12 лет с тем, чтобы Адам уплачивал ежегодно ему по 2 пенса в четыре срока, а лорду — по каплуну. Это было на 9-м году царствования Эдуарда I [87]. Уилльям из Duffield parva (в графстве Дэрби) снял у Гуго de Colwyk три боваты земли на 12 лет с обязательством уплачивать ежегодно сеньеру по 15 шиллингов, а Гуго — по 8 шиллингов («ad soluendum capitali domino XV sol. per annum et dicto Hugoni VIII sol. per annum»). Состоялась эта сделка (conventio) в последних годах первой половины XIV века [88].

Иногда (едва ли часто) арендатор, снимая у крестьянина ту или иную часть его держания, ничего не давал ему в виде арендной платы, а лишь брал на себя несение следуемых с нее лорду повинностей, облегчая этим повинности самого держателя. Маргарита Welynough (в курии Plessetis, в Эссексе, на 14-м году царствования Эдуарда III) испросила разрешение сдать («petit licenciam dimittendi») Уилльяму Ferrers и его жене Катерине кусок земли («unum croftam vocatam Whitecroft») на 9 лет. Уилльяму разрешили снять эту землю

(«et idem Willielmus licenciatus est dictam croftam recipiendum»), и он обязался уплачивать лорду в продолжение этого срока соразмерно величине этого своего участка по 4 пенса ежегодно, а Маргарита должна была нести остальные повинности («et soluet annuatim durante termino predicto per porcionem tenementi predicti IIII d. et dicta marger' faciet residuum seruiciorum predictorum») [89].

Как общее правило, допускавшее очень мало исключений, междукрестьянская аренда была крайне мелкая аренда. Один, полтора, два, три акра, весьма нередко отдельные части акра, — вот обычный размер арендуемых в этих случаях участков. Десяток или полтора десятка акров, — такие сравнительно крупные аренды встречались нам очень редко. Такое дробление земли, вызывавшееся спросом на мелкие участки, делало возможным для крестьянина иметь не одного, а иногда нескольких арендаторов. В этом отношении весьма интересен уже знакомый нам виллан Генрих atte Hulle из деревни Waltham в Эссексском графстве. На 10-м году царствования Эдуарда III он сдал Уильяму atte Fanne, свободному человеку (libero), один акр пахотной земли с принадлежащими к ней угодьями («cum pertinenciis») на 9 лет [90], на 17-м году — тому же Уильяму atte Fanne еще один акр на 10 лет [91], на 19-м году — тому же Уильяму еще два акра пастбища («duas acras pasture») на 3 года [92]; на 11-м году он сдал Симону le Chapman и жене его Алисе 1¼ акра пахотной земли («I acram et I rodam terre») на 7 лет [93], на 17-м году — тому же Симону Chapman еще один акр пахотной земли на 8 лет [94]; на 14-м году он сдал Ричарду Salkyn одну четвертую акра луга («unam rodam prati») на 12 лет [95]; на 17-м году сдал Роберту Schach пять акров пахотной земли на 11 лет [96] и, наконец, на 23-м году он сдал, как мы уже имели случай раньше видеть, Гугону atte Wode один акр луга на 2 года, при чем Гугон передал этот акр Джону Waleys на тот же срок, а сам Генрих, еще с своей стороны, сдал его Джону на 5 лет в дополнение к этому двухлетнему сроку [97].

Протоколы очень скупы насчет подробностей условий, на каких Генрих сдавал во всех этих случаях отдельные участки своей земли. Мы знаем только, что все его арендаторы, за исключением одного, должны были отбывать лорду все следуемые с арендуемых ими участков повинности и приносили клятву верности лорду при получении земли в аренду (прямо это последнее сказано только об одном из них, но при обычности этой клятвы в подобных случаях мы можем смело предположить, что клятву эту приносили и остальные); только один из них не нес лорду повинностей, лежавших на взятой им земле; это был Джон Waleys; повинности эти обязался нести за него сам Генрих atte Hulle («et predictus Henricus toto termino predicto faciet seruicia et consuetudines pro predicto Johanne Waleys etc»), но о том, что он получил взамен этого от своего арендатора, протокол совсем не говорит, предоставляя читателю самому догадываться об этом. Мне кажется, что мы не будем далеки от истины, если предположим, что Джон Waleys платил Генриху определенную денежную сумму, хотя по каким-то, нам не известным причинам Генрих и не счел нужным доводить об этом до сведения курии. Едва ли без денег обходилось дело и в остальных случаях: трудно предположить, чтобы человек, едва ли не сделавший сдачу в аренду клочков своей земли чуть ли не профессией своей (а в пользу этого говорят слишком подозрительно частые для него случаи подобного рода сделок), мог ограничиваться простой временной передачей части своей земли с лежащею на ней соответственной частью повинностей без вся-

кой прямой денежной или иной какой выгоды для себя, тем более, что сдача земли за деньги, как мы уже знаем, была уже тогда и среди крестьян весьма распространенным явлением.

Все увеличивавшийся спрос на землю со стороны безземельного и малоземельного люда открывал перед владельцами полных и неполных наделов возможность не только переложить часть затрачиваемого ими на обработку своей земли труда и лежавших на ней повинностей на чужие плечи, но и в дополнение к этому получать с сдаваемой таким образом в аренду части земли и прямой, денежный главным образом, доход, эксплоатируя свое положение землевладельцев среди нуждавшегося в земле населения. Не разрывая, как мы видели, связывавших ее юридических уз, земля становится все более и более подвижным товаром, подчиняющимся условиям спроса и предложения; общие хозяйственные условия все более и более освобождают экономические факторы и делают возможным их естественное взаимодействие. Виллан, исконный земледелец, крестьянин, для которого единственной формой отношения к земле была собственноручная ее обработка, которого вся жизнь неразрывными узами связана была с жизнью занятого им уголка природы, который ни на один момент не выходил из-под власти возделываемой им земли, единственной власти, действительно подчинившей виллана и заставлявшей его покорно служить себе, теперь мало-по-малу превращается в господина своей земли, свободно разрывающего кровную связь с нею и столь же свободно возобновляющего ее; горизонт его, сфера его деятельности, стал шире; его земля приобрела свойство, которого она прежде, можно сказать, не имела, — давать ему доход без затраты его собственного труда, и он стал пользоваться этим ее новым свойством, отчасти или совсем избавляя себя от ее возделывания, отчасти или совсем отказываясь от той деятельности, которая прежде всецело определяла его роль и его место в общественном строе страны. Платя лорду за свою землю определенный денежный взнос взамен крестьянской работы прежней поры и отдавая эту землю в денежную аренду безземельным и малоземельным людям, виллан оставался крестьянином только по имени, превращаясь фактически в посредника, middleman'a, стоявшего между высшим собственником земли и ее действительным возделывателем. Таким образом, на продукты труда, прилагаемого к земле, возникло еще одно притязание, и раздел должен был производиться уже не между двумя, а между тремя социальными категориями.

Но и на этом деление не остановилось. Спрос на землю порождал явления, еще более ускорявшие и осложнявшие земельный оборот. Земля не только часто меняет действительно обрабатывающие ее руки, сдаваемая на короткие сроки действительно нуждающимся в ней и вкладывающим в нее свой труд людям. Она становится предметом простой спекуляции, барышничества, своего рода биржевой игры.

В заседании курии в деревне Plessetis (в Эссексском графстве), происходившем во вторник после Сретения, в первый год царствования Ричарда II, Маргарита Ganel из Waltham'a с разрешения лорда сдала (dimisit) Уилльяму Randolf одну виргату земли, называвшуюся Ganeles, на 12 лет; в следующем году арендатор этот (Уилльям Randolf) сам сдал эту виргату, с разрешения лорда, Роберту Parker на 11 лет, т.-е. на то время, на которое он сам еще имел арендаторские права на эту землю. И в первом, и во втором случае

снимавший землю приносил сеньеру клятву верности («fecit fidelitatem») и должен был нести все следуемые с земли сеньеру повинности («faciendo servicia»); но ни в том, ни в другом случае протокол ничего не говорит о тех выгодах, какие сдававшие землю непосредственно извлекали из этой операции, в виде денежных платежей, которые они несомненно получали с своих арендаторов [98].

В протоколах той же курии нам часто попадалось на глаза имя некоего Джона Hamond'a; во всех этих случаях он является то в роли арендатора, то в роли сдающего другим части снятой им на срок земли. Так, на 25-м году царствования Эдуарда III мы видим его снимающим у сеньера на 10 лет за 32 шилл. в год виргату земли, когда-то принадлежавшую Джону Palmere, умершему во время чумы со всеми своими наследниками; Hamond приносит клятву верности сеньеру и обязуется содержать в порядке дом и прочие находящиеся на этой земле постройки («sustentabit dom' et mur' etc»). В том же заседании курии он вместе с Джоном Strout берет у сеньера на 9 лет за 16 шилл. в год полвиргаты земли, прежде принадлежавшей Джону Swetyng, приносит клятву верности и берет на себя такое же обязательство, как и в первом случае [99]. На 49-м году царствования того же королл он вместе с женой своей Алисой является в курию и берет «все земли и держания со всем к ним относящимся, некогда бывшие у Гэмфри Clerk», к этому времени умершего и оставившего малолетнего наследника, тоже Гэмфри; землю эту Джон и его жена должны вернуть лорду в момент совершеннолетия наследника; за пользование ею они должны нести лорду следуемые по обычаю повинности и при этом обязаны содержать в порядке дома и все прочие постройки и не доводить хозяйство до разорения («et vastum non facient in tenementis predictis»); получая землю, они принесли клятву верности лорду [100]. Какое употребление мог сделать Джон Hamond из взятой в аренду земли, некоторое представление об этом дают протоколы следующего года, из которых узнаем, что Джон Hamond с разрешения лорда сдал Джону Stonhach 12 акров на 3 года, Джону Houte — 1 акр на тот же срок, а Джону Brok и его жене Сабине — полвиргаты и 1 акр оброчной земли («et unam acram de mollond») ad voluntatem domini; в следующем году он сдал Артуру Lewgor 14 акров на три года. Во всех этих случаях арендаторы приносили сеньеру клятву верности и обязывались исполнять лорду все лежавшие на земле повинности; что получал с них Джон Hamond, протоколы обходят полным молчанием [101]. На 6-м году царствования Ричарда II Джон Hamond сдал Джону Ram старшему 8 акров земли, лежавшей отдельными кусками («octo acras terre iacentes in diversis parcellis»), на 2 года на таких же условиях, как и в предшествующих случаях [102].

Едва ли можно сомневаться, что в лице Джона Гамонда мы имеем дело с человеком, спекулирующим на землю. Всю ли землю сдавал он по частям третьим лицам или же обрабатывал ее отчасти и сам, еще не порывая окончательно с крестьянскою жизнью, из протоколов этого не видно. Во всяком случае главный его интерес едва ли в личном хозяйничаньи: земля для него уже товар, который, как и всякий иной товар, ценен именно тем, что его можно выгодно передать в чужие руки.

Односельчанин Джона Гамонда, виллан Уильям Blacche, является типом чистого спекулянта, совершенно освободившего себя от земледельческого труда

и жившего исключительно на доходы с своих операций. Мы уже встречались с ним. Мы уже знакомы с Blacche и по иску, предъявленному к нему Уильямом de Koulande: этому Уильяму, как мы видели, он сдал на 15 с чем-то лет «все свои земли и держания, которыми владел на вилланском праве в Большом Уолтэме», и до истечения этого срока сдал их третьему лицу. Из протоколов следующего года (14-го года царствования Эдуарда III) мы узнаем, что Blacche сдал один акр (на какой срок, не сказано) Юлиане, вдове Джона Andren, а эта, что тоже очень характерно, передала его на тот же срок некоему Джону le Parker de veteri parco, тоже очень часто появляющемуся на страницах протоколов в роли земельного спекулянта («et eciam eadem Juliana *dimisit* dicto Johanni *terminum suum quam* (sic) *habet in I acra terre ex dimissine Willielmi Blacche*») [103]. В том же заседании курии, в котором передала свои арендаторские праве Юлиана (на 14-м году царствования Эдуарда III), Уильям Blacche произвел такого рода операцию. Он возвратил в руки лорда усадьбу и три четверти полного вилланского надела («sursum reddidit domino unum mesuagium et tria quarteria terre custumarie que de domino tenuit in villenagio»), а лорд передал эту землю со всем к ней относящимся («et dominus a seisina sua concessit et liberauit predictum mesuagium et terram cum omnibus suis pertinentiis») тому же Джону Parker de veteri parco, его жене Рэзии (Roesia) и сыну их Джону на вилланском же праве за обычные повинности («tenend' de domino in villenagio per seruicia et consuetudines inde debitas annuatim faciend'»), но с тем условием, чтобы Джон, его жена и сын доставляли ему, Уильяму Blacche, до самой его смерти все необходимое как в смысле пищи, так и в смысле одежды, как это приличествует его положению («et sub forma que subsequitur videlicet quod predicti Johannes, Roesia et Johannes inuenient dicto Willelmo ad totam vitam suam omnia sibi necessaria in victu et vestitu prout decet statum suum»); протокол подробно перечисляет, какую именно одежду должны названные лица ежегодно доставлять Уильяму («et eciam quolibet anno unam tonicam uel supertonicam precii III s. uel III s. unum par caligarum precii XII d. II paria sotular' precii XII d. et unum par pannorum lineorum precii XII d.»); если пожелает, Уильям может столоваться в названном семействе; если же нет, то будет получать от него еженедельно всю свою жизнь по полбушелю пшеницы; для жительства ему должна быть отведена Джоном и его семьей в сданной ему усадьбе комната, в которой он мог бы приличествующим образом обитать до своей смерти («et eciam invenient eidem Willelmo in predicto mesuagio unam cameram in qua possit honeste hospitari ad totam vitam suam») [104].

Этим карьера Blacche не кончилась. Это вовсе не было удаление на покой. Уильям просто освободил себя от хозяйственных забот, навсегда бросил крестьянское дело, чтобы тем свободнее заняться земельной спекуляцией. Мы еще встречаем его не раз на страницах мэнориальных протоколов снимающим и сдающим землю. Так, на 23-м году царствования Эдуарда III мы застаем его снимающим на девять лет один акр луга, так называемый Маленький лужок (Litlemed), со всех сторон огороженный («prout undique includitur»), у некоего Джэкоба Олгор. Олгор сам будет отбывать все повинности в отношении к лорду, связанные с этим лужком. Едва ли Blacche будет утруждать себя какой-нибудь собственноручной работой над лужком и помимо этого. Не рискуя ошибиться, можно сказать, что он поспешит от себя сдать

его с немалым барышом, во всяком случае устроит с ним небезвыгодную финансовую операцию [105]. На 16-м году царствования Ричарда II мэнориальная администрация сделала распоряжение, чтобы было взято в руку лорда вилланское держание, незаконно сданное Уильямом Blacche в аренду некоему Уильяму Reue без разрешения лорда [106]. Сдача эта произошла, несомненно, гораздо раньше этого года, так как не можем же мы допустить, чтобы Уильям Blacche, начавший свою карьеру еще в начале пятидесятилетнего царствования Эдуарда III, еще был жив на 16-м году царствования Ричарда II. Едва ли это был единственный случай не вполне законных действий со стороны Уильяма. Мы уже имели случай убедиться, что он не принадлежал к людям, особенно щепетильным в этом отношении (вспомним факт привлечения его к мэнориальному суду Уильямом de Koulande за то, что он, не дожидаясь конца срока, на какой тот сдал ему свое вилланское держание, поспешил сдать его третьему лицу). Такие люди, созидая и упрочивая свое благополучие [107], не особенно стеснялись законом и моралью.

Брат Уильяма Blacche, Джон, принадлежал к той же категории деревенских кулаков. На 6-м году царствования Ричарда II по распоряжению сенешала, рыцаря Уильяма Castellare, двенадцати присяжным деревни Уолтэм было поручено произвести расследование об ущербах, которые претерпел мэнор Уолтэм за то время, когда Джон Blacche держал его на откупу («ad certificandum de vastis et dampnis factis in manerio de Waltham uel alibi super dominium de Waltham in tempore quo Johannes Blacche fuit firmarius ibidem») [108]. Когда именно Джон был фирмарием уолтэмского мэнора, мы не знаем. Интересен самый этот факт, показывающий, что Джон весьма преуспел на давно избранном пути, что в нем, как и в его брате, мы имеем дело с нарождавшимся типом деревенской буржуазии, основавшей свое благополучие сначала на мелком маклачестве с землей, а потом все более и более расширявшей свои операции. Факт расследования, вызванный его хозяйничаньем в помещичьей усадьбе, которая, наверное, представляла собою венец его честолюбия, равно как и привлечение к суду его брата Уильямом de Koulande — также весьма красноречивые показатели, дающие довольно конкретное представление о том, с помощью каких средств упрочивали подобные люди свое благополучие, и рисующие весьма непривлекательными красками нравственный облик этих, повидимому, еще новых для деревни дельцов. Неудивительно, что деревенская масса недоверчиво, а то и прямо враждебно, относилась к представителям этого нового класса, а при случае и выражала это свое отношение к ним.

Община Duffield в Дэрбишире избрала виллана Ричарда Flaxeman'а своим старостой («electus fuit ad officium prepositi de Duffeld»). Это было на 45-м году царствования Эдуарда III [109]. Протокол другого заседания того же года сообщает нам о том, что этот Ричард, снявший у некоего Джона Colyn на 20 лет усадьбу, 2 боваты земли и еще 16 акров земли de Forland и несший за это вилланские повинности лорду мэнора, явился в курию и с разрешения лорда сдал эту землю некоему Уильяму Dolyner'у на 15 лет с тем, чтобы он нес все по обычаю следуемые с нее лорду вилланские повинности («tenend' de domino in bondagio secundum consuetudinem manerii ad terminum XV annorum proxime sequentium») [110]. Протокол следующего года сообщает более подробно об условиях, на каких сдал эту землю Ричард Flaxeman.

Оказывается, что Dolyner должен был не только отбывать следуемые лорду повинности, но и, кроме того, еще платить Флэксмэну ежегодно по 9 пенсов с каждого акра арендуемой у него земли («reddend' per annum predicto Ricardo durante termino predicto pro qualibet acra terre predicte tam de bouatis quam de Forland IX d.»); Ричард, оставивший у себя усадьбу и пол-акра луга («salvis predicto Ricardo I placea edificata... et dimidia acra prati ubicunque eligere voluerit de tenementis predictis»), взялся вносить все следуемые лорду платежи, а Уильям должен был отбывать все другие следуемые лорду с земли повинности («ita videlicet quod predictus Ricardus satus faciet domino de quibuscumque redditibus ad predicta tenementa domino pertinentia et predictus Willelmus faciet omnia alia seruicia domino pertinentia pro predictis terris et tenementis durante termino predicto nomine dicti Ricardi») [111].

Таким образом, о профессии Флэксмэна едва ли может быть сомнение [112]. И вот этот земельный барышник был избран общиной Duffield, к которой сам принадлежал, в старосты и явился в курию, чтобы здесь пред лицом сенешала лорда и пред вилланами, избравшими его, официально вступить в отправление своей должности («et se protulit ad illud officium exercendum et faciendum coram domino Godefr' Folecamt senescallo et coram tenentibus domini in bondagio qui ipsum elegerunt»). В других случаях это официальное вступление было простою формальностью. Но на этот раз дело приняло совсем иной и, наверное, совершенно неожиданный для Флэксмэна оборот. Вилланы отказались давать свое согласие на то, чтобы он занимал должность старосты, иначе, как под условием, что он представит 80 фунтов стерлингов в обеспечении добросовестного исполнения им своих будущих обязанностей по сбору и доставлению лорду феодальных и арендных платежей его держателей и арендаторов («qui quidem tenentes in bondagio prefatum Ricardum dictum officium facere et exercere per se ipsum permittere noluerunt nisi ita foret quod prefatus Ricardus securitatem eis invenire posset de $\frac{XX}{IIII}$-lib. ut redditus et firmas ville predicte se attingunt»).

Вероятно, у общины были очень веские основания предъявить такое требование Флэксмэну. Можно предполагать, что должности старосты он добивался, имея в виду те крупные выгоды, какие можно было извлечь из нее не очень щепетильному человеку, и что эти его намерения не были тайной для его односельчан; и если тем не менее ему удалось-таки добиться избрания на эту должность, то произошло это, надо думать, далеко не по единодушному согласию этих последних, а лишь благодаря происка Флэксмэна и его приверженцев, чрез которых он мог оказывать влияние на общинные дела в желательном для себя смысле. В момент официального вступления его в свою должность восторжествовало истинное мнение общины о нем, и ему было поставлено весьма серьезное условие, которое едва ли часто ставилось избранным общиной кандидатам; по крайней мере, нам никогда не приходилось встречаться с подобного рода фактом; во всех тех многих случаях избрания в старосты, которые нам попадались в страницах мэнориальных протоколов, дело ограничивалось лаконическою записью, что такой-то «electus est in officio prepositi per totam villatam (следует название общины) et fecit sacramentum», или «electus est prepositus ibidem per totum homagium et fecit sacramentum», или еще короче: «electus est prepositus ibidem et fecit sacramentum» [113].

Флэксмэн не нашел возможным исполнить предъявленное к нему требование («hoc facere non potuit») и просил лорда освободить его от обязанности нести должность старосты, лежавшей, как известно, на всех вилланах, и, обязавшись внести за это лорду весьма немалую по тому времени сумму 20 шилл., получил полное удовлетворение («et super hoc pretendit se facere finem domino ad ipsum exonerandum de officio supradicto et admisuss fuit Et dat domino XX s. ut ab illo officio exoneretur ad istud turnum per plegium etc»).

На его место в старосты был избран на этот год Уилльям Dolyner, тот самый, который, как мы видели, снял у Флэксмэна на 15 лет землю, снятую в свою очередь этим последним на 20 лет у Джона Colin. При этом протокол сообщает весьма любопытную подробность, не легко поддающуюся объяснению. Уилльям Doliner, вступив в должность старосты, был освобожден на весь этот год от обязанности вносить Ричарду арендную плату за снятую у него землю (мы знаем, что он должен был платить Ричарду по 9 пенсов с акра), хотя повинности, которые он должен был нести за эту землю в пользу лорда, он продолжал отбывать попрежнему («et admissus est ad dictum officium prepositi exercendum pro isto anno ita quod idem Willelmus tenebit dicta tenementa hoc anno absque aliqua firma inde reddenda prefato Ricardo et fac' domino redditus et alia seruicia domino pertinentia prout dictus Ricardus facere deberet») [114]. Обыкновенно, как мы знаем, виллан, отбывая повинность старосты, освобождался от остальных повинностей, лежавших на его вилланском наделе. Очевидно, под это правило был подведен и Dolyner, хотя фактически он был больше арендатором Флэксмэна, чем вилланом лорда мэнора, но подведен он был весьма своеобразно и в сущности совершенно в разрез с обычным отношением сеньериальной власти к междукрестьянской аренде, с ее фактическим невмешательством в этого рода отношение, — факт, понятный лишь в иной связи, лишь при свете явлений, возникших в связи с хозяйственным кризисом, вызванным «Черною смертью», о чем будет речь в своем месте.

V

Одновременно с развитием междукрестьянской аренды происходило и дробление крестьянской земли путем купли-продажи частей ее в собственность. С первой половины XIV века мы встречаем в источниках (в Court Rolls) массу случаев приобретения земли вилланами друг у друга и у свободных. Обыкновенно виллан приобретал землю у другого посредством грамоты (adquisiuit per cartam), являлся в курию, предъявлял (ostendit) здесь свою грамоту и передавал ее сеньеру или сенешалу, вносил сеньеру пошлину за ввод во владение (finis pro ingressu) и приносил ему присягу на верность, становясь таким образом феодальным держателем сеньера in capite по этой земле, обязанным отбывать все лежавшие на ней в отношении к лорду повинности. «Виллан Sawardus le Som предъявил некую грамоту, какою он приобрел усадьбу с принадлежностями в деревне Plessetis у Уолтера, сына Ранулфа, мельника из Alta Rochyngg', чтобы держать ее от лорда in capite за те же службы и обычные повинности, за которые ее прежде держал этот Уолтер. И дает он лорду пошлину за ввод во владение, как это значится выше, и принес присягу на верность и платит в год добавочного взноса фарзсинг. Поручителем

за него Джон haldayn» (на полях стоит: finis III d., increm. q[a]). [115]. «Осберт, сын Джона Purt, и брат его Джон, виллапы лорда, предъявили некую грамоту, которой приобрели у Уильяма Найта из Plessetis полтора акра свободной земли (terre libere) в деревне Большой Уолтэм, в поле, носящем название Smedleye, чтобы держать наследственно, и дают пошлину за ввод во владение, как это значится выше, и принесли присягу на верность. А прибавочного взноса с них ежегодно к празднику св. Михаила, как значится выше. Поручителем бидль» (на полях: finis XII d., increm. ob.) [116].

Грамота, которую виллан предъявлял в курии, очень часто, если не всегда, возвращалась ему на хранение, чтобы служить обеспечением приобретенного права (retradita или просто tradita ad custodiendum pro warancia sua). «В эту курию явился Джеффри le Whyte из Alta Estre, виллан, и предъявил некую грамоту, составленную согласно статуту, которою он приобрел у Джона de hamstede из Plessetis один акр пахотной земли, лежащей в деревне Alta Estre, в поле, носящем название Berywykfeld, рядом с землею лорда, чтобы держать от лорда in capite наследственно ad voluntatem domini за службы и пр. И дает пошлины, как означено выше, за поручительством бидля. И названная грамота передается лордом этому Джеффри на хранение» [117]. «В эту курию явился Джон, сын Уолтера Northfolk, из Alta Estre, и Алиса, его жена, виллапы лорда, и предъявили некую грамоту, составленную согласно форме статута, которою они приобрели у Симона Ponwer и его брата Джона три акра земли, лежащие в Alta Estre разными кусками в некоем поле, носящем название Clyppesbyry, чтобы держать ему, Джону Northfolk, и жене его Алисе от лорда за один пенни нового платежа, вносимый к празднику Пасхи и св. Михаила равными частями. И названные три акра земли держатся от Джона de Essex. И принесли они присягу на верность и дают пошлину, как значится, за поручительством бидля. И названная грамота передается этому Джону Northfolk для гарантии» [118].

Таков обычный порядок этих сделок, не встречающий обыкновенно никаких препятствий со стороны лорда или его агентов. Да и оснований нет теперь у лорда или у мэнориальной администрации препятствовать этому дроблению крестьянских участков. С переводом большинства натуральных повинностей виллапов на деньги и с постоянной индивидуализацией барского хозяйства, становившегося все более и более независимым от хозяйств крестьянских, в мэнориальной жизни все более и более утрачивал значение принцип, формулированный в одном из параграфов сент-албанской инструкции, гласящем, что виллапам запрещается продавать настолько значительные части наделов, даже друг другу, чтобы продающий не оказался не в силах нести следуемые с остатка его надела повинности [119]. Раз повинности эти переведены на деньги, для лорда безразлично, в чьих руках сколько земли, может ли данный виллан вести самостоятельное хозяйство или не может. Прежде было иначе. Прежде виллан мог быть полезен сеньеру только как самостоятельный хозяин, владевший достаточным для этого количеством земли и соответствующим инвентарем, с помощью которого он возделывал и убирал барские поля. Тогда для сеньера очень было важно, чтобы виллан как-нибудь не подорвал своего хозяйственного положения: иначе ему и его лорду грозила plurima destructio. Теперь, когда отношения виллана к лорду в большинстве свелись к уплате денег, для лорда было безразлично, как виллан добывал эти деньги, самостоятельно

ли хозяйничая на своей земле, или же сдавая ее по частям нуждавшимся в ней (а таких становилось теперь все больше и больше), а то и продавая ее частями или целиком. При большем спросе на землю, который, как видно, все возрастал, лорд всегда мог быть уверен, что ни один клочок вилланской земли не ускользнет от фискального ока его мэнориальных агентов, не уплатив причитающегося с него redditus assisus и других платежей. Старая надельная система давно уже стала разлагаться по мере развития денежного хозяйства, все более и более освобождавшего вилланов от лорда и лорда от вилланов, и сила, в известной мере сдерживавшая гражданский оборот внутри мэнора, стала ослабевать, открыв свободный путь естественной экономической эволюции. Стал терять силу, как мы видели, и другой принцип мэнориальной администрации, требовавший немедленного захвата лордом земли, приобретенной вилланом у свободного [120]. Виллан мог теперь уже совершенно беспрепятственно приобретать землю у свободных и владеть свободною землею, лишь бы он оформил свое новое держание, явившись в курию лорда с грамотой и получив это держание уже из рук лорда, чтобы держать его от лорда in capite, принеся при этом лорду клятву верности и внеся соответствующий finis pro ingressu [121]. Он мог даже приобретать землю за пределами мэнора и его юрисдикции и жить там, принося лишь сеньеру ежегодно каплуна к Пасхе и являясь в курию для предъявления грамот, по которым он приобретал землю, «для совершения того, что приличествует обычнику», как сказано в одном случае подобного рода. Вот этот случай: «В эту курию (в Plessetis, в праздник обращения Павла, 11 Edw. II) явился Адам Lenegor и испросил разрешение жить за пределами иммунитета лорда («extra libertatem domini») и приобретать земли и держания, где угодно, и пр. Так что он будет являться с грамотами на свои приобретения, чтобы делать, что приличествует обычнику («ad faciendum secundum quod decet custumario»). И он получил разрешение в вышеуказанной форме и дает лорду за названное разрешение ежегодно каплуна к Пасхе, пока живет, и пр. И будет являться к проверке свободного поручительства» [122].

Не совсем ясно для нас, что собственно «приличествующее обычнику» должен был делать являвшийся в курию с грамотами Адам Lenegor, — то ли, что и другие вилланы, когда они приобретали земли друг у друга или у свободных в пределах мэнора или по крайней мере в пределах юрисдикции данного сеньера, т.-е. передавая права на землю сеньеру, вручая ему для этого грамоту, а затем получая эту землю из рук сеньера и принося ему присягу на верность, словом, становясь по этой земле держателем своего лорда, или что-либо иное. Первое как будто не совсем вероятно: приобретая землю у третьего лица за пределами юрисдикции своего лорда, виллан необходимо становился держателем того лорда, в пределах юрисдикции которого он эту землю приобретал, приобретал ли он эту землю непосредственно у этого лорда или же у его держателя. Мог ли он становиться держателем двух разных лордов одновременно по одной и той же земле? Не более ли будет согласным с действительностью предположить, что, предъявляя своему лорду грамоту на землю, приобретенную в пределах юрисдикции другого лорда, виллан при этом просто испрашивал у своего лорда разрешение владеть этою землею, но не передавал лорду этой грамоты и санкционируемых ею прав на землю и, конечно, вносил лорду за это разрешение известную плату? На это как будто

указывают факты, нередкие во второй половине XIV века, заключающиеся в том, что виллаиы, державшие свободную землю за пределами юрисдикции своего лорда, вносили своему лорду ежегодно определенный redditus assisus за это разрешение. В отчете Джона de Kilyngleie, приказчика (prepositus) в мэноре герцога Ланкастерского Beighale в Йоркшире, за 30—31 год царствования Эдуарда III, между прочим, читаем: «Et de LXVII s. III d. ob. de redditu assiso libere tenentium natiuorum cotariorum et tenentium ad voluntatem et *quorumdam tenentium pro licencia tenendi terram liberam extra dominium* termino martini» (и 67 шилл. и 3 пенса и фарзсинг твердо установленного платежа свободных держателей, виллаиов, котариев и держащих на воле лорда и *некоторых держателей за разрешение держать свободную землю за пределами вотчины* ко дню Мартина) [123]. А приказчик мэнора Onston Генрих Bironn в отчете за этот же год пишет: «Item de compotu de VIII lib. X s. XIII d. ob. de redditu assiso libere tenentium nativorum cotariorum et tenentium ad voluntatem et *quorumdam nativorum pro licencia tenendi terram liberam extra dominium termino martini*» [124].

Две записи в мэнориальных протоколах герцогства Ланкастерского несколько более разъясняют этот вопрос. Латинский текст их мы уже приводили [125]. В курию в Plessetis явился на 12-м году царствования Эударда II некто Джон Болл и предъявил грамоту, которою он приобрел один акр свободного луга у Джона de Emfend из лена Джона de Bibesworth («unam acram prati de Iohanne de Emfend de feodo Johannis de Bidesworthe de terra libera»). Грамоту ему возвратили на хранение, обязав его платить сеньеру ежегодно к Михайлову дню по одному фарзсингу так называемого incrementum redditus; а тому, кто был его непосредственным лордом по приобретенному акру свободного луга, он должен был отбывать следуемые с этого акра повинности («et dat domino de incremento redditus ad festum sancti michaelis quadrantem ad festum sancti michaelis (*sic*) et capitali domino seruicia etc»). При этом он принес присягу на верность (et fecit fidelitatem). В том же заседании курии предъявил грамоту и некто Уолтер Джэкоб; он приобрел один акр свободной земли («unam acram terre libere») у Джеффри Wykyng'a. И ему возвратили его грамоту на хранение, обязав уплачивать лорду мэнора по ½ пенни ежегодно к Михайлову дню в виде incrementum redditus; а тому, кто был его непосредственным сеньером по приобретенному им свободному акру, он должен был отбывать следуемые с этого акра повинности («et dat domino de incremento redditus ad festum sancti michaelis *unum obolum* et fac' capitali domino seruicia etc»). При этом он принес присягу на верность своему лорду (т.-е. герцогу Ланкастерскому) и уплатил пошлину («et facit fidelitatem et dat de fine»).

Таким образом, виллан, бравший свободную землю за пределами юрисдикции своего лорда, не должен был отдавать эту землю в руки своего лорда, чтобы потом получить ее из этих рук и стать и по этой земле держателем своего лорда. Он лишь предъявлял в курии своего лорда грамоту, по которой он приобрел эту землю, чтобы засвидетельствовать свою зависимость от своего лорда, показать, что она не уничтожается и не ослабляется и вообще не терпит никакого ущерба оттого, что он, виллан, становится держателем и другого лорда. Такой же, по нашему мнению, смысл засвидетельствования своей зависимости от власти своего лорда, смысл recognitionis, имела и присяга на верность своему лорду, которую требовали с виллана в этих случаях, а также

incrementum redditus, который он должен был ежегодно уплачивать своему лорду, слишком ничтожный по размеру (какой-нибудь фарзсинг или ½ пенни), чтобы иметь какое-либо иное значение, кроме чисто формального.

Как далеко все это от сравнительной замкнутости прежних времен! Куда девалось это вечное, и день и ночь не покидавшее бэйлиффа старой поры беспокойство, как бы тяглый человек не ускользнул тем или иным способом из пределов поместья, как бы он не взял где-нибудь на стороне свободного участка и тем не создал между собою и своим прирожденным сеньером настоящей юридической стены, которую перешагнуть не легко было и самому сильному феодалу? [126]

Целая рубрика в отчетах приказчиков, посвященная вилланам, держащим свободную землю за пределами юрисдикции их лорда,— факт, весьма красноречивый в эволюции мэнориального строя, показывающий, как далеко этот строй ушел от того, чем он был раньше. Все это было теперь в порядке вещей, и против этого порядка никто не возражал, так как он вполне соответствовал новым жизненным условиям и новым интересам. Иногда, впрочем, на мэнориальную администрацию находили как будто минуты сомнения, и тогда она начинала тормазить те или иные проявления нового modus vivendi. В курию в Plessetis явился Aruisius Gladewyn', из Alta Estre, на 17-м году царствования Эдуарда III и «предъявил некую грамоту, составленную по форме статута, по которой он приобрел у Уолтера Джеррарда из Plessetis усадьбу с домами, на ней построенными, находящуюся в деревне Plessetis между садом сеньера графа, называемым Замковым садом (Castelgardyn), и королевской дорогой, чтобы владеть ею и держать ее от лорда in capite за службы наследственно. Принес он присягу на верность и обязался уплатить пошлину». Все, значит, было им исполнено, что обыкновенно требовалось в подобных случаях, и ему оставалось только уйти с миром из курии и спокойно владеть приобретенной усадьбой. Вместо этого Gladewyn'y вдруг предложили вопрос, свободный он или виллан («quesiti ab eodem an fuit liber vel natiuus). Gladewyn, должно быть, не в малой мере удивленный этим вопросом, отвечал, что он виллан («dicit quod natiuus»). Тогда немедленно же было сделано распоряжение взять усадьбу вместе с грамотой на нее в руки лорда.

Чем было вызвано это необычное в подобных случаях распоряжение, мы не знаем. Может быть, не вполне знала это и сама мэнориальная администрация, сделавшая его, если судить по тому, что когда потом явился в курию Gladewyn и стал просить, чтобы ему дали в наследственное держание ту же усадьбу, то с него лишь потребовали и для того времени незначительный ежегодный взнос в ½ пенни (obolum) в виде incrementum redditus, «чтобы он мог держать ее в вышеуказанной форме», и сейчас же возвратили ему конфискованную у него грамоту на владение этой усадьбой для хранения, «чтобы в случае надобности он мог иметь гарантию своего права» («ut Warantiam suam habere possit si necesse hab») [127].

Однако такие случаи были очень редки. Свободная циркуляция владельческих прав на крестьянскую землю, если еще встречала какие-нибудь препятствия, то не на этом пути. Вилланы могли свободно приобретать землю друг у друга и у свободных. Но они, повидимому, еще в значительной мере были стеснены в продаже своих вилланских участков (или частей их) свободным. Повидимому, еще и в XIV веке, по крайней мере в первую его поло-

вину, сохранял еще некоторую силу принцип, формулированный в сент-албанской инструкции и предписывавший приказчикам «обращать величайшее внимание» на то, чтобы свободный не вступал во владение землей виллапов и не держал ее («summa diligenta innitendum est, quod nullus liber intret et teneat terram villanorum nostrorum») [128]. В Уолтэмскую курию явились (на 19-м году царствования Эдуарда III) капеллан Эдмонд de la Grene и клирик Алексей Billyn и пожелали принести сеньеру присягу на верность («et optulerunt se domino ad fidelitatem eorum faciend'») за держания, приобретенные ими у некоего Salkinus'a в деревне Plessetis, в Большом Уолтэме, в Chikenhale и Trencheforde, как это видно было из их грамоты. «И так как известно сенешалу, что Salkinus этот — виллан лорда, то он наотрез отказал вышеназванным Эдмонду и Алексею в том, чтобы они приносили присягу на верность», и велел взять держания, приобретенные ими, в руку лорда [129].

VI

Мы познакомились с теми переменами, которые происходили в строе и жизни мэнора по мере развития в стране денежного хозяйства. Мы видели, что мэнор, подобно всякому живому организму, постепенно приспособлялся к новым условиям, что под влиянием новых жизненных условий его старые формы наполнялись новым содержанием, и рядом с ними возникали новые формы, удовлетворявшие новые потребности. Перевод натуральных повинностей виллапов на денежные платежи, замена несвободного труда вольнонаемным, постепенная индивидуализация барского хозяйства, осуществлявшаяся в форме выделения из общины пахотной земли лорда мэнора и превращения в его частную собственность общинных угодий в интересах расширения барского хозяйства и развития аренды на домэне, развитие арендных отношений как на домэне, так и среди самих крестьян, все усиливавшееся дробление крестьянских участков путем купли-продажи частей их самими крестьянами, расширение виллапского землевладения за пределы юрисдикции своего лорда, — вот основные результаты приспособления внутренних отношений мэнориальной группы к внешним, нами рассмотренные. Общий смысл всех этих перемен в достаточной мере ясен. Приглядимся, однако, к ним внимательнее.

Перевод натуральных повинностей виллапов на денежные платежи, сделавший весьма значительные успехи ко второй половине XIV столетия, сам по себе не был явлением, несовместимым даже с чисто потребительными задачами барского хозяйства, если бы оно когда-нибудь ограничивалось такими задачами. Одна замена барщины деньгами еще не превращала лорда мэнора в предпринимателя, а его хозяйство — в деятельность, имеющую в виду интересы рынка. В заменивших барщину деньгах он мог видеть только более удобное средство для удовлетворения своих потребностей. Тем не менее коммутация, принимавшая характер все развивавшегося массового явления, знаменовала собою наступление в жизни мэнора перемен коренного свойства. Требуя от виллана взамен барщины денег, лорд мэнора в сущности заносил руку на самую основу всего мэнориального порядка. Он переносил теперь свое хозяйство на иную социальную и экономическую почву. До сих пор в большинстве случаев узкие рамки данного мэнора вмещали в себе едва ли не все

элементы материи и силы, необходимые для того, чтобы могла существовать и удовлетворительно функционировать хозяйственная организация, далеко не чуждая и чисто меновых, коммерческих интересов. Выходить из таких рамок ей часто не было надобности, а нередко не было и возможности. Барское хозяйство могло существовать главным образом как эксплоатация хозяйственных сил данной общины, производившаяся в пределах данной общины. Эта хозяйственная основа мэнориального строя находит свое объяснение в его истории, уже в достаточной мере нам известной. Переводя на деньги барщину своих вилланов, лорд мэнора разрывал узы, связывавшие его барское хозяйство с хозяйствами вилланов данного мэнора, и тем открывал для него окончательный выход из становившегося для него слишком тесным круга хозяйственных отношений, в известной мере замкнутого и для внешнего мира. С этих пор он должен был вести свое хозяйство главным образом с помощью свободного, наемного, труда, ставя этим его в зависимость, все большую и большую, от сил, уже не ограниченных в своем приложении узкими пределами данной территориальной единицы, но по самой природе своей несовместимых с фактическою крепостью в отношении к любой исключительной организации. Освобождая от барщины своих вилланов, каждый лорд увеличивал контингент свободной рабочей силы, передавая, можно сказать, рабочую силу своих вилланов в общее распоряжение всех остальных землевладельцев, нуждавшихся в ней, выводя ее из пределов данного мэнора, к которому в той или иной мере прикрепляла ее вся совокупность хозяйственных и юридических условий, и сохраняя над ней только чисто политические права, и тем совершенно ликвидировал хозяйственную сторону мэнориального строя и окончательно разрушал его относительную замкнутость, хозяйственную независимость от внешнего мира, поскольку она была ему присуща. Теперь каждый лорд зависел в своей хозяйственной деятельности прежде всего от игнорировавшего всякие мэнориальные перегородки рабочего контингента, если не всей страны, то целого большого района, будет ли это сотня, графство или же совокупность нескольких графств. Коммутация, таким образом, создавала хозяйственные условия, несовместимые с сохранением мэнориальных перегородок и в этом смысле может быть признана крупным шагом к расширению хозяйственной жизни Англии, открывавшим до тех пор в значительной мере связанным хозяйственным силам ее возможность более свободного приложения в широких рамках народно-хозяйственного процесса.

Коммутация явилась не одна. С ней вместе в мэноре стали усиленно развиваться настоящие денежно-хозяйственные интересы, и раньше игравшие здесь весьма значительную роль. Если коммутация изменяла хозяйственные средства лорда мэнора, то эти последние интересы окончательно определяли его хозяйственные цели: лорд мэнора окончательно становился предпринимателем и стремился, насколько возможно, расширить свою хозяйственную деятельность и окончательно освободить ее от еще спутывавших ее общинных уз. Не об удовлетворении прежде всего потребности лорда в продуктах сельского хозяйства и прежде шла речь; теперь главной целью его еще более становится возможно прибыльный сбыт этих продуктов на местном, а то и на отдаленном рынке. В интересах этой конечной, чисто коммерческой цели лорд насильственно, с кровью и с мясом, отрывал свое барское хозяйство от живого хозяйственного организма общины, а вместе с ним и многое другое, без чего организм

этот не мог уже сохранять прежней крепости и жизнеспособности. Расширение хозяйственных средств лорда и индивидуализация его хозяйственной деятельности, совершаясь на счет общины и ее угодий, превращала лорда в исключительного обладателя весьма значительного земельного фонда, который в прежнее время поступал в распоряжение нуждавшихся в земле членов общины. Этим было создано условие *для превращения лорда мэнора в еще более крупного хозяина-предпринимателя, а также и для усиления чисто экономической власти его над нуждавшимся в земле все растущим населением.* Захватив общинные угодья, лорд мэнора не только мог расширить свое хозяйство, но мог и сдавать ставшую его исключительной собственностью землю тем, кто нуждался в земле и мог платить за нее возможно выгодную для лорда арендную плату, которая определялась уже не обычаем мэнора, а колебаниями спроса и предложения, далеко не считавшегося с существованием мэнориальных перегородок. Спрос на землю не ограничивался пределами данного мэнора, и ничто, как мы видели, не препятствовало лорду сдавать участки людям посторонним, чужим вилланам.

Мы видим, таким образом, что в процессе своего приспособления к условиям все более и более развивавшегося в стране денежного хозяйства барское хозяйство лорда мэнора все более и более утрачивало черты, которые были присущи ему, как хозяйству, опиравшемуся в очень значительной мере на крестьянские хозяйства политически зависимых от лорда членов общины, а также и экономически зависимых от него держателей его земли, и превращалось в хозяйство-предприятие уже исключительно с собственным инвентарем и с наемной рабочей силой, и по своей организации, и по своим хозяйственным целям уже совсем не вмещавшееся в узкие мэнориальные рамки и все более и более расширявшее свои внемэнориальные, народно-хозяйственные отношения. Развившись на счет общины, слабо дифференцировавшийся элемент которой оно когда-то составляло, барское хозяйство все более и более отделялось от ее хозяйственного организма и все решительнее и решительнее ставило себе собственные цели, шедшие в разрез с общинными интересами. Разрывая связь с общиной, оно вступало все более и более определенно в широкий и все более расширявшийся круг внемэнориальной зависимости, зависимости от внемэнориального спроса на его продукты и от внемэнориального предложения необходимых для него рабочих рук. Барское хозяйство все более и более становилось настоящим хозяйством-предприятием, с землей, капиталом и трудом, как вполне дифференцировавшимися экономическими категориями. В связи с этим и лорд мэнора все более и более утрачивал свои феодальные особенности и из сеньера все более и более превращался в лэнд-лорда, стремившагося перевести свои чисто феодальные права в отношении к хозяйственным рессурсам общины на возможно более реальный язык частного права и извлечь из них тот maximum хозяйственной выгоды, какой только они могли дать при новых хозяйственных условиях, и для этого расширяя и делая возможно более интенсивным свое барское хозяйство и сдавая расширенную за счет общинных угодий свою домэниальную землю в арендное пользование опять-таки на чисто коммерческих началах все увеличивавшемуся населению как своего, так и чужих поместий. А население поместий давно уже переросло освященную обычаем надельную систему, как ни велика была ее растяжимость, дававшая место не только дроблению наделов, но и возник-

новению среди сидевшего на наделах крестьянства всякого рода зависимых отношений, каковы батрачество и междукрестьянская аренда. Аренда на домэне и междукрестьянская аренда, без преувеличения можно сказать, оттеснили виллана, как такового, на задний план; в общем составе мэнориального населения виллан, как виллан, как феодальная социальная категория, сгушевался и количественно, и качественно и уступил место иным социальным категориям, развившимся на почве частного права и чисто хозяйственных отношений, вне всяких публично-правовых осложнений.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ И РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XIV ВЕКА

I

«И чтобы написанное не исчезло вместе с писавшим и не погиб труд вместе с трудившимся, я оставляю пергамент для продолжения его на случай, если бы кто из племени Адама избежал этого мора и стал продолжать труд, который я начал».

Так писал в 1349 году монах одного ирландского монастыря [1], и эти простые слова сильнее всяких ламентаций выражают настроение, охватившее европейские общества при виде страшных опустошений, которые производила повсюду зашедшая с востока Черная смерть. Они же говорят и о тех размерах, в каких представлялись эти опустошения современникам, когда они пытались дать себе отчет в том, что вокруг них происходило, и в этом отношении свидетельство ирландского монаха находится в полном согласии с тем, что говорят нам об общих размерах смертности другие летописцы. Если придавать объективную ценность их общим статистическим данным, то придется вместе с ними признать, что в Англии Черная смерть оставила всего лишь десятую часть ее населения [2], произведя этим такое потрясение всех основ ее хозяйственного строя, от которого она никогда потом не могла оправиться [3]. Исследователь, изучающий субъективную сторону такого, несомненно, крупного общественно-исторического явления, как Черная смерть 1348—49 годов, интересующийся впечатлением, какое произвела она на общества Западной Европы, не может пройти мимо этих недостоверных свидетельств; он не только не бросит на них пренебрежительного взгляда, но в недостоверности их и увидит их главную цену. Но ими не может руководствоваться исследователь, задающийся иными целями, желающий составить по возможности конкретное представление об этом общественно-историческом явлении с его материальной стороны, со стороны тех изменений, какие оно вызвало в хозяйственном и социальном строе западно-европейских обществ. Ему приходится искать более объективных указаний.

И нельзя сказать, чтобы поиски его были вполне успешны. Определить, например, с большею или меньшею точностью произведенную Черною смертью убыль населения Европы вообще и каждого из ее обществ в частности оказывается для него невозможным. Тем не менее неправы те, кто стал бы

на этом основании совершенно отрицать возможность серьезнаго исследования хозяйственного и социального значения Черной смерти. Если собственно статистические данные, дошедшие до нас от эпохи Черной смерти (а такие данные, и притом совершенно объективного свойства, действительно находятся в распоряжении исследователя), слишком скудны, чтобы на основании их можно было нарисовать общую цифровую картину опустошений, произведенных Черною смертью, зато у нас есть вполне надежные свидетельства иного характера, позволяющие нам в возможно конкретных терминах представить себе хозяйственные и социальные последствия великого мора. Мы имеем в виду, в частности, Англию и разумеем богатый материал протоколов сеньериальных курий (Court Rolls), приказчичьих отчетов (Ministers' Accounts), парламентских петиций и законодательных мероприятий, направленных к регулированию отношений, созданных Черною смертью, а также протоколов королевских судов, разбиравших дела, возникавшие на почве тех же отношений, не говоря уже об очень ценных чисто хозяйственных отметках, которые мы находим на страницах монастырских хроник, весьма внимательно относившихся ко всему, что так или иначе отражалось на монастырском хозяйстве.

В Англию Черная смерть проникла к началу августа 1348 года. Впервые появилась она в дорсетширском порте Melcombe'e, из Дорсетского графства через Девоншир и Сомерсетшир перешла в Бристоль (к Успению Богородицы), отсюда в Глостер и в Оксфорд, а к Михайлову дню (29 сентября) уже начала свирепствовать в Лондоне, после чего постепенно распространилась по всему острову. В Лондоне чума прекратилась к празднику Пятидесятницы следующего 1349 года, а во всей стране — к Михайлову дню того же года [4], так что в общем в Англии продолжалась она около четырнадцати месяцев, уменьшив население английского королевства едва ли меньше, чем на половину [5].

Согласно современным свидетельствам, больше всего пострадал от чумы простой народ и духовенство, и притом самые сильные и здоровые их элементы; дворянство же дало сравнительно немного жертв [6]. Многие деревни совершенно опустели [7]. Овцы и рогатый скот без пастухов бродили по полям и гибли массами, оставшись без призора [8]. Вскоре появилась повальная болезнь и среди них и стала истреблять их еще в большем количестве [9].

«Тогда прекратились доходы, тогда земля вследствие недостатка в колонах осталась невозделанной», — с великим сокрушением сообщает сент-албанский летописец [10], и эту жалобу с незначительными вариациями повторяют за ним все другие авторы монастырских хроник, находя себе полное подтверждение в протоколах поместных курий и в отчетах помещичьих приказчиков, рисующих весьма конкретными чертами печальную картину произведенного Черною смертью хозяйственного разгрома.

Действительно, и протоколы эти, и отчеты, равно как и другие современные документы, приводят множество цифровых данных, знакомящих нас с тем, как Черная смерть отразилась в каждом отдельном поместье светских и духовых землевладельцев, при чем, конечно, здесь наблюдается большое разнообразие и в размерах потерь, и в характере хозяйственных последствий чумы как по отдельным поместьям, так и по целым их группам *.

* В образцовой работе Miss A. E. Levett о Черной смерти в поместьях Уинчестерского епископства *(The Black Death on the Estates of the See of Winchester* в «Oxford Studies in Social and Legal History». Vol. V. 1916)

Прежде всего она везде весьма значительно уменьшила число держателей, вследствие чего в руках землевладельцев очутилось большое количество оставшейся без обработки земли, и соответственно этому уменьшилась сумма поступавших с держателей платежей, при чем бывали случаи, что в живых оставалось всего лишь один-два человека, и общая цифра денежных поступлений равнялась всего лишь нескольким шиллингам. В то же время оставалась без обработки и земля, до тех пор возделывавшаяся самим владельцем поместья, земля, на которой под надзором приказчика, так называемого бэйлиффа, руками наемных слуг и рабочих, а также несших патуральные повинности вилланов и свободных держателей, велось самостоятельное барское хозяйство. Если бэйлиффу нередко приходилось оставить всякую надежду на более или менее скорую сдачу вакантных держаний, которые иногда целые годы ждали своих съемщиков, приходя тем временем в полное запустение, то не более успешными бывали и его попытки найти рабочие руки для барского хозяйства. Положение лорда мэнора становилось еще более критическим оттого, что смерть держателей лишила его не только арендной платы, но и целого ряда других платежей, на которые он имел право в качестве феодального сеньера, каковы, например, его судебные доходы, разного рода amerciamenta (штрафы), которые он налагал на своих держателей всякий раз, когда кто-нибудь из них (а таких всегда было не мало) нарушал мэнориальное право или мораль, блюстителем которых он являлся, а также весьма разнообразные пошлины (fines), которые он получал с них во всех тех случаях, когда они заключали с ним или друг с другом гражданские сделки или отыскивали в его курии свои имущественные права.

Приведем примеры.

В графстве Уилтс 20 июля 1349 года умер некто Джон Lestrange, владевший половиной мэнора Broughton; расследование, произведенное при посредстве присяжных этой местности 30 августа, показало, что в качестве арендной платы с имения поступило всего лишь 7 шиллингов, уплаченных одним держателем, «и не больше в этом году, потому что все остальные держатели, равно как и вилланы, умерли, и их земля вся в руках у лорда мэнора» [11]. В другом поместье, в том же графстве, вместо 4 фунтов стерлингов, которые владелец получал с держателей в прежнее время, теперь стало поступать ежегодно лишь 6 шиллингов, потому что осталось в живых только трое держателей [12]. В Эссексском графстве находилось приорство Тоукли (Talkeley), принадлежавшее аббатству St. Valery в Пикардии. Во время Столетней войны земли, которыми владела эта иноземная, французская, обитель, были взяты в королевскую

выяснено, что в обширных владениях этого епископства (две группы мэноров лежали вокруг Уинчестера и Taunton'а, а третья в северном Hampshire'е и Berkshire'е) Черная смерть, несомненно произведшая в других частях Англии местами очень жестокие опустошения и вызвавшая там очень глубокие хозяйственные пертурбации, не оставила прочных следов, вызвав лишь временное потрясение хозяйственной жизни, которая скоро вернулась в свою прежнюю нормальную колею, не подвергшись никакой общей перемене в своей организации. Не усилилась здесь после Черной смерти коммутация, давно здесь развивавшаяся; не оказалось трудным найти держателей для выморочных держаний; не было надобности делать более тяжелыми повинности вилланов; не послужила Черная смерть толчком и для развития здесь арендных держаний (leasehold tenure).

руку и опять возвращены приорству Тоукли, но уже в качестве держания, за которое приор и монахи должны были платить в королевскую казну ежегодно по 126 фунт. стерлингов. Плательщиками святые отцы были исправными. Но это продолжалось только до того года, когда над Англией разразилась гроза Черной смерти. Через два года после чумы они оказались недоимщиками «по причине мора, недавно свирепствовавшего, с какового времени названная земля оставалась невозделанной, а держания, с которых извлекались доходы приорства, оставались незанятыми после смерти держателей». Король простил им недоимку [13]. Некто Сэр Томас Чедуорсз (Chedworth) дал в дар приорству Anglesey в Кэмбриджшире свои земли, лежавшие в Гертфордском графстве, с тем, чтобы монастырь на доходы с этих земель содержал двух священников, которые бы молились о душе дарителя. В 1351 году содержание двух священников оказалось совершенно невозможным. «Принимая в расчет великие и разорительные бедствия, случившиеся вследствие большой смертности среди людей в это время, именно то, что земли лежат без обработки в очень многих местах, не мало держаний ежедневно приходят в упадок и совершенно разрушаются, ренты и службы не могут быть взысканы... и приходится получать гораздо меньшие доходы, чем до сих пор», приорство,—так решает епископ,—может содержать только одного священника [14]. Лицо, заведывавшее получением доходов с имений принца Уэлзского в Корнуолле, доносит, что даже в 1352 и 1353 годах положение дел было очень печально. «За эти два года он не был в состоянии сдать в аренду земли, ни получить что-либо с названных земель и держателей, потому что названные держания в большинстве случаев оставались незанятыми, и земли пустовали от недостатка держателей, которые умерли в мор, недавно свирепствовавший в названном графстве» [15]. В графстве Сэррэй, в мэноре некоего Уилльяма Гэстингса, к 12 марта 1349 г. держания давали только 36 шилл., потому что в живых осталось только 10 держателей, «а другие дома стоят пустые за отсутствием держателей и поэтому ничего не дают этот год» [16]. В другом мэноре, в том же графстве, принадлежавшая землевладельцу водяная мельница совсем перестала приносить доход, потому что «все держатели, которые пользовались ею, умерли», и никого нельзя было найти, кто взял бы ее в аренду; 300 акров земли, сдававшихся держателям, теперь оставались в руках лорда мэнора, тщетно искавшего съемщиков; мэнориальная курия вовсе ничего не давала, потому что все перемерли; ничего не поступало и от свободных держателей, прежде обыкновенно дававших 6 фунтов стерлингов ежегодно, «потому что почти все держатели в названном мэноре умерли, и их держания пустуют, так как их некому взять в аренду» [17].

Не одни лорды мэноров очутились в затруднительном положении. Не легче было и тем их держателям, которым удалось пережить эпидемию: им еще труднее было найти рабочих, и им ничего другого не оставалось, как тем или иным способом ликвидировать свои дела, развязаться с землей, превратившейся для них в совершенно непосильное бремя.

По расчету одного современника «так велик был недостаток в рабочих, что третья часть земли, и даже больше того, по всему королевству оставалась невозделанной» [18].

Против такого чисто физического факта, как смерть, землевладельцам оставалось апеллировать только к сверхчувственному трибуналу и вместе

с авторами монастырских хроник предаваться благочестивым размышлениям о грозной каре, ниспосланной богом за грехи людей. Но не с одним этим фактом им приходилось считаться. Если они могли безропотно покоряться воле божьей, которая, как учили их духовные руководители, всегда вела и ведет людей и дела человеческие к высшей цели, к высочайшему благу, и чаще всего самыми тернистыми путями, каковы мор, потоп, нашествие иноплеменников и иные не менее тяжкие испытания, то совсем иные чувства вызывала в них «наглая и корыстная воля» («elatam et cupidam voluntatem»), которую стали проявлять уцелевшие от Черной смерти рабочие. Мириться с их «коварством и наглостью, низостью и жадностью» землевладельцы совсем не были расположены. Если божеские законы представлялись им во всей своей непререкаемой обязательности, то законы политической экономии для них вовсе не существовали. «Наглость и корыстолюбие» рабочих заключались в том, что они стали требовать высшего сравнительно с прежним вознаграждения за свой труд и этим ставили землевладельцев в совершенно отчаянное положение. Мало того, что наступила «такая бедность в рабочих во всех занятиях, какой никто не мог представить в прежние времена» [19], что «такой был недостаток в рабочих и слугах, что никто не знал, что делать» [20], и «приходилось посылать к плугам и телегам женщин и малолетних» [21]. «В следующую (после чумы) осень нельзя было найти жнеца за плату меньше 8 пенсов (в день), косца — меньше, как за 12 пенсов (т.-е. 1 шиллинг); при этом их нужно было еще и кормить. По этой причине во многих местах хлеб погиб на полях, так как его некому было собрать» [22]. «Рабочие, ремесленники и слуги с этих пор стали хитрее и коварнее обыкновенного» [23].

Если высокая заработная плата сельских рабочих делала наемные руки совершенно не по средствам держателей, то в то же время она указывала держателям выход из их положения, далеко не худший из других возможных для них выходов, и им, несомненно, воспользовались многие из них: не задумываясь долго, держатель мог просто бросить свое держание на произвол судьбы и лорда мэнора и променять незавидное положение беспомощно мечущегося из стороны в сторону, обремененного неутешительными мыслями и бесконечными недоимками хозяина на вдруг ставшее привилегированным положение рабочего, диктующего нанимателю свои собственные условия и уверенного, что наниматель примет их, рискуя в противном случае потерять всю свою жатву или оставить под паром все свои поля. Свободные держатели (употребляем это выражение не в строго техническом смысле) могли сделать это совершенно беспрепятственно; что до вилланов, то им не трудно было безнаказанно порвать те узы, которыми закон и обычай связывали их с лордом и его мэнором; стоило виллану и в обыкновенное время только перешагнуть пределы юрисдикции своего сеньера, чтобы сразу почувствовать себя, если и не вполне на свободе, то во всяком случае в очень значительной мере обеспеченным от возможности легко и скоро быть возвращенным на свое самовольно оставленное место; теперь же он мог смело пускаться в путь, не без основания рассчитывая найти гостеприимный кров и вполне надежное убежище в каждом близком и далеком поместье, принадлежало ли оно светскому лорду, монастырю или каноникам соборного капитула.

Таким образом, повышение заработной платы подрывало хозяйственное положение землевладельца с разных сторон: делая для него еще более трудной

и без того крайне трудную задачу доставить своему хозяйству необходимые для него рабочие руки, оно в то же время разрушительным образом действовало на его и без того совершенно потрясенный бюджет, лишая его и последних рессурсов, денежной платы и натуральных повинностей оставшихся в живых его держателей. Впрочем, эти последние не всегда бросали землю. Иногда — и, надо полагать, весьма нередко — они находили возможным оставаться на месте. Но при этом они предлагали землевладельцу такие условия, которые, по крайней мере на первых порах, были мало чем лучше оставления ими своих держаний. «Магнаты королевства и другие менее значительные сеньеры, имевшие держателей, — рассказывает лестерский каноник Найтон, — решили не взимать с них части денежной платы, опасаясь, чтобы держатели не ушли вследствие недостатка в рабочих и общей дороговизны. Одни сеньеры отказались от половины денежной платы, другие от большего, а другие от меньшего, одни на два года, другие на три, а иные на год, в зависимости от того, как они с ними согласились. Точно так же те, кто в течение целого года получал в определенные дни труд от своих держателей, как это имеет место в отношении к вилланам, принуждены были отказаться от него и или совершенно ничего не требовать от вилланов, или же посадить их на легкий оброк, чтобы дома не приходили в полное, непоправимое разрушение, и земля не оставалась совершенно без обработки» [24]. Это свидетельство летописца находит себе полное подтверждение в других, чисто документальных источниках. 29-го мая 1350 года Черный принц уполномочивает своих агентов уменьшить на четверть денежную плату оставшихся в живых держателей «из страха, чтобы они по бедности не бросили своих держаний» [25]. В другом случае землевладелец по той же причине уменьшил денежную плату своих держателей на одну треть [26]. Об одном мэноре в Оксфордшире, принадлежавшем монастырю, читаем: «Во время мора людей, или чумы, бывшей в 1349 году, едва осталось в названном мэноре двое держателей, которые хотели было уйти, если бы брат Николай de Upton, бывший тогда аббатом (и сеньером) названного мэнора, не заключил с ними и с вновь прибывшими держателями новых условий» [27]. В отчетах приказчиков (Ministers' Accounts), целыми грудами лежащих в Лондонском Государственном Архиве (Public Record Office), нам приходилось встречать случаи уменьшения платежей держателей (непосредственно после первого посещения Черной смерти), мотивируемого их несостоятельностью («propter eorum inopiam») [28]. Таким путем не мало крестьян-барщинников было переведено на оброк («eo quod custumarii impotentes ed faciendа dicta opera, et pro eorum paupertate») [29].

Подобного рода домашние средства не могли серьезно помочь делу. Определенная площадь занятой под обработку почвы требовала приложения определенного количества труда, а паллиативы эти никакой новой рабочей силы не создавали, которая бы могла парализовать гибельные для земледелия последствия моровой язвы, и в лучшем случае лишь предотвращали немедленное наступление полного крушения того или иного частного хозяйства. Разрешения требовал серьезнейший и сложнейший общественный вопрос, касавшийся самых основ хозяйственного и социального строя Англии. Несомненно, во всей своей серьезности и сложности он никому тогда не представлялся — ближайшие события это вполне доказали; тем не менее скоро всем стало ясно, что разрешение его не по силам разрозненным попыткам отдельных лиц, что здесь

необходимы общие меры, и для проведения их в жизнь нужен авторитет, который и морально, и материально стоял бы выше сталкивавшихся частных интересов, стремлений и воздействий и направлял бы их к одной общей цели. Частными средствами нельзя было создать новой рабочей силы. Эту задачу должно было разрешить государство, пустив для этого в ход свой веками сложившийся административный механизм и подчиненные ему органы частной власти. И государство не усомнилось в успешности своей миссии и приступило к разрешению своей задачи с нетронутой верой во всемогущество полицейских предписаний и мероприятий и даже в их творческую силу.

Задача эта представлялась ему в сущности очень несложной. Землевладельцы терпят крайнюю нужду в рабочих руках, а рабочие, между тем, не желают давать им свои руки иначе, как за повышенную против прежнего плату; сами землевладельцы оказываются не в силах заставить их служить себе на прежних условиях; следовательно, государство должно прийти к ним на помощь и взять на себя обязанность воздействовать на рабочих в желательном смысле, употребив против них находящуюся в его распоряжении систему принудительных средств, — и тогда все пойдет ровно и гладко, хозяйство землевладельцев войдет в свою прежнюю колею, а «злонамеренность» (la malice) рабочих и слуг будет пресечена в корне.

«Злонамеренность» проявили не одни только сельско-хозяйственные рабочие. Не в меньшей степени «наглыми и строптивыми» («elati et contrariosi») показали себя и ремесленники, также поднявшие цену на свой труд, а также продавцы съестных припасов, повысившие цены на предметы первой необходимости. На первых порах Черная смерть даже понизила цены на продукты и на скот. Как раз в годы чумы лето было особенно урожайное, и хлеб продавался почти за бесценок, в пять и шесть раз дешевле, чем в обыкновенное время (напр., квортер пшеницы можно было купить за девять пенсов, вместо обычных шести без малого шиллингов) [30], что станет еще более понятным, если мы вспомним, кроме того, насколько уменьшилось число обычных его потребителей. Дешевизна скота была вызвана тем, что со смертью держателей, разрушившей большое количество мелких крестьянских хозяйств, на рынок сразу была выброшена масса рабочего и нерабочего скота, овец, свиней, а также продуктов скотоводства и главного из них — шерсти, цена которой также сильно пала [31]. На низком уровне цены держались только самое первое время, и уже осенью 1349 года они резко поднялись даже над обычным уровнем, так что, по словам одних современников, они удвоились, а по свидетельству других они увеличились против обычного вчетверо и даже впятеро [32].

Требовали государственного воздействия и служители алтаря, именно та своеобразная категория из них, которую вызвали к жизни особенности социального строя средневековой церкви, сделавшие возможным и даже необходимым существование, для нас несколько странной, либеральной профессии пастырей душ, всецело зависевших в средствах к жизни от закона спроса и предложения, который достаточно определенно обнаруживал свое действие и в хозяйственной обстановке феодального общества. Если закон этот еще в прежние времена вполне осязательно давал себя знать, то к эпохе Черной смерти, как видно, создались более благоприятные условия для его проявления, а непосредственно после чумы он сказался во всей своей силе, и капелланы — а мы именно их и разумеем — принесли с собой на рынок те же инкриминированные

душевные свойства, что и представители других, менее интеллигентных профессий, грубого ручного труда, являясь, как и эти последние, в глазах носителей господствовавшей морали людьми корыстолюбивыми, жадными и коварными, которых необходимо с помощью строгих мер вернуть на преступно покинутую ими стезю добродетели. «В это же время, — рассказывает Найтон, — повсюду оказался такой недостаток в священниках, что многие церкви оставались без божественных служб, месс, заутрень, вечерен, тайн и таинств. Едва можно было найти капеллана, который бы согласился служить в какой-нибудь церкви за плату ниже 10 фунтов или 10 марок (в год). Там, где прежде, до чумы, когда не было недостатка в священниках, можно было иметь капеллана за пять или за четыре марки или за две марки со столом, теперь едва ли найдется хоть один, который согласился бы поступить викарным священником за 20 фунтов или за двадцать марок. Впрочем, вскоре в священники стало поступать очень много из тех, кто потерял жен во время чумы. Из них многие были люди совершенно необразованные, простые миряне, отличавшиеся от этих последних разве тем, что кое-как умели читать, хотя без понимания того, что читали» [33].

Создать необходимую для землевладельцев рабочую силу, обуздать ремесленников и продавцев съестных припасов и пригрозить церковными карами капелланам, — вот составные элементы той задачи, к разрешению которой не замедлило приступить правительство Эдуарда III.

II

И вот, 18-го июня 1349 года шериффам всех графств королевства Англии был разослан следующего рода королевский ордоннанс (*An Ordinance concerning Labourers and Servants*) [34]. Во время чумы погибла значительная часть народа («magna pars populi»), и больше всего рабочих и слуг («et maxime operariorum et servientium»). И вот, многие (nonnuli), видя затруднительное положение господ и малочисленность слуг («videntes necessitatem dominorum et paucitatem servientium»), не желают служить иначе, как за чрезмерное вознаграждение («nisi salaria repiciant excessiva»), а иные предпочитают вести совсем праздную жизнь и просить милостыню вместо того, чтобы трудом добывать средства к существованию («mendicare malentes in ocio quam per laborem querere victum suum»). Принимая во внимание те серьезные затруднения, которые может вызвать недостаток в особенности в пахарях и других сельских рабочих («pensantes gravia que ex carencia presertim cultorum et operariorum hujusmodi provenire possent incommoda»), король имел об этом рассуждение с прелатами и знатью и другими сведующими людьми («super hoc cum prelatis et nobilibus et peritis aliis nobis assistentibus deliberacionem habuimus et tractatum») и по их единодушному совету постановляет:

«Чтобы каждый мужчина и каждая женщина королевства нашего, Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного («quilibet homo et femina regni nostri Angliae cujuscunque condicionis fuerit liber vel servilis»), здоровые и не старше шестидесяти лет, кто не живет торговлей и не занимается каким-нибудь ремеслом («non vivens de mercatura, nec certum exercens artificium»), не имеет собственных средств к жизни («nec habens de suo

proprio unde vivere») или собственной земли, возделыванием которой был бы занят («vel terram propriam circa culturam cujus se poterit occupare») и не находится на службе у другого («et alteri non serviens»), если его или ее позовут служить соответственно их состоянию («si de serviendo in servicio congruo considerato statu suo fuerit requisitus»), обязаны были поступать на службу к тому, кто их зовет («servire teneatur illi qui sic ipsum duxerit requirendum»), и притом за такую плату деньгами и натурой («vadia liberaciones mercedes seu salaria»), какую в местностях, где они обязаны служить, обыкновенно давали («consueta sunt prestari») в год царствования нашего в Англии двадцатый или в последние пять или шесть лет. При этом сеньеры должны иметь преимущественное перед другими право удерживать у себя на службе вилланов или держащих у них вилланскую землю («proviso quod domini preferantur allis in nativis seu terram suam nativam tenentibus sic in servicio suo retinendis»), но так, однако, чтобы эти сеньеры удерживали лишь стольких, сколько им необходимо, и не больше («ita tamen quod hujusmodi domini sic retineant tot quot sibi fuerint necessarii et non plures»).

Если кто станет нанимать такого человека, а он ответит отказом («si talis vir vel mulier, sic de serviendo requisitus vel requisita, hoc facere noluerit»), и это будет доказано двумя заслуживающими доверия людьми («per duos fideles homines») перед шерифом графства, бэйлиффом сотни или деревенским констэблем («constabulario ville»), в таком случае человек этот должен быть немедленно арестован по распоряжению этих должностных лиц и отправлен в ближайшую тюрьму под строгий караул («et ibidem sub arta moret custodia»); свобода будет ему возвращена лишь тогда, когда кто-нибудь поручится за него, что впредь он будет готов к услугам нанимателя («quousque securitatem invenerit de serviendo in forma predicta»).

Тюрьма ожидает жнеца, косца и всякого другого рабочего и слугу всякого состояния («messor, falcator aut alius operarius vel serviens, cujuscunque status fuerit seu condicionis») и в том случае, если он без разумной причины и без позволения хозяина уйдет со службы раньше условленного в договоре срока («ante finem termini concordati, a dicto servicio sine causa racionabili vel licencia recesserit»). Такая же кара грозит и тому, кто посмеет («presumat») нанять такого рабочего и держать его у себя.

Воспрещается нанимателю обещать и давать, а рабочему требовать плату выше обычной («vadia liberaciones mercedes seu salaria majora solito sicut predictum est») под страхом уплаты вдвое («sub pena dupli illius quod sic solutum promissum fuit, aut exactum vel receptum») тому, кто чувствует от этого ущерб («illi qui ex hoc se senserit gravatum»), а за отсутствием такого лица и всякому другому, кто вздумает преследовать ослушника судебным порядком («et nullo tali volenti pros qui, tunc cuicumque de populo qui hoc prosecutus fuerit applicandi»). Дело разбирается в курии того лорда, во владении которого произошел этот случай; если же виновным в нарушении этого постановления окажется сам лорд мэнора («domini villarum vel manericrum») или его министериалы («per se vel ministros suos»), то судебным местом является собрание графства, сотни, трети (Trithingis) и другие курии («vel aliis Curiis nostris hujusmodi»); при этом лорд мэнора принуждается к уплате в пользу истца суммы, втрое превышающей то, что он или его министериалы уплатили или

пообещали уплатить рабочему или слуге («ad penam tripli per eos vel ministros suos sic soluti vel promissi»).

Объявляются недействительными все заключенные до издания этого ордоннанса контракты с рабочими, если их условия противоречат ордоннансу; нанимателю не только позволяется не платить рабочему или слуге выговоренного им в таком контракте высшего против обычного вознаграждения, но даже ставится в обязанность не делать этого под страхом заплатить вдвое или втрое по иску всякого желающего («et si forsan aliquis ante presentem ordinacionem cum aliquo de sic serviendo pro majori salario convenerit, ipse racione dicte convencionis ad solvendum ultra id quod alias tali consuetum est solvere minime teneatur; immo solvere plus sub pena predicta non presumat»).

Имея в виду прежде всего интересы сельского хозяйства и потому с такою детальностью регламентируя отношения земледельческого рабочего, ордоннанс далеко не так обстоятелен в своих постановлениях о ремесленниках. Ремесленникам (названы: «sellarii, pelletarii, allutarii, sutores, cissores, fabri, carpentarii, cementarii, tegularii, batellarii, carectarii et quicunque alii artifices et operarii», т.-е. седельные мастера, скорняки, кожевники, сапожники, портные, кузнецы, плотники, каменщики, кровельщики черепицей, лодочные и корабельные мастера, возчики и всякие иные ремесленники и рабочие) просто предписывается под страхом тюрьмы не брать за свой труд и мастерство («pro labore et artificio suo») больше того, что им обыкновенно платили в той или иной местности в 20-й год настоящего царствования и раньше.

Непосредственно за этим следует постановление о продавцах съестных припасов. Названы мясники, продавцы рыбы, содержатели харчевен, пивовары, хлебники, торговцы живностью («carnifices, piscenarii, hostellarii, braciatores, pistores, pulletarii et omnes allii venditores victualium quorumcumque»). Всем им вменяется в обязанность продавать свой товар по «разумной» цене («pro precio racionabili»), сообразуясь с ценой на эти предметы в ближайших местностях («habita consideracione ad precium quo hujusmodi victualia in locis propinquis venduntur») и пользуясь умеренным барышом, а не чрезмерным («ita quod habeant hujusmodi venditores moderatum lucrum, non excessivum»), сообразно с расстоянием от тех мест, откуда эти припасы привозятся («prout distancia locorum, a quibus victualia hujusmodi cariantur duxerit racionabiliter requirendum»). За этим должны наблюдать мэр и городские бэйлиффы, которые и присуждают торговцев, нарушивших это постановление, к уплате в пользу потерпевшего или всякого, желающего возбуждать против них судебное преследование, штрафа, вдвое превышающего незаконно взятую ими цену. Если же эти должностные лица будут обвинены перед назначенной королем судебной комиссией в небрежном исполнении этих новых своих обязанностей, то они платят потерпевшему или всякому истцу тройную цену проданной незаконным способом вещи и, кроме того, большой штраф в пользу короля («et nichilominus versus nos graviter puniantur»).

В заключение ордоннанс возвращается к вопросу, лишь упомянутому во вступлении к вопросу о порожденном Черной смертью нищенстве. Много совершенно здоровых нищих («multi validi mendicantes») отказываются работать, питаясь милостынею, ведя праздную жизнь, предаваясь порокам, а иногда и воровству и иным преступлениям. Чтобы заставить их трудом добывать средства к жизни, ордоннанс грозит тюрьмой всякому, кто в интересах благо-

честия посмеет давать им милостыню и этим потворствовать их безделью («sul colore pietatis vel elemosina quicquam dare seu eos in sua desidia confovere presumat»).

Ордоннанс должен быть оповещен шериффами по всем городам, торговым центрам, портам и другим местам, где они найдут это необходимым («in Civitatibus, Burgis et Villis mercatoriis, Portubus maris et aliis locis in balliva tua ubi expedire videris»), как вне пределов частной юрисдикции, так и внутри их («tam infra libertates quam extra».)

Ордоннанс был разослан не только органам светской администрации. Его получили и епископы с просьбой распорядиться, чтобы его читали по всем церквам, и чтобы священники спасительными увещаниями («salutaribus monitis») побуждали своих прихожан в виду крайней нужды («sicut instans necessitas exigit») не уклоняться от труда и исполнять выслушанные ими предписания.

Для епископов была у короля еще и другая просьба: обуздать живущих на жалованье капелланов, которые тоже, говорят, не хотят уже служить иначе, как за чрезмерную плату («Vos eciam Capellanos Stipendiarios dicte vestre diocesis, qui similiter jam sine excessivo nolunt ut dicitur servire salario, compescatis»), заставить их угрозой временного лишения священнических прав и страхом отлучения брать обычное вознаграждение за свой труд («et ad serviendum pro consueto salario prout expedit, sub pena suspensionis et interdicti compellatis»).

III

Тюрьма и спасительные увещания, тяжелые штрафы и церковное отлучение, — эти простые карательные и предупредительные меры правительство считало вполне достаточными для разрешения сложного социального вопроса, который представлялся ему всего лишь вопросом личной инсубординации и злонамеренности, хотя и наносящей ущерб общему благу страны («utilitatem regni nostri»). Такой чисто полицейской точки зрения не могли, как увидим, потрясти никакие испытания. А испытания эти не заставили себя долго ждать. Вот что мы читаем у Найтона:

«Между тем король разослал по всем графствам приказ, чтобы жнецы и другие рабочие не брали больше того, что они обыкновенно получали, под страхом определенной в статуте пени, и потом издал об этом новый статут. Однако рабочие не обращали внимания на приказ короля и нагло шли наперекор ему, а те, кто нуждался в них, должны были давать им, сколько они ни потребуют: им не представлялось ничего другого, как или потерять все свои плоды и все свои нивы, или исполнить наглую и жадную волю рабочих. Когда об этом стало известно королю, он взыскал тяжелые штрафы с аббатов, приоров, с магнатов и с менее могущественных рыцарей и с прочих людей, как более значительных, так и менее значительных в стране, с кого по сто шиллингов, с кого по сорока, а с кого и по двадцати, с каждого столько, сколько он мог дать, за то, что они не исполняли его приказа и давали рабочим бо́льшую, чем следовало, плату... Затем король приказал задержать многих рабочих и отправить их в тюрьму; но многим из них удалось ускользнуть и на время скрыться в лесах, а кого удавалось поймать, тот подвергался тяжелому штрафу. Жнецы должны были давать клятву, что не будут брать

поденной платы («stipendia diurna») выше той, какая определялась старым обычаем («ultra antiquam consuetudinem»), и этим освобождались из тюрьмы. Таким же образом поступали и с другими ремесленниками (artificiariis) в городах и селах [35].

Слова лестерского хроникера находят совершенно официальное подтверждение в заявлениях самого правительства. «Хотя ордоннанс был оповещен во всеобщее сведение и всем крепко-накрепко было приказано исполнять его, тем не менее рабочие, ремесленники, слуги и продавцы съестных припасов ежедневно продавали и продают свой труд, ремесло, службу и съестные припасы дороже, чем перед этим ордоннансом, ни во что не ставя ни нас, ни нашего ордоннанса, нанося ущерб нашему народу и явно его утесняя». Так выражается Эдуард III в «открытом письме» (littera patens), отправленном 18 ноября 1350 года Андрею de Bures, Уилльяму Carbonel, Джону de Appale, Ральфу de Bockyng, Ричарду Froysel и Джилберту de Debenham. Причину неудачи мероприятий, заключающихся в орданнансе, король видит в том, что кары, предписываемые ордоннансом нарушителям его, не налагаются на этих последних. Считая, очевидно, местные административные органы графства не стоящими на высоте своей новой задачи, король назначает только что названных лиц членами специальной судебной комиссии в графстве Сэффольк и поручает им смотреть за тем, чтобы ордоннанс исполнялся в Сэффолькском графстве, и наказывать всех нарушителей его. Такого же содержания «открытое письмо» отправлено было около того же времени и Уилльяму de Skipwith, Джону de Somercotes, Уилльяму de Stayne и Джемсу atte Beck, назначенным судьями в Линкольншире. Все административные и полицейские органы графства, а также все верные подданные короля должны во всем, что касается ордоннанса, повиноваться этим судебным комиссиям и оказывать им всяческое содействие [36].

IV

В феврале 1351 года в Уэстминстере собрался первый после чумы парламент. В числе мотивов к созыву его видное место занимают неурядицы, возникшие благодаря тому, что слуги и рабочие не желают служить и работать так, как это было в обычае в прежние времена. Общины явились в парламент с жалобой на то, что рабочие не хотят работать за ту плату, какая назначена королем и советом, и этим причиняют великий ущерб народу, не обращают никакого внимания на штрафы и взыскания, но со дня на день становятся все хуже и хуже. Общины просят короля сделать постановление, чтобы, кроме денежных взысканий, рабочие подвергались и физическому наказанию («qe corporel Penaunce ovesqes Redemptions soit fait sur eux») [37]. Ответом на эту петицию общин было издание парламентом *Статута о рабочих (Statutum de Servientibus, Lestatut'dartificers et servauntz)* 25-го года царствования Эдуарда III (1350—1351 года) [38].

В предисловии к *Статуту* указывается на то, что, хотя «против злонамеренности слуг, которые стали дороги после чумы и не хотят служить иначе как за чрезмерную плату» («contre la malice de servantz, queux furent preciouses et nient voillantz servir apres la pestilence, sanz trop outrageouses lowers prendre») и был издан королем, «с согласия прелатов, знати и других

из его совета», ордоннанс, и «разным людям в каждом графстве были даны поручения производить расследования и подвергать наказанию всех, кто пойдет против него» («sur quei commissions furent faites as diverses gentz en chescun Counte, denquere et punir touz ceaux qi venissent au contraire»), тем не менее из петиции, представленной общинами в этом парламенте, король видит, что «слуги эти совсем не обращают внимания на этот ордоннанс, а лишь думают о своих удобствах и о насыщении своего необычайного корыстолюбия («nient eiantz regard a la dite ordenance, mes a lours eses et singulers covetises») и отказываются служить как магнатам, так и прочим, если им не дают платы вдвое и втрое выше того, что они обыкновенно получали в двадцатый год и перед тем, и этим наносят магнатам великий ущерб, а общины просто разоряют» («se retreent de servir as grauntz ou as autres sils neyent liveresons et lowers, au double ou treble de ceo qils soloient prendre le dit an vintisme et devent, a grant damage des grantz, et empovericement des touz ceux de la dite commune»). Общины просят у короля какого-нибудь средства против этого. В виду этого король, «с согласия прелатов, графов, баронов и иных магнатов, а также этих общин, здесь собравшихся», делает ряд постановлений, которые должны «обуздать злонамеренность этих слуг» («ur refreindre la malice des ditz servantz»).

Сравнительно с рабочим ордоннансом статут поражает детальностью своих предписаний. Простая ссылка на определявший до чумы заработную плату обычай оказывалась, повидимому, недостаточной, и парламент счел необходимым по возможности точно указать размеры платы и ее характер в каждой отдельной отрасли наемного труда и для этого более отчетливо, чем это было сделано в ордоннансе, разграничить различные категории рабочих. Внимание его направлено прежде всего на тех, кого можно бы назвать постоянным элементом хозяйственной организации поместья в отличие от элементов временных, на тех, кого статут называет *servantz*, а ордоннанс — *servientes*, рабочих, нанимавшихся на год или на другой более или менее продолжительный срок и живших на барском дворе, исполняя определенную хозяйственную функцию. Это — необходимые для каждой экономии *возчик* (charetter, в латинских источниках carectarius), *пахарь* (caruer, латин. carucarius), *погонщик при плуге* (chaceour des carues), *пастух* (для овец, bercher), *свинопас* (porcher) и *скотница* (deye, bap, daya) От них и от «всех других слуг («et touz autres servantz»)» статут требует, «чтобы они нанимались на целый год или на другие обычные сроки, а никак не поденно» («et qils soient allowes de servir par lan entier, ou autres termes usuels et nemye par journes») (что, конечно, было для них гораздо выгоднее, делая их более свободными и давая им полную возможность ежедневно делать выбор между многими предложениями), и брали плату (натурой и деньгами, «liveresons et lowers»), какая была в обычае (accustumes) в 20-й год настоящего царствования и четырьмя годами раньше; при этом в тех местностях, где было в обычае выдавать им пшеницу, им позволяется вместо пшеницы брать деньги, именно вместо бушеля пшеницы — десять пенсов; но это должно вполне зависеть от нанимателя, которому предоставляется полная свобода платить деньгами или зерном, пока на этот счет не будет сделано другого какого-нибудь постановления («issint qen pays ou furment soleit estre done preignent pur le Busesl X d. ou furment a la volunte le donour, tanque autrement soit ordeigne»).

За *слугами* следуют *рабочие* в собственном смысле (overours = operarii, laboratores) и именно *сельско-хозяйственные рабочие*, которых нанимали для полевых работ преимущественно во время уборки хлеба и сена, а также для молотьбы уже собранного хлеба. Статут указывает такие нормы для их заработной платы. За выпалывание сорных трав и за уборку сена — 1 пенни в день («et qe nul preigne en temps de sarcler ou feins faire forque 1 d. le jour»); косцу лугового сена за 5 скошенных акров или за день — 5 пенсов («et fauchours des preez pur lacre V d. ou par la journe V d.»); жнецу (sciours des blees) в первую неделю августа — по 2 пенса в день, остальные три недели — по три; но где меньше платили, там эта меньшая плата и остается («et meyns en pays ou meyns soleit estre done»); молотильщику за молотьбу квортера пшеницы или ржи — не больше 2 пенсов с половиной (II d. ob.); в тех местностях, где жали за определенный сноп и молотили за определенный бушель, а не за деньги, там этот порядок должен и оставаться, и размер вознаграждения не может превышать того, что давали в двадцатый год настоящего царствования и раньше («et en pays ou homme soleit scier pur certeyns garbes, et batre pur certeins busseux, ne preigne plus nen autre manere qil soleit dit an vintisme et devant»). Рабочий не имеет права требовать, а хозяину запрещается ему давать, кроме платы, еще и еду или другое угощение («saunz mangier ou autre curtoysie demander, doner ou prendr»).

Наем рабочих должен совершаться публично, на глазах у всех, под общественным контролем, который может гарантировать соблюдение предписанных статутом условий найма как той, так и другой стороною. Таким публичным местом была рыночная площадь. Сюда и должны являться рабочие с орудиями своего труда; только здесь их и можно было нанимать («et qe tieux overours portent overtement en lour meyns as villes marchantz lour instrumentz, et illoeqes soient alowes en lieu commune et nemye prive»).

Два раза в год рабочие должны давать клятву перед лордами мэноров, в пределах которых они живут, или их сенешалами, или бэйлиффами сотни, или деревенскими констэблями, что будут соблюдать все эти постановления и что никто из них не будет уходить летом на заработки из деревни, в которой он живет зимою, если и здесь он может найти работу за установленную статутом плату («et qe nul de euxirra hors de la ville ou il demoert en yver, pur servir en estee, sil puisse avoir service en mesme la ville, pernant come devant est dit»); исключение делается только для жителей графств Стэффордского, Ланкастерского, а также для жителей Крэвена (Craven) и местностей, пограничных с Уэлзом и и Шотландией («de la marche de Gales et Descoce»), «и других мест» («et autres lieux»): они попрежнему могут отправляться в августе на заработки в другие графства («puissent venir en temps Daust, de laborer en autres Countes, et salvement retourner come ils soloient faire avant ses heurs»). За отказ давать клятву и за нарушение ее рабочие, по приказанию лордов мэноров или их сенешалов, или бэйлиффов, или деревенских констэблей, на три дня и более забиваются в колодки («et qe ceux de refusent de faire tiel serment, ou perfourner ceo qils ount jures, ou empris, soient mys en ceppes par les ditz Seignours, Seneschaux, Baillifs es Con stables des villes, par trois jours ou pluis») или же препровождаются в ближайшую тюрьму, где и сидят, пока не оправдаются («a demorer illocque tanqe ils se voillent justificier»); в виду этого в каждой деревне не позже праздника Пятидесят-

ницы должны быть заведены колодки («et qe ceppes soient faitz en chescune ville par celle encheson entre cy et la Pentecost»).

До сих пор речь все шла о сельско-хозяйственных слугах и рабочих: на них прежде всего и главным образом направлено внимание парламента, озабоченного приисканием средств против кризиса в сельском хозяйстве. Но «злонамеренность» и «корыстолюбие», как мы уже знаем из ордоннанса о рабочих и слугах, проявили и другие элементы рабочего класса, а также ремесленники и продавцы съестных припасов. Статут и в отношении к ним частью воспроизводит, а частью развивает, в направлении к большей полноте и точности, соответствующие постановления ордоннанса. С особенной подробностью Статут останавливается на плотниках, каменщиках и штукатурах. Им предписывается брать за свой труд поденную плату в обычном размере («en manere come ils soloient»), именно: мастеру-плотнику (Mestre Carpenter) по 3 пенса в день, его подручному («et autre») — по 2 пенса, мастеру-каменщику (mestre mason de franche peer) — по 4 пенса, его подручному («et autre mason») — по 3 пенса, а их слугам («et lour servantz») — по 1½ (I d. ob.); кровельщику, кроющему черепицей (teguler), — по 3 пенса, а его слуге («et son garceon») — по 1½ пенса (I d. ob.), а кровельщикам, кроющим папоротником и соломой («et autre coverour de ros et estreym»), — по 3 пенса, а их слугам («et son garceon») — по 1½ пенса (I d. ob.); такую же плату должны получать и штукатуры и другие рабочие, строящие стены из глины и камня, и их слуги («Item Plasterers et autres overours des mures darzill et lour garceons par mesme la maner»). Кормить всех этих мастеровых не полагается («saunz mangier ou boire»). Такую плату они могут получать только от Пасхи до Михайлова дня (29 сентября); в остальное время года им следует платить меньше, в размере, зависящем от усмотрения судей, специально назначенных разбирать дела о рабочих («et de cel temps meyns solonc lafferant et discretion des Justices qi serront a ce assignez»). Непосредственно за этим следует постановление о людях, занимающихся перевозкой как сухим путем, так и водою («ceux qi fount cariage, par terre ou par ewe»); и им вменяется в обязанность брать плату, не больше той, какую они обыкновенно получали в двадцатый год царствования Эдуарда III и четырьмя годами раньше.

Последними названы в статуте ремесленники (artificiers). Парламент постановляет, что башмачники и сапожники (Corvoisers ne suours) должны продавать башмаки, сапоги и другие вещи, относящиеся к их ремеслу («ne vendent botes, soulers, nautre chose touchant lour mister»), так же, как они продавали их в двадцатый год царствования Эдуарда III («par autre manere, qils ne soleieut le dit an vintisme»), а золотых дел мастера, седельные мастера, люди, занимающиеся ковкой лошадей, шпорники, дубильщики кож, ремесленники, занимающиеся выделкой кож, скорняки, портные (Orfeures, Sellers, Ferrours de chivaux, Esporoners, Tannours, Correours, Pelletours, Taillours) и все другие мастеровые, ремесленники и рабочие и иные прочие, здесь не названные отдельно, слуги («et touz autres overours, artificiers et laborers, et touz autres servantz nient especifiez») должны дать клятву перед судьями в том, что будут заниматься своим ремеслом и исполнять свои обязанности так же, как они делали это в двадцатый год и перед тем, и не станут отказываться от этого из-за этого ордоннанса («soient sermentez devant les dites Justices de faire et user lour artes et offices en manere come ils fesoient le dit an vintisme, et

en temps devant, sanz les refuser par cause de ceste ordinance»), и если кто из этих слуг, рабочих, мастеровых или ремесленников («des ditz servantz laborers oeverours ou antificers») после этой клятвы пойдет против этого ордоннанса, он будет наказан штрафом и заключением в тюрьму («soit puny par fin rancoon et emprisonement») по усмотрению («selonc la discrecion») этих судей.

Всякому нарушителю какого-нибудь из всех этих постановлений статут грозит двумя карами одновременно: штрафом в пользу короля и тюремным заключением, при чем срок этого последнего в каждом случае рецидива удваивается (так что в первый раз виновный сидит в тюрьме сорок дней, во второй — уже четверть года, в третий — полгода и т. д.); кроме того, нарушитель статута должен возвратить взятый им за свой труд или за свои изделия излишек (lexcesse), в случае частного к нему иска, истцу, а в том случае, когда против него возбуждено было уголовное преследование (presentment), сборщикам пятнадцатой деньги (la quinzisme) (налога, разрешенного парламентом для войны с Францией) для облегчения жителей тех сел и городов, где этот излишек был взят.

Статуту приходится иметь дело не только с теми, кто берет «излишки» (lexcesses). Оказывается, что рабочие и слуги находили поддержку и поощрение в своих требованиях высокой платы за свой труд; оказывается, что есть люди, «которые говорят в присутствии этих судей или другое делают в их отсутствии или в их присутствии для поощрения и для поддержки этих слуг и рабочих, в противность этому ордоннансу» («ceux qi parlent en presence des dites Justices, ou autres choses facent en lour absence ou presence, en abaudissement ou meintenance des ditz servantz et laborers, au contraire de ceste ordinance»). Статут грозит им тяжелыми наказаниями, налагаемыми по усмотрению судей («soient grevement punys selonc la descrecion des dites Justices»).

В поисках лучших условий слуги и рабочие нередко бежали из одного графства в другое. Статут стремится пресечь это и предписывает шериффам графств, куда бежали рабочие или слуги, по приказанию судей графств, из которых они бежали, задерживать их и препровождать в главную тюрьму графства, где они и должны содержаться до ближайшей сессии этих судей.

Исключительно этим специальным судебным комиссиям принадлежит теперь юрисдикция по делам, возникающим в результате нарушения статута, тогда как по ордоннансу 1349 года она, как мы знаем, еще не имела своего специального органа, и дела эти разбирались в мэнориальных куриях и в судах графства и сотни. Неудовлетворительность этого последнего порядка обнаружилась очень скоро после издания ордоннанса, и, как мы видели, уже осенью 1350 года правительство, убедившись, что местные административные и судебные органы не исполняют, как следует, своих обязанностей, назначило в графствах Сэффолькском и Линкольнском специальные судебные комиссии и им передало эти обязанности. Теперь мера эта была распространена на все графства Англии. Судьи должны собираться на сессию во всех графствах Англии, по крайней мере, четыре раза в год: к Благовещению, к дню св. Маргариты (20-го июля), к Михайлову дню (29-го сентября) и к празднику св. Николая (6-го декабря). Сенешалы лордов мэноров, бэйлиффы сотен и деревенские констэбли должны представлять им списки обвиняемых в нарушении статута слуг, рабочих, мастеровых, ремесленников, а также содержателей харчевень, постоялых дворов и продавцов съестных припасов («et auxint des hostelers, her-

bergers, et ceux qi vendont vitailles en retaille, et autres choses nient espicifiez»). Эти местные органы власти не только подчинены судьям, но и поставлены под их контроль и под их юрисдикцию: они должны давать клятву перед судьями, что будут добросовестно исполнять свои обязанности, с помощью всех зависящих от них средств будут производить расследования о всех нарушителях статута и сообщать судьям их имена, а также, по приказанию судей, задерживать их и приводить в суд. Каждый раз, являясь на сессию, судьи, прежде чем приступить к разбору дел, производят предварительно расследование о том, в какой мере добросовестно исполняют свои обязанности эти подчиненные им местные органы, не позволяют ли они себе не вносить в составляемые ими для судей списки кого-нибудь за подарки, благодаря родству или же из потворства («par doun procurement, ou affinite»), и, найдя их виновными в этом, присуждают их к штрафу («fin et raunceoun»). Только с помощью таких мер правительство надеялось создать из представителей местной администрации хоть сколько-нибудь послушных проводников своей рабочей политики.

V

Статутом 1351 года не закончилась законодательная деятельность правительства по рабочему вопросу. Вернее будет сказать, что, издавая ордоннанс и статут, правительство делало только первые, хотя и самые важные, шаги. Всю вторую половину столетия и еще долго потом ему приходилось выслушивать неумолкавшие громкие жалобы общин на то, что все его мероприятия остаются мертвой буквой, что рабочие попрежнему не желают знать никаких законов, божеских и человеческих, и руководствуются лишь собственными выгодами. Общины не ограничивались жалобами, но постоянно предлагали все новые и новые средства, и правительство нередко принимало их проекты и издавало в этом смысле новые постановления, хотя более часты были случаи, когда на свои представления общины получали от имени короля ответ, что и уже изданные ордоннансы и статуты в достаточной мере исчерпывают вопрос, если только их исполнять, как следует.

В парламенте 28 года царствования Эдуарда III (1354 г.) общины жалуются на то, что вследствие дешевизны и изобилия хлеба в стране рабочие не желают наниматься на год, на полгода или на четверть года и брать часть жалованья хлебом, как это было тогда в обычае, но соглашаются служить только поденно и получать все свое вознаграждение исключительно деньгами; кроме того, они, по словам общин, «берут у сеньеров по бовате и полубовате земли, вовсе не достаточной для того, чтобы можно было жить с нее или быть занятым ее обработкой («quele n'est pas sufficiancie pur eux dount vivre, ou estre occupez»), и делают они это только с тою целью, чтобы иметь предлог не наниматься на обычные сроки, и остающееся свободное время употребляют на поденную работу, получая за нее плату деньгами». На просьбу общин, чтобы статут о рабочих выразился на этот счет определеннее («qe l'Estatut des Laborers soit expressement desclare en cel point») [39], король отвечал, что статут и без того достаточно определенен в этом отношении, стоит только исполнять его надлежащим образом [40]. Король, конечно, имел в виду определение рабочего, сделанное ордоннансом 1349 года, как человека, «не имеющего собственных

средств к жизни или собственной земли, возделыванием которой он был бы занят» («nec habens de suo proprio unde vivere vel terram propriam circa culturam cujus se poterit occupare»), и своим ответом, несомненно, дал этому определению более расширительное толкование, подводя под действие закона не только людей совершенно безземельных, как это следовало бы по прямому смыслу ордоннанса, но и людей, сидевших на земле, которых едва ли имел в виду ордоннанс; вместе с тем ответ этот открывал широкое поле произволу, ничем не ограничивая свободы толкования в каждом данном случае, что собственно следует понимать под землею, достаточною для того, чтобы избавлять держащего ее от обязанности продавать свою рабочую силу всякому, нуждающемуся в ней [41].

В 1361 году (34 Erw. III) парламент подтверждает все параграфы статута 25 года, кроме одного, не особенно существенного, но считает необходимым дополнить их рядом новых постановлений [42]. Не подтвердил он того пункта, в котором шла речь о штрафах, налагавшихся на рабочих. С этих пор за нарушение статута рабочие не будут платить штрафов («fins et raunceons»), а будут лишь подвергаться тюремному заключению; сначала по распоряжению лордов мэноров («les Seignours des villes») рабочего будут сажать на две недели под арест в пределах мэнора, а затем, в случае, если он в течение этого срока не представит оправдывающих его обстоятельств («sils ne se voillent justicer»), будут отсылать его в ближайшую тюрьму, где он и будет находиться, пока не оправдается («a demorer tanque ils se voillent justicer»). При этом шериффу, смотрителю тюрьмы и всякому иному чиновнику («nautre ministre») запрещается отдавать заключенного на поруки («ne lui lesse a nulle mainprise nen baille») под страхом уплаты королю 10 фунтов стерл., а истцу — 100 шиллингов; такой же штраф грозит им и в случае, если они будут брать с заключенного деньги («nul fee ne porterage du prison») при вступлении его в тюрьму или при выходе из нее. Что касается дополнений к статуту, то в них мы находим весьма важные мероприятия, вносящие в положение рабочего очень серьезные стеснения и не останавливающиеся перед истинно-варварскою жестокостью, чтобы только заставить его беспрекословно отдавать свои руки нанимателю. Дополнения эти вместе с тем являются живою летописью того, что совершалось и развивалось в обществе на почве рабочего вопроса за время, протекшее от издания статута, и в то же время оценкой успешности рабочей политики правительства. Но обратимся к самому тексту законодательного документа.

Уже статут 25 года, как мы видели, был озабочен бегством рабочих и предписывал шериффам задерживать их и препровождать в ближайшую тюрьму. Мера эта, как видно, не достигала своей цели, и бегство рабочих и мастеровых являлось хроническим бедствием нанимателей. Парламент решил прибегнуть к более суровым средствам. Если рабочий или мастеровой, — было постановлено на этом парламенте, — убежит от своего нанимателя в другую деревню или в другое графство («des laborers et artificers qi salloignet hors de lour services en autre ville ou en autre Countee»), то по иску нанимателя рабочие судьи отдают шериффу приказ немедленно же задержать беглеца и посадить его в тюрьму; если же ему это не удастся, судьи тотчас же объявляют беглого рабочего или мастерового находящимся вне закона («il soit utlaie») и дают истцу breve к тому шериффу, к какому

истец найдет более всего удобным обратиться, и этот шерифф должен принять меры к разысканию беглеца и, в случае успеха, представить пойманного рабочего или мастерового шериффу графства, в котором он объявлен вне закона. Этот последний заключает его в тюрьму, где он и содержится, пока не оправдается («tanque il se voet justicer») и не удовлетворит истца («et eit fait gree a la partie»). Но этим дело не ограничивается. По желанию истца и по приговору судей затравленному таким образом рабочему или мастеровому раскаленным железом выжигают на лбу букву F, чтобы заклеймить его недобросовестность, фальшивость («en signe de Fauxine») [43].

В тех случаях, когда сельский рабочий или мастеровой убегал в город, вопрос о возвращении его к его нанимателю осложнялся тем, что рабочий попадал в пределы городских стен, откуда не так-то легко было извлечь его и в обыкновенное время; теперь же, когда потребность в рабочих руках и в городской промышленности была не меньше, чем в сельской, это было еще труднее. Мириться с этим правительство, однако, не находило возможным и приняло против этого такую меру: «Если рабочий, слуга или мастеровой («laborer, servant ou artificer») уйдет в город («citee ou lurgh»), и истец обратится к мэру или бэйлиффам с требованием выдать ему его слугу, пусть они выдадут ему его без замедления; если же они откажут ему в этом, истец может предъявить иск к мэру и бэйлиффам у рабочих судей («devant les Justices de laborers»), и, в случае, если они окажутся виновными, платят королю 10 фунтов, а истцу — 100 шиллингов».

Но не одно бегство избавляло рабочего от необходимости принимать предписанные ордонансом и статутом условия. Правда, это было самое обычное, но и самое простое средство, к которому он мог всегда прибегнуть. Но наряду с ним парламент констатирует у рабочих наличность более сложных и более усовершенствованных способов борьбы с законом, свидетельствующих о том, что и для них десятилетие, протекшее со времени издания ордонанса и статута, прошло не бесплодно, что если правительство для борьбы с ними снабдило нанимателей своей организованной силой, то и они не остались вполне без всякой организации. Парламент имеет в виду, в частности, каменщиков и плотников и возникшую среди них тайную организацию. Всякого рода союзы между каменщиками и между плотниками, взаимные клятвы, собрания, издававшиеся их тайными бюро распоряжения, — все это объявляется теперь не существующим в настоящем и в будущем («et qe totes alliances et covignes des Maceons et Carpenters, et congregacions Chapitres ordinances et serementz entre eux faites ou affaires, soient desore anientiz et anullez de tout»), и каждому каменщику, равно как и каждому плотнику, предписывается во всем слушаться только своего нанимателя («son Mestre a qi il sert») и исполнять всякую работу, какая с него следует [44]. Запрещая тайные рабочие союзы, парламент ничего не имел против того, чтобы рабочие составляли артели и целыми артелями нанимались к сеньерам «и иным» («mes bien lise a shescun Seignur et autre de bargainer et covenancer de lour overaignes en grosse ou tiels laborers et artificers quant leur plerra»), лишь бы только они добросовестно («bien et loialment») выполняли свои обязательства.

Рядом с этими постановлениями мы находим еще следующее: плотники и каменщики должны с этих пор получать плату по дням, а не по неделям или иным каким способом («et qe les Carpenters et Maceons preignent desore

salarie par la jorneil, et nemie par simaigne nen autre manere»), при чем главным мастерам («les chiefs mestres des Carpenters et Maceons») полагается в день по 4 пенса, а остальным — по 3 и по 2, «смотря по тому, чего они стоят» («solonc ce qils vaillent»). Едва ли не следует видеть в этом постановлении результат деятельности упраздняемых теперь тайных рабочих союзов: ведь прежде, по статуту 25-го года, платой мастера-плотника были всего лишь 3 пенса в день, а остальных плотников — всего лишь 2 пенса; с другой стороны, возможность получать плату по дням, а не по неделям или иным каким способом, была несомненным выигрышем для рабочих.

Мы имеем основание предполагать, что тайная организация возникла и среди сельско-хозяйственных рабочих, что и среди них имели место «взаимные клятвы» и тайные собрания, имевшие целью организованное сопротивление рабочему ордонансу и статуту. Об этом достаточно ясные указания дают нам судебные протоколы того времени, повествующие о том, как такие-то рабочие, косцы например («falcatores bladorum»), «связали себя взаимным договором» («invicem confederati») [45] или «дали друг другу клятву» («adinuicem sunt jurati»), что не станут обращать внимание на статут («quod non volunt justiciari per statutum nec per aliquem») и будут брать за свой труд не менее такой-то суммы; в одном случае сумма эта доходит до 20 пенсов в день с завтраком, при чем, что очень характерно, такую огромную плату вступившие в тайное соглашение решили брать специально с блюстителей закона («et si debeant deservire cum aliquo homine de lege quod non capient minus quam quilibet eorum XX d. per diem et prandium suum in contemptum domini Regis») [46]. О некоем Уолтере Hakteby мы узнаем, что в течение двух лет, именно 37-го и 38-го годов царствования Эдуарда III, он брал во время косьбы по шести и по восьми пенсов в день и, кроме того, «нередко в течение этого времени собирал различные собрания разных рабочих в разных местах этого графства (Сэффолькского) и убеждал их и уговаривал брать за свой труд не иначе, как шесть или восемь пенсов в день со столом, или двойную плату, и сам иначе не хотел поступать» [47].

Последним дополнением к статуту 25-го года, которое сделал парламент 34-го года, было запрещение платить рабочим и ремесленникам за праздничные дни.

Ни рабочий ордонанс, ни рабочий статут вовсе не касались вопроса о вознаграждении капелланов. Правительство, повидимому, считало этот вопрос принадлежащим исключительно ведению церковных властей. Король ограничился только тем, что, отправляя ордонанс епископам, просил их, как мы видели, чисто церковными средствами «обуздать» (compescatis) капелланов, не желающих брать обычной платы. Насколько действительными оказались одни церковные средства, об этом мы узнаем из петиции, представленной королю общинами в 36-й год его царствования (1362 год). Указывая на то, что со времени великой чумы капелланы так «вздорожали» («sont devenuz si chers»), что ни у кого не соглашаются жить за плату меньше 10 или 12 марок, причиняя этим великое отягощение народу («a grant grevance et oppression du poeple»), общины просят короля, чтобы он поручил архиепископу кентербэрийскому и епископам, присутствующим в этом парламенте, изыскать против этого соответствующее средство («de mettre sur ce remedie covenable») в виде определенной таксы («par constitution faire sur eux de ce q'ils pren-

dront en certein»), обязательной для капелланов под страхом отлучения и других церковных кар [48]. Король и лорды сделали в этом смысле указание прелатам («al movement de Roi et des grantz»), и они в эту же сессию парламента представили выработанный ими проект, который и вошел в качестве восьмой статьи в статут 36-го года с весьма существенной, сделанной парламентом, прибавкой [49].

Епископы различают два разряда капелланов: так называемых приходских капелланов («Chapelleins parochiels»), которых, как известно, нанимали настоятели приходов или монастыри и капитулы, владевшие нередко приходами, для исполнения обязанностей приходского священника, «для врачевания душ» прихожан («entendantz a cure des almes»), не считавшегося обязательным для тех, кто получал с прихожан десятину и иные вещественные выгоды, и капелланов, которых нанимали для исполнения одной специальной обязанности — петь службы о душе того или иного лица, сделавшего для этого вклад в монастырь или в церковь (по фразеологии епископского постановления, это — «chauntantz annales, et a cure des almes nient entendantz»). Приходским капелланам разрешается брать не больше шести марок в год, а другим — не больше пяти; тому, кто вздумает брать больше, грозит временное лишение священнических прав («suspension doffice»), если в продолжение месяца он не возвратит излишка в пользу церкви, при которой состоит. Взысканию подвергается и то духовное лицо («gentz de seinte esglise»), которое даст капеллану больше положенного: оно платит епископу своего диоцеза двойной излишек в пользу нищих. Капеллан не может отказываться от предлагаемого ему места и временно лишается священнических прав, если в течение двадцати дней будет упорствовать в своем отказе. Он не может переходить из одного диоцеза в другой иначе, как с рекомендательным письмом («lettres commendantes) от епископа своего диоцеза к епископу этого другого диоцеза.

Таково содержание епископского постановления. То, что к нему прибавил от себя парламент, имело в виду ту сторону вопроса, которою этот последний соприкасался с областью общественных отношений, подведомственных светской власти. Капелланов нанимали не одни настоятели приходов, капитулы и монастыри. Не мало было капелланов, которые жили в домах богатых мирян, обыкновенно более или менее крупных землевладельцев, в качестве духовников и по письменной части (в ней миряне, как известно, не очень были сильны), а также для сообщения начатков грамоты детям сеньера. Дух «корысти» овладел, как видно, и ими, и парламент счел необходимым, и с своей стороны, принять меры против этого, направив свою карающую руку не на них самих (это было дело церковных властей), а на тех, кто потворствовал этому. Было постановлено, что тот мирянин («homme seculer du realme»), который вздумает платить годовому капеллану («Chapellein annal») деньгами или натурой («en deners ou en autre chose a la valeu») более пяти марок или, давая ему стол («retenuz a demurer a sa table») (стоимость стола оценена 40 шиллингами в год, «sa table acompte a quarante souldz»), будет приплачивать ему деньгами больше двух марок на платье «и на другие надобности» («pur sa robe et ses autres necessaires»), и это будет доказано,— платит королю ровно столько, сколько он заплатил капеллану [50].

К этому времени функции рабочих судей уже перешли, хотя, повидимому, еще не повсеместно, к мировым судьям в графствах, которые теперь носят

уже двойной титул: «мировых и рабочих судей», Justices de la Pees et Laborers. В парламенте 25-го года, издавшем рабочий статут, рабочие судьи в каждом графстве были назначены из лиц, указанных общинами из числа местных жителей, и было определено, что они будут получать вознаграждение за исполнение своих обязанностей («gagez resonablez chacune solonque son estate») из штрафов, поступивших с нарушителей статута [51]. Уже в парламенте 28-го года (1354 г.) общины просили короля, чтобы там, где это возможно, охранителями мира и рабочими судьями были одни и те же лица («qe les Gardeyns de la Pees et les Justices des Laborers soient uns la ou bonement poet estre fait»), и король согласился на это, равно как и на то, чтобы рабочими судьями, как и охранителями мира, могли быть только самые достойные лица в графствах («des plus loialx, sages, et sufficiantz des Countees»), непременно живущие в графстве и притом имеющие ценз, обеспечивающий их ответственность «перед королем и народом» («sufficiant d'estat et condition a respondre au Roi et au poeple»), и чтобы они назначались по указанию рыцарей графств с согласия канцлера, казначея и судей Суда Общих Тяжб или Суда Королевской Скамьи («Justices de l'un Baunk ou de l'autre»), проверяющих списки кандидатов, представленные рыцарями графств, а смещались по специальному повелению короля или в силу причин, основательность которых засвидетельствована их товарищами («resonable cause tesmoignee par lour compaignons») [52].

Теперь, в парламенте 36-го года царствования Эдуарда III, общины просят короля, чтобы мировым и рабочим судьям («Justices de la Pees et de Laborers») при их назначении указывали на то («soit fait expresse mention»), что они должны собираться на сессии четыре раза в год: после Крещения, на второй неделе Великого поста, к празднику Троицы и Иоанна Крестителя и после Михайлова дня. Просьба их была удовлетворена [53]. Чтобы уже покончить с этим вопросом о рабочих судьях, прибавим, что и в 38-й год его царствования (1364—65 г.) общины просили короля соединить функции рабочих судей с функциями охранителей мира [54], и что только с 42-го года (1368 г.) функции эти были, повидимому, окончательно соединены, как видно из шестой статьи статута этого года, подтверждающей рабочий ордоннанс 1349 г. и рабочий статут 1351 года и постановляющей, что за исполнением их должны наблюдать мировые судьи («Justices de la pees») в каждом графстве, которые и взимают штрафы с нарушителей их [55].

VI

Вернемся, однако, к рабочим.

Не взирая на все принятые против них меры, рабочие не стали сговорчивее. Общины предлагают все новые и новые средства для их обуздания. От дороговизны рабочих рук особенно страдали землевладельцы средней руки и мелкопоместные и торговцы, те, которые, как выражается петиция 42-го года царствования Эдуарда III (1368 г.), «живут выручкой с своей земли или с торговли и не имеют сеньерий и вилланов, которые бы им служили» («la Commune qe vivent par geynerie de lour Terres ou Marchandie, et qe n'ont Seignuries ne Villeins pur eux servir») [56]. Общины просят короля в этом же

1368 году принять какие-нибудь меры «против злонамеренности и ужасной дороговизны слуг, рабочих и ремесленников («encontre la malice et grevouse cherte touchantz Servants, Laborers, et Artificers»), которые своими чрезмерными и возмутительными требованиями («par lour exces et outrageouses Prises et Salaries») с каждым годом все более и более разоряют и доводят до нищеты народ («destruent et enpoverissent a demesure le poeple»), так что те, кто живет землей, затрачивают на ее обработку почти весь доход с нее» («Issint qe ceux qe vivont de lour terres achatent la vesture de lour terre a poy a la value»). Общины предлагают внести поправку к прежде изданным постановлениям о рабочих («prie en amendement de l'ancien Estatut»): нарушители этих постановлений впредь должны платить истцу его двойной убыток («facent restitution del double a celuy qe suist»). Король не согласился на это, найдя, что и простого возмещения достаточно («il suffit qe sengles damages soient recoverez») [57]. В этом же парламенте и в этой же связи общины просили, как мы уже знаем, о передаче функций рабочих судей мировым судьям в каждом графстве, и эта просьба была уважена королем [58].

Перспектива тюрьмы, колодок и даже выжженного на лбу раскаленным железом позорного клейма не страшила рабочих, и они попрежнему без стеснения бросали своих хозяев, лишь только представлялся случай получить где-нибудь высокое вознаграждение. А такой случай всегда представлялся. «Рабочие и слуги, — жалуются общины в парламенте 1372 года, — убегают из одного графства в другое; одни из них уходят в большие города и становятся ремесленниками, другие — в неизвестные места («en estrange Pays») на заработки («pur laborer») вследствие чрезмерной платы (которую им там дают) («par cause des excessives lowers»), так что никогда не сидят они на одном определенном месте, вследствие чего к ним нельзя применить статут; а некоторые из них делаются грабителями». Причину этого общины видят в том, что «надлежащего наказания («punissement suffisaunt») не несут те, кто их принимает» («les preignent et recettent») [59]. Безнаказанность же этих последних они объясняют небрежностью мировых и рабочих судей («Justices de la Pees et de Laborers»), которые не получают от короля жалованья («ne pernent Fees ne gages de Roi») и от этого не исполняют старательно своих обязанностей во вред королю и народу («par q'ils ne fount diligealment lour office, en desavantage de Roi et del Poeple») [60].

Повидимому, эта жалоба на судей не была напраслиной. Королю приходилось слышать ее уже не впервые. Действительно ли рабочие (они же и мировые) судьи оттого спустя рукава относились к своим обязанностям, что для них было малым поощрением то, что перепадало им из взыскивавшихся ими штрафов, или для небрежности их нужно искать другого объяснения, — как бы то ни было, поведение их уже и раньше вызывало едва ли несправедливые нарекания, так что король вынужден был строго напомнить им об их обязанностях. Это было в 44-й год его царствования (1370 г.). В этом году Эдуард III разослал всем охранителям мира («custodibus pacis») в графствах Англии «открытые письма», в которых ставил им на вид, что рабочие и ремесленники не желают исполнять изданных королем и его советом постановлений и не боятся наказаний, определенных этими постановлениями («nonnuli Artifices, Laboratores et Operarii laborare et operari recusant, juxta Ordinacionem inde per nos et Consilium nostrum a diu factam,

et penam super ipsa Ordinacione non timent»), и происходит это оттого, что охранители мира не собираются на сессии в определенные сроки и не подвергают нарушителей статута должному наказанию, как видно из горьких жалоб народа («sicut ex gravi Conquestione populi nostri accipimus»). Очень этим возмущенный («unde plurimum conturbamur nec immerito commovemur»), король грозит им конфискацией всего, что у них можно конфисковать («sub forisfactura omnium que nobis forisfacere poteritis»), если они не будут собираться для разбора дел о рабочих в определенные сроки и не будут налагать определенных статутом наказаний как на рабочих и ремесленников, отказывающихся работать и служить за назначенную статутом плату и берущих больше этого, так и на тех, кто им платит больше положенного [61].

И общины, и король, как видим, обращают серьезное внимание, как на одну из причин неуспешности рабочей политики правительства, на то, что сами наниматели не исполняют предписаний ордонанса и статута и дают рабочим высокую плату. Конечно, это могли делать прежде всего лишь крупные светские и духовные магнаты и богатые монастыри, а не те, «у кого не было сеньерий и вилланов, которые бы им служили», «кто жил выручкой с своей земли или с торговли». Если для этих сравнительно мелких людей строгое выполнение предписаний рабочего ордонанса и статута как рабочими, так и нанимателями являлось вопросом жизни и смерти, и малейшее уклонение от них грозило им полным разорением, то крупные землевладельцы, убедившись, признав за факт, что ни колодками, ни тюрьмой, ни раскаленным железом не заставишь рабочего довольствоваться тою платой, какую он получал до Черной смерти, нашли возможным примириться с этим фактом и все свои усилия направили на то, чтобы всегда иметь в своем распоряжении необходимую для них рабочую силу, чего бы это им ни стоило. Они не только охотно принимали к себе всякого явившегося со стороны рабочего, но и прибегали к разным средствам для привлечения рабочих, не останавливаясь перед сманиванием их друг у друга [62] и даже у самого короля высокой заработной платой. На 35-м году своего царствования, наприм., Эдуард III жалуется (в письмах, разосланных всем шериффам Англии), что многие плотники, каменщики и другие мастеровые и рабочие, нанятые им для работ в различных местах, зная, что плата их уменьшена рабочим статутом и что у лиц духовных и у других сеньеров они могут получить плату большую, чем у короля, прекратили работы и ушли в разные места к другим нанимателям [63]. Король приказывает шериффам немедленно оповестить повсеместно, чтобы никто («ne quis Prelatus, Magnas, Religiosus, seu alius cujuscunque status vel condicionis fuerit, infra Libertates vel extra») не смел, под страхом конфискации имущества, принимать к себе рабочих и мастеровых, покинувших работу у короля без королевского разрешения, и давать им плату, не согласную со статутом; рабочие должны быть отправлены в тюрьму, а списки их представлены шериффами в королевскую канцелярию. Подобного рода приказы королю приходилось рассылать шериффам неоднократно [64].

Таким образом, в то время, как правительство вело ожесточенную борьбу с рабочим классом, упорно стремясь рядом полицейских предписаний парализовать естественные последствия Черной смерти, *наниматели, по крайней мере многие из них, совершенно игнорируя издававшиеся королем и парламентом рабочие законы, вели не менее энергичную междоусобную борьбу из-за*

рабочей силы, и победителями в этой борьбе оказывались верхние слои общества, более сильные экономически, те самые «прелаты, графы, бароны и другие магнаты», которые вместе с королем и общинами с таким, казалось, рвением издавали одно постановление за другим против «злонамеренности и неслыханной жадности» слуг и рабочих. И далеко не всегда борьба эта оставалась в пределах чисто экономического соревнования. Весьма нередко борющиеся стороны пускали в ход приемы настоящей войны. Судебные протоколы того времени знакомят нас с случаями вооруженных нападений, настоящих наездов, которые предпринимали землевладельцы с толпою своих людей на усадьбы своих соседей с целью захвата живших у них слуг и рабочих, хотя бы эти последние были собственные вилланы этих соседей. И такие случаи не были редкостью [65].

Судебные протоколы сообщают нам не мало и других не менее интересных данных о том, как применялись рабочие законы в английских графствах Если мировые (они же и рабочие) судьи смотрели сквозь пальцы на то, что вокруг них происходило, мало заботясь и о нанимателях, и о рабочих, то далеко не так индифферентны к рабочему вопросу были некоторые, по крайней мере, представители местной администрации, проявляя к нему такого рода интерес, который едва ли имело в виду правительство, поручая им проведение в жизнь своих предначертаний. О некоем Джоне Бронуайне, главном констэбле Уэйнфордской сотни в графстве Сэффольк, мы узнаем, например, что он за известное вознаграждение позволял рабочим и ремесленникам своего округа брать за свой труд, что им вздумается («cepit de artificibus et laboratoribus de Balliua sua fines permittendo eos capere salarium excessiuum ad voluntatem eorum»), и это иногда давало ему весьма крупную по тому времени сумму — 10 фунтов стерлингов [66]. Не ограничиваясь этим, он сам брал на себя роль подрядчика по поставке рабочих, при чем поставлял их нанимателям по высокой цене. При этом все оставались довольны: и рабочие, которым хорошо платили, и наниматель, без хлопот получавший необходимые для него рабочие руки, и импровизированный подрядчик, которого «благодарила» и та, и другая сторона, так что его «предпринимательская прибыль» приносила ему иногда не меньше ста шиллингов.

Язык документа настолько характерен, что мы считаем не лишним привести его текст: «Джон Бронуайн, пользуясь своим должностным положением, в понедельник после праздника св. Маргари и девы, в год царствования нынешнего короля (Эдуарда III) 37-ой, сдал (dimisit) Томасу Левербетеру на два дня шестерых косцов, взяв с этого Томаса 2 шилинга вознаграждения («de fine»), кроме платы косцам, и таким путем получил с разных людей, с рабочих и с ремесленников, которых отдавал в аренду («ad firmam per eum dimissis») в своем округе, с одних по 2 шиллинга, с других больше, а с других меньше, всего на сумму 100 шиллингов, к утеснению народа» [67]. Так же устраивал свои дела и помощник констэбля (subconstabularius) Блэкбэрнской сотни в том же Сэффолькском графстве, некто Джон Шеперд. Он тоже набирал разных рабочих, пользуясь своим служебным положением («assumpsit sibi diuersos seruientes et laborarios infra hundredum predictum colore officii sui»), а затем «сдавал» (dimisit) их всякому, нуждавшемуся в них, при чем брал за это деньги как с рабочих, так и с их нанимателей («cepit de diuersis hominibus tam laborariis quam magistris suis») [68]. Пример королевских чиновни-

ков, естественно, находил подражателей среди опекаемого им населения. Некто Джон Кип из Ингуорса в графстве Норфольк «*присвоил* себе рабочих... которые должны были работать у соседей за соответствующую плату... и сдавал их другим» («appropriauit sibi laboratores... qui debuerunt seruire vicinis pro congruo sallario et illos locauit aliis») [69].

VII

Неудивительно после этого, что жалобы общин не умолкали и не иссякала их изобретательность в составлении все новых и новых проектов для острастки рабочих и их не стеснявшихся законом нанимателей. В этом отношении большого внимания заслуживает представленный ими в последний парламент Эдуарда III, в знаменитый Добрый парламент 1376 года, огромный *Билль о рабочих* (Bille des Laboriers) [70].

Билль этот как бы подводит итоги всему тому, чего достигла рабочая политика Эдуарда и его парламента за двадцать семь лет, которые протекли со времени обнародования рабочего ордонанса. Картина, которую он рисует, весьма поучительна. Для общей пользы королевства («pur commune Profit du Roialme») были изданы парламентами разные ордонансы и статуты, чтобы по ним судить рабочих и ремесленников («de justicer les Laborers et Artificers, et altres Servantz»). Но по своей великой злонамеренности и те и другие находят средства избегать кары закона («lesquex sont sotilez par grande malice purpence d'eschure des dites Ordinnees et Est tutz»). Таким заявлением начинают общины свою петицию королю, и все ее дальнейшее содержание представляет собою патетическое и многословное развитие этой основной темы вместе с самым детальным изложением тех многочисленных средств, с помощью которых общины надеются устранить хроническое бедствие, несмотря на весь опыт прошлого, ни на одну ноту не поколебавшись в своей поистине несокрушимой вере в чудеса полицейского воздействия...

Самый обычный прием, к которому прибегают рабочие, это — уход от своего нанимателя раньше условленного срока. «Как только хозяева их поставят им на вид их плохую работу или захотят платить им за их работу, как определено этими статутами, они немедленно же оставляют службу, покидают свое местопребывание и бегут из графства в графство, из сотни в сотню, из села в село, в чужие места, неизвестные их хозяевам. Благодаря этому их хозяева не знают, где искать их, чтобы привлечь их к ответственности на основании этих статутов» [71]. Если по иску стороны объявят такого беглого слугу находящимся вне закона, то это не приносит никакой пользы истцу, а слуга остается ненаказанным, потому что его нигде нельзя найти [72]. Самая большая беда («greindre meschief») в том, что беглые рабочие и слуги немедленно же находят себе работу в других местах; там им дают высокую плату («ils sont si chers mentz receuz en estrange lieux»), и это служит дурным примером для всех слуг и поощряет их при первом же поводе к неудовольствию («si tost come ils sont de riens desplu») оставлять своего хозяина и уходить к другому. Боясь этого, хозяева не осмеливаются не только жаловаться на своих слуг, но и обнаруживать перед ними свое неудовольствие

(«n'osent lours Servanz chalanger ne desplere en present») и принуждены давать им такую плату, какую только они ни потребуют, не взирая на ордонанс и статуты [73].

Рабочих поощряет к бунту («la riote des Laboreres») еще и то, что их не только охотно принимают во всяком другом месте, когда они оставляют своего хозяина, не стесняясь контрактом, но и оказывают им всякого рода поддержку, когда им случается попасть, наконец, в руки блюстителей закона, так что им без труда удается ускользнуть из этих рук и беспрепятственно продолжать в прежнем направлении. Поддержка эта выражается в разных формах и прежде всего в терроризировании представителей местной администрации в тех случаях, когда они вздумают серьезно отнестись к своим обязанностям (в Англии существовал тогда для такого давления на администрацию или суд особый термин «maintenance»).

Все это приведет к полному разорению общин («a grande depauperation, adnientisement et destruction de la dite Commune»), если как можно скорее не будут приняты против этого меры.

Но этим бедствия не ограничиваются. Многие из бродячих рабочих («Laboreres coreres») делаются нищими («mendinantz beggeres») и ведут праздную жизнь, шатаясь из города в город и прося милостыню, а между тем они «крепки телом и очень могли бы быть полезны общинам, которые могли бы жать их трудом и службой, если бы они захотели служить» («et bien purroint es r la Commune pur vivre sour lou labour et service, si ils voudroient servir»). Многие из них становятся ворами и грабителями, и грабежи их и иные злодеяния с каждым днем все усиливаются на погибель королевству [74].

В качестве самого верного средства против этого бунта бродяг-рабочих и слуг («pur severeyn rem die et chastiement de la malice et riote des Servantz et Laborers coreres»), общины рекомендуют штрафовать десятью фунтами в пользу короля всякого, какого бы он состояния ни был, без различия бедных и богатых («de quel condition q'il soit, pure ne riche»), кто станет принимать к себе являющихся из других мест рабочих и слуг [75]. По всему королевству всех являющихся со стороны с предложением своих рук рабочих следует немедленно («fresch ement sanz nul delay») хватать и забивать в колодки или отправлять в ближайшую тюрьму. Затем под присягой или под влиянием какой-либо другой принудительной меры («par serement ou par autre compulsion») они должны открыть свои имена, а также сообщить, из какого графства, сотни и города или деревни они прибыли, и назвать имя хозяина, которого они оставили, а если они — вилланы, то имя сеньера, «большого или малого», из сеньерии которого они бежали («ou si ils sont Neifsa ascun Seignur petyt ou grande q'ils sont fuez Seignurie»); этим путем будут выяснены причины, почему они бежали и покинули свое местопребывание («si qe la verite poet certeynement conue par quels certeines causes tiels sont fuez et retretz hors de lour pays propre»).

Сведения эти в письменной форме мэры и бэйлиффы городов, бэйлиффы иммунитетов и смотрители тюрем должны, под страхом уплаты королю десяти фунтов, сообщать шерриффам своего графства, а те — шерриффам тех графств, откуда явились рабочие, для того, чтобы те уведомили прежних хозяев беглых рабочих и дали им возможность привлечь к суду беглецов. Если в продолжение трех месяцев после этого извещения хозяева беглых слуг не предъявят

к ним иска, в таком случае рабочие судьи должны взять с беглецов клятву или другое какое ручательство, что они возвратятся на свое прежнее местопребывание («en lour pays propre») и будут там служить, как того требуют ордоннанс и статуты; но и в этом случае свободу могут получать далеко не все беглые рабочие, а только те из них, которые по наведенным шерифом их графства на месте справкам окажутся неповинными ни в грабеже, ни в каком другом преступлении. Обязанность задерживать всех пришедших со стороны рабочих должна быть возложена на всех шерифов графств, на мэров и бейлиффов городов («des Citees et Burghwes»), на бейлиффов иммунитетов («Bailliffs de Franchises»), на главных констэблей сотен («Chief Conestables des Hundredes»), на младших констэблей деревень («South-Conestables de Villes») и на всех прочих людей и слуг короля («et toutz altres Gentz te Ministres le Roi») под страхом уплаты королю десяти фунтов.

Всех тех, кто «настолько нагл» («si hardy»), что осмеливается препятствовать королевским людям в исполнении ими этой обязанности или путем устрашения их, путем насилия или иным каким способом («mayntenance, eide, force, ne procurement») принуждает их отпускать на свободу задержанных ими бунтовщиков-рабочих («Laboreres rebeales»), общины рекомендуют сажать на целый год в тюрьму без права быть отпущенными на поруки [76]. Такому же наказанию следует подвергать слуг, рабочих и ремесленников, которые троекратно привлекались к суду за нарушение рабочего ордоннанса и статутов и все-таки продолжают нарушать их.

Тюрьму и колодки рекомендуют общины и для рабочих, превратившихся в бродяг, нищих и грабителей; и им только тогда следует возвращать свободу, когда они представят какую-нибудь гарантию, что они действительно возвратятся к себе на родину и будут служить своим соседям согласно ордоннансам и статутам («de reperir en lour pays propre, et servir lours veysines selome la forme de les Ordinances et Estatutz avan ditz»). Впрочем, для борьбы с нищенством общины предложили еще и другое, не менее простое средство: запретить под страхом наказания (какого именно, общины почему-то затруднились, повидимому, точно указать) давать милостыню подобного сорта нищим («as tiels fautores mendinantz et beggeres»), «которые могут служить и работать для великой пользы и удобства этих общин» («queux purront servir et laborer a grant profit et eise de la dite Commune»); давать милостыню пусть позволено будет только таким нищим, которые не могут сами себе помочь и заработать («qe ne purront lour mesmes eider ne purchacer»).

Не лишено интереса, что на всем огромном протяжении этого «билля о рабочих» (мы изложили его насколько возможно короче) о ремесленниках упоминается всего лишь два раза. В первый раз ремесленники (Artificers) названы (и только названы), когда идет речь о рецидивистах, троекратно нарушивших рабочий ордоннанс и статуты (мы уже говорили об этом). Вторичным появлением их в билле еще более подчеркивается тот факт, что о них вовсе не думали авторы билля, что в билле нашли свое выражение чисто землевладельческие интересы, те самые интересы, которые вызвали к жизни ордоннанс 1349 года после того, как Черная смерть создала целый ряд серьезных затруднений, обусловливаемых «недостатком главным образом в пахарях и других сельских рабочих» («ex carentia presertim cultorum et operariorum»). Общины просят, «чтобы ни один ремесленник — как в пределах

иммунитетов, так и вне их — не принимал к себе и не держал у себя ни в учениках, ни в подмастерьях рабочего или слугу из деревни, пока кто-нибудь в этой деревне нуждается в его труде для поддержки земледелия, под страхом уплаты королю 10 фунтов, а стороне 100 шиллингов [77].

На все свои предложения общины получили такой ответ: все, на что они жалуются, может быть устранено путем надлежащего исполнения прежде изданных статутов и ордоннансов [78].

VIII

Это, однако, не помешало общинам в следующем году опять явиться с целым рядом жалоб и проектов [79]. Это был первый парламент, созванный от имени малолетнего короля Ричарда II. Общины указывали на то, что высокая заработная плата довела их до крайней степени бедности, что рабочие окончательно стали людьми, закоренелыми в своей злонамеренности [80]. Мы не будем перечислять всех мер, которые они предлагали для искоренения зла: все они, в сущности, представляют собою повторение того, что уже известно нам из «Bille de Laboriers» предшествующего года. Отметим лишь более существенные пункты. Если рабочий станет мотивировать свой отказ итти в наймы тем, что имеет небольшое держание или желает сделаться ремесленником, то такого резона в соображение не принимать, если в местности, где он живет, есть люди, которые нуждаются в его труде. Мало того, рабочий этот должен быть арестован констэблем и забит в колодки, пока не оправдается [81]. Бродяги, занимающиеся нищенством («les mendinantz wakerantz»), вполне здоровые, чтобы работать, но не желающие итти в рабочие, должны подвергаться аресту и сидеть в тюрьме в продолжение трех месяцев, без права быть отпущенными на поруки [82].

И от нового короля общинам пришлось услышать старый ответ: все это предусмотрено прежде изданными постановлениями; стоит только исполнять их, как следует [83].

И в следующем году (1378—79 гг., второй год царствования Ричарда II) королю пришлось услышать не мало жалоб на рабочих, опять ту же старую песню о том, что рабочие и слуги не желают работать и служить («refusent ore de travailler, servir, ou laborer»), несмотря на все изданные против них статуты и ордоннансы, и убегают из одного графства в другое; сеньеры их и хозяева (lour Seignurs et Mestres) не знают, где искать их, и терпят большие затруднения и убытки («sont a grant diseas et perde»), а сами они остаются безнаказанными, что делает их еще более наглыми («le plus baudes»); многие из них («grante partie de ditz Servantz et Laborers»), как молодые, так и старые («si bien le veilles come les joefnes»), уходят из города («se trahent as Villes, Burghs et Citees»), и здесь одни делаются ремесленниками, другие матросами, а иные клириками («les unes diviennent Artificers, les autres Mariners, ou Clercs»), вследствие чего нет никакой возможности вести сельское хозяйство, обрабатывать земли королевства («si qe les housbandries ne poent estre maytenuz, ne les Terres ou Roialme cultifiez»); это грозит в скором будущем королевству полным разорением, если заблаговременно не будут приняты против этого соответствующие меры [84].

И этот раз общины принуждены были довольствоваться ответом, что все это можно устранить, если надлежащим образом исполнять прежде изданные статуты и ордоннансы. Столь же мало утешительного было для них и в том, что ордоннанс 1349 года был превращен в статут [85]. Впрочем, король обещал подумать вместе с своим советом и о новых средствах против «бесчинств» слуг и рабочих («les mesprisions des Servantz et Laborers») [86]. Но общины хорошо знали цену подобным обещаниям, видя в них лишь принятую форму политической вежливости.

Можно бы было подумать, что правительство раньше общества поколебалось в своей вере во всемогущество полицейских предписаний и в самом деле решило довольствоваться уже изданными против рабочих узаконениями, не ожидая и от них уже никакого серьезного результата и не видя надобности в дополнении их столь же мало обещающими новыми статьями. Но такое заключение было бы ошибочно. Разочарованность не была свойственна английскому правительству XIV века, и ровно через десять лет оно еще раз подтвердило все статуты о рабочих, слугах, ремесленниках и продавцах съестных припасов и присоединило к ним целый ряд новых постановлений, свидетельствующих о том, что в своей рабочей политике оно продолжало твердо стоять на чисто полицейской почве и считало необходимой лишь более детальную разработку соответствующих средств и приемов.

Мы разумеем статут, изданный парламентом на 12-м году царствования Ричарда II (1388 г.), и, в частности, III, IV, V, VI и VII его параграфы, трактующие о рабочих [87].

В представленном в Добрый парламент *Билле о рабочих* общины, как мы видели, между прочим предлагали рассматривать каждого пришедшего со стороны рабочего как преступника и забивать его в колодки или отправлять в ближайшую тюрьму. Тогда на это предложение, как и на другие, правительство ответило отказом. Теперь, может быть не без влияния грозных событий 1381 года, оно само пришло к этой мысли, только обставило ее несколько иначе. Слуга или рабочий («servant ou laborer») обоего пола («soit il home ou femme») может уходить по окончании срока, на который он был нанят («an fyn de son terme»), за пределы сотни или соответствующего ей округа на житье, на заработки или на богомолье («pur servir ou demurer aillours, ou per colour daler leyns en pillrimag») не иначе, как запасшись предварительно свидетельством («lettre testimoniale») за королевскою печатью, в котором указана причина, почему он уходит из своего округа, и сказано, когда он вернется, если он должен вернуться («la cause de son aler et le temps de son retournir sil doit retournir»). У кого не окажется такого свидетельства, того мэры и бэйлиффы городов и констэбли сел, где будет найден такой рабочий, или сенешалы сеньеров, во владениях которых он будет найден, должны немедленно арестовать и забивать в колодки и отпускать только тогда, когда он представит ручательство (seurtee), что вернется в свою деревню и будет продолжать свою службу, если он ее бросил («de retournir a son service ou servir ou laborer en la ville dont il vient»). Без подобных свидетельств могут обходиться слуги, отправляющиеся в другую сотню по делам своих сеньеров или хозяев («servantz qi chivachent ou aillent es busoignes de lour seignurs ou Meistres»). У кого будет найдено фальшивое свидетельство («forge ou faux»), тому грозит сорокадневное заключение в тюрьме, после чего он должен представить ручательство,

что вернется на свое прежнее место. Под страхом наказания по приговору мировых судей запрещается принимать не имеющих свидетельства рабочих и слуг, а также держать у себя больше одной ночи («oultre une noet») имеющих такое свидетельство без намерения нанять их; только больному можно оказать более продолжительное гостеприимство или в силу другой столь же серьезной причины («ou autre cause resonable»). Свидетельство слуги и рабочие могут получать, внеся один пенни, у лица, специально для этого назначенного по усмотрению мировых судей из почтенных людей сотни или города («prodhomme del hundred ou hundreds Rope ou Wapentak, Citee et Burgh»), у которого должна храниться королевская печать [88].

Отвергнув двенадцать лет назад и другое заключавшееся в том же *Билле о рабочих* предложение общин — запретить ремесленникам принимать к себе в ученики и подмастерья пришедших из деревни рабочих, пока кто-нибудь в этой деревне нуждается в их труде для ведения сельского хозяйства, — правительство само выступило теперь с законом, о котором заседавшие в нижней палате Доброго парламента землевладельцы и мечтать не могли. Ремесленникам и мастеровым и их подмастерьям и ученикам вменено в обязанность наниматься для полевых работ во время жатвы, если они не принадлежат к числу людей с большим достатком и если на их ремесло нет большого спроса («et qe sibien artificers et gentz de mistier comme servantz et apprentiz qi ne sont de grant avoir. et de quelle artifice ou mistier len nad pas grant busoigne, en temps daust. soient artiez de servir en aust de cier coiller et entrer les bleds») [89]. Мало того. Было постановлено, что кто до двенадцати лет был занят в сельском хозяйстве («celuy ou celle qe use de laborer a la charue et charette ou autre labour ou service de husbandrie tanqil soit del age de XII ans»), тот уже навсегда должен оставаться при этом занятии и уже не может сделаться мастеровым или ремесленником («qe delors enavant il demoerge a celle labour sanz estre mys a mistier ou artifice»), и всякий договор об ученичестве, заключенный в интересах такого человека, считается недействительным («et si ascun covenant ou lien dapprentice soit fait desore enavant a contarire soit tenuz pur nulle») [90].

Желая с помощью таких средств доставить землевладельцам рабочие руки, правительство приняло меры к тому, чтобы сделать эти руки возможно дешевле. По словам статута, слуги и рабочие не желают уже с давнего времени («ne voillent ne par long temps ont voluz») служить и работать иначе, как за чрезмерную плату («outrageouse et excessive lower»), «так что из-за дороговизны этих рабочих и слуг земледельцы и земледержатели не в состоянии платить своих рент и еле могут жить с своих земель к величайшему ущербу и урону как сеньеров, так и общин» («sique pur chierte des ditz labrers et servantz les husbandes et terretenantz ne poet paier lour rentes ne apayne vivre sur terres a tresgrant damage et perde sibien des seignours come de toute la Commune»). Это делает необходимым более точно фиксировать плату постоянных органов поместной экономии, слуг, тем более, что плата их до сих пор не была еще определенно указана («et auxint a cause qe les lowers des ditz Laborers et servantz nent este mys en certeyn devant ces heures»). Приказчику, или бэйлиффу («le baillif pur husbandrie»), статут назначает 13 шилл. 4 пенса в год и одно платье («et sa vesture un foitz par an»), главному слуге (le Maistre hyne), слуге, заведующему телегами (charreter), и пастуху овец (bercher) — по 10 шиллингов

погонщику при плуге (chacer de charue) — 7 шил., пастуху быков (bover) и пастуху коров (vacher) — по 6 шилл. 8 пенсов, свинопасу (porcher), женщине-работнице (femme laborer) и скотнице (deye) — по 6 шиллингов, — все это без платья и каких-либо подарков, которые они не могут ставить в условие («sanz vesture curtoisie ou autre regard par covenant»). Это — все максимальные цифры, вовсе не устраняющие возможности того, чтобы слуги эти получали и меньше там, где это в обычае («et meyns en paiis ou meyns soleit estre donez»). Такую же плату должны брать слуги ремесленников и продавцев съестных припасов в городах. Кто будет давать или брать по договору более поставленного, будет платить (и дающий, и берущий) в виде штрафа: в первый раз излишек («la value de lexcesse») данного или взятого; во второй раз — вдвое больше, в третий раз — втрое; если взявший излишек не может заплатить штрафа, то подвергается сорокадневному заключению в тюрьме [91].

По лицу тогдашней Англии много бродило всякого совершенно праздного люда, эксплоатировавшего религиозные чувства, а еще больше религиозное суеверие народа без различия классов и состояний. Все эти укрывавшиеся под сенью церкви тунеядцы в образе совершенно живых людей проходят перед нами в знаменитом *Прологе* к *Петру Пахарю* (*Piers Plowman*): шмыгающие в толпе совершенно здоровые нищие, с толстым брюхом и набитым хлебом мешком, предающиеся обжорству и сну, затевающие по кабакам драки и начинающие день сквернословием [92], пилигримы и паломники, отправляющиеся толпой к св. Якову и к святым в Риме и потом всю свою жизнь рассказывающие всякие небылицы [93], пустынники с крючковатыми палками, идущие на богомолье в Уолсипгэм в сопровождении своих подруг, «большие и долговязые олухи, которые не хотели работать, одевались в рясу, чтобы их отличали от других, паряжаясь пустынниками, чтобы вести легкую жизнь» [94], «нищенствующие монахи всех четырех орденов, поучавшие народ для своей собственной пользы» [95], продавец индульгенций, показывающий народу буллу с печатями епископа, дающий ее ему целовать, оглушающий народ громогласным чтением ее, ослепляющий его глаза и собирающий этой буллой кольца и брошки [96]. Против здоровых нищих вооружился уже ордонпанс 1349 года; но их соратников в церковном обличье ни король, ни парламент до сих пор еще и вовсе не касались. Теперь, стремясь привлечь к земледелию, кого только можно было, правительство должно было обратить внимание и на весьма обширный класс привилегированных тунеядцев и, по крайней мере, выделить из него и исключить те элементы, которые самозванно присвоили себе право быть его членами и пользоваться всеми его преимуществами. На ряду с способными к работе нищими статут приравнивает к беспаспортным рабочим («sanz lettre testimoniale») и подвергает всем уже известным нам последствиям этого положения и духовных лиц (gentz de religion) и пустынников (heremytes), если у них не окажется свидетельств от соответствующего церковного начальства («lettres testimoniales des ordinairs»), пилигримов и паломников («ceux quaillent en pilrinage»), не имеющих свидетельств от должностного лица их сотни или города (об этом уже была речь), а также студентов университета, побирающихся Христовым именем, но не имеющих удостоверения от своего ректора («Et qe les Clercs des Universitees qi vont ensy mendinants (eiant) lettres de tesmoigne de leur Chanceller sur mesme la peyne») [97].

IX

Это было последнее слово XIV века по рабочему вопросу. Повидимому, все рессурсы политической мудрости эпохи были исчерпаны правительством. Оставалось только пожинать плоды. Мы уже имели не мало случаев убеждаться, что все эти узаконения оставались мертвой буквой *, что все эти попытки, несмотря на всю свою суровость и даже жестокость, несмотря на то, что опирались на грозную силу всего административного механизма могущественной государственности, сложившейся в Англии уже с эпохи так называемого Нормандского Завоевания, разбивались о силу, существования которой правительство не подозревало, издавая свой первый рабочий ордонанс, уверенное, что продолжает иметь дело все с теми же простыми общественными отношениями и явлениями, которые в прежнее время без особенного труда поддавались воздействию весьма нехитрых приемов экономической политики, успешно регулировавшей хозяйственную жизнь, заключенную в узкие рамки феодального поместья и самое большее — городского округа. Правительство не замечало своей ошибки и потом, когда одна его мера за другой терпела полное фиаско, и до самого конца столетия продолжало направлять все новые и новые удары против духа «коварства и наглости, низости и алчности», обуявшего слуг, рабочих и ремесленников и превратившего их в людей «закоренелых в своей злонамеренности».

Точку зрения правительства разделяло и общество. И оно замечало в рабочем вопросе только моральную сторону и не меньше правительства инкриминировало ее, видя в рабочем кризисе лишь результат злой воли рабочих, требующей соответствующего воздействия. Так смотрели на дело общины, наполнявшие своими бесконечными ламентациями на эту тему парламентские протоколы в продолжение всей второй половины XIV века. Таков был взгляд современной литературы, возьмем ли мы морализующего дворянина Гауэра или проникнутого глубоким чувством социальной справедливости автора *Петра Пахаря*.

У Гауэра в поэме *Vox Clamantis* [98] мы находим подробную характеристику крестьян и рабочих. Автор старается не смешивать собственно рабочих с крестьянами и даже посвящает каждой из этих социальных категорий по особой главе; тем не менее провести на деле строгое различие между ними ему совсем не удается, и о крестьянах он говорит исключительно только как о наемных сельско-хозяйственных рабочих, так что следующая за этим глава «de diversis vulgi laborariis» в сущности только дополняет то, о чем автор только что говорил, описывая «status unus agrestis». Это очень характерно. Этот литературный промах поэта дает нам больше иных документальных свидетельств для понимания социальных отношений изучаемой нами эпохи.

---

* Иного мнения держится Miss B. H. Putnam, автор книги *The Enforcement of the Statutes of Labourers during the first decade after the Black Death* (New-York. 1908), высказывающая предположение (стр. 219—224), что рабочее законодательство применялось успешно и что хотя ему и не удалось понизить заработную плату до желанного размера, но все же оно достигло того, что она была ниже того уровня, до которого она бы поднялась, если бы она являлась результатом свободной конкуренции.

Крестьяне-земледельцы, «это — те, которые великим трудом в поте лица добывают для нас средства к жизни, как повелел сам бог»; еще праотец Адам услышал это повеление из уст Всевышнего [99]. Пока земледелец (cultor) исполняет эту заповедь, поля дают обильную жатву [100]. Теперь нельзя этого сказать. «Теперь этого труда не ищет колон, но больше косней в своих пороках». Земледельцев стало теперь мало, они сделались ленивы и жадны, стараются сделать поменьше, а требуют за это самую большую плату («ex minimo quod agut praemia plura petunt»). «Такой уж теперь обычай: один мужик требует больше, чем в прежнее время два; а между тем от одного больше было пользы, чем теперь от троих, как говорят знающие люди. Подобно тому, как лисица, оставив одну нору, рыщет по шумящим лесам в поисках за другой и входит в нее, так теперь и пахарь (famulus sulci), противясь закону, уходит из одного графства в другое». Ведет он праздную жизнь какого-нибудь магната; ему есть нечего, а он все-таки не хочет служить. «Бог и природа предназначили их к служению, но ни он, ни она не могут их унять. Всякий, у кого есть земля («quisque t n ns terras»), постоянно жалуется на этих людей, никому обойтись без них нельзя, но никто справиться с ними не может» [101]. Мужик лукав, и, даже если его рабское тело терпеливо исполняет свою работу, на уме у него всегда одно худое [102].

Близко к земледельцам (cultoribus) стоит другой класс людей (g ns alia). «Это те, которые ни у кого не желают служить в течение целого года; редко кому удается удержать их у себя и один месяц; они нанимаются только поденно: сегодня он здесь, завтра там, сегодня он служит у меня, завтра у тебя. Из тысячи этих рабочих едва ли найдется один, который захочет оставаться верным договору. Это такой народ, что, если ты нанимаешь кого-н будь из них со столом и он поселяется у тебя в доме, он немедленно начинает привередничать и в пище, и в питье. Всякая обыкновенная пища ему не нравится: солонина ему только вредит, вареное мясо ему не по вкусу; непременно подавай ему жареного, иначе сейчас же станет ворчать. Слабое пиво его не удовлетворяет; если на завтра не приготовишь лучшего, он к тебе больше не покажется. И отчего это требует сладкого питья тот, кто от рождения своего ничего, кроме простой воды, не пил? Сын бедняка и сам бедняк, он заботится о своем желудке, как какой-нибудь сеньер. Изданные против него законы вовсе не приносят пользы: для таких людей не существует никаких правил, и ничего не поделаешь с этим злом. Народ этот, это — зверь, лишенный разума; человека он не любит, а бога не признает». Только суровые меры («justicia terrore parata») могли бы еще спасти дворянство [103].

Картина, какую рисует певец *Петра Пахаря* Уильям Лэнгли (или Ленгленд), очень напоминает только что приведенную характеристику. «Рабочие, не имеющие земли, чтобы жить с нее, но одни лишь руки, не считают возможным есть за обедом овощи, простоявшие ночь. Не угодишь им ни пивом в пенни, ни куском ветчины; подавай им непременно свежее мясо или рыбу, изжаренную или испеченную, да еще погорячей, чтобы не простудить желудка. Его (рабочего) можно нанять только за высокую плату, иначе он будет браниться и оплакивать тот день, когда он сделался рабочим. Он многое имеет сказать против преподанного Катоном совета: «Paupertatis onus pacienter ferre memento» (помни, терпеливо неси бремя бедности). Он злобствует на бога и ропщет на разум и проклинает короля со всем его советом

за то, что они заставляют его исполнять такие законы, которые притесняют рабочих» [104].

Совершенно чуждый классового пристрастия Гауэра и поистине эпической безмятежности, характеризующей дворянское миросозерцание этого владельца феодальных поместий в Кенте и в других графствах английского королевства, Лэнгленд не взывает к правительству об энергичном отпоре ослушникам законов божеских и человеческих, но стремится повлиять на нравственное чувство рабочего люда путем религиозного наставления, не грозит ему земными карами, но старается привлечь его на путь добродетели светлой загробной перспективой, открытой для всех, живущих честным трудом рук своих в любви и законе и избравших своим руководителем кроткое сердце [105]. Не один рабочий виноват. И господа не всегда бывают правы в отношении к своим слугам. Случается, что они удерживают у себя следуемую рабочим плату, отсылая их ни с чем, когда те вечером являются за деньгами, и рассчитываются с ними бранью и проклятиями, находя, что «неприятно выслушивать требование расчета вместо того, чтобы слушать отчет о доходах» [106].

Не думаем, чтобы наниматели могли часто позволять себе такое свободное обращение с рабочими при всем желании по возможности сократить свои расходы: иначе им грозила несомненная опасность совсем остаться и без рабочих, и без доходов. Все приведенные нами факты дают нам право так думать. Нанимателям, как мы видели, приходилось одному перед другими стараться об том, чтобы привлечь к себе рабочего возможно льготными для него условиями и затем внимательно предупреждать всякую возможность неудовольствия с его стороны, чтобы не лишиться его немедленно же. Это был единственный верный способ хоть сколько-нибудь обеспечить себя рабочими руками. В противность всем грозным узаконениям, землевладельцам и земледержателям ничего другого не оставалось как «исполнять наглую и жалную волю рабочих» («operariorum elatam et cupidam voluntatem ad vota implere») и вместо того, чтобы оказывать деятельную поддержку правительству в борьбе его с рабочими, самим вступить в междоусобную борьбу из-за рабочей силы с помощью средств, представляющих прямое нарушение как раз всех тех ордоннансов и статутов, которыми в интересах землевладельцев и земледержателей стремилось поразить своего и их врага правительство. Если можно говорить о *стачке* среди английских рабочих XIV века, то не будет преувеличением прибавить при этом, что в этой хронической стачке принимали участие не только рабочие, боровшиеся с нанимателями и представлявшим их интересы правительством, но и сами наниматели, совместно с рабочими ведшие атаку против издававшихся правительством узаконений, и даже сами агенты правительства, на обязанности которых лежало проведение в жизнь рабочего законодательства. Неудивительно, что статуты «мало, а то и вовсе не принесли пользы общинам» («parum aut nihil communibus profecerunt») [107] и явились только лишним «утеснением для народа», хотя и увеличили доходы казны с помощью штрафов, поступавших королю с нарушителей законов [108].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

I

И монастырские хроники, и изданные правительством ордоннанс и статуты все в один голос жалуются на *дороговизну* рабочих и слуг, как на главное хозяйственное последствие Черной смерти, сильно уменьшившей их число, вызвавшей недостаток в них. «Чума унесла много народа, — читаем в ордоннансе от 18-го июня 1349 года, — и в особенности рабочих и слуг. И вот, многие, видя крайнее затруднение господ и малочисленность слуг, не желают служить иначе, как за чрезмерное вознаграждение, а иные предпочитают вести совсем праздную жизнь и просить милостыню вместо того, чтобы трудом добывать средства к существованию». Против *этого* были изданы ордоннанс и статуты. Дороговизна рабочих и слуг — вот основное зло, против которого они были направлены. Целью их было заставить «жнецов и иных рабочих не брать больше, чем они обыкновенно получали» («non plus caperent quam capere solebant»), достигнуть того, чтобы «слуги и сельские рабочие и иные поставщики ручного труда впредь не брали поденно или за целый год службы бо́льшую плату, чем обыкновенно получали за год до моровой язвы» («quod servientes et operarii, et ceteri frequentatores servilis operis, de cetero pro dietis sive annuis famulatibus plus mercedis vel stipendii non accipiant quam solebant accipere ante annum pestilentiae quovismodo»)[1]. Рабочие и слуги стали требовать за свой труд больше того, что было в обычае в прежнее время, стали требовать «ultra antiquam consuetudinem», и благодаря этому в следующую же после чумы осень «много урожаев погибло на полях, потому что некому было собрать их». Благодаря своей дороговизне рабочие и слуги стали недоступны для многих. А между тем в них нуждался всякий сельский хозяин, от магната королевства, светского или духовного, до самого скромного держателя или арендатора лорда мэнора, как после Черной смерти, так и давно уже перед этой катастрофой.

Уже задолго до 1348 года наемный труд стал употребляться во всех сельскохозяйственных операциях. Пахари, погонщики при плуге, возчики, пастухи, скотницы и иные постоянные органы поместной экономии, а также жнецы, косцы, рабочие для выпалывания сорных трав и для работы на сенокосе, молотильщики и всякие другие подобного рода рабочие, — все они, оказывается,

работали у лорда по вольному найму, а не были просто вилланами, отбывавшими барщину у своего феодального сеньера, и для вознаграждения их (деньгами и натурой) успели уже сложиться вариирующие по местностям обычные нормы. Ордоннанс и статуты хотят только вернуть их к этим нормам, которые они переступили, воспользовавшись своею сравнительною малочисленностью после чумы, и поэтому предписывают каждому рабочему брать такое вознаграждение, какое обыкновенно давали в данной местности («que in locis ubi servire debeat consueta sunt prestari») в 20-й год царствования Эдуарда III или пятью-шестью годами раньше.

Если так глубоко вошел в жизнь наем рабочих для сельско-хозяйственных работ среди магнатов королевства (среди «grantz», как выражаются статуты), которые являлись сеньерами множества вилланов и, казалось бы, могли обходиться иногда и с помощью несвободной рабочей силы, то уж исключительно на вольнонаемный труд могли рассчитывать те, кто жил возделыванием своей земли, но не имел сеньерий и вилланов, которые бы служили им, «la Commune qe vivent par geynerie de lour Terres.., et qe n'ont Seigneries ne Villeins pur eux servir», т.-е. весьма многочисленный класс всякого рода арендаторов и феодальных держателей, который стоял между сеньерами и настоящим крестьянством, захватывая, впрочем, и более зажиточные элементы последнего. Для них вздорожание рабочих рук являлось вопросом жизни. Мы уже знаем жалобы представителей этого класса на то, что на эксплоатацию земли им приходится затрачивать почти всю выручку с нее («issint qe ceux qe vivont de lour terres achatent la vesture de lour terre a poy a la value»). Неудивительно, что «и магнаты королевства, и другие менее значительные сеньеры, имевшие держателей», после чумы уменьшили платежи их, чтобы держатели не ушли от них из-за невозможности вести хозяйство при таких условиях: одни — наполовину, другие — на больше, а иные — на меньше, одни — на два года, другие — на три, а иные — всего лишь на один год. И эти слова летописца (Найтона) вполне подтверждаются свидетельствами документального характера.

Лорды мэноров принуждены были поступиться в немалой мере и выгодами, которые они извлекали из своих прав на еще невыкупленный труд вилланов: уменьшив на время их денежные платежи, как и платежи других своих феодальных и не-феодальных держателей, лорды первое время после чумы, очень ослабившей многие вилланские хозяйства, должны были или вовсе отказываться от остатков еще не выкупленных служб вилланов, или же и их перевести на деньги, и притом на очень маленькие деньги, очень немного прибавившие к их рессурсам; в противном случае вилланы, как другие их держатели, бросали свои хозяйства и уходили за пределы мэнора искать счастья в качестве сельских или городских рабочих, вполне правильно рассчитывая, что на этом пути их ждет несомненная удача; а лорду мэнора оставалось только тоскливо глядеть на то, как оставленные ими дома и дворы, как и усадьбы умерших от чумы держателей, приходили все в большее и большее запустение, а поля зарастали сорною травою.

Черная смерть и вызванное ею повышение заработной платы сельских рабочих, можно сказать, весьма чувствительно задели лорда мэнора со всех сторон: и как сельского хозяина-предпринимателя, и как собственника сдаваемой в аренду земли, и, наконец, как феодального сеньера, осуществлявшего по существу фискальные права в отношении к своим свободным держателям

и вилланам. В то время, как он не знал, как справиться ему со своим собственным хозяйством при наступившей крайней дороговизне рабочих рук и при весьма серьезном сокращении его чисто феодальных доходов и не менее значительном уменьшении дохода со сдаваемых в аренду участков, в его руках очутилась масса выморочных и добровольно брошенных феодальных наделов и арендных хозяйств, которые он готов был сдать на каких угодно условиях, хотя бы за бесценок, и в большинстве случаев не находил желающих взять их. На рынок сразу выброшено было огромное количество земли, и уже одно это немедленно же должно было понизить арендную плату, безразлично, был ли это чисто феодальный, обычаем закрепленный reddit us свободного или несвободного держания, или же настоящая арендная плата в денежно-хозяйственном значении этого слова.

Черная смерть, несомненно, не в малой мере ускорила процесс разрешения тех уз, которые еще удерживали английское общество половины XIV столетия в старых рамках феодального, более или менее замкнутого существования и не позволяли ему окончательно выйти на широкий и тернистый путь свободной борьбы хозяйственных интересов. В частности она, как мы видели, имела одним из своих непосредственных результатов перевод на денежные платежи натуральных повинностей многих вилланских держаний; а какое место занимает коммутация в процессе разложения феодального, более или менее замкнутого хозяйства, об этом мы уже много говорили, чтобы еще раз останавливаться на этом. Но и до этой катастрофы английское вотчинное хозяйство уже очень далеко ушло по пути коммутации. И хроники, и рабочие статуты рисуют нам картину хозяйственных отношений в момент появления чумы вполне определенными красками. Без наемных рабочих рук не могло существовать ни барское, ни всякое другое не чисто крестьянское хозяйство. Затруднение, испытанное после чумы барским хозяйством, как и всеми другими не чисто крестьянскими хозяйствами, заключалось прежде всего в том, что рабочие руки вздорожали безмерно. Именно это вздорожание наемной рабочей силы и произвело хозяйственный кризис. На ней, как на своей основе, покоилось уже теперь барское хозяйство, как и хозяйство держателей лорда и арендаторов.

Таким образом показания хроник о Черной смерти и ее хозяйственных последствиях и текст самого рабочего законодательства, с своей стороны, согласно свидетельствуют о том, что процесс хозяйственной эволюции, который совершался в недрах мэнориального строя и был предметом нашего изучения в одной из предшествующих глав, успел уже к половине XIV столетия дать весьма определенные результаты; что когда-то в очень большой мере зависевшее от несвободного труда вилланов данного мэнора хозяйство лорда уже в очень значительной мере порвало связь с этим несвободным трудом и вообще вышло из плотно сжимавшего его узкого мэнориального круга, окончательно превратившись в предприятие, имевшее в виду интересы вне-мэнориального рынка и оперировавшее едва ли не главным образом с помощью наемного, не ограниченного пределами данного мэнора труда.

Рабочие статуты снабжают нас еще одним чрезвычайно важным в этой связи свидетельством, весьма определенно констатируя существование к половине XIV века даже особого рабочего класса, жившего исключительно продажей своей рабочей силы для нужд барского и арендаторского хозяйств.

Ордоннанс и статуты направлены прямо и непосредственно против «каждого мужчины и каждой женщины королевства нашего Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного, здоровых и не старше шестидесяти лет, *кто не живет торговлей и не занимается каким-либо ремеслом, не имеет собственных средств к жизни или собственной земли, возделыванием которой был бы занят*» (quilibet homo et femina regni nostri Anglie, cujuscumque conditionis fuerit liber vel servilis potens in corpore et infra etatem sexaginta annorum, *non vivens de mercatura, nec certum excercens artificium, nec habens de suo proprio unde vivere vel terram propriam circa culturam cujus se proficiat occupare*»). Более точного определения рабочего сдва ли можно требовать. Это настоящий пролетариат, это люди, которым, по словам того же ордоннанса, остается или «per laborem quærere victum suum» (трудом снискивать средства к жизни), или «mendicare in ocio» (проводить жизнь в праздности, побираясь Христовым именем).

Вот чьим трудом жило барское и не-барское хозяйство накануне великого мора. Как ни красноречивы данные мэнориальных протоколов, приказчичьих отчетов и подобных им документов о хозяйственных и социальных отношениях, как они слагались к концу первой половины XIV столетия, но сейчас приведенные нами слова рабочего ордоннанса 1349 года все-таки не могут не поразить нас своею определенностью. Таких успехов хозяйственной и социальной дифференциации мы все-таки могли не ожидать, и, исходи это свидетельство из менее компетентного источника, мы могли бы заподозрить его достоверность. Но источником этим является законодательный памятник, и всякие сомнения наши должны совершенно рассеяться, и мы должны признать за вполне достоверный факт, что *к половине XIV века в Англии уже существовал особый рабочий класс, состоявший из людей, единственным достоянием которых являлись рабочие руки, которые они и несли на рынок, как это делается и в настоящее время, и что этот вполне выделившийся общественный класс и представлял собою ту рабочую силу, без которой уже не могло существовать тогда сельское хозяйство как у самих мэнориальных лордов, так и у их держателей и арендаторов.*

Очень характерна эта альтернатива: или трудом снискивать себе пропитание, или побираться Христовым именем. Что это вовсе не риторическая фраза, а простое констатирование самого реального факта тогдашней социальной действительности, об этом весьма красноречиво говорит свидетельство, относящееся к 1340 году. В этом году парламент разрешил королю налог на военные нужды на два года: прелаты, графы и бароны за себя и за своих держателей, рыцари графств за себя и за общины страны («les communes de la terre») дали королю девятого ягненка, девятое руно и девятый сноп; горожане дали девятую часть своего имущества, иностранные же купцы, не жившие постоянно в городах и местечках, а также люди, жившие в лесах и пустынных местах, и все остальные, не жившие земледельческим трудом, должны были платить пятнадцатую часть своего имущества, *за исключением нищих, коттариев и рабочих, которые были освобождены от этого налога* («les povres cotiers, ne autres q'viv nt de travaill de lour corps», «solum exceptis mendicis et cotteriis et laborariis ad prædictam quintamdecimam non taxatis») [2]. Между нищими и рабочими стоят здесь коттарии, и это еще отчетливее выделяет рабочих (laborarii) в особую социальную группу. Не будь свидетельства рабо-

чего ордонпанса 1349 года, мы бы и не догадались, что эта смежная с нищими группа рабочих была так обширна и занимала такое видное место в хозяйственной жизни тогдашней Англии. Нам становятся теперь более понятными рубрики, под которыми распределены плательщики поголовного налога (poll-tax) 1381 года в дошедших до нас списках, эти laboratores (иначе laborarii) и servientes (иначе famuli), стоящие рядом с agricole (иначе cultores) и artifices, а иногда и с armigeri.

При чтении этих списков [3] нас поражает крайняя малочисленность имен под рубрикой *agricole* сравнительно с количеством *laboratores* и *servientes* в каждой деревне. Если мы возьмем, например, сотню Thingo в графстве Suffolk, состоящую из восемнадцати деревень с 870 жителями обоего пола, старше пятнадцатилетнего возраста, то увидим следующее [4]: в деревне Barrow на общую сумму жителей 71 приходится: 6 agricole, 16 artifices, 28 laboratores и 21 servientes; в Brockley cum Rede: на 70 чел. — 2 armigeri, 10 agricole, 17 artifices, 8 laboratores и 38 servientes; в Chevington'e: на 78 чел — 1 agricola, 8 artifices, 34 laboratores и 35 servientes; в Flempton'e: на 33 чел. — 8 agricole, 13 laboratores и 12 servientes; в Fornham All Saints: на 32 чел. — 2 agricole, 10 artifices, 10 laboratores и 10 servientes; в Hargrave'e: на 39 ч. — 5 artifices и 34 laboratores; в Hawsted'e: на 63 чел.— 2 agricole, 6 artifices, 38 laboratores и 17 servientes; в Heagrave'e: на 36 чел. — 1 armiger, 1 agricola, 17 laboratores и 17 servientes; в Horningsheath Magna: на 53 чел. — 5 artifices, 21 laboratores и 27 servientes; в Horningsheath Parva: на 21 чел. — 2 agricole, 10 laboratores и 9 servientes; в Ickworth'e: на 47 чел. — 2 armigeri, 3 artifices, 21 laboratores и 21 servientes; в Lackford'e: на 49 чел. — 8 artifices, 20 laboratores и 21 servientes; в Nowton'e: на 28 чел. — 1 agricola, 15 laboratores и 12 servientes; в Risby: на 57 чел. — 11 laboratores и 46 servientes; в Saxham Magna: на 38 чел. — 5 artifices, 23 laboratores и 10 servientes; в Saxham Parva: на 57 чел. — 4 armigeri, 14 agricole, 6 artifices и 33 servientes; в Westley: на 36 чел. — 6 agricole, 4 artifices, 10 laboratores и 16 servientes; в Whepsted'e: на 62 чел. — 9 artifices, 31 laboratores и 22 servientes. Итого во всех 18 деревнях на 870 чел. жителей обоего пола приходится: 9 armigeri, 53 agricole, 102 artifices, 344 laboratores и 362 servientes.

Мы вовсе не видим здесь обычных для феодального поместья рубрик: libere tenentes, nativi, или villani, tenentes ad voluntatem, а также tenentes ad terminum vitae или ad terminum annorum. Чем объяснить это? Не исчезновением их из жизни, конечно, а тем, что жизнь оттеснила их на задний план, выдвинув другие, новые, чисто экономические категории, обыкновенно в значительной мере покрывавшие прежние. Мы имеем все основания предполагать и даже просто утверждать, что среди laboratores и servientes налогового списка 1381 года было не мало, если не огромное большинство, лиц, которые в поместных описях и в подобных им мэнориальных документах выступали в качестве и libere tenentes, и nativi, и tenentes ad voluntatem, ad terminum vitae и ad terminum annorum, словом, во всем феодальном и полуфеодальном обличьи. И однако фискальные комиссии 1381 года сочли возможным игнорировать эту сторону их социального бытия и отметили их просто как laboratores и servientes, несомненно, на том основании, что большинство этих людей, если не все они, владели настолько незначительными клочками земли, а то и всего лишь одними дворами, что и сами они и, в особенности, члены их семейств

принуждены были «per laborem querere victum suum» таким же путем, как и совсем оторванные от земли пролетарии, т.-е. в качестве сельско-хозяйственных рабочих (laboratores) и слуг (servientes), находивших постоянный или временный заработок как в пределах своего мэнора, у своего сеньера (armiger), или у более или менее зажиточного франклэйна или йомэна (agricola), свободного держателя или арендатора, а то и у местного кузнеца или другого ремесленника (artifices), так и за пределами его, или в качестве рабочих в городском ремесле. Население все увеличивалось в Англии, и неудивительно, что дробление наделов зашло уже так далеко. Мы уже видели это в одной из предшествующих глав.

В каких сельско-хозяйственных операциях находили себе применение эти свободные рабочие руки, мы уже знаем из текста рабочих статутов, не оставляющего никакого сомнения в том, что во всех этих операциях употреблялся уже наемный труд, без различия барского и йомэнского хозяйства. Когда приближалось время сенокоса, жатвы и молотьбы, на площадях торговых сел (villes marchantz) и местных городских центров собирались толпы ищущих заработка людей, пришедших из окрестных и дальних деревень с серпами, косами и цепами, и бэйлиффы из соседних мэноров и средней руки арендаторы и держатели приезжали сюда нанимать их за обычаем установленную плату.

Протоколы коронных судов, разбиравших дела о нарушителях рабочих статутов, знакомят нас с разными категориями сельско-хозяйственных рабочих и сельских ремесленников и с условиями их труда. Laboratores, servientes и artifices налоговых свитков 1381 года превращаются здесь иногда из простых социальных рубрик в совершенно живых людей. Перед нами проходят длинной вереницей косцы (falcatores bladorum), не желающие получать поденную плату («per diem pro congruo salario»), но за каждый акр отдельно [5]; плотники, в осеннее время превращающиеся в косцов, требующих чрезмерного вознаграждения [6], и разного рода «communes laborarii» и «communes laborarii in autumpno ad blada messenda et colligenda», берущие на протяжение всей сотни («infra hundredum predictum») не меньше 4 пенсов в день на хозяйских харчах («cum cibo et potu») [7]; пахарь, состоявший в этой должности бо́льшую часть своей жизни («pro majori parte vite sue extitit in officio carucarii»), а теперь отказавшийся служить в этой должности в течение обычных сроков, а лишь поденно и притом за чрезмерную плату, против статута и в ослушание короля («et amodo in officio carucarii per terminos usuales renuit seruire nisi per diem pro excessiuo lucro contra statutum in contemptum domini Regis»), обратившись, таким образом, в погоне за большим заработком («pro majori lucro»), в обыкновенного поденщика («deuenit communis laborator»), готового брать всякую работу [8]; возчики (carectarii), берущие в год путем вымогательства («per extorsionem») по 20 шиллингов с хозяйскими харчами [9]; жнецы (mowere), берущие с разных лиц в графстве («de diuersis hominibus patrie») по 6 пенсов в день [10]; пастух, напявшийся в пастухи на год по приказанию мирового судьи, но презревший этот приказ и бежавший в другую деревню, где ему дали бо́льшую плату [11]; communis laborator, соглашавшийся наниматься только поденно («noluit deseruire alicui homini nisi per dietas et iurnas»), и то за неуказанную в статуте плату [12]; пахарь (plowman), сделавшийся карабельным мастером («deuenit ad artificium de shipwright») из-за большой платы, ко-

торую он стал получать («propter magnam summam mercedis»), несмотря на то, что ему не раз в его деревне предлагали подходящее к его занятию место и давали 20 шилл. жалованья [13]; пастух, значительную часть жизни своей проживший в пастухах («per magnum tempus vite sue extitit in Officio bercarii»), а теперь покинувший эту должность и ушедший в матросы («ab officio predicto recessit in officium de shipman») за 40 шилл. в год с могарычем («cum curtesio») [14]; пахарь, ушедший туда же [15]; рабочие (communis laborator), в летнее время нанимавшиеся в жнецы, а зимою в молотильщики как в своей деревне, так и в соседних и бравшие поденную плату сверх нормы [16]; жнецы (communes messores), не соглашавшиеся жать иначе, как за 4 пенса с завтраком ежедневно [17]; молотильщик (communis triturator), бравший по 2 пенса в день с хозяйскими харчами [18]; пильщик (communis serrator), бравший по 6 пенсов как в будни, так и в праздники с хозяйскими харчами [19]; ткачи (webstere), бравшие за каждый сотканный локоть сукна, шириною в три четверти, по ½ пенни вместо фарзсинга [20]; плотники, бравшие по 2 шиллинга в неделю с хозяйскими харчами [21]; кузнецы (faber), бравшие за свой труд и мастерство («de labore et artifficio suo») не то, что предписывалось статутом [22], портные (cissores, communes cissores), шьющие платье жителям своего графства за два пенса в день как летом, так и зимою и берущие чрезмерную поштучную плату [23]; architector domorum, получавший в день по два и по три пенса со столом [24]; architector straminis, бравший со своей общины («de communitate eiusdem ville») по 9 пенсов в день за себя и за своего подручного («pro se et servient suo») и часто уходивший в другие деревни, чтобы получить там еще большую плату («pro majori stipendio») [25]...

Итак, рассматриваемое в качестве исторического источника рабочее законодательство, в связи с другими современными свидетельствами, дает, с своей стороны, очень определенные указания на то, что хозяйственная жизнь Англии накануне Черной смерти носила уже вполне ясно выраженный не-феодальный характер, что несвободный труд перестал уже играть главную роль в барском хозяйстве, уступив свои главные позиции вольнонаемному труду, что внутри мэнора развитие хозяйственных отношений совершалось, не стесняясь, так сказать, мэнориальными перегородками и потому фактически разрушая их и прокладывая путь для настоящего народного хозяйства, и что в результате всего этого основной вопрос, к которому сводились все вопросы, поднятые хозяйственным кризисом, вызванным Черною смертью, был *рабочий вопрос* во всем его денежном и, даже можно сказать, народно-хозяйственном значении. В этом огромная важность этого источника для исследователя хозяйственной и социальной эволюции феодальной Англии. Именно эта определенность его показаний, с одной стороны, делает его чрезвычайно ценным отправным пунктом для исследователя общественной эволюции Англии, как она развивалась до Черной смерти, дающим ему возможность все время чувствовать себя на твердой почве, разбираясь в очень пестром и нередко очень мелочном материале, документальном и летописном, с которым ему приходится иметь дело при изучении различных частей широко поставленной проблемы, с другой — сообщает результатам исследования ту устойчивость и ясность, которые так облегчают изучение дальнейшего хода этой эволюции и, в частности, тех осложнений, какие принесла с собой великая чума 1348 года. Мы и перейдем теперь к этим осложнениям.

II

Вызванный Черною смертью хозяйственный кризис был кризис рабочий во всем народно-хозяйственном его значении. Поэтому попытка правительства разрешить его по необходимости явилась в форме мероприятий, направленных против рабочего класса с целью урегулировать его отношения к предпринимателям после того, как отношения эти приняли оборот, крайне неблагоприятный для этих последних, — явилась в форме рабочего законодательства. В предшествующей главе мы уже познакомились с этим эпизодом в жизни английского общества и государства. Мы старались представить его во всей его конкретной обстановке, с его ближайшими причинами и ближайшими последствиями, старались описать его в его так называемой прагматической связи. Чума 1348 года, сильное уменьшение населения, соответствующее ему повышение цен на труд, попытка государственной власти в интересах землевладения рядом законодательных мероприятий понизить цены на труд до их прежнего уровня, неуспешность этой попытки, встретившей как пассивное, так и активное противодействие со стороны среды, на которую она была направлена, борьба за рабочие руки, возникшая среди крупного землевладения и землевладения мелкого к явной невыгоде последнего, — вот в исторической последовательности те факты, которые мы описывали, передавая содержание этого эпизода. Теперь мы взглянем на него с другой стороны, посмотрим, чем явилось рабочее законодательство Эдуарда III и Ричарда II для английского общества XIV века и какое место занимает оно в общем ходе хозяйственной и социальной эволюции феодальной Англии, уже нам знакомом.

Рабочий ордоннанс и статут с целым рядом сопровождавших их дополнений преследуют собственно несколько целей одновременно: нормируя заработную плату, они в то же время ставят себе задачей сделать существующих в данный момент рабочих всегда готовыми к услугам нанимателей, а также принимают меры к тому, чтобы создать недостающую нанимателям рабочую силу из наличного социального материала; всю эту рабочую массу они хотят сделать доступной в равной мере всем нуждающимся в ней и в виду этого выступают против нанимателей, которые тем или иным путем затрудняют достижение этой цели. Присмотримся несколько ближе к тем средствам, с помощью которых правительство старается разрешить все эти задачи.

Ордоннанс, как мы уже видели, начинает с того, что строжайше предписывает всем здоровым мужчинам и женщинам королевства Англии, не старше шестидесяти лет, как свободного состояния, так и несвободным, не живущим торговлей или ремеслом, не имеющим собственных средств или земли, возделыванием которой они могли бы заниматься, беспрекословно принимать предложение всякого, кто ищет слуг и рабочих, и притом за плату, какая была в обычае до Черной смерти; ослушникам грозят тюрьма и денежные штрафы. Одним почерком пера все эти люди лишаются, таким образом, права свободно располагать своей личностью, отдаются в распоряжение нанимателей, всех, нуждающихся в их рабочей силе. Редкий момент свободы, выпадающий на долю рабочего, тот момент, когда он не отдает своего труда, помимо всякого своего желания, против своей воли, нанимателю, превращает его в преступника, которому грозит тюрьма: не отдавать своей рабочей силы в распоряжение

нанимателя, пользоваться правом, принадлежащим каждому свободному человеку, быть свободным становится для него тяжким преступлением, заслуживающим суровой кары, полного, хотя и временного, лишения свободы. Не отдавать своих рабочих рук нанимателю — акт чисто отрицательный — со стороны рабочего является в глазах ордоннанса равносильным нанесению рабочим материального ущерба нанимателю, актом положительным. Мало того. Если бы дело этим только и ограничивалось, то естественным юридическим последствием такого акта мог бы явиться гражданский иск со стороны нанимателя к рабочему. Уже это одно с точки зрения наших юридических понятий было бы совершенно ничем не оправдываемым посягательством на права личности. Но ордоннанс идет дальше: со стороны рабочего нежелание способствовать интересам другого, хозяйственным интересам нанимателя, не только не гармонирующим с его собственными интересами, но прямо идущим с ними в разрез, объявляется государственною властью прямо-таки деянием преступным и наказуемым, объявляется преступлением, уголовным деянием.

Итти дальше этого, казалось бы, некуда. Рабочий лишается даже свободы не быть добродетельным: ордоннанс грозит ему тюрьмой, если он не захочет наниматься к тому, к кому ему невыгодно наниматься, к кому наниматься для него равносильно нанесению себе материального ущерба; ордоннанс грозит ему лишением свободы, если он не захочет жертвовать в пользу ближнего, в пользу нанимателя, своими насущнейшими и законнейшими интересами, не захочет совершить поступок, совсем выходящий из сферы права, из сферы принудительного воздействия государства и всецело принадлежащий области нравственности, и притом самой идеальной. Так решительно и откровенно, чтобы не сказать так наивно, становится ордоннанс на сторону интересов одного класса и приносит ему в жертву интересы другого класса, лишая этот последний даже свободы не быть добродетельным.

Чтобы издавать такие законы и чувствовать себя при этом на почве справедливости, государство должно было быть проникнуто очень необычными для нас принципами. А оно действительно чувствовало себя на почве справедливости. Мы уже имели случай отметить моральную ноту, проходящую чрез все законодательство о рабочих, видели, что в глазах его рабочий, требующий высокой платы за свой труд, являлся человеком корыстолюбивым, жадным и злонамеренным, обнаруживающим греховную склонность к приобретению благ земных и пользующимся для этого затруднительным положением своих ближних, главным образом, землевладельцев, оставшихся без рабочих рук. И, что для нас в этом случае особенно важно припомнить, эту точку зрения разделяли с ним такие люди, как певец *Петра Пахаря* Лэнгли, которого никак нельзя заподозрить в пристрастии к землевладельцам, который возводит на недосягаемую, идеальную высоту представителя земледельческого труда, пахаря, представляя его единственным носителем правды на земле, указывающим путь к ней всем другим людям. Мы уже знакомы с теми местами его поэмы, в которых он дает изображение наемных рабочих, и знаем, что рисуемая им картина почти совпадает с той, которую мы находим у истинного агрария XIV века, у дворянина Гауэра. Издавая ордоннанс и статуты, государство, несомненно, имело на своей стороне нравственный авторитет людей, проникнутых самыми гуманными, истинно христианскими принципами. Мало того. Оно само было проникнуто христианскими принципами, теми са-

мыми принципами, во имя которых средневековые канонисты ставили такие суровые преграды хозяйственной деятельности человека, пытаясь ввести ее в узкие рамки чисто потребительных интересов. Влияние церкви здесь несомненно. Но не будем пока останавливаться на этом пункте: к нему мы еще вернемся. Пойдем дальше в рассмотрении тех мер, которые одну за другой правительство направляло против рабочих.

Рабочий статут 1350—51 года предписывает рабочим два раза в год давать клятву перед лордами мэноров, в пределах которых они живут, или перед их сенешалами, или перед деревенскими констэблями в том, что они будут соблюдать постановления статута и что, кроме того, никогда не будут уходить летом на заработки, если им можно будет найти работу в своей деревне («sil puisse avoir service en mesme la ville») за установленную плату; кто не захочет давать клятву или исполнять ее, на три дня и более забивается в колодки («soient mys en ceppes») или препровождается в ближайшую тюрьму. Таким образом, закон посягает и на совесть рабочего, а также на его свободу передвижения, пытается прикрепить его к землевладельцу и в территориальном смысле, и всякая попытка со стороны рабочего порвать эту новую цепь приводит его неминуемо к колодкам и тюрьме. Если рабочий бежит, то на него устраивается настоящая облава, опять-таки кончающаяся для него тюрьмой. Нарушение статута объявляется преступлением, которое рабочий искупает штрафом в пользу короля и тюрьмой (в первый раз он сидит сорок дней, во второй раз четверть года и т. д., вообще за каждый следующий раз срок заключения удваивается). Статут 1360—61 года объявляет беглого рабочего находящимся вне закона («il soit utlaie»), т.-е. лишает его всех прав человека и члена общества, ставит его наравне с диким зверем, с волком, которого всякий может убить не только безнаказанно, но и с сознанием, что совершил весьма полезный для спокойствия и благополучия общества поступок. Если беглец попадется в руки властям, то одной тюрьмой и штрафами он уже не отделается: по требованию человека, заинтересованного в поимке рабочего, и по приговору судей рабочему этому раскаленным железом выжигают на лбу букву F, чтобы заклеймить его недобросовестность («en signe de Fauxine»).

Комментарии излишни. Дальше итти уже некуда. И все это делалось с полным убеждением в справедливости и спасительности такого образа действий. Такого ига никогда еще не нес рабочий человек в Англии, и можно смело сказать, что самые страшные годы Нормандского Завоевания бледнеют перед этим неслыханным попиранием человеческих прав на законном основании, в мирное время производившимся правительством, глубоко озабоченным материальным и духовным благом своих подданных.

И это поистине драконовское законодательство имело в виду не одних пролетариев, как можно было бы думать, опираясь на вполне определенные заявления ордоннанса 1349 года. В парламенте 1354 года общины просят короля принять меры против рабочих и мастеровых, которые берут у сеньеров по бовате и по половине боваты земли с тем, чтобы выйти из категории пролетариев, а вместе с тем и из-под ферулы рабочих статутов; по словам петиции, такие участки земли не могут занять всего времени этих новых землевладельцев (общины, несомненно, намекали на слова ордоннанса 1349 года, определяющего рабочего как человека, не имеющего собственной земли,

возделыванием которой он был бы занят, «nec habens... terram propriam circa culturam cujus se poterit occupare») и служат для них только предлогом к игнорированию рабочих законов. В ответ на это король заявил, что это уже предусмотрено статутом о рабочих; нужно только применять статут, как следует. Несомненно, ответ этот, имевший в виду только что приведенное место ордоннанса 1349 года, сообщил ему более широкий смысл, чем оно имело вначале: сделав ударение на «circa culturam cujus *se poterit occupare*», он подвел под действие рабочего законодательства и мелких землевладельцев свободного и вилланского состояния и вместе с тем открыл широкое поле произволу, предоставляя каждому заинтересованному полную свободу решать в каждом данном случае, можно ли считать данный участок земли достаточным для того, чтобы владелец его мог не подлежать юрисдикции рабочих судей, или же нельзя. Таким образом *лишенною прав оказалась в сущности почти вся масса земледельческого населения.*

В самом деле, если, по словам общин, бовата и полубовата представляли собою количество земли, не могшее занять в достаточной мере рабочее время ее владельца (а бовата, как известно, представляла собою четверть обычного общинного надела, виргаты, заключавшей в себе в общем от 30 до 80 акров), то что же сказать о тех держателях и арендаторах поистине микроскопических участков, с которыми мы на каждом шагу встречаемся и в Court Rolls, и в Ministers' Accounts, и в Сотенных Свитках, не говоря уже о бесчисленных Extenta Manriorum как XIV, так и XIII века? А между тем эти мелкие землевладельцы составляли огромное большинство в составе населения каждой деревни, представляя собой естественный результат не менее естественного роста населения Англии, дробившего наделы на все более и более мелкие частицы и в не меньшей мере размельчавшего и участки, выдаваемые из домэна. Стоит только взглянуть на страницы Сотенных Свитков, пестрящие, можно сказать, массами совершенно незначительных держателей, целыми роями сидящих на небольших иногда наделах (даже неполных) свободных держателей («et ipse Adam plures habet inde parvos tenentes pro parvis serviciis annualibus») (H. R., II, 332), чтобы всякие сомнения насчет этого исчезли. За время, протекшее с момента составления Сотенных Свитков (последняя четверть XIII столетия) до второй половины XIV века, процесс дробления сделал огромные успехи, как это ясно видно хотя бы из протоколов мэнориальных курий, относящихся к этой эпохе: почти все касающиеся земли юридические акты, занесенные в эти протоколы, имеют дело исключительно с мелкими клочками свободной или вилланской земли. И свободные, и вилланы, и libere tenentes, и tenentes in villenagio, и феодальные держатели, и арендаторы в собственном смысле, — вся эта огромная и пестрая масса мелких землевладельцев, жившая трудами рук своих и восполнявшая недочеты своего скромного бюджета свободной отдачей своих рук более крупным землевладельцам, была отдана теперь наравне с настоящими пролетариями в полное распоряжение сельских хозяев (их прежде всего) со всеми своими хозяйственными интересами и со всеми своими человеческими правами.

Закрепощение, настигшее ее теперь, было несравненно горше того, какое было уделом вилланов в чисто феодальную эпоху. Мы уже в достаточной мере знакомы с феодальным закрепощением и знаем, что в зависимости от общих

хозяйственных условий феодальной поры (разумеем сравнительную ограниченность денежного оборота и соответствующую ограниченность размеров барского хозяйства сеньера) сеньер мог лишь в сравнительно слабой степени стеснять свободу своего виллана, заставляя его служить своим хозяйственным интересам лишь постольку, поскольку это было необходимо для ведения домениального, еще сравнительно скромного по своим размерам, денежного по своим целям, но еще далеко не пользовавшегося всеми своими возможностями хозяйства; поскольку эта последняя задача выполнялась, постольку руки виллана и его личность и были несвободны; за пределами ее виллан фактически мало чем отличался от свободного человека, очень свободно располагая и руками своими и своею личностью. В таком положении находился виллан, фактический представитель группы, сидевшей на крепостном наделе, отбывавшей правильную барщину. Что же сказать о виллanах только по имени, не владельцах наделов, виллanах, находившихся вне хозяйственной эксплоатации сеньера? Конечно, в жизни средневековой деревни возможны были случаи хозяйственного и всякого иного угнетения вилланов сеньерами, и такие случаи были, наверное, не слишком редки. Но это были явления, выходившие из нормы; обычай и закон формулировали и санкционировали совсем иные условия; правовой порядок, который был нами констатирован в жизни мэнориальной группы, рисует виллана обладающим целым рядом прав в сфере гражданских правоотношений и в этом смысле ничем по существу не отличающимся от совершенно свободного человека. Виллanское состояние к тому же было строго локализовано: виллан являлся виллanом только в отношении к лорду данного мэнора (regardant al manor), только как член данной хозяйственной группы, данной общины; только в пределах данной хозяйственной группы лорд и мог подвергать его хозяйственной эксплоатации; за пределами ее виллан был фактически и юридически свободен и мог свободно вступать во всякого рода гражданские сделки с третьими лицами, пользуясь при этом защитой общего права страны, органами которого являлись королевские суды. Рабочее законодательство наносит серьезный удар этой локализации виллanской несвободы. Если до сих пор виллан был вполне гарантирован от всяких притязаний на его труд и на его свободу с чьей бы то ни было стороны, кроме лорда своего мэнора, и внутри этого мэнора подвергаясь лишь в сравнительно слабой мере хозяйственной эксплоатации своего лорда, то теперь его уже не защищала мэнориальная перегородка, и он объявлялся объектом всеобщих притязаний, отдавался в жертву всем, кто нуждался в его труде.

Правда, права лорда не игнорировались вполне: «domini praeferantur aliis in nativis seu terram suam nativam tenentibus sic in suo servitio retinendis» («лордам должно быть отдаваемо предпочтение перед другими в удержании у себя на службе вилланов или держащих у них виллanскую землю») — заявляет, как мы знаем, ордоннанс 1349 года; но этим он только отводит лорду лишь первое место в ряду претендентов на рабочую силу и фактически свободную личность его виллана. Уже недостаточно было быть сеньером данного виллана для того, чтобы удержать его в пределах данного мэнора в интересах домениального хозяйства: нужно было сеньеру еще доказать, что он действительно нуждается в данный момент в труде своего виллана, «avoit besoign de son service» (имеет надобность в их службе), как выра-

жаются протоколы коронных судов, разбиравших дела нанимателей с рабочими, чтобы ему было предоставлено скромное право занять первое место в ряду всех прочих возможных претендентов на труд его виллана. Лишь поскольку сеньер действительно нуждается в труде своих вилланов, он может удерживать их в своем хозяйстве, пользуясь, таким образом, предпочтением пред всеми другими нанимателями. Раз необходимая для барского хозяйства рабочая сила обеспечена сеньеру, он не имеет права удерживать у себя фактически не нужных ему в данный момент вилланов и обязан предоставить их в распоряжение остальных нанимателей. Ордоннанс отдает предпочтение сеньерам, когда они являются претендентами на рабочую силу своих вилланов, «ita tamen quod hujusmodi domini sic retineant *tot quot sibi fuerint necessari et non plures*» («но с тем, чтобы эти сеньеры удерживали у себя *стольких вилланов, сколько им необходимо, но не больше*»).

Даже если сеньер и окажется по тем или иным причинам без рабочих рук, а его вилланы в это время будут работать по контракту у третьих лиц, он вовсе не бесспорно будет прав, если потребует этих вилланов в пределы своего мэнора или просто в свое хозяйство (в случае, если третье лицо само живет на территории его мэнора) до истечения определенного в контракте срока. Так, по крайней мере, высказывалась по этому пункту судебная практика. В одном таком случае сеньер взял своего виллана к себе в то время, когда этот последний служил у третьего лица. Возникло дело. Наниматель предъявил иск к сеньеру. Ответчик просто стал доказывать свои сеньериальные права на этого виллана, как на villein regardant a manor de F., повидимому, совершенно игнорируя с высоты своих феодальных принципов современную ему действительность, далеко ушедшую от такого простого и цельного мировоззрения, вполне убежденный в абсолютной истинности и универсальной бесспорности своей точки зрения. Человек, о котором идет спор, его виллан; ему, ответчику, нужен был слуга; он и взял его как своего виллана («et issint fuit il son villein, et pur ceo que il aver mistier d'un servant, il luy prist come son villein de luy server come bien a luy list»). Что же может быть проще этого? Со стороны аббата (истца) было заявлено на это, что ведь он, аббат, заключил договор с этим человеком, а ответчик взял его к себе до истечения условленного в контракте срока. Заявление это ничуть не поколебало точки зрения ответчика. «Предположим, — сказал на это он, — что у меня в одно прекрасное время достаточное число слуг, и мой виллан заключает рабочий контракт с другим лицом. После этого вдруг у меня оказывается недостаток в слугах. Тогда я беру моего виллана к себе в службу» («Jeo pose que si jeo ay a certein jour sufficient servants, et mon villein fait covenant ove un auter de luy server, et apres mes servants devient, ore jeo prendre mon villein de moy server»). С феодальной точки зрения ответчик, может быть, был и прав, и даже наверное. Но он забыл одну вещь: эта точка зрения уже перестала быть решающей; и для него, вероятно, было сюрпризом, когда коронный судья Gascoigne, перед которым он так логически развивал свои доводы, не признал его аргументации убедительной («Gascoigne negavit») [26].

Итак, виллан становится всеобщим достоянием; весьма ограниченная несвобода его в отношении к одному своему сеньеру заменяется полным и безусловным закрепощением его за всеми нуждавшимися в его рабочих руках землевладельцами, из которого единственный выход — колодки и тюрьма.

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы рабочее законодательство вполне последовательно проводило этот взгляд свой на виллана. Мы уже видели, что статут 1350—51 года запрещает рабочему уходить на заработки из своей деревни, если и в этой последней он может найти работу за установленную ордоннансом и статутом плату, чем вносит серьезное ограничение в точку зрения, весьма определенно провозглашенную ордоннансом. Мы еще вернемся к этой невыдержанности рабочего законодательства, а пока только отметим ее как весьма характерную черту рабочей политики английского правительства XIV века.

Условия, созданные рабочему люду ордоннансом и статутами, как мы видели, лишали его, в сущности, всех человеческих прав и превращали в хозяйственное орудие всех землевладельцев, отдавали его в жертву землевладельческому классу (без различия лордов мэноров, держателей их и арендаторов). В таком положении никогда не бывали и несвободные элементы феодального общества, виланы сервы; и для них оно являлось неслыханным рабством. Та зависимость, в которой они находились в отношении к лорду мэнора и к его хозяйству в чисто феодальную пору, как мы видели, была, в сущности, в связи с общими хозяйственными условиями, сравнительно весьма ограниченной и была строго определена в своих конкретных проявлениях обычными нормами, мэнориальным правом. Выполнив все то, что ему предписывало мэнориальное право, виллан мог свободно располагать собой и своими руками. Да и все повинности эти лежали не столько на нем, сколько на земле, которую он держал, и, откажись он от земли, он тем самым освобождался и от повинностей и становился фактически совершенно свободным человеком. Безземельный виллан — а с ростом населения число таких вилланов все увеличивалось — в сущности стоял вне рамок мэнориальной организации в хозяйственном, да и не в одном только хозяйственном отношении. Самое большее, на что лорд мэнора мог рассчитывать с его стороны, — это номинальное признание своей власти, сопровождаемое взносом каплуна к Пасхе pro recognitione, если виллан находился за пределами мэнора, что с течением времени становилось все более и более обычным явлением. Свою рабочую силу он мог свободно отдавать всякому нанимателю — и своему лорду в том числе — как внутри мэнора, так и за его пределами. Теперь ордоннанс и статуты отняли у него всякую свободу как в этом, так и во всех других отношениях и загнали его в ярмо такого рабства, перед которым его феодальная несвобода оказывалась лишь призраком. И виллан-держатель давно уже выкупил бо́льшую часть своих натуральных повинностей и фактически мало чем отличался уже от безземельного виллана, в сущности так же свободно располагая своим временем и своими руками, как и этот последний. И для него рабочее законодательство являлось тем же, что и для этого последнего.

Если положение, созданное законодательством для всей рабочей массы, представляется нам страшным угнетением и для официально несвободных ее элементов, то что же сказать о свободных элементах ее, о тех liberi и libere tenentes, которых не мало сохранилось в феодальной Англии и среди самых низших слоев ее сельского населения. И они, впрочем, в известной, по крайней мере, степени были повинны работе в пользу лорда мэнора, так что сколько-нибудь резкой разницы между ними и вилланами провести невозможно; не особенно поэтому могла быть значительной разница и в том, как

почувствовали себя в тяжких цепях нового рабства свободные люди, с одной стороны, и вилланы — с другой. И для тех и для других рабочее законодательство почти в равной мере являлось беспримерным попранием всех человеческих прав, тем более тяжелым, что проводилось оно систематически и неукоснительно с помощью всего государственного механизма.

III

Во имя чего все это делалось? Можно ли говорить о феодальных тенденциях рабочего законодательства? Интересы ли лордов мэноров имело оно в виду? Есть ли основание приписывать ему феодально-сословный характер?

Предшествующее изложение отчасти уже дало на это ответ. Вся рабочая масса населения, как мы видели, насильственным образом завербовывалась в ряды принудительно-наемных рабочих, доступных в равной мере всем нуждающимся в них, безотносительно к социальному положению нанимателя. Это последнее обстоятельство весьма определенно подчеркнуто уже ордонансом. Уже в первых его строках вполне категорически предписывается рабочему (который определяется как «всякий свободный мужчина и женщина королевства нашего Англии, какого бы он или она ни были состояния, свободного или несвободного, крепкий телом и не старше шестидесяти лет, не живущий торговлей, не занимающийся каким-нибудь ремеслом, не имеющий собственных средств к жизни, ни собственной земли, возделыванием которой был бы занят») итти в наймы ко всякому, кто зовет его («si de servi ndo in servicio congruo consid rato statu suo fu rit requisitus, s rvire t n atur illi qui ipsum sic duxerit requirendum»). Правительство имеет в виду прежде всего интересы сельского хозяйства. К изданию ордонанса его побудила мысль о серьезных затруднениях, которые могут возникнуть вследствие недостатка прежде всего в пахарях и других сельских рабочих («gravia que ex carencia presertim cultorum et operariorum hujusmodi prov nire poss nt incommoda»). Таким образом нанимателем является прежде всего сельский хозяин. Будет ли это лорд мэнора, или его держатель, или арендатор, правительство не делает между ними различия; для него в одинаковой мере важно обеспечить рабочими руками и того, и другого, и третьего; все они для него представители интересов сельско-хозяйственного производства, основы хозяйственной жизни тогдашней Англии, экономического базиса ее социального и политического строя.

Нужно, однако, сделать оговорку. Поскольку имеется в виду несвободный элемент рабочего класса, ордонанс не забывает и феодальных сеньеров с их особыми правами в отношении к своим вилланам. «Сеньеры должны иметь преимущественное пред другими право удерживать у себя на службе вилланов или держащих у них вилланскую землю («proviso quod domini pr f rantur alliis in nativis seu terram suam nativam t ntibus sic in s rvicio suo r tin ndis»). Для феодального уха эта фраза должна была звучать очень странно. Это «предпочтение», делаемое законодательством сеньеру, лорду мэнора, могло показаться чем-то, граничащим с насмешкой над феодальными правами лорда; исконному господину (dominus) своего мэнора и своих сервов, находившихся в его полной воле (так учила теория общего права), законо

дательство отдает предпочтительное перед всеми другими нанимателями право нанимать этих сервов для своего хозяйства на обычных для данной местности условиях. Лорд мэнора даже в отношении к вилланам своего собственного мэнора ставился на одну доску со всяким другим нанимателем. Разница между ними оказалась разницей не по существу; права их на рабочую силу различались лишь количественно, так сказать, а не качественно. Лорд мэнора в глазах ордонанса являлся в отношении к другим нанимателям его вилланов лишь primus inter pares.

Да и преимущество это было весьма существенно ограничено. Предоставив сеньерам это преимущественное перед другими право удерживать у себя на службе своих вилланов и держащих у них вилланскую землю, ордонанс непосредственно вслед за этим прибавляет: «но так, однако, чтобы эти сеньеры удерживали у себя лишь стольких (вилланов), сколько им необходимо, но не больше» («ita tamen quod hujusmodi domini sic retineant tot quot sibi fuerint necessarii et non plures»). Прежде лорд мэнора мог по своему желанию отпустить своего вилл на за пределы мэнора. Теперь это ставится ему в обязанность, если он сам не нуждается в труде виллана, но нуждается в нем другой. И даже, по смыслу только что приведенной оговорки, внутри своего мэнора лорд должен отказываться от своих сеньериальных прав на труд своего виллана в пользу третьих лиц, даже, если эти последние — его же собственные подданные.

Таким образом сеньериальным правам рабочий ордонанс наносит весьма серьезный удар. Интересы нанимателя для него важнее феодальных прав лорда мэнора. Лишь как нанимателя берет он под свою защиту феодального сеньера. Перед лицом нового закона старое право, отдававшее виллана в полное распоряжение, в полную власть и в полную собственность сеньера, должно отступить на задний план; новый закон не хочет видеть различия между сеньером и не-сеньером, dominus villarum vel maneriorum и тем, кто «живет выручкой с земли и не имеет сеньерий и вилланов, которые бы служили ему»; перед новым законом все равны по существу.

Ордонанс не довольствуется только что приведенными общими заявлениями. В открывшейся с Черной смерти ожесточенной борьбе за рабочие руки между всеми элементами землевладельческого класса domini villarum vel maneriorum, несомненно, могли оказываться победителями, имея большую сравнительно с другими нанимателями возможность привлечь к себе рабочих высокой заработной платой и другими льготными условиями. Ордонанс, в равной мере заботясь об интересах всех землевладельцев, старается уравнять шансы всех элементов землевладельческого класса и для этого ослабляет более сильного конкурента, каким, несомненно, являлся феодальный сеньер, лорд мэнора и мэноров. Он не только ослабляет его феодальные права, его исключительное право на рабочую силу его виллана, делая этого виллана, как мы только что видели, общим достоянием всего землевладельческого класса. Он накладывает на него и большую ответственность, если он, пользуясь своей большей сравнительно с более мелким землевладельцем экономической силой, будет привлекать к себе рабочих более высокой заработной платой, чем указанная в ордонансе, и тем еще более отягчать положение своих менее достаточных конкурентов: в то время, как всякий другой за нарушение постановления не платить рабочему больше того, что обыкновенно пла-

тили в двадцатый год царствования Эдуарда III или в последние пять-шесть лет, присуждался к уплате истцу *вдвое* больше того, что он дал или пообещал рабочему, лорд мэнора в случае подобного поступка присуждался к уплате истцу суммы, *втрое* превышающей то, что он или его министериалы заплатили или пообещали заплатить рабочему.

Таким образом, *рабочее законодательство обнаруживает совершенно определенную анти-феодальную тенденцию. В этом отношении оно вполне стоит на почве современной ему хозяйственной действительности, которая, как мы уже видели, не считалась с мэнориальными перегородками, развиваясь в направлении к народному хозяйству со всеми его экономическими и социальными особенностями, несовместимыми с хозяйственною замкнутостью и социально-правовою исключительностью, характерными в той или иной мере для мэнориального строя в его чистом виде.* Мэнориальный строй, как мы видели, к половине XIV столетия представлял собою в хозяйственном смысле уже совсем не то, чем он был прежде. Правовая его оболочка сохранилась, но она уже не соответствовала хозяйственному содержанию, которое постепенно переродилось в связи с общими хозяйственными условиями. *Рабочий ордоннанс, ослабляя исключительные права лорда мэнора на его вилланов, лишь санкционировал факт, возводил его в право, лишь приспособлял отставшее от экономической действительности и ею давно уже игнорируемое право к настоятельнейшим интересам этой действительности, особенно резко давшим себя знать после Черной смерти, в момент вызванного ею рабочего кризиса.* Уже и до этого виллан был фактически свободным человеком и свободно отдавал свои рабочие руки всякому нанимателю как в пределах своего мэнора, так и за его пределами. Ордоннанс только узаконял такой порядок, *и в теории, юридически, сокращая власть лорда мэнора над своим вилланом.*

Таким образом, *рабочее законодательство наносит весьма серьезный удар юридической форме, которая уже не соответствовала хозяйственным отношениям, требовавшим совсем иных юридических форм.* Исключительная власть лорда мэнора над его виллапом вполне гармонировала с условиями узкой и сравнительно замкнутой хозяйственной жизни, когда труд виллана мог найти применение прежде всего лишь в тесных рамках данного мэнора. Теперь же, когда хозяйственная жизнь давно уже перешагнула мэнориальные перегородки и стала развиваться в народно-хозяйственном направлении, которое требовало свободного перемещения труда по всей стране для удовлетворения не справлявшегося с феодальными правами и привилегиями спроса, власть эта могла явиться весьма серьезным тормазом хозяйственного развития. Правда, ко времени Черной смерти виллан успел уже фактически эмансипироваться в весьма значительной мере, как это мы видели, изучая экономическую эволюцию мэнориального строя; именно эта эволюция и сделала его во многих отношениях фактически свободным от власти лорда, поскольку эта власть проявлялась в чисто хозяйственной сфере. Но это все-таки был факт, а не право. Права лорда в отношении к виллану юридически оставались во всей своей силе, и никто не был застрахован от того, чтобы когда-нибудь лорд не вздумал осуществить их, разрушая таким образом все хозяйственные расчеты третьих лиц, уже привыкших пользоваться наемным трудом его вилланов. Черная смерть и создавала такой критический момент, заставляя лорда прежде всего вспомнить о своих сеньериальных правах. И вот в этот-то

критический момент законодательство и явилось с своим «ita tamen quod hujusmodi domini sic retineant tot quot sibi fuerint necessarii et non plures» и тем предотвратило, хоть в известной мере, грозившую интересам народного хозяйства опасность, ослабив и в теории сеньериальные права мэнориального лорда и тем устранив или, по крайней мере, ослабив одно из серьезных препятствий, стоявших на пути хозяйственного развития страны.

IV

Рабочее законодательство XIV века по самому существу своему представляет собою явление не-феодального порядка. Вызвано оно к жизни интересами, которые развились в результате разложения хозяйственных основ феодального строя, интересами народно-хозяйственного характера, и с своей стороны стремится воздействовать на жизнь в этом уже принятом ею направлении, приспособляя и правовые нормы к этим все более и более развивавшимся интересам, раздвигая в соответствии с этими последними и ставшие узкими юридические рамки. Таков основной смысл рабочей политики английского правительства изучаемой нами эпохи. Представляя собою органический продукт народно-хозяйственной действительности, вызванный основными потребностями ее, *политика эта, естественно, проникнута народно-хозяйственными тенденциями*, как это мы видели, анализируя рабочий ордоннанс и статуты.

В какой, однако, мере присущ этим тенденциям элемент сознательности? Можно ли сказать, что, делая крупный шаг в анти-феодальном, народно-хозяйственном направлении, английское правительство сознательно становилось при этом на новую точку зрения в области экономических понятий? Не вернее ли будет сказать, что, расчищая на практике путь для далеко уже ушедшей вперед по пути народно-хозяйственного развития экономической действительности, в теории правительство Эдуарда III и Ричарда II продолжало стоять на почве старых экономических воззрений, по существу враждебных всем тем явлениям, которые как раз и составляют содержание народно-хозяйственного развития?

В самом деле, издавая ордоннанс и статуты, правительство сознательно выступало против свободной игры экономических интересов, принявшей форму резкой экономической борьбы между рабочими и нанимателями и между самими нанимателями из-за рабочей силы. Черная смерть создала рабочим очень благоприятное положение, и они, естественно, воспользовались этим положением, потребовав высокой заработной платы с землевладельцев и других нанимателей. Ордоннанс не желает допустить естественного вывода из изменившихся условий спроса и предложения, не желает допустить повышения заработной платы рабочих и, усматривая в требовании ими более высокого вознаграждения за свой труд безнравственное и анти-общественное стремление, злопамеренность (malice) и корыстолюбие (singulers covetises), не оправдываемые ни божескими законами, ни человеческими, строжайше предписывает рабочим не выходить из неподвижной обычной нормы, брать то, что было в обычае давать им в каждой данной местности до Черной смерти. Ордоннанс, таким образом, совершенно игнорирует все те изменения в соотношении хозяйственных сил и интересов, которые вызваны были Черною смертью.

Он вовсе не желает считаться с этими изменениями и продолжает стоять на почве очень мало подвижного обычая; он один, этот обычай, должен попрежнему регулировать хозяйственные и всякие иные отношения между людьми. Только то вознаграждение за труд может быть признано справедливым, которое установлено обычаем. Требовать сверх этой нормы — значит проявлять греховную склонность к наживе на счет ближнего. И государство энергично выступает на защиту этого ближнего и его подвергающихся, таким образом, опасности интересов, грозя суровыми карами корыстолюбцу. Не менее энергично выступает оно и против тех, кто дает рабочим требуемую ими необычно высокую плату и тем лишает других нанимателей, менее состоятельных, возможности добыть необходимую для них рабочую силу.

Свободная конкуренция между нанимателями, равно как и свободная экономическая борьба между рабочими и нанимателями, как и всякая борьба неминуемо влечет за собою жертвы: более слабые должны неизбежно понести урон. *Такой порядок вещей еще не кажется «естественным» государственной власти; она еще не вышла из сферы представлений, возникших и развившихся на почве хозяйственных отношений, которым была еще сравнительно мало знакома борьба хозяйственных интересов.* Эта свободная борьба представляется ей во всем своем анти-общественном значении как такой порядок вещей, который в корне подрывает основной принцип экономической этики средневекового общества: каждый должен в своей хозяйственной деятельности поступать так, чтобы от этого не страдали интересы другого. *Рабочее законодательство стремится устранить эту борьбу хозяйственных интересов или, по крайней мере, уравнять шансы борющихся и тем ослабить, насколько возможно, ее вредные для общества последствия.* Это именно цель оно имеет в виду, когда издает ордоннанс и статуты против рабочих и когда ограничивает права лорда мэнора в отношении к своим виллянам и грозить сеньерам («domini villanorum vel majorum»), дающим рабочим больше узаконенного, более высокими штрафами, чем менее состоятельным нанимателям. Все наниматели должны быть обеспечены рабочими руками в той мере, в какой каждый из них нуждается в рабочей силе, и предоставлять решение такой важной задачи свободной конкуренции значит отдавать интересы менее состоятельных землевладельцев и земледержателей в жертву более состоятельным.

Государственная власть твердо уверена в возможности справиться с этой задачей. *Возникшая экономическая борьба, повидимому, представляется ей временным, случайным отклонением от твердым обычаем регулируемого порядка, характеризующегося господством гармонии интересов, и стоит только принять энергичные меры, временное нарушение этого порядка прекратится, и жизнь опять войдет в случайно оставленную ею колею.* Она поэтому ни на минуту не сомневается в успехе своих полицейских мероприятий, хотя жизнь на каждом шагу дает ей очень серьезные уроки, которые должны бы были навести ее на мысль, что то, что кажется ей случайным отклонением от нормального порядка, в действительности представляет собою едва ли не полное его разрушение и торжество совершенно иного, не менее нормального порядка.

Общины беспрестанно жалуются, что и рабочие и наниматели игнорируют постановления ордоннанса и статутов, а правительство продолжает издавать одно постановление суровее другого, в своем полицейском рвении нередко доходя до настоящих геркулесовых столбов. В самом деле, в то время как

нанимат ели готовы были броситься друг на друга, чтобы вырвать из рук друг у друга рабочих, и действительно не останавливались и перед таким способом приобретения рабочей силы, как это показывают занесенные в судебные протоколы весьма нередкие тогда случаи вооруженных нападений сеньеров на соседние мэноры, предпринимавшихся ими настоящих военных экспедиций с целью захвата рабочих, правительство предписывало своим агентам сажать провинившихся рабочих на целые месяцы в тюрьму, как бы не замечая, что так я кара прямо противоречила той главной цели, которую ставило себе правительство: обеспечить всех нанимателей необходимым для каждого из них количеством рабочих рук.

Основная причина неудачи, которую потерпело правительство в своей рабочей политике, и заключается в том, что оно недостаточно внимательно отнеслось к хозяйственной действительности, не поняло всей сложности тогдашних хозяйственных отношений, приняло характерные проявления нового, уже прочно утвердившегося народно-хозяйственного строя за случайное, поверхностное, легко устранимое отклонение от исконного экономического порядка. Как ни суровы и энергичны были правительственные меры, но они не могли поколебать основ хозяйственной жизни тогдашней Англии, из которых с логической необходимостью вытекали явления и факты, непосредственно вызвавшие собою эти меры.

Это *противоречие между экономическими воззрениями правительства и основными тенденциями тогдашней хозяйственной действительности* должно быть принято во внимание и тогда, когда мы зададимся вопросом, отчего рабочее законодательство явилось такой страшной угрозой для свободы всей рабочей массы, для всех тех, кто жил трудами рук своих, как для вполне свободных элементов рабочей массы, так и для давно уже фактически свободных вилланов, и в чисто феодальную пору далеко не лишенных своих человеческих прав, — то рабочее законодательство, которое, несомненно, было проникнуто самым искренним желанием восстановить нарушенную гармонию интересов, а с тем вместе и нарушенное право и справедливость, воплощенную в регулировавшем хозяйственные отношения обычае, и направляло свои удары в ту сторону, где усматривало такое нарушение, будут ли это рабочие, требующие «чрезмерного» вознаграждения за свой труд, или же наниматели, дающие им такое вознаграждение и тем лишающие других возможности иметь необходимую для них рабочую силу. Навеянные церковью моральные тенденции, ставившие государственную власть на страже добродетели, личной нравственности, не мирившейся с преследованием личностью материальных целей в ущерб своей душе, ее загробному благополучию, не допускавшей заботы о земном в большей мере, чем это необходимо для скромного существования, для удовлетворения самых законных физических и социальных потребностей индивидуума; с другой стороны, тесно связанное с этими тенденциями, выросшее на почве сравнительно несложных хозяйственных отношений живое чутье к действительно законным интересам каждого из членов общества, еще не затемненное осложнениями хозяйственного оборота, превращающего этот последний в нечто, довлеющее себе, имеющее свои как бы особые, не зависящие от блага составляющих общество индивидуумов интересы, то самое чутье, которое так вооружалось в тесной сфере городского хозяйства против всякого рода коммерческих манипуляций представителей местной торговли, направлен-

ных к искусственному повышению цен на счет карманов местных потребителей, — таковы, несомненно, высшие мотивы, которыми руководствовались, может быть, и не вполне сознательно, руководители грозного ордоннанса и статутов, такова социально-этическая философия поистине драконовского рабочего законодательства Эдуарда III и Ричарда II.

Мотивов этих мы не можем отрицать у творцов этих законов — о них говорит каждая строка ордоннанса и статутов. Законы имеют в виду восстановить нарушенную и нарушаемую рабочими и нанимателями социальную справедливость, как ее понимает законодатель, не допускающую, чтобы одни члены общества наносили ущерб законным интересам других. Рабочий преступно оставил обязательную для него, как и для других, стезю добродетели, во вред своей собственной душе и в ущерб законным интересам нанимателей, заставляя их давать ему больше того, что они обязаны были давать ему по всей справедливости. Нужно заставить его, не останавливаясь ни перед какими мерами, опять вернуться на прежний путь. Fiat justitia, pereat mundus! Это изречение могло бы с полным правом служить эпиграфом к рабочему законодательству. Преследуя высшую справедливость, законодательство это приносило ей настоящие человеческие жертвы, в своем слепом рвении не останавливаясь перед лишением всех человеческих прав огромного большинства населения, истинной основы того самого общества, об ограждении законных интересов всех членов которого оно так искренно заботилось. Невольно вспоминаются костры, на которые католическая церковь массами отправляла своих заблудших сынов, радея о высших интересах своих пасомых.

А между тем ни рабочих, ни нанимателей нельзя уже было ввести в сравнительно мало подвижные рамки обычаем определяемых отношений, к каким бы суровым мерам для этого ни прибегали. *С того момента, когда факторы производства — земля, труд и капитал — вышли из той естественной связи, в которой они еще в значительной мере находились в эпоху господства обычаем регулируемых хозяйственных порядков поместья, и более определенно распределились по разным общественным классам, о большей или меньшей неподвижности раз сложившихся отношений, о гармонии раз определившихся интересов, более или менее устойчивой и сравнительно легко восстановляемой при всяком колебании, нельзя уже было и думать: хозяйственная жизнь общества стала складываться совсем иначе, и ни на минуту не прекращавшаяся борьба интересов явилась основной чертой нового хозяйственного строя. Воюя во имя общественной гармонии и социальной справедливости с «злою волею» рабочих, правительство и не подозревало, что оно выступает против целого общественного порядка, в создании которого неповинна была ни злая, ни добрая воля ни рабочих, ни всех других общественных элементов*, и чем упорнее было сопротивление, на которое наталкивались правительственные мероприятия, тем суровее и беспощаднее становились эти последние. Веруя в действительность своих средств в их существе, правительство при виде неудачи лишь увеличивало дозы. Неудачи между тем повторялись с неизменным постоянством, и неудивительно, что и суровость рабочей политики все возрастала, и на рабочую массу страны обрушились все ужасы организованного хронического террора, превратившего рабочего человека в вечно травимого зверя, лишенного защиты и божеских законов, и законов человеческих.

И тем не менее эта попытка правительства навязать действительности свои идеи, от которых она давно уже ушла вперед, поскольку вообще они были формулировкой реальных соотношений, заставить ее в угоду им свернуть с того пути, по которому она двигалась с необходимостью и неуклонностью стихийного процесса, не могла быть успешной. Все административные средства английской государственности не помогли правительству провести в жизнь свои отставшие от жизни идеи и оказались совершенно бессильными перед «коварством и наглостью, низостью и алчностью» рабочих и слуг и противозаконною уступчивостью и попустительством их нанимателей.

Но, «мало или, лучше сказать, вовсе не принеся пользы общинам», рабочие статуты «создали для народа лишнее утеснение». *Не достигнув своей непосредственной цели, рабочая политика английского правительства создала для народа поистине ужасные условия и этим могла только развить в нем самые враждебные чувства ко всем без различия представителям государственного порядка и таким образом подготовить почву для 1381 года.*

V

Обеспечить наемными рабочими всех нанимателей соответственно потребностям каждого из них, — вот основная задача, которую взялось разрешить правительство Эдуарда III. Воодушевленное идеями социальной справедливости, как их понимала средневековая экономическая мысль, развившаяся на церковной почве и вращавшаяся в узком еще кругу хозяйственных отношений, оно в виду указанной, настоятельно поставленной ему жизнью цели пустило в ход обычные средства полицейской регламентации жизненных отношений. *Поставленная цель далеко выходила за пределы прежнего хозяйственного строя: она была порождена всецело новыми народно-хозяйственными условиями. Неудивительно, что, стремясь к ее осуществлению, правительство, и не сознавая, может быть, всей важности того, что оно делало, в своем хозяйственно-уравнительном рвении наносило удар и тем неравенствам, которые составляли самую основу феодального общественного строя, и тем значительно облегчало окончательную победу нового, не-феодального порядка.* В виду все той же народно-хозяйственной задачи правительство, действуя с помощью старых средств, пригодных для урегулирования очень несложных отношений в узком хозяйственном кругу, объявило войну таким явлениям хозяйственной жизни, которые сами представляли собою в такой же мере органический продукт и проявление народно-хозяйственного развития, как и названная задача. Отсюда неудача, постигшая рабочую политику Эдуарда III и Ричарда II. Отсюда же и ее крайняя реакционность, создавшая для рабочей массы такое положение, в каком никогда не находились даже ее несвободные элементы в эпоху господства старого, феодального порядка.

Назвать рабочую политику XIV века реакционной мы, тем не менее, все-таки не имеем права. Она вовсе не имеет в виду возвращения к феодальному строю, превращения в большинстве успевших уже фактически стать свободными вилланов в настоящих вилланов феодальной поры; не стремится она превратить в вилланов и свободных de jure.

Та несвобода, которую эта политика создавала для всего рабочего населения страны, была совсем не тем, чем была феодальная несвобода, и качественно, и количественно. Фактически уже свободный в большинстве виллан не только не возвращался государством под феодальную власть своего сеньера, лорда своего мэнора, но еще более становился свободным от нее, чтобы немедленно же быть отданным в полное распоряжение всех нуждавшихся в его рабочей силе, которую ему было постановлено в обязанность беспрекословно продавать всякому по первому его требованию за принудительно установленную плату. *Наемный рабочий не превращался в виллана. Он продолжал оставаться наемным рабочим, социальной категорией нового, не-феодального, народно-хозяйственного строя. Государство прикрепляло его не к тому или иному землевладельцу, а ко всему землевладельческому классу.* Так что, если в прежнее время достаточно было крепостному человеку перешагнуть пределы своего мэнора, чтобы очутиться на свободе, то теперь ничто уже не могло подобным образом освободить этого нового крепостного, так как он становился под юрисдикцию общего права (common law), в равной мере распространяемую теперь на все пункты территории страны, насколько дело шло о регулировании отношений между рабочими и нанимателями.

Интересы народного хозяйства, развиваясь на счет более или менее в известной мере и в известном смысле замкнутого мэнориального хозяйства, своим естественным последствием в сфере права имели расширение юрисдикции общего права, применявшегося в общегосударственных судебных учреждениях, в королевских судах, за счет права мэнориального, consuetudo manerii, *которому до тех пор был подведомствен виллан.* Рабочее законодательство, как мы видели, делает очень серьезный шаг в этом направлении, т.-е. наносит серьезный удар феодальному строю, поскольку он сохранился в области права. Даже ставя рабочего-виллана в условия совершенно небывалого рабства, рабочее законодательство не идет ни на один шаг назад. *Закрепощение, которому оно его подвергает на ряду с свободными элементами рабочей массы, есть закрепощение народно-хозяйственное, анти-феодальное в полном смысле этого слова.*

Нельзя сказать, чтобы рабочая политика XIV века была вполне последовательна в этом отношении. После того, что уже было сказано о противоречии между навязанными ей жизнью народно-хозяйственными тенденциями и исповедывавшимися ею чисто средневековыми социально-этическими принципами, нас не должно удивлять это обстоятельство. Но вполне сознательно идя навстречу потребности народно-хозяйственного развития в свободно передвигающейся или передвигаемой рабочей силе и в соответствии с этим ломая юридические перегородки, когда-то естественные границы в известной мере самодовлевших хозяйственных территорий, а теперь крайне стеснительные тормазы широко раскинувшейся хозяйственной жизни, рабочее законодательство в то же время само ставит препятствия свободному передвижению рабочей силы, запрещая рабочему уходить в страдную пору на заработки из своей деревни, если он может найти работу и здесь. Это все та же попытка остановить народно-хозяйственный оборот, те его проявления, которые представлялись правительству нарушением признававшихся им единственно справедливыми социально-этических принципов. Но то, что было правдой прежде, стало теперь жестокой неправдой и тяжким насилием.

Но, и прикрепляя таким образом рабочего к данному мэнору, законодательство все-таки не делало его и в этом случае вилланом, т.-е. не возвращало его, если он был homo conditionis servilis, во власть лорда мэнора, от которой он давно уже во многом фактически освободился, и не лишало его в пользу лорда мэнора принадлежавшей ему по праву свободы, если это был homo liberae conditionis. И в этом случае законодательство имело в виду интересы не лорда мэнора, а всех нанимателей данной деревни; наемный рабочий и в этом случае продолжал оставаться наемным рабочим, социальной категорией нового, не-феодального, народно-хозяйственного строя; о попятном движении в точном смысле этого слова, о возвращении к феодальному режиму и в этом случае не может быть и речи; и несвобода, прикреплявшая таким образом к месту своего жительства наемного рабочего, была не феодальная несвобода. *Прикреплялся он с целью ослабить, если не вовсе прекратить, конкуренцию из-за наемных рабочих рук между нанимателями и таким путем оградить интересы тех землевладельцев, которые являлись жертвами этой экономической борьбы, т.-е. прежде всего и главным образом разных категорий арендаторов средней руки и таких же держателей по феодальному праву,— словом, представителей той «общины, которая живет выручкой с своих земельных участков и не имеет сеньерий и вилланов, которые бы служили ей». В конце концов в интересах именно этих элементов земледельческого класса и были изданы ордоннанс 1349 года и все следовавшие за ним и дополнявшие его законодательные мероприятия; все эти меры имели в виду защитить именно эти социальные элементы от «коварства и наглости, низости и алчности» рабочих и от конкуренции более сильных экономически светских и духовных «владетелей деревень или мэноров» на поприще добывания рабочей силы.*

Не пытаясь ни в чем изменить данный хозяйственный строй общества, отправляясь от него, как от факта, не вызывающего никакой критики, рабочее законодательство задается целью лишь видоизменить его функционирование; оно хотело бы лишь так направить деятельность данного хозяйственного механизма, чтобы он, оставаясь самим собою, в то же время давал такие же результаты, какие в той или иной мере обеспечивались прежней хозяйственной системой. Пытаясь восстановить гармонию хозяйственных интересов, сравнительно легко достижимую в узких рамках мэнориального хозяйства, рабочее законодательство и не помышляет о том, чтобы восстановить самый этот хозяйственный строй и соответствующий ему строй социальный: от начала и до конца оно проникнуто характером паллиатива.

VI

Совсем иной характер имела другая попытка воздействовать на хозяйственную действительность, как она сложилась после Черной смерти. Мы имеем в виду связанную с неудачей рабочей политики правительства *феодальную реакцию*, наблюдаемую среди сеньеров попытку возможно полнее использовать свои феодальные права в отношении к вилланам, не останавливаясь и перед мыслью вернуться к переведенной уже на деньги барщине вилланов.

Вопрос этот очень занимал историков, изучавших возстание 1381 года. Впервые он был поставлен и в очень категорической форме решен известным

историком-экономистом, профессором Соролдом Роджерсом, автором капитальной и многотомной «Истории земледелия и цен в Англии», «Шести столетий труда и заработной платы», «Экономического истолкования истории» и др. сочинений [27]. По мнению Роджерса, к половине четырнадцатого века службы вилланов *повсеместно* были заменены денежными платежами, и вилланство, как его определяли юридические трактаты, исчезло, лорды мэноров стали вести свое барское хозяйство при помощи вольнонаемных рабочих, и им грозила опасность подвергаться всем случайностям спроса и предложения рабочей силы. Черная смерть, унесшая от одной трети до половины всего населения Англии, чрезмерно подняла цены на труд и поставила землевладельцев в чрезвычайно затруднительное положение, из которого их не вывели законодательные меры призванного ими на помощь правительства; правительство оказалось бессильным остановить повышение цен на труд, и цены в общем поднялись на 50%. При таких условиях вести самостоятельное барское хозяйство лорды мэноров не были в состоянии, тем более, что доход их с земледелия в том виде, в каком оно издавна велось ими, был крайне мал, и малейшее изменение в условиях хозяйственной жизни, хоть сколько-нибудь заметным образом увеличивавшее стоимость производства, неминуемо должно было повести к полному изменению всего характера сеньериального хозяйства. Сеньерам оставалось лишь перейти к арендной системе, и они к ней и переходят, сначала сдавая землю вместе со всем хозяйственным инвентарем, а потом — на обыкновенных арендных условиях.

Но они не сразу переходят к арендной системе, а сначала прибегают еще к одному средству воздействовать на хозяйственную действительность. Они делают попытку денежные платежи вилланов опять заменить барщиной. «Отчаявшись законодательным путем вернуть заработную плату к прежнему уровню, лорды сделали попытку вошедшие уже в обычай денежные платежи насильственным путем опять заменить барщиной («to reverse the customary commutations of money for labour by force»). На совершенно революционный шаг («the act... really revolutionary») вилланы ответили грозным восстанием 1381 года. Роджерс «не может объяснить взрыв ничем другим, кроме попытки со стороны обычных держателей отстоять свое право на денежную замену служб против угрожавшего им нарушения обычая» [28].

Взгляд Роджерса встретил сочувствие в ученом кругу. К нему присоединились: Эрвин Нассе, автор прекрасной монографии об аграрном развитии Англии, вышедшей в 1869 г. (*Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des Sechszehnten Jahrhunderts in England* von Erwin Nasse. Bonn 1869) [29], признавший предположение Роджерса «само по себе весьма вероятным» и находящий, что «в интересах помещиков было сделать упомянутую попытку»; Охенковский, автор вышедшей в 1879 году очень талантливой книги о *Хозяйственном развитии Англии на исходе средних веков* [30], более строго и более глубоко формулирующий взгляд Роджерса на ход хозяйственной эволюции средневековой Англии, всецело принимающий его теорию о реакционной попытке сеньеров и, с своей стороны, старающийся обосновать ее более конкретными аргументами; Кеннингэм, автор книги *Рост английской промышленности и торговли*, вышедшей в 1890 году [31], сильно смягчающий категоричность утверждений Роджерса о процессе коммутации, признающий в этом отношении «крайне разнообразным положение вилланов перед восстанием», но вполне

определенно заявляющий, что после Черной смерти в интересах сеньера было во всех случаях, где только было возможно, получить натуральные повинности (actual service) от вилланов, что «строгое требование старых служб, которые теперь приобрели гораздо большую ценность (чем прежде), могло казаться угнетением даже для тех вилланов, которые по обычаю еще отправляли натуральные службы, а таких было много», что «более обиженными почувствовали себя те, кто в силу обычая или большей или меньшей давности платил небольшие денежные взносы вместо всех или некоторой части натуральных служб... если была сделана попытка вернуться назад от этого обычая», и что «затруднения лордов мэноров возобновлялись отчасти с каждым следующим посещением моровой язвы, и принуждение вилланов отбывать натуральные службы становилось более суровым, пока, наконец, не привело к общему взрыву в 1381 году» [32]. Не вызывает сомнений мысль Роджерса о попытке сеньеров «вернуться к своим домениальным правам над вилланами» и у Стэббса, знаменитого автора классической *Конституционной истории Англии* [33].

Не отрицает возможности попытки со стороны сеньеров вернуться к барщине вилланов там, где она уже была переведена на деньги, и Petit-Dutaillis, издавший незаконченную работу своего умершего друга André Réville о восстании 1381 года и снабдивший ее обширным «историческим введением», в сущности представляющим собою обстоятельное исследование о восстании на основании материала документов и заметок, оставшихся в портфелях его друга, дополненного собственными изысканиями [34]. Он вовсе не безусловный противник Роджерса. Он только вооружается против крайности и односторонности его утверждений. Неправ Роджерс, заявляющий, что ко второй половине XIV века только очень немногие из державших вилланские держания исполняли натуральные повинности своим сеньерам, и что почти все они уже платили им деньги. Перевод барщины вилланов на денежные платежи еще только начинался к этому времени. Чтобы выпутаться из затруднений, созданных Черной смертью и вызванным ею хозяйственным кризисом, землевладельцы не пренебрегали ничем. «Некоторые из них могли, как это предполагает Роджерс, восстановить и барщину (les corvées effectives); те же, которые еще не уничтожили ее, имели в своем распоряжении много других средств вызвать к себе ненависть: они стали требовать пунктуального выполнения обязанности делать в пользу сеньера всякого рода взносы и меньше, чем когда-либо, стеснялись пользоваться своей мэнориальной юрисдикцией с целью взимания прибыльных штрафов» [35].

Решительным противником теории Роджерса является американец Пэдж, выступивший против нее сначала в своей немецкой диссертации о *Превращении натуральных повинностей в денежные платежи в восточных, центральных и южных графствах Англии* [36], а потом и в ее английской переработке — *The End of Villainage in England* (1900). На основании изучения целой массы Ministers' Accounts в лондонском Государственном Архиве (Public Record Office), в архиве собора св. Павла в Лондоне и в Бодлеевской библиотеке в Оксфорде и большого количества Court Rolls (протоколов поместных собраний) Пэдж пришел к выводу, что попытки вернуться к выкупленной уже барщине вилланов не было и не могло быть.

Пэдж находит, что не следует преувеличивать успехи денежного хозяйства в Англии до Черной смерти. Тем не менее оказывается, что, «как общее

правило, уже перед Черной смертью Spanndienste вилланов (под которыми Пэдж разумеет всякого рода повинности, на которые виллан выходил со своей упряжкой, как возделывание и уборку барского поля, так и перевозочные повинности, так назыв. averagia) были заменены наемной работой» и если еще встречались среди повинностей вилланов, то лишь в виде нескольких дней в году работы «по просьбе» [37]; медленнее совершался процесс замены деньгами всякого рода ручных работ на сеньера (manuoperaciones, Handdienste), так что «за одно поколение до чумы Handdienste вилланов в мэнорах, о которых мы имеем относящиеся к этому времени документы, как общее правило, еще должны были отбываться натурой».

Сильный толчок развитию денежного хозяйства дала Черная смерть, уменьшив население на добрую половину, но оставив то же количество наличных капиталов и средств обмена, и переход от старой хозяйственной системы к новой во всех областях жизни пошел более быстрым темпом.

Черная смерть поставила перед лордом мэнора две проблемы: 1) что делать с выморочными вилланскими держаниями, и 2) как обрабатывать свою барскую землю при очень сильном уменьшении барщины и при очень сильном увеличении заработной платы наемных рабочих.

Для разрешения первой задачи лорды мэноров стали принуждать брать выморочные участки тех вилланов, которые остались в живых. Но таким способом им едва ли удалось сдать много выморочной земли, потому что те вилланы, у которых уже были участки, едва справлялись теперь и с ними (и в семье каждого из них мог стать жертвой чумы не один работник), а заставить брать их безземельных вилланов не так-то теперь было легко. Легче было сдать землю свободным людям, занимавшимся до сих пор работой по найму. И они охотно брали землю, но требовали льготных условий и прежде всего замены деньгами лежавших на земле натуральных повинностей, и лордам оставалось лишь соглашаться на эти условия. Но и таким способом им удавалось сбыть с рук далеко не все выморочные вилланские наделы. В общем задача эта была разрешена лордами мэноров неудовлетворительно. Им не удалось возместить причиненную Черной смертью убыль в необходимом для их барского хозяйства количестве крепостного труда.

А тут еще оставшиеся в живых вилланы-держатели, обессиленные смертью членов своих семей, уже не могли справиться и со своим хозяйством и тем более не были в состоянии отбывать следуемые с их земли натуральные повинности и поэтому оставляли свои участки, и, чтобы удержать их, лорды переводили эти их повинности на денежные платежи, а на время и вовсе отказывались от всяких платежей с них. Переводить на деньги — и иногда очень небольшие — вилланские повинности приходилось лордам и по другой причине, а именно, чтобы удержать вилланов от ухода в вольнонаемные рабочие, положение которых стало так выгодно после чумы. Убыль в необходимом для барского хозяйство крепостном труде оставалось, таким образом, возмещать наемным трудом, если сеньеры не хотели сокращать или вовсе бросать свое хозяйство. А между тем после Черной смерти наемный труд вздорожал на 50%, и рабочее законодательство «не привело к цели». В конце концов лордам мэноров пришлось перейти к скотоводству, и переход этот, в сущности, уже начался вскоре после Черной смерти, так как цены на шерсть были очень высоки. Не имея уже теперь потребности в земледельческом

труде своих вилланов, лорды и сами теперь охотно переводили его на денежные ренты.

Таким образом, Черная смерть не привела к усилению барщины, а дала совершенно противоположные результаты: после Черной смерти процесс коммутации пошел ускоренным темпом. «Вместо усиления барщины произошло облегчение служб, и быстро совершался выкуп их» [38].

Автор иллюстрирует свои мысли рядом статистических таблиц, из которых, например, явствует, что за тридцать лет, следовавших после чумы (1350—1380), из 55 мэноров ни в одном не произошло увеличения вилланской барщины сравнительно с периодом между 1325 и 1350 годами, в 10 мэнорах вилланы совсем не несут барщины, в 13 количество ее незначительно, в 15 вилланы дают около половины необходимого для барского хозяйства труда и только в 17 мэнорах они фактически исполняют всю работу на домэне за исключением большинства Spanndienste [39].

Статистические данные, приводимые Пэджем, и его соображения, опирающиеся на очень и очень внушительное количество изученного им архивного материала, заслуживают полного внимания; но, чтобы установить вполне определенное отношение к формулированным им заключениям, необходимо предварительно систематически рассмотреть имеющиеся в наших источниках данные, позволяющие говорить о реакционном течении в английском обществе во второй половине XIV века и ставить его в связь с хозяйственным кризисом этой эпохи.

VII

У хроникера-компилятора XVI столетия Голиншеда мы находим такое место: «Общины королевства, поднявшие сильный ропот не только из-за поголовной подати («the pole grotes»), которую с них потребовали... но также (как пишут некоторые) вследствие того, что они были очень угнетены (так они смотрели на дело) своими лордами, которые *потребовали с них старых повинностей и служб* («demanded of them their ancient customes and services»)..., восстали в разных частях этого королевства и собрались в отряды, намереваясь заставить государя сделать их свободными и освободить их от всякого рабства («of all servitude»), благодаря которому они были крепостными («as bondmen») для своих лордов» [40]...

Противникам теории Роджерса следовало обесценить это свидетельство; но они просто игнорировали его, не представив для этого решительно никаких оправданий. А между тем это очень важное свидетельство, с которым прежде всего им нужно было серьезно посчитаться. При свете его получает конкретный смысл не менее категорическое заявление Уиклиффа (в его английском трактате *Of Servants and Lords* написанном вскоре после восстания 1381 года), что «*лорды стремились обратить своих держателей в рабство, большее, чем то, в каком они должны были находиться согласно разуму и милосердию*, чем была вызвана борьба и неурядица в стране» («also stryues, contekis and debatis ben used in oure lond, for *lordis stryuen with here tenauntis to brynge hem in thraldom more than thei schulden bi reson and charite*») [41].

На ряду с этим свидетельством современника восстания следует поставить слова другого современника, автора *Chronicon Angliae*. Разбирая мнения

о причинах восстания 1381 года («Opiniones cur haec mala acciderunt»), сент-албанский монах приводит и мнение тех, которые объясняют восстание прегрешениями сеньеров; среди этих прегрешений указывается и на следующее: «Кроме того, *они были тиранами в отношении к своим подданным*» («erant praeterea in subditos tyranni») [42].

Может быть, не будет натяжкой сопоставить со словами Уиклиффа еще одно современное свидетельство. У Чоусера в его *Кентербэрийских рассказах* («The Canterbury Tales») есть «Рассказ приходского священника» («The Persones Tale)», представляющий собою прозаический богословский трактат о покаянии и семи смертных грехах. В нем под рубрикой *De Avaritia* мы читаем, между прочим, следующее: «И благодаря этому проклятому греху корыстолюбия и алчности и являются эти жестокие власти, угнетающие людей поборами, барщинами и подводными повинностями более, чем велит долг и разум; и, кроме того, они берут с своих крепостных штрафы, что с большим основанием можно было бы назвать вымогательством, чем штрафованием» («and thurgh this cursed sinne of avarice and covetise cometh thise hard lordships, thurgh which men ben distreined by tallages, customes, and cariages, more than hir dutee or reson is: and eke take they of hir bondmen amercementes, which might more resonably be called extortions than amercementes») [43].

Едва ли иной смысл имеет и известие Найтона, что на Майл-Энде восставшие крестьяне «жаловались королю, что они *тяжко угнетены многократно усиленным и невыносимым рабством* и притеснением и не могут и не желают дольше терпеть это» («conquesti sunt regi se *multiplici et intolerabili servitute et vexatione graviter oppressos*, nec posse nec velle ulterius sustinere»), и «король... по их просьбе выдал им грамоту за большой печатью, чтобы все люди в королевстве Англии были свободны и свободного состояния и были избавлены от всякого ига рабства и вилланства, сами и их наследники на вечные времена» [44]. «Эти негодяи, — пишет в своих *Хрониках* певец и идеолог «благородных», Фруассар, — стали подниматься *из-за того, что их, как они говорили, держали в слишком большом рабстве*» («ches meschans gens se commenchierent a eslever *pour che qe il dissoient que on les tenoit en trop grande servitude*») [45].

Находят ли эти общие свидетельства какое-либо подтверждение в конкретных данных источников?

Противники теории Роджерса, как мы только что видели, очень выдвигают уступчивость лордов мэноров после Черной смерти, их готовность не только переводить на деньги барщину вилланов, но, на первых, по крайней мере, порах, и вовсе ничего не требовать с них, лишь бы удержать их на месте, не дать им уйти в рабочие. Пэдж констатирует и объективные результаты этого настроения лордов в виде цифровых данных успехов, сделанных процессом коммутации между 1349 и 1381 годами. Мы, конечно, не можем отрицать этих данных, но думаем, что не следует упускать из виду и другого рода данных, рисующих другую сторону картины хозяйственных отношений в английском обществе после Черной смерти. Сам Пэдж указывает на такой, например, факт, как принуждение лордами вилланов брать землю, оставшуюся у лордов на руках после смерти держателей ее. Право на это лорд имел, но перед чумою он, по словам Пэджа, «повидимому, сравнительно редко осуществлял его»; «теперь же им стали пользоваться очень часто» [46].

В протоколах сеньериальных курий (Court Rolls) нам пришлось встретиться с немалым количеством случаев подобного рода, и некоторые из них крайне характерны во многих отношениях. Особенно интересен в этом смысле протокол одной курии в Эссексе (Waltham'ской курии).

В среду, в день св. Мартина епископа, в 30-й год царствования Эдуарда III, в Уотлэмской курии сделано было представление («homagium presentat»), что Уолтер, сын Уильяма Parker, Адам Adam, Уильям Balle, Джоффри Lambhierde, Джон King, Уильям Blacche, Уильям Blacche, брат Джона Blacche, и Джон Canel младший — «вилланы сеньера и могут по своим силам и средствам взять и держать виллапские держания («sunt natiui domini et potentes tam in corpore quam in catallis accipere et tenere tenementa natiua»). И потому было сделано распоряжение всех их позвать в ближайшее воскресенье к сенешалу («ideo preceptum est ipsos omnes attachiare etc contra diem dominicam proxim. sequent' coram sen'»). Также и Ричард Lenegor силен и богат («est potens et dives»), а также Джон Gybelot и Джон Brid младший. Всех их велено позвать, а также Уильяма Russel».

Распоряжение это было приведено в исполнение, и в том же протоколе мы находим подробную запись того, как восемь из названных лиц явились в курию и взяли у лорда вилланские участки. Виллан Джон King взял половину виргаты земли, называвшейся Sawynesyerd, в держание себе и своему потомству («sibi et *sequele sue*») по воле лорда («ad voluntatem domini»), без нарушения чьих бы то ни было прав («saluo iure cuiuslibet»), за старинные платежи и службы, следуемые с нее по обычаю («per *antiqua* redditus et servicia inde debita et consueta»), принес клятву верности, обязываясь уплачивать в этом году 16 шилл. («et fecit fidelitatem domino faciend' inde hoc anno XVI s.»), а после праздника св. Михаила он будет исполнять все *работы* и нести все обычные повинности («et post festum sancti Michaelis faciet omnia opera et consuetudines»). Виллан Джон Parker взял тоже полвиргаты вилланской земли (terre natiue), называвшейся Swetynges, в держание себе и своему потомству («tenend' sibi et sequele sue») «ad voluntatem domini saluo iure cuiuslibet» за 16 шилл. вместо всех служб и обычных повинностей в течение этого года («faciendo inde hoc anno XVI s. pro omnibus serviciis et consuetudinibus»). А после праздника св. Михаила он будет исполнять все *работы* и службы, которые прежде следовали с этой земли («et post festum sancti Michaelis faciet *omnia opera* et servicia inde prius debita»). Принес он клятву верности и ничего не дал в виде пошлины за ввод во владение, потому что (взял землю) против своей воли («et nichil dat de fine quia contra voluntatem suam»). На таких же условиях взяли по полвиргаты вилланской земли еще четыре человека из названных выше вилланов: все они собираются держать эти участки «sibi et sequele sue ad voluntatem domini secundum» (в одном случае iuxta) «consuetudinem manerii salvo iure cuiuslibet», уплачивая первый год по 16 шилл. «pro omnibus servitiis et consuetudinibus», а после праздника св. Михаила обязываясь исполнять все работы (omnia opera) и обычные повинности (consuetudines или servicia); все они освобождены от пошлины за ввод во владение («et nichil dat domino de fine pro ingressu habendo quia illam cepit contra voluntatem suam»). Виллан Джон Gibelot взял тоже полвиргаты вилланской земли в держание себе и своему потомству («et sequele sue»); но о нем не сказано, что в этом году он будет давать сеньеру только деньги вместо

всяких служб. Он просто будет держать эту землю наследственно за старые повинности («tenend' eidem Johanni et sequele sue ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii saluo iure cujuslibet per *antiqua opera* et servicia inde debita de *iure*»); и он «принес клятву верности лорду и ничего не дает в виде пошлины за ввод во владение, ибо взял ее против своей воли» («fecit fidelitatem domino et nichil dat de fine pro ingressu habendo quia illam cepit contra voluntatem suam»). Виллан Ричард Lenegor взял у лорда три четверти виргаты вилланской земли («tria quarteria terre natiue cum pertinenciis») в держание себе и своему потомству («sequele sue») «ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii saluo iure cuiuslibet» (на воле лорда по обычаю мэнора без нарушения чьих-либо прав), уплачивая за нее только в этом году 24 шилл. вместо всех служб и обычных повинностей («reddendo inde hoc anno tantum XXIIII s. pro omnibus serviciis et consuetudinibus»), а после праздника св. Михаила впредь всегда будет исполнять все работы и службы, следуемые с нее по обычаю («et post festum sancti Michaelis faciet omnia *opera* et servicia inde debita et consueta imperpetuum»); приносит клятву верности и ничего не дает за ввод во владение, так как берет землю против воли («et nichil dat pro ingressu habendo quia illam cepit contra voluntatem suam») [47].

В свое время и совсем в другой связи [48] нам уже приходилось указывать на одну черту во всех приведенных случаях, именно на освобождение всех этих вилланов от платы за ввод во владение («finis pro ingressu habendo») отданными им вилланскими участками *на том основании, что они взяли участки против своей воли* («quia illam cepit contra voluntatem suam»). Мы приводили тогда эту мотивировку в качестве крайне любопытного факта, рисующего положение виллана с таких сторон, с каких игнорировало его общее право страны и с каких он не в достаточной мере знаком и исторической науке. Мотивировка эта любопытна для нас и теперь. Принуждая вилланов брать вилланскую землю «против их воли», мэнориальная курия вполне, таким образом, сознает, что этим она посягает на права вилланов, если и неизвестные судам и судьям королевским, то от этого не менее бесспорные в пределах юрисдикции мэнориального обычая, и считает нужным хоть чем-нибудь возместить этот ущерб, освобождая для этого вилланов от платы за ввод во владение насильно навязываемыми им вилланскими участками. Если сама курия так смотрела на дело, то как же должны были относиться к таким фактам виллаы, да к тому же еще состоятельные вилланы (о двух из них прямо сказано, что они богаты (dives), наверное, давно отвыкшие от подневольной работы в поместной экономии и весьма недурно воспользовавшиеся наступившими с Черною смертью благоприятными для наемного труда условиями (об одном из них прямо сказано, что он «in servicio domini», т.-е. работает по найму у самого лорда мэнора; ничто, впрочем, не мешает нам предположить, что это «qui in servicio domini», стоящее непосредственно после имени Джона King, относится не к нему одному, а и к четырем другим)? Освобождение от платы за ввод во владение едва ли могло возместить в их глазах тот ущерб, который они несли теперь, превращаясь из только по имени крепостных, а, в сущности, вполне свободно располагавших своими силами и своею судьбою людей, в настоящих барщинников, обязанных нести все antiqua opera et servicia за землю, на которую их насильно посадили. Только первый год с них будут брать одни лишь деньги вместо этих служб. Хотя

это деньги весьма немалые (16 шилл. за полвиргаты, это — очень большая по тому времени арендная плата), тем не менее гораздо более ценен для сеньера был самый труд нового держателя, потому что, несомненно, рыночная цена этого труда была гораздо выше этих денег, да и достать его на рынке было чрезвычайно трудно. Но как раз постольку, поскольку для сеньера было выгодно посадить своего номинального, в сущности, виллана на барщину, постольку это было невыгодно и тяжело для этого виллана, до сих пор свободно распоряжавшегося собою и, не взирая на громы рабочего статута, успешно эксплоатировавшего благоприятно сложившиеся для свободного труда хозяйственные условия.

Нам кажется весьма выразительным прилагательное *antiquus* в соединении с словом opera: едва ли может быть сомнение, что *antiqua* opera et servitia — барщина в чистом, так сказать, виде, в каком она практиковалась еще в старину, до коммутации. Для сеньера сдача земли в держание вилланам только тот смысл и имела теперь, что обеспечивала труд, необходимый для его собственного хозяйства; естественно было для него поэтому, отдавая выморочные вилланские держания (а о них здесь и идет речь) новым держателям-вилланам, требовать с них барщину, которая искони лежала на этих участках, но ко времени Черной смерти, если не целиком, то в той или иной мере могла быть уже переведена на деньги или окончательно, или условно [49]; вполне свободного человека трудно было привлечь на такую землю (хотя вполне возможно было и это, в случае, если такому арендатору почему-либо было выгодно его положение, например, если он имел в виду избавиться таким образом от уз рабочего законодательства, стеснявших его свободу как рабочего); в отношении же к вилланам сеньер продолжал сохранять все свои права и имел, в частности, юридическую возможность насильно посадить их на тяглую землю.

В Court Rolls мы встречаем за время после Черной смерти очень много случаев требования сеньерами своих вилланов, живущих за пределами мэнора, и в некоторых случаях довольно определенно указана цель, для какой их требуют. Вилланов этих сеньер имеет в виду посадить на землю, чтобы с помощью их крепостного труда обрабатывать свой домэн: их зовут «ad recipiendum et faciendum quod iustum fuerit» (для получения и исполнения того, что было бы справедливо); только как держателя вилланской земли мог лорд эксплоатировать своего виллана натурально-хозяйственным способом; только посадив его на вилланский участок, он мог требовать с него барщины, да и то пропорционально величине этого участка. В большинстве случаев, если не всегда, речь идет, несомненно, о вилланах, до тех пор не державших земли, в сущности лишь номинально находившихся под властью сеньера (в одном случае мы так прямо и читаем: «Rogerus mose *qui dicitur natiuus domini* invenit securitatem... ad essendum ad proximam Curiam ad faciendum et recipiendum id quod justum fuerit») (Роджер Мосе, который именуется вилланом сеньера, представляет поручительство, что явится в ближайшую курию для исполнения и получения того, что было бы справедливо) [50]. Иногда эти вилланы, проживая за пределами мэнора, могли обзавестись там держаниями, и сеньер не только требовал возвращения их под свою юрисдикцию, но и приказывал конфисковать в свою пользу эти держания их, а также и их движимость, «как держание и движимость, принадлежащие

сеньеру по закону страны, а также согласно обычаю крепостничества» («tanquam tenementa et catalla domini secundum legem terre et similiter juxta consuetudinem de bondagio») [51].

В изучавшихся нами сериях мэнориальных протоколов таких ссылок на права сеньера до Черной смерти не встречалось. Это очень характерно. До сих пор жизнь внутри мэнора текла в рамках всеми молчаливо признаваемого обычая, согласовавшего, насколько было возможно, интересы сеньера и крестьян. Сеньеру не было надобности напоминать крестьянам о своих сеньериальных правах, тем более о таких, которые шли совершенно в разрез с обычаем закрепленным modus vivendi, которые знало лишь общее право, право королевских судов и ученых юристов, но которые были совершенно чужды правовому сознанию членов мэнориальной курии, т.-е. всего мэнориального населения, и обычно-правовому порядку, господствовавшему на мэнориальной территории, как это мы видели в одной из предшествующих глав. Таким образом, сеньер, который, по теории Пэджа, должен был быть после Черной смерти особенно предупредительным к своим вилланам, как раз именно теперь применяет к ним юридические принципы, которые представляли собою самое крайнее выражение теории, стремившейся истолковать отношения между сеньером и вилланами в терминах римского права, с его безусловной властью господина над личностью и имуществом его раба.

Это напоминание о своем праве со стороны сеньера, это учащенное упоминание о праве вообще, эти постоянные расследования о праве, на котором тот или иной держатель держит свой участок, это настойчивое выставление сеньером своих прав и сомнение в правах других — черта, очень характерная для мэнориальной жизни после Черной смерти. Мы только и слышим, что о приказах арестовать и доставить в мэнор живущих за пределами его вилланов «ad faciendum id quod de iure debet» (для выполнения того, что он должен по праву) [52], привести в курию того или иного держателя «ad ostendendum quo titulo tenet или quo titulo occupat» (чтобы показать, на каком праве он держит или на каком праве занимает) такой-то участок земли [53], арестовать и доставить в мэнор вилана, живущего на стороне в качестве плотника [54], арестовать и подвергнуть штрафу вилланов, выучившихся портняжному или сапожному ремеслу («qui erudivit artificium cissoris» или «qui eruditit artificium sutoris») без разрешения лорда («quia hoc fecerunt sine licencia domini») [55] (между тем как прежде нам ни разу не приходилось слышать о таком разрешении и о необходимости его).

Стремление всякое право виллана поставить под сомнение, во все подробности жизни мэнора и каждого из его обитателей вносить элемент розыска прямо, можно сказать, поражает нас при чтении Court Rolls за время от Черной смерти до восстания Уота Тайлера. Представители мэнориальной администрации как-то сразу проникаются скептицизмом и просто отрицательным отношением к тем самым обычным нормам, которые до этого времени всецело определяли весь круговорот жизни мэнориальной группы и их собственную роль в ней и не вызывали в них ни тени сомнения, и вилланам иногда приходится коллективно выступать в защиту юридической непререкаемости той или иной нормы.

В мэноре Alta Estre (в Эссексе) с незапамятных времен существовал такой обычай: больной виллан мог передавать свою землю третьему лицу не непре-

менно в мэнориальной курии, куда он не был в состоянии явиться вследствие болезни; обряд передачи он мог совершить у себя на дому через руки старосты или бэйлиффа, который уже сам передавал землю в руки сеньера ad opus alicujus adquirentis. И вот, в понедельник, ближайший после Вознесения, на 25-м году царствования Эдуарда III, в курию этого мэнора явился бидль (bedelus domini) Томас Boloyere, «которому Джофри Poynant, тяжко больной, но находившийся в здравом уме и твердой памяти («in sua magna egritudine tamen sanus mente»), передал, согласно обычаю мэнора, как он утверждал, три четверти обычной земли с принадлежностями» («secundum consuetudinem manerii ut dicit reddit tria quarteria terre custumarie cum suis pertinentiis»). Здесь, в курии, Томас, «с своей стороны, передал в руки сеньера («sursum reddit in manus domini») названные три четверти земли со всеми ее принадлежностями так же добросовестно, как и взял се у названного Джофри («adeo integre prout illa ceperat de predicto Galfrido»), для Джона Poynant, виллана» («ad opus Johannis Poynant natiui»). Этому Джону и была здесь передана сейзина на эту землю, которую он получал в наследственное держание на вилланском праве («tenend' prefato Johanni heredibus et assignatis suis ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii per servicia inde debita et consueta»); он принес вилланскую клятву верности («qui fecit fidelitatem ad modum natiui») и внес пошлину за ввод во владение. Все, казалось бы, было кончено, все было соблюдено, чего требовал мэнориальный обычай, и Джону оставалось только фактически вступить в права владельца полученных им трех четвертей виргаты и приняться за хозяйство со спокойной уверенностью в бесспорности своего владения. Так оно, наверное, и было бы в прежние, спокойные времена.

Не то было теперь. Теперь виллан не мог быть вполне уверенным в завтрашнем дне, и самые, казалось бы, незыблемые, веками освященные основы, на которых зиждилось его хозяйственное и социальное положение, зашатались. К немалому, должно быть, изумлению и еще большему раздражению вполне законно вступившего во все свои законные права виллана Джона Poynant, председательствовавший в курии сенешал лорда мэнора вдруг, когда все уже было кончено, запротестовал, заявив, что считает незаконным и потому не имеющим юридической силы совершенный перед ним и не остановленный им ни в начале, ни на средине юридический акт. «И так как, — читаем мы непосредственно за изложенным, — сенешалу курии кажется (videtur), что держатель, держащий ad voluntatem domini, не может таким способом распоряжаться своими держаниями или совершать каким-либо образом передачу или мену их («se dimittere de terris et tenementis suis aut aliquam reddicionem seu mutacionem inde quouismodo facere») без разрешения лорда, и происходит это в полном собрании курии («et hoc in plena Curia»), то поэтому вышесказанная передача не считается законным актом со стороны вышеназванного Томаса, т.-е. признается недействительной («predicta reddicio facta prefato Thome non allocatur videlicet pro nullo tenetur»). В силу этого сделано было распоряжение всю вышепомянутую землю взять в руки сеньера как держание конфискованное («ideo precептum est totam terram predictam seisire in manus domini tanquam tenementa forisfacta et de exit' respondere»). И тотчас же явилась община деревни Alta Estre («et statim venit communitas ville de Alta Estre»), равно как и община деревни Waltham, и заявили, что обычай есть

в каждой из этих деревень, и они применяют его с незапамятных времен («a tempore quo non exstat memoria») без чьих бы то ни было возражений («absque aliqua contradictione»), что каждый виллан лорда (nativus domini) и каждый держатель, держащий от сеньера на вилланском праве («et quicunque tenens in bondagio»), будучи больным и немощным и не будучи в состоянии из-за своей болезни прийти в курию сеньера, чтобы передать обратно свое держание («ad sursum reddendum tenementum suum»), вполне может передать в руки старосты или бидля названных деревень держание свое или его часть по своей воле («pro voluntate sua») в присутствии четырех или шести своих пэров («in presencia IIII-or vel VI parium suorum»); так что уже сам староста или бидль в ближайшем заседании курии передает это держание в руки лорда для того, кому его следует получить («sursum reddat illud tenementum in manus domini ad opus perquirentis»). И они внесли пошлину, чтобы произведено было расследование, есть ли это их обычай или же нет» («et dant de fine ad inquirendum si hec sit eorum consuetudo vel ne»). Двенадцать человек произвели расследование, которое и подтвердило вполне заявление общин. Джон Poynant получил полное признание своих прав на переданную согласно обычаю землю, а лорд мэнора — лишних 6 шилл. и 8 пенсов (далеко не маленькая по тогдашнему сумма) за разрешение произвести расследование об этом обычае [56]. Едва ли будет преувеличением сказать, что из-за этих 6 шилл. и 8 пенс. и вся эта история возникла. Скептицизм лорда и его министериалов носил явно фискальную окраску.

Мы видим, таким образом, что мэнориальная администрация не обнаруживает по отношению к вилланам той предупредительности, о которой говорит в своей книге Пэдж. Даже простой осторожности мы у нее не замечаем. Она ни перед чем не останавливается и, в частности, перед мыслью посадить на барщину таких вилланов, которые и вовсе, в сущности, никаких повинностей перед этим не несли, так как вовсе не были держателями, навязав им выморочные вилланские участки, которые давно уже успели выкупить, если не все, то, наверное, весьма значительную часть лежавших когда-то на них служб и повинностей («antiqua opera et servicia»). Мало того. От ее ноползновений не были гарантированы и свободные держатели: и их они иногда пытались превратить в вилланов с несомненной целью посадить на барщину.

«Заявлено было Джону Wenstok и Джоффри Wenstok, — читаем в протоколе все той же Уолтэмской курии от 42 года царствования Эдуарда III, — что они — вилланы лорда, принадлежащие к его мэнору Waltham» («impositum est Johanni Wenstok et Galfrido Wenstok quod sunt nativi domini ut de manerio suo de Waltham»). Джон и Джоффри здесь же, в курии, с своей стороны, заявили, что они — свободные люди и свободного состояния («dicunt quod sunt liberi et libere condicionis»), и готовы это доказать («et hoc parati verificari»). Им назначен было срок для этого, именно время приезда в мэнор сенешала лорда, и за эту милость они внесли плату («et dant de fine pro tali gracia habenda») в размере 3 шилл. и 4 пенс. Результат был благоприятен для них, так как все держатели показали, что они действительно люди свободные («compertum est per totum homagium quod sunt liberi») [57].

На шестом году царствования Ричарда II в том же Уолтэме с некоего Роберта Stonhach было потребовано, кроме 8 пенсов ренты, еще и omnia alia servicia за участок земли, носившей название Brewyngacre, на том осно-

вании, что и все другие участки земли, носившие название Brewyngacres, несли такие же повинности. Произведенное двенадцатью присяжными расследование показало, что Роберт за свое держание платит ежегодно 8 пенсов за службы, переведенные на деньги еще при Гэмфри Bohun, графе Герефордском («et reddit inde per annum VIII d. de serviciis arrentatis tempore humfr' de Bohun nuper Comitis herford'»), и что других служб он не должен отбывать, так как старинные службы стоят в год всего лишь 4 пенса («alia servicia redderre non debet quia dicunt quod servicia antiqua valent per annum nisi IIII d.») [58]. Смысл ясен: лорд хотел потребовать с держателя, выкупившего все свои повинности, все antiqua servicia, лежавшие на его участке, кроме заменившей эти натуральные повинности денежной ренты, и без того вдвое превышавшей настоящую ценность этих повинностей, еще и сами эти уже выкупленные держателем или, вернее, его предшественниками натуральные повинности, которые были так нужны лорду теперь, когда так трудно было нанять необходимые для барского хозяйства рабочие руки.

И ведь это, заметим, было на шестом году царствования Ричарда II, т.-е. всего лишь через год после грозного восстания 1381 г., которое должно бы было хоть сколько-нибудь научить осторожности сеньеров в их отношениях со своими держателями. И если, тем не менее, такие факты были возможны теперь, то чего же можно было не ожидать от сеньеров, еще не испытавших ужасов страшного 1381 года? К сожалению, в этом и в других протоколах той же серии мы не нашли определенных указаний для выяснения личного состояния Роберта Stonhach, о котором только что была речь. Возможно, что он был человек свободного состояния, и в таком случае его дело — еще более красноречивый факт для характеристики того, что могла позволять себе мэнориальная администрация в отношении к вилланам и к державшим на вилланском праве, когда наступил вызванный Чёрною смертью хозяйственный кризис.

Мэнориальная администрация проявляет теперь твердую решимость ни на минуту не сходить с почвы сеньериального права, не делать никаких уступок и по возможности возместить все то, что благодаря ее снисходительности или простому недосмотру было упущено в прежнее время, когда мэнориальная жизнь еще не была чужда хоть некоторой патриархальности.

В первый год царствования Ричарда II в мэнориальной курии в Waltham'е путем расследования через присяжных «было открыто» («compertum est»), что некто Эдмунд Warner, уже умерший, долго владел («per longum tempus occupavit») $2^1/_2$ акрами, взятыми им у виллана Джона Rede без разрешения курии («sine licentia Curie»), и что Уильям Bedil, женившийся на вдове Эдмунда, также без разрешения курии уже больше года владеет этой землей. Велено было взять эту землю в руку лорда, а Bedil'а арестовать и привести к ответу («ad respondendum domino pro occupatione dicte terre») и, кроме того, взять в руки сеньера еще и 3 rodas prati causa predicta. Но всем этим дело не ограничилось: велено было «взять в руки сеньера» и «все земли и держания» Джона Rede за то, что он отдал в аренду $2^1/_2$ акра земли Эдмунду Wariner без разрешения курии («pro eo quod dimis' II acras et dimidiam terre sine licencia Curie Edmundo Wariner») [59]. Еще случай. В том же году в курии мэнора Alta Estre велено было взять в руки лорда («seisire in manus domini») некоторые земли и держания, называвшиеся Keremannes, лежавшие в Dun-

mowe, за то, что Уилльям Pakyn, виллан лорда, приобрел их посредством грамоты («abquisivit per cartam»), а также взыскать с Уилльяма пять марок (т.-е. 13⅓ шилл.×5) за то, что он владел этой землей без разрешения лорда в течение пяти лет («pro ocupatione dicte terre per quinque annos preteritos sine licencia») [60]. На 47-м году царствования Эдуарда III в протокол мэнора Bisley (в графстве Surrey), принадлежавшего тогда Эдмонду графу March, было занесено следующее. Крепостная Агнеса Coppesgrave еще задолго до того, как мэнор этот перешел в руки нынешнего своего владельца, вышла замуж за некоего Ричарда Boisshel за пределы мэнора («extra istud dominium»). И вот, в последнюю Троицу эта Агнеса «была найдена (reperta fuit) в Munchenehampton'e и приведена (ducta) сюда, в Bisley, и здесь находилась (morabatur) до тех пор, пока ее муж Ричард и сама она не заплатили пошлины за позволение жить за пределами мэнора и за разрешение вступить в брак» («fecerunt finem pro licencia morandi extra dominium et pro maritagio predicto pro X s.») [61].

Едва ли такая неукоснительность в осуществлении лордами своих сеньериальных прав могла вызывать у вилланов добрые чувства. Во всяком случае она нередко вызывала с их стороны энергичный отпор, часто в форме судебного процесса. Чрезвычайно характерным случаем такой борьбы является дело крестьян поместья Waghen, принадлежавшего монастырю Мо в Иоркшире [62].

Аббат монастыря потребовал в мэнор Waghen, как своих вилланов, нескольких крестьян, живших за пределами этого мэнора уже много лет. Произошло это около 1356 года, т.-е. как раз в самый разгар хозяйственного кризиса, вызванного Черною смертью. Крестьяне эти «решили», по словам монастырской хроники, подробно рассказывающей об этом деле, «по мере сил сбросить с себя ярмо рабства, в котором пребывали сами они и их предки». Монастырское начальство решило должным образом наказать («debita coercione duximus castigare») зачинщиков и коноводов мятежа («qui principales in rebellione videbantur») и троих или четверых из них посадило в тюрьму. Одному из заключенных, некоему Ричарду Cellerere, удалось бежать из тюрьмы, и он немедленно отправился к королевскому чиновнику (escheator) в Holderness'e и заявил ему, что сам он и все остальные заключенные, равно как и их предки, с древних времен королевские вилланы мэнора Easington («nativi domini regis de manerio de Esyngtona existerent ab antiquo»), «считая для себя более почетным называться и быть королевскими вилланами, чем пользоваться благодеянием должного церкви божьей и нашему монастырю рабства» («gloriosius existimantes se nativos regios nuncupari et esse, quam ecclesiae Dei et monasterio nostro debitum servitutis beneficium adhibere»).

Чиновник произвел расследование через присяжных, вилланов мэнора Easington, которые показали, что Ричард Cellerere, а также Джон, сын Роберта Cellerere, Томас Cellerere и остальные монастырские узники («infra abbatiam nostram in nervorum custodia detenti») — действительно королевские вилланы мэнора Easington («nativi fuerunt domini regis et progenitorum suorum ut de manerio suo praedicto de Esingtona») и что двадцать лет назад они переселились вместе со своим имуществом («elongarunt se cum catallis suis») из Easyngton'a в монастырский мэнор Waghen. В виду этого все эти вилланы

и их имущество были взяты escheator'ом в королевскую руку («in manus regias seisivit»).

Тогда монастырь обратился к королевскому совету с петицией нарядить следствие по этому делу, считая постановление чиновника несправедливым и «боясь, чтобы необузданная злоумышленность их (выигравших дело вилланов) не послужила примером для остальных и не увеличила их смелости беспокоить нас, когда вилланы будут смотреть на нас, как на побежденных» («veritique ne illorum irrefrenata malitia caeteris fieret in exemplum, et ad perturbandos nos audaciam redderet ampliorem, dum nos a nativis nostris quasi victos cerneremus»).

На отправленный чиновнику запрос короля, почему он поступил так, а не иначе, этот последний отвечал, что действовал он в соответствии с показаниями присяжных («ex causa praesentationis praedictae et non alia causa»). Тогда король отправил ему приказ обстоятельно расследовать спорный вопрос. Расследование на этот раз было произведено через присяжных другой деревни (apud Hedonam) и дало результаты, благоприятные для монастыря: присяжные показали, что Джон, Ричард и Томас вовсе не королевские вилланы и никогда ими не были, что они — вилланы аббата монастыря Мо, и предки их были его вилланами с незапамятных времен («a tempore quo non fuit memoria») и находились во владении его до тех пор, пока эти Джон, Ричард и Томас не ушли десять лет тому назад из его владений («quousque ipsi Johannes, Ricardus et Thomas, a dominio ipsius tunc abbatis, infra 10 annos tunc proximo elapsos, resessurent») (при этом присяжные сообщили подробнейшую генеалогию этих вилланов).

Протокол этого расследования, скрепленный печатями присяжных, был отправлен в королевскую канцелярию. В ответ на это король послал приказ шериффу Йоркского графства немедленно передать вилланов монастырю со всем их потомством и их имуществом («cum omnibus catallis et sequelis suis»), что тот и исполнил, насколько было возможно. Джон и Томас оказались на месте; Ричарда же нельзя было найти: он продолжал деятельно разыскивать пути и средства, чтобы добиться успеха для своего дела.

Не склонны были мириться с своей участью и Джон с Томасом. Спустя некоторое время они вместе с Уилльямом, сыном Джона, и с другим Уилльямом Cellerere из Waghen'a подали королю жалобу на аббата («querelam commovebant») за то, что он еще до расследования, о котором только что шла речь, насильно отнял у Джона и Уилльяма их рабочих, нанятых ими для полевых работ, чем нанес Джону и Уилльяму убытку на сто шиллингов каждому и нарушил статут и ордонанс о рабочих, ремесленниках и слугах («quosdam servos ad officium carucarum conductos a servitio ipsorum Johannis et Willelmi vi cepisset et detinuisset, ad damnum uniuscujusque eorum centum solidorum, in contemptum regis et hominum suorum, ac contra formam statuti et ordinationis de operariis, artificibus et servitoribus, editorum, in comitatu Eborancensi observandorum»).

Едва ли можно сомневаться, что главной целью, которую преследовали истцы, было заставить аббата отвечать на иск и тем признать их свободными. Аббат понял это и, явившись перед Уилльямом de Belkthorpia и его товарищами, королевскими судьями, заседавшими apud Hedonam, заявил им, что истцы — его вилланы, и он не должен отвечать им. Истцы, допрошенные

по одиночке («Deo annuente, quasi improviso singillatim examinati»), сознались («bene cognoverunt»), что они — вилланы аббата, как и их предки, и что аббат и монастырь вступили во владение ими («seisiti fuimus de eisdem»); но они, однако, не переставали требовать, чтобы аббат отвечал им, тем более, что он не отрицал факта совершенного им захвата нанятых истцами рабочих («sed super hoc non intendebant quin praedictus abbas noster eis deberet respondere, praecipue cum non dediceret quin ipse, praedicto certo die, servientes suos, sic conductos et in servitiis suis existentes, a praedictis servitiis suis, contra formam statuti, transgrediendo auferebat»), и требовали суда и возмещения убытков. В виду их признания себя вилланами аббата и монастыря суд нашел, что аббат не должен отвечать им, и оставил иск их без последствий.

Вилланы этим не смутились и подали через Ричарда Cellerere апелляцию королю на решение Уильяма Belkthorp'a и его товарищей. Король потребовал дело для пересмотра в свою канцелярию (в канцлерский суд). Здесь, в канцлерском суде, Ричард от лица своих товарищей заявил, что он, Ричард, а также и Джон и Томас Cellerer, отцы вышеназванных двух Уильямов, — королевские вилланы мэнора Easington, и в доказательство привел длинную генеалогию своего рода. Тогда король, «очень неверно осведомленный кем-то из своего совета, нам зложелательным» («a quibusdam de consilio suo nobis malivolis valde nequiter informatus»), как уверяет автор хроники, отправил аббату приказ передать Джона, Ричарда и Томаса с их потомством и имуществом королевскому escheator'y в Holderness'e, а самому явиться, под большим штрафом («sub magna foristactura»), к определенному дню в Лондон, чтобы лично дать ответ королю о несправедливости, причиненной им его вилланам.

Аббат передал вилланов королевскому чиновнику (кроме Ричарда Cellerere, которого и теперь не оказалось на месте) и отправился к назначенному сроку в Лондон. Здесь, сделав канцлеру короля крупные подарки («muneribus quibusdam non parvis regis cancellerio, tunc Wintoniensi episcopo praesentatis»), он получил позволение отвечать на суде через своих представителей («per attornatos suos respondere»).

Эти представители (числом двое) выхлопотали постановление, чтобы до начала процесса вилланы были переданы аббату с их потомством и имуществом. Аббат велел запереть их под монастырским дортуаром («sub dormitorio monachorum, in quadam domo officio bursarii deputato fecimus incarcerari»). Одному из заключенных удалось ночью бежать («per foramen ubi solebat naturae necessaria frequentare, in fossatum vocatum Dogdyk descendens et inde aufugiens»), и он отправился к королю доказывать свою свободу («dominum regem suam libertatem iterum probaturus adiebat»).

Старания его не остались бесплодными. Король поручил сэру Николаю Damery, «королевскому рыцарю» (miles regis), судье Уильяму de Skipwith и другим произвести еще раз расследование через присяжных Holderness'a, кому принадлежат в качестве вилланов Джон, Ричард и Томас Cellerarii, королю или аббату, и кого из двух укажет расследование, тому и присудить этих вилланов со всем их потомством и имуществом. «Но это почти напрасно, потому что сам Николай Damery, мирволя названным вилланам, склонен был вредить нам» («sed haec paene frustra, cum ipse Nicholaus Damery favens dictis nativis, contra nos inimicitias exerceret»), рассказывает автор хроники. Для разбирательства был назначен определенный день, но Николай Damery (уве-

ряет монастырский хроникер), лишь искавший случая навредить монастырю, скрыл свое прибытие к назначенному дню («contra nos omnino occasionem querens, adventum suum ad diem praedictum dissimulavit») для того, чтобы захватить аббата врасплох и воспользоваться его отсутствием для решения дела в пользу короля и вилланов («ut nos pro defectu prosecutionis ad dictum diem, totum quod antea prosecuti fueramus perderemus»).

Но аббата не так-то легко было обойти. Явившись как бы внезапно («subito quasi») в назначенный день, Николай Damery нашел apud Hedoman не только аббата и присяжных, но целую толпу народа, состоявшую из всякого рода монастырских доброхотов. Королевский комиссар усмотрел в этом заговор в пользу аббата и во вред королевскому праву, отказался разбирать дело и удалился.

Дело не двигалось целый год. Только через год оно опять было поручено судебной комиссии с Уилльямом Skipwith во главе и было решено в пользу аббата с помощью присяжных («4 milites и 8 probi homines»), приведших подробнейшую генеалогию, убедившую судей, что Джон, Ричард и Томас Cellerarii — действительно вилланы аббата и монастыря Мо. Передавая аббату вилланов, судьи настоятельно просили аббата, чтобы он не мстил им и обращался с ними должным образом и управлял ими, как приличествует («instanter requisierunt quod praefatos nativos, praedicta injuria per ipsos nativos nobis illata minime ulciscenda, modo debito tractaret et regeret ut deceret»).

В заключение своего рассказа хроникер замечает, что в этой тяжбе монастыря все королевские сановники при дворе («omnes domini regis officiales ac ministri in curia»), сколько могли, вредили аббату («dicto abbati nostro in quantum poterant nocumentorum offendicula praeponebant»); один лишь канцлер кое-что делал в пользу аббата, да и то потому, что получил от него подарки («praeter solum cancellarium, qui propter munera vix abbati nostro favebat»).

Приблизительно около того же времени (между 1356 и 1367 годами) подобное же «восстание» произошло и в другом монастырском мэноре (Beforth); но против «бунтовщиков» (в числе двух) были быстро приняты энергичные меры («subito capti et ad grangiam de Waghna perducti, atque ibidem nervis mancipati»), и они принесли аббату виллапскую присягу («coram pluribus probis abbati nostro sacramentum debitum suae navitatis praestiterunt»). Хроникер посвящает этому «восстанию» всего лишь несколько строк [63], правда, очень, как мы видим, выразительных, но все же недостаточно освещающих, если не цель, то средства восставших; в частности, мы не знаем, пытались ли они доказывать свою свободу так же, как и вилланы Waghen'a, т.-е. утверждая, что они — виллапы королевского мэнора, или же прибегали к другим аргументам. Возможно, что именно так, как и waghen'ские вилланы.

Это было весьма популярное в описываемую нами эпоху средство. Источники этого времени полны указаний на это. Вилланы во второй половине XIV века очень часто ведут с своими сеньерами тяжбы, стремясь доказать, что они — крестьяне старых коронных имений, т.-е. имений, принадлежавших короне еще в эпоху Нормандского Завоевания и теперь или оставшихся в ее руках, или перешедших в частные руки.

Как известно, вилланы старых коронных имений («antiquum dominicum, ancient demesne») были вилланы привилегированные (Брэктон называет их положение villenagium privilegiatum). Переходило ли такое имение в частные

руки, или оставалось во владении короля, и в том, и в другом случае его вилланы были лично свободными людьми, несшими лишь определенные вилланские повинности и прочно сидевшими на своих участках: ни изменить, ни увеличить их повинности никто не мог, равно как и отнять у них их землю; это была их привилегия; и если бы лорд такого мэнора позволил себе нарушить эту привилегию своих крестьян, то против него у них было вполне законное и весьма действительное средство, право иска в его же собственной курии, вчинявшегося ими против него силою королевского приказа (breve), так называемого «закрытого малого приказа о праве по обычаю мэнора» («parvum breve de recto clausum secundum consuetudinem manerii») и «breve de Monstraverunt». Этот последний приказ выхлопатывали вилланы в тех случаях, когда лорд увеличивал их повинности или изменял обычаи мэнора, как они существовали еще в эпоху Завоевания или, по крайней мере, в царствование Ричарда Львиное Сердце [64].

Неудивительно, что «в течение всей второй половины средних веков английские вилланы постоянно стремятся пристроиться к этому привилегированному классу», что «отдельные лица и группы стараются незаметно проскользнуть в население старых коронных сел, целые деревни ведут процессы с своим помещиками, чтобы доказать, что они принадлежали короне в эпоху Завоевания» [65].

Этот факт очень знаменателен. Мы видели из тяжбы вилланов мэнора Waghen, что стремиться на коронные земли заставляло вилланов чувство самосохранения, желание избавиться от вызванного Черною смертью гнета сеньериальной власти, энергично, как мы видели на ряде фактов, принявшейся осуществлять все свои права на труд и имущество своих вилланов, даже тех из них, которые уже много лет лишь номинально состояли виллапами данного лорда и фактически вполне свободно распоряжались собою и своими силами. Учащение случаев тяжб на почве antiquum dominicum во второй половине четырнадцатого столетия, несомненно, свидетельствует об интенсивности феодальной реакции, начавшейся в это время в результате связанного с чумой хозяйственного кризиса, не говоря уже о том, что оно ставит вне сомнения самый факт этой реакции. Лорды мэноров были весьма далеки от того, что приписывает им Пэдж, утверждая, что рабочий кризис, наступивший после 1348 года, прежде всего должен был научить их осторожности и мягкости в своих отношениях с вилланами. Мы видели из целого ряда приведенных нами фактов, что обратное этому утверждению ближе к действительности, что лорды мэноров не только не были склонны к политике осторожности и мягкости, но, наоборот, напрягли свою сеньериальную власть до крайних пределов, стараясь извлечь как можно больше из своих прав на рабочую силу и на имущество своих виллапов, проявляя при этом неслыханную до тех пор мелочность и придирчивость, не прощавшую самого пичтожного упущения. В источниках встречаются факты и прямого злоупотребления сеньериальною властью со стороны лордов и министериалов: они, например, чаще, чем следовало по обычаю мэнора, созывали мэнориальные собрания с исключительною целью штрафовать не явившихся на собрание [66].

Какие сцены насилия и произвола разыгрывались на этой почве, показывает такой, например, случай, имевший место во владениях епископа илийского за несколько месяцев до восстания 1381 года. В среду, иакапуне празд-

ника Зачатия Девы Марии, в четвертый год царствования Ричарда II, илийский приор Джон, другой монах Джон Langelay и еще некто Джон White, в противность праву и без разумного основания («a tort et sanz cause resonable»), с оружием в руках, именно с палками, шпагами и щитами («a force et armes, c'est assavoir bastonnes, espeys et bokelers»), явились к дому Джона Reve в Sutton и под тем предлогом, что приор был лордом этой деревни («par colour que le dit priour seignour du dite ville»), насильно (par extorcion) захватили скот, принадлежавший Джону, ценою в сто фунтов, и увели его во двор приора в том же Sutton'e и держали его там до тех пор, пока владелец его Джон Reve не согласился заплатить им 100 шиллингов.

Потерпевший обратился с жалобой к илийскому епископу и его судьям, требуя возмещения убытков на сумму двести шиллингов. Приор заявил на суде, что Джон Reve — его виллан, принадлежащий к его мэнору Wycheford, что этот виллан не хотел признавать над собою юрисдикции своего лорда, и этот последний и прибег к задержанию его скота. Суд признал за этим доводом приора полную основательность и не только не удовлетворил иска Джона Reve, но еще и оштрафовал его за его ложную претензию [67].

Повидимому, Джон Reve был состоятельный человек, занимавшийся хозяйством в широких размерах, весьма вероятно, снимавший для этого соответствующее количество земли у своего или у соседнего лорда. Можно представить себе, какие чувства должно было вызвать в нем грубое насилие, жертвой которого он сделался. Неудивительно, что среди восставших в 1381 г. вилланов мы встречаем очень не мало людей далеко не бедных, владельцев и арендаторов весьма значительных земельных комплексов. Джон Reve, как видно из дела, жил за пределами того мэнора, к которому он собственно принадлежал. Правда, Sutton, где он давно уже успел обжиться и разбогатеть, принадлежал тому же сеньеру, что и его родной Wicheford, и сеньеру легко было осуществить над Джоном свои права, как он их теперь понимал и осуществлял в условиях, созданных рабочим кризисом второй половины XIV столетия. Не так-то легко было лорду мэнора осуществить эти права в отношении к вилланам, пребывавшим в чужих мэнорах или в городах, и в Court Rolls нам нередко приходилось встречаться с случаями, когда требование доставить в мэнор таких-то и таких вилланов много раз повторялось в сеньериальной курии, и все без успеха. Но сильной руке могущественного магната не трудно было достать своего виллана отовсюду. Вспомним Симона Бэрли, потребовавшего от горожан города Гревзэнда выдачи ему его виллана, давно уже ставшего обывателем этого города [68]. Чрезвычайно знаменательно, что в летописной традиции этот факт фигурирует в качестве одного из поводов к восстанию 1381 года.

В виду всех этих фактов мы имеем право считать возможным, что среди бесчисленного количества случаев бегства вилланов и отказа их исполнять требования мэнориальной администрации, встречающихся в Court Rolls после чумы 1348—49 года («renuit facere opera et consuetudines», «recusavit facere opera sua») [69], далеко не все подходят под то объяснение, которое дает им Пэдж, утверждая, что речь здесь идет об уклонении вилланов от своих неотмененных — вернее, не выкупленных еще — повинностей. Мы в праве думать, что во многих случаях эти требования являлись для вилланов неожиданностью, что они предъявлялись вилланам, давно уже выкупившим свои натуральные

повинности, и предъявлялись притом в таком размере, какой давал им повод жаловаться на «невыносимое рабство», что они ставили вилланов в положение совершенно бесправное, превращали в реальность то, что в прежнее время, в самый разгар поместного феодализма, почти никогда не выходило из сферы чистой юридической теории, далеко не совпадавшей с тогдашней хозяйственной действительностью и обусловленными ею отношениями между лордом мэнора и его вилланами. Неудивительно, что вилланы отвечали на это отказом, бегством, иском, а иногда и прямым сопротивлением представителям мэнориальной администрации.

Этот последний способ противодействия все более и более развивался среди вилланов и принимал грозную форму организованной борьбы с возрождавшимся феодализмом, как об этом с такою яркостью и полнотой свидетельствует петиция общин в парламенте первого года царствования Ричарда II и изданный в ответ на нее статут.

Петиция эта рисует действительно яркую картину настроения, развивавшегося среди крестьянской массы в связи с изучаемыми нами явлениями второй половины четырнадцатого столетия. Оказывается, что во многих местах английского королевства («en plusours partes de Royalme d'Engleterre») вилланы и держащие вилланскую землю («les Villeyns, et Terre-Tenauntz en Villenage») как в светских сеньериях, так и в церковных, по совету, подстрекательству и при поддержке лиц, действующих в своих выгодах, которые они могут извлечь из этих вилланов и держащих вилланскую землю («par conseil, procurement, meyntenance, et abettement de certeines persones, pur profit pris des Villeyns et Terre-Tenauntz suis ditz»), добывают в королевской курии выписки из книги Страшного Суда, относящиеся к мэнорам и деревням, где они живут («purchacent en Court le Roi Exemplifications de la Livre de Domesday, des Manoirs et Villes deins queux les ditz Villeyns et Terre-Tenauntz sont demourantz»), и, плохо понимая их («par mal entendement de ycels»), а также благодаря неправильному толкованию их этими советчиками и подстрекателями («et par mavoise interpretacion faites par les ditz conseillers, procurours, meintenours, et abettours»), отказываются исполнять сеньерам свои обычные службы и повинности («ils ount retret et retreount lour custumes et services dues a lours seigneurs»), полагая, что они совершенно избавлены от всякой несвободы как личной, так и поземельной («entendauntz q'ils sont quitement deschargeez de toute manere servage du si bien de lour corps come de lour tenures susditz»).

Вследствие этого они не позволяют министериалам сеньеров принуждать их к исполнению этих повинностей и соединяются в союзы для противодействия своим сеньерам и их министериалам вооруженною рукою («et ount denoie as Ministres des ditz Seigneurs de les destreindre pur les Custumes et Services susditz, et sont confederes et antre-alies de countrestere lour ditz Seigneurs et lours Ministres a fort mayn»), и каждый готов являться на помощь к другому, как только их подвергают задержанию за это («et q'chescun serra aidant a autre a quele heure q'ils soient destreinez par celle cause»); и они грозят министериалам своих сеньеров смертью, если они будут прибегать к принудительным мерам, чтобы заставить их исполнять обычные повинности и службы, так что сеньеры и их министериалы не принуждают их к их повинностям и службам из страха смерти, которая легко может приключиться от

их бунта и сопротивления («et manacent les Ministres lour ditz Seigneurs de les tuer si les destreinount pur les Custumes et Services susditz, issint que les Seigneurs et lour Ministres ne les destreinent pas pur lour Custumes et Services, pur doute de Mort de Homme q'de leger purroit avener par lour Rebellion et Resistance»).

Благодаря этому сеньеры теряют и уже потеряли много доходов с своих сеньерий к великому урону для своего положения («et issint les ditz Seigneurs perdount et ount perdu graunt profit de lour Seigneuries, a tres-graunde dishereticion et anientisement de lour estat»); из-за этого во многих частях королевства хлеб стоит несжатый и гибнет к великому ущербу для всей общины («et les blees des plusours parties du Roialme demurount nient scies, et sont peris pur touz jours a la cause susdit, a graunt domage de toute la Commune»).

Для поддержания своих заблуждений и мятежей вилланы и держащие вилланскую землю собирают между собою большие суммы денег на покрытие издержек («et pur sustenaunce des queux Errours et Rebellions y ount coilles entre eux grauntz Sumes de Deniers, pur mettre costages et despences»). Многие из них обращаются в суды, ища здесь поддержки своим целям («et sont venuz si a Court ore a present plusours d'eux, pur avoir counfort de lour purpos susdit»).

Общины думают, что легко может война возникнуть в королевстве из-за этого мятежа вилланов и держащих вилланскую землю и они присоединятся к неприятелю, чтобы отомстить своим сеньерам; общины просят в виду этого как можно скорее принять соответствующие меры («issint que l'ein doute, que si hastive remedie ne soit mis, que de leger gere purroit sourder deins mesme le Roialme a cause de lour Rebellion susdit, ou q'ils soy aherderon as Enemys de delaa pur soy venger de lours Seigneurs, si sodeyne venue des ditz Enemys y fuist»). Общины даже боятся, что в Англии может произойти нечто, подобное тому, что произошло лет за двадцать перед тем во Франции благодаря такому же мятежу и союзу вилланов против своих сеньеров («et pur eschuere tiel peril come nadgairs sourdy en la Royalme de Fraunce par tiel rebellion et entre alliaunce des Villeins encountre lour seigneurs») [70].

Мы имеем здесь дело не с фактами исключительными, а с явлением настолько общим, что парламент счел необходимым издать особый акт для воздействия на него, для борьбы с ним. Насколько успешна была эта законодательная мера, это показали события 1381 года. Очевидно, уже и к первому году царствования Ричарда II было поздно принимать какие бы то ни было меры против враждебного настроения крестьянства в отношении к своим сеньерам. Уже и к этому времени дело зашло слишком далеко, как об этом красноречиво свидетельствует самый факт уже развившейся среди вилланов организации для борьбы с сеньерами, физической и судебной.

Предсказание общин оправдалось: через какие-нибудь три-четыре года в Англии вспыхнуло грозное восстание Уота Тайлера, выставившее в сущности ту же социальную программу. Майл-Эндская петиция и выданная королем в ответ на нее освободительная грамота с достаточной определенностью свидетельствуют о том, что вопрос о крепостном праве продолжал являться центральным вопросом для английского крестьянства и после петиции и статута 1377 года, для того самого английского крестьянства, которое к моменту Черной смерти в большинстве уже успело выкупить, в сущности, свои глав-

нейшие натуральные повинности и фактически пользовалось очень большой свободой. Едва ли может быть сомнение, что силою вещей отодвигавшееся в прошлое крепостное право благодаря Черной смерти опять возрождается, и притом в гораздо более тяжелых сравнительно с прежним хозяйственным строем формах, что *в результате вызванного чумой рабочего кризиса наступила в Англии очень сильная феодальная реакция, тем более сильная, что она имела в виду интересы широко развившегося уже денежного хозяйства, которое открывало возможность самой широкой эксплоатации лордом мэнора зависимого от него населения.*

Без преувеличения можно сказать, что того крепостного права, какое обрушилось на английского виллана после Черной смерти, предки этого виллана не знали никогда. Оттого-то инсургенты 1381 года с таким ожесточением жгли поместные архивы, все эти протоколы мэнориальных курий, кустумарии и рентали светских и духовных сеньеров, а также и разные другие документы (munimenta vetera), определявшие права сеньеров на их труд и на продукты их труда. Самый факт этого истребления поместных документов становится совершенно понятным, если мы обратим должное внимание на феодальную реакцию, наступившую во второй половине четырнадцатаго века. Целый ряд приведенных и рассмотренных нами данных не оставляет сомнения (в наших, по крайней мере, глазах), что реакция эта охватила все стороны жизни виллана, что сеньеры, нуждаясь в рабочей силе для своего хозяйства и с великим трудом добывая лишь часть ее на рынке, а иногда и вовсе не имея возможности добыть ее, несмотря на всю строгость мер, направленных против «злонамеренности» рабочих, нередко обращались к даровому труду своих вилланов, в большинстве случаев уже выкупивших, если не все, то главные из своих натуральных повинностей.

VIII

Пэдж, как мы видели, не считает возможным признать за факт эту попытку лордов мэноров вернуться к барщине вилланов, находя ее слишком неполитичным шагом со стороны лордов, которые, по его мнению, должны были не только не возбуждать против себя своих вилланов, но, наоборот — всячески стараться привлечь их к себе с помощью всякого рода уступок и льгот, рискуя в противном случае остаться вовсе без вилланов, готовых бросить свой участок и уйти к более удобному землевладельцу или в промышленный центр при первом поползновении сеньера в чем-нибудь ограничить их фактическую свободу. Даже допустив справедливость мнения Пэджа на счет неполитичности реакционной попытки сеньеров, мы все же не видим оснований считать эту попытку лишь продуктом ученой фантазии Роджерса.

Едва ли Пэдж станет отвергать неполитичность мероприятий, направленных правительством, по ходатайству сеньеров, против рабочих, желавших воспользоваться благоприятно сложившимися, благодаря Черной смерти, хозяйственными условиями. В самом деле, что могло быть неполитичнее попытки землевладельцев с помощью принятых парламентом суровых мер заставить рабочего вступать с ним в наемные отношения? Ведь такие меры могли только заставить рабочего тщательно обегать владения склонного применять рабочие

статуты сеньера и бросать работу у нанимателя, лишь только он пытался обращаться с ним по закопу, и убегать к другому, более удобному, на что так часто жалуются общины в парламентах Эдуарда III. А между тем, меры эти все-таки были приняты парламентом по просьбе самих же нанимателей. Несомненно, очень многие землевладельцы, как мы знаем из петиций, игнорировали рабочее законодательство, оказывались вынужденными быть предупредительными с рабочими и давать им ту плату, какую они требовали. Но едва ли не большее еще число нанимателей-землевладельцев не имело средств таким путем добывать необходимую для них рабочую силу; в их-то интересах и были изданы законы о рабочих, и они старались применять их со всею строгостью; старания их обыкновенно успехом не сопровождались; но это, тем не менее, был для них единственный рессурс: только путем принудительных мер они могли надеяться добыть рабочие руки. Таким образом, необходимость для нанимателей быть предупредительными с рабочими не исключала общей законодательной попытки с помощью крайне суровых и даже жестоких мер обуздать рабочего и надеть на него, свободного человека, ярмо неслыханного дотоле рабства.

В отношении к виллану такой законодательной санкции не требовалось. Рабочий был человек свободный (даже, если он был чей-нибудь виллан, для нанимателя он все-таки был человек свободный), и сделать его послушным орудием нанимателя мог только особый законодательный акт. В ином положении оказывался виллан: свобода, которой он благодаря коммутации уже пользовался до Черной смерти и которая стала уделом еще большего числа вилланов в первые моменты после Черной смерти, как об этом свидетельствует Найтон, подтверждаемый мэнориальными документами, свобода эта была все-таки лишь фактом, но не правом. Когда сеньеру было выгодно или когда это не шло в разрез с его интересами, он охотно предоставлял эту свободу своему виллану. Но лишь только обстоятельства изменялись, ничто не могло остановить его в его желании отнять у виллана эту свободу и превратить его в барщинника, который «не знает сегодня, что он должен будет делать завтра», который «должен платить все, что только угодно будет когда бы то ни было потребовать с него его сеньеру». Никаких юридических препятствий для такого превращения сеньер не знал, и ему не было надобности обращаться для этого в парламент за особым законодательным актом; ему нужно было только «восстановить» свое право над виллапом, никогда не умиравшее, хотя и заслоненное мэнориальным обычаем.

Правда, мэнориальный обычай и в сознании мэнориального населения, и в практике мэнориальной курии сам являлся непререкаемым правом, находившимся в резком антагонизме с сеньериальными правами, как их понимала теория и практика общего права страны (Common Law), и сеньер обыкновенно вполне признавал за этим обычаем всю его юридическую силу. Теперь его интересы слишком разошлись с интересами его вилланов, и он уже не считал себя связанным обычными нормами, раз они шли в разрез с его интересами, и находил возможным осуществлять над виллапом свои сеньериальные права во всей их полноте, как их понимала юридическая доктрина общего права, мало применимая в условиях прежней хозяйственной действительности и лишь постепенно, по мере изменения этих условий, приходившая в соответствие с жизнью, с реальными потребностями мэнориальной экономии.

В своем месте мы видели, какую роль теория эта сыграла в процессе индивидуализации общинных угодий в смысле превращения пустошей в lord's waste (пустошь лорда), в собственность сеньера, которою он мог распоряжаться в своих личных интересах, сдавая ее в аренду все возраставшему населению своего мэнора или людям совершенно посторонним и иными способами ее эксплоатируя. Тогда теория пошла навстречу новым интересам лорда мэнора, возникшим на почве изменившихся хозяйственных условий. К услугам лордов явилась она и теперь, когда вызванный Черною смертью хозяйственный кризис заставил лордов вспомнить о своих сеньериальных правах, и они стали призывать виллапов «ad faciendum quod iustum est» (к выполнению того, что справедливо). В мэнориальной курии заговорили теперь совсем другим языком. Власть точно подтянулась и точно хотела всем показать, что патриархальным отношениям наступил теперь конец, что виллан должен твердо помнить, что он человек подневольный, всецело зависящий, и сам он, и его потомство («sequela sua»), от воли сеньера, что лишь один сеньер может «по своей особой милости» («de gracia sua speciali») дать ему право на тот или иной шаг как в хозяйственной сфере, так и во всех других областях его жизни и деятельности.

Любопытно, что в прежнее время в мэнориальных протоколах таких выражений, как sequela и de gracia sua speciali, мы почти вовсе не встречали: вместо sequela, более применимого к потомству животных, вместо этого слова, значащего то же, что и слово «приплод», мы всегда встречали, когда речь шла о вилланах, слово heredes (такой-то взял такую-то землю «tenendum sibi et heredibus suis in villenagio» и т. д.); вместо торжественной фразы: «dominus de gracia sua speciali concessit» (лорд по своей особой милости уступил) такому-то такую-то землю, говорилось просто: такая-то земля per licenciam domini передавалась таким-то виллапом ad opus такого-то, а иногда о разрешении лорда и вовсе не упоминалось, так как разрешение это было простой формой. Повторяем, язык этот очень любопытен, ярко отражая на себе совершавшиеся в социальных отношениях перемены.

Картина, которую рисуют петиция и статут первого года царствования Ричарда II (1377 г.), очень выразительна и красноречива. Мы уже в атмосфере 1381 года. Нужен был только внешний толчок, чтобы отдельные очаги недовольства, уже принявшего форму организованной борьбы крестьян каждого отдельного мэнора с своим лордом, слились в общее пламя широкого народного движения, направленного против хозяйственных и социальных основ феодального строя, против личной и поземельной несвободы. Мы знаем, что таким толчком был взрыв чисто политического негодования, накопившегося в сердце народа за долгие годы правления Эдуарда III и еще усилившегося при его малолетнем преемнике. Ожесточение, с каким восставшие истребляли мэнориальные документы (протоколы мэнориальных курий, всякого рода кустумарии и рентали, в которых были обозначены натуральные и денежные повинности крестьян, а также всякие иные документы, свидетельствовавшие об их личной и земельной зависимости от их сеньеров), «для того, чтобы с утратой памяти о прошлом («obsoleta antiquarum rerum memoria») их сеньеры не могли потом предъявлять к ним никаких прав» («nullum jus omnino ipsorum domini in eos in posterum vindicare valerent»), быстрота, с какою политическое по началу движение 1381 года приняло вполне определенный ха-

рактер социальной революции, поставившей на своем знамени прежде всего отмену личной несвободы, вилланства («quod omnes per totum regnum Angliae ab omni bondagio et jugo servitutis liberos faceret et quietos, ita quod de cetero nullus foret nativus»), и замену барщины определенными денежными платежами («quod nulla acra terrae, quae in bondagio vel servitio teneatur, altius quam ad quatuor denarios haberetur, et si contraria antea tenta fuissent, in posterum non exaltaretur»), выданные королем восставшему крестьянству освободительные грамоты в соответствие с этим требованием, предъявленным ему на Майл-Энде, — все эти факты ясно говорят, что вопрос о крепостном праве и связанной с ним барщине являлся жгучим вопросам для английского крестьянства к началу царствования Ричарда II, для тех самых вилланов, которые к эпохе Черной смерти в большинстве успели, как мы видели в своем месте, перевести главные свои службы на денежные платежи и, казалось бы, не имели основания жаловаться на тяжесть своих отношений к сеньеру. Только предположив крепостническую реакцию со стороны лордов мэноров, только признав за факт, что сеньеры в момент кризиса, наступившего с великим мором, не только усилили свои фискальные требования к вилланам, эксплоатируя для этого с небывалою педантичностью все свои сеньериальные права, но не останавливались и перед требованием барщины от давно откупившихся от нее вилланов, только таким образом мы можем объяснить себе только что указанные факты.

Петиция 1377 года жалуется на то, что вилланы и держащие землю на вилланском праве вовсе отказываются исполнять своим сеньерам свои обычные службы и повинности («ount retret et retreount lour custumes et services dues a lour seigneurs»), считая себя на основании неправильного толкования выписок из Domesday совершенно свободными как лично, так и по земле («entendauntz q'ils sont quitement deschargeez de toute manere servage du si bien de lour corps come de lour tenures susditz»), и вследствие этого во многих частях королевства хлеб стоит несжатый и гибнет на корню («et les blees de plusours parties du Roialme demurount nient scies, et sont peris pur touz jours a la cause susdit»).

Весьма возможно, что толкование выписок из Domesday было действительно далеко от настоящего их смысла (хотя возможны были случаи, когда претензия виллана была вполне обоснованной: мы уже приводили факты, не оставляющие сомнения, что сеньеры нередко пытались превращать в барщинников-вилланов и совершенно свободных людей); для нас важен самый факт этих ссылок на Domesday со стороны вилланов и держащих вилланскую землю как способ дать отпор мэнориальной администрации в ее стремлении осуществить все права сеньера на их обычные службы и повинности, права, которые никогда и никем не отменялись, хотя фактически, поскольку дело идет о правах на барщину вилланов, в большинстве случаев давным-давно были переведены на сравнительно весьма незначительные и притом фиксированные денежные платежи. Анализ рабочего законодательства привел нас к выводу, что накануне Черной смерти барщина не играла главной роли в мэнориальном хозяйстве, что лорд мэнора, поскольку он еще вел собственное хозяйство, зависел, как и всякий другой сельский хозяин, главным образом от наемного труда, — вывод, который лишь подтверждал те заключения, к которым приводило нас изучение по данным мэнориальных документов

хозяйственной эволюции внутри мэнориальной группы ко второй половине четырнадцатого века. Фактическая свобода виллана, приобретенная им к этому времени в результате чисто стихийного процесса эволюции хозяйственных отношений, была настолько значительна, что он без всякой помехи мог устраивать свою жизнь применительно к новым отношениям, продавая свой труд всякому, кому он был нужен, потому что в большинстве случаев те натуральные повинности, которые еще лежали на нем, отнимали у него сравнительно мало рабочего времени, нередко сводясь к нескольким дням помочей в страдную пору и к тому же падая не столько на самого виллана, сколько на его держание, т.-е. на всю сидящую на наделе группу, с течением времени разросшуюся как естественным, так и искусственным путем.

Правда, помеха не замедлила появиться; но появилась она совсем с другой стороны, и самый факт ее появления еще больше подчеркнул фактическую свободу крепостного населения, которую она должна была ограничить. В самом деле, рабочее законодательство имеет в виду стеснить лишь свободу наемного рабочего, заставляя его принимать условия, выгодные лишь нанимателям; с вилланом оно имеет дело лишь как с свободно до сих пор располагавшим своими руками рабочим; только с этой стороны оно ограничивает его свободу и для этого даже делает его еще более свободным в отношении к его сеньеру, предписывая сеньеру никоим образом не задерживать у себя на работе (и притом за плату) больше вилланов, чем сколько ему необходимо, для того, чтобы всякий другой наниматель мог воспользоваться трудом тех из них, которые ему, сеньеру, в данный момент не нужны. Да и сами сеньеры одновременно с изданием рабочего ордонпанса и статута, т.-е. непосредственно после Черной смерти, не в малой мере облегчили повинности своих вилланов, многих из них переведя на легкий оброк, а некоторых и вовсе освободив на первое время от всяких платежей и служб, как об этом говорит Найтон вполне согласно с мэнориальными документами.

И вдруг после этого мы слышим о том, что во многих частях королевства сеньеры чувствуют себя в своих поместьях, как во вражеском стане, что почти в каждом мэноре вилланы и держащие землю на вилланском праве ведут организованную борьбу с сеньерами и их министериалами, сплотившись в союзы, скрепленные клятвой взаимной поддержки, чтобы давать отпор мэнориальной администрации, принуждающей их к несению барщины и других обычных повинностей, что озлобление крестьян против сеньеров так велико, что они готовы, чтобы отомстить своим сеньерам («pur soy venger de lours seigneurs»), соединиться с неприятелем в случае, если тот сделает нашествие на страну, пользуясь ее социальной неурядицей, вызванной этим их бунтом («a cause de lour Rebellion susdit»).

После всего того, что нам дал анализ рабочего законодательства и других документов, рисующих картину хозяйственных отношений, как они развивались ко времени великой чумы, это известие не может не поразить нас своею неожиданностью. Казалось, что отношения лорда и виллана, все более и более развязывавшиеся всем ходом хозяйственного развития Англии и уступавшие место другим категориям социальных отношений, не в далеком будущем совсем обратятся в достояние истории; и вместо этого мы натыкаемся на ожесточенную борьбу между лордами и вилланами на почве барщины и иных обычных служб. Факт этот можно объяснить только тогда, если мы признаем

не подлежащим сомнению, что вызванный Черною смертью рабочий кризис, не устраненный рабочей политикой правительства, вызвал в английском обществе очень сильную феодальную реакцию, внушив лордам мэноров мысль воспользоваться всеми своими сеньериальными правами в отношении к несвободному или державшему на несвободных условиях населению их мэноров и в том числе правом на их труд, которым они давно уже не пользовались во всем его объеме, довольствуясь в большинстве случаев незначительными денежными платежами, его заменившими. Тогда для нас станет понятной и Майл-Эндская программа, и освободительная грамота, выданная королем инсургентам, и ожесточение, с каким восставшие истребляли всякого рода мэнориальные документы.

IX

Остановимся еще на одном соображении, которое, по нашему мнению, с своей стороны подтверждает правильность такого понимания петиции 1377 года и социальной стороны восстания Уота Тайлера. Успех проповеди Джона Болла, собиравшей вокруг него массы народа всюду, куда бы он ни появлялся, и быстрота, с какой распространялось среди народа социально-религиозное движение, несомненно отразившееся и на восстании 1381 года, дав ему местных вожаков из числа деревенских ректоров и капелланов и внеся в его программу (в широком смысле) элементы идеологические с ясно выраженным религиозным отпечатком, не могут не быть сопоставлены с современными им явлениями в сфере хозяйственных и социальных отношений, раз мы хотим понять их в терминах общественного развития.

В настоящее время, повидимому, нет уже надобности подробно разъяснять ту простую мысль, что разгадку популярности, которую приобретает в известный момент в обществе та или другая доктрина, следует искать в том, что доктрина эта, весьма нередко не представляющая сама по себе ничего нового и оригинального, является формулировкой жизненных интересов, развившихся к этому времени в данном обществе или в той или иной его части и требующих своего удовлетворения. Отвлеченный язык доктрины говорит тогда человеку и общественной группе, к которой он принадлежит, об очень конкретных их потребностях и стремлениях. Злобы современной общественной действительности превращают часто до тех пор мертвую букву учения в живое слово, поднимающее на борьбу, и оно оказывается на знаменах общественного движения, становится лозунгом и паролем.

Лоллардизм представляет собою очень сложное явление. В нем находили свое выражение интересы самых различных общественных элементов. Каждый из них находил в лоллардской доктрине то, что ему было нужно, что давало формулировку и санкцию его интересам. Одних, по корыстным мотивам, привлекла его секуляризационная тенденция, сулившая богатую добычу в виде подлежавших конфискации несметных богатств церкви (герцог Ланкастерский и его приближенные); других привлекала эта же тенденция совершенно бескорыстно, по чисто общественным и политическим мотивам, в интересах общественной и политической справедливости, требовавшей более равномерного распределения народного богатства; иных она захватывала обещанием церковной реформы в смысле возвращения церкви к ее первоначальному состоянию в первые времена христианства; очень многим была дорога его чисто мораль-

ная сторона, высокие требования, которые предъявляла лоллардская доктрина к человеку, стремившемуся к личному совершенствованию, а едва ли еще не большее число людей лоллардизм увлекал своими эгалитарными и коммунистическими тенденциями, проповедью всеобщего равенства людей, потомков Адама и Евы, личной свободы каждого и равного участия всех в благах жизни.

«Многоразличные заблуждения и соблазны» («multiplices errores et scandala»), которыми Джон Болл и другие, менее видные странствующие проповедники привлекали толпы народа, состояли, как мы знаем, в критике современной им социальной действительности с точки зрения ставшего чрезвычайно популярным среди народа двустишия: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто же был дворянином?» С замиранием сердечным слушали вилланы и державшие землю на вилланском праве о том, что в начале мира не было ни рабов, ни господ; что рабство противно воле божией и возникло благодаря несправедливому угнетению своих ближних нечестивцами, поправшими божий закон; что вилланы — такие же люди, как и сеньеры, которые властвуют над вилланами, держат их в рабстве, являются господами их потому лишь разве, что заставляют их работать и приобретать то, что они, сеньеры, тратят, одеваясь в бархат и меха, имея тонкие вина, пряности и хороший хлеб, живя на досуге в пышных дворцах и оставляя на долю вилланов грубое сукно, мякину и солому, простую одежду, заботы и труд, дождь и ветер на полях, тогда как трудом вилланов только и держится государство; что нормальный порядок наступит только тогда, когда имущество станет общим, когда не будет ни вилланов, ни дворян, но все будут равны во всех отношениях.

Идеи эти далеко не были новостью для Западной Европы вообще и для английского королевства в частности. Ведь это были, в сущности, воззрения католической церкви, развивавшиеся, например, в трудах канонистов. Популярность, какую они приобрели в народе в десятилетия, предшествовавшие восстанию Уота Тайлера, едва ли может быть объяснена чем-либо другим, кроме того, что именно теперь более, чем когда-либо, народ стал чувствителен и восприимчив к этим идеям, что теперь они более, чем во всякое другое время, соответствовали настроению, господствовавшему среди «вилланов и державших вилланскую землю». А каково было это настроение, петиция и статут 1377 года с достаточною ясностью это показывают.

Таким образом, социально-религиозное брожение, охватившее Англию во второй половине четырнадцатого века, насколько оно соприкасалось с отношениями между лордами и вилланами, с своей стороны, является свидетельством в пользу того, что феодальная, крепостническая реакция, развившаяся к концу царствования Эдуарда III, не останавливалась перед попыткой опять превратить уже во многом свободного, в большинстве случаев уже выкупившего свои главные натуральные повинности виллана в крепостного, обязанного исполнять все те сельские работы, для которых у его сеньера не было ни средств, ни сил достать наемные руки.

X

И реакция эта, и эта попытка после всех приведенных нами фактов и соображений представляются нам бесспорной исторической реальностью. Утверждая это, мы вовсе не хотим сказать, что повсюду лорды мэноров потребовали

от всех своих вилланов, вместо денег, барщины, что к этому, как к одному знаменателю, можно подвести все трения и столкновения, происходившие между сеньерами и их вилланами на почве вызванного Черною смертью хозяйственного кризиса. Мы видели, что вызванная этим кризисом феодальная реакция была шире и по своему распространению, и по своему содержанию, захватывала самые различные стороны в жизни зависимого населения поместья, и не имеем основания думать, что требование выкупленной барщины было чем-то в роде общего правила, обязательно применявшегося в каждом мэноре и к каждому виллану. Самое большее, что мы можем сказать, это то, что требование это было настолько распространенным явлением, что оно было одной из причин, вызывавших брожение среди вилланов и державших вилланскую землю и создававших организацию для борьбы с сеньерами, о которой говорят парламентская петиция и статут 1377 года.

Несомненно, организовались для борьбы с своими сеньерами не одни те вилланы, у которых сеньеры требовали уже выкупленной ими барщины, но вся вилланская масса, сильно почувствовавшая на себе власть сеньеров в самых различных ее проявлениях, захваченная феодальной реакцией во всей ее широте.

Признавая эту реакцию вполне историческим фактом, мы в то же время не считаем этот факт несовместимым с другим, не менее бесспорным фактом, на первый взгляд как будто ему противоречащим. Мы разумеем констатированные Пэджом для периода между 1350 и 1380 годами успехи коммутации. Чтобы выйти из созданных кризисом хозяйственных затруднений, лорды мэноров хватались за все, что могло помочь им в каждый данный момент, вовсе не следуя какой-нибудь определенной системе, но, где можно было, пуская в ход все свои феодальные рессурсы, а где надо было уступать, идя на всякие уступки, лишь бы выпутаться из беды, лишь бы удержать на своей земле земледельца и хоть что-нибудь извлечь из своего хозяйства. Таблицы Пэджа, как это и было уже отчасти в свое время указано критикой [71], слишком стирают характерное для всякой жизни разнообразие ее проявлений, и если они удобны для иллюстрирования общего хода неуклонно развивавшегося процесса коммутации, то не с их помощью можно решить вопрос о том, что по самому существу своему представляет собою сплошное колебание индивидуальной воли.

XI

Мы, однако, не считаем происшедшую в английском обществе во второй половине четырнадцатого века феодальную реакцию причиной и тем более главной причиной восстания 1381 года, как это делает Роджерс и другие. Восстание это, как мы видели раньше [72], «вспыхнуло на почве аффекта, как протест против бесконечных налогов и связанных с ними притеснений и вымогательств правительственных агентов, в конец истощивших терпение народной массы». Непосредственную причину его «нужно искать в политических условиях данного момента и в предшествующей восстанию истории отношений правительства и народа, давшей в результате весьма острое политическое настроение, для которого нужен был только повод, чтобы прорваться бурным потоком ненависти и злобы против «королевских изменников» [73].

«Но, политическое по своему происхождению и по своему началу, движение 1381 года немедленно же приняло и социальный характер, вскоре оттеснивший на второй план его первоначальную политическую сторону, и превратилось в широкий протест против феодального строя во имя свободы личности, свободы труда и земли, свободы торговли, свободы всего гражданского оборота» [74]. «На революционный путь», раз уже он открылся, «стали, совершенно неожиданно для себя, все те лица и группы, которые до этого едва ли и думали о насильственном перевороте, об общем восстании, как о способе осуществить свои требования, стремления и мечты; они принесли с собой в восстание все то, что составляло главное содержание их повседневной, будничной борьбы за жизнь, а также и то, что мерцало вдали светлой точкой идеала» [75].

В противоположность политической программе восставших, отличающейся крайнею неопределенностью своих положительных требований и крайнею примитивностью требований отрицательных, их социальная программа и, в частности, социальная программа крестьянства, предъявленная королю на Майл-Энде, поражает нас полною отчетливостью своих desiderata, полною их определенностью и конкретностью, свидетельствующими о том, «что содержание этой программы сложилось в сознании народа уже давно, что в восстание он принес его в готовом уже виде, воспользовавшись неожиданно вспыхнувшим политическим мятежом, чтобы осуществить свои давно назревшие социальные идеи» [76].

События 1381 года не дали нам ответа на вопрос, как возникли эти идеи и как они сложились в весьма разработанную и строго определенную социальную программу, и мы признали необходимым искать этого ответа в предшествующей восстанию истории социальных отношений [77].

Теперь мы уже знакомы с этой историей и знаем те условия, среди которых создавались идеи, формулированные в Майл-Эндской программе, знаем, что это была тревожная атмосфера социальной борьбы, борьбы между нанимателями и рабочими и между сеньерами и вилланами, разгоревшейся в результате хозяйственного кризиса, созданного Черною смертью.

Вопрос о крепостном праве, о личной свободе виллана, о свободе виллана и его земли от барщины, очень скоро оттеснивший на задний план политическую сторону восстания, к моменту восстания, несомненно, был самым жгучим вопросом среди крестьянской массы; именно благодаря этому он и занял такое доминирующее положение в восстании, лишь только оно вспыхнуло по чисто политическим причинам. А жгучим этот вопрос стал для крестьян потому, что именно теперь больше, чем когда бы то ни было прежде, сеньеры дали почувствовать вилланам, во что может обратиться их жизнь, официально регулируемая одной лишь «волей лорда» (voluntas domini), когда интересы этой воли пойдут в разрез, вступят в конфликт с их собственными, вилланскими интересами, защищаемыми одним лишь мэнориальным обычаем (consuetudo manerii), не опиравшимся на нормы и учреждения общего права, которое брало под свою охрану одних только свободных.

До восстания вилланы пытались отстаивать свою фактическую свободу и обычные нормы, ее до тех пор охранявшие, вооруженной силой и путем судебных процессов, как это видно из петиции и статута 1377 года. Теперь же, когда вспыхнуло ярким пламенем политическое недовольство, поднялись

и они и толпами двинулись к столице просить короля, «чтобы всех в пределах английского королевства он сделал свободными от всякой несвободы и рабства, так, чтобы впредь не было ни одного виллана («ut omnes, per totum regnum Angliae, ab omni bondagio et jugo servitutis liberos faciet et quietos, ita quod de cetero nullus foret nativus») и чтобы впредь никто не нес за землю барщины, но чтобы все давали за держание ее только деньги и притом не больше четырех пенсов за акр. Отправляясь к столице, вилланы шли добывать у короля закон, который бы раз навсегда покончил с их личной и поземельной несвободой и дал бы им полную, и прочную гарантию от каких бы то ни было экспериментов со стороны землевладельцев, от которых до 1381 года они искали защиты на старых коронных землях, а то и прямо давая вооруженный отпор своим лордам и их министериалам.

Освободительная грамота («charta regis de manumissione rusticorum») должна была поставить и вилланов под защиту общего права страны (Common Law) наравне со всеми другими элементами английского общества, стать для них настоящей Великой Хартией Вольностей, вернее, расширить значение Великой Хартии 1215 года, приобщив ко всем гарантируемым ею благам «свободного человека», «liberi hominis», и до тех пор юридически бесправную крестьянскую массу, вилланов, которые по строгому смыслу юридической догмы феодальной Англии не должны были знать сегодня вечером, на какую работу пошлет их завтра утром приказчик их лорда, и каждый данный момент могли стать жертвой денежных и всяких иных вымогательств со стороны своего сеньера («nec scire debeat sero quid facere debeat in crastino... Talliari autem potest ad voluntatem domini ad plus vel ad minus»), имевшего право даже все отобрать у своего виллана на том юридическом основании, что все, приобретенное виллином, приобретено им для сеньера («et quod quicquid servis adquiritur domino adquiritur»). Освободительная грамота должна была раз навсегда покончить с крепостным правом, к 1381 году превратившимся благодаря созданной хозяйственным кризисом феодальной реакции в совершенно невыносимый тормаз, способный связать по рукам и ногам основной элемент английского крестьянства, вилланов, в большинстве уже давно ставших фактически свободными рабочими, продававшими свой труд, не стесняясь мэнориальными перегородками, всякому нанимателю. Она должна была раз навсегда отрезать путь всякого рода попыткам со стороны лордов мэноров вложить в обветшалые и выветрившиеся юридические формы, определявшие еще их отношения к их вилланам, не соответствующее народно-хозяйственным тенденциям общественного развития реальное содержание.

XII

Анализируя рабочее законодательство XIV века, мы видели, что оно представляет собою продукт народно-хозяйственных тенденций и вместе с тем серьезный шаг со стороны правительства навстречу этим тенденциям, что оно ослабляло юридические препятствия, стоявшие на пути этих тенденций, нанося удар мэнориальному строю с его юридической стороны, ограничивая власть лорда мэнора в отношении к его вилланам в пользу всякого нанимателя труда этих вилланов, ставя нанимателя впереди лорда мэнора, сеньера,

и таким образом, с своей стороны, расчищая путь анти-феодальному, народнохозяйственному развитию. Видели мы также и то, что, не являясь вполне сознательным шагом в указанном направлении, исходя от правительства, всецело проникнутого, что касается теоретических взглядов, социально-этическими воззрениями, соответствовавшими менее сложным и более устойчивым хозяйственным отношениям, рабочее законодательство не только облегчало разложение узких форм хозяйственной жизни и развитие свободной циркуляции хозяйственных сил по всем направлениям английской территории, но и, с своей стороны, ставило весьма серьезные препятствия этой циркуляции, доходившие до прямого запрещения рабочим уходить на заработки за пределы мэнора, в котором они живут, если на их труд есть спрос и в этом мэноре. Мы указывали на то, что этой своей стороной рабочая политика XIV века вполне еще стоит на старой почве, не зная и не желая знать конкуренции и вообще свободной борьбы хозяйственных интересов, усматривая в ней антиобщественное явление, противоречие принципу, в силу которого каждый в своей хозяйственной деятельности должен поступать так, чтобы от этого не страдали интересы другого: ведь всякая борьба ведет к жертвам, к торжеству сильного над слабым, к принесению интересов одного в жертву другому. Рабочий ордоннанс и статуты пытаются остановить и парализовать эту борьбу, разгоревшуюся после Черной смерти между рабочими и нанимателями, и терпят фиаско, потому что жизнь давно уже вышла из стадии сравнительной неподвижности отношений, и движение и борьба интересов давно уже стали для нее законом, лишь более ярко проявившим себя после Черной смерти.

В сущности, это основной мотив рабочего законодательства Эдуарда III и Ричарда II. *Субъективно оно реакционно*, оно пытается ввести хозяйственную жизнь, давно уже прорвавшую узкие рамки, в которых она когда-то естественно была заключена, в старое русло относительной социальной гармонии, чуждой борьбе, по крайней мере той резкой борьбе, которая так ярко возгорелась после 1348 года. Но ему приходилось действовать среди новых хозяйственных и социальных условий, приходилось проводить свой принцип в новой обстановке, считаться с новыми интересами и новыми общественными категориями. И рабочее законодательство не только не выступает против этих новых общественных категорий и их интересов, но вполне признает их и даже заставляет другие общественные категории поступиться в их пользу частью своих законных интересов, предписывая лордам мэноров удерживать у себя лишь столько вилланов, сколько им необходимо для их хозяйства, а остальных предоставить всякому иному нанимателю. Таким образом, оставляя неприкосновенным хозяйственный и социальный строй, как он сложился к 1348 году, и даже приспособляя его в известной мере к новым потребностям хозяйственной жизни, рабочее законодательство лишь пытается видоизменить его функционирование в желательном для себя направлении и поэтому с полным основанием может быть названо паллиативом. Неудивительно, что оно не достигло поставленной себе цели.

Едва ли успешнее была и другая попытка выйти из хозяйственных затруднений, созданных Черною смертью. Зато, как мы видели, она была гораздо последовательнее и радикальнее. В противоположность рабочему законодательству с его двойственностью и поверхностностью сделанная лордами попытка от начала и до конца проникнута вполне определенным желанием

воздействовать на самые основы хозяйственного и социального строя, восстановить мэнориальный строй в его прежнем, чисто феодальном виде, превратить виллана в то, чем он был прежде, сделать его опять хозяйственным орудием барской экономии, опять вернуть его в пределы мэнора, сделать его органическою частью мэнора и эксплоатировать его хозяйственную силу в полном размере тех прав, которые признавало за лордом мэнора общее право страны. Лорды совсем не желали считаться с действительностью: факту они смело противопоставили свое историческое право и во имя его пошли напролом, объявили войну тому жизненному порядку, который давно явился на смену тому строю, который когда-то освящал это право и который они теперь решили восстановить. Вызов был принят, и война разгорелась по всем направлениям, сначала в виде разрозненных, хотя и организованных, отдельных стычек, а когда грянул гром 1381 года, отдельные очаги слились в общее пламя, охватившее почти всю страну.

Не следует, однако, упускать из виду, что эта реставрация, как всякая реставрация вообще, не была и не могла быть простым восстановлением прошлого: если прежде мэнориальный строй, покоясь, как на своем базисе, на трудовой связи барского хозяйства и хозяйств вилланских, представлял собою единственно возможную тогда форму приспособления хозяйственных интересов сеньера к общим экономическим условиям, единственно возможную тогда форму удовлетворения его хозяйственных потребностей в условиях еще достаточно связанной хозяйственной жизни, ставивших им сравнительно тесные рамки, то *теперь восстановление этого базиса являлось попыткой создать в мэноре натурально-хозяйственную форму эксплоатации вилланов соответственно хозяйственным потребностям сеньера, развившимся в условиях весьма развитого денежного, менового хозяйства;* если прежде натурально-хозяйственная эксплоатация виллана представляла собою, в сущности, лишь скромное сравнительно посягательство сеньера на труд и на продукты труда его виллана, то теперь это была уже настоящая хозяйственная деятельность сеньера, ставившая для себя чисто коммерческие цели, осуществимые в условиях денежного хозяйства, делавшего возможным для сеньера вести настоящее хозяйство-предприятие, рассчитанное на рынок *и требующее возможно более интенсивной эксплоатации труда зависимого населения.* Неволя, в которую теперь сеньеры «возвращали» своих вилланов, должна была быть несравненно тяжелее той, какую они знали в чисто феодальную эпоху, не только относительно, в смысле несоответствия значительно изменившимся общим хозяйственным условиям, но и абсолютно. И действительно, никогда еще сеньеры не были так неуклонно требовательны, придирчивы и педантичны в отношении к своим вилланам, осуществляя над ними свои права, как именно теперь. Примеров этого мы видели не мало.

Но, как ни различны по своему характеру две рассмотренные нами попытки воздействовать на хозяйственную жизнь, как она сложилась в Англии под сильным влиянием Черной смерти, но обе они едва ли не в равной мере создавали для рабочей массы, без различия свободных и несвободных ее элементов, такие условия существования, которые могли только возбудить в ней и развить самое враждебное настроение против сеньеров и против представителей центральной власти, взявшей на себя защиту интересов землевладельческого класса, в частности против судей, разбиравших дела между нанимателями и рабочими, против феодального порядка и против центрального пра-

вительства. Проповеди Джона Болла и стихи Лэнгли, выставлявшие пахаря единственным носителем правды на земле, указывающим путь к ней всем другим сословиям и классам и содержащим всех их своим честным трудом, несомненно, усиливали это настроение, давая ему абсолютную, религиозную санкцию и членораздельную формулировку и утверждая его на незыблемом базисе этического принципа. Недоставало только случая, чтобы это настроение прорвалось в форме общего бурного протеста.

И такой случай не заставил себя ждать. Неудивительно, что политическое по своему происхождению и началу восстание 1381 года очень скоро превратилось в социальное движение, и притом с весьма определенной социальной программой. Рабочая масса, действительно, принесла в восстание не одно лишь раздражение, но весьма определенно формулированные требования, нашедшие свое выражение в майл-эндской петиции и в выданных в ответ на нее освободительных грамотах. Крестьяне требовали полной ликвидации натурально-хозяйственных отношений внутри мэнора и полного упразднения связанной с ними личной несвободы виллана, пытаясь, таким образом, «насильственно ускорить прошедший через их сознание процесс, совершавшийся в хозяйственной и социальной действительности» [78]. Можно с полным правом сказать, что «анти-феодальные идеи восставших были лишь формулировкой тенденций хозяйственной и социальной действительности, что им соответствовало, параллельно развиваясь, самопроизвольное разложение феодального строя с его хозяйственной и социальной стороны» [79].

Мы уже видели это самопроизвольное разложение феодального мэнора в связи с развитием денежного хозяйства. До Черной смерти это был чисто стихийный процесс, совершавшийся при малом участии сознательности, процесс чисто хозяйственный, не встречавший никаких препятствий на своем пути и неизбежно приводивший к своим социальным последствиям, к фактической свободе крепостного крестьянства. Черная смерть создала условия, сразу же внесшие в него элемент сознательности. Сеньеры сделали попытку повернуть назад и в экономическом, и в социальном смысле. Вилланы протестовали, сначала местными средствами, а когда представился благоприятный случай, путем общего протеста, *не только отстаивая успехи, достигнутые денежным хозяйством и их собственной свободой до 1348 года, но и поставив на своем знамени требование полной ликвидации натурального хозяйства и полного упразднения личной несвободы.* То, что было прежде чисто стихийным процессом, стало теперь целью их сознательных стремлений, превратилось в *социальную идею*, близкую сердцу каждого из них, способную объединять их разрозненные усилия, направленные к проведению ее в жизнь, и вызывать в них энтузиазм и пламенную веру в нравственную правоту своего дела, в его теснейшую связь с «божьим законом» (Goddislawe), не допускающим рабства среди людей, происшедших от одного отца и от одной матери, от Адама и Евы, и требующим для всех равной свободы и равного участия в благах жизни.

XIII

Борьбой нанимателей с рабочими и друг с другом и борьбой сеньеров с вилланами не исчерпывается содержание хозяйственной жизни во второй половине четырнадцатого века, хотя это и центральные пункты в общей кар-

тине этого периода. Явления, с которыми мы познакомились в четвертой главе, продолжали развиваться и теперь, все более и более подтачивая основы мэнориального строя.

В частности, продолжала развиваться и аренда как на домэне, так и среди крестьян. Черная смерть даже усилила это развитие. Одним из способов выйти из хозяйственных затруднений, созданных для лорда чумою 1348 г., была сдача в аренду барской земли (terra dominica), а то и всего мэнора со всем его живым и мертвым инвентарем. Нашлись бы только желающие. И желающие находились, и, повидимому, не в малом числе, насколько можно судить по известным нам данным. В Abbreviatio Rotulorum Originalium нам встретилось до тридцати случаев сдачи в аренду королевских мэноров. Из них только два относятся ко времени, предшествовавшему «великой чуме»; остальные все приходятся на вторую половину царствования Эдуарда III (начиная с 33-го года его правления). В аренду сдается королевский мэнор вместе с хозяйственным инвентарем и запасами зерна для посева («staurum vivum et mortuum»), обыкновенно на семь лет (в двух случаях — на 10 лет, в одном — на 9 лет, в двух — на 3 года и в одном — ad totam vitam) за денежную ренту [80]. В Ministers' Accounts случаи сдачи домэниальной земли резко учащаются во второй половине столетия, при чем арендаторами являются или мелкие люди, иногда виллапы того же мэнора [81], или же более или менее крупные предприниматели [82]. Нередко в роли этих последних выступают приходские священники и капелланы [83]. Предприниматели эти иногда берут в аренду наделы умерших в чуму вилланов. Сдача в краткосрочную денежную аренду вилланских участков, попавших в руки лорда мэнора благодаря Черной смерти, — весьма распространенное явление, как видно из множества случаев подобного рода, занесенных в протоколы мэнориальных курий [84]. Сдавая за деньги на короткий срок выморочные вилланские держания, лорд мэнора не терял надежды, что ему еще удастся найти людей, которые возьмут их на феодальных основаниях [85]. Иногда надежда эта и оправдывалась. Но это бывало сравнительно редко, и в большинстве случаев сданные в аренду вилланские держания уже не возвращались к прежнему своему положению [86].

И неудивительно. Кому была охота связывать себя узами наследственного держания и взваливать на свои плечи бремя вилланских повинностей, когда незанятой земли было так много у сеньеров и была такая широкая возможность частого и разнообразного выбора? Лорд должен был быть доволен, если арендатор оставался на снятом им участке хоть в течение всего короткого срока, на который он брал его, а не бросал его, когда вздумается, чтобы уйти к другому лэндлорду (мы, кажется, в праве уже употреблять здесь этот термин), на более льготные для себя условия. Иногда, в надежде предотвратить эту опасность, лорды брали с арендатора поручителей, которые должны были отвечать за то, что он будет оставаться на снятой земле и выполнять взятые им на себя обязательства [87]. Не думаем только, чтобы этим лорды достигали серьезных результатов. Да и едва ли много находилось арендаторов, соглашавшихся брать землю на таком условии. К тому же конкуренция между лэндлордами была очень значительна, чтобы они часто могли ставить это стеснявшее арендатора условие; напротив, они должны были делать все, что было в их силах, чтобы только привлечь арендатора как на вакантные вилланские участки (освобождавшиеся не только за смертью их держать-

лей, но и благодаря уходу их [88] в рабочие или в срочные арендаторы), так и на свою terra dominica.

Сдавали ли лорды мэноров в срочную аренду выморочные вилланские наделы или же свою terram dominicam, как старую (vetus dominica), так и новую (nova dominica), — так или иначе, но во второй половине XIV столетия класс срочных арендаторов, *терминариев* (terminarii), как их начинают теперь называть мэнориальные документы [89], все увеличивался.

Одновременно с этим развивается и сама арендная форма. Мы имеем в виду появление в мэнориальных документах как раз этой поры арендного держания *per rotulum curiae* [90]. Мы уже видели не раз, какую важную роль играл в жизни виллана протокол мэнориальной курии, являясь серьезной гарантией его прав на его держание, получал ли он это держание iure hereditario, или же приобретал его у третьих лиц per cartam, чтобы затем, по выполнении необходимых формальностей в курии, держать его per virgam от своего лорда [91]. Если мы примем во внимание, что в огромном большинстве случаев арендатором являлся тот же виллан, то для нас станет ясным, какое серьезное значение должен был получить теперь и для арендатора протокол мэнориальной курии. «Джону Warenner был назначен день для явки в курию (в Plessetis, в Эссексе), чтобы там показать, каким образом он вступил во владение пятью акрами, принадлежащими к держанию, некогда находившемуся в руках у Симона Джеффри. Он явился и показал некую запись, гласящую, что сеньер уступил ему названные держания на девятилетний срок, датированную 21 годом нынешнего царствования. Поэтому пусть он отправляется с миром» [92]. Ссылаться на rotulus Curiae мог как арендатор, снимавший землю на вполне определенный срок («ad terminum annorum») [93], так и съемщик «ad terminum vitae» (или «ad totam vitam») [94], а также, иногда по крайней мере, и держатель «ad voluntatem domini» [95]. Таким образом, один из формальных признаков, отличавших вилланское держание («tenere per rotulum curiae»), стал теперь присущ и аренде [96]; да и некоторые другие его формальные признаки, как мы уже видели раньше, далеко не были его исключительною особенностью, разделяемые им с разными видами арендных держаний [97], что, конечно, ничуть не сглаживало основного различия между вилланским держанием, как одною из форм феодальной собственности, переходящей наследственным порядком из поколения в поколение, и арендой, как временным пользованием чужой землей, хотя бы и в течение очень продолжительного срока.

Что касается междукрестьянской аренды, то и она сильно развивается во второй половине XIV столетия, если не качественно, то количественно: об этом красноречиво свидетельствует бросающийся в глаза факт резкого учащения случаев этой аренды на страницах протоколов мэнориальных курий именно этой поры [98].

ИТОГИ

И хозяйственный, и правовой строй английского средневекового феодального поместья (мэнора) с полной определенностью свидетельствуют о том, что поместье это представляет собою сложный общественный организм, в котором совершенно ясно различимы два организма, своеобразно комбинированных, но от этого не утрачивающих своей индивидуальности и автономности: сельская община и барский двор.

Как хозяйственная организация, барский двор входит в состав общины как аграрного союза и подчиняется распорядкам ее как автономной хозяйственной организации, а также опирается на крестьянские хозяйства членов общины, на лежащие на этих хозяйствах натуральные повинности.

Аграрный строй и хозяйственная жизнь поместья регулируются строго юридическими нормами материального и формального (процессуального) права, находящими свою судебную защиту в мэнориальной курии, представляющей собою судебное собрание общины, как автономной корпорации, под председательством сенешала лорда мэнора.

Ни хозяйственный, ни правовой строй английского средневекового поместья не могут быть объяснены из свободной воли и из односторонних хозяйственных интересов лорда мэнора, как объясняла их принятая в XIII веке английскими королевскими судами юридическая доктрина, признавшая основную группу поместного населения, вилланов, сервами, бесправными рабами лорда мэнора, а их участки и всю их движимость частной собственностью лорда, находящейся в полном его распоряжении.

В своем стремлении свести все к возможно менее многочисленным и к возможно более простым категориям эта воспитавшаяся на римском праве и усвоенная английским общим правом (Common Law) и проводившими его королевскими судами юридическая теория совершенно игнорировала все то, что более всего характерно для поместного строя средневековой Англии, именно своеобразное сочетание в средневековом поместье двух автономных организмов, и совершенно извратила и существо поместного строя, и его генезис.

Чтобы понять существо той своеобразной общественной формы, какую представляет собою английское средневековое феодальное поместье, нельзя становиться на догматическую почву, на точку зрения тех или иных экономических и юридических принципов, но необходимо изучать его исторически, в связи с общим процессом феодализации, как он развивался на Западе Европы вообще и в средневековой Англии в частности.

Процесс феодализации западно-европейского общества есть процесс своеобразного приспособления общества к потребностям государства. В интересах более успешного удовлетворения своих основных потребностей государство постепенно организует общество *в систему политически соподчиненных государственных сословий*, между которыми и распределяет в форме сложной кооперации труд, необходимый для существования политического целого и правильного его функционирования. Государственная власть передает военному и правящему сословию, сеньерам, свои права в отношении к крестьянской массе, как их понимала так называемая варварская государственность, представлявшая их в конкретной и осязательной форме поступлений, идущих с тех, на кого эти права распространялись. Крестьянская масса становится крестьянским сословием, подвластным военному и правящему сословию и обязанным в качестве государственного сословия содержать его своим крестьянским трудом и этим делать для него возможным отправление им своих обязанностей в отношении к государству. В качестве государственного сословия сеньеры лишь в такой мере имеют право на труд крестьянского сословия и на его продукты, в какой это вызывается государственной необходимостью, в какой это необходимо для существования их как правящего и военного сословия. Этим определяются границы фискальной и хозяйственной эксплоатации крестьянской массы сеньерами, поскольку она вытекает из их взаимных отношений как политически соподчиненных государственных сословий и, следовательно, покоится на публичном, а не на частном праве, является результатом не экономической зависимости и власти, а политической.

Но эта созданная государством чисто политическая зависимость и власть, определяющая взаимные отношения им же организованных государственных сословий, не устраняет и иного рода отношений между ними как общественными группами. Процесс феодализации имел дело с обществами, уже достаточно определенно расчлененными на группы в результате социальной дифференциации, развивавшейся на чисто экономической почве и на почве отношений частной власти и частного подчинения. Процесс феодализации в смысле реорганизации общества в систему политически соподчиненных государственных сословий отправлялся от обществ, уже сравнительно далеко ушедших по пути социальной дифференциации этого характера и уже расчлененных *на экономические классы*, уже знакомых с чисто экономической зависимостью человека малоземельного и безземельного от человека, богатого землею и капиталом в элементарной форме скота, рабов и иного инвентаря, и с личной зависимостью слабого от сильного как от своего патрона или сеньера. Процесс феодализации в значительной мере и вызван был успехами этой социальной дифференциации, делавшей невозможным для массы непосредственное отправление натуральных государственных повинностей и требовавшей перехода к другой форме их организации. Система государственных сословий не устраняла классового строения обществ, поскольку общества были уже расчленены на экономические классы, как не устраняла она и тех общественных групп, которые сложились на почве частного патроната и близко соприкасались, если не прямо совпадали, с экономическими классами. Она лишь ввела их в свои рамки, в пределах которых они развивались и дальше, и в значительной мере и сама способствовала их дальнейшему развитию, что было облегчено слабой различимостью для тогдашнего юридического мышления публично-правовых категорий от

категорий частного права (например, прав, вытекающих из публичной власти, от права частной собственности на землю), и осложнила их привнесением в них публично-правового момента. Сеньеру стали подвластны, как носителю публичной власти, и те, кто уже экономически зависел от него как от землевладельца, сидя на его земле в качестве арендатора, и кто уже был под его частной властью как патрона, находясь под его мундиумом.

Поскольку подвергавшееся процессу феодализации общество уже было расчленено на экономические классы, постольку и может быть речь о соответствии между этими классами и государственными сословиями, о соответствии между экономической зависимостью крестьянства от сеньеров и его политической от них зависимостью и о соединении в лице сеньера двух категорий — экономической, более или менее крупного землевладельца, и политической, обладателя публичной власти, о соответствии между его положением как лэндлорда и его положением как лорда (сеньера).

Процесс феодализации, как он развивался в римском обществе последних веков империи, имел дело с обществом, прожившим долгую и сложную жизнь и давно уже расчленившимся на отчетливо и резко определенные экономические классы, и государственные сословия здесь оказались в почти полном соответствии с этими последними. Potens vir, наделенный государством публично-правовыми полномочиями в отношении к крестьянской массе, осуществлял эти полномочия над крестьянами, которые давно сидели в качестве арендаторов на земле его собственных поместий. Такого соответствия мы не находим в средневековых обществах Западной Европы. В них процесс социальной дифференциации на чисто экономической почве далеко еще не сказал своего последнего слова, и под политической властью сеньера оказалось в огромном большинстве крестьянство, не связанное с ним узами экономической зависимости, хотя и выражавшее свою политическую зависимость от него, как от своего сеньера, в материальной форме хозяйственных услуг. Только часть крестьянства сидела на собственной земле сеньера, на его terra dominica, в качестве его арендаторов и, следовательно, и экономически зависела от него, зависела от него как от землевладельца.

Но и в качестве собственника своей домэниальной земли (terra dominica) средневековой, более или менее крупный, землевладелец в большинстве случаев был мало похож на римского possessor'а императорской эпохи. И в до-феодальную пору его земельная собственность в большинстве случаев состояла из полос, разбросанных вперемежку с крестьянскими полосами по всем полям общины, и подчинялась всем хозяйственным распорядкам общины, потому что в большинстве случаев она постепенно составилась из крестьянских участков, которые попадали в его руки самыми различными путями. И в до-феодальную эпоху средневековой крупный землевладелец был, следовательно, дольщиком в общине, и его хозяйство, которое он вел на своей земле (поскольку он вел его) с помощью своих дворовых рабов (provendarii каролингских источников) и посаженных им на землю собственных рабов (servi casati), вольноотпущенников или литов и свободных арендаторов (вспомним mansi serviles, mansi lidiles и mansi ingenuiles франкских поместных описей), и тогда являлось не вполне дифференцировавшейся органической частью более широкого хозяйственного целого, как и хозяйства остальных членов общины, а *по своей организации* являлось натуральным хозяйством, т.-е. хозяйством,

опиравшимся на натуральные повинности крестьянских хозяйств лишь экономически и лично зависимых от него людей.

Процесс феодализации, организуя общество в систему политически соподчиненных государственных сословий, лишь приспособлял его к потребностям государства, лишь заставлял его служить этим потребностям, не посягая на основы его хозяйственной и социальной структуры и на исконные формы его политической организации. Неудивительно поэтому, что переход сельской общины под сеньериальную власть одного сеньера или нескольких не вносил существенных изменений в ее организацию и как аграрного союза с своим земельным правом и с своим хозяйством, и как ячейки более широкого общественного союза с своим судом и со своим управлением. Осуществляя над общиной свои права, перешедшие из рук короля в его частные руки, сеньер лишь становился в качестве посредствующей инстанции между королевской властью и массой и ничего не был уполномочен изменять в строе общины и имел право, в сущности, лишь фискально эксплоатировать ее в тех формах и в тех размерах, в каких она подлежала фискальной эксплоатации со стороны самой королевской власти, пока она не передала ему своих прав на эту эксплоатацию.

Фискальная по существу эксплоатация, которую осуществлял над политически подвластной ему сельской общиной сеньер, принимала форму также и хозяйственных услуг со стороны членов общины. Конкретно это выражалось в том, что к участию в барском хозяйстве сеньера привлекались уже не только крестьянские хозяйства экономически зависимых от сеньера людей, сидевших на его собственной земле в качестве арендаторов, но и хозяйства экономически независимых от сеньера членов общины, лишь находившихся в политической зависимости от него как от сеньера, носителя публичной власти.

Поскольку сеньер являлся более или менее крупным землевладельцем, положение его в общине, как собственника своей земли и сельского хозяина, по существу не изменилось сравнительно с тем, когда он был только более или менее крупным землевладельцем, но еще не был сеньером. Попрежнему он являлся лишь дольщиком в общине, и его барское хозяйство было лишь органической частью более обширного хозяйственного целого, сравнительно слабо дифференцировавшейся. Перемена, которая произошла в его барском хозяйстве, носила не столько качественный, сколько количественный характер. Изменилась не структура барского хозяйства, но его размеры. Опираясь прежде на хозяйственные услуги крестьянских хозяйств лишь экономически и лично зависимых от сеньера людей, его несвободных, полусвободных и свободных арендаторов, сидевших на его собственной земле, теперь оно имеет уже более широкую опору, требуя хозяйственных услуг и от крестьянских хозяйств лишь политически зависимых от сеньера членов общины. Но оно попрежнему остается, таким образом, *по своей организации* натуральным хозяйством, т.-е. хозяйством, опирающимся на натуральные повинности крестьянских хозяйств, но, как и прежде, если не в большей мере, считается с местным и более далеким рынком, в своей деятельности имеет его в виду, является меновым денежным хозяйством.

Так возникло средневековое феодальное поместье и средневековое феодальное барское хозяйство. Феодальным средневековое поместье является лишь постольку, поскольку крестьянская община, составляющая его основу,

подвластна сеньеру как носителю публичной власти, как члену государственного военного и правящего сословия. Феодальным средневековое барское хозяйство является лишь в той мере, в какой оно опирается на хозяйственные услуги крестьянских хозяйств не только экономически зависимых от сеньера людей, но и экономически независимых от сеньера и лишь политически подвластных ему членов общины, обязанных служить ему своими хозяйственными рессурсами *лишь на этом, публично-правовом основании*. Феодальным в средневековом, как и во всяком другом, обществе является лишь та власть и та зависимость между людьми, которая имеет своим источником публичное право, какие бы конкретные формы эта власть и эта зависимость ни принимали. Феодальным средневековое общество является лишь этой своей стороной, лишь в той мере, в какой его социальный строй представляет собою систему государственных сословий, соподчиненных на основе публичного права. Феодальным является средневековое общество лишь в одном из своих аспектов.

В Англии благодаря особенностям ее политического и социального развития, связанным с Нормандским Завоеванием, которое и непосредственно тяжело отразилось на материальном и правовом положении крестьянской массы, и через посредство сильно укрепленной благодаря ему государственной власти, получившей возможность широко организовать свое натуральное и свое денежное государственное хозяйство (вспомним широкую постановку, с одной стороны, военного дела на феодальной основе поместной системы, а с другой стороны, податного денежного обложения (geld) на основе земельного кадастра, — «Книга Страшного Суда») основная масса крестьянства во многих местах постепенно была приравнена к сословию полусвободных людей, сервов, и этот социальный факт нашел свое отчетливое выражение в юридической доктрине, окончательно сложившейся в XIII веке и усвоенной королевскими судами общего права, отожествившей виллана, прежде свободного крестьянина, с сервом, совершенно бесправным в отношении к своему сеньеру, — и только к нему одному, — а его общинный надел и его движимость объявившей собственностью сеньера. Лорд мэнора был признан и лэндлордом для основной группы населения поместья, а сама эта основная группа свободных общинников во многих деревнях была признана лично несвободными в отношении к нему и сидящими на его собственной земле арендаторами. Иными словами, отношения зависимости, возникшие на основе публичного права, были переведены государством на язык частного права. Сеньериальные права лорда мэнора в отношении к вилланам и к их хозяйственным рессурсам были превращены в его право частной собственности в отношении к вилланам его мэнора и к их общинным наделам. В сословие вилланов-сервов попали и многие из тех, кто действительно сидел на собственной земле (terra dominica) лорда мэнора, но едва ли может быть сомнение, что огромное большинство вилланов до своего превращения в вилланов-сервов были свободными людьми, сидевшими на собственной земле и лишь политически подвластными лорду мэнора.

И, тем не менее, такая радикальная перемена в правовом положении вилланов, основной группы сельского населения очень значительной части страны, не вызвала радикальных перемен в жизни и в строе английского феодального поместья. Оно попрежнему продолжало сохранять все основные свои особенности, присущие ему как средневековому феодальному поместью, все своеобразие своей хозяйственной организации, своего правового строя и своего корпоративного

уклада. Правда, те правовые нормы, которые попрежнему продолжали регулировать хозяйственную и все другие стороны жизни вилланов, утратили в глазах общего права свое строго юридическое значение, оказались уже вне поля зрения королевских судов, применявших это общее право, и были низведены на беззащитное перед судами короля положение *consuetudinis manerii*, мэнориального обычая, но в пределах мэнора они сохранили свою прежнюю юридическую непререкаемость. Государственная власть отказалась от вмешательства в отношения между вилланами и лордом мэнора, предоставив на полную его волю (voluntas domini) и самих вилланов, и земли их, и регулировавшие их жизнь распорядки. И, несмотря на это, все в сущности оставалось по-старому: и аграрный строй общины, и хозяйство ее, и ее право. Барское хозяйство попрежнему продолжало представлять собою недостаточно дифференцировавшуюся часть общинной хозяйственной организации и попрежнему продолжало опираться на крестьянские хозяйства членов общины. Правда, теперь оно могло расширить свой масштаб в виду возможности более интенсивно эксплоатировать хозяйственные рессурсы вилланов, ставших сервами, и могло расширить свою связь с местным и более далеким рынком; но оно не изменяло, тем не менее, своей натурально-хозяйственной основы, т.-е. своей зависимости от натурально-хозяйственных повинностей, лежавших на крестьянских хозяйствах членов общины, и поэтому в его интересах было, как и прежде, чтобы налаженный аграрный и хозяйственный порядок общины не расстраивался и тем обеспечивал силу и крепость крестьянских хозяйств, на которые оно опиралось.

Таким образом, теоретическое превращение лорда мэнора в лэндлорда для всей основной группы населения крестьянской общины, во главе которой он стоял в качестве ее сеньера, превращение политической зависимости огромного большинства этой группы и в зависимость экономическую и личную не нарушало характерной для отношений между барским двором и своеобразно связанной с ним крестьянской общиной известной гармонии хозяйственных интересов и не превращало этой гармонии в антагонизм и в борьбу этих интересов, характеризующую отношения между экономическими классами. Антагонизм и борьба классовых интересов до поры, до времени еще сравнительно мало давали себя знать в отношениях между сеньером и вилланами, хотя юридическая доктрина XIII века и конструировала эти отношения в терминах экономической зависимости.

Гармония хозяйственных интересов, столь характерная для отношений между барским двором и крестьянской общиной, с естественной необходимостью вытекает из натурально-хозяйственной организации барского хозяйства. Пока общие хозяйственные условия в стране не расширили сравнительно узких рамок хозяйственного оборота и не открыли перед барским хозяйством лорда мэнора широких коммерческих перспектив, оно не чувствовало тесноты тех рамок, в которые оно само было заключено, ограниченное в своей организации главным образом хозяйственными рессурсами данной мэнориальной группы, опираясь прежде всего на хозяйственные средства зависимых от сеньера крестьян данного мэнора, и часто не видело надобности выходить за эти узкие рамки, и поэтому у лорда мэнора не было хозяйственных мотивов разрушать натурально-хозяйственную организацию своего барского хозяйства, т.-е. разрывать его связь с крестьянскими хозяйствами членов общины, его зависимость от лежавших на них натуральных, повинностей, и становиться на путь

свободного комбинирования своих свободных хозяйственных рессурсов во всей широте понимания своих землевладельческих прав, какими наделила его юридическая доктрина XIII века, применительно к широким и разнообразным запросам все расширявшегося рынка. Пока рынок сохранял характер сравнительно узкого местного рынка, барское хозяйство лорда мэнора продолжало сохранять свою натурально-хозяйственную организацию, и продолжал оставаться неизменным и аграрный и хозяйственный строй общины, на хозяйственные рессурсы которой оно опиралось.

Книга Страшного Суда (Domesday Book) и опиравшаяся на нее система денежного обложения (geld) не оставляют никакого сомнения в том, что меновое, денежное хозяйство сделало уже в англо-саксонской Англии гораздо более значительные успехи, чем это принято думать (и новейшие изыскания в истории хозяйственных связей, насколько они были развиты в обществах средневековой Европы, вполне подтверждают это заключение). Нормандское Завоевание, создав прочный и широкий государственный порядок, несомненно, создало тем очень важное условие для дальнейшего расширения хозяйственных связей в стране, а поставив во главе государства нормандского герцога, более тесною и в то же время и более широкою связью связало Англию с хозяйственною жизнью континентальной Европы и тем также способствовало дальнейшему расширению в Англии хозяйственного оборота. Неудивительно, что в Англии хозяйственная эволюция пошла усиленным темпом в направлении к народному хозяйству.

Давая характеристику барского хозяйства средневекового английского феодального поместья как хозяйства натурального по своей организации (но не по своим функциям), т.-е. опирающегося на натуральные повинности крестьянских хозяйств членов общины, мы ни на минуту не забывали того, что не все в отношениях между сеньером и вилланами его мэнора, равно как и другими членами общины, сводилось к натуральным повинностям, что с давних пор отношения эти выражались и в денежных платежах. Не забывали мы и того, что эти денежные платежи были не только чисто фискальными платежами, но являлись нередко и изначальной повинностью крестьян, а также и заменой тех или иных натуральных повинностей, лежавших на крестьянских хозяйствах членов общины. Коммутация, перевод натуральных повинностей на деньги, началась в Англии давно, и в XIII веке, который обыкновенно считается классической порой английского феодального поместья, процесс этот сделал уже очень значительные успехи, как об этом свидетельствуют писцовые источники как правительственного, так и вотчинного происхождения.

Коммутация разрывала характерную для барского хозяйства лорда мэнора связь с крестьянскими хозяйствами членов общины, выводила барское хозяйство из тесной зависимости от определенной, узко ограниченной комбинации хозяйственных сил, какую представляла совокупность хозяйственных единиц, входивших в узкие рамки сельской общины, и открывала перед ним возможность более широких и более свободных хозяйственных комбинаций. Разрушая таким образом свою натурально-хозяйственную организацию, барское хозяйство лорда мэнора перестает быть заинтересованным в сохранении аграрного строя общины. Сохранение этого строя не только не является для него теперь, как это было прежде, экономической необходимостью, необходимым условием для его собственного существования, но, чем дальше, тем все больше

и больше, становится в противоречие с его все более и более расширявшимися денежно-хозяйственными, меновыми, коммерческими интересами, становится прямым тормазом для широкаго и свободного хозяйственного размаха, делавшегося все более и более возможным для лорда мэнора, как хозяина-предпринимателя, с ростом народно-хозяйственных связей в стране. В интересах постепенно разрушавшего свою натурально-хозяйственную организацию барского хозяйства было как можно скорее освободить свою землю от уже стеснявших ее общинных пут и по возможности расширить свои размеры. А это расширение было возможно лишь путем изъятия из общинного пользования еще не занятых под обработку земельных пространств. Мертонский (1236 г.) и Второй Уэстминстерский статуты (1285 г.) идут навстречу этой развивавшейся у лордов мэноров потребности в расширении размеров своих барских хозяйств, подтверждая за лордами право считать общинные угодья своей частной собственностью (lord's waste) и в меру своих хозяйственных надобностей брать ее под обработку, совершенно не считаясь с интересами своих вилланов, основной группы населения многих мэноров. И это не была, строго говоря, экспроприация со стороны лордов мэноров. Они лишь осуществили теперь то право собственности на землю своих вилланов, которое было признано за ними юридической доктриной королевских судов. Теперь-то они и начали переводить на чисто экономический язык свои права собственности в отношении к вилланам-сервам и к их земельным участкам. Пока права эти они осуществляли лишь в отношении к общинным угодьям вилланов. В XVI веке им понадобились и пахотные участки вилланов, уже успевших к тому времени превратиться в копиголдеров. Во всяком случае гармонии хозяйственных интересов барского двора и крестьянской общины наступал конец, а вместе с этим наступал конец и средневековому, так называемому феодальному барскому хозяйству. Относительная гармония хозяйственных интересов между двумя общественными организмами, из своеобразного сочетания которых состояло средневековое феодальное поместье, уступала место их антагонизму и борьбе. Лорд мэнора выступал теперь перед общиной как лэндлорд во всей осязательной реальности своей экономической власти над нею и со всею неукоснительностью своих враждебных ей классовых интересов. То, что было до сих пор юридической возможностью, становилось теперь суровой экономической реальностью. Средневековое феодальное поместье отходило в прошлое, и в его рамках складывалась новая жизнь.

Коммутация знаменовала, таким образом, наступление в жизни и в строе мэнора перемен коренного свойства, разрушавших самые основы поместной организации. Постепенно утрачивавшее характер натурально-хозяйственной организации, барское хозяйство, уже не связанное тесными рамками хозяйственных сил аграрного союза, в состав которого оно в большой мере до тех пор входило, уже не завися в той мере, как прежде, от хозяйственных услуг крестьянских хозяйств общины, становилось все более и более в широкую внемэнориальную зависимость от свободно передвигавшихся по территории страны рабочих рук, от внемэнориального рабочего рынка. На этот рынок несли свои руки как те элементы сельского населения, которые и прежде были налицо в каждом феодальном поместье в виде всякого рода мелких держателей, сидевших на земле лорда и на земле держателей полных наделов или частей их и восполнявших свои скудные средства отдачей в наймы и лорду, и его дер-

жателям своих рабочих рук, поскольку они в них тогда нуждались, так и те, которых процесс коммутации освободил теперь от обязательной работы в барском хозяйстве. Рост рабочего класса, не считавшегося уже с мэнориальными перегородками и готового к услугам каждого нанимателя и приходившего все к более и более ясному сознанию своих классовых интересов и их противоположности интересам нанимателей, являлся естественным и необходимым последствием разрушения барским хозяйством своей натурально-хозяйственной основы в смысле освобождения его от органической связи с зависимыми крестьянскими хозяйствами и вступления его в широкую внемэнориальную, народно-хозяйственную связь с внешним миром.

Освобождая свое барское хозяйство от исконной органической связи с общиной и с хозяйственными рессурсами ее членов и решительно вводя его в систему внемэнориальных, народно-хозяйственных отношений, сеньер мог спокойнее относиться к тому, что и его вилланы расширяли свои хозяйственные отношения за мэнориальные пределы, не только пополняя кадры не считавшегося с мэнориальными перегородками рабочего класса, но и приобретая за пределами своего мэнора землю и вступая в зависимые отношения, связанные с ней, с лордами других мэноров. Правда, и в прежнее время виллан не был связан с своим участком и с своим мэнором теми неразрывными узами, какими был связан с своим участком и с своим поместьем римский колон IV и V века, и мэнориальные перегородки и тогда не являлись китайской стеною, совершенно отгораживавшей мэнориальное население и мэнориальную жизнь от внешнего мира, и на территории любого мэнора всегда можно было встретить подданных и вилланов чужих сеньеров; но приобретать землю в чужом мэноре виллану запрещалось. Не беспокоило теперь поместную администрацию и то, что вилланы свободно дробили свои наделы, передавали части их одни другим в арендное пользование и на других основаниях. Для барского хозяйства, раз оно уже не опиралось в такой мере, как в прежнее время, на крестьянские хозяйства членов общины, и прежде всего вилланов, и не было уже так, как прежде, заинтересовано в том, чтобы эти крестьянские хозяйства сохраняли свою прежнюю крепость и силу, было уже безразлично, какие формы принимает хозяйственная жизнь мэнориальной группы. Свобода хозяйственного оборота среди поместного населения не встречает уже никаких стеснений со стороны барского двора. Скупка земли вилланами друг у друга и особенно сдача ее друг другу в денежную краткосрочную аренду принимает широкие размеры и постепенно разрушает старую надельную систему. Развивается даже настоящая земельная спекуляция. Все это создает очень благоприятную почву для развития класса мелкой сельской буржуазии, деревенских кулаков, не брезгающих ничем в процессе созидания своего материального благополучия.

Из этого, несомненно, класса деревенских дельцов, все укреплявшегося, выходило не мало тех арендаторов, в руки которых на условиях краткосрочной денежной аренды, все более и более развивавшейся, переходили те сотни и тысячи акров общинных пустошей, которые Мертонский и Второй Уэстминстерский статуты передали в исключительную собственность и в исключительное пользование лордам мэноров и которые эти последние эксплоатировали как в собственном, свободном от общинных стеснений и свободно расширяемом хозяйстве, так и сдавая в денежную аренду и своим держателям, и посторонним.

Так складывалась хозяйственная жизнь в английском феодальном поместье, когда на Англию обрушилась Черная смерть и унесла едва ли не больше целой трети ее населения. Экономические последствия Великого мора еще отчетливее подчеркивают народно-хозяйственный характер, который к этому времени все определеннее и определеннее принимала эта жизнь, уже не сдерживаемая мэнориальными рамками. Хозяйственный кризис, вызванный Черною смертью, был прежде всего и главным образом рабочим кризисом во всем народно-хозяйственном его значении.

Рабочее законодательство, пытавшееся устранить этот кризис, потерпело неудачу, встретив энергичное и нередко организованное противодействие со стороны рабочих и не будучи в состоянии устранить междоусобную борьбу из-за рабочих рук между нанимателями, совершенно игнорировавшими требования закона, а также устранить злоупотребления правительственных агентов, нередко действовавших, по своекорыстным побуждениям, в интересах не стеснявшихся с законом нанимателей.

Основная причина этой неудачи в том, что английское правительство XIV века, издавая против рабочих ордоннанс и статуты, стояло на почве старых, чисто средневековых принципов экономической этики и решительно выступало против свободной игры экономических интересов. принявшей к тому же форму резкой экономической борьбы между разными общественными группами, и видело в ней лишь временное, случайное отклонение от регулируемого твердым обычаем естественного порядка, легко устранимое при надлежащем воздействии на злую волю индивидуумов, сбившихся с пути добродетели, и не замечало того, что эта свободная борьба хозяйственных интересов в действительности представляла собою основную черту того хозяйственного строя, который уже принял такие определенные очертания ко второй половине столетия и, уже в очень значительной мере порвав со старыми социальными категориями и уже мало считаясь с мэнориальными перегородками, все отчетливее и отчетливее выдвигал на первый план группировку общества по экономическим классам с характерными для их взаимных отношений антагонизмом и борьбою их хозяйственных интересов. Отсюда и жестокость рабочей политики английского правительства XIV века. Эта его близорукость и это непонимание реальной экономической действительности и трактование сложного общественного явления, какое представлял собою вызванный чумою рабочий кризис, в терминах индивидуальной этики и психологии и в то же время непоколебимая вера его в справедливость и действительность полицейского воздействия на злую волю рабочих и игнорировавших закон нанимателей — все это делает для нас понятным ту последовательность и неуклонность, с какой правительство выдвигает против рабочих одну суровую меру за другой, тем более суровую и беспощадную, чем более упорно было сопротивление, на которое ему приходилось натыкаться. В результате, вся рабочая масса страны, без различия свободных и вилланов, безземельных пролетариев и мелких землевладельцев, была поставлена вне закона и стала жертвой организованного хронического террора и вместе с тем очагом самого крайнего раздражения и самой бурной злобы против всех без различия представителей государственного порядка, представляя собою горючий материал для самых опасных вспышек.

И в то же время нельзя сказать, чтобы рабочее законодательство Эдуарда III и Ричарда II совсем не считалось с хозяйственною действительностью.

Заставляя лорда мэнора поступаться своими исключительными правами в отношении к вилланам своего мэнора в пользу нанимателя, оно обнаруживает совершенно определенную анти-феодальную тенденцию и в этом смысле вполне стоит на почве современной ему хозяйственной действительности, которая уже не считалась с мэнориальными перегородками, развиваясь в направлении к народному хозяйству со всеми его экономическими и социальными особенностями, и в интересах этой действительности раздвигает ставшие узкими для нея юридические рамки, приспособляя таким образом отставшее от экономической действительности и ею уже давно игнорируемое право к ее настоятельнейшим интересам, особенно резко давшим себя знать в момент вызванного Черною смертью рабочего кризиса. Рабочее законодательство, как и вызвавшая его хозяйственная действительность, решительно порывает со старыми, феодальными, публично-правовыми социальными категориями, сеньерами и вилланами, и выдвигает на первый план чисто экономические категории нанимателей и рабочих. Не допуская борьбы хозяйственных интересов экономических классов, оно, тем не менее, признает эти экономические классы и даже, с своей стороны, выдвигает их на первый план и отодвигает на задний план старые, феодальные, государственные сословия.

Система феодальных, политически соподчиненных государственных сословий постепенно разрушается. Ее отрицает хозяйственная жизнь, все более и более расширяющаяся и постепенно разрушающая хозяйственную и социальную базу феодального поместья и феодального общества и государства, разрывающая тесную хозяйственную связь и зависимость барского двора и деревни, возникшую на основе политической власти сеньера, и тем подготовляющая ликвидацию крепостного вилланства, которое постепенно становится экономически ненужным институтом и мало по малу вымирает, превращая вилланов из закрепощенного за сеньером в процессе феодализации Англии государственного сословия в чисто экономический класс мелких землевладельцев и земледельцев. Ликвидация высшего феодального государственного сословия началась еще раньше, проводимая сознательно и планомерно государственной властью по мере того, как она получала все бо́льшую и бо́льшую возможность те или иные функции его, как военного и правящего сословия, передавать органам все осложнявшегося центрального и местного управления, постепенно опять превращая таким образом феодальных сеньеров в экономический класс крупных землевладельцев. Феодальные, государственные сословия средневековой Англии, как в соответствующее время и всей остальной феодальной Европы, постепенно отходят в историю, и все определеннее и отчетливее кристаллизуются экономические классы. Хозяйственная жизнь страны освобождается от в той или иной мере территориально стеснявших ее свободное движение и развитие феодальных пут, чтобы уже беспрепятственно, без этих, по крайней мере, помех, течь по широкому руслу все раздвигавшего свои рамки народного хозяйства.

В Англии XIV века процесс этот был еще очень далек от своего завершения. Но едва ли можно сомневаться, что в это столетие он уже очень определенно обозначился, сделал очень значительные успехи. Об этом совершенно определенно свидетельствуют как рабочий кризис, вызванный Черной смертью, так и меры, принятые для его разрешения. Мы разумеем не только анти-феодальное по существу рабочее законодательство Эдуарда III и Ричарда II,

но и феодальную реакцию и вызванную ею ожесточенную социальную борьбу, наполняющую вторую половину XIV века.

Если рабочее законодательство развило в народной массе крайне враждебные чувства к представителям государственного порядка, то феодальная реакция, до крайних пределов напрягавшая феодальные права сеньеров в отношении к своим вилланам и не останавливавшаяся даже перед попытками восстановить выкупленную уже в большинстве случаев барщину вилланов, вызвала в массе непреоборимое стремление раз навсегда покончить со старым социальным укладом жизни, хотя и решительно отодвинутым иными социальными формами, но юридически еще не упраздненным и таящим в себе опасности для этих последних и связанных с ними хозяйственных интересов. Неудивительно, что вспыхнувшее летом 1381 года на почве аффекта, без заранее составленного плана, без заранее выработанной ad hoc общей программы и без заранее образованной ad hoc общей организации, чисто политическое по своим непосредственным причинам и поводам восстание немедленно же приняло и социальный характер, вскоре оттеснивший на второй план его политическую сторону, и превратилось в решительный протест против крепостного права, вилланства, как с его юридической, так и с его хозяйственной стороны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1381 г.

Материал, находящийся в распоряжении исследователя восстания 1381 года, весьма разнообразен и обилен.

Прежде всего следует назвать протоколы комиссий, наряженных для следствия и суда над лицами, принимавшими участие в восстании, хранящиеся в Государственном Архиве (Public Record Office) в Лондоне. Это — *Praesentationes de Malefactoribus qui surrexerunt contra Dominum Regem etc. 4. 5 Ric. II (Chapter House Miscellanea.* $^{21}/_{13}$*)*, относящиеся к Кентскому графству, затем *Coram Rege Rolls*, относящиеся больше всего к городу Лондону и к графствам Essex, Middlessex, Herfordshire, Surrey, Sussex, Norfolk, Suffolk и Kent, затем *Ancient Indictments Assize Rolls* и, наконец, *Cantebrg. Plac. ad perturbatores pacis puniend' etc. et presentaciones 5 Ric. II (Chapter-House Placita, 33)* (дело об инсургентах города Кэмбриджа и Кэмбриджского графства). Часть этих протоколов напечатана вместе с другими относящимися к восстанию документами в книге *Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381* par André Réville: études et documents, publiés avec une introduction historique par Ch. Petit-Dutaillis. Paris, 1898, и в сборнике *The Peasants' Rising, and the Lollards.* Unpublished Documents. Edited by Edgar Powell and G. M. Trevelyan. London, 1899. Некоторые из них напечатаны в книге *The Rising in East Anglia in 1381* by Edgar Powell. Cambridge, 1896, и в книге *The Great Revolt of 1381* by Charles Oman. Oxford, 1906. Нам приходилось изучать их (в 1889—90 г.) еще в рукописях.

Не мало данных можно извлечь из так называемых Patent Rolls и Close Rolls, королевских распоряжений, рассылавшихся из королевской канцелярии самым различным лицам (в большинстве случаев представителям провинциальной администрации) и по самым различным поводам. Некоторые из них напечатаны у Rymer'a в его *Foedera* etc. (в IV томе нового издания и в т. III, ч. III старого) и в приложении к третьему тому парламентских протоколов *(Rotuli Parliamentorum* v. III); остальные в рукописи хранятся в Public Record Office в Лондоне. Чрезвычайно ценный документальный материал для изучающего восстание представляют сами эти парламентские протоколы, относящиеся к 5, 6 и 7 годам царствования Ричарда II и напечатанные в этом же третьем томе *Rotuli Parliamentorum*, а также постановления, принятые парламентом после подавления восстания и напечатанные во II томе *Statutes of the Realm.*

Едва ли нужно доказывать важность всех этих документов для исследователя восстания 1381 года: ведь это — первоисточники для восстановления этого исторического факта во всей возможной его конкретности, та твердая почва, на которую исследователь прежде всего должен опираться, вооружившись и в этом, конечно, случае достаточным критическим смыслом.

Иное приходится сказать о другом материале, с которым также должен иметь дело исследователь восстания, — о весьма богатом материале хроник как современных восстанию, так и составленных в более позднее время. Как ни богат относящийся к восстанию 1381 года документальный материал, но в нем мы не находим прямого подтверждения чрезвычайно интересных известий, переданных нам современными и более поздними хроникерами и бросающих свет на такие стороны движения, без знакомства с которыми представление наше о нем будет неполным в весьма существенных пунктах. В какой мере можно пользоваться данными хроник в таких случаях, и в какой мере вообще заслуживают доверия эти хроники, это становится ясным лишь после тщательного критического анализа этих данных. В первом издании этой нашей работы (*Восстание Уота Тайлера*. Часть первая, глава вторая) (напечат. в *Журнале Мин. Народн. Просв.* за 1896—1897 год, а также вышла в 1897 г. отдельной книгой) мы произвели этот анализ; здесь же мы даем лишь самые существенные его результаты.

Среди летописных источников, с которыми приходится иметь дело исследователю восстания 1381 года, первое место по обстоятельности данных бесспорно принадлежит хроникам сэнт-албанского аббатства — «*Хронике Англии*» с.-албанского монаха, «*Английской истории*» Томаса Уолсингэма и «*Деяниям аббатов монастыря св. Альбана*» того же Томаса Уолсингэма [1].

Интересующиеся чисто историографическою стороной дела могут найти во введениях к этим хроникам сведения о времени составления и о взаимных отношениях этих источников и об их авторах. Они узнают, что в основе тех частей *Historia Anglicana* и *Gesta Abbatum*, которые повествуют о событиях 1381 года, лежит текст *Chronicon Angliae*, составленной в конце XIV века одним из монахов с.-албанского монастыря, в чем не трудно убедиться, сопоставляя соответствующие места названных источников. В *Historia Anglicana* текст этот воспроизведен целиком лишь с самыми незначительными изменениями в отдельных словах; автор *Истории* — глава переписчиков с.-албанского аббатства во второй половине XIV века, Томас Уолсингэм, воспроизводя, таким образом, почти без всяких изменений текст *Хроники*, дополняет рассказ неизвестного монаха некоторыми подробностями о восстании держателей с.-албанского монастыря [2]. В третьем томе *Gesta Abbatum* рассказ о восстании подданных с.-албанского аббатства отличается еще большею обстоятельностью: автор *Деяний* не только дополнил текст соответствующих мест *Истории* весьма интересными подробностями, но и снабдил свое повествование чрезвычайно ценными документами в виде жалобы, поданной королю с.-албанским аббатом Томасом de la Mare в первые дни восстания, происшедшего в С.-Албансе [3], и обязательств и грамот, которые монастырь принужден был выдать горожанам С.-Албанса и жителям всех остальных сел и городов, находившихся под властью аббатства [4]. Документами в изобилии снабжены все три тома *Gesta Abbatum*, и благодаря этому *Деяния* являются богатейшим сборником чрезвычайно ценного материала для социальной истории средневековой Англии

с помощью которого мы получаем возможность связать восстание 1381 года с основными процессами английского общественного развития.

Автор *Chronicon Angliae* в такой же малой мере, как и все остальные летописцы всех стран и народов, если еще не в меньшей, напоминает классический образ пушкинского Пимена. Беспристрастного изложения событий 1381 года нельзя искать у этого защитника существующего социального порядка, у члена духовной корпорации, владевшей огромными поместьями и тысячами рабочих рук. Симпатии и антипатии безымянного с.-албанского монаха выступают с полной определенностью, сквозят в каждой строке его украшенного повествования. Особенною страстностью проникнут рассказ летописца о событиях последних годов царствования Эдуарда III. Здесь автор *Хроники* выступает в качестве ожесточенного врага Джона Гентского, герцога Ланкастерского, фактически управлявшего Англией в это время и совершенно игнорировавшего политические права и вольности английского народа.

Как ни энергичен язык анонимного монаха в рассказе о событиях 1381 г., тем не менее мы не замечаем у него тенденции искажать истину; в этом убеждает нас сопоставление его сообщений с тем, что нам дают документы в тех случаях, когда мы имеем известия из того и из другого источника. Пристрастие автора отражается только на его стиле, имеет, так сказать, чисто литературные последствия, не понижая исторической ценности сообщаемых им данных. Рассказывая, например, о вступлении инсургентов Кента и Эссекса в Лондон, автор объясняет дружеский прием, который они встретили у простонародья столицы, тем, что они совсем не грабили, за все платили деньги по справедливой цене и всякого, уличенного в воровстве, немедленно предавали смерти [5]. Отправившись вместе с жителями Лондона громить дворец герцога Ланкастерского, так называемый *Савой*, они, по словам автора, сделали оповещение, что никто, под страхом отсечения головы, не смеет присвоивать себе что-нибудь из вещей, находящихся во дворце, но что все должно быть изрублено и разбито на мелкие части и брошено в Темзу; и это распоряжение было в точности исполнено [6]. Мало того. «Разбойники» и «негодяи» изображаются воодушевленными самыми высокими идеями справедливости и общего блага.

Можно даже сказать, что восстание в изображении с.-албанского монаха представлено в идеализированном виде. Чтобы убедиться в этом, следует только обратиться к судебным протоколам; там мы найдем целый ряд совершенно объективных данных, не оставляющих сомнения, что во время восстания было совершено не мало самых прозаических грабежей и других форм присвоения чужой собственности. Само собою разумеется, что отрицать на этом основании всякое идейное содержание в восстании 1381 года мы не имеем права при наличности столь же объективных данных, противоречащих такому пониманию явления. Факты, выступившие на судебном разбирательстве, терялись в общей картине грандиозного движения, направленного к ниспровержению социального строя во имя свободы человека, «созданного по образу и подобию божию», к искоренению насилий и угнетения, которые позволяли себе правительственные чиновники, забыв долг и честь, эти «изменники королю и общине», грабившие казну и разорявшие простой народ [7]. Это общее впечатление передалось и автору *Хроники Англии*, и он воспроизвел его, несмотря на все нерасположение свое к «омерзительнейшим из крестьян» («non

solum rusticos, sed rusticorum abjectissimos») [8]. По всем своим интересам и симпатиям принадлежа к господствующему классу землевладельцев, с.-албанский монах не находит возможным отрицать справедливость и того, что сеньеры являлись тиранами в отношении к своим зависимым людям («erant praeterea in subditos tyranni») [9] и тем, как думают некоторые, вызвали восстание 1381 г.

Изложение анонимного монаха отличается большою литературностью. Он, можно сказать, слова в простоте не скажет; мысль его всегда выбирает самую изысканную форму для своего выражения, предпочитая длинный, построенный по всем правилам риторики, изящно закругленный период всякому другому, более непосредственному способу словесной передачи мыслей и впечатлений. Ему хорошо, повидимому, знакомы образцы древнего летописания, он вполне проникся их духом; и для него, как и для классических историков, история есть opus maxime oratorium. Не искажая существа сообщаемых им фактов, он, повидимому, вполне признает за историком право украшать их, с помощью воображения подвергать их литературной обработке, в результате которой краткое сообщение источника, откуда автор черпал свои сведения, превращается в целую картину, часто в целую весьма драматическую сцену с красивыми речами действующих лиц. Сцена убиения архиепископа кентербэрийского может служить типичным примером приемов автора [10].

Эти литературные наклонности автора *Хроники* необходимо иметь в виду вообще при оценке сообщаемых им известий и в особенности тех, которых мы не можем проверить путем простого сопоставления с данными документов. Но совпадение многих сообщений сэнт-албанского монаха с данными документов и его беспристрастие и добросовестность позволяют нам внимательно отнестись к нему и в таких случаях. В частности, мы имеем в виду сообщаемую им *Исповедь Джэка Строу (Confessio Johannis Straw)* [11]. *Исповедь* эта дает чрезвычайно важные сведения о характере движения 1381 года, и установить ее историческую ценность является делом первостепенной важности.

Летописец рассказывает, что в числе лиц, осужденных комиссией, заседавшей в Лондоне с лондонским мэром Уилльямом Уолворсом (Walworth) во главе, был и Джон Строу, один из вождей восставших, «который после Уота Тайлера был самый главный между ними» [12]. Перед казнью к нему обратился мэр и советовал ему, в интересах загробного спасения, сообщить ему о целях и намерениях восставших, обещая ему заказать за упокой его души множество панихид; такое же обещание дали многие из присутствовавших при этом лондонских горожан. На это Строу, «ободренный такими прекрасными обещаниями» («jam animatus tam pulchris pollicitationibus»), отвечал следующее: «Нет надобности, да и не годится теперь говорить ложь — она только усилит муки, на которые будет отдана моя душа, — и тем более не годится, что, если я буду говорить правду, я этим надеюсь получить двойную выгоду: во-первых, то, что я скажу, будет на пользу государству, а, во-вторых, вы, согласно вашему обещанию, поможете мне после моей смерти вашими молитвами. Поэтому я буду говорить без всяких прикрас лжи» [13]. С этими словами Строу стал раскрывать цели и намерения восставших.

«В то время, — сказал он, — когда мы собрались на Блэкгизсе и решили позвать к себе короля, намерения наши были таковы. Всех рыцарей, оруженосцев и остальных дворян, которые придут с королем, мы решили немедленно же умертвить; самого же короля мы думали водить с собою с места

на место, воздавая ему все царские почести, для того, чтобы все, в особенности простой народ, видя его с нами, смелее присоединялись к нашей толпе, думая, что сам король зачинщик нашего мятежа. Собрав таким путем по всем графствам бесчисленную толпу простого народа, мы намеревались внезапно предать смерти всех сеньеров, которые бы затевали что-нибудь против нас или вздумали бы оказывать нам сопротивление; и прежде всего, и главным образом занялись бы мы истреблением госпитальеров. Затем мы бы убили короля и стерли с лица земли всех духовных землевладельцев (possessionatos), епископов, монахов, каноников, кроме того, настоятелей приходских церквей (rectores). В живых остались бы одни нищенствующие монахи (mendicantes), и их достаточно было бы для совершения таинств во всей стране. Когда бы уже никого не осталось, кто был бы значительнее нас, храбрее и ученее, мы думали по своему желанию издать законы, по которым управлялись бы подданные. Тогда мы избрали бы себе и королей: Уолтера Тайлера поставили бы королем в Кенте, а в остальных графствах в каждом особого. Но так как выполнению этого нашего плана помешал архиепископ, то мы воспылали к нему сильнейшей ненавистью и постарались поскорее предать его смерти. Затем, под вечер того дня, когда был убит Уолтер Тайлер, мы, имея на своей стороне простой народ Лондона, в особенности людей беднейших, предполагали зажечь город (Лондон) сразу с четырех концов и все найденные в нем сокровища полюбовно разделить между собою. Вот что входило в наши планы,— прибавил в заключение Строу, — да поможет мне бог на исходе моей жизни» [14].

После этого Строу отрубили голову и выставили на Лондонском мосту рядом с головою товарища его Уота Тайлера.

Едва ли может быть сомнение в том, что форма, в какой мы имеем здесь эту *Исповедь*, всецело принадлежит с.-албанскому анониму, красноречиво свидетельствуя о его литературном даровании; то же нужно сказать и о всей обстановке, при которой давал свои предсмертные показания Джэк Строу, представленный у автора истинным христианином, пекущимся о своей душе, с рассудительною практичностью истинного англичанина устраивающим свою загробную судьбу, и притом так, что и остающиеся на земле получают не малую выгоду от его предусмотрительности. Под вопросом находится содержание этой *Исповеди*, все то, что Строу говорит о планах и намерениях восставших.

Исповедь, по мысли автора *Хроники*, должна подкреплять утверждение его, что восставшие намеревались разрушить государство («in regni destructionem cogitaverant») [15]. На случай, если бы исповедь одного человека показалась недостаточною для этой цели, он прибавляет, что те же или совершенно подобные признания сделали перед смертью и многие другие, потом попавшие в руки правительства [16]. К сожалению, он не приводит всех этих показаний, не находя в этом надобности в виду их тожественности с *Исповедью* Строу.

Не имея до сих пор случая усомниться в правдивости автора *Хроники*, мы и приведенные методологические заявления его об *Исповеди* Строу не находим возможным заподозрить в неискренности, не можем видеть в них хитрой уловки памфлетиста, желающего сообщить своим тенденциозным утверждениям характер объективных фактов, выдавая их за подлинные, документально заверенные слова причастных делу лиц. Мы, естественно, склонны думать, что с.-албанский монах не сочинил от себя показаний Строу, что

объективно существовали и показания многих других деятелей восстания 1381 года, тожественные с *Исповедью* Строу и по этой причине не приведенные автором *Хроники*. Тем не менее, для того, чтобы наша готовность верить превратилась в полную уверенность, что в *Confessio Johannis Straw* мы имеем дело с действительными показаниями одного из вождей восстания, необходимо рассмотреть содержание *Исповеди* в связи с другими имеющимися у нас свидетельствами как летописного, так и документального характера.

Сопоставляя *Исповедь* Строу с данными хроник (в том числе и *Хроники Англии*) и документов [17], мы приходим к заключению, что в *Исповеди* мы должны видеть не продукт литературного творчества с.-албанского монаха, увлекшегося своею склонностью к драматическому изложению событий, а нечто большее, исторически более ценное. Не находя в то же время возможным признать текст *Исповеди*, в том виде, как передал его нам автор *Хроники*, подлинным текстом показаний Джэка Строу вследствие большой литературности *Исповеди* сравнительно с известными нам подлинными показаниями некоторых из участников восстания 1381 года, ничем не отличающимися от обыкновенных казенных бумаг, испещренных бесчисленными «вышеупомянутый», «названный» и тому подобными мало выразительными прилагательными, мы думаем, что в основе *Исповеди* лежит подлинный текст подлинных показаний Строу, но подвергнутый с.-албанским летописцем весьма тщательной литературной обработке, которая, не исказив содержания документа, в то же время сообщила ему форму, вполне соответствовавшую изысканным литературным вкусам анонимного монаха. Если королевские указы и другие исходившие от официальных лиц и учреждений документы он передавал в том виде, в каком они явились в свет, то с показаниями, дававшимися вождями и другими участниками восстания, он, повидимому, считал себя в праве обращаться более свободно, давая волю своему пристрастию к красивой фразе, к правильно построенному периоду, к драматическому эффекту. Но, украшая действительность, он далек был от ее искажения; воспроизводя материал, он только изменял его форму. Все это дает нам право пользоваться *Исповедью* Строу с таким же доверием к ее содержанию, с каким мы относимся к самым подлинным документам, в частности к тем судебным протоколам, которые в большом количестве дошли до нас от 1381 и следующих ближайших годов.

Является вопрос: как примирить заявления Строу о разрушительных намерениях восставших с целым рядом не менее бесспорных фактов, рисующих поведение восставших как в Лондоне и его окрестностях, так и в самых отдаленных уголках глухой провинции совсем иными красками?

Несомненно, восстание 1381 года было ознаменовано очень большим количеством действий крайне разрушительного характера. В то время, как в Лондоне пылали дворцы, тюрьмы, архивы, и при страшных криках толпы летели с плеч головы архиепископа-канцлера и приора-казначея и менее значительных представителей центральной администрации, а также всех тех, кто на вопрос толпы: «ты за кого?» не знал, что следует ответить: «за короля Ричарда и его верные общины», повсеместно отряды восставших громили дома ненавистных народу лиц, заставляли лиц привилегированных классов присоединяться к ним и давать клятву верности королю и общинам, жгли документы, беспощадно убивали законоведов, не давали пощады королевским чиновникам и владельче-

ским министериалам, повсюду стремясь искоренить источники правительственных злоупотреблений и основы крепостного права; повсюду они заявляли, а многие и вполне искренно верили, что все это они делают по воле короля, издавшего приказ истреблять его изменников.

Все это факты вполне достоверные, засвидетельствованные самыми подлинными документами. Тем не менее, если только ими мы будем руководствоваться, желая составить реальное представление о том, что действительно происходило в 1381 году, то полученное таким путем представление не будет иметь всех требуемых признаков: оно будет слишком односторонним. Впечатление грозной революции, готовой ниспровергнуть весь государственный и общественный строй Англии, значительно смягчается, когда от картин народной мести, беспощадной, но не слепой, от сцен весьма дикого, но далеко не бессмысленного разрушения мы переносимся к другим сценам, к другим картинам, менее грандиозным и эффектным, но столь же реальным и выразительным, столь же существенным для понимания основного смысла движения, когда из центра движения, из Лондона и его окрестностей, мы переносимся в отдельные графства, в отдельные города.

Местные движения менее всего носят разрушительный характер. Провинциалы, жившие только интересами своей сельской или городской общины, более всего были чувствительны к тому, что имело непосредственное отношение именно к этим интересам. Поэтому, лишь только являлись к ним эмиссары из центра движения и оповещали им «волю короля и общин», они немедленно принимали меры к тому, чтобы улучшить свое положение среди данных условий, чтобы стряхнуть бремя феодальной зависимости от светских и духовных сеньеров, чтобы возвратить себе права, узурпированные, часто еще на памяти отцов, этими сеньерами, будут ли то общинные права на пахотную землю, на луга, леса, на рыбные ловли или права свободно управляющейся городской общины. Конечно, при этом не обходилось без того, чтобы непривыкшие сдерживать себя страсти и инстинкты не выражались иногда в резких проявлениях, стоивших даже жизни тем или другим представителям правительства и правящих классов; но, в общем, можно сказать, действия восставших не отличались разрушительным характером; напротив: они поражают нас своею легальностью, желанием восставших стоять на почве права и закона.

Читая богатые подробностями рассказы летописцев о восстаниях горожан или крестьян какого-нибудь монастыря против своих владельцев, рассказы, подкрепляемые рядом подлинных документов, не оставляющих и тени сомнения в их достоверности, выносишь впечатление, как будто присутствуешь при судебном разбирательстве гражданской тяжбы. Обе стороны ссылаются на документы, делают чрезвычайно кропотливые справки в прошлом, словом, пользуются всеми средствами, какие закон предоставляет человеку, отстаивающему свои имущественные права. Правда, мирное впечатление как будто несколько нарушается тем, что за спиной у истцов стоит вооруженная сила, что разбирательство происходит в присутствии огромной толпы с распущенными знаменами, с луками и стрелами, с заржавленными мечами и топорами; но не следует забывать, что только такая обстановка и возвращала аргументам истцов их законную убедительность, которую в мирное время отнимали у них вся сила и все могущество феодальной аристократии.

Мирные стремления провинциального люда нашли свое рельефное и, в сущности, полное выражение в петиции, поданной королю на Майл-Энде (Mile-End). Уничтожение крепостного права, перевод на деньги всех поземельных повинностей, свобода внутренней торговли и полная амнистия всем участникам восстания, — вот чего хотели тысячи людей, собравшихся на Майл-Энде [18]. Король согласился на их просьбу. Они получили освободительные грамоты за королевскою печатью, в которых король давал утвердительный ответ на все их требования, и мирно разошлись по домам, не подозревая никакого обмана и коварства со стороны того, кого они считали инициатором движения, источником правды и справедливости [19].

В виду всех этих совершенно несомненных фактов поставленный нами вопрос настоятельно требует ответа. В самом деле, как мы теперь должны отнестись к вовсе не выдуманным сэнт-албанским монахом заявлениям одного из вождей восстания, что восставшие намеревались с корнем вырвать все основы существовавшего тогда социального, политического и церковного строя, истребить всех, кого этот строй ставил в положение привилегированных как в смысле власти, так и в смысле экономического и даже культурного преобладания, и на развалинах исторически сложившегося порядка организовать новую жизнь?

Сам летописец помогает нам ответить на этот вопрос. Он сообщает, что после того, как жители Эссекса, получив освободительные грамоты, мирно разошлись по домам, жители Кента с Тайлером, Строу, Боллом и другими вождями восстания не захотели последовать их примеру. Освободительная грамота их не удовлетворила; у них на уме было совсем иное: по словам автора *Хроники Англии*, «Тайлер думал в эту самую ночь, так как все бедное простонародье города Лондона было на их стороне, разграбить город (Лондон), предварительно убив короля и магнатов, его приверженцев, и зажечь его с четырех концов» [20]. И Фруассар говорит о разрушительных намерениях инсургентов, оставшихся в Лондоне после ухода тех, кто вполне удовлетворился освободительною грамотой, выданною из королевской канцелярии [21].

Для нашей цели вполне достаточно того общего указания, которое является выводом из этих данных. Радикальная и разрушительная программа, о которой мы узнаем из *Исповеди* Строу, не была программой, общею всем восставшим: большинство даже тех из них, которые явились в Лондон [22], вполне довольствовались освободительною грамотой; их программой была майл-эндская программа, свидетельствующая, как мы видели, о самых мирных намерениях и о самых скромных целях восставшей массы. Как мы уже знаем, движение 1381 года было крайне сложным как по разнообразию общественных элементов, к нему примкнувших, так и по их целям и средствам, с помощью которых они стремились эти цели осуществить, и в *Исповеди* Джэка Строу нашли свое выражение планы и намерения только одной части восставших, и притом меньшинства.

Литературные тенденции и некоторая субъективная окраска, характеризующие рассказ с.-албанского монаха, не извращают сообщаемых *Хроникой Англии* фактов и не затушевывают действительного их смысла, давая, таким образом, нам в руки ценный материал для исследования восстания 1381 года.

К несколько иным результатам приводит литературность и субъективизм знаменитого французского хроникера XIV столетия *Фруассара* (Froissart). Рассказ о восстании Уотта Тайлера находится в девятом томе его *Chroniques* издания барона Kervyn de Lettenhove [23].

Как литературное произведение, рассказ об *Insurrection de Lollards* написан превосходно. Это — художественное воспроизведение восстания. Фруассар гораздо более свободно относится к своему материалу, чем с.-албанский монах. Если у автора *Хроники Англии* мы видим отношение *литератора*, который, внося в свое изложение все особенности своей писательской манеры, тем не менее не выходит за пределы индивидуальных фактов, по возможности точно передавая их, в той связи и в том порядке, в каком они существовали объективно, то у Фруассара мы находим отношение к материалу, свойственное *художнику*, который свободно перерабатывает данные действительности в образы, сцены и комбинации, не заботясь о точности своего рассказа, но стараясь уловить общий смысл воспроизводимой действительности, настроение общества или общественной группы, психологию лиц и их внешнее поведение при данных условиях. И нельзя сказать, чтобы Фруассару не удалось сделать в этом направлении много весьма ценного для исследователя истории французского и английского общества в XIV веке. Обращаясь, в частности, к рассказу его о восстании 1381 года, мы не можем не признать весьма интересною и поучительною рисуемую им картину настроения простого народа накануне восстания, брожения, происходившего среди него под влиянием проповедей лоллардов [24]. Зато в тех случаях, когда мы обращаемся к Фруассару за точными справками об отдельных фактах, мы часто встречаемся с указаниями заведомо недостоверными, с продуктами его творческого воображения [25].

Внимательное чтение рассказа Фруассара позволяет вскрыть в нем целый ряд противоречий, иногда весьма серьезного характера. Заботясь о художественной красоте каждой отдельной сцены, каждого отдельного эпизода, автор нередко забывает те общие соображения и объяснения, которые он приводил раньше, не замечая того, что с каждым шагом вперед он разрушает свою теорию воспроизводимого им явления, передавая такие факты, которых он совершенно не имел в виду при ее составлении, и которые делают ее несостоятельною. Нужно при этом оговориться, что сама эта теория вовсе не выражена в терминах абстрактного мышления, что она представляет собой художественное объяснение явления, раскрывает генезис явления и его смысл в ряде живых образов и картин [26].

Рассказ Фруассара — весьма ценный источник; но им нужно пользоваться с большою осторожностью, памятуя прежде всего, что мы имеем дело с произведением художника, свободно воссоздающего явления, но не заботящегося о точности их индивидуальных, не повторяющихся подробностей.

Весьма ценен рассказ о восстании 1381 года, принадлежащий перу современного событию лестерского каноника *Генри Найтона* [27]. Сравнительно с изложением с.-албанского монаха и французского хроникера рассказ этот значительно короче, но мы все же находим в нем некоторые новые данные. К ним нужно отнести то, что Найтон говорит о начале движения (lib. V, col. 2632—2633), затем тексты приводимых им прокламаций, которые ходили среди инсургентов и были найдены у них после подавления восстания (lib. V, col. 2637—2638), точное известие о требованиях, предъявленных Уотом Тайлером королю Смисфилде (lib. V, col. 2636—2637); Найтон рассказывает интересные вещи и о том, что происходило во время восстания в городе Лестере (lib. V, col. 2639—2640), а также дополняет наши сведения о воинских подвигах норичского епископа Генри Ле Спенсера, совершенных этим юным прелатом при

усмирении норфолькского восстания (lib. V, col. 2638—2639). Чрезвычайно ценны обстоятельные сведения, которые он сообщает о реформационном движении в Англии во второй половине XIV века и о его представителях; для истории лоллардизма рассказ его незаменим по жизненному реализму приводимых им данных, рисующих брожение, возникшее среди народа под влиянием проповеди «бедных священников» и других представителей нового отношения к «божьему закону» (Goddislawe) (lib. V, col. 2658—2671). Изучающий чуму 1348 года и ее социальные последствия найдет у Найтона не мало весьма ценных указаний (lib. IV, col. 2598, 2599—2601, 2605).

Еще более короток (каких-нибудь 2—3 страницы in-8°), но не менее содержателен рассказ о восстании, напечатанный в приложении к так называемому *Eulogium* (Historiarum sive temporis), хронике мэмсбэрийского монаха [28]. Сопоставление известий *Eulogium'a* с данными других хроник и протоколов приводит к выводам, самым благоприятным для автора *Продолжения*.

Весьма интересно и заслуживает полного доверия описание событий 1381 года, сделанное Джоном Малверном, автором *Приложения* к девятому тому *Polychronicon Ranulphi Higden monachi cestrensis* [29]. Особенного внимания заслуживает нарисованная автором яркая картина деморализации английского общества, произведенной произволом комиссий, творивших суд и расправу над участниками восстания.

Коротенькую запись о восстании английского народа можно найти в *Хронике* Уильяма Торна, кентербэрийского монаха [30]; подтверждая некоторые данные других хроник, она сообщает и о том, что, в частности, делалось во время восстания в Кентербэрийском аббатстве.

Дэнстэблские Анналы [31] знакомят нас с восстанием горожан города Дэнстэбла (Dunstable) против Дэнстэблского приората и вкратце передают ход общего движения. В этой последней части рассказ *Аннал* несколько отличается от того, что передают нам другие источники, но это объясняется тем, что автор внес в него много путаницы, а не действительной новизною его сведений.

Не лишен значения для исследователя восстания 1381 года и рассказ о восстании, который мы находим в *Истории жизни и царствования Ричарда II, короля Англии*, написанной безымянным ивзэмским монахом [32]. Сравнивая текст этого рассказа с соответствующими страницами *Хроники Англии* с.-албанского монаха, мы ясно видим, что он представляет собою сокращение повествования автора *Хроники*, при чем ивзэмский монах удерживает слова и обороты своего источника, а иногда просто целиком берет из него большие куски; интерес представляют те дополнения (небольшие, впрочем), которые автор *Жизни и царствования Ричарда II* делает к своему пересказу; в этом отношении заслуживают внимания сообщаемые автором подробности о начале восстания, о сцене на Майл-Энде, а также о Джоне Болле [33].

Следует упомянуть и о сделанной неизвестным современником записи о восстании 1381 года, напечатанной в английском переводе у *Райли* (Riley) в *Memorials of London and London Life in the XIII-th, XIV-th and XV-th* centuries под заглавием «Рассказ о восстании Уолтера Тайлера и о его смерти от руки Уильяма Уолворса, мэра» [34]; запись эта, несмотря на свою краткость, содержит в себе некоторые подробности, помогающие более конкретному воспроизведению восстания.

Несколько небезынтересных данных для истории восстания 1381 года находим мы в компиляциях позднейшего времени. Я имею в виду *Анналы или Общую хронику Англии* историка XVI столетия Джона *Стау* [35] и *Хроники* известного *Голиншеда* [36].

Рассказ Стау весьма обстоятелен. Он представляет собою компиляцию из данных *Chronicon Angliae*, Фруассара, ивзэмского монаха и Найтона и др., при этом компиляцию крайне грубую, соединяющую отрывки из своих источников чисто механическим способом, так что выделить каждый из них не представляет никакого затруднения. Механическая точка зрения на задачи историка доходит у Стау до того, что часто он даже не дает себе труда сделать выбор между несколькими свидетельствами об одном и том же факте и просто склеивает их одно с другим в какой-то чрезвычайно пестрый узор. В виде примера можно указать на рассказ его о свидании Тайлера с королем на Смисфилде, рассказ, в котором Стау соединил все то, что сообщает об этом с.-албанский монах, со всеми подробностями еще более живого изображения этой сцены у Фруассара, не забывая при этом и повествования Генри Найтона [37]. При таком отношении к своей задаче, исключающем всякую критику, Стау не трудно и запутаться в фактах, которые он находит в своих источниках, и в этом отношении весьма характерен его рассказ о начале восстания.

В первом издании этой нашей работы мы подробно анализировали компилятивный рассказ Стау о восстании 1381 года, потому что в нем мы встречаем очень интересные данные, которых мы не находили в других известных нам тогда источниках, и нам важно было выяснить, в какой мере мы можем доверять этим данным и пользоваться ими при изображении восстания. В настоящее время рассказ Стау уже не представляет для нас прежнего интереса. В 1898 году в *English Historical Review* (vol. XIII, p.p. 509—522) G. M. Trevelyan'ом была напечатана написанная по-французски *Анонимная хроника св. Марии в Йорке* (Oute of an anonimalle cronicle belonginge to the abbey of St. Maries in Yorke), разысканная им среди рукописей Британского музея и представляющая собою чрезвычайно ценный рассказ современника и, может быть, даже очевидца о событиях 1381 года. Особенно интересны в этом рассказе данные о начале восстания, о движении восставших к столице, об осаде Тауэра, о разгроме Лондона, о свидании восставших с королем на Майл-Энде, о сцене на Смисфилде и убийстве Уота Тайлера, при чем вся сцена на Смисфилде изображена чрезвычайно живыми красками и так, как она не изображена ни в одном из до тех пор известных нам источников. Не расходясь с данными документов, рассказ анонимного автора дополняет их очень важными деталями и в общем дает много нового для воспроизведения событий 1381 года и для их освещения.

И вот, сопоставляя то новое в компилятивном рассказе Стау, что заставляло нас привлекать его в качестве важного источника для истории восстания 1381 года, с рассказом анонимного автора, мы без всякого труда убеждаемся, что в огромном большинстве случаев мы имеем дело просто с английским переводом соответствующих мест французского текста *Анонимной хроники*. Да автор и не скрывает этого и в одном месте своего повествования ссылается и на этот свой источник (на стр. 285, на полях, мы читаем: *Lib. Eborum*, как раз против большого заимствования из этой йоркской хроники). Издатель *Анонимной хроники* ограничился сообщением самых внешних данных

о ней и совсем не указывает на то, что ею пользовался Стау, хотя ему и известно, что рукопись ее была у Стау.

В хронике Стау впервые встречаем мы рассказ об оскорблении сборщиком поголовного налога дочери кровельщика Джона (John Tylar) в городе Кентского графства Дартфорде, как о поводе к восстанию 1381 года. Ни у одного из современников мы этого рассказа не встречаем; молчат о нем и документы. Сущность его заключается в следующем.

Один из сборщиков поголовного налога явился в дом некоего Джона Тайлера в Дартфорде и потребовал от его жены уплаты налога за своего мужа, за себя, за своих слуг и за свою дочь. Жена Тайлера согласилась внести налог за всех, кроме дочери, заявив, что дочь ее еще ребенок, и ее нельзя еще считать женщиной. «Это мы сейчас увидим», отвечал сборщик, и с этими словами он схватил девочку, чтобы выполнить свое намерение: подобные исследования сборщики производили во многих местах [38]. Мать подняла крик, сбежались соседи. Джон в это время работал в городе, крыл черепицей крышу одного дома. Он быстро узнал о происшедшем, схватил одно из орудий своего ремесла («his lathing staffe») и побежал домой. На вопрос, обращенный им к сборщику о том, кто сделал его таким смелым, сборщик отвечал бранными словами («answered with stout words») и бросился на Тайлера. Тайлер ударил его своим орудием с такою силою, что мозг брызнул из его головы. На улицах поднялся большой шум; бедные люди были рады происшедшему, и каждый был готов поддержать Джона Тайлера [39].

Стау различает Джона Тайлера из Дартфорда и главного вождя восставших в 1381 году крестьян Уота Тайлера. Этот последний не имел ничего общего с первым; его выбирают в вожди инсургенты Кента и Эссекса после взятия Рочестерского замка, и называется он у Стау *Wat Tighler of Maidston* [40]. В позднейшей литературе кровельщик из Дартфорда, убивший сборщика, и Уот Тайлер, предводитель восстания 1381 года, сливаются в одно лицо, и еще и до настоящего времени в популярных, а также и в ученых сочинениях, вождь восставших изображается мстителем за честь своей дочери.

Сведения наши о вождях восстания 1381 года вообще очень скудны. Исключая Джона Болла, мы ровно ничего не знаем о них до выступления их на историческую сцену в 1381 году; да и то, что сообщают нам источники о деятельности их во время восстания, не дает нам возможности составить о них сколько-нибудь конкретное представление. Волна народного движения вынесла их на поверхность исторической жизни, они сыграли свою роль в короткой исторической драме и затем исчезли, не оставив почти никаких следов в памяти народа. Неудивительно поэтому, что даже современники не знали в точности, из Кента ли был один из главных вождей восставших, Уот Тайлер, или из Эссекса [41], и даже смешивали его с другим вождем, Джэком Строу [42]. Тем не менее, мы имеем полное основание считать вождя восставших Уота Тайлера и героя рассказа об убийстве сборщика поголовной подати двумя разными лицами, а самый этот рассказ легендой, одним из тех исторических анекдотов, которые переходят от одного поколения к другому и в силу давности приобретают права самых бесспорных фактов.

Данные хроник позволяют нам даже догадываться о генезисе этой легенды. Сопоставим с приведенными выше словами Стау следующие два места из Найтона и из Голиншеда:

«Unus eorum cum esset ad aliquam villam ad faciendum inquisitionem de dicta taxa, convocari fecit tam viros quam mulieres, et puellulas, quod dictu horribile est, esursum impudice elevavit, ut sic experiretur utrum corruptae essent et cognitae a viris, ut sic more artaret amicos et parentes pro eis solvere taxam; et plures potius elegerunt solvere pro suis filiabus quam videre eas tam turpiter attractari. Haec et hujusmodi dicti inquisitores maxime provocaverunt populum». Knighton, lib. V, col. 2633.

«Now here is to be noted, that this monie was in common speech said to be due for all those that were undergrowne, bicause that yoong persons as well of the man as of the womankind, comming to the age of fourteen or fifteene yeares, have commonlie haire growing foorth about those privie parts, which for honesties sake nature has taught us to cover and keep secret. The officer therefore not satisfied with mothers excuse, said he would feele whether hir daughter were of lawfull age or not, and therewith began to misuse the maid, and search further than honestie would have permitted». Holinshed, p. 429.

Не наводит ли это известие Голиншеда на мысль, что в термине *undergrown* в том смысле, в каком его объясняет летописец, следует видеть зародыш ходившего среди народа слуха о поведении одного из сборщиков, описанном у Найтона? Слух этот мог послужить основой, на которой выросло более индивидуализированное сказание об убийстве сборщика отцом одной из этих подвергавшихся такому поруганию девушек в том виде, в каком передает нам это сказание Стау. Почему героем сказания является кровельщик, убивающий сборщика орудием своего ремесла, ответить на этот вопрос не трудно, если мы обратим внимание на фамилию главного вождя восстания: Tyler и значит кровельщик. Что же касается имени кровельщика, с каким он является у Стау, то Джон — одно из самых распространенных английских имен как в настоящее время, так и в средние века и легче других могло быть усвоено легендой. В дополнение ко всему этому мы напомним читателю, что месть за честь женщины, как повод к народному восстанию, — весьма распространенный легендарный мотив.

Дворянин-землевладелец Кентского графства, одного из главных очагов восстания, Джон Гауэр (Gower) вполне проникнут интересами, симпатиями и антипатиями своего сословия, и поэтому картина восстания, какую он дает в своей латинской поэме *Vox Clamantis* [43], никак не может свидетельствовать о беспристрастии автора: в каждом стихе поэмы мы читаем ужас, ненависть, презрение к крестьянству, которое поднялось для того, чтобы согнать благородных с их мест, истребить всякую честь, право, закон, добродетель и на развалинах существующего устроить свои собственные порядки [44]. Инсургенты представлены в виде неистовствующего стада диких зверей и всяких чудищ. Нового, сравнительно с другими источниками, поэма Гауэра не дает; сообщаемые ею данные только подтверждают то, что нам известно из других литературных произведений эпохи, и в этом их значение для исследователя восстания, который, впрочем, не преминет воспользоваться некоторыми, главным образом внешними, подробностями описаний поэта и чисто субъективным фактом авторского настроения.

Vox Clamantis не ограничивается одним описанием событий 1381 года. В поэме мы находим и объяснение их. «Моральный Гауэр» — так назвал поэта

Чоусер — как истый моралист видел корень бедствия, постигшего Англию в 1381 году, в нравственном несовершенстве народа, и не только простого народа, но и высших классов современного ему общества. Мысль эту автор иллюстрирует рядом картин, в которых изображает все классы английского общества предающимися каждый своим специальным порокам. Духовенство отдает Венере десятину, которая принадлежит богу, наводит страх на зайцев, колокольному звону предпочитая завывание охотничьих собак; дворяне слишком увлекаются женщинами с золотыми волосами; купцы — грабители и обманщики; что касается сельского люда, то, как и следовало ожидать, мужик — ленив и уклоняется от работы на барина, нарушая заповедь самого бога и закон природы [45]. Некоторые подробности этих картин не лишены интереса для исследователя социального строя Англии этой эпохи; в особенности это нужно сказать об изображении вилланов и сельско-хозяйственных рабочих [46].

Крайняя тенденциозность дворянина Гауэра не мешает нам вполне безопасно эксплоатировать его сообщения о сельско-хозяйственных отношениях второй половины XIV века. Гауэр не измышляет фактов и не искажает действительности; он рисует ее так, как она давала себя знать ему и его собратьям, дворянам-землевладельцам. В этом не трудно убедиться, сопоставив указанные главы Гауэра с парламентскими петициями второй половины XIV столетия. Тенденциозность его проявляется только в *отношении* к приводимым им фактам, в негодовании помещика, переживающего рабочий кризис, вызванный в значительной мере Черною смертью 1348 года, на крестьян и рабочих, воспользовавшихся своим выгодным положением немногочисленных и всем крайне нужных представителей сельско-хозяйственного труда, который к этому времени уже в немалой степени успел освободиться от феодальных уз, стеснявших его в прежнее время; тенденциозность автора дает нам только лишний факт для уразумения тогдашней хозяйственной неурядицы.

Несколько иначе смотрит на причины восстания неизвестный автор стихотворения *О восстании Джэка Строу*, написанного в самый год восстания [47]. На смешение в этой поэме Джэка Строу с Уотом Тайлером я уже имел случай указывать. Стихотворение написано на смешанном языке: английский стих чередуется с латинским. Причина всех бедствий — тяжелые налоги, обогатившие не столько короля, сколько недобросовестных, корыстолюбивых людей. «Налог угнетает нас всех,—жалуется неизвестный поэт,—об этом свидетельствует смерть стольких сильных людей; королю мало от него досталось: он очутился в руках жадных людей; плохой это был почин: дело кончилось бедою; прегрешения злых людей погубили всякое уважение к чему бы то ни было» [48]. Далее вкратце передается ход восстания и важнейшие его эпизоды, подтверждая то, что нам уже известно из других источников.

В анонимных виршах *Об убиении архиепископа Сэдбэри (On the slaughter of Archbishop Sudbury. Versus de tempore Johannis Straw)* [49] причиной восстания выставляется малолетство и слабость короля. Король не внушает страха народу; от этого по деревням и городам чернь берется за оружие и с яростью дикого зверя производит убийства, разрушает здания, грабит, поджигает. Нежный возраст главы государства — причина того, что глава церкви подвергается казни без всякого суда [50]. Поэт предается печальным размышлениям по поводу недавних событий, произведших на время полную перетасовку в отношениях, приведших к тому, что доблесть рыцарей умолкла,

и начала свирепствовать чернь, знать превратилась в рабов, а крестьяне стали господами, судья сделался подсудимым, а судейское кресло занял обвиняемый, несправедливость заняла место закона [61]. Новых фактов автор не сообщает, подтверждая факты известные; впрочем, интерес новизны имеет приводимый им список имен главных вождей восстания.

Заслуживает внимания сочинение летописца XV века *Джона Кэпгрэва — Книга о знаменитых Генрихах* [62]. В третьей части *Книги*, в девятой ее главе, Кэпгрэв рассказывает биографию Генриха le Spencer'a, епископа норичского; этот молодой и воинственный прелат принимал весьма деятельное участие в подавлении восстания 1381 года, ведя войну с норфолькскими инсургентами, и автор сообщает нам о ходе этой войны, дополняя наши сведения некоторыми не лишенными интереса подробностями.

Очень интересные данные о восстании 1381 года, относящиеся к графству Suffolk и, в частности, к городу Эдмондсбэри и к монастырю св. Эдмонда, сообщает современник этих событий, монах, а впоследствии приор этого монастыря Джон Госфорд (Gosford). Рукопись его рассказа, восполняющего в известной мере данные не сохранившихся судебных протоколов, относившихся к городу Эдмондсбэри, хранится в Британском музее (Claudius, A. XII, fol. 126 b и след.) и озаглавлена так: «Electio domini Johannis Tymwarth in abbatem cum actibus provisoris et insurrectione comunitatis cum damnis horribilibus et malefactis perpetratis priori conventui et monasterio Sancti Edmundi per insurrectores de Bury prout scribitur per I. Gosford». То, что относится к восстанию 1381 года, напечатано в виде Appendix II в книге *The Rising in East Anglia* in 1381 by Edgar Powell, pp. 138—143.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

[1] Rotuli Parliamentorum, vol. III, 90.

[2] Rot. Parl., III, 90.

[3] Этот факт выяснен в книге Ch. Oman, The Great Revolt of 1381. Oxford. 1906, стр. 27—31 и Appendix II и III. См. также Edgar Powell, The Rising in the East Anglia in 1381. Cambridge. 1896, стр. 6—7 и Appendix I.

[4] Латинский текст приказа, отправленного в Норфольк, напечатан у Oman'a в виде Appendix IV.

[5] Oman, 30.

[6] Mon. Evesh., 23; Walsingham, I, 449; Chron. Angl., 281.

[7] Knighton, lib. V, c. 2633.

[8] Этот взгляд на деятельность комиссаров разделяют и хроникеры, напр., Knighton, c. 2633, Mon. Evesh., 23. Eulogium, III, 351.

[9] Knighton, c. 2633.

[10] Eulogium, III, 351; Knighton, c. 2633.

[11] An anonimalle cronicle (E. H. R. XIII, 510); Stow, 263.

[12] Knighton, c. 2633; Eulogium, III, 352.

[13] An anonimalle cronicle, 510; Stow, 284.

[14] Chron. Angl., 283; Walsingham, H. A., I, 454; Gower, Vox Clamantis, lib. I, cap. XII, p. 51; Rec. Office. Coram Rege Roll Easter 6 Ric. II. Ro. VIII; An anonimalle cronicle, 510.

[15] Chron. Angl., 285—286; Wals., H. A., I, 454.

[16] An anonimalle cronicle, 510.

[17] Ibid., 510.

[18] Chron. Angl., 286; Wals., I, 454.

[19] Gower, Vox Clamantis, lib. I, cap. XII, v. v. 843—874, p. 52—53; ср. Eulogium, III, 353.

[20] Rec. Office. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. I (in tergo), Essex; см. также Ковалевский, Английская пугачевщина, Русская Мысль, 1895 г., июль, стр. 38.

[21] Rec. Off. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. I (in tergo), Essex.

[22] О некоем Radulfus atte Wode из Bradewell'a, например, сказано, между прочим, что он «in diversis partibus Com Essex'ivit cum societate sua et libros diversorum dominorum arsit». Rec. Off., Cor. R. R. Easter 5 Ric. II, Ro. I (in tergo), Essex.

[23] Rec. Off. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 22. d. и Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 34. d.

[24] Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 23. d. (Rec. Office) от 14-го сентября, где речь идет о разгромѣ принадлежавших матери короля мэнорах Northwelde, Barstaple, Colwake, Lammerssh и Leyham.

[25] Stow., p. 284; Rec. Off.. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II, Ro. III; Cor. R. R. Easter 5 Ric. II, Ro. I (in tergo); Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 28. d.

[26] Ковалевский, Англ. пуг., Русская Мысль, 1895 г., июль, стр. 38.

[27] Ковалевский, Англ. пут., Русская Мысль, 1895 г., июль, стр. 38.
[28] Chron. Angl., p. 286=Wals., H. Angl., 1, 454; Stow, p. 284; An anonimalle cronicle, 511.
[29] Eulogium, III, 352; «et postea per Erhethe transierunt in Canciam»; ср. Froissart, IX, 392.
[30] «et Abbatem ejusdem loci essendi de eorum comitiva jurare cogerunt». Rec. Office. Coram Rege Roll Michaelmas 6 Ric. II. Ro. II.
[31] Ibid.
[32] «et omnes evidencias domini Regis corone sue et Escaetriae sue in domibus Thome de Shardelowe de Dertford Capit' Coron (atoris) domini Regis et Elie Reyner de Strode proditiose arserunt et combusserunt in plateis villarum predictarum», Rec. Office. Cor. R. R. Michaelmas 7 Ric. II. Ro XX; см. также Rec. Office. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentaciones.
[33] An anonimalle cronicle, 511; Stow, p. 284.
[34] An anonimalle cronicle, 511; Stow, 284.
[35] Rec. Office. C. R. R. Mich. 7 Ric. II. Ro XX; Rec. Office. C. R. R. Mich. 6 Ric. II. Ro II.
[36] Rec. Office. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Pres; Rec. Office. Cor. R. R. Mich. 7 Ric. II. Ro XX.
[37] An anonimalle cronicle, 511—512; Stow, 284; Ср. Rec. Office. Ch. II. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Pres.
[38] Rec. Office Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Pres.
[39] Ibid.
[40] Ibid.
[41] «et coartaverunt Thomam Tryvet, militem Thomam de Cobeham, militem Johannem de Frennyngham, Jacobum de Pekham et alios quam plures de Com' Kanc' et ipsos imprisonaverunt quousque sacramentum fecerunt ad essendum de conventiculis eorumdem». Rec. Office. C. R. R. Mich. 7 Ric. II. Ro. XX; ср. Stow, p. 285.
[42] Chron. Angliae, p. 286=Wals., I, 454—455.
[43] Обо всем этом см. Record Office. Chapter House Miscellanea. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes.
[44] Ibid.; а также Stow, p. 284; An anonimalle cronicle, 512.
[45] Froissart, IX, 392.
[46] Rec. Office. Chapter House Miscellanea, $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes.
[47] Ibid.
[48] An anonimalle cronicle, 512; Stow, p. 284.
[49] Rec. Office. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes.
[50] An anonimalle cronicle, 512; Stow, p. 281; Rec. Off. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes.
[51] Prioris et capituli Cantuar. mandatum de denunciando excommunicatos eos, qui interfecerunt archiepiscopum Cant. Ex. reg. Exon. Brentingham. A. 92, 93; напечатано у Wilkins, Concilia Magnae Britaniae et Hiberniae, vol. III, p. 153; Froissart, IX, p. 394—395.
[52] An anonimalle cronicle, 512; Stow, p. 284.
[53] Froissart, IX, p. 395.
[54] An anonimalle cronicle, 512, и Stow, p. 284, называют цифру пятьсот.
[55] Froissart, IX, p. 395.
[56] Rec. Office Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes, а также Wilkins, Concilia, III, p. 153.
[57] Knighton, c. 2634.
[58] An anonimalle cronicle, 513.
[59] Chron. Angliae, p. 287.
[60] An anonimalle cronicle, 512.
[61] Eulogium, III, 352.

[62] Froissart, IX, 395.
[63] An anonimalle cronicle, 512—513.
[64] Rec. Off. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes. Hundredum de Longebregge.
[65] Rec. Off. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Pres. Wye.
[66] Ibid.
[67] Rec. Off. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes.
[68] Поручение это могли принести те из жителей Танета, которые были с Уотом Тайлером в Кентербэри и в других местах. Протоколы упоминают о некоторых из таких лиц. Мы узнаем, например, о некоем Johannes Reade de Taneto, участвовавшем 10-го июня в разгроме дома коронера Уилльяма Медменгэма в Кентербэри; некто Джон Michelot, вместе с другими делавший оповещение в церкви св. Иоанна на острове Танете (13-го июня), за два дня перед тем (во вторник, 11-го июня) был в Мэдстоне и участвовал в нападении на мэдстонскую тюрьму, произведенном, как мы видели, главным отрядом кентских инсургентов под предводительством Уота Тайлера и др. Rec. Office. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes. Cantuar.
[69] Rec. Off. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes.
[70] «Feisent un crie qe nulle tenant duisse fere services ne custumes a les Srs en tent come ils ount fet devaunt sur payne de forfaiture de lours biens et copement de lours testes. Et auxi qils ne soeffrent nulle destresse estre pris sur peine susdit». Rec. Off. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes.
[71] Rec. Office. Coram R. Roll Easter 6 Ric. II, Rot. VI.
[72] Ibid.
[73] Ibid.; ср. Eulogium, III, p. 352.
[74] Chron. Angliae, p. 287; Wals., H. A., I, p. 455.
[75] Mon. Evesh., p. 25; Thorne, c. 2157; Froissart IX, p. 399.
[76] An anonimalle cronicle, 513, говорит, что их было 60 тысяч.
[77] Riley, Memorials, p. 449.
[78] Rec. Office. Coram Rege Roll Michaelmas 7 Ric. II, Ro. XX, Surr'; Knighton, Lib. V, col. 2634; Froissart, XI, p. 399; An anonimalle cronicle, 514; Stow, p. 285.
[79] Higden, IX, Appendix, p. 2. Кроме Джона Малверна, см. еще An anonimalle cronicle, 514, Stow, p. 285, и Annales Monastici, v. III, p. 416.
[80] Rymer, Foedera, T. III, P. III, p. 121.
[81] Rec. off. Coram Rege Roll Easter 6 Ric. II, Rot. VI; Chron. Angl., p. 288.
[82] Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 6 Ric. II, Rot. VI.
[83] Chron. Angliae, p. 288.
[84] Rec. Off. Coram Rege Roll Easter 6 Ric. II, Rot. VI.
[85] Ibid.: «venite London, quia unanimes facti sumus amici et parati facere vobiscum que proposuistis et in omnibus que vobis necessaria sunt favorem et obsequium prestare».
[86] An anonimalle cronicle, 514; Stow, p. 285.
[87] «Isti Kentenses sunt amici nostri et Regis». «Isti Kentenses sunt boni homines et amici nostri Absit quod porte clauderentur vel aliqua defecio fieret contra eos». Rec. Off. Coram Rege Roll Easter 6 Ric. II, Rot. VI.
[88] Ibid.
[89] Rec. Office. Cor. R. Roll Easter 6 Ric. II, Rot. VI.
[90] Ibid.
[91] An anonimalle cronicle, 514.
[92] Knighton, lib. V, col. 2635; Chron. Angliae, p. 288; ср. An anonimalle cronicle, 514, Stow, p. 286.
[93] Knighton, lib. V, col. 2635.
[94] Chron. Angliae, p. 289.
[95] Higden, IX, Appendix, p. 2.

[96] «Zelatores veritatis et justitae, non fures aut latrones». Knighton, lib. V, col. 2635. Мэмсбэрийский монах также отмечает бескорыстие инсургентов при разгроме Савоя; и в его рассказе они бросают в Темзу все сокровища герцога, заявляя при этом: «Мы не хотим быть ворами (Nolumus esse fures)». Eulogium, III, p. 352. Несколько иными красками рисуют картину разрушения дворца герцога Ланкастерского судебные протоколы. См. Rec. Off. Coram Rege Roll Michaelmas 5 Ric. II. m. XXXIX (in tergo) и Cor. R. Roll Hilary 6 Ric II Ro. XIX (in tergo); Rec. Off. Coram Rege Roll Easter 6 Ric. II. London; Rec. Off. Coram Rege Roll Hilary 5 Ric. II, Ro. XXIII. Midd'.

[97] Chron. Angliae, p. 289.

[98] Knighton, lib. V, col. 2635.

[99] An anonimalle cronicle, 515; Stow, p. 286.

[100] «cum cartis et munimentis». Knighton, lib. V, col. 2635.

[101] Knighton, lib. V, col. 3636; Chronicon Angliae, p. 289; Mon. Evesh., p. 26; An anonimalle cronicle, 515; Stow. p. 286; Ср. Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 5 Ric. II, Ro. III. London' Midd' и Cor. R. R. 6 Ric. II. Ro. V (in tergo).

[102] An anonimalle cronicle, 514—515; Stow, p. 286.

[103] «Domos' quoque juratorum in civitate subverterunt». Knighton, lib. V, col. 2636. «Juratos quoque civitatis et juris regni apprenticios quoscumque inuenerunt sine mora interfecerunt». Ibid.

[104] An anonimalle cronicle, 515; Stow, p. 286.

[105] An anonimalle cronicle, 515; Stow, p. 286; Rec. Off. Cor. R. Roll Hilary 5 Ric. II. Ro. XXIII. Midd' и Cor. R. Roll Trinity 6 Ric. II. Ro. XXI. Midd'; Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II. Ro. (in tergo). Midd'; Rec. Off. Cor. R. Roll Hilary. 5 Ric. II. Ro. XXIII. Midd'.

[106] An anonimalle cronicle, 515; Stow, p. 286 и Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 6 Ric II. Ro. VI.

[107] Eulogium, III, p. 353.

[108] Chron. Angliae, p. 289; Knighton, lib. V, col. 2636; Higden, IX, p. 2; Froissart, IX, p. 401; Mon. Evesh., p. 26; Riley, Memorials; Rec. Off. Cor. Rege Roll Hilary 5 Ric. II. Ro. XV (in tergo). Midd'; Cor. R. Roll. Easter 5 Ric. II. Ro. I. Midd', а также Ro. III. London' Midd' и C. R. R. Easter 6 Ric. II. Ro. VI (in tergo). London'.

[109] Knighton, lib. V, col. 2636.

[110] Chronicon Angliae, p. 290; Knighton, lib. V, col. 2636; Higden. IX, p. 2; Ann. Mon., III, p. 416; Mon. Evesh., p. 26; Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II. Ro. X (in tergo). Midd' и C. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. III. London'.

[111] Rec. Off. C. R. R. Easter 6 Ric. II. Ro. VI (in tergo). London. В протоколе этом идет речь о некоем Томасе Фарндоне или Фарингдоне (Farndon и Faryngdon), который «mane autem facto die veneris prox. post festum corporis χρī ... cum pluribus complicibus suis ivit usque ad Hybery et ibidem nobile manerium predicti Prioris ad nichilum igne perverterunt». Ср. Rec. Off. C. R. R. Michaelmas 8 Ric. II. Ro. XXXII (in tergo). London.

[112] Chron. Angliae, p. 290.

[113] Froissart, IX, p. 401.

[114] Chron. Angliae, p. 290.

[115] Froissart, IX, p. 403; Chron. Angliae, p. 290; Eulogium, III, p. 353; Higden, IX, p. 3; Ann. Mon., III, p. 416.

[116] An anonimalle cronicle, 516.

[117] Mon. Evesh. p. 27; Knighton, col. 2634; Higden, IX. p. 3; Froissart, IX, p. 403; An anonimalle cronicle, 516.

[118] Mon. Evesh., p. 27; Froissart, IX, p. 403; An anonimalle cronicle, 517; Riley, Memorials, p. 277.

[119] Knighton, col. 2634.

[120] Mon. Evesh., p. 27.

[121] Chron. Angliae, p. 290—291.

[122] Chron. Angliae, p. 290—294; ср. Knighton, col. 2635; Froissart, IX, p. 403; Eulogium, III, p. 353; An anonimalle cronicle, 518.

[123] Riley, Memorials; Higden, IX, p. 3; Froissart, IX, p. 404; Chron. Angliae, p. 294: Stow, p. 287—288.

[124] Knighton, col. 2635; Mon. Evesh., p. 27; Eulogium, III, p. 353.

[125] Knighton, col. 2635; Froissart, IX, p. 409; Higden, IX, p. 3; Thorne, col. 2157; Mon. Evesh., p. 27; Riley, Memorials; Wright, Pol. P. and S., I, p. 227. (On the Slaughter of Archbishop Sudbury); Wilkins, Concilia, III, p. 153 (Prioris et capituli Cantuar. mandatum de denunciando excommunicatos eos, qui interfecerunt archiepiscopum Cant.). Сент-албанский монах называет убийцей архиепископа некоего Джона Стерлинга из Эссекса. Chron. Angliae. p. 313—314; этот Джон Стерлинг в судебных протоколах назван в качестве одного из многих «principales insurrectores et aliorum malefactorum ductores», Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 6 Ric. II. Ro. VI. London. Известия судебных протоколов о разгроме Тауэра и об убиении архиепископа, приора госпитальеров и других не отличаются обстоятельностью. См. Rec. Off. C. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. III. London. Midd'; C. R. R. Michaelmas 5 Ric. II. m. XLVII. Kanc' и m. XXXIX (in tergo), Midd'; Cor. R. R. Trinity 6 Ric. II. Ro. XXI. Midd'.

[126] Chron. Angl. pp. 78, 79, 80, 86, 93, 130; 392; Rot. Parl., v. II, p., 321 sqq.

[127] Knighton, col. 2636; Riley, Memorials; Stow, p. 288; Froissart, IX, p. 400—401.

[128] An anonimalle cronicle, 513; Stow, p. 285.

[129] Stow, p. 288; The Crurch-History of Britain by Thomas Fuller. London. Anno 1655, p. 141.

[130] Chron. Angliae, p. 294; An anonimalle cronicle, 517—518; Stow, p. 288; Riley, Memorials; Higden, IX, p. 3—4; Eulogium, III, p. 353. См. еще Higden, VIII, p. 456, 529; Froissart, IX, p. 400.

[131] An anonimalle cronicle, 518.

[132] Knighton, col. 2636.

[133] «Plures quoque apprenticii civitatis decollatis magistris suis abierunt cum illis», Knighton, col. 2636.

[134] «Apprenticii quoque relictis magistris suis illis accurrebant», Ibid. col. 2633.

[135] Rec. Off. Cor. Rege Roll Easter 6 Ric. II. Ro. VI.

[136] Ibid.

[137] Ibid.

[138] «Item presentant quod predictus Thomas fuit ad le Tourhill die veneris prox. post. fest corp. χρ̄i a. quarto supradicto et ibidem locutus fuit dom. Regi ut donaret sibi titulum intrandi in quodam tenementum in London, quod Ricardus Weston ei disseisivit et dicit nisi dominus Rex vellet dare sibi titulum in eodem tenemento per hujusmodi potentiam comitive predicte intrare ex autoritate sua propria vellet». Rec. Office. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. III. London' Midd'. Этот же Фарндон вместе с толпою еще раз подошел к королю, когда тот находился уже у Майл-Энда, непочтительно схватил за узду королевского коня (et ibidem frenum equi Regis nostri felonice proditorie et irreverenter in manu sua cepit) и обратился к королю с такими словами: «Защити меня от этого изменника приора (приора госпитальеров Роберта Гэлза): он на ложных основаниях и обманно отнял у меня мои владения; окажи мне справедливость и благоволи вернуть мне мои владения; в противном случае,

я достаточно силен, чтобы самому восстановить справедливость, опять завладеть имениями и владеть ими (Vindica me de illo falso proditore Priore quia tenementa mea false et fraudilenter de me arripuit, fac michi rectam justiciam et tenementa mea michi restaurare digneris, quia aliter satis fortis sum facere michimet justiciam et in eis reintrare et habere)». — «Получишь, что справедливо (habebis quod justum est)», был ответ короля. Фарндон и его дружина отправились к Тауэру и присутствовали здесь при казни архиепископа, приора и др. Rec. Off. Cor. R. R. Easter 6 Ric. II, Ro. VI (in tergo). London.

[139] Rec. Office. Cor R. Roll Hilary 5 Ric. II, Ro. VIII (in tergo). Midd'; в том же обвиняется Nich. Wyttele de London' (Rot. XV in tergo); та же толпа обвиняется еще и в том, что заставила аббата и монахов выдать ей скрывавшегося в комнате аббата иностранца (seisire unum hominem extraneum), при чем инициатором назван Johannes Payntour Draper de London' (Ro. IX). Приведем еще несколько подобных случаев. Джон Awedyn из Эссекса вместе с другими восставшими с распущенным знаменем явился к дому Николая Hawtot в приходе св. Свитина в Лондоне и вступил во владение им, изгнав самого Гоутота и все его семейство и заставив каждого из его нанимателей заключить с ним новый договор найма («et ibidem cepit seisinam in tenementis predictis et ipsum Nich. et totam familiam suam abinde penitus expulsit et singulos tenentes dictorum tenementorum sibi fecit ibidem attornare»). Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 6 Ric. II, Ro. XXIII. London'. Другой случай еще интереснее в социальном отношении. Сын рыцаря Павел Солсбэри (Paulus Salesbury) вместе со своим слугою Томасом и целою толпою нанятых им людей (simul cum Thoma serviente suo et pluribus aliis malefactoribus quorum nomina ignorantur per predictum Paulum locatis) (этот слуга Томас стоит в списке лиц, на которых не распространялось помилование, см. Rot. Parl., v. III, p. 113) явился к дому лондонского олдермэна Уилльяма Baret в приходе св. Марии (in parochia beate Marie de Bothawe London'); с помощью мечей и палок (cum gladis et fustibus) они проникли в дом, завладели им (ad usum proprium seisivisse), а олдермэна, его жену и всех его слуг выгнали на улицу; при этом Павел Солсбэри, под страхом смерти, заставил их стать у ворот, а жене олдермэна приказал даже стать на колени и потребовал, чтобы Уилльям и его жена вознаградили его за свое продолжительное пребывание в этом доме и дали выкуп за свою жизнь («et dictum Willelmum uxorem suam et omnes servientes suos abinde penitus expulsisse et eos pre timore mortis de dicto hospicio exire et in alto vico extra portam eos stare fecisse et dictam uxorem ejusdem Willelmi coram eo per longum tempus genuflectere et dictos Willelmum et uxorem suam de longa habitacione in hospicio predicto et de vita eorum regarciari coarctavisse»). После этого П. Солсбэри, под страхом смерти, заставил олдермэна выдать ему два документа, в которых определялись держательские права Уилльяма Baret'a на дом, полученные им от отца Павла Солсбэри, а также записку, в которой отец Павла Солсбэри признавал себя должным Уилльяму 200 фунт., записку, заверенную в королевской канцелярии («idem Paulus et malefactores predicti prefatum Willelmum duas indenturas in quibus status dicti Willelmi continebatur de hospicio predicto ex dimissione patris predicti Pauli et unam cedulam de recognicione ducentarum librarum per predictum patrem ipsius Pauli Cancellaria nostra fact' eidem Paulo ibidem pre timore mortis tunc liberare fecisse»); отказавшись, таким образом, от своих держательских прав на дом, полученных от отца Павла Солсбэри, олдермэн вступил в новый договор на дом с самим Павлом Солсбэри, признав его своим сеньером и внеся в знак этого признания один пенни; этого потребовал от него под страхом смерти Павел Солсбэри, заставив его, кроме того, под присягою отказаться от 200 фунт. долга («et totum statum suum in hospicio predicto eidem Paulo sursum reddere et sibi per unum denarium tanquam domino suo pre timore mortis ibidem attornare constrinxisse et eundem Willelmum ad faciendum eidem Paulo unam relaxacionem de recognitione predicta cum eidem Paulo postmodum placeret sacramentum suum coram eis pre timore mortis prestare fecisse»). Отсюда Павел Солсбэри и его команда двинулись к дому Гуго Фастолфа (Fastolf) в приходе св. Дунстана (in parochia Sancti Dunstani Est, ныне St.-Dunstan in the West)

возле Тауэра, на Темзской улице, ведущей к Темзе (juxta Turum London' in vico vocato Thamestrete versus aquam Thamis'), и, заявив (clamando), что это его собственный дом, что ему же принадлежат и прилегающие к дому другие постройки, вошел в дом, сделал нападение (insultum fecisse) на Иоанну, жену Гугона, и заставил ее выдать ему следующие документы: письменный договор, по которому рыцарь Томас Солсбэри отдал эти владения Гугону в пожизненное держание (unam indenturam per quam Thomas de Salesbury miles dimisit eadem tenementa predicto Hugoni ad terminum vite sue), затем, unum scriptum annualis redditus viginti librarum percipiend' ad terminum vite predicti Hugonis de terris et tenementis predicti Thome in London' et suburbiis ejusdem et in comitatu Essex, далее, unum factum indentatum de condicionibus ad exonerand' annualem redditum predictum et unum factum per quod predictus Thomas concessit tenementa predicta nuper Reginaldo Lone ad terminum annorum и, наконец, шкатулку (unam pixidem), в которой хранились эти документы; после этого Павел Солсбэри заставил Иоанну заключить с ним новый договор и внести один пенни в знак признания себя держательницей нового сеньера («et de eo quod predictam Johannem attornare et prefato Paulo unum denarium nomine seisine tenementorum predictorum solvere fecisse debuerunt»). В заключение толпа выпила и зря извела (bibisse et vastare) шесть бочек пива и одну бочку вина (sex cados cervisie et unam pipam vini) в 100 шилл. и унесла меч в 40 шилл. и пару железных перчаток в 10 шилл., заявив громогласно, что если бы они нашли в доме самого Гугона, то непременно сняли бы с него голову. Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II, P. I, m. 31.

[140] Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 6 Ric. II. Rot. VI.

[141] Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Rie. II, m. XXXIX. London'.

[142] Ibid.

[143] Rec. Office. Cor. R. Roll. Michaelmas 5 Ric. II. m. XLII. London'.

[144] Ibid.

[145] Некто Радульф (Radulfus) atte Croste поднял народ в Северном Ламбесе (apud Northlambhit) в графстве Сэррэй по соседству с Уэстминстером (на другом берегу Темзы); отсюда движение распространилось на соседнее с Ламбесом королевское поместье Кеннингтон (Kennington); здесь восставшие (из них поименованы только Willelmus Seuare и Willelmus Pontere de Batricheseye), руководимые Радульфом и еще неким Томасом Taillour, напали на жилище бэйлиффа поместья и заставили его выдать им книгу, в которой были записаны повинности держателей королевского мэнора, так называемый кустумарий (custumarium), а также и другие документы (et alia munimenta et evidentias) и тут же предали их сожжению (ardebant). Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II. m. XLVI. Surr' Trinity 7 Ric. II. Ro. IV. Surr'. Поднялись и крестьяне Кингстона на Темзе (Kingston up. Th.) и прилегающих мест (in villa de Kyngeston super Thamisiam predict' et locis adjacentibus in com' Surr'); в субботу, 15-го июня, они явились к дому Джона Hunt, принеся с собой огонь, чтобы сжечь дом, и грозили Джону смертью, если он не заплатит предводителю толпы Джону Bonefaunt 8 шилл. и 4 пенс. и не откажется от всяких исковых претензий, какие он мог иметь к Bonefaunt'y («et insuper tunc ibidem artabat et constringebat ipsum Johannem ad faciend' ei unam relaxacionem de omnibus actionibus vel aliter eum tunc decolasse voluit etc.»). Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II. m. XLVI (in tergo). Surr' и Easter 5 Ric. II. Ro. XIV. Surr'. В Clapham'е еще в четверг (13-го июня) произошло восстание; в Clapham явилась толпа под предводительством Джона Faukes (повидимому, из Северного Ламбеса) и ограбила некоего Петра Bronde на 2 шилл. и местного священника Роберта на 12 пенс. (et de Roberto persona ecclesie de Clopham duodecim denarios). Rec. Off. Cor. R. Roll Trinity 7 Ric. II. Ro IV. Surr'.

[146] Mon. Evesh., p. 27—28.

[147] «Primum enim, quod petierunt confirmari, quod omnes, per totum Regnum Angliae, ab omni bondagio et jugo servitutis liberos faceret et quietos, ita quod

de cetero nullus foret nativus. Item petierunt, quod omnibus subditis et ligeis suis omnimodas insurrectiones, per eos circa Regem factas equitando, eundo per diversa loca in Regno, ac omnimodas proditiones, felonias, transgressiones, et extorsiones per ipsos, vel per aliquem ipsorum hiis occasionibus provulgatas, perdonaret, et firmam pacem suam ipsis et eorum cuilibet inde concederet. Item, quod idem ligei et subditi sui in posterum liberi erunt ad emendum et vendendum in quibuslibet civitatibus, burgis, villis mercatoriis, et aliis locis infra Regnum Angliae, et quod nulla acra terrae, quae in Bondagio vel servitio teneatur, altius quam ad quatuor denarios haberetur, et si contraria antea tenta fuissent, in posterum non exaltaretur». Mon. Evesh., p. 28. Текст этой петиции почти тожествен с соответствующей частью текста королевского патента (Rot. Pat.), отменяющего выданную восставшим освободительную грамоту; патент этот (Patent Roll 5 Ric II, p. 1, m. 35) напечатан в Chron. Angliae, p. 318—319, под заглавием Litera revocationis libertatum и у Rymer'a в Tom. III, P. III, p. 124 старого издания и в vol. IV, p. 126 нового издания (De Revocatione quarumdam Literarum Manumissionis et Pardonationis, saeviente Plebe, Communitati Regni Angliae concessarum); мы его приведем в своем месте.

[148] An anonimalle cronicle, 517.

[149] An anonimalle cronicle, 517: «et le roy les granta que ils prenderont a lour volunte ceux que fueront treytors et que purroient ester prouez treytors par le ley».

[150] Chron. Angliae, p. 294; Froissart, IX, p. 405.

[151] Chron. Angliae, p. 294.

[152] Mon. Evesh., p. 28.

[153] Rymer, T. III, P. III, p. 121 старого издания и vol. IV, p. 123 нового.

[154] An anonimalle cronicle, 518; Stow, p. 288; о свидании на Майл-Энде см. еще Knighton, col. 2634—2635; Higden, IX, p. 3; Eulogium, III, p. 353, а также Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 6 Ric. II. Ro. VI (in tergo). London; Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II.

[155] Chron. Angliae, p. 284; Froissart, IX, p. 406.

[156] Froissart, IX, p. 406.

[157] Chron. Angliae, p. 295.

[158] Froissart, IX, p. 406; см. еще p. 410.

[159] Chron. Angliae, p. 295.

[160] Froissart, IX, p. 410.

[161] «Ubi humanum omnimodo defuit consilium», Higden, IX, p. 4.

[162] Ibid., p. 4—5.

[163] An anonimalle cronicle, 518.

[164] Stow, p. 288; Froissart, IX, p. 409.

[165] An anonimalle cronicle, 518.

[166] Присяжные графства Мидделсекс обвиняют некоего Уилльяма Petthe, клирика (Willelmus Petthe clerk) в том, что он «simul cum aliis felonibus et proditoribus domini Regis insurrexit contra dom. Regem et fideles ligeos suos... et Abbathiam Sancti Petri Westm' felonice et traditorie intravit et Ricardum de Imworth mar' dom. Regis coram ipso Rege apud Tumbam Sancti Edwardi Westm' iacentem in orationibus suis felonice et proditorie cepit et extra ecclesiam predictam duxit et ipsum felonice et proditorie interfecit» Rec. Office. Cor. R. Roll. Hilary 5 Ric. II. Ro. IX. Midd'. Присяжные того же графства обвиняют некоего Ричарда de Uttokcestre, настоятеля церкви в Лайминге (Ricardus de Uttokcestre persona ecclesie de Lymynge), в том, что он заранее сообщил некоему Ричарду Mugge из Уэстминстера и другим восставшим, что Ричард Имуорс находится в церкви аббатства у гробницы Эдуарда, и таким образом способствовал захвату маршала и его смерти. Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 5 Ric. II. Ro. VI. Midd'. Об эпизоде этом см. An anonimalle cronicle, 518; Stow, p. 288; Higden, IX, p. 4; Eulogium, III, p. 353.

[167] An anonimalle cronicle, 518.

[168] Ibid., 519: «frere soes de bone comfort et lee car vous aueres deins la quinsane a venir plaudes des comons plus que vous ne aues a ore et nous serrons bons compaignions».

[169] Ibid., 519.

[170] Knighton, col. 2636—2637.

[171] An anonimalle cronicle, 519.

[172] Ibid., 519—520.

[173] Eulogium, III, 354: «Clamabat autem comitiva: Quod facit Rex cum nostro prolocutore?» Dixerunt alii: «Facit eum militem».

[174] An anonimalle cronicle, 520; Stow, 289; Knighton, col. 2637; Eulogium, III, 354.

[175] Chron. Angliae, p. 297; Froissart, IX, p. 413; Knighton, col. 2637; An anonimalle cronicle, 520.

[176] Chron. Angliae, p. 297; Higden, IX, p. 6.

[177] Mon. Evesh., p. 29; An anonimalle cronicle, 520.

[178] Knighton, col. 2637.

[179] Riley, Memorials.

[180] Chron. Angliae, p. 297; Froissart, IX, pp. 402, 406, 414; Higden, IX, p. 6. Судебные протоколы не оставляют ни малейшего сомнения, что свидание на Смисфилде действительно происходило, что тогда же был убит Уот Тайлер, и король находился в великой опасности. Вот что читаем мы в Coram Rege Roll Easter 6 Ric II (Record Office): «Item dicunt (присяжные) super sacramentum suum quod proximo die sabbati post festum Trinitatis supradictum, quum Walterus Tylere principalis dux dictorum malefactorum fuit dei gracia interfectus in Smethefeld et dominus noster Rex cum suis sequacibus fuerunt ibidem in parva multitudine et in magno periculo vite sue, statim predictus Walterus Sybyle de covina predicti Johannis Horn de dicto Smethefeld' ubi tunc erat recessit et intrans Civitatem portam de Aldrichegate dolose et prodiciose claudebat et quamplures de Civitate per eam ad subveniendum domino Regi exire volentes impedivit dicens alta voce: «Iam claudite portas festinanter Civitatis et custodite eandem tenentes vos infra muros eiusdem, quia Rex noster et major noster mortui sunt in Smethefeld», sciens contrarium esse verum, per que verba dolosa multi et quasi omnes a succursu domino Regi illa hora se retraxerunt, et nisi per dei gratiam idem major festinancius advenisset et predicta verba ipsius Walteri Sybyle esse falsa plebi exposuisset et ad succurrendum domino Regi nobili vultu et instranter cum magna festinacione provocasset, idem dominus noster Rex inter inimicos suos in magna periculo ipsius et tocius regni sui fere solus absque juvamine Civitatis permansisset».

[181] Chron. Angliae, p. 297.

[182] Eulogium, III, p. 354.

[183] Ibid.

[184] «quasi oves desolatas sine pastore», Knighton, col. 2637.

[185] Chron. Angliae, p. 298; Froissart IX, p. 415, 416; Knighton, col. 2637; Eulogium, III, p. 354; Riley, Memorials; An anonimalle chronicle, 520.

[186] Chron. Angliae, p. 298.

[187] An anonimalle cronicle, 520.

[188] Riley, Memorials; Froissart IX, p. 416.

[189] Froissart, IX, p. 416—417; Chron. Angliae, p. 298; Eulogium, III, p. 354; Higden, IX, p. 6.

[190] Froissart, IX, p. 417; Higden, IX, p. 6.

[191] «...nos universos ligeos et subditos nostros, communes et alios, certorum (в Hist. Angl., II, 20, стоит ceterorum) comitatuum regni nostri Angliae, manumisimus, et ipsos et eorum quemlibet ab omni bondagio et servitio exuimus et quietos fecimus; ac etiam, quod perdonavimus eisdem ligeis et subditis nostris omnimodas insurrectiones, per ipsos contra nos factas, equitando et eundo per diversa loca in regno nostro, cum hominibus armatis, sagittariis et aliis, vi armata, cum vexillis, et pennicellis displicatis; ac etiam omnimodas proditiones, felonias, transgressiones, et extortiones, per ipsos vel aliquem ipsorum factas sive perpetratas, ac etiam utlegariam et utlegarias, si qua vel quae in ipsos, vel aliquem

ipsorum, fuerint, vel fuerit, his occasionibus promulgata, vel promulgatae, et firmam pacem nostram eis et cuilibet eorum concessimus; quodque voluimus quod iidem ligei nostri et subditi nostri liberi essent ad emendum et vendendum in quibuscumque civitatibus, burgis, villis mercatoriis, et aliis locis, infra regnum nostrum Angliae; et quod nulla acra terrae in comitalibus praedictis, quae in bondagio vel servitio tenetur, altius quam ad quatuor denarios haberetur; et si qua minus antea tenta fuisset, in posterum non exaltaretur... «Patent Roll 5 Ric. II. p. 1 m. 35, напечатанный в Chron. Angliae, p. 318—319 (Litera revocationis libertatum) и у Rymer'a (Tom. III, P. III, p. 124 старого издания и vol. IV, p. 126 нового). Патентом этим (от 2-го июля) король отменяет все эти вольности, предварительно подробно их перечислив. Текст самой освободительной грамоты в том виде, в каком он дошел до нас в Chronicon Angliae (Charta regis de manumissione rusticorum, Chron. Angliae, p. 298—289), значительно короче соответствующего, только что приведенного места в тексте патента, отменяющего ее. Вот этот текст: «Ricardus, Dei gratia rex Angliae et Franciae, et dominus Hiberniae, omnibus ballivis et fidelibus suis, ad quos praesentes literae pervenerint, salutem. Sciatis quod, de gratia nostra speciali, manumisimus universos et singulos ligeos ac subditos nostros, et alios, comitatus Herfordiae, et ipsos, et eorum quemlibet, ab omni bondagio exuimus, et quietos facimus per praesentes; ac etiam perdonamus eisdem ligeis ac subditis nostris omnimodas felonias, proditiones, transgressiones, et extortiones, per ipsos, vel aliquem ipsorum, qualitercumque factas sive perpetratas, ac etiam utlegariam et utlegarias, si qua vel quae in ipsos vel aliquem ipsorum fuerint, vel fuerit, his occasionibus promulgata vel promulgatae; et summam pacem nostram, et eorum cuilibet, inde concedimus. In cujus rei testimonium has literas nostras fieri fecimus patentes. Teste me ipso apud Londonias, quintodecimo die Junii, anno regni nostri quarto».

[192] Hist. Anglicana, I, p. 484=Gesta Abbatum, III, p. 331—332; Mon. Evesh., p. 32. Ср. Rot. Claus, 5 Ric. II, m. 42, d., напечатанный у Rymer'a в T. III, P. III, p. 124 старого изд. и в vol. IV, p. 126, нового под заглавием: De Proclamando quod Nativi et Alii Tenentes faciant consuetudines et Servitia consueta.

[193] Rot. Claus. 5 Ric. II, m. 42, d.

[194] «Horruit vulgus videre tot corpora visui solis exponi suspendio», Higden, IX, p. 7; «...aliquando suspensis super unam trabem decem et novem», Chron. Angliae, p. 317.

[195] «... et habeant praesentes et futuri vobis similes semper coram oculis tamquam pro speculo vestram miseriam, et vobis maledicendi materiam, et timorem vobis similia perpetrandi». Chron. Angliae, p. 316 (из грозной речи к эссексцам, влагаемой летописцем в уста короля).

[196] Ibid., p. 313.

[197] Ibid., p. 313.

[198] Дату эту мы встретили в хранящемся в Record Office судебном протоколе Coram Rege Roll Easter 6 Ric Rot. XXIII. London, представляющем собою Indictamentum factum coram Willelmo Walleworth majore Civitatis London' et sociis suis justiciariis domini Regis... apud Guihald London' XVII° die Iunii anno r. R. Ricardi secundi quarto.

[199] Chron. Angliae, p. 313.

[200] Chron. Angliae, p. 314—315 (Commissio pro resistendo pacis perturbatoribus). Повидимому, патент этот был отправлен 18-го июня только в графства Кент, Эссекс и Гертфорд, имен которых мы как раз не находим среди местностей, куда был послан подобного же содержания патент, Patent Roll 5 Ric. II, m. 35, d., несколько позже, и притом не в одно и то же время во все графства (23-го, 24-го июня, 3-го, 5-го, 6-го, 7-го и 10-го июля); патент этот в рукописи хранится в Record Office, а напечатан он у Rymer'a в T. III, P. III, p. 123—124 старого издания и в vol. IV нового под заглавием: Super Insurrectione Plebis antedicta, de Excessibus perpetratis, et Auctoritate Regis praetensa (в рукописи он просто называется De resistendo Rebelli-

bus insurgentibus contra pacem R. etc.), при чем Раймер выпустил названия лиц и местностей, куда был разослан этот патент.

[201] Chron. Angliae, p. 315.

[202] Gesta Abbatum, III, p. 296=Hist. Angl., I, p. 458 = Chron. Angliae, p. 289.

[203] Gravamina per tenentes Monasterii Sancti Albani eidem Abbati violenter illata (Gesta Abbatum, III, p. 289).

[204] Gesta Abbatum, III, p. 297 и 289.

[205] Gravamina, G. A., III, p. 289—290.

[206] Gesta Abbatum. III, p. 299=Hist. Anglicana, I, p. 467—468=Chronicon Angliae, p. 299.

[207] Gesta Abbatum, III, p. 300.

[208] Gesta Abbatum. III, p. 300=Hist. Angl., I, p. 468—469= =Chron. Angliae, p. 300.

[209] Ibid., p. 300.

[210] Gesta Abbatum, III, p. 301=H. A., I, 470=Chron. Angliae, p. 304.

[211] Ibid., p. 301—302. Rec. Office. Cor. R. Roll Michaelmas, 5 Ric. II, m. XXVII (in tergo). Ср. Gravamina, G. A., III, p. 290.

[212] «Sic enim docendo praeceperat eis Walterus Tylere, dominus et magister ipsorum», G. A., III p. 303.=H. A., I, p. 471.

[213] «Et ut nullum permitterent generosum domi residere, sed omnes secum ducerent in auxilium eorundem», Ibid., p. 303.

[214] Gesta Abbatum, III, 303; см. судебные протоколы Coram Rege Roll Michaelmas 5 Ric. II. Hertf' (Record Office), в которых мы читаем о прибытии в Сент-Албанс в субботу, 15-го июня, жителей Berkhampstread'a (назван Edmundus Cook, прибывший voluntarie вместе с сорока своими односельчанами super equos suos), Watford'a и из других мест.

[215] Gest. Abb. III, p. 303.

[216] Ibid., p. 303.

[217] «ut cunctis patesceret eos novis uti posse legibus, novis fultos esse privilegiis», G. A. III, p. 304 и 291. См. еще Rec. Off. Cor. R. Roll Easter 5 Ric. II. Rot. XXVIII. Hertf'.

[218] G. A., III, p. 304; Gravamina, Ibid., p. 291; Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II, m. XXVII (in tergo). Hertf' и Easter 5 Ric. II. Rot. XVIII. Hertf'.,

[219] Судебный протокол называет рядом с Ричардом Walingford еще Уилльяма Berewyk'a, затем Джона Sarlek'a (Johannes Sarlek et alii), Rec. Off. Cor. Roll Michaelmas 5 Ric. II, m. XXVI (in tergo), XXVIII. Hertf'.

[220] Вот текст этой Littera regia pro restitutione libertatum villanorum Sancti Albani: «Trecher en Dieu. — A la peticion de nos amez liges de la ville de Seint Alban, nous volons et mandoms que certeines chartres, esteantz en vostre garde, faitz par nostre progenitour, la Rei Henry, a les burgeis et bones gentz de la dite ville, de commune, et de pasture, et de pescherie et de certeines autres comodites, expresses en mesmes les chartres, a ceo qils diont, facetz liverer as dites burgeis et bones gentz, ceo que lei et reson le requeront, par ensi qils neient matiere de pleindre desore a nous pur cele cause. Doner soutz nostre Signet, a Londres, le quinzime jour de Juyn, lan de nostre regne quarte», G. A. III, p. 306.

[221] G. A., III, p. 306.

[222] «communes jam pro tempore dominari, leges penitus non curare». Ibid., p. 307.

[223] «ensemblement ove plusours autres rolles, qe furent al Archidiacone de dit Abbeye, touchaunt sa jurisdictioun, ove plusours autres liveres de le Viker de Seint Piere», Gravamina, G. A. III, 292.

[224] Gravamina, G. A. III, p. 293; G. A., III, p. 309; ср. G. A., I, p. 207 («in locutorio hospitum») и III, p. 444.

[225] G. A., III, p. 309.=H. A., p. 475.

[226] «Igitur mox obligationes, cum quibusdam domus munimentis et rotulis, quas extorserant ab Archidiacono, quia nec jura civilia nec canonica de caetero frequentare cogitaverant, in foro villae, juxta Crucem, flammis consumpserunt», G. A., III, p. 308.

[227] G. A., III, p. 311 .

[228] Gravamina, G. A., III, 294—295. О разгроме домов министериалов мы узнаем и из протоколов, в которых в этом обвиняются Johannes Porel, Iohannes atte Grene carpenter de Sancto Albano, Thomas Payntour de Sancto Albano, Johannes Tyler et alli, разрушившие дома Roberti atte Chaumbre, Iohannis Clerk, Ricardi Scriveyne et Simonis Lymbrennere. Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II, m. XXVI, XXVII (in tergo), XXVIII, XXVIII (in tergo). Hertf' и Easter 5 Ric. II, Rot. XVIII. Hertf'.

[229] G. A., III, p. 313=H. A. I, 78.

[230] Littera protectoria Regis, pro Abbate et quietu Sancti Albani generaliter directa G. A., III, p. 315—316.

[231] Текст обязательства (Obligatio Abbatis Sancti Albani, per villanos violenter extorta) помещен на стр. 321 G. A., III.

[232] Текст этой Acquietancia generalis, per villanos praedictos a praedicto Abbate violenter extorta на стр. 322 G. A., III.

[233] Gesta Abbatum, III, 319.

[234] Ibid., p. 320.

[235] «Sciant praesentes et futuri, quod nos, Thomas, Abbas, et Conventus Monasterii Sancti Albani, ex unanimi assensu concessimus, ratificavimus, et hac praesenti charta nostra confirmavimus, tenentibus nostris de parochiis et villis de Barnet et Southmymmes, omnes libertates et consuetudines suas liberas et illaesas simul, prout per chartam Domini Regis Ricardi Secundi illis concessam, plenius continentur, cum omnibus terris et tenementis, ac redditibus suis liberis, ita quod eas vendere possint per chartam, sine impedimento nostrum vèl successorum nostrorum in perpetuum», Charta libertatum, extorta per villanos de Barnet, G. A. III, p. 324.

[236] «Et de Barnet quidam viri quemdam librum confectum de Rotulis Curiarum expetierunt, cum multa protervia, comburendum; quia in ipso inveniendum erat, quod omnes pene domus de Barnet tenebantur per rotulos, cum ipsi fallaces et falsi chartas liberas confecissent temporibus pestilentialibus, unus alteri, quando pene nullus Senescallus aut Cellerarius supererat, vel saltem curaret de hujusmodi rebus transitoriis et caducis», Ibid., p. 325.

[237] «Noveritis nos unanimi assensu et voluntate, cum consensu, pro nobis et successoribus nostris in perpetuum, concessisse omnibus tenentibus nostris, manentibus et existentibus in villa de Rikemeresworthe, inter pasturam vocatam «Cowemore», pertinentem manerio de Rikemeresworthe, usque ad campum vocatum «Personesfeld» in longitudine, et vicum regium ducentem de Sancto Albano usque ad Wyndeshore, ex una parte, usque campum dicti Domini Abbatis, ex altera, in longitudine, quod omnia praedicta terras et tenementa, cum omnibus suis pertinentiis, infra limites praedictas existentia, de caetero sint libera et liberae conditionis, et quod omnes tenentes dictorum terrarum et tenementorum, haeredes et assignati sui, dicta terras et tenementa, cum pertinentiis, libere possint dare, vendere, et assignare, quibuscunque voluerint», Charta libertatum, per villanos de Rikemeresworthe violenter extorta, G. A., III, p. 326.

[238] «solvendo dictis Abbati et Conventui, et successoribus suis in perpetuum, annuatim redditus ad praesens usitatos et consuetos, pro omnibus servitiis et demandis», Ibid., p. 326.

[239] «Et quod omnes tenentes praedicti, haeredes et assignati sui, habeant liberam piscariam in aquis «Pichelesborne», ad piscandum ibidem, prout moris est, et fuit». Ibid., p. 326.

[240] «ac etiam liberam communiam in Burymore, in Bacheworthe, cum omnibus bestiis et animalibus suis, exceptis porcis et aucis; solvendo per annum dictis Abbati et Conventui, et successoribus suis annuatim pro quolibet capite bestiarum

et animalium, tres denarios pro omnibus servitiis et demandis». Ibid., p. 326. В другой грамоте (Alia Charta, sub alia forma, per villanos de Rykemeresworth violenter extorta. Ibid., p. 326—327) жители Рикмэнсуорса получают то же самое для своих terrae et tenementa, находившихся inter pasturam vocatam «Cowemore», pertinentem manerio de Rikemeresworthe, usque ad venellam vocatam «Sexteynlane» in longitudine, et in latitudine inter aquam vocatam «Le Burywater» et campum vocatum «Gosehullefeld»; текст этой грамоты тожествен с текстом первой; отметим только следующие добавления: «Solvendo dictis Abbati et Conventui et successoribus suis annuatim, in perpetuum, redditus ad praesent usitatos et consuetos pro omnibus servitiis, Sectis Curiae, et demandis»; liberam piscariam они получают не только in aquis vocatis «Pichelesbourne», но и в «Gatesey», и притом «ad libitum suum, cum eisdem placuerit»; liberam communiam для своих животных они получают «in moris et communibus vocatis «Heyghmore», «Hallemore», «Battesmore».

[241] Здесь население, руководимое неким Ричардом Горзмэном (Horsman), сожгло документы кентербэрийского архиепископа. «Ac eciam libros munimenta et rotulos Archiepiscopi Cantuarie Trenge apud Trenge proditiose et felonice arcit». Record Office. Coram Rege Roll Michaelmas 6 Ric. II. Rot. XXVII. Hertf'.

[242] «volumus et concedimus, pro nobis et successoribus nostris, quod tenentes villae de Trynge sint liberi ab omnimoda solutione tolneti per totam terram Sancti Albani infra libertatem nostram; et ideo praecipimus vobis, omnibus ballivis et ministris nostris, ne praedictos tenentes ratione solutionis dicti tolneti in aliquo molestetis, seu gravetis, sub poena cujuscunque forisfacturae quam poteritis penes nos forisfacere». Charta per tenentes de Trenge de toloneo violenter extorta, G. A., III, p. 327. Грамота помечена 16-м июня.

[243] «Noveritis nos unanimi assensu et consensu concessisse, pro nobis et successoribus nostris in perpetuum, quod omnes homines communitatis villae de Watforde et Caysho, ibidem viventes, haeredes seu tenentes terrarum et tenementorum suorum, habeant et possideant liberam potestatem in villis praedictis, ac in omnibus suis pertinentiis quibuscunque, fugandi omnia animalia bruta, piscandi in omnibus aquis in villis praedictis existentibus, perdices et alaudas, ac volucres aquaticas, at caeteras alias aves ibidem capiendi quocunque tempore anni, ac quandocunque sibi vel suis haeredibus, aut tenentibus terrarum et tenementorum suorum, in villis praedictis, placuerint, tam in dominicis terris praedictorum Abbatis et Conventus, quam in aliis terris quibuscunque in villis existentibus praedictis». Charta libertatum per tenentes de Watford et Caysho violenter extorta, G. A. III, p. 325.

[244] «Ac etiam, quod praedicti homines et haeredes sui de caetero non teneantur nec onerentur venire ad Curiam dicti Abbatis infra Comitatum Hertfordiae» Ibid., p. 325.

[245] «nec solvant de caetero praefato Abbati et Conventui, nec successoribus suis, quemdam redditum vocatum «Alepeny», injuste ab eis per longum tempus levatum». Ibid., p. 325.

[246] «Et quod quieti sint de omnibus tolnetis, pontagio, cariagio, muragio, passagio, picagio, et de omnibus operationibus pontium et parcorum in perpetuum», Ibid., p. 325.

[247] «Et quod etiam libere et quiete habeant et gaudeant molas suas manuales in domibus suis toto tempore futuro. Et insuper, de caetero non teneantur, nec onerentur contra eorum voluntates ad molendina praedictorum Abbatis et Conventus infra Comitatum praedictum existentia blada nec braseum ibidem molere quovismodo». Ibid., p. 325. Грамота помечена 18-м июня.

[248] G. A., III, p. 238.

[249] Ibid., p. 328—329.

[250] Ibid., p. 329.

[251] Ibid, p. 329.

[252] На стр. 330 G. A., III, приведен список принадлежащих аббатству сел и деревень, получивших освободительные грамоты 16-го, 17-го, 19-го и 20-го июня. Вот эти деревни: Waldene, Redburne, Rikemeresworthe, Nortone, Northawe,

Langle Abbatis, Sandrug, Hextone, Wyncelowe, Grenebourgh, Parsoca, Tydenhangre, Caysho, Caldecote, Shephale, Horewode, Shiptone, Aston Abbatis, Westwik, Newenham (мы сохранили транскрипцию хроники, не настолько далекую от современной нам, чтобы интересующийся не мог найти этих имен в новейшей карте Англии).

[253] G. A, III, p. 330.

[254] Rec. Office. Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II, Rot. XXVII, Hertf'.

[255] Rec. Off. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II, m. XXXIV, Hertf'.

[256] Rec. Off. Cor. Rege Roll Easter 5 Ric. II, Rot. XXIII. Hertf' и Michaelmas 5 Ric. II, m. XLIII in tergo.

[257] Судебные протоколы сообщают нам еще и о следующем факте. 11-го июня Hugo the Personesprest of Puttenham, Willelmus Fordham, Walterus Freman, Ricardus Merston' de Langemerston', Ricardus Baldok, Thomas Baldok, Ricardus Fordham и другие явились в Langemerston', чтобы схватить и умертвить Уилльяма Брэга (Brag), министериала Эдмонда Стонора (messorem et servientem Edmundi Stonore). Уилльяма они не нашли, подняли здесь восстание и сожгли рентали и разные другие документы, принадлежащие Эдмонду и другим («felonice et proditorie contra fidem et ligeantiam suam ibidem insurrexerunt et cartas scripta rentalia munimenta ipsius Edmundi et aliorum combusserunt»); не довольствуясь этим (in hiis non contenti), они произвели ряд других действий подобного же рода и во вторник, 10-го декабря, явились в дом Джона Фордгэма (Fordham) в Cobbelcote и убили Уилльяма Брэга. Record Office. Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II, Rot. V. Hertf'; см. также Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II, P. 1, m. 1. d.

[258] Annales Monastici, III, p. 417.

[259] Ibid., p. 418.

[260] Ibid., p. 418.

[261] Record Office. Patent Roll 5 Ric II. P. 1, m. 28. d.

[262] Chron. Angliae, p. 310.

[263] Rec. Office. Cor. R. Roll. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff' и Hilary 6 Ric. II. Ro. IV. Suff'.

[264] Chron. Angliae, p. 302.

[265] Едва ли он мог быть у Тайлера в Лондоне; как мы сейчас увидим, он выступил в роли вождя сэффолькских и других инсургентов в среду, 12-го июля, когда кентцы и эссексцы еще не вошли в столицу.

[266] Rec. Office. Cor. R. Roll. Easter 5 Ric. II. Rot. XXVI. Suff'.

[267] Ibid.

[268] Ibid.

[269] Rec. Off. Cor. R. Roll. Easter 5 Ric. II. Ro XXVI (in tergo). Suff'.

[270] Ibid.

[271] Ibid.

[272] Ibid.

[273] Chron. Angliae, 302—303; Brit. Mus. Cotonian Mss. Claudius A. XII, fol. 131—133—6 (напечатано в книге E. Powell. The Rising in East Anglia in 1381, pp. 139—143); Rec. Off. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff'.

[274] Powell. The Rising in East Anglia, p. 12—14.

[275] Chron. Angliae, p. 302—303; надругательство состояло в том, что голову приора приблизили к голове судьи Кэвендиша как бы для поцелуя, издеваясь над дружбой, которая соединяла этих лиц.

[276] Rec. Office. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II, Ro. XXVI. Suff'; Chron. Angliae, p. 303.

[277] Rec. Office, Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI (in tergo). Suff'. См. еще Ancient Indictments, 128. Suffolk напечатан у Powell'a на стр. 127.

[278] Ibid. Подобный же факт сообщает протокол о рыцаре (militem) Томасе де Корнуэрд (de Cornuerde). Этот рыцарь в ту же пятницу без ведома Роу

(«prefato probatore nesciente») отправился к Джону Rokewode из Stanefeld'a в Stanefeld или в Эдмондсбэри (apud Stanefeld vel apud Bury) и потребовал с него десять марок, грозя приходом Роу и его отряда. Вернувшись с этими деньгами к Роу, рыцарь рассказал ему, как он их добыл, но уменьшил полученную сумму на две марки, отдал Роу восемь марок «et interrogavit de eo quid haberet inde p r o l a b o r e s u o». P o y взял себе пять марок, а три отдал рыцарю «p r o l a b o r e s u o». R e c. O f f i c e. C o r. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI (in tergo). Suff'.

279 C h r o n. A n g l i a e, p. 303; R e c o r d O f f i c e. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff'.

280 C h r o n. A n g l i a e, p. 303.

281 Ibid., p. 303.

282 Ibid., p. 303 — 304. Эдмонд Браунфилд, монах эдмондсбэрийского аббатства, был поставлен папой в аббаты этой обители против желания братии; вернувшись из Рима и встретив оппозицию в монахах, он решил опереться на поддержку окрестного населения, среди которого он приобрел большую популярность; монахам удалось расположить в свою пользу короля, и Браунфилд, вместе с восемью или десятью монахами, своими приверженцами, был арестован и отправлен в Тауэр как ставленник папы и, следовательно, нарушитель статута о так называемых «провизорах» 1351 года. См. C h r o n. A n g l i a e, pp. 243—247.

283 Ibid., p. 303—304.

284 R e c. O f f i c e. Patent Roll 6 Ric. II. P. 2, m. 16.

285 R e c. O f f i c e. Cor. R. Roll Hilary 6 Ric. II Ro. XIV. Suff'.

286 Ibid.

287 Протокол называет дом Джона Джерарда (Gerard), где восставшие взяли имущества на 40 фунтов стерл., дом архидиакона сэффолькского (Archi Suff'), где взяли на столько же, и дом Джона Кобэта (Cobat), где взяли на сто фунтов; в разграблении этого последнего дома участвовал и некто Джон Бэтисфорд (Batisford), клирик (clericus). I b i d.

288 «In villa de Melton» отряд Сэмпсона разбил дома Уилльяма Fraunceys и унес отсюда имущества на сто марок, а «in villa de Colpho» той же участи подверглись дома Роджера de Wolfreston, из которых было унесено всякого добра тоже на сто марок; жители деревень (villata) Беркинга и Недгэма назвали Сэмпсона «capitalis sustentator manutentor et congregator populi tempore levacionis de villa ad villam». I b i d.

289 A n c i e n t I n d i c t m e n t s 128. S u f f o l k (E. Powell. T h e R i s i n g i n E a s t A n g l i a, Appendix II, p. 127).

290 Ibid., p. 130—131.

291 C h r o n. A n g l i a e, 306.

292 «Rogerus Bacoun miles fuit communis levator dictorum hominum inimicorum domini Regis per totam patriam contra defencionem domini Regis». R e c o r d O f f i c e. Cor. R. Roll Hilary 5 Ric. II, m. XIX. Norff'.

293 C h r o n. A n g l i a e, p. 305.

294 Ibid., p. 305.

295 Ibid, p. 305—306. Об убийстве P. de Salle см. еще A n c i e n t I n d i c t m e n t s 128. Norfolk (E. Powell, 132).

296 J. Capgrave в своей L i b e r d e i l l u s t r i b u s H e n r i c i s, p. 171, называет имена их: Sceth, Trunch и Cubith.

297 C h r o n. A n g l i a e, p. 306.

298 «Et sic de villa ad villam equitavit per totam patriam ad levand' gentem contra pacem domini Regis et fidelium ligeorum Regis». R e c o r d O f f i c e. Cor. R. Roll Hilary 5 Ric. II, m. XIX. Norff'.

299 Ibid.

300 Ibid.

301 Ibid.

302 Гуго Фастолф и У. Элис были представителями от Ярмута в парламенте 1376—1377 гг.; первый из них был кроме того сборщиком и ревизором поголовной подати.

303 R e c. O f f i c e. Cor. R. Roll. Hilary 5 Ric. VII, m. XIX. Norff'.

[304] Ibid.

[305] В среду (19-го июня) Роджер Бэкон явился с своим отрядом в Уинтертон (Wyterton) и заставил одного из жителей деревни, некоего Джона Curteys, выкупить свою жизнь и имущество десятью марками. (Record Office. Cor. R. Rol. Hilary, 5 Ric. II, m. XIX. Norff'.) Укажем еще на факт, весьма характерный для людей в роде рыцаря Роджера Бэкона (аналогичный факт из деятельности рыцаря Павла Солсбэри мы уже имели случай привести раньше) и других известных нам дворян, принявших участие в восстании. Уходя из Ярмута, Бэкон взял с собою некоего Уилльяма Clere; с ним он явился в Castre Sondes и здесь, угрожая ему смертью, заставил его отказаться от своих прав на мэнор Антингэм (Antyngham), принадлежавший некогда Бэкону, но затем проданный им рыцарю Уилльяму Уичингэму (Wychyngham), а этим последним проданный настоящему владельцу; за Clere'а поручились рыцарь Джон Мэнтби, шерифф Уилльям Уинтер и Роберт Howard, после чего Роджер Бэкон вступил во владение мэнором и владел им в течение трех дней вопреки праву Англии. Record Office. Cor. R. Roll Hilary 5 Ric. II, m. XIX. Norff. В том же Castre (apud Castre) отряд Бэкона унес имущество Джона Фастолфа (Fastolf), одного из обвинительных присяжных (Ibid.).

[306] Более детальное описание восстания в Сэффольке и Норфольке дают E. Powell, The Rising in East Anglia, главы I и II, Oman, The Great Revolt of 1381 (глава VII), и Reville, Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381.

[307] Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Centebr'. Plac' etc. 5 Ric. Ro., VII (in tergo) и VII. Кроме Эдмонда de Walsingham'a, назван Rogerus Herlaston, которого diversa catalla, именно boves, oves, porcos, lana, plumbum et maeremium de dom' prostrat', восставшие продавали apud Cotenham, а также Роберт Elteslee, у которого инсургенты разрушили дома apud Cleyheth, а затем продали дерево с них.

[308] Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric. Ro. II.

[309] «dixit se habere commissionem domini Regis in quadam pixide ad destruend' traditores domini Regis et ad alia quamplura faciend'». Ibid. Rot. III и Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II. Ro. XV, Cantebr'.

[310] Record Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac'etc. 5 Ric. II, Ro. primus. Hundr' de Stan'.

[311] Ibid., Rot. III; ср. заявление кэмбриджского мэра и горожан в парламенте, что беспорядки в Кэмбридже были произведены «par les Traitours et Malfaisours de les Contees de Essex, Hertford' et Kent, qi vindrent a leur Ville en moelt oultrageouse multitude, et avec eulx une certaine petite noumbre des Malfaisours et Riotours de lour Ville». Rot. Parl., v. III, p. 109.

[312] «ex malicia sua propria et mera voluntate sua equitavit ad societatam malefactorum et procuravit eos cum auxilio suo et famulorum suorum...». Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac' etc. 5 Ric. II, Ro. primus (in tergo).

[313] «Item dicunt quod Galfridus Cobbe cum aliis subditis suis ignotis felonice et tanquam proditores intraverunt maneria Thome Haselden apud Geldenmorden et Stepelmorden scilicet die Sabbati prox post. fest. corp χρ̄i a° dom. Regis nunc quarto et ibidem proclamaverunt publice fingentes se habere commissionem domini Regis ad plura malefacta faciend' ubi nullum habuerunt». Ibid., Ro. IV. См. еще Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II, m. 34.

[314] «Item dicunt quod Iohannes Peper de Lynton equitavit in societate predicti Iohannis Hanchach et portavit unam lanceam cum I penonn' et fuit malefactor., Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac' etc. 5 Ric. II, Rot. III.

[315] Ibid., Rot. III и IV.

[316] Ibid., Rot. X (in tergo), XI и III.

[317] Ibid., Rot X и XI.

[318] Ibid., Rot. I—VII; Rec. Office. Cor. R. Roll Michaelmas 7 Ric. II, Ro. XXI. Cant'. Той же и подобной участи подверглись дома одного из обвинительных присяжных Уилльяма Бетмэна (Bateman) in manerio suo de Harleton, Томаса Bradefeld'a, судьи Эдмонда Уолсингэма apud Everesdon magnam, Джона Sybile в Horsech'e и в Upwer'e, Уилльяма Молта (Malt) в Wilburham magna (в воскресенье), Томаса Elleswurth'a в Elleswurth'e (в воскресенье), Джона

Роджера (Roger) в Wilburham parva (в воскресенье; здесь же инсургенты «expulsaverunt Simunem Andren de Wilburham parva et uxorem ejus firmarium Thome de Svaffham et posuerunt Margaretam relictam Iohannis Andren in Wilburham parva in libero tenemento dicti Thome ad dampnum dicti Thome etc.»), Томаса Torel'a apud Swaffham parvam (в воскресенье), Джона Walter'a в Crawden'e (в воскресенье), Роджера Herlaston'a в Deneye и в Milton'e (в воскресенье). В воскресенье (16-го июня) некто Джон Scot de Mitlon вместе с другими инсургентами явился в Lollewurth к дому Джона Sigar'a «et ibidem minas fecit Mabil' uxori dicti Iohannis dicendo quod vellet prosternare domos Iohannis Sigar nisi dictus Iohannes vellet concedere Rogero Attecherch et aliis hominibus plenam seisinam de certis terris in Gritton, Horves et Maddyndlee etc.»; в тот же день некто Jacobus Hog' de Ikelyngton' «intravit clausum Priorisse de Ikelyngton vi et armis et asportavit extra clausum dicte Priorisse rotulos Curie et alias evidencias terrarum et tenementorum ejusdem Priorisse et illos combussit ex malicia sua propria», а в следующий понедельник некто Willermus Bokenham de Ikelyngton «clausum Willelmi Croyser apud Dakeswurth frigit et rotulos curie et alia monumenta manerii sui ibidem inventa felonice combussit». Обо всем этом см. Record Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac' etc. 5 Ric. II. Rot, I—VIII.

[319] Rot. Parl., v. III. p. 108; см. в Record Office. Ch. H. Pl. 33; Cantebr' Plac' etc. 5 Ric. II. Rot. V (in tergo), VI и VII показания присяжных о разных лицах из кэмбриджских горожан, которые ездили к Джону Гэнчэчу и его отряду в окрестности Кэмбриджа.

[320] В протоколах кэмбриджский мэр только один раз назван Эдмондом Listere (Ibid., Rot., IV); во всех остальных случаях он является под именем Эдмонда Redmedwe; повидимому, у него были две фамилии, и, может быть, Lister (lister=красильщик) указывает на профессию его или его предков.

[321] «firent une solempne proclamation et cry». Rot. Parl., III, p. 108.

[322] Rot. Parl., v. III, p. 108. См. Historiae Cantebrigiensis Academiae ab urbe condita, liber primus. Auctore Iohanne Caio Anglo. Londini in aedibus Iohannis Daij An. Dom. 1574, p. 97, и Thomas Fuller, The History of the University of Cambridge, since the Conquest. Printed in the year of our Lord, 1655; напечатана в одном томе с другим сочинением того же автора The Church-History of Britain; from the Birth of Jesus Christ untill the Year MDCXLVIII.

[323] «ad sonitum campanae S. Mariae majoris». Cajus, p. 98.

[324] Rot. Parl., v. III, p. 108; Cajus, p. 90; Fuller, p. 53.

[325] Rot. Parl., v. III, 108; Cajus, p. 90; Fuller, p. 53; Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric., Rot. IV (in tergo), V (in tergo) и VII.

[326] Коллегия эта называлась тогда еще и коллегией св. Бенедикта, так как по соседству с ней находилась церковь, посвященная этому святому (см. Историю Кэмбриджского университета Mullinger'a, p. 249); так она названа у Fuller'a (Bennet Colledge) и в протоколах.

[327] Краткое сообщение об этом разгроме дают Rot. Parl., v. III, p. 108 и 128; более подробно говорит об этом королевский патент, отправленный Willelmo de Skypwith, Thome Hungerford, Roberto de Walisham Rogero de Boys et Johanni Plays вследствие жалобы magistri et scolarium domus corporis Xρi et beate Marie Cantebr'. Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 2. m. 16. d. См. также Rec. Off. Ch. II. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric. II. Rot. II, IV (in tergo) и V (in tergo), а также Cajus, p. 98 и Fuller, p. 53.

[328] Rot. Parl., v. III, p. 108; Ср. Rec. Office. Patent Roll. 5 Ric. II. P. 1. m. 34. d.

[329] Rot. Parl., v. III, p. 108; Cajus, p. 98; Fuller, p. 53.

[330] Rot. Parl., v. III, p. 108; Cajus, p. 98; Fuller, p. 53.

[331] Cajus, p. 98—99.

[332] Между прочим пострадали дома и имущество Джона Blankpayn, имя которого мы встречаем в списке обвинительных присяжных города Кэмбриджа. Накануне пострадал, повидимому, и родственник его Роджер, сын Ричарда Blaunkpayn'a, и показание присяжных об этом последнем так интересно, что мы считаем не лишним привести его здесь: «Ed quod idem Johannes (Coggesha

de Hastlingfeld) die sabbati prox' ante diem dominicam predictam apud Cant' in vico de Briggestrete cum pluribus aliis ignotis insurrectoribus venit ex malicia precogitata ad domum Rogeri filii Ricardi Blaunkpayn et ipsum quesivit ad interficiendum et ibidem ipsum non invenit Set statim in forma predicta ivit ad ecclesiam S. Egidii Cant' et ibidem in predictum Rogerum insultum fecit et decolasse se voluit nisi impeditus esset per parochianos ibidem tunc existentes. Et super hoc continuata malicia sua reivit ad domum predicti Rogeri ad illam prosternand' quousque uxor ejusdem Rogeri genuflectendo obtulisset sibi finem et ad graciam suam capiend' pro pace sua et viri sui habend' in Regis contemptum et aliorum exemplum perniciosum». Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. VII, а также passim; были разрушены и разграблены кэмбриджские дома Роберта Herlaston'a и др. Ibid. Rot. VII и passim.

[333] «Johannes Gibbon de Cantebr' junior ...simul cum aliis malefactoribus secum congregatis die dominica prox. post fest corp Xpi a° dom. Regis nunc IV-to tempore misse parochialis ecclesiam S. Marie Cantebr' intravit et felonice fregit unam cistam de jocalibus et utensilibus plenam et ibidem cepit de Johanne Gibbon seniore X s pro eadem cista dimittenda in prejudicium Regis et perturbacionem presbiteris celebrantis missam et parochianorum ibidem existencium». Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr', Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. VI; в том же обвиняются еще несколько лиц. Rot. VII и IV (in tergo).

[334] Ibid.; Cajus., p. 98.

[335] Так мэр показывал на суде перед Гугоном Ла Зушом (la Zouch) и его товарищами в ответ на жалобу, поданную бернуэлским приором. Record Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. XII.

[336] Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. XII; Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. I. m. 30. d.; см. еще краткое сообщение об этом в Rot. Parl., v. III, p. 108; Cajus, p. 99; Fuller, p. 53—54. Record Office. Coram Rege Roll, Hillary 7 Ric. II Rot. XXII.

[337] Record. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. X. Juxta insulam de Ely.

[338] Ibid.; у него оказалось движимости на 20 фунт. стерл.

[339] Ibid., Ro. XI (in tergo).

[340] Ibid., Ro. X.

[341] Ibid., Rot. X. Едва ли Somenour не указание на положение Томаса, как чиновника епископской курии: somenour или somnour=summoner, «an officer who summons delinquents to appear in an ecclesiastical court» (Skeat, Piers the Plowman, Third edition. Oxford. MDCCCLXXXI, p. 203).

[342] Mullinger, p. 224, n. 3.

[343] Record Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac' etc. 5 Ric. Ro. VI (in tergo).

[344] Ibid., Ro. X.

[345] «Item quod idem Adam diebus dominica et lune prox. sequ. ibidem proclam' fecit ne aliquis homo de lege seu aliquod officium portans in jure exequend' evaderet sine decapitacione». Ibid., Ro. X (in tergo).

[346] Ibid., Rot. X (in tergo).

[347] «Et quod idem Ricardus dicto die lune apud Ely felonice adjudicavit Edmundum de Valsingham unum Justic (iarium) dom. Regis de pace in Com' Cant' ad mortem per quod idem Edmundus tunc felonice fuit decollatus et caput ejus super pillorium ibidem positum fuit et in perniciosum exemplum». Ibid., Ro X.

[348] Ibid., Ro. X.

[349] Ibid., Ro. X и Ro. XI.

[350] Ibid., Ro. X и XI.

[351] «Item quod idem Adam diebus et anno predictis tempore insurrectionis semper fuit vagans armatus armis discoopertis portans signum ad insurr' congregand' percipiens ne aliquis cujuscunque existens condicionis libere vel servilis intenderet domino suo ad aliqua servicia seu consuetudines faciend' sub pena decollacionis aliter quam eis informaret ex parte magne societatis. Et sic cepit super ipsum proditorie Regiam potestatem». Климм был повешен, а движимость его

стоимостью в 32 шилл. была конфискована в пользу короля. Ibid., Ro. X (in tergo).

Протоколы сообщают нам некоторые сведения о восстании жителей Сэттона (Sutton), в пределах того же острова Или. В воскресенье (16-го июня) некто Томас Барр (Barr') восстал в Сэттоне и, собрав большую толпу («cum magna potestate»), отправился к дому Ричарда Waltesheff, сэттонского констэбля (constabullarii ville de Sutton), и потребовал, чтобы констэбль принял участие в восстании, грозя, в противном случае, разрушить его дома («et illum precepit surgere cum eo vel prosterneret domos suas»); отсюда он отправился в Mephall к дому Джона Fedeler'a (имя его мы встречаем в списке обвинительных присяжных) и стал разыскивать здесь Джона Whyte de Ely и уже знакомого нам Томаса Somenour'a с намерением убить их, но принужден был ограничиться захватом лошади Томаса (Ibid., Ro. X) (in tergo). Во вторник (18-го июня) жители Сэттона были в Уичэме (Wychham) и грозили здесь смертью Уилльяму Craunfeld'y «pro emendis ab eo obtinendis ubi nulla fuit transgressio» (Ibid., Ro. XI), а также в Wynterwurth'e, где явились в усадьбу ризничего (sacriste de Ely), разыскивая владельца усадьбы (Ibid., Ro. XI); с ними был и капеллан Джон Майкел. Ibid., Ro XI (in tergo).

[352] Ibid., Ro. XI.

[353] Ibid., Ro. III (in tergo) и VI.

[354] Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 1.

[355] «Robert Phippe en la Countee de Huntyngdon». Rot. Parl., v. III, p. 175. Повидимому, вне связи с общим восстанием стоит эпизод, о котором мы узнаем из судебных протоколов и из королевского патента от 20 ноября 5-го года царствования Ричарда II. В воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина епископа (вероятно, 17 ноября), клирик Джон Тэбб (Iohannes Tubbe cliricus), капеллан Радульф Вернун (Radulfus Vernoun capellanus), Джон Поп (Pope), плотник Ричард Эстон, Ричард Долтон (Dolton), Уильям Sawier, клирик Адам Мартин (Adam Martyn cliricus), Уильям Verdoun, Уильям Martyn, Николай Thressher, Уильям Tilteer, Джон Berel и Генри Swon и другие с оружием в руках ворвались в дома приора капитула св. Марии в Гэнтингдоне (Prioris ecclesie beate Marie de Huntyngdon) в Southelonetoft, избили пріора и каноника Уилльяма Геммингфорда (Hemmyngford), а также слуг приора (necnon homines et servientes ipsius Prioris) и унесли всякого имущества на 200 фунтов (Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 11. d.; Rec. Office. Ch. H. Pl. Hunt. Pl. de trangr. 5 Ric. II. 2 m.).

[356] Rec. Office. Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II, Ro XXX, Norht'.

[357] Knighton, Lib. V, col. 2638.

[358] Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 7. d.

[359] «Sciatis quod cum ut accepimus homines et tenentes hospitalis S. Johannis Jerusalem in Anglia in Com predicto consuetudines et servicia pro tenuris suis et alio modo fratribus Custodibus sive Gubernatoribus ejusdem hospitalis et possessionum ejusdem debita facere contradicant et se ab eisdem retrahant jam de novo et congregaciones et conventicula ad resistendum eisdem fratribus Custodibus et Gubernatoribus et ministris suis in hac parte ne hujusmodi consuetudines et servicia more solito fac' ut debebunt facere intendunt et se parant». Rec. Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 30. d. (от 7-го августа); см. еще королевский патент, назначающий в Линкольншир судебную комиссию с Джоном de Moubray, графом Nothyngham'ом, во главе для расследования дел о восставших (Rec. Office. Pat. Roll. 5 Ric. II. P. 1, m. 31. d.), а также Close Roll 5 Ric. II, m. 40 (Rec. Office), отправленный custodibus pacis et Justic' многих графств и в том числе Линкольнского, и еще Rec. Office Patent Roll 5 Ric. II. P. 2, m. 12, прощающий Hugoni de Garwell de Lincoln omnimodas prodiciones и felonias, совершенные от 1-го мая по 1-е ноября 1381 г.

[360] Knighton, Lib. V, col. 2641.

[361] Knighton, Lib. V, col. 2639—2640.

[362] Rot. Parl., v. III, p. 96.

[363] Rot. Parl., v. III, p. 96—97.

[364] Ibid., p. 135—136.

[365] Record Office. Patent Roll 5 Ric. II, P. 2, m. 23. d.

[366] Record Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 25. У нас есть еще протокол о нападении на Йорк вооруженных людей в понедельник 1-го июля 5-го года. Record Office, Cor. Rege Roll Michaelmas 5 Ric. II. m. XXXV. Ebor'.

[367] Record Office, Patent. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 27. d; Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 38. Record Office. Patent. Roll 5 Ric. II. P. 1 m. 31. d.

[368] Rec. Office. Cor. R. Roll, Easter 5 Ric II. Ro XXV.

[369] Close Roll 5 Ric. II m. 19, напечатанн. в Rot. Parl., v. III. Appendix, p. 393 a.

[370] Record Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 34. d.

[371] Ibid.; Close Roll 5 Ric. II. m. 19, напечатанн. в Rot Parl.; v. III, Appendix, p. 393 a.

[372] Обо всей этой истории см. еще Record Office. Patent. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 3, Close Roll 5 Ric. II. m. 1 (среди виновников беспорядков, происшедших в Беверли во время общего восстания, названы три bochers' (мясники), hosiare (вязальщик), pelliparius (меховщик?), cordwaner (башмачник), skynner (скорняк), barkere (дубильщик), tylere (кровельщик), chaundeler (свечник), Close Roll 5 Ric. II. m. 10, 11 и 15; Rot. Parl., v. III, p. 135.

[373] Rot. Parl., v. III, p. 103.

[374] Oman., 139. См. еще Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 31. d (Record Office), в котором король приказывает мэру и шериффам Мидделсекса и Сомерсета разыскать, арестовать и посадить в тюрьму Nich. Frompton Capellan, Джона Blake Scryveyn и Томаса Ingelby de Bruggewater, которые были indictati de diversis feloniis et insurreccionibus.

[375] Rec. Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 33. d.

[376] Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 31.d.

[377] Rot. Parl., v. III, p. 112. В Eulogium, v. III, p. 354, читаем: «In Northfolk, Southsex, et diocesi Wintoniensi homicidia multa facta sunt».

[378] Rec. Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 32 d.

[379] Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 42; ср. Rec. Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 27.d. и Cor. R. Roll Easter 7 Ric. II. Ro. XIII. Wiltes'.

[380] Rec. Off. Pat. Roll 6 Ric. II. P. 1 m. 32. d.

[381] См. Record Office. Patent Roll. 5 Ric. II. P. 1. m. d. и Pat. Roll Ric. II. P. 2. m. 22. d.

[382] Walsingham, H. A., II, p. 16.

[383] Ibid., p. 17.

[384] Chron. Angliae, p. 315 = Wals., H. A., II, p. 18.

[385] Chron. Angliae, p. 316=H. A., II, 18—19.

[386] Chron. Angliae, p. 316—317=H. A., II, p. 19.

[387] Chr. Angliae, p. 306 и 307.

[388] Capgrave, Liber de illustribus Henricis, p. 170; Cajus, p. 99; Fuller, p. 54.

[389] Capgrave, p. 171; ср. Chron. Angliae, p. 306—307.

[390] Capgrave, p. 172.

[391] Capgrave, p. 171—172.

[392] «Quem auditum et absolutum virtute officii, ipsemet prosequebatur ad furcas, demonstrans in eo, quamquam vicisset eum, opus mansuetudinis et pietatis, sustentans videlicet caput ejus, ne collideretur a terra, dum ad suspendendum traheretur». Chron. Angliae, p. 308.

[393] Capgrave, p. 172.

[394] Knighton, lib. V, col. 2638—2639.

[395] Ibid., col. 2639.

[396] Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 38.

[397] Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 32. d.

[398] Chron. Angliae, p. 317=H. A., II, p. 19—20.

[399] Knighton, col. 2643.

[400] Higden, IX, Appendix, p. 7, 8.

[401] Ibid., p. 8.

[402] Ibid., p. 9.

[403] Ibid, p. 9.

[404] Ibid., p. 9.
[405] Ibid., p. 9.
[406] Ibid., p. 9 .
[407] Record Office. Close Roll 5 Ric. II, m. 39. d; Record Office. Cor. R. Roll Trinity 6 Ric. II Ro. XVIII. Midd'.
[408] Higden, IX, p. 9.
[409] «Mandamus Vobis, et cuilibet vestrum, firmiter injungentes, quod statim, visis praesentibus, quacumque excusatione cessante, in singulis Civitatibus, Burgis Villis Mercatoriis et aliis villis et Locis in Comitatu Lincolniae, et quibuscumque partibus ejusdem, tam infra libertates quam extra, ubi expediens fore videritis et necesse, ex parte nostra publice proclamari faciatis quod omnes et singuli tenentes, tam liberi, quam Nativi, opera, consuetudines et servitia, quae ipsi dominis suis facere debent et ab antiquo ante turbationem in diversis Comitatibus Regni nostri Angliae jam exortam facere consueverunt, absque condradictione, murmure, resistentia seu difficultate aliquali faciant, prout antea solebant, et ulterius ex parte nostra districte inhibeatis, quod iidem tenentes, liberi aut nativi seu alii quicumque opera, consuetudines aut servitia sua praedicta istis turbationum temporibus magis solito retrahant, seu ea praedictis dominis suis facere ullo colore retardent, nec aliqua alia libertates sive privilegia exigant, vendicent, sive clament, quam ante praesentem turbationem habuerunt, sub fide et ligeantia quibus nobis tenentur, et sub forisfactura omnium quae nobis forisfacere poterunt in futurum, et omnes illos quos post proclamationen et inhibitonem praedictas contrarios inveneritis seu rebelles, arestetis et capiatis et ipsos prisonis nostris mancipetis in eisdem morraturos quousque de eorum punitione aliter duxerimus demandandum, et hoc sicut nos et honorem nostrum et salvationem jurium regni nostri diligitis, nullatenus omittatis». Close Roll 5 Ric. II, m. 42 d. Такие же письма отправлены в Эссекс, Норфольк, Сэффольк, Гэтнтингдонское графство, Нортгэмптонское графство, Кэмбриджское графство, Гертфордшир, Бэккингэмшир, Кент, Уилтшир и Сэррей. Rymer, vol. IV, p. 129 нового издания и Tom. III, p. 124 старого.
[410] «...Nos tamen, pro eo quod dictae literae de curia nostra, absque matura deliberatione, et indebite, emanarunt, perpendentes concessionem literarum praedictarum in nostri et coronae nostrae maximum praejudicium, ac tam in nostri, et praelatorum, procerum, et magnatum, dicti regni nostri, quam sacrosanctae ecclesiae Anglicanae, exhaereditationem, necnon dispendium et incommodum reipublicae, tendere manifeste, dictas literas et quicquid exinde fuerit subsecutum, de avisiamento concilii nostri, revocavimus, cassavimus, irritavimus et adnullavimus, et de facto revocamus, cassamus, irritamus, et penitus adnullamus; nolentes quod aliquis, cujuscumque status seu conditionis fuerit, libertatem sive commodum aliquod de praedictis literis quomodolibet habeat seu reportet»... Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 33.
[411] «Et quod ipsi, qui praedictas literas nostras manumissionis et perdonationis penes se habent et custodiunt, eas statim penes nos et concilium nostrum deferant et restituant, cancellandas, sub fide et ligeantia quibus nobis tenentur, et sub forisfactura omnium quae nobis forisfacere poterunt in futurum...». Ibid. Патент этот, как уже приходилось указывать, напечатан у Раймера в Tom. III, P. III, p. 124 под заглавием: «De Revocatione quarumdam Literarum Manumissionis et Pardonationis, saeviente Plebe, Communitati Regni Angliae concessarum», а также в Chronicon Angliae, p. 318, 319, и в Hist. Angl., v. II, p. 20—22 под рубрикой «Literae revocationis libertatum».
[412] «... quod statim iidem excitatores capiantur, et de eisdem tanquam nostris Rebellibus, Inimicis, et Proditoribus fiat indilate, sub forisfactura vite et membrorum, et omnium aliorum que Nobis forisfieri poterint». Rot. Clausus 5 Ric. II, m. 36 (De proclamatione facienda quod conventicula non fiant), напечатанный в Rot. Parl., v. III, p. 394.
[413] «... In quo quidem Turbatione iidem Insurrectores, tanquam Diabolici crudeliter moti, nedum Homicidia, Incendia, Latrocinia, et alia Mala, hactenus inaudita, proditorie perpetrarunt, sed et, ipsorum Malitia praecedente carissimum Avunculum nostrum, Iohannem Regem Castellae et Legionis Ducem Lancastriae, ac certos alios Praelatos et Fideles nostros, de Culpa Infidelitatis erga Nos et dictum

Regnum nostrum nequiter et inique diffamantes, fingentesque, ipsos Insurgentes, praedicta Mala ex nostra Voluntate fecisse, ut sic Crudelitatem suam, per ipsos inceptam, eo colore cautius exequi possent, eidem Avunculo nostro quamplura Enormia Mala et Dampna inaestimabilia, per Incendia et alias Destructiones, crudeliter intulerunt, in nostri et ipsius Avunculi nostri ac Sanguinis nostri Regii Regiaeque Majestatis et totius Regni maximum dedecus et opprobrium, unde non immerito conturbamur et nimium condolemus»...

[414] «...praefatum Avunculum nostrum, qui nobis tam propinquus existit, Nobis et dicto Regno nostro probavimus et semper novimus fuisse et esse fidelem, ac Status et Honoris nostri et ipsius Regni praecipuum Zelatorem»... Patent Roll 5 Ric. II, P. 1, m. 34 (pro Rege Castellae, Avunculo Regis, contra Fictiones et Diffamationes Insurgentium), напечатанный у Раймера в T. III, p. 124—125.

[415] H. A., II, p. 22.

[416] Ibid,. p. 23.

[417] Ibid., p. 24.

[418] Ibid., p. 24—25.

[419] H. A., II, p. 27.

[420] «Non contigat hoc dedecus in persona nostra; salliat interim Abbas carnes quas mactavit, ne putrescant; et vendat cervisiam quam pandoxavit, ne acescat; et penes quos pinsuit, ne indurescant aut muscidi fiant, aut a muribus corrodantur». Ibid., p. 29.

[421] «Doluit idcirco Abbas, quia timuit per tantum populum patriam devastandam». Ibid., p. 29.

[422] «... conducunt quemdam militem causidicum, scilicet Willelmum Croyser, magno pretio». Ibid., p. 30.

[423] «Justiciarius peritissimus, vir multum habens pectoris, et prudentiae serpentinae». Ibid., p. 31.

[424] «tractioni, suspendio, deccollationi, exentrationi et quarterizationi, ut usu vulgari loquar, idem Robertus adjudicavit». H. A., II, p. 32.

[425] Higden, IX, p. 9.

[426] Ibid., p. 37—38.

[427] Текст приказа (Close Roll 5 Ric. II, m. 41) напечатан Ibid., 40; см. еще королевский патент, которым король прощает некоему Томасу de Wycresley то, что он «cordulas per quas corpora quorumdam hominum coram nobis morti adjudicatorum apud villam de Sancto Albano suspendebantur nequiter et malitiose succidit et corpora illa prostravit». Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 21.

[428] Record. Office. Patent Roll Ric. II. P. 1, m. 21 (de licentia sepeliendi ossa mortuorum).

[429] Record Office. Close Roll 5 Ric. II, m. 40. d.

[430] Ibid.

[431] Record Office. Close Roil 5 Ric. II, m. 39 d.

[432] Record Office. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. Kanc'.

[433] «Et etiam cognovit dictus Iohannes Cote quod peregrini qui venerant extra parochiam del North (вар.: de partibus borialibus) versus villam Cantuariam narraverunt in dicto comitatu Kancie quod Iohannes Dux Lancastrie fecerat omnes nativos suos liberos in diversis comitatibus Anglie super quo malefactores predicti volebant misisse nuncios ad prefatum Ducem ad sciendum si ita esset nec ne Et si ita fuisset tunc iidem malefactores consenterunt adinvicem ad dictum Ducem misisse et eum per realem potestatem suam (вар.: per ipsorum regalem potentiam) fecisse dominum suum et Regem Anglie et tenuisse cum eodem Duce in omnibus ad vivendum et moriendum contra dictum dominum Regem Ricardum et populum suum predictum». Ibid.

[434] Rec. Office. Patent Roll 6 Ric. II. P. 2, m. 6.

[435] Rec. Office. Pat. Roll 6 Ric. II. P. 1, m. 28.

[436] Rec. Office. Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II. Kanc'. Как видно из протоколов, подобные попытки вторично поднять народ делались в том же Кенте и раньше. Первого июля Джон Gibbon из Мэдстона явился в здание городского управления в Кентербэри и потребовал от находившихся здесь бэй-

лиффов этого города, чтобы они подняли всю общину города и вели ее против сеньеров и судей, назначенных охранять мир в Кентском графстве. Record Office. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes etc. 4, 5, Ric. II. Cantuar'. Второго июля Джон Чилдестон (Childeston) вместе с другими восстал против королевского мира в Ruytoneshoth'e, сделал несколько оповещений и собрал народ для того, чтобы оказать сопротивление королевским судьям и другим охранителям мира. Record Office. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$. Kent. Presentationes etc. 4, 5, Ric. II, Hundr' de Calhell'.

[437] «Qar il dit, si vous desirez d'enfranchiser et manumettre les ditz Neifs de vostre cõe assent, come ce luy ad estre reportez q aucuns de vous le desiront., le Roi assentera ovesq vous a vostre priere». Rot. Parl., v. III, p. 99. В связи с последней фразой небезынтересно будет привести следующие слова ивэмского монаха: In isto Parliamento de manumissione actum fuerat nativorum. Nam spes illorum pendebat, quod Rex alias in insurrectione illorum invitus concesserat, nunc per illud Parliamentum confirmatum fuisset». Mon. Evesh, p. 34—35.

[438] Rot. Parl., v. III, p. 100.

[439] Ср. Mon. Evesh. (непосредственно после приведенного нами места), p. 35: «Sed illud primo Parliamento per Regem, et postea per omnes Dominos fuerat denegatum».

[440] Rot. Parl., v. III, p. 103. Об этой амнистии король пишет от 13-го декабря всем шериффам Англии. Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II, m. 23, d., напечатан. в Appendix'e к Rot. Parl., v. III, p. 393, а также у Раймера в T. III. P. III, p. 131—132.

[441] Rot. Parl., v. III, p. 116; Statutes of the Realm, v. II, p. 20.

[442] «Et le Roi, par l'advis de son Conseil, lour ferra purvoier de remede, si avant come il le purra faire par la Loy». Rot. Parl., v. III, p. 116; Statutes of the Realm, v. II, p. 21.

[443] Ibid., p. 103.

К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

[1] Mon. Evesh., p. 24. Ср. An anonimalle cronicle, 510.

[2] Knighton, Lib. V, col. 2633.

[3] Rot Parl., v. III, p. 101.

[4] См. еще Chron. Angliae, p. 287: «Et cum acciperent indies incrementum hujuscemodi congregationes, et jam fere factus fuisset eorum numerus infinitus, ita ut nullius resistentiam pertimescerent, coeperunt facta (вар.: factis) monstrare quaedam quae mente conceperant, et omnes et singulos juris terrae peritos, tam apprenticios quam senes justiciarios, et cunctos juratores patriae, quos apprehendere poterant, sine ullo respectu pietatis, capitis truncatione multare; asserente non prius quam illis occisis terram ingenua libertate posse gaudere».

[5] «Placuit iste sermo vehementer rusticis, et, ex minoribus majora concipientes, statuerunt omnes curiarum rotulos et munimenta vetera dare flammis, ut, obsoleta antiquarum rerum memoria, nullum jus omnino ipsorum domini in eos in posterum vendicare valerent. Factumque est ita». Chron. Angl., p. 287.

[6] Knighton, col. 2636—2637.

[7] An anonimalle cronicle, 511; Stow, 284.

[8] An anonimalle cronicle, 512; Stow, 284.

[9] «Il nous rendera conte temprement des revenues d'Engletère et des grans proufis que il a levés puis le couronnement dou roy». Froissart, IX, p. 394—395.

[10] Chron. Angl., p. 286.

[11] «Acciderunt haec omnia mala diversis provinciis uno eodem tempore, iisdem fere diebus, quamquam itinere longissimo loca distarent, infra octavas videlicet festi Corporis Christi». Chron. Angl., p. 310.

[12] «North and south, east and west, it broke out within so short a space of time as makes it impossible to suppose it to have arisen, like an accidental conflagration, from mere ordinary contact of materials. In Yorkshire and Lancashire,

Devon, Norfolk, Suffolk, Essex, and Kent, far more rapidly than the news could fly, the people rose», Stubbs, Const. Hist., v. II, p. 469; «The poll-tax, however, could hardly have been the occasion of the outbreak, for, as we shall see below, the fact of simultaneous action in Kent and Norfolk makes it certain that the uprising was concocted, and could not have been due to an accident». Th. Rogers, H. of A. and Pr., v. I, p. 84.

[13] Froissart, IX, p. 392.

[14] Ср. Knighton, col. 2641: «... dux (Lancastriae)... magis sibi timuit ne rex ab aliquibus aemulis ejus sub sinistro consilio ductus ad istiusmodi luporum rabiem inconsulte praeberet assensum; Et ut verum fatear, in multis locis regni divilgatum fuerat, regium assensum intervenisse in hiis quae contra eum fiebant. Quod quidem a nonnulis credebatur». По словам Chron. Angl. (p. 328), многие из свиты герцога Ланкастерского, отправлявшейся с ним в Шотландию для заключения перемирия, оставили его: «audierant nempe regem, timore ductum, corpus domini sui, ducis, donasse communibus id petentibus».

[15] В этом смысле весьма выразителен текст сообщений анонимного автора, напечатанный у Riley, и дэнстэблских анналов. «Where (на Mile End'e) at the prayer of the infuriated rout», говорит упомянутый аноним, «our Lord the King granted that they might take those who were traitors against him, and slay them, wheresoever they might be found». Memorials. «Tandem dominus rex», читаем у автора Монастырских Аннал, «tactus dolore cordis, et ista mala in regno suo fieri considerans, non credens quod dicta communitas archiepiscopum et dominum Robertum antedictos occidere vellent, extra turrim, eorum consensu et assensu, eos exposuit». Annales Monastici, III, p. 416.

[16] Higden, IX, p. 1.

[17] «Et apres cestez choses issint feates, les dites gentz fesoient proclamacion en plein march en la dite ville de Seint Auban, que totez gentz de pays environ vendroient al dite ville, araiez en lour armez, pur les aforcer en mayntenaunce de les droiturez le Roy et de la commune»... Gesta Abbatum, v. III, p. 295; ср. An anonimalle cronicle, 512, где сообщается, как восставшие просили королевских посланцев передать королю, что «ils leueront en salvacione de luy et pur destroyer les traytors a luy et a la Roialme».

[18] Ibid., 513.

[19] «Ita enim tunc temporis gloriabantur eo nomine (communes), ut nullum censerent nomen honorabilius nomine «communitatis», nec quemquam de caetero reputaturi fuerunt dominum, juxta aestimationem suam stolidam, nis Regem solummodo et communes». Wals., H. A., I, p. 472.

[20] Отправлявшиеся в столицу сент-албанцы встретили у Гайбэри двадцатитысячную толпу восставших с Джэком Строу во главе, занятую разрушением дворца магистра госпитальеров. «Visi autem a quodam illorum ductore, qui vocabatur Johannes Strawe, mox accersiti et coacti, fecerunt fidem ei quod regi Ricardo et communibus adhaererent». Chron. Angl., p. 290.

[21] «Enssi venoient ces povres gens et cil villain à Londres de C lieues, de LX lieues, de XL lieues, de XX lieues et de toutes les contrées environ Londres, mais la grigneur plenté en vint de terres dessus dittes de la conté de Kent et d'Essexs et demandoient, en venant, le roy». Froissart, IX, p. 390—391; см. еще p. 388—389.

[22] «Jak Straw et Thomas Melro redeuntes ad campum qui dicitur Blacheth vocaverunt ad se episcopum Rofensem. Et cum quaereret episcopus quis esset principialis qui sibi loqueretur processit unus tegulator de Estsex qui valde eloquens fuerat, exprimebat episcopo multa gravamina virorum simplicium per tallagia et oppressiones maiorum, rogans ut haec narraret Regi, et cogitabant ut dixit repatriare si debita correctio habita sit». Eulogium, III, p. 352.

[23] «Et dicunt quod predictus Iohannes Horn....cum principalibus insurrectoribus conspiravit et predictum populum maleficum pulcris sermonibus versus dictam civitatem vertefecit ubi prius in proposito fuerunt ad hospicia sua revertendum...» Record Office. Cor. R. R. Easter 6 Ric. II, Rot. VI. London.

[24] «Cumque viderunt Regem redire, exaltaverunt voces suas, clamantes Treyson, Treyson, et sic rapidissimo cursu usque Londoniam properaverunt».

Mon. Evesh., p. 25. «Unde populus in furorem versus... cursu rapido Londoniam peciit». Thorne, col. 2157.

[25] Rec. Office. Cor. R. Roll. Mich. 7 Ric. II, Rot. XX. Kanc'.

[26] «ob quam causam malefactores supradicti indignacionem et magnam rancorem habuerunt erga predictum Priorem unde plura dampna et ruinam suis placeis et tenementis in com' Essex' fecerunt». Rec. Office. C. R. R. Easter 6 Ric. II. Ro. VI. London'.

[27] «...extitit presentatum quod Thomas Farendon de London' die lune proxima post. fest s. Trinitatis a° r. R. nunc quarto fuit apud Cressyngtemple ductor cujusdam comitive et ibidem proditorie et felonice prostravit domos prioris s. Iohannis Ierusalem in Anglia et bona et catalla ibidem inventa cepit et asportavit». Rec. Office. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. III. London. Midd'».

[28] «accessitque ultra cum eisdem turmis in civitatem London' et ibidem pernoctabat et recepit secum noctanter principales Insurrectores videlicet Robertum de la Warde et alios ymaginando illa nocte et cum allis sociis suis conspirando nomina diversorum civium que fecit scribi in quadam cedula quos vellet decapitare et eorum tenementa prostrare». Rec. Off. Cor. R. R. Easter 6 Ric. II. Ro. VI (in tergo). London'.

[29] «et idem Thomas primus fuit omnium principalium Insurrectorum de Com' Essex, et dicunt quod predictus Thomas Farndon a die lune in septimana Pentecostes anno quarto supradicto usque diem sue capcionis continuavit maliciam suam in coligendo et congregando predictos insurrectores in prosequendo mortem predicti Prioris false felonice et proditorie contra fidem et ligeanciam suam in adnullacionem status sui Regis et pervercionem Regis et Regni». Ibid.

[30] «ipsos Insurrectores ad veniendum ad dictam Civitatem excitaverunt et procuraverunt et multa super hoc eis promiserunt et postea die Jovis in festo corporis Xρi anno supradicto in eandem Civitatem ipsos insurrectores proditorie introduxerunt et ulterius eos in magna multitudine ad manerium domini Ducis Lancastrie dictum Savoye eodem die perduxerunt et ad arsuram et depredacionem eiusdem manerii ut eorum ductores et principales consiliatores procuraverunt et exinde plura jocalia et alia bona ad valorem et precium viginti librarum felonice asportaverunt». Rec Office. C. R. R. Easter 6 Ric. II. London'.

[31] «Item dicunt super sacramentum suum quod quidam Willelmus Tonge tunc aldermannus predicto die mercurii portam de Algate per predictum majorem pro inimicis excludendis clausam videlicet turbas de Com' Essex' contra pacem dom. Regis ex covina Kentensium levatas idem Willelmus Tonge ipsam portam de nocte aperuit et easdem turbas per dictam portam intrare permisit que statim ut infra Civitatem fuerunt malefactoribus predictis de Com' Kanc' se immiscuerunt et omnia mala predicta simul cum illis et eis adherentibus peregerunt. Set si idem Willelmus Tonge dicte porte apercionem fecit ex sua malicia propria vel ex covina predictorum Johannis Horn et Walteri Sybyle vel ex metu et minis predictorum malefactorum de Com' Kanc' infra Civitatem tum existencium omnino ignorant ad presens». Ibid.

[32] «Et dicunt insuper super sacramentum suum quod nomina plurium predictos malefactores ad dictam civitatem principaliter excitantium seu procurancium vel eosdem in eandem introducentium vel ex propria malicia intrare permittentium ad presens non sciunt nisi talium qui hac de causa justum judicium mortis per legem regni receperunt vel aliorum qui cartas remissionis dom. Reris super hujusmodi malefactis ante istam inquisicionem perquisiverunt». Ibid.

[33] Rot Parl. v. III, p. 112—113; в тех случаях, когда речь идет о слуге или рабочем, в списке это прямо обозначено прибавкой к имени: serviens такого-то (например, Willelmus Dymbilby, Grynder, serviens Iohannis Ferrour); прибавка «рабочий» (laborer) без дальнейшего обозначения встречается только в одном случае (Johannes Roo, Laborer).

[34] Мэмсбэрийский монах выражается в этом смысле весьма категорически. «Et antequam pervenirent London», говорит он об инсургентах Кента и Эссекса, «ipsi de London' combusserunt Savoye, manerium ducis Lancastriae, et jocalia sua ibidem inventa projecerunt in Thamisiam, dicentes: «Nolumus esse fures». Eulogium, III, p. 352. По словам анонимного хроникера, кентцы, разгро-

мив Темпль, отправились к Савою и разрушили и сожгли все то, «que les comons de Londres auoient lessaie sans arsure». An anonimalle cronicle, 515.

[35] «et ipsi in primis foedum reputantes, si quisquam duci ante eos injuriae aut dampni aliquid irrogaret, illico velut amentes cucurrerunt ad locum, et, ignibus in gyro conjectis, destructioni loci vacabant». Chron Angl., p. 288—289.

[36] «ac multa maneria et domos sumptuosas cremantes, et usque ad solum funditus prosternentes, et maxime illorum, quos sciverunt esse juris peritorum vel ministrorum Regis, et allorum, quos noverunt esse de retenemento Ducis Lancastriae. Nam omnes tales maxime eis fuerant odiosi, et omnes hujuscemodi, si quos possent reperire, omnino cogitaverunt occidere, et memoriam eorum de terra delere». Mon. Evesh., p. 24.

[37] Об ограблении ломбардцев сообщает Фруассар. «Et efforchierent plusieurs maisons de Lombars et prissent des biens qui dedans estoient, à leur vollenté; car nuls ne leur osoit aler au devant». Froissart, IX, p. 400; см. также An anonimalle cronicle, 518.

[38] «Cum autem eodem die sol altius elevatus incaluisset, et ipsi pro votis ubique vina diversa et pretiosissima pocula praegustassent, et facti fuissent non tam ebrii quam dementes (nam Londoniarum majores et plebs communis cuncta cellaria illis aperta reliquerant), coeperunt cum simplicioribus civitatis multa tractare de proditoribus; et inter cetera se mutuo cohortati sunt, ut properantes Saveyam, hospitium ducis Lancastriae, cui nullum usquam in regno in pulchritudine et nobilitate potuit comparari, injectis flammis conflagrarent, ad diffiduciandum videlicet ipsum ducem, quem proditorem vocabant, et metum ceteris proditoribus incutiendum». Chron. Angl., p. 288.

[39] См. текст петиции в первой главе, на стр. 31.

[40] «Et dixerunt, quod ante illud tempus fuit male ductus et gubernatus, et quod deinceps per eos gubernari deberet et duci». Mon. Evesh., p. 28.

[41] Chron. Angliae, p. 294 — 295; An anonimalle cronicle, p. 507 и сл.

[42] Chron. Angliae, p. 286.

[43] An anonimalle cronicle, 519: «et donques le dit Wat rehersa les pointz queux fueront a demander et demanda que nul ley deuoiet estre fors la ley de Winschester et que nul uttelagarie seroit en nul proces de ley fait de ore en avant et que nul seignur aueroit seignurye fors sivelment ester proportione entre toutz gentz fors tant solement le seignur le roy et que les biens de seint esglise ne deueroient ester en mains de gentz le relligione ne des parsons et vicars ne des autres de seint esglise mes les auantes aueroient lour sus(t)enance et le remenent de les biens deueroient ester deuidees entre les parochiens et nul euesque seroit en Engleter forsque vn ne nul prelate forsque vns et toutz les terres et tenementz des possessioners seroient pris de eux et parties entre les comons saluant a eux leur resonable sustenaunce et que nul naif seroit en Engleterre ne nul servaige ne naifte mes toutz estre free ot un condicione»...

[44] «Petunt à rege ut omnes warrenae tam in aquis quam in parco et boscis communes fierent omnibus, ita ut libere posset, tam pauper quam dives, ubincunque in regno in aquis et stagnis piscariis et boscis et forestis feras cassare, in campis lepores fugare, et sic haec et hujusmodi alia multa sine contradictione exercere...» Knighton, col. 2636—2637.

[45] См. Wals., H. A., p. 467—468, 470; Gesta Abbatum, v. III, p. 290, 303, 319, 325, 326, 326—327, 328, 329; см. также протокол об отнятии кэмбриджскими горожанами своего общинного пастбища, захваченного монахами бернуэллского приората (Rec. Off. Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. XII). Характерным является и королевский патент от 22-мая 5-го года царствования Ричарда II, отправленный Уильяму de Skipwyth, Томасу Hungerford'y, Роджеру de Walisham, Роджеру de Boys и Джону Plays'y, в котором король назначает их членами комиссии для расследования беспорядков, происшедших во владениях герцога Ланкастерского; герцог жаловался королю, что девятнадцать известных ему по именам лиц (имена эти приведены) «ac quidam alii malefactores et pacis nostre perturbatores liberam Warennam ipsius Regis (Castelle et legionis ducis Lancastrie) apud Gymmyngham Methevold Ton-

stede et Crabbegate vi et armis intraverunt et clausa domos et parcos sua ibidem fregerunt et in eisdem Warenna et parcis sine licencia et voluntate sue fugaverunt et in solo suo ibidem foderunt et terram inde projectam ac maeremium de domibus praedictis necnon alia bona et catalla sua ibidem inventa ad valenciam duarum millium librarum necnon lepores cuniculos phasianos et perdices de Warenna predicta ac feras de parcis predictis ceperunt et asportaverunt et viginti equos et viginti boves quinquaginta vaccas et mille oves suos precii ducentarum marcarum ibidem inventos ceperunt et abduxerunt et cartas scripta rotulos et alia munimenta sua ibidem inventa combusserunt et in homines et servientes suos ibidem insultum fecerunt et ipsos verberaverunt, vulneraverunt et male tractaverunt per quod idem Rex servicium eorumdem hominum et servientum suorum per magnum tempus amisit et alia enormia ei intulerunt ad grave dampnum ipsius Regis et contra pacem nostram». Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. Part 2, m. 12. d.

[46] «Et statim unus de ducibus eorum Watte Tailar capite cooperto cum torvo vultu Regem processit, petens ab eo ore minatim praecipiendo literas, quas eis concesserat, meliorari et corrigi», Mon. Evesh., p. 29; «...et Walterus tegulator capiciatus accessit ad regem, dicens, se velle emendare cartam libertatis quam rex sibi alias tradidit», Eulogium, III, p. 353—354.

[47] Rec. Office. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II Rot. XXVI. Suff'.

[48] Rec. Office. Cor. R. R. Hilary 5 Ric. II, т. XIX. Norff'.

[49] Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. X.

[50] Ibid.

[51] Chron. Angl., p. 299. См. предыдущую главу.

[52] «Considerate», inquiunt, «ad millia populi ante fores Monasterii festinum responsum praestolantis, qui in nos proculdubio suum furorem convertent, si diutius immorati fuerimus pro hac causa; aut enim decreverunt obtinere petita repente, aut pro Waltero Tylere nuncios mittere, ut cum viginti millibus veniat, in subversionem loci istius, et periculum capitum monachorum». Gesta Abbatum, v. III, p. 307.

[53] См. предыдущую главу.

[54] Froissart, IX, p. 388.

[55] См. Приложение.

[56] Chron. Angliae, 309—310.

[57] Rot. Parl., v. III, p. 175.

[58] См. выше стр. 85.

[59] «Citeris insuper, seu citari faciatis peremptorie dictum Iohannem Balle, quod compareat personaliter coram nobis aliquo certo die juridico, quem sibi videritis praefigendum, super certis articulis et interrogatoriis correctionem et salutem animae suae tangentibus, ex officio nostro eidem objiciendis, responsurum, et de veritate dicenda, si oporteat, personaliter juraturum, et juri in omnibus pariturum». Wilkins, Concilia, vol. III, p. 64—65.

[60] Record Office. Patent Roll. 50 Edw. III. Part. II. tergo m. A. 8.

[61] Denunciatio contra Ioh. Balle ab archiepiscopo Cantuar. facta. (Wilkins, v. III, p. 152—153.)

[62] Knighton, col. 2634; Chron. Angliae, p. 321 Fasc. Zizaniorum (из серии R. B. M. A. Scriptores, изд. Shirley. London 1858), p. 273; Froissart, IX, p. 389.

[63] An anonimalle cronicle, 512: «en quel temps les comons auoient a lour counceil un chaplen de male part sire Iohne Balle par nosme»; Stow, p. 284.

[64] «...ejus caput super portam de Ludgate est affixum». Higden, IX, p. 7.

[65] «Он проповедывал по разным деревням Англии (villas Angliae) то, что больше всего возбудило (stimularunt) чернь к этому заговору (conjurationem)». Higden, IX, p. 7; «Ad villam tandem Sancti Albani dominus rex divertens, principales hujus sceleris auctores secundum leges puniri fecit; inter quos dominus Iohannes Balle, sacerdos, tractus erat et suspensus, et per quarteria divisus, pro eo quod tempore seditionis illius in partibus borialibus praedicando, populum, ut dicebatur, ad seditionem excitavit». Ann. Mon., v. III, p. 418—419; «...Capellanus quidam, nomine Iohannes Ball, ...apud Coventre erat captus, qui publice in multis locis praedicando populum ad hujusmodi insurrectiones et perturbationes animaverat et induxerat...» Mon. Evesh., p. 33.

[66] «Cumque taliter deliberatus fuisset, eos secutus est, instigans ad plura mala perpetranda, et praedicans ita omnino fore faciendum», и затем следует изложение уже известной нам речи Болла на Блэкгизсе на текст двустишия: «Когда Адам пахал землю, а Ева пряла, кто был джентелмэном?». Chron. Angliae, p. 321.

[67] «...per plura retroacta tempora verbum Dei insipienter sparserat, lollium cum tritico immiscendo, laicis nimis placens, et libertati juris ecclesiastici et status quam maxime derogans, atque multos errores in ecclesiam Christi inter clerum et laicos execrabiliter introducens, multis annis provinciam sic obnubulavit...» Knighton, col. 2634.

[68] «Benevolentiam magis communis populi quam meritum penes Deum captabat». Chron. Angliae, p. 320.

[69] «Prohibitus ab episcopis, in quorum parochiis haec praesumpsit, ne in ecclesiis de cetero praedicaret, concessit in plateas et vicos, vel in campos, ad praedicandum. Ibid., p. 321.

[70] К приведенным местам документов можно еще прибавить следующие слова сент-албанского монаха: «Nec defuerunt ei de communibus auditores, quos semper studuit per detractiones praelatorum, et placentia verba, allicere ad sermonem. Chron. Angliae, p. 321.

[71] «Docuit nempe plebem decimas non esse dandas curato, nisi is qui daturus esset foret ditior quam vicarius qui acciperet, sive rector». Chron. Angliae, p. 320—321.

[72] «Docuit etiam decimas et oblationes subtrahendas curatis, si constaret subjectum aut parochianum melioris vitae fore quam curatum suum». Ibid., p. 231.

[73] Ibid., p. 320.

[74] An anonimalle cronicle, 512: «lequel sir Iohne Ball les conceller de fuir toutz les seignurs et le Ercheuesque et euesques abbees et priores et plusors moignes et chanones, issint que nul euesque seroit en Angleterre forsque vn Ercheuesque lequel seroit mesmes et nulle moigne ne chanon en vn meason de relligione forsque deux et que lour possessions deuerent ester de partie entre les laiez gentz pur quoy il fust tenue entre les comons come vn prophete et travilla ouecque eux de iour pur les comforter en lour malice». Ср. Stow, 284—5.

[75] Chron. Angliae, p. 321—322: «...commune vulgus eum tanto favore prosequitur, ut acclamarent eum archiepiscopum futurum, et regni cancelarium»; Mon. Evesh., p. 33: «Quem (ut dicebatur) si habuissent eorum nephandum propositum, in Arhiepiscopum Cantuariae erexissent»; Knighton, col. 25634: «Dicti vero populares carcerem fregerunt, et eum extraxerunt, atque abire secum fecerunt, nam im archiepiscopum eum sublimare proposuerunt». Анонимный хроникер обвиняет самого Болла в стремлении к кентербэрийской кафедре См. выше.

[76] «Docuit insuper neminem aptum regno Dei, qui non in matrimonio natu. fuisset». Chron. Angliae, p. 321.

[77] «Docuit et perversa dogmata perfidi Iohannis Wyclife, et opiniones quas tenuit, et insanias falsas, et plura, quae longum foret recitare». Ibid., p. 321.

[78] «unus, ut dicebatur, de Iohannis Wyclyff discipulis». Mon. Evesh., p. 33.

[79] «dilectus sequax Wycclyff sacerdos dominus Iohannes Balle». Fasc. Ziz., p. 273.

[80] «Qui videns se damnatum esse, vocavit ad se Willelmum Londoniensem episcopum, et post Cantuariensem, et dominum Walterum Lee militem, et dominum Johannem Profete notarium, et ibi confitebatur publice eis quod per biennium erat discipulus Wycclyff, et ab eo didicerat haereses quas docuit, et ejus ortam haeresim de sacramento altaris, et alias per eum doctas publice praedicavit. Qui etiam dixit quod erat certa comitiva de secta et doctrina Wycclyff, qui conspiraverant quandam confeoderationem, et se ordinaverant circuire totam Angliam praedicando praedicti Wycclyff materias quas docuerat, ut sic simul tota Anglia consentiret sua perversae doctrinae. Unde nominavit eis praedictum Wycclyff principalem auctorem, et secundo loca Nicolaum Herforde, et Johannem Aston, et Laurentium Bedenam (вм. Bedeman), magistros in artibus. Unde adjecit quod nisi foret resistentia facta praedictis, ipsi infra biennium destruerent totum regnum». Fasc. Ziz., p. 273—274.

[81] «Ista confessio redacta est in certam formam sub instrumento publico, sicut in fine patebit». Ibid., p. 274.

[82] Не было его и в рукописи XV века, принадлежавшей Джону Бэлу (Bale), епископу оссорийскому (Ossory), умершему в 1563 году, как это видно из сделанного им на полях рукописи против только что приведенного места следующего замечания: «sed hucusquo non patet». Fasc. Ziz., p. 274, n. 1.

[83] Stow, p. 294.

[84] Political Poems and Songs, v. I, p. 231—249.

[85] «Hi sunt auctores odii
Cleri, vulgi dissidii,
Et regni perturbatio.
Hinc clades, homicidii,
Venit et fax incendii
Servilis ac rebellio.
Johannes Balle hoc docuit,
Quando morti succubuit
Propter suam nequitiam,
Quod quidem nidus tenuit
Pullos pravos, et aluit
In regni ignominiam.
Monstrans Wyccleffe familiam,
Causam brigae primariam,
Quae totum regnum terruit». Ibid., p. 235.

[86] «cujus mors dilationem accepit usque in diem Lunae, interventu domini Willelmi, Londoniensis episcopi, qui circa salutem sollicitus suae animae, illud ei spatium poenitentiae impetravit». Chron. Angliae, p. 320.

Приведенное выше показание Болла — все, чего мог добиться от Болла епископ; его в сущности и изветом назвать нельзя, и мы подозреваем, что и сама обстановка этого «сознания», приглашение самим Боллом Кортнэя, Уолтера Ли и нотария Джона Профета, чтобы им поведать свою тайну и тем облегчить перед смертью свою душу, едва ли не тенденциозное извращение действительного факта, произведенное с целью представить дело в как можно более импонирующем виде. Болл едва ли придавал своим заявлениям тот смысл, какой с жадностью ловил в них Кортнэй. Он вовсе не имел в виду сваливать свою вину на Уиклиффа и его последователей и тем заслужить прощение у короля в качестве доносителя. Таких доносителей (probatores), как мы знаем, оказалось не мало; но Джон Болл до конца дней своих остался верен своим идеалам. Перспектива лютой казни его не устрашила и не заставила изменить делу всей своей жизни. «Он не захотел просить короля о помиловании, но выразил ему свое крайнее презрение (nec voliut à Rege veniam petere, set ipsum omnio despexit)», говорит о нем ивзэмский монах (Mon. Evesh., p. 32), едва ли склонный восхвалять одного из главных вождей грозной социальной революции.

[87] Мы отсылаем читателя к сборнику Fasciculi Zizaniorum и к собранию английских трактатов и проповедей Уиклиффа и его последователей, напечатанному под редакцией F. D. Matthew Обществом древних английских текстов (Early English Text Society) под заглавием The English Works of Wyclif hitherto unprinted. London. 1880, а здесь укажем только несколько мест из Fasc. Ziz. В числе двадцати четырех conclusiones Уиклиффа, осужденных провинциальным синодом, собравшимся в Лондоне 17-го мая 1382 года, мы находим следующие. «X. Item asserere quod est contra sacram Scripturam, quod viri ecclesiastici habeant possessiones temporales». «XVIII. Item quod decimae sunt purae eleemosynae, et, quod parochiani possunt propter peccata suorum curatorum eas detinere et ad libitum aliis conferre» (p. 279, 280—281). Среди положений, которых держался лоллард Ричард Wyche, читаем следующее: «VIII. Octavo, quod filius sacerdotis vel alicujus extra matrimonium natus potest salvari» (p. 376).

[88] Knighton, col. 2640.

[89] Froissart, IX, p. 388.

[90] «... les coses ne poent bient aler en Engletière, ne yront jusques à tant que il bien yront tout de commun et que il ne sera ne villains, ne gentils homs, que nous ne soions tout ouny». Ibid., p. 388.

[91] «Alons au roy; il est jovenes, et li remonstrons nostre servitude et li dissons que nous vollons qu' il soit autrement... Et quant li rois nous vera ou ora, ou bellement ou aultrement, de reméde il y pourvera». Ibid., p. 388—389.

[92] «Ou nous y pourverons de remède». Ibid., p. 389.

[93] «Cumque taliter deliberatus fuisset, eos secutus est, instigans ad plura mala perpetranda, et praedicans ita omnino fore faciendum» и т. д.(следует речь на Блэкгизсе). Chron. Angl., 321.

[94] «Et praecipue cum esset dilectus sequax Wycclyff sacerdos dominus Iohannes Balle, qui incarceratus erat per Simonem Cantuariensem archiepiscopum, et Willelmum Londoniensem episcopum, propter haereses quas praedicavit; et in illa insurrectione communitas liberavit eum a carcere. Et tunc incepit eis praedicare et docere interficere Simonem archipraesulem Cantuariensem, et alios; quod cum factum esset, et regnum in turbatione esset ejus ductu...». Fasc. Ziz., p. 273.

[95] An anonimalle cronicle, 512 (см. выше); «et quasi propheta inter eos reputabatur», Gower, Vox Clamantis, 49.

[96] «Iohannes Shirle de Com' Notyngham captus est pro eo quod compertum est quod ipse fuit vagabundus per diversos Comitatus toto tempore perturbacionis insurrectionis et rumoris gerens mendacia ac frivola incommoda de patria in patriam per quod pax dom. Regis cicius infringi potuit et populus inquietari et turbari. Et inter alia verba rumosa scilicet post proclamacionem pacis dom. Regis factam die et anno supradictis Assignatis dom. Regis in villa existentibus et sedentibus dixit in quadam taberna in vico de Briggestrete Cant' ubi multi congregati fuerunt pro novis ac frivolis ab eo audiendis quod senescall' dom. Regis Justic' et alii quamplures officiarii et ministri ipsius Regis digniores esse tractari et suspendi ac aliis penis et tormentis legalibus pati quam Iohannes Balle capellanus proditor et felo legitime convictus quia dixit quod ipse per dictos ministros ex assensu Regis falso injuste et per invidiam condempnatus fuit ad mortem eo quod fuit verus et probus homo prophetizans utilia communitati Regni et narrans injurias et oppressiones per Regem et ministros predictos populo facta cujus mors non erit impunita set infra breve bene remuneratur tam Regi quam officiariis et ministris suis predictis que dicta et mine sonant in prejudicium corone dom. Regis et contemptum et inquietacionem populi manifestam. Suspensus est». Record Office. Ch. H. Pl., 33; Cantebr'. Placl etc. 5 Ric. II, Ro. V.

[97] Chronicon Angliae, p. 321.

[98] «Asserens eos exinde animabus suis salvationem posse adquirere». Mon. Evesh., p. 33.

[99] Chron. Angliae, p. 322; Walsingham, H. A., II, p. 33—34. См. вторую главу, стр. 156.

[100] Knighton, col. 2638: Prima epistola Johannis Balle.

«John Balle Seynte marye priest greteth welle alle maner men and byddes hem in the name of the Trinite, Fadur and Sone and holy Gost stonde manlyche to gedyr in trewthe and helpeth trewthe, and trewthe schal helpe yowe. Now regneth pride in pris, and covetys is hold wys, and lecherye with outen shame and glotony with outen blame. Envye regneth with tresone, and slouthe is take in grete sesone. God do bote, for now is tyme amen». Stow, p. 294.

[101] Knighton, col. 2638: Exemplar epistolae Johannis Balle.

«Jon Balle gretyth you wele alle and doth yow to understande, he hath rungen youre belle. Now ryght and myght, wylle and skylle. God spede every y dele. Nowe is tyme. Lady helpe to Jhesu thi sone, and thi sone to his fadur, to make a gode ende, in the name of the Trinite of that is begunne, amen amen pur charite amen».

[102] Knighton, col. 2637: «Jakke Mylner alloquitur socios sic.

«Jakke Mylner asket help to turne his mylne aright. He hath grounden smal snal the kings of the heven he schal pay for alle. Loke thy mylne go a right, with the foure sayles, and the post stande in steadfastnesse. With ryght and with myght, with skyl and with wille, lat myght help ryght, and skyl go before wille,

and right before might, than goth oure mylne aryght. And if myght go before ryght, and wille before skylle; than is oure mylne mys a dyght». Stow, p. 294.

[103] Knighton, ibid.: «Jak Carter.

«Jakke Carter pryes yowe all that ye make a gode ande of that ye hane begunnen, and doth welle and ay bettur and bettur. for at the even men heryth the day. For if the ende be well, than is alle wele. Lat Peres the Plowman my brother duelle at home and dyght us corne, and I will go with yowe and helpe that y may to dyghte youre mete and youre drynke, that ye none fayle, lokke that Hobbe robbyoure be wele chastysed for lesyng of youre grace. for ye have gret nede to take God with yowe in alle youre dedes: For nowe is tyme to be war».

[104] Knighton, col. 2638: «Jak Trewman.

«Jakke Trewman doth yow to understande that falsnes and gyle havith regned to long, and trewth hat bene sette under a lokke, and falsnes and gyle regneth in everylk flokke no man may come trewthe to, bot he syng si dedero. Speke, spende and spede, quoth Ion. of Bathon. and therefore synne fareth as wilde flode, trew love is away, that was so gode. and clerkus for welthe worthe hem wo. God do bote, for nowghe is tyme». Stow. p. 294.

[105] См. ниже, глава пятая.

[106] Record Office. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI Suff'.

[107] Протоколы называют еще не мало и других имен духовных лиц, принимавших участие в восстании. Вот некоторые из них. Джон Роу (Wrawe), священник рингфилдской церкви в Сэффольке (nuper persona ecclesie de Ringefald) (Rot. Parl., v. III, p. 111, и Rec. Office. Cor R. R. Hilary 6 Ric. II. Ro. IV), капеллан Томас David de Braunston в Сэффольке (Rec. Office. Pat. Roll 6 Ric. II. P. 2. m. 18), Джон Batisford клирик (cliricus), действовавший в Ипсуиче (Rec. Office. Cor. R. R. Hilary 6 Ric. II, Ro. XIV), Джон Tubbe cliricus, Радульф Vernoun капеллан, и Adam Martyn cliricus, вместе с другими сделавшие нападение на усадьбу приора церкви св. Марии Гэтингдонской в Southelonetoft (Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 11. d.), капеллан Николай Фромптон из Сомерсетского графства (Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 31. d.), капеллан Уильям Potton из Кента (Rec. Office. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Rot. XXII. Kant'.), капеллан Джон, сын Уильяма Clerk'a, из того же графства (Rec. Office. Cor. R. R. Hilary 5 Ric. II. m. XXVII. d.), Роберт Sibthorp, священник мэдстонской церкви (persona ecclesie de Maydenston), и Джон, священник дэпингтонской церкви (persona ecclesie de Depyngton), из того же графства (Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 33), Джон, приходский капеллан из Мейгэма (capellanus parochialis de Mepham), из того же графства (Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II, m. 40) и пр.

[108] Ср. Gower, Vox Clamantis, Lib. I, cap. IX, v. 699—700, p. 46:

«Subdere quae dudum lex nos de jure solebat
Cesset, et ulterius curia nostra regat».

[109] Ср. Chron. Angliae, p. 308: «Munimenta studuerunt dare flammis; et ne de novo quis reperiri valeret qui vetera sive nova de cetero posset, vel nosset, commendare memoriae, hujusmodi trucidabant».

[110] «Magistros scholarum grammaticalium jurare compulerunt, se nunquam parvulos instructuros in arte praefata». Ibid., p. 308.

[111] «Periculosum erat agnosci pro clerico, sed multo periculosius, si ad latus alicujus atramentarium inventum fuisset; nam tales vix aut nunquam ab eorum manibus evaserunt». Ibid., p. 308.

[112] Cajus, p. 98—99.

К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

[1] Возьмем, например, отчет приказчика мэнора Cranfield в Бедфордском графстве от 30—31 года царствования Генриха III (1246—7 г.). Под рубрикой дохода (recepta) за этот год, исчисленного в сумме 63 фун. 17 шил. («Summa LXIII li XVII s.»), мы находим, между прочим: «De Redditu assiso ad festum

Sancti Michaelis LXIII s. II d. De Tallagio ad eundem terminum VI li XIII s. IV d. De Landgauel ad festum sancti martini XIII s. IX d. De redditu assiso ad festum sancti Andree LVII s. d. ob q De fultingpund ad eundem terminum XX s... De redditu assiso ad Anunciationem Beate virginis LXV s. IV d. ob ...De pannagio XLV s. IV d. De Ramulcul' uend' et Coracibus XXIV s. X d. De subbosco XXXVII s. De stipula vendita XVI s. X d. De Equo vendito II s. De Boue uendito VII s. VI d. De V coriis Boum ueneditis XI s. XI d. De Tauro uendito IX s. VI d. De II vaccis ueneditis XIV s. De corio vacce mortue de morm' XV d. De II Multonibas ueneditis II s. VII d. De XXV pellibus Multonum et XI pellibus ouium venditis IX s. ob De II pellibus agn' ueneditis d' De uncto uendito II s. VI d. De LXIII quarteriis et VI busselis ueteris frumenti ueneditis XXI li XV s. VI d. De X quarteriis dimid' et II Busselis noui frumenti ueneditis LIX s. VIII d. ob. De XVI quarteriis ueteris ordei ueneditis XLII s. V (вытерто). De V quarteriis noui ordei ueneditis XX s. Et II quarteriis et VI Busselis ueterum fabarutm ueneditis VIII s. III d. Item de V quarteriis nouarum fabarum XII s. IV d. Record Office. Ministers' Accounts (General Series) (County Bedford). Bundle 740. № 7.

Мы приводим этот отчет лишь в виде иллюстрации. Эта сторона хозяйственной жизни английского средневекового поместья превосходно иллюстрирована в изящном этюде Maitland'a об одном кэмбридширском мэноре (Willburton), The History of a Cambrigeshire Manor (напечатанном первоначально в English Historical Review, № XXXV, July 1894, а затем помещенном в The Collected Papers of Frederic William Maitland, edited by. H. A. L. Fisher, Volume II, 1911, p. 366—402) и в образцовом во всех отношениях исследовании мисс Давенпорт об одном норфолькском мэноре (Forncet), The Economic Development of a Norfolk Manor 1086—1565 by Frances Gardiner Davenport. Cambrige. 1906, дающем совершенно конкретную и в то же время типическую картину хозяйственной жизни феодального барского двора средневековой Англии на протяжении ряда веков.

[2] «Item, si aliquis bundus ab antiquo vendiderit magnam partem terrae suae, ita quod de residuo servitia debita et consueta sustinere non poterit, inquirendum est diligenter ubi terrae illae jacent, et distringuntur pro praedictis seruitus una cum principali, in quacunque manu fuerint inventae; nec permittatur de caetero quod villani ita vendant terras suas, etiam aliis villanis; quia plurima destructio est». Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani a Thoma Walsingham compilata (Rolls' series), vol. I, p. 455.

[3] «Item, prohibemus ne uno homini tradantur plures terrae ad tenendum, et si modo unus plures teneat, dividantur, si commode et honeste fieri poterit». Ibidem.

[4] «Item, quod non permittatur consuetudinariis aliquas excambias facere terrarum, pratorum, sive quandocumque tenementorum sine licentia, et tunc coram halimoto». Historia et Cartularium Monasterii Sancti Petri Gloucestriae (Rolls' series), vol. III, p. 217.

[5] «Et quia compertum est per homagium ville de Waltham quod non est ad dampnum domini nec preiudicium nec ad dampnum dicti Johannis Alysandre aut alicuius alterius licet escambium ex utraque parte ut supradictum est concedatur sed ad commodum domini et tenentis sui natiui utilitatem et aisiamentum manifestum concessum est predicto Johanni atte hyd quod de cetero habeat et teneat predictam croftam terre vocat' stokcroft per eadem seruicia et consuetudienes per que idem Johannes atte hyd predictam peciam terre iacentem in Roydon' de domino prius tenuit». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 63, № 799.

[6] «Johannes le Bedel qui de domino tenet dimidiam virgatam terre operabilem de terra quondam Arnulphi Kanel in la Northende et dimidiam virgatam terre de molland in la hoo petit domino in plena curia quod predicta dimidia virgata terre de molland in la hoo onerari possit de omnimodis operibus et consuetudinibis de quibus dicta dimidia virgata terre in la Northende nunc onerata est Et quod dicta dimidia virgata terre in la Northende oneretur de redditibus et consuetudinibus de quibus dicta demidia virgata terre in la hoo ad presens onerata

est Et quod dicta dimidia virgata terre in la Northende teneatur pro molland et illa dimidia virgata terre in la hoo teneatur terra operabilis Et quia constare non potest Constabulario utrum sid ad dampnum domini Comitis uel preiudicium aut aliter alterius si dicta transmutatio in escambium in forma predicta concessa fuerit nec ne Constabularius in plena Curia ex officio suo cepit Inquisitionem per omnes Custumarios de Waltham per quos quidem compertum est quod non est ad dampnum domini Comitis nec preiudicium alterius sed est ad proficuum domini Comitis et balliorum suorum eo quod illa dicta dimidia virgata terre in la hoo est propinquior manerii de Waltham et Castri ad omnia opera faciend' quam illa dimidia virgata terre in la Northende Et quia per Inquisicionem predictam proficuum domini manifeste apparet concessum est dicto Iohanni per constabularium precept' dom' Comit' transmutatio predicta ut supradictum est etc». Ibid., Bundle 62, № 787.

«Preceptum fuit ad ultimam Curiam precendentem seisire in manus domini I Cotagium in Alta Estre quod Henricus Bernard acquisiuit de Petro Sutore per Cartam eo quod idem Petrus non habuit alium statum in dicto Catagio nisi tenuram Custumariam Et quia compertum est per omnes tenentes de Estre quod est plus ad commodum domini dictum Cotagium dimittere quam in manus proprias retinere Dictum Cotagium cum suis pertinent' traditum est dicto Henrico Tenendum sibi et heredibus suis ad voluntatem domini faciend' Inde servicia et consuetudines Fecit fidelitatem Et dat domino pro ingressu habendo ut patet per plegium Bedelli» (на полях стоит: finis III d.). Ibid., Bundle 63, № 790.

[7] Факт этот бросается в глаза при чтении любой поместной описи (extenta manerii) в Глостерском, например, картулярии или в Рамзейском, и Сотенных свитках и т. п. «Et Juliana de la Forda (вилланка в мэноре Berewyk в Оксфордшире) tenet II dimidias virgatas terre cum pertinent' et faciet easdem consuetudines et eadem servicia in omnibus que facit predictus Wellelmus Iosep secundum terrarum suarum quantitatem.

«Johannes filius Rogeri Iohannes de Blubur' Rogerus Runceval et Willelmus Martin (villani в том же мэноре) quilibet eorum tenet quartam partem I virgate terre per consuetudines Willelmi Josep secundum terrarum suarum quantitatem». Hundred Rolls, II, p. 711.

[8] Gloucester Cartulary, III, p. 191, 54, 190, 49, 65, 66, 55, 56, 209, 49, 128, 181, 211, 196.

[9] «...et dat merchet pro carne et sanguine». Hundred Rolls, II, p. 343—346. «...et sunt tenentes earum ita servi quod non possunt filias maritare nisi ad voluntatem domini». Ibid., p. 328—9. Выражения «servi de sanguine suo emendo ad voluntatem domini» или «villani redimentes sanguinem» и подобные им встречаются очень часто в Сотенных Свитках. См., например, Hundred Rolls, II, p. 331, 332, 672, 680, 667, 626.

[10] Gloucester Cartulary, III, p. 213.

[11] Ibid, p. 213.

[12] «In exspens' XXXII hom(inum) metenc' et liganc' XX acr' fr(umenti) et aven' ad I prec(ariam) de parte amoris in autumpno VII s. VI d. et sic quaelibet acra stat ad IV d. ob.» Record Office. Ministers' Accounts (general series). Bundle 871, № 18. См. еще Gloucester Cartulary, III, p. 67—76, 123, 77—88, 159, 129, 173, 134, 138, 162.

[13] Gloucester Cartulary, III, p. 115.

[14] «Item respondit de CXV operibus prouenientibus de consuetudinibus omnium custumariorum tam maiorum quam minorum ad III precarias in autumpno ad bladum domini metendum et ligandum percipiendo de domino cibum suum bis in die videlicet ad horam nonam et ad cenam unde ad cenam occuret cuilibet operanti unus alius de familia vel comitiua sua ad comedendum et bibendum cum eo et sic sepe cibus illorum extendit valorem operis». Record Office. Ministers' Accounts (general series). Bundle 844, № 27.

«Idem respondit de XIX operibus provenient' de consuetudinibus XIX custumariorum ad bladum domini sarclandum per I diem percipiendo de domino cibum suum ad II repastus singuli eorum percipientes I d. ob. et sic valet cibus plus quam profectus operis per extentam Ideo nichil inde exigitur». Ibid. «Sarculacio bladi Nichil fit quia cibus Custumariorum sarculantium per Custumar' plus valet opere». Ibid., № 30. «De I opere tassacionis feni nichil r' hic fcm quia

cibus plus valet opere et ideo in vend' ut infra». Ibid. «De II operibus tassacionis bladi nichil comp' fcm quia cibus plus valet et ideo vend' ut infra». Ibid.

«Et cum facient precarias Dominus eos debet honorabiliter pascere». Mus. Brit. MSS. Bibl. Lansdown. № 293. Pat. Roll 43 Edw. III. Part. 2, m. 14.

В этой связи очень любопытен факт, только что приведенный в примеч. 12: приказчик сообщает в своем отчете, что уборка с помощью помочей одного акра обходится в четыре с дробью пенса («et sic quaelibet acra stat ad IV d. ob.»). А мы знаем, что 4 пенса в те времена была весьма обычная арендная плата за акр земли. И восставшие в 1381 году крестьяне требовали, как мы уже видели, чтобы вилланская земля была освобождена от всех натуральных повинностей и платила сеньеру 4 пенса с акра. Ясно, что платить по 4 пенса за уборку акра вилланам, являвшимся на его поле работать из одной лишь любви к нему («de parte amoris»), сеньеру бывало очень накладно.

[15] «Johannes Pundelfit natiuus domini dat domino de chevagio I caponem ut possit commorari in Wideford extra istud dominium solvendo dictum caponem annuatim ad festum Pasche cui concessum est Et dat de fine pro licencia habenda ut patet» (на полях стоит: finis XL d.). Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 66, № 831.

«Ad hanc Curiam venit Johannes filius Johannis Kyng natiuus domini Et dat domino de fine ut possit commorari extra dominium ut patet (на полях стоит: V s.) Et similiter dat domino de chivagio annuatim dum sit extra dominium ut patet» (на полях стоит: I caponem per annum). Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 66, № 829.

«Adam filius Ade Jacob dat domino pro licencia manendi quo voluerit Et dat domino per annum unum caponem ad Pascham plegius Adam Sob pater suus» (на полях стоит: IV s.). Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62, № 766.

«Ad hanc Curiam venit Adam Lenegor et petit licenciam morandi extra libertatem domini et impetrari terras et tenementa ubicumque etc Ita quod veniet cum cartis adquis(itionis) sue ad faciendum secundum quod decet custumario Et habet licenciam in forma predicta Et dat domino pro predicta licencia habenda annuatim unum caponem semper ad Pascham dum moratur etc Et sectam faciet ad visum etc». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 63, № 786.

«Calfridus Coth natiuus domini venit ad hanc Curiam et cognovit soluere domino annuatim ad festum Pasche de cheuagio I caponem ut possit morari extra libertatem domini per plegium Thome filii Richardi Ita quod veniet annuatim ad letam domini de Alta Estre Et juratus est ad modum natiui». Ibid., Bundle 64, № 814.

«Ad hanc Curiam Walterus Cooth senior et Walterus frater eius junior natiui domini manentes in Dummawe dant domino de chevagio ut patet videlicet quilibet eorum unum caponem annuatim ut possit commorari in Dummawe vel alibi ad voluntatem domini solvendo dictum caponem ad festum Pasche primo termino solucionis incipiente ad festum Pasche prox. sequ. qui fecerunt fidelitatem ad modum natiuorum Et dant de fine pro tali licencia habenda ut patet per plegium Johannis Polein Thome Pool et Johannis Warde» (на полях стоит: finis III s.). Ibid., Bundle 65, № 823.

«Et de Cheuagio Thome Child natiui domini de sanguine pro licencia manendi extra dominicum et esse nat(ivus) sicut prius». Record Office. Ministers' Accounts. Bundle 740, № 6.

[16] «Unum mesuagium et XIX acre terre in Holand (поместье в графстве Derby) que sunt in manu domini per morten Willelmi le Swon qui ea tenuit in bondagio cum ipse fuit liber homo quia natus fuit extra libertatem domini et quelibet acra reddit III d. con. summam IV s. IX d. adhuc sunt in manu domini: Postea conceduntur Letiae filie Henrici de Fleton pro firma predicta et dat ad ingressum XX s. per plegium Willemi filii Johannis de Holand et Alex. filii Nicholai». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 32, № 283 (18 Ed. I).

[17] «Die lune prox. post festum Sancti Andree venit Ricardus le Wite coram sen(escallo) et tradidit terram suam domino comiti pro paupertate».

Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62, № 750.

[18] «Item eodem die (в понедельник после праздника св. Мартина, на 41-м году царствования Генриха III) venit Johannes le palmer coram totam Curiam et reddidit totam terram suam domino Comiti bona est spontanea voluntate sua quia non potuit dictam terram defendere». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62, № 750.

[19] Compertum est per inquisicionem XII juratorum videlicet (следуют имена присяжных) qui dicunt super sacramentum suum quod quidam Ricardus del Hull qui tenuit de domino XIV acras terre de bondagio et I placeam ad II d. per annum recessit a terra predicta sine licencia curie Et dominus...omne principale eo quod recessit et recusauit terram predictam etc qui dic' quod est consuetudo Curie quisque tenens qui tenet terram natiuam potest recedere terram et tenuram suam in manus domini sine aliqua herietto seu principali inde reddendo et hoc petit quod inquiratur per patṛiam Et jurat' dicunt quod consuetudo Curie talis est quod quilibet homo tenens terram natiuam potest sursum reddere in manus domini tenuram suam sine aliquo herietto aut principali inde ad istam tenuram reddendo set dicunt quod s' heriettum dominus habebit melius animal ad obitum cum ubincunque obierit Et quod invenire debet plegios ad satisfac' domino de principali vel de precio eiusdem Et dicunt quod ipse Ricardus habuit IV vaccas it' suum melius animal apreciatur ad VIII s. per plegium prepositi... idem prepositus domino respond' etc Et habebit diem usque prox' ad respondendum domino... de peioratione domorum etc». Ibid., Bundle 33, № 315. Дело относится к 3-му году царствования Ричарда II.

Случаи возвращения вилланом своего держания в руки лорда мэнора не редки, в особенности после Черной смерти. В одном приказчичьем отчете читаем например: «Et de VIII s. X d. de firma unius tofti et VI acr' terre de tenemento sopere et III acr' terre vocat' Sedetorpe quas Johannes Alayn natiuus domini nuper sursum reddidit in manus domini quia impotens erat facere seruicia et consuetudines inde debita nunc dimiss' Philippo Passend per terminum VII annorum hoc anno III° sicut in rotulo Curie continetur». Record Office Ministers' Accounts. Bundle 840, № 28.

См. также Die Umwandlung der Frohndienste in Geldrenten in den oestlichen, mittleren und südlichen Grafschaften Englands von Thomas Walker Page, стр. 30, прим. 6, где между прочим идет речь о вилланах, возвративших лорду свои земли causa paupertatis.

В том же смысле интересны многочисленные в практике мэнориальных курий случаи передачи виллланами своих держаний (всего держания или части его) третьим лицам, с своей стороны указывающие на то, что для сеньера важно было лишь то, чтобы данный крестьянский участок не выходил из-под обработки и не лишался своего хозяйственного значения для него и для его барского хозяйства, сам же виллан имел для него лишь производное значение,—не сам по себе, а лишь как держатель данного участка и поскольку он был держателем этого участка.

[20] «homagium presentat quod... Et quod Walterus filius Willelmi Parker Adam Adam Willelmus Balle Galfridus Lambhierde Johannes Kyng qui in servicio domini Willelmus Blacche Willelmus Blacche frater Johannis Blacche et Johannes Canel junior sunt natiui domini et potentes tam in corpore quam in catallis accipere et tenere tenementa natiua etc Et ideo preceptum est ipsos omnes attachiare etc contra diem dominicam proxime sequentem coram senescallo Item Ricardus Lenegor est potens et diues etc Item Johannes Gybelot Johannes Brid junior Item preceptum est ipsos omnes attachiare etc Et Willelmus Russell etc

. . . . . .

. . . . . .

«Ad hanc Curiam venit Johannes Kyng natiuus domini et cepit de domino dimidiam virgatam terre vocat' Sawynesyerd Tenend' sibi et sequele sue ad voluntatem domini saluo iure cuiuslibet per antiqua redditus et seruicia inde debita et consueta Et fecit fidelitatem domino faciendo inde hoc anno XVI s. Et post festum sancti michaelis omnia opera et consuetudines etc.

«Walterus Parker venit ad hanc Curiam et cepit de domino dimidiam virgatam terre native vocat' Swetynges Tened' sibi et sequele sue ad voluntatem domini saluo iure cuiuslibet faciendo inde hoc anno XVI s. pro omnibus seruiciis et consuetudinibus Et post festum sancti michaelis faciet omnia opera et seruicia inde prius debita Et fecit fidelitatem domino Et nichil dat de fine quia contra voluntatem suam per plegium Ade Parker.

«Ad istam Curiam venit Johannes Brid natiuus domini et Alicia uxor eius et ceperunt de domino dimidiam virgatam terre natiue quam nuper tenuit Johannes Bakere Tenend' sibi et sequele sue ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii saluo iure cuiuslibet faciendo inde hoc anno XVI s. pro omnibus seruiciis et consuetudinibus Et post festum sancti michaelis faciet omnia opera et constuedines Et fecerunt fidelitatem domino Et nichil dant de fine quia illam.. contra voluntatem suam.

«Adam Adam venit ad istam Curiam et cepit de domino dimidiam virgatam terre natiue cum pertinentiis que nuper fuit Johannis Reynold Tenend' eidem Ade et sequele sue ad voluntatem domini juxtra consuetudinem manerii saluo iure cuiuslibet Reddendo inde hoc anno XVI s. pro omnibus serviciis et consuetudinibus Et post festum sancti michaelis faciet omnia opera et consuetudines Et fecit fidelitatem domino Et nichil dat pro ingressu quia illam cepit contra voluntatem suam.

«Ad istam Curiam venit Johannes Gibelot natiuus domini et cepit de domino dimidiam virgatam terre natiue que quondam fuit Ricardi horsenayl Tenend' eidem Johanni et sequele sue ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii saluo iure cuiuslibet per antiqua opera et seruicia inde debita de iure Et fecit fidelitatem domino Et nichil dat de fine pro ingressu habendo quia illam cepit contra voluntatem suam etc.

«Johannes Canel senior et Johannes frater eius venerunt ad istam Curiam et ceperunt de domino dimidiam virgatam terre natiue vocat' Alisandr's Tenend' eisdem Johanni et Johanni et sequele sue ad voluntatem domini iuxtra consuetudinem manerii saluo iure cuiuslibet Reddendo inde hoc anno XVI s. pro omnibus seruiciis et cons' Et post festum sancti michaelis faciet omnia opera et seruicia inde debita et consueta Et fecit fidelitatem domino Et nichil dant domino de fine pro ingressu habendo quia illam ceperunt contra voluntatem suam etc.

«Ad istam Curiam venit Willelmus Russel natiuus domini et cepit de domino dimidiam virgatam terre natiue cum pert' vocat' Alisaundrs' Tenend' eidem Willelmo et sequele sue ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii saluo iure cuiuslibet Reddendo inde hoc anno XVI s. pro omnibus seruiciis et consuetudinibus Et post festum sancti michaelis faciet omnia opera et seruicia inde debita et consueta imperpetuum Et fecit fidelitatem domino Et nichil dat de fine quia illam cepit contra voluntatem suam.

«Ricardus Lenegor venit ad hanc Curiam et cepit de domino tres quarteria terre natiue cum pertin' vocat' Lenegoreslond Tenend' eidem Ricardo et sequele sue ad voluntatem domini secundum consuetudinem manerii saluo iure cuiuslibet Reddendo inde hoc anno tantum XXIV s. pro omnibus seruiciis et consuetudinibus Et post festum sancti michaelis faciet omnia opera et seruicia inde debita et consueta imperpetuum Et fecit fidelitatem domino Et invenit plegios etc videlicet Johannem Croucheman Johannem marchant et Johannem Canel Et nichil dat pro ingressu habendo quia illam cepit contra voluntatem suam etc». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 64, № 812. Данный протокол относится к 30-му году царствования Эдуарда III.

[21] В одной рукописи Брэктона (в Philips Library, № 3510) на полях находится следующая заметка начала XIV века: «Item usque ad tertium gradum inclusive illi de parentela et sanguine villanorum, sive mares fuerint sive feminae, succedent iure hereditario in terras et tenementa villanorum. Et si per iniquum dominum seu ballivum eiciantur, iniuriatur eis in hoc, quia legem suam habent ut liberi homines suam» History of English Law by F. Pollock and F. W. Maitland, I, 2 ed., p. 416, n. 2.

[22] «Prima proclamacio facta est quod si aliquis clamat aliquod ius in dimidiam virgatam terre vocat. mankenes in uno gardino voc' Slyes in uno cotagio voc' Tyes in uno gardino voc' Smethes in uno gardino voc' Coles quod sit ad proximam Curiam ad clamandum tenementa predicta sub pena forisfacture dictorum

tenementorum». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 66, № 833.

[23] Ibid., Bundle 32, № 306.

[24] «Matilda Pundelwike venit in plena Curia et sursum reddidit terram quam tenuit de Comite saluo mesuagio suo ad terminum vite sue causa hospitandi venit Adam... proximus heres ipsius Matild' et quesitus fuit ab eo si vellet... pro dicta terra habenda et tenenda dixit quod non et quietum clamauit domino totum ius suum ad faciendum inde voluntatem suam. Postea venit Alexander Adam et fecit finem cum domino pro dicta terra habenda et tenenda Ita quod hospitabit dictam Matild' sicut predictum est et dat pro ingressu habendo — plegii Adam heldeneld Walterus horsnayl de den' et de servic' faciendo». Ibid., Bundle 62, № 756.

[25] Ibid., Bundle 63, № 798.

[26] Ibid.

[27] Ibid., Bundle 62, № 787.

[28] Ibid., Bundle 62, № 788.

[29] Ibid., Bundle 63, № 791.

[30] Ibid., Bundle 62, № 786.

[31] Ibid., Bundle 33, № 323.

[32] Ibid., Bundle 63, № 791.

[33] Ibid., Bundle 32, № 289.

[34] Ibid., Bundle 63, № 790.

[35] Ibid., Bundle 63, № 799.

[36] «Item non permittatur quod in halimotis adventitii placitatores partes cum solemnitate sustineant, sed communiter per bundos de curia veritas inquiratur, sine calumnia verborum». Gesta Abbatum, I, p. 455.

[37] «Prohibitum est in plena curia, ne aliquis tenentium Abbatis ducat placitatores in curiam Abbatis, ad impediendam vel prorogandam justitiam domini Abbatis vel suorum, sub poena viginti solidorum». Ramsey Cartulary (Rolls' series), I, p. 412.

[38] «Willelmus Blacch' sursum reddidit domino unum mesuagium et tria quarteria terre custum' que de domino tenuit in villenagio. Et dominus a seisina sua concessit et liberauit predict' mesuagium et terram cum omnibus suis pertin' Johanni Parker de veteri parco et Roesie uxori sue et Johanni filio eorumdem juniori Tenend' de domino in uillenagio per seruicia et consuetudines inde debita annuatim faciend' Et sub forma que subsequitur videlicet quod predicti Johannes Roesia et Johannes invenient dicto Willelmo ad totam vitam suam omnia sibi necessaria in victu et vestitu prout decet statum suum si ad mensam dictorum Johannis Roesie et Johannis moram facere voluerit quod si non voluerit tunc soluent dicto Willelmo Blacch dimidium busselum frumenti qualibet septimana ad totam vitam suam Et eciam quolibet anno unam tonicam uel supertonicam precii III s. uel. III s. unum par caligarum precii XII d. II paria sotular' precii XII d. et unum par pannorum lineorum precii XII d. Et eciam inuenient eidem Willelmo in predicto mesuagio unam cameram in qua possit honeste hospitari ad totam vitam suam Et in forma predicta deliberata est eis inde seisina Tenend' eisdem Johanni Roesie et Johanni filio eorumdem juniori et heredibus suis Et idem Johannes Parker dat domino de fine ut patet (на полях стоит: finis XX s.) Et fecit fidelitatem». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 63, № 799.

[39] Ibid., Bundle 63, № 790.

[40] «sub hac forma quod predicta Agnes inveniret eidem Estrild' ad totam vitam suam hospicium infra mesuagium predictum victum et vestitum competentem et alia sibi necessaria...» Ibid.

[41] «Et si non placuerit dicte Estrilde in dictis tenementis... in societate predictorum Roberti (sic) et Alicie (sic) moram facere Tunc predicti Robertus et Agn' soluent predicte Estrilde anuatim ad totam vitam suam viginti sex solidos octo denarios ad quatuor terminos principales equaliter...» Ibid.

[42] Ibid., Bundle 34, № 328.

[43] Johannes atte Teye de Alta Estre venit in plena Curia et sursum reddidit domino unam croftam terre in alta Estre vocat' le Litlecroft sub mes' Thalenas lonel que quidem crofta continet duas acras et dimidiam sicut includitur sepibus

et fossatis Ad opus Galfridi Sigor tenend' a festo omnium sanctorum prox. sequent. et plenarie completorum sub hac forma quod si predictus Johannes soluet dicto Galfrido Centum solidos infra terminum predictum annuatim durante termino ad festum omnium sanctorum XX s. Et si in solucione predicta ad aliquod terminum ut supra in parte vel in toto defecerit Tunc dicta Crofta cum suis pertinenciis dicto Galfrido et heredibus suis imperpetuum remanet faciendo domino servicia inde debita et de iure consueta Et dat de fine pro ingressu in forma predicta habendo Et sciendum quod dictus Galfridus concedit dicto Johanni quod si ipse de solucione predicta dicto Galfrido in toto satisfaciat in aliquo anno predictorum quinque annorum infra terminum predictum quod predicta terra statim preter vestura inde percepta et per dictum Galfridum apposita sine contradictione dicti Galfridi heredum vel assignatorum suorum reuertatur» (на полях: finis VI d.). Ibid., Bundle 62, № 786.

[44] Ibid., Bundle 63, № 791.

[45] «Super quo venit Johannes Lonel ex parte dicti Galfridi filii et heredis predicti Johannis Et fecit finem ut Idem Galfridus ingressum faccere possit in hereditate sua ut filius et heres ipsius Johannis Et quod predictus Johannes Lonel predictam terram... predicti Galfridi et Alicie Sororis sue habere possit usque ad etatem ipsius Galfridi Et post maritagium ipsius... habendo et si idem Galfridus ante quam ad plenam etatem pervenerit obierit concedatur eidem Johanni... maritagium ipsius Alicie et terra predicta usque ad etatem eiusdem Alicie per finem qui patet infra... Idem Johannes Lonel fac' domino annuatim durante termino predicto seruicia inde debita plegii... singulis et de sustentacione dictorum Galfridi et Alicie conpetent' prout decet faciend' Galfridus... Johannes le Wate Johannes Haldayn Robertus Wakman Et de sustent' dictum tenementum...» Ibid.

[46] Ibid., Bundle 65, № 817.

[47] «Ad hanc Curiam venit Galfridus le Bakere de Ffelstede et Alicia uxor eius et dant domino de fine de iure Alicie uxoris sue inquir' de uno mesuagio et uno quarterio terre custumar' que Willelmus Algor tenet super hoc inquisicio capt' qui dic' super sacramentum suum quod Willelmus Algor tenere debet ten' predict' ad totam vitam suam per legem Anglie quesiti a jur' si natiui tenere debent tenementa natiua per legem Anglie, dicunt precise quod talis est consuetudo a tempore quo non extitit memora usitata Et quia videtur Curie quod tenentes in nayuitate talis custuma uti nec debent habere ut liberi tenentes etc preceptum est bedello quod venire faciat XII probos etc qui nec etc ad melius inquir' etc super hoc inquisicio capta per totam villatam qui dic' omnes custum' tenere debent per legem Anglie sic et liberi tenentes» (на полях: finic XII d.). Ibid., Bundle 63, № 801.

[48] Ср. History of English Law by Pollock and Maitland, I, 2 ed., p. 361—2.

[49] Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62, № 788.

[50] Этот пункт обстоятельно развит проф. Мэтландом в History of English Law by E. Pollock and F. Maitland, I, 2 ed., p. 419—421.

[51] Britton, II. 13: «Villenage est tenement de demeyns de chescum seignur, baillé a tenir a sa volunte par vilenis services de emprouwer al oes le seignur»; Bracton, f. 75 b.: «tam dominica quam villenagia quae dicipossunt dominica» (приведено у Pollock and Maitland, The History of English Law. 2 ed., p. 360, n. 1 и p. 363, n. 1). См. также Виноградов, Средневековое поместье в Англии. СПБ. 1911, стр. 294.

[52] «Johannes Cade att' (achiatur) ad r(espondendum) Communitati ville de makeneye in placito quod eis freg'(it) convenc(ionem) de seruicio suo contra formam statut' damp' X S»... Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 34, № 326 (15 Ric. II).

«Compertum est per inquisicionem... Et quod idem Robertus fecit transgressionem Ricardo Dautre et Communitati ville de detent unius claus' inseparal' tempore aperto ad dampnum VI d...». Ibid. Bundle 33, № 324 (14 Ric. II).

К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

[1] Ср. Dopsch. Die Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit. 2. Teil. 1913, p. 352.

[2] См. текст Rectitudines в The English Village Community Seebohm'a, p. 131—132.

[3] Domesday Book, I. 16 b. (Maitland, Domesday Book and Beyond, 57).

[4] Domesday Book, I, 117 b., 191 b. (Ibid.)

[5] Maitland, Domesday Book and Beyond, 57—58.

[6] Domesday Book, I. 180.

[7] Domesday Book, I. 12 b.

[8] Maitland, D. B. and B., 57.

[9] Ср. Vinogradoff, Villainage in England, p. 178—181.

[10] Очень ценные замечания о коммутации находим у проф. Виноградова в Villainage in England, p. 171—172, 175, 178—188, 213—214—216, 288, 292, 295—297, 304, 306—307, 310, 311, 312, 341—343, 405. Специально коммутации посвящена работа Пэджа, Die Umwandlund der Frohndienste in Geldrenten in den oestlichen, mittleren und südlichen Grafschaften Englands von Thomas Walker Page, изданная им потом в английской переработке под заглавием The End of Villainage in England. By. T. W. Page. 1900. О ней очень интересная статья проф. П. Г. Виноградова в Engl. Hist. Review (окт. 1900 г.). Более новая работа о коммутации H. L. Gray'я, The Commutation of Villein Services in England before the Black Death, напечатана в Engl. Hist. Review (окт. 1914 г.). См. также соответственные страницы в работах: F. W. Maitland, History of a Cambridgeshire Manor (в его Collected Papers. Vol. II, p. 366—402). F. G. Davenport, The Economic Development of a Norfolk Manor. 1906. A. E. Levett, The Black Death on the Estates of the See of Winchester (with)a Chapter on the Manors of Witney, Brightwell, and Downton by A. Ballard (напечатано в Oxford Studies in Social and Legal History edited by Paul Vinogradoff. Vol. V. 1916). Feiling, An Essex Manor in the Fourteenth Century (Engl. Hist. Rewiew, April 1911).

[11] См. Кнапп. Освобождение крестьян и происхождение сельско-хозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. Перев. с нем. Л. И. Зака. СПБ. 1900 г.

[12] См. Петр Струве. Крепостное право. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. 1913.

[13] Этот факт выяснен в подготовляемой к печати работе Е. А. Косминского.

[14] «Michael Prepositus queritur de Richero filio Goscelini, Ricardo Preposito et uxore ejus eo quod ubi fuit in cimiterio de Aylenton' dominica proxima ante festum Omnium Sanctorum anno isto venerunt predicti Richerus, Ricardus et uxor ejusdem Ricardi et insultaverunt dictum Michaelem verbis turpissimis coram tota parochia inponentes quod idem Michael fenum suum colegit per operaciones domini Abbatis, et quod per precarias factas de custumariis Abbatis messuit bladum suum in autumpno et arravit terram suam in Euereshol mfeld' de carucis ville precatis, et quod relax' custumariis operaciones et averagia eorum tali condicione quod ut ipsi custumarii traderent et locarent eidem preposito levi precio terras eorum et quod cepisse debuit munera de divitibus ne essent censuarii et pauperes ad censum posuisse debuit...» Public Record Office, Augmentation Office Court Rolls. P. 34. № 46 (Placita Maneriorum Ramesiensium Aylingtone. Die S. Clementis Pape anno supradicto (1278). Напечатано в Select Pleas in Manorial and other Seignorial Courts. Edited for the Selden Society by F. W. Maitland. London. 1889. Vol. I, p. 95.

[15] Ramsey Cartulary (Rolls' series), vol. I, p. 60.

[16] Ibid., p. 14.

[17] Ibid., p. 10. См. еще ibid., p. 12, 18, 31.

[18] «Precarias et servitia quorundam tenentium apud Naffretonam, Crauncewyk et alibi, in firmas pecuniarias commutavit» (речь идет о Уилльяме, 18-м аббате аббатства Мо, управлявшем аббатством от 1372 по 1396 год). Chronica Monasterii de Melsa (Rolls' series), vol. III, p. 228.

[19] Эшли. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. Перевод Н. Мураньева, под редакцией Д. М. Петрушевского. Москва. 1897 г., стр. 26.

[20] Vinogradoff. Villainage in England, p. 307.

[21] Ibid., p. 307.

[22] Глостерского, например, или Рамзейского. См. Gloucester Cartulary (Rolls' Series), vol. III, и Ramsey Cartulary (Rolls' Series), vols I—III.

[23] Например: «Walterus Byneyntun (типичный виллан мэнора Comertone в Кэмбриджском графстве) tenet dimidiam virgatam terre custumabilis que continent XV acras et faciet in qualibet septimana per annum tres operaciones et tres precarias in autumpno ad cibum domini et dabit ad festum sancti Martini unum denarium et I gallinam ad Natale et VIII ova ad Pascham et valet dicta opera et consuetudines per annum si sit ad firmam IX s.». Следуют еще 20 человек, держащих по $^1/_2$ виргаты (в 15 акров каждая) на тех же условиях. Hundred Rolls, II, p. 554. В том же Кэмбриджском графстве находим и следующий любопытный случай (подобных ему мы не встречали нигде): «Dicimus (sic!) quod domina Elena predicta (Elena la Zuche) habet in eadem (villa de Swaves' в сотне de Papeworth) XXXI virgat' terre et dimidiam de vilenagio et quilibet villanus tenet dimidiam virgatam terre videlicet (следуют имена) quilibet istorum tenet dimidiam virgatam terre de predicta Elena de quibus XXX et I operant' in uno anno et alit XXXII operant' in alio anno et in eodem anno quo operant' dant domine per annum VIII d. et alii qui non operant' dant per annum quilibet di' virg' II s. X d. et auxilium Vicecomitis I d. ob. et quilibet dat ob. qu. ad festum Sancti Michaelis et domine de auxilio ad voluntatem domine et II precar' s' c' II d. et debet cariar' ad voluntatem». Hundred Rolls, II, p. 469—470.

[24] Например: «Item idem (Johannes de Offord miles et Isabella uxor ejus, владеющие мэнором Offorde Daneys в Гэнтингдонском графстве) habent alios IIII villanos quorum quilibet tenet dimidiam virgatam terre et sunt ejusdem condicionis et ejusdem servitutis (что и другие 18 villani, держащие по $^1/_2$ виргаты, дающие сеньерам in redditu assiso к Рождеству по 12 d., к Пасхе по 12 d., к празднику Иоанна Крестителя по 12 d. и к празднику с в. Михаила по 4 d. и, кроме того, обязанные operage в виде барщины самого разнообразного характера) et eorum consuetudines redacte sunt in redd(itum) assis(um) ad voluntatem domini et quilibet eorum de istis IIII villanis reddit per annum Johanni de Beche dimidiam marcam per assignacionem domini Johannis et Isabelle». Hundred Rolls, II, 668.

[25] Hundred Rolls, II, p. 338—343 и 350—353.

[26] Hundred Rolls, II, p. 688—705 и 820—822.

[27] Hundred Rolls, II, p. 321—333.

[28] Весьма красноречивым показателем успехов, сделанных коммутацией в XIII веке, являются так называемые extenta maneriorum — описи имений, дошедшие до нас в большом количестве от этого столетия; в них против каждой натуральной повинности виллана стоит ее денежный эквивалент, который и взимался лордом по его желанию. См., напр., многочисленные и крайне обстоятельные extenta в 3-м томе Глостерского картулария и в Рамзейском картулярии. В последней четверти столетия был издан так называемый статут extenta manerii (он напечатан в Statutes of the Realm, v. I), представляющий собою, надо думать, руководство для сеньеров, переводивших на деньги повинности своих держателей. Слово extenta — производное от глагола extendere, который употребляется в писцовых источниках в значении переводить натуральные повинности на деньги. В Сотенных Свитках читаем, например, следующее: «In eodem autem manerio (Luthyngelond' in Suffolch') sunt due ville scilicet Garleston' et Lowistoft

que dominicum Regis sunt In quibus predictus Rex Henricus et antecessores ejus habuerunt plurima tenementa in dominico suo scilicet LXVI acras terre in Gorleston et LXXIII acras terre in Lowistoft quas acras Warner' del Enyanye per breve predicti Reg' Henr' fecit extendere scilicet acram ad VI d. unde per eandem extentam Alex' de Ecce ten' de domino Rege III acras terre». Hundred Rolls, II, p. 160. На следующей странице читаем: «Item dicunt quod predictus Rex Henricus solebat habere de annuo censu predictorum bondorum de Lowistoft XXIII sol. IX d. et de eisdem bondis pro operibus et consuetudinibus suis per predictam extentam XX sol. X d.». Ibid., p. 161. В одном отчете приказчика, приводимом (в виде отрывка) проф. П. Г. Виноградовым для совершенно других целей, читаем: «Rogerus prepositus tenet 28 acras pro 13 solidis solvendis ad 4 terminos principales. Et dat 2 gallinas ad Natale domini de precio 3 den., et 18 ova ad Pascham, et debet 2 homines ad 2 precarias ad cibum domini et non extenduntur eo quod nichil dabunt in argento si servicium illud dominus habere noluerit. Item idem adiuvabit leuare fenum ad precariam domini quod nihil valet ut supra. Item idem faciet 2 averagia Londinium que valent 2 d.» Exch. Treas. of Rec. Min. Acc. $^{32}/_{8}$ (Villainage in England, p. 183, n. 5).

[29] Page. The End of Villainage in England, p. 39).

[30] Ibid., p. 44.

[31] О них см. глостерскую инструкцию приказчикам (Scriptum quoddam super dispositione domus et familiae) в Gloucester Cartulary, v. III, p. 213—221 (в особенности p. 213—214, 214, 215, 216, 219, 220—221), подобный ей, но более короткий регламент сент-албанского аббатства (De diversis Ordinacionibus praedicti Abbatis (Роджера, от 1260 но 1290), maneria et temporalia Monasterii Sancti Albani concernentibus) в Gesta Abbatum Monasterii s. Albani, v. I, p. 453—455, и трактат Уолтера де Генли о сельском хозяйстве (Walter de Henley, Le dite de hosebonndrie), изданный Елизаветой Lamond с предисловием Кэннингэма (Walter of Henley's Husbandry together with an anonymans Husbandry, Seneschaucie and Robert Grosseteste's Rules, the transcripts, translations, and glossary by Elisabeth Lamond, F. R. Hist. S. with an introduction by W. Cunningham, D. D. F. R. Hist. S. London. 1890) (в частности p. 11, 33, 35). Вопрос этот обстоятельно трактован в работах проф. П. Г. Виноградова, к которым и отсылаем читателя (Исследования по социальной истории Англии в средние века, стр. 160—166; Villainage in England, p. 317—325; Средневековое поместье в Англии, стр. 353—355).

[32] Вопрос о малоземельных элементах английской феодальной деревни специально трактует И. Гранат в своей книге К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии. Москва 1908, в главах I и II, где читатель найдет тщательно составленные таблицы и очень интересные соображения.

[33] «Et si dominus voluerit, inveniet pro praedicto servitio unum hominem ad tenendum carucam domini, et alium ad fugandum, et erit quietus de praedicto redditu et operibus hyemalibus»; «et faceit, praeter hoc octo bederipas cum uno homine, et valent in universo 12 d.». Gloucester Cartulary, III, 199. «Et inveniet duos homines ad suas metebedripas ad cibum domini et valet ultra cibum 2 d.». Ibid., p. 134. «Et inveniet unum hominem ad bondebedripam proprio custu, et valet unum denarium obolum». Ibid., p. 129.

«Henricus Cler' tenet dimidiam virgatam terre de predicto feodo de Stantone et reddit domino N. 19 d. per annum et sectam curie per III septimanas et arrur' bis in anno et valet 4 d. et ad magnam precariam inveniet duos homines laborantes et habebunt prandium semel in die et valet II d. idem H. ibit ultra eos». Hundred Rolls, II, 467.

«Item Walterus de Dadington' (liber homo in socca de Spaldewik в графстве Hunts) tenet unam virgatam terre de Episcopo pro V s. per annum et faciet districciones et sommoniciones quando sibi preceptum fuerit et veniet ad unam precariam in autumpno cum virga in manu sua et cum operariis suis ad metendum». Ibid., p. 615.

[34] В этой связи очень интересны факты такого рода: «Et dabit unum denarium ad falcandum pratum domini». Glouc. Cart., III, 41—44. Весьма возможно, что прежде этот виллан (Ricardus Coc) должен был invenire hominem для этой работы; теперь же он платит сеньеру вместо этого 1 пенни, и сеньер сам нанимает рабочих.

[35] Gloucester Cartulary, III, 35—41 (Extenta de Lutlethone A. D. 1256—1266), в особенности p. 35—36. Комментарий к этому документу см. у проф. П. Г. Виноградова (Исследования, стр. 109—112 и Villainage, p. 226—230.

[36] «Idem Comes habet Liminge per wardam dicti Johannis de Hastinges quod est pertinens ad manerium de Alkmudebir' et habet ibidem III carucatas terre in dominico et I boscum de una leuca in circuitu et hoc totum habet in separali per totum annum». Hundred Rolls, II, 608.

«Et habent (вм. habet) (Abbas de Soutre) unum croftum qui vocatur Juddescroft continentem II acras separabiles per totum annum». Ibid., p. 625.

«Abbas de Sautre tenet I culturam separabilem que vocatur le Beviscroft». Ibid., p. 626.

«Item Comitissa de Ferers et Elena la Suche tenent unum campum separalem qui vocatur Manzre de dicto Willelmo per homagium et forins' et redd' eidem per annum XVI s.». Ibid., p. 686.

[37] «Dicunt quod dominus Thomas de Bekaringe tenet ibidem in dominico II carucatas terre III acras prati unde una cultura que vocatur Madcroft est separalis et continetur infra II carucatas terre de dominico predicto...» Ibid., p. 626.

[38] Eynsham Cart., Christ Church, Oxford, MSS. № 27, f. 74, b: «Placitum de Heneberge in recordo de banco de termino S-ti Trinitatis anni XLIII (Edw. III)... Est quidam hamelettus vocatus Tilgerdesle infra bundos ville de Eynesham, infra quem hamelettum tam in vastis quam in terris, pratis et pasturis eiusdem hameletti iidem Johannes Smyth et omnes alii habent communam cum omnibus averiis suis tanquam pertinens ad tenementa sua que ipsi separati tenent in Hanberge, scilicet in vasto et pastura quolibet anno per totum annum et in terris arabilibus post blada messa et asportata quousque... resemenentur et quolibet tercio anno tempore warecti per totum annum eo quod omnes terrae arabiles infra dictum hamelettum per duos annos continuos debent seminari et tercio anno warectari, et in pratis... Et dicunt quod diversis vicibus quibus predictus Abbas nunc queritur etc. diuerse parcelle terrarum arabilium in hameletto predicto que tunc temporis warectare debuissent per predictum abbatem et alios seminate fuerunt per quod ipsi tam in parcellis illis sic seminatis que tunc temporis warectare debuerunt quam in aliis vastis, pratis et pascuis hameletti predicti in communa sua cum aueriis snis prout eis bene licuerit usi fuerunt... Et predictus abbas non cognoscit quod terre arabiles infra hameletum predictum quolibet tercio anno debent warectari, immo protestando quod eedem terre per tres annos continuos debent seminari et quarto anno warectari». Vinogradoff, Villainage in England, p. 230, n. 3.

[39] «Alias coram prefato senescallo presentatum fuit quod Abbas de Derley dominus de Burley includit le holm under Burleye et perturbat tenent' domini communam suam habere ibidem in dampnum et preiudicium domini et tenentium suorum per quod preceptum fuithalleswan' (sic!) quod venire faciat predictum abbatem quod esset ad proximam Curiam etc. Ad quam Curiam venit predictus Abbas per Thomam de Haddom concanonicum suum Et dicit quod predictus Abbas et omnes domini de Burley usi fuerunt tenere predictam placeam inclusam ut separale suum proprium absque aliqua perturbacione aut calumpnia predictorum tenentium aut aliquorum aliorum usque in hunc diem et petit iudicium etc.

«Et predicti tenentes qui sequuntur tam pro domino quam pro seipsis dicunt quod predicta placea vocata le Holm est et extitat commun' pastura sua quolibet terio anno et quolibet anno tempore aperto videlicet a festo sancti Michaelis usque festum Purificacionis beate marie Et hanc placeam habuerunt apertam temporibus predictis de anno in annum usque tempus Hugonis Bate firmarii manerii de Burley et loci (?) predicti et hoc petunt quod Inquiratur per patriam Et predictus Abbas similiter per quod preceptum (sic!) hals' quod venire fac' coram prefato senescallo XII probos et legales homines de balliua sua etc per quos etc et qui nec

aliqua affinitate etc quia tam etc ita quod sint ad proximam Curiam etc Idem dies dat' est preter predict' et sic continuatur processus de Curia in Curiam de die in diem usque ad istam Curiam tentam apud Beureper et anno supradicto Venit tam predictus Abbas in propria persona sua quam predicti tenentes in propriis personis suis et similiter juratores videlicet Thomas Beller Nicholaus henrison Symon Wolsy Ricardus machon Radulfus Blount Johannes de Assheleihaye Robertus Watson et Henricus Annoys qui ad hoc electi tariti et jurati dicunt super sacramentum suum quod predictus Abbas de Derley et omnes domini manerii de Burley tenuerunt et habuerunt predictam placeam voc' le holm ut separale suum proprium inclusum omni tempore anni et sic usi fuerunt a tempore quo non extat memoria absque aliquo impedimento predictorum tenentium aut aliquorum aliorum Ideo consideratum est quod predictus abbas habeat et gaudeat placeam predictam tanquam separale suum proprium absque impedimento etc.». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 33, № 315 (Curia eiusdem (de Duffeld) tenta apud Beaureper II die Augusti anno r.r. Ricardi secundi quarto).

[40] «Johannes de Warenna comes Surr' concesserit Magistro Radulfo de Conyngesburgh' duo mesuagia et duas bovatas terre cum pertinenciis in Friseby tenend' sibi et heredibus suis reddendo inde XII s. IIII d. ob pro omni servicio et similiter concesserit quod idem Radulfus tres acras terre et dimidiam de predictis duabus bovatis terre manso ipsius Radufli contiguas includere, etc. quas Rex concedit, etc.». Abbreviatio Rotulorum Originalium, v. II, p. 56 (Ro. 24. A°5° Edw. III. Ebor').

[41] «Simon Perpount dat viginti solidos pro confirmacione cujusdam carte Willelmi nuper comitis Warenne de licencia claudendi boscum suum de Danye et dominicas terras ipsius Simonis bosco predicto contiguas in comitatu Sussex». Ibid., p. 234 (Ro. 26. A°28° Edw. III. Sussex').

[42] В глостерской инструкции читаем: «Cum praepositus manerii ex causa amoveri debeat, et alius substitui, amovendus dum in suo fuerit officio nullatenus distringatur ad aliquam misericordiam taxandam vel reddendam, sed eo amotofiat inquisitio generalis de gestu suo, non per aliquos suos aemulos prout perpendi poterit, sed de communitate halimoti per sacramentum et secundum illam inquisitionem tractetur, prout sua merita exegerint puniendus vel acquietandus». Gloucester Cartulary, III, 220—221.

[43] «Compertum est per inquisicionem... Et quod idem Robertus (именно Robertus Bagger, который незадолго перед тем electus est prepositus) fecit transgressionem Ricardo Dautre et communitati ville de detent' unius claus' inseparal' tempore aperto ad dampnum VI d. quos preceptum est leu' in misericordia». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. B. 33. № 323.

[44] Нассе. О средневековом общинном землевладении и огораживании полей в Англии XV века. Перевод под ред. проф. Д. Азаревича. Ярославль. 1878, стр. 56.

[45] «Item quia multi Magnates Anglie qui feoffaverint milites et libere tenentes suos de parvis tenementis in magnis maneriis suis, questi fuerunt quod commodum suum facere non potuerunt de residuo Maneriorum suorum sicut de vastis boscis et pasturis [cum ipsi feoffati habeant sufficientem pasturam, quantum pertinet] ad tenementa sua: Ita provisum est et concessum quod [quicumque hujusmodi feoffati] assisam nove disseisine deferant de communa pasture sue [et coram Justic' recognitum fuerit] quod [tantam] pasturam habeant quantum [sufficerit] ad tenementa sua, et quod habeant liberum ingressum et egressum de tenementis suis usque ad pasturam suam, tunc inde sint contenti, et illi de quibus conquesti fuerint recedant quieti de hoc quod commodum suum de terris [vastis, boscis, et pasturis] fecerint. Si autem dixerint quod sufficientem pasturam [non habeant], vel sufficientem ingressum vel egressum, quantum pertinet ad tenementa sua, tunc inquiratur veritas per assisam: Et per assisam recognitum fuerit [per eosdem quod] quod in aliquo fuerit impeditus eorum ingressus vel egressus, vel quod non habeant sufficientem pasturam [et sufficientem ingressum et egressum] sicut predictum est, tunc recuperent seisinam suam per visum juratorum: Ita quod per discrecionem et sacramentum eorum habeant conquerentes sufficientem pasturam, et sufficientem ingressum et egressum in forma predicta. Et disseisitores sint in

misericordia Domini Regis, et dampna reddant sicut reddi [debent] ante provisionem istam. Si autem recognitum fuerit per assisam quod conquerentes sufficientem habent pasturam cum libero et sufficienti ingressu et egressu ut predictum est, tunc licite faciant alii commodum suum de residuo, et recedant de illa assisa quieti». Statutes of the Realm, I: Anno 20° Henrci; III. A. D. 1235—6. Provisiones de Merton, c. IV, p. 2—3.

Очень важные замечания о Мертонском статуте см. у проф. П. Г. Виноградова в Villainage in England, p. 272—275 и passim.

[46] «Et de IIII lib. XV sol. IX d. de redditu tenencium del forland et vet' dominic». Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, № 8226; Bundle 507, 30—31 Edw. III (County of York), Rot. 2.

«Et de C s. de firma capitalis mesuagii CXXXVI acr' terre XVI acr' prati de nova dominica cum pastura de Thurstansthagh' magna...». Ibid., Rot. 3.

«Et de III s. I d. ob. de parte LII acr' di et II arum partium unius acre de eisdem veteris dominicis sic dimiss' in herba hoc anno...». Ibid.

«Et de XX s. de XXX acr. terre de nova dominica sic affirmat' dicto Roberto...». Ibid.

«Et de LXI s. VIII d. ob. de firmis veterum terrarum dominicarum ut in rentali predicto t' Pasch' et Michaelis». Ibid., № 8227. Bundle 507, 47—48 Edw. III.

«Et de VI lib. XIII s. IIII d. rec' de firma de novis terris dominicis de Berewyk sic dimiss' Thome Elys et heredibus de corpore suo etc' per scriptum Henrici nuper Ducis Lancastr' t' Martini et Pent'». Ibid.

[47] Statutes of the Realm, I: Anno 13° Edwardi I, A. D. 1285. 13° Edw. I. Stat. Westm. sec. c. 46, p. 94.

[48] Ibid.

[49] «Item dicunt quod Abbas inclusit, sine licentia domini regis, unam placeam terrae quae continent triginta acras, et eam tenet in separabili per decem annos in Stanleye Leonardi, ubi rex et tenentes sui de dicta villa communicare solebant et de iure debent, quae placea valet per annum decem solidos...». Gloucester Cartulary, III, 260.

[50] «R. etc. quia accepimus per inquisicionem, etc. quod homines villatarum de Kyngesnorton, Yerdeleye et Solihull a tempore quo non exstat memoria intercommunarunt ad omnia animalia et pecora quolibet tempore anni in pastura de Kyngesnortonwode que est in confinio Wygorn' et Warr' et quod iidem homines et quidam alii communam in pastura predicta habentes quoddam fossatum in pastura predicta ad ipsorum dampnum et exheredacionem per Rogerum de Mortuo Mari nuper comitem Marchie levatum recenter prout eis licuit prostraverunt et pro eo quod ad diem capcionis cujusdam inquisicionis nuper facto, etc. per brevem nostrum de nisi prius in quodam placito coram nobis ad sectam predicti comitis versus predictos homines super prostracione dicti fossati moto venire non audebant, etc. et trescente libre eidem comiti pro dampnis suis in hac parte extiterunt adjudicate super quo, etc. perdonavimus eisdem hominibus de predicta summa, etc.». Abbreviatio Rotulorum Originalium. Vol. II. A° 6° Edw. III. Staff. Ro. 20, p. 69.

[51] Gloucester Cartulary, II, 23.

[52] Gloucester Cartulary, I, 147—149.

[53] «...Johannes Wylkyn pro felonia et prodicione nobis factis convictus fuit apud. Sanctum Albanum coram certis Justiciariis nostris duodecimo die Julii proximo preterito fuit seisitus in dominico suo ut de feodo de uno mesuagio edificato tribus toftis centum sexaginta et quatuor acris terre arabilis unde viginti et quatuor acre jacent in separali et inclus' septem acris bosci tribus acris prati viginti et septem solidatis seu denariatis et una obolata redditus et redditu duarum librarum Cimini precii trium denariorum cum pertinenciis in Walden Regis quorum quelibet acra terre arabilis que jacet in communi valet per annum unum denarium et quelibet acra terre in separali et inclus' valet per annum quatuor denarios...». Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 2, m. 7.

«...Item tenuit ibidem LX acras terre arabilis in separali quarum acra valet per annum III d. ...Item sunt ibidem due carucate terre continentes CCC acras terre arabilis in separali quarum acra valet per annum III d... Item est ibidem quidam boscus continens CC acras unde CX acre in separali cujus subboscus valet per annum VI s. VIII d. et pastura ejusdem valet per annum IX s. II p. et $\frac{XX}{IIII}$ acre ejusdem bosci jacent in communi ideo non possunt extendi... Item sunt ibidem L acre terre arabilis unde XXX acre in separali quarum acra valet per annum III d. et XX acre jacent in communi unde tercia pars potest seminari per annum et valet acra quando debet seminari per annum I d. et quum jacet frist' non potest extendi quia jacet in communi... Et dicunt quod predictus Willelmus tenuit... XLVII acras terre arabilis in communi quarum acra valet per annum II d. et CLXIII acras terre arabilis in separali quarum acra valet per annum IIII d. et VIII acras dimidiam prati quarum acra valet per annum II s. et pasturam ejusdem post fenum abductum non potest extendi quia in communi et IIII or acras prati apud Kyngesle que valet per annum XIII s. IIII d. et quedam crofta pasture voc. Gosecroft que valet per annum XII d. et quidam boscus continens C acras cujus subboscus valet per annum VI s. VIII d. et pastura ejusdem non potest extendi quia jacet in communi... Item dicunt quod predictus Willelmus tenuit... et due carucate (sic) terre continentes CCVII acras terre arabilis in separali quarum acra valet per annum VI d. et CL acr' terre in communi quarum XII acre possunt seminari per annum et valet acra que debet seminari per annum I d. et cum jacet frist' non potest extendi quia in communi. Et est ibidem una pastura separalis continens VI acras quarum acra valet per annum XII d...» Record Office. Patent Roll 6 Ric. II Part I, m. 5. Содержание этого патента — результат inquisitionis post mortem, относящегося к 35-му году царствования Эдуарда III.

[54] По словам проф. П. Г. Виноградова, этот вид аренды был в полном ходу в эпоху полного господства феодализма и с течением времени становился более редким явлением, чем, например, в XII веке. Исследования, стр. 153. Здесь же приведена типичная форма практиковавшегося в этих случаях арендного договора. Вот она: «Hec est conventio inter capitulum Lundoniensis ecclesiae beati Pauli et Robertum filium Alwini Sacerdotis. Capitulum concedit ei Wicham manerium suum ad firman quam diu vixerit et inde bene servierit. Primo quidem anno pro 58 solidis et 4 d. et pro una parva firma panis et cervisiae cum denariis elemosine. Dienceps vero singulis annis pro duabus firmis brevibus panis et cervisiae». Domesday of St.-Paul's, 122. Договор относится к XII веку. Во второй половине XIV столетия эта аренда, как увидим, опять возрождается.

[55] «Praepositus eligatur per communitatem halimoti qui talem eligant, qui ad suam terram propriam excolendam et caetera bona sua discrete et circumspecte tractanda, idoneus merito notetur et habeatur, pro cujus defectibus et obmittendis totum halimotum respondeat, nisi ubi urgens necessitas aut causa probabilis illud halimotum coram loci ballivo rationabilem praetendere poterit excusationem». Scriptum quoddamm super dispositione domus et familiae, напечатанн. в Gloucester Cartulary, III, 213—221.

[56] «curia cum pertinenciis et duae carucatae terrae de dominica cum pratis et proventibus et heriotibus et villenagio traditae sunt villanis ad firmam». Registr. Prior. Wigorn., p. 47; «haec villa tradita ad antiquo villanis ab firmam ad placitum cum omnibus ad nos pertinentibus excepta advocatione ecclesiae et solvunt inde — praeterea percipimus medietatem proventuum et herietum, praeterea debent metere, ligare et comportare totum bladum de antiq. dom. de H.». Ibid,. p. 54. Оба эти случая приведены у Нассе, О среднев. общ. зем. стр. 55, примеч. 1.

«Rex commisit hominibus de Bremunegrave et Norton eadem maneria cum pertinenciis habenda ad firmam ad finem quinque annorum». Abbreviatio Rotulorum Originalium: 40 Hen. III. Wygorn. Ro. 11, p. 17.

«Rex commisit probis hominibus de Wynchels' manerium suum de Wynchels' et probis hominibus suis de la Rye manerium suum de la Rye ad firmam hoc anno». Ibid., 34 Hen. III. Sussex. Ro. 20, p. 11.

«Ricardus comes Cornub' concessit omnibus consuetudinariis suis de manerio suo de Corsham totum manerium suum de Corsham cum redditibus dominicis pratis pascuis et pasturis ad dictum manerium pertinentibus salva tercia parte prati de Myntemede quam terciam partem ipsi consuetudinarii falcabunt Kariabunt et intassabunt ad sumptus suos salvis, etc. quas R. confirmavit, etc.». Ibid., vol. II. A° 6° Edw. III. Essex. Ro. 20. p. 70.

«Et de IIII lib. XV s. VI d. de CXLIIII acris terre de dominica sic antiquitus affirmatis nativis ville ibidem in XXIIII Bovat' terre una cum acra et dimidia prati cum herbag' IIII acr' bosci voc. allerschagh' eisdem antiquitus dimis' in emend' firme t' martini et Pentecoste». Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts. № 8226. Bundle 507 (30—31 Edw. III County of York).

[57] «Et de LX s. rec' de exit' IIII bovat' terre in Thornone sic dimiss' Tho de Metham militi ad voluntatem prout antiquitus r' solebat per annum t' Martini et Pent'». Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts. № 8227. Bundle 507 (47—48 Edw. III).

[58] В Глостерском, например, картуларии подобных случаев очень много. См., напр., vol. III, pp. 126—7, 146, 47—48, 56, 204, 170, 78, 109, 112. Приведем некоторые из них. В мэноре Ledene некто Thomas de Warihulle tenet 12 acras terrae cum mesuagio et una acra prati ad voluntatem domini, reddit 5 s., делает unam bederipam, дает theloneum pro cervisia, debet pannagiare porcos, не может продать ни лошади, ни быка sine licentia domini, debet redimere filium et filiam, дает heriet и auxilium. Так держат здесь еще несколько человек. (Gloucester Cartulary, III, 146—7.) В мэноре Rugge некто Rogerus de la Hurne de Farelcye держит ad voluntatem domini unum mesuagium cum curtillagio et unum farendellum terrae в 16 акров, reddit 5 s. pro omnibus servitiis salva secta halimoti de Rugge (Ibid., p. 146). В мэноре Rudeforde некто Walterus le Freprior держит quoddam mesuagium cum curtillagio in Rudeforde ad voluntatem domini, reddit 18 d. et sequitur curiam (Ibid., p. 109).

[59] См. выше, стр. 119—120.

[60] «Ricardus le Smyth sursum redd' in manus domini unam acram terre de assarto ad opus Radulfi Kydeleye qui illam capit Tenend' ad voluntatem domini Et fac' seruicia et consuetudines inde debita etc Et dat pro ingressu inde habendo XX d. plegius prepositus solu' ad festum Nat. dom. Et fecit fidelitatem». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 32, № 289.

Как ни близко соприкасались вилланское держание и tenementum ad voluntatem, но источники строго их различают.

«Philippus Dawesone defunctus est qui tenuit de domino I mesuagium et IIII acras et I rodam terre natiue et IX acras terre ad voluntatem acr' ad VI d. Et dominus hab' I bouem nomine herietti Et r' in cust. prepositi Et terra r' in man. dom.».

«Willelmus le Thatcher defunctus est qui tenuit natiue IX acr' terre cum I mes' infra Et X acras terre ad voluntatem Et dominus habuit medietatem I jumenti pro heriett' Et r' in custodia prepositi Et terra in man. dom».

«Willelmus Hannesone de hokenaston defunctus est qui tenuit XXX acras III rodas terre partem in bondagio et partem ad voluntatem Et nichil habuit in bonis pertin. domino Et terra r' in man. dom.». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 32, № 297.

[61] Много случаев пожизненной аренды мы находим в Глостерском, например, картуларии (Gloucester Cartulary, III, pp. 46—47, 56, 97—8, 98, 98—9, 99, 100, 110, 170, 196, 203, 203—204). Приведем некоторые из них. В мэноре Culne Rogeri Уилльям Sley держит водяную мельницу и ½ виргаты земли ad terminum vitae suae, reddit 18 s., делает 3 bederipas cum duobus hominibus, дает auxilium in communi cum caeteris consuetudinariis, pannagiabit porcos, не может продавать лошади и быка без разрешения лорда (sine licencia domini); если варит пиво для продажи — платит сеньеру; non potest alienare filium nec maritare filiam sine licencia; дает 6 яиц к Пасхе и ходит на собрания курии (sequitur halimotum); после его смерти сеньер получает гериэт; получает сеньер гериэт и после смерти его вдовы, если она умрет на этой земле (si in dicta terra obierit) (p. 203—4). В мэноре Boxwelle некто Aluredus de Leystrintone

держит tria quarteria unius virgatae terrae ad terminum vitae suae tantum, ruddit 6 s. 8 d, debet pannagiare porcos; платит, если варит пиво для продажи; non potest vendere bovem sine licencia, а если продает лошадь, то дает de tonnuto 4 d., debet redimere filium et filiam; дает яйца к Пасхе; после его смерти сеньер получает гериэт (p. 98—9). В мэноре Mayesmore некто Walterus Clericus держит 12 акров земли ad vitam suam tantum, reddit 9 s. Et sequitur liberam curiam Gloucestriae, et halimotum de Mayestore; после его смерти лорду следует гериэт (p. 170).

[62] Разумеем возникшую в первой половине XIII века форму иска Quare eiecit infra terminum. См. об этом History of English Law by Pollock and Maitland, vol. II, p. 107 sqq., а также An Introduction to the History of the Law of Real Property by Kenelm Edward Digby. Second edition. Oxford. MDCCCLXXVI.

[63] B Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, Bundle 507, 8226 (30—31 Edw. III) (Record Office), в отчете приказчика мэнора Altoftes, между прочим, читаем: «Et de VI s. I d. de incremento redditus Hugonis de Bilton pro X acr' terre prius ad voluntatem et modo ad terminum vite ultra reddit prius onerat' t' Pasche et Michaelis hoc anno...».

[64] «...Et de LXXI s. II d. qa de CXXXIX acr' III rod' di' terre de dominica in Hallefield et II acr. et dim. prati in Russmarsh sic dimis' Ricardo de Snayth per scriptum domini ad terminum vite t' Pas' et Mich. hoc anno V». Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts. Bundle 507, № 8226 (30—31 Edw. III).

«Et de VI lib. VIII s. III d. rec. de firma de nouis terris dominicis de Berewyk sic dimiss' Thome Elys et hered' de corpore suo etc' per scriptum Henrici nuper Ducis Lancastr' t' Martini et Pent'». Ibid. Bundle 507, № 8227 (47—48 Edw. III).

[65] В принадлежащем Глостерскому аббатству мэноре Hinehame некто «Thomas Lovie tenet dimidiam virgatam terrae in Hynehamme ad vitam suam tantum per cartam domini abbatis», reddit 2 s. 6 d. трижды в год (к Андрею, к Благовещению и к Рожд. Иоанна Крестителя), к празднику Михаила, de auxiliis dabit 2 s. и «cum virga sua debet interesse operationibus quo ad metebederipas» (Gloucester Cart., III, 110). Несколько случаев пожизненного держания per cartam мы находим и в Сотенных Свитках. «Johannes ad Fontem (из категории libere tenentes) tenet X acras ad terminum vite sue pro VIII s. per annum per cartam». Hundred Rolls, II, 559. Matheus Lovecok (тоже из libere tenentes) tenet dimidiam virgatam terre per cartam ad terminum vite sue de dono domini Alani Plugenet reddendo per annum XII d. et facict sectam cur' ibidem». Ibid., 718. Ср. Ibid., 711: «Item idem Johannes tenet unum molendinum qui (sic) dicitur Scitepilche de Hug' de Plesiz in Merston qo ad vitam suam per cartam reddendo inde per annum 11 s. pro omni servicio Hug' predicto».

[66] Hundred Rolls. II, pp. 467, 468, 614, 641, 642. Вот некоторые из них.

«Item Johannes Clericus et Robertus Ad tenent dominic' predicte Katarine ad terminum X annorum s. XX acr' terre et II acras prati et di' pro XXVIII s. et val. per annum XLII s. et VI d.». Несколько выше сказано: «Item Robertus Ad' et Johannes Clericus tenent XX acras terre et duas acras prati ad firmam de Johanne de Roude et di' pro XX s. es valet XXXVIII s.» (p. 614).

«Item Johannes de Saxtone tenet unum mesuag' ad terminum XL annorum reddendo inde Elimosinar' Thorneye IX s.».

«Item Reginaldus de Wassinggele tenet unum cotag' ad terminum XXX annorum reddendo eidem VI s.» (p. 641).

«Nich' de Comtone ten' II qinq. acras terre de Ric' fr' Will' redd' eidem Ric. III s. per annum Et idem N. tenet I qinq. acris terre de Will. de Coniton' et redd' unum radicem zinziberis et sectam Cur' de III sep' usque ad terminum XV annorum et auxil' Vic' III d.

«Willelmus de Caldecote tenet I mes' cum V acris terre de eodem Ric'reddendo eidem Ricardo X s. per annum infra XV annos et idem W. tenet de Comton III acras terre redd' eidem W. III s. per annum usque ad terminum XV annorum et facit sectam cur' de III sept' et auxil' Vic' I d. ob.» (p. 468).

[67] «Articl' Inquiratr qui ten' ad terminum vite vel annorum etc.». Ibid., p. 547.

[68] Приведем несколько примеров.

«Johannes Aldein II s. ad tenend' VIII acr' de terra Roberti le Crane et ad faciend' seruicium quod pertinet ad dictam terram usque ad IIII-or annos plenar' complet' pleg' de den' et de seruicio quod ad dictam terram pertinet pl' Robertus Pundelwit». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62. № 750. Случай относится к 39-му году царствования Генриха III.

«Item de Ad' fil Em' Alex' pro fin' terre patris sui ad terminum XV annorum». Ibid., Bundle 62, № 753. Относится к 3 Edw. I.

«Willelmus Smyth dat domino pro II acrewar' tenend' que fuerunt aylwini kyng a festo sancti michaelis prox' adveniente usque ad terminum septem annorum prox. sequentium Et post dictum terminum completum dicta terra reuertatur heredibus dicti aylwini». Ibid., Bundle 62, № 765. Относится к 17 Edw. I.

«Adam Alex' fecit finem pro I virgata terre que fuit Johannis alex' tenend' a festo sancti michaelis proximo preterito usque ad finem quinque annorum proximo sequentium faciend' inde domino seruicia et c' Et sustentabit Johannem filium heredem dicti Johannis in omnibus Cust' Quam conuencionem idem Johannes fil' et heres dicti Johannis Alex' concessit in plena Curia». Ibid., Bundle 62, № 766. Относится к 18. Edw. I.

[69] «Johannes Bigot qui manerium de Setryngton in com' Ebor' tenet finem fecit per quinque marcas per perdon' transgressionum habend' quas antecessores prefati Johannis manerium illud tenentes fecerunt arentando in feodo diversa vasta et friscas terras de dominicis manerii quod de Rege tenet' in capite diversis hominibus et tenentibus sine licencia». Abbreviatio Rotulorum Originalium, Vol. II: A°5° Edw. III. Ebor'. Ro. 44, p. 60.

«Rex concessit Willelmo de Shareshull quod ipse ducentas acras vasti et pasture in manerio de Claverlege assartare et in culturam redigere et de eisdem prout, etc. tenend' ad totam vitam suam pro certo redditu, etc.». Ibid.: A°11° Edw. III. Salop' Ro. 34, p. 119.

«Johannes de Warenna comes Surr' concessit Roberto le Charpenter quadraginta acras terre de vastis ipsius comitis in Thorn et Hayterfeld tenend' eidem Roberto et her' suis reddendo tresdecim solidos et quatuor denarios per annum quas Rex concedit etc.». Ibid.: A°6° Edw. III. Ebor'. Ro. 6, p. 64.

«Rex concessit et confirmavit Johanni filio Petri de Staynford triginta et unam acras terre et dimid' de vastis Johannis de Warenna comitis Surr' in Thorne et Hatefeld q' idem comes concessit, etc. tenend' eidem Johanni et heredibus suis reddendo inde per annum decem solidos et sex denarios et faciendo sectam ad cur' et ad molendinum ipsius comitis prout, etc.». Ibid.: A°10° Edw. III. Ebor'. Ro. 31, p. 110.

«Rex confirmavit concessionem quam idem comes fecit Willelmo de Vescy de triginta acris vasti jac' infra haiam de Conesburgh inter terram quondam magistri Radulfi de Conesburgh et Holbrekbrok tenend' eidem Willelmo et heredibus suis reddendo inde per annum quatuor denarios pro qualibet acra per annum pro omni servicio, etc.». Ibid.: A°14° Edw. III. Ebor'. Ro. 26, p. 139.

«Johannes de Warrenna comes Surr' concessert magistro Radulfo de Conyngesburgh clerico centum et viginti acras terre de vastis ipsius comitis in maneriis suis de Conyngesburgh Sandale Haytefeld Wakefeld Thorn et Souresbyshire q' idem comes tenet, etc. tenend' eidem Radulfo et heredibus suis reddendo inde per annum quadraginta solidos quas Rex concedit, etc.». Ibid.: A°6° Edw. III. Surr'. Ro. 17, p. 68.

«Rex assignavit Johannem de Eston Galfridum de Cotes et Johannem de Maklesfeld ad vasta in foresta del Peek supervidend' et ad vasta in certis tenentibus ea tenere volentibus per numerum aorarum et perticam Regis sibi et heredibus suis arentand' prout, etc. reddendo, etc.». Ibid.: A°13° Edw. III. Suthwall. Ro. 8, p. 131.

«Rex cepit fidelitatem Johannis le Parker consanguin' Thome le Parker def' de sex acris terre de assartis Regis arentatis in Haia Regis de Ganeleye in Hatherdon in com' Staff' quod idem Thomas tenuit in dominico suo ut de feodo per servicium duorum solidorum per annum Et ideo, etc.». Ibid.: A°17° Edw. III. Staff' Ro. 1, p. 158. См. еще Ibid., pp.: 65, 69, 99, 139, 118, 52, 64, 54, 52, 76, 140, 181, 88, 98, 122, 166, 132, 110, 57, 145, 187, 272, 243, 234, 101, 241, 50.

[70] «Rex concessit Wilhelmo de Shareshull manerium Regis de Claverleye cum pertin' quod unacum quibusdam terris in eodem manerio de novo appruatis et arentatis ad viginti et tres libras septem solidos unum obolum et unum quadranten extenditur per annum tenend' ad totam vitam suam reddendo inde Regi per viginti et tres libras septem solidos unum obolum et unum quadrantem Ita quod, etc.». Ibid.: A°10° Edw. III. Salop'. Ro. 16, p. 106.

«Rex concessit Willelmo de Shareshull quod ipse ducentas acras vasti et pasture in manerio de Claverleye assartare et in culturam redigere et de eisdem prout, etc. tenend' ad totam vitam suam pro certo redditu». Ibid.: A°11° Edw. III. Salop'. Ro. 34, p. 119. См. еще p. 108.

В Gesta Abbatum monasterii S. Albani напечатана королевская грамота от 20-го марта 1347 года следующего содержания (Charta Regis de perdonatione transgressionum, et licentia dimittendi ad firmam):

«Edwardus, Dei gratia, Rex Angliae et Franciae, et Dominus Hiberniae, omnibus ad quos praesentes litterae pervenerint, salutem. Supplicarunt nobis dilecti nobis in Christo Abbas et Conventus de Sancto Albano, ut cum ipse et quidam praedecessorum suorum, diversas terras et tenementa ejusdem Abbathiae, cum pertinentiis, quibusdam tenentibus, tam ad terminum vitae quam alio modo, pro vero valore eorumdem, dictis Abbati et Conventui, et successoribus suis, annuatim reddendo, concesserint et demiserint, velimus transgressiones in hac parte factas perdonare, et concessiones ac dimissiones per predictos Abbatem et Conventum, et praedecessores suos, in hac parte factas, acceptare, ratificare, et confirmare; necnon ulterius concedere, quod iidem Abbas et Conventus, et successores sui praedicti, de vastis suis se appruare, et vasta illa, necnon terras et tenementa dictae Abbathiae, in manibus dictorum Abbatis et Conventus adhuc existentia, tenentibus ea ab eis recipere volentibus, ad terminum vitae vel alio modo, pro vero valore dictis Abbati et Conventui, et successoribus suis praedictis, annuatim inde reddendo, concedere possint, et dimittere, ad majorem utilitatem domus memoratae: — Nos, pro eo quod per Inquisitionem quam per dilectum et fidelem nostrum Johannem de Coggeshale, Escaetorem nostrum in Comitatu Hertfordiae, fiere fecimus, est compertum quod non est ad damnum nec praejudicium nostrum, aut aliorum, si supplicationi dictorum Abbatis et Conventus annuamus in hac parte, pro eo quod idem Abbas et Conventus mille marcas per Litteras nostras Patentes nobis et haeredibus nostris solvere tenentur pro qualibet vacatione Abbathiae supradictae, necnon pro decem marcis quas praefati Abbas et Conventus nobis solvent, transgressiones in hac parte factas perdonantes, concessiones et dimissiones praedictas, sic per ipsos jam factas, quantum in nobis est, acceptamus, ratificamus, et confirmamus. Concessimus etiam, et licentiam dedimus, pro nobis et haeredibus nostris, quantum in nobis est, eisdem Abbati et Conventui, quod ipsi de vastis suis praedictis se appruare, et tam vasta illa quam alia terras et tenementa sua, in manibus suis jam existentia, certis tenentibus ea ab eis recipere volentibus pro vero valore inde eisdem Abbati et Conventui, et successoribus suis praedictis, annuatim reddendo ad terminum vitae, vel Alio modo, prout eorumdem placuerit voluntati, concedere possint, et dimittere, pro majori utilitate domus suae supradictae: et eisdem tenentibus, quod ipsi vasta, terras et tenementa hujusmodi, ad eisdem Abbate et Conventu, et successoribus suis, recipere possint, et tenere, in forma praedicta, sine occasione vel impedimento nostri, vel haeredum nostrorum, Justiciariorum, Escaetorum, Vicecomitum, aut aliorum ballivorum seu ministrorum nostrorum quorumcunque. Ita tamen, quod appruatio illa non fiat contra formam statuti inde editi et provisi; et salva semper nobis et successoribus nostris custodia terrarum et tenementorum per ipsos a tempore confectionis litterarum nostrarum praedictarum perquisitarum, si quae fuerint, necnon per ipsos et successores suos praedictos exnunc perquirendarum, singulis vacationibus ejusdem Abbathiae, prout decet. In cujus rei testimonium, has Litteras nostras fieri fecimus Patentes. Teste Leonello, filio nostro carissimo, Custode Angliae, apud Redyng vicesimo die Martii, anno regni nostri Angliae vicesimo

primo, regni vero nostri Franciae octavo». Gesta Abbatum, III, 120—121.

Любопытный факт встретился нам в Ministers' Account. Вот он: «...Et de IIII lib. XVII s. de CC$\frac{XX}{IIII}$(=280) et XI acris alias appruwiatis in Dikemerssh et modo de novo arentatis Johanni de Neusom (IX acr') Roberto de Suauth (XX acr') Henr' Frere (IX acr') Roberto fil' Ricardi de Coldale (XL acr') et Willelmo de Colby de tenura nuper Alex' de Cridlyng Roberto (XXIII acr') de Suath et Johanni de Neusom juxta la... tote Johanni (X acr') de Harleby Clerk Ricardo de Smyth (X acr' per cartam in feodo talliato) inter crofta nuper A ex' de Cridlyng et Johanni de Geyncoburgh Henrico (XXXVII acr') filio Roberdi Ricardo de Smyth (CXXXII acr' III rod') acra ad IIII d. per annum termino Pasche et Michaelis hoc anno IIII-to et non plus de novo redditu de vast' in Dikemerssh eo quod remanent ad huc non arrentat' CCCXXXI acr' III rod' terre cum una placea cont' IIII pedes in longitudine et III pedes in latitudine ut r' inferius in ex' maner'.

«...Et de herbag' CCCXXIX (sic) acr' III rod' terre de vasto in Dikemerssh non dum arrentat' ut patet superius nichil anno quia in communi et tunc nulli conductores». Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts. Bundle 507, № 8226 (30—31 Edw. III). (County of York.)

В тех же отчетах находим: «...Et de XIII d. de redditu Alani de Bornhull pro licencia approwiandi XI acras terre in Raynhull etc.». Ibid., Bundle 4, № 24 (25—26 Edw. III).

[71] «Rex concessit et licenciam dedit Johanni de Warenna comiti Surr' quod ipse de vastis suis in castris et maneriis suis de Conyngesburgh Sandhale Haitfeld Wakefeld Thorn' et Souresbishyre se appruare usque ad valorem ducentarum librarum per annum et eadem vasta certis tenentibus ea recipere volentibus dimittere possit tenend' sibi et heredibus suis vel ad terminum vite seu in feodo talliato pro certa firma, etc.». Abbreviatio Rotulorum Originalium, vol. II; A°5° Edw. III. Kanc'. Ro 7, p. 50.

[72] «Adam despensor liber qui tenuit de domino V acras terre de vasto de Campanu' scilicet acram ad VIII d. et II acras prati de dominicis domini scilicet acram ad II solidos est defunctus Ideo dicta terra ramaneat in man' domini... Galfridus de vallibus qui tenuit de domino VI acras terre de assart' scilicet acram ad XII d. venit in plena curia et eas reliquit in manus domini». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 33, № 283 (18 Edw. I).

«Johannes Piscator capit de domino dimidiam acram de vasto de Duffeld Et dat ad ingressum VI d. Et solvet de incremento redditus ad Nativitatem Sancti Johannis Baptiste II d. et tm ad festum sancti martini.

«Radulfus Tanton capit de vasto domini ibidem I acram terre Et ad ingressum XII d. Et solvet de incremento redditus ad Nativ. Sancti Johannis Baptiste IIII d. et tm etc.

«Willelmus in venella capit I acram de vasto domini ibidem Et dat ad ingressum XII d. Et solvet de incremento redditus ad Nat. Sci Johannis Baptiste IIII d. et tm etc.

«Radulfus filius felicie capit de vasto domini ibidem I acram terre Et dat ad ingressum XII d. Et solvet de incremento redditus ad Nat. Sci Johannis Baptiste III d. et tm etc Et unusquisque eorum est plegius alterius de Ingr' Et habent solutiones de Ingr' ad Pur'». Ibid., Bundle 32, № 285 (21—22 Edw. I). Подобных случаев очень много в этой серии Ministers' Accounts.

«Juratores de Duffeld presentant quod Radulfus Serlesson qui tenuit de Domino in Bondagio duas bouatas terre cum quodam mesuagio in eisdem sito reddendo per annum VIII s. Item tenuit de domino VI acras terre de nouo assarto reddendo pro qualibet III d. et... Item tenuit de domino V acras terre que quondam fuerunt Nicholai de Campania reddendo pro qualibet acra VIII d. Item tenuit de dominicis domini in Haselwode V acras et I rodam roddendo pro qualibet acra VIII d. Item tenuit de Dominicis domini in Duff' VI acras reddendo pro qualibet acra VIII d. Item tenuit de domino ad voluntatem I acram terre que quondam fuit... reddendo IIII d. Item tenuit de domino IIII acras et dimidiam de terra quondam Oliueri Pun

chardon reddendo pro acra VI d. Item tenuit de domino ad voluntatem medietatem Pomerii domini quod vocatur Castelhorth — reddendo per annum V s. Diem clausit extremum...» Ibid., Bundle 32, № 288 (6 Edw. II).

«Memorandum quod Dominus Comes Lancastrie concessit Johanni Bulnoys quinque acras vasti in mullesoydeley juxta milleye per scriptum suum reddendo per annum pro qualibet acra VIII d. de nouo incremento redditus Et dat ad ingressum cujuslibet acre I marcam Item concessit eidem Johanni unum mesuagium in villa de Beur' in quo idem Johannes manet per predictum scriptum Reddendo per annum pro predicto mesuagio de nouo incremento redditus ultra Reddit' cons' XII d. Et dat ad ingressum II marcas». Ibid., Bundle 32, № 287.

«Nicholaus le Clerk de heiegge venit hic in Cur' et redd' in manus domini unam acram et dimidiam terre unde dicta acra est de dominic' et dimidia acra de assart' ad opus Isolde que fuit uxor Henrici le Chapman que dictam terram cepit Tenend' ad voluntatem domini faciendo seruicia et consuetudines inde debita Et dat ad ingressum III s. per plegium Walteri Rogg'». Ibid., Bundle 32, № 289 (7 Edw. III).

«Johannes filius Agn' et Alicia uxor eius venerunt in Cur' et ceperunt de domino unam placeam terre de vasto in hasulwode pro mesuagio suo elargando continentem in longitudine C pedes et in latitudine XL pedes reddendo per annum III d. ad terminos usuales videlicet ad festum sancti martini et J. Baptiste tenend' ad voluntatem secundum consuetudinem manerii et dat ad ingressum XII d. solvendo ad festum Nat. beate marie». Ibid., Bundle 32, № 294 (17 Edw. III).

«Willelmus de Adesly venit et cepit de domino unam placeam vasti voc' mulleleywigle tenend' ad terminum vite ipsius Willelmi in separal' omni tempore anni Reddendo inde per annum XIII s. IIII d. ad terminos usuales Et habebit spinas et venk de bosco domini pro clausura ad visum forestarii Et dat domino pro ingressu dimidiam marcam». Ibid., Bundle 33, № 314 (2 Ric. II).

«Willelmus Tailiour venit hic in Cur' et cepit de domino unam placeam terre vast' juxta pynfald' pro placea sua in bondagio elargand' Tenend' de domino sibi et heredibus suis secundum consuetudinem manerii Reddendo inde per annum II d. de nouo redditu terminis ibidem usualibus Et nichil dat domino ad ingressum». Ibid., Bundle 34, № 326 (15 Ric. II).

Земли, взятые лордом из пустоши и присоединенные к домэну, назывались, как мы уже видели, nova dominica, или nove terre dominice. Другим названием для них было Forland. Приведем несколько примеров сдачи лордом частей его Forland'a.

«Prepositus presentat quod Willelmus Elyot natiuus domini mortuus est et tenuit de domino in bondagio unam bouatam terre cum mesuagio infra Item tenuit X acras et dimidiam terre de fforlond acr' pro VI d. post cuius decessum dominus habuit unum bouem nomine herietti et unam ollam eneam debil' et II porcellos Et nichil aliud habiut in bonis domino pertin' et super hoc venit matill' relicta dicti Willelmi et cepit dictam bouatam terre cum mesuagio infra tenend' secundum consuetudinem manerii et dat ad ingressum X s. soluend. ad p. et sancti Jacobi Et venit Robertus filius et heres dicti Willelmi et cepit predictos X acras et dimidiam terre de fforlond et dat ad ingr. V s. soluend' ad terminos predictos Et dicti porcelli vend' eidem matil' pro XII d. soluend. ad term. predictos per plegium». Ibid. Bundle 32, № 294 (18 Edw. III).

«Robertus Baron venit in Curiam et redd' in manus domini II bouatas terre de bondagio cum I grang' infra et I acram terre ad voluntatem de Forland ad opus Johannis de Derby ad terminum VI annorum inde prox. futur. pro redd' et seruic' inde debitis Ita quod post terminum sex annorum predictorum dicta terra cum grang' dicto Roberto et her' reuertatur in statu quo prius et dictus Johannes dat ad ingr. XVIII d. per plegium Henrici Fissh'». Ibid., Bundle 32, № 303 (37 Edw. III). См. еще Ibid., Bundle 32, № 307 (45 Edw. III) (о Ричарде Flaxeman, уже нам знакомом).

[73] Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Essex. Bundle 66, № 829, R. 5.

[74] «Johannes Child nuper recepit de Johanne Swerder unam acram et tres rodas terre per licenciam hic in Curia tened' ad terminum nouem annorum prout constat per rotulos Curiarum in anno decimo Et nunc venit idem Johannes Swerder et petit lic' dimittendi dictam terram tenend' dicto Johanni Child per tres annos

proximos sequentes post primum terminum completum Et concessum est eidem etc. Et idem Johannes Child dat de fine» (на полях: fin VI d.) Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62, № 788.

[75] «Ricardus Wrangy et Sarr' uxor eius petunt licenciam dimittendi Johanni de Cornewaille vicario de Waltham unam acram terre iacent' iuxta le Pissingbuss extendent' ad unum capud super stagnum domini de Waltham habend' ad terminum XII annorum termino incipiente ad festum sancti Mihaelis ultimo preterito sub hac forma quod reddit eisdem Ricardo et Sarre annuatim durante termino predicto XII d. et quod dictam acram terre debito modo compostabit infra tempus predictum ita quod in fine termini predicti dicta terra amelioratur Et si contigat dictum Johannem infra terminum predictum deceder' et terra inbladata fuerit statim post vesturam inde asportatam dicta acra terre dictis Ricardo et Sarre vel ad heredes suos sine alicuius contradictione plenarie revertatur Et concessum est dicto Johanni dictam acram terre in forma predicia tenend' et habend' Et dat domino de fine etc plegius Bedellus Et dicti Ricardus et Sarra fac' per totum terminum predictum seruicia inde debita et de iure (consueta)» (на полях: fin' VI d.). Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62. № 786 (случай относится к 11-му году царствования Эдуарда II).

[76] «Hugo atte Wode qui habuit ex dimissione henrici atte hulle unam acram prati apud Oxenebreg' a festo Purificationis beate marie ultimo preterito usque ad finem duorum annorum prox. sequ. Idem Hugo per licenciam domini dimisit predictum pratum—Johanni Waleys terminum predictum Et super hoc venit henricus atte hulle et per licenciam domini dimisit predictam acram prati eidem Johanni Waleys ulterius usque ad finem sex annorum prox. sequ. et plenarie completorum Et predictus henricus toto termino predicto fac' seruicia et cons' pro predicto Johanne Waleys etc Et dat de fine pro termino habendo ut patet» (на полях: fin' XII d.). Ibid., Bundle 64, № 806.

[77] «Willelmus Blacche summonitus fuit ad respondendum Willelmo de Koulande in placito convencionis Et unde queritur quod die mercurii in festo Concepcionis beate marie anno regni Eduardi nunc XIII-mo in magna Waltham Convenit inter predictos Willelmum et Willelmum Ita quod idem Willelmus Blacche per licenciam domini dimitteret dicto Willelmo de Koulande omnes terras et omnia tenementa sua que habuit et tenuit in bondagio in magna Waltham a predicto die mercurii usque festum sancti Michaelis prox. sequ. Et a predicto festo sancti michaelis usque ad finem XV annorum prox. sequ. el plénarie completorum faciendo domino seruicia et consuetudines inde debita quam quidem conuencionem idem Willelmus Blacche recusauit tenere, unde idem Willelmus de Koulande deterioratus est et dampna habet ad valerciam XL s. Presens Willelmus Blacche in Curia non potuit dictam convencionem dedicere sed cogn (ovit) Et postea petit licenciam concordandi et habet Et est concordia talis quod idem Willelmus de Kaulond perdonauit eidem Willelmo Blacche XX s. de predictis XL s. Et XX s. residuos (s i c) remanent in suspenso sub tali forma quod si predictus Willelmus Blacche infra totum terminum prenominatum dimiserit alicui alii (s i c) tenementa sua predicta ad aliquem terminum vel ad seminandum aut alienauerit nisi fuerit ipso Willelmo de Koulande, quod tunc idem Willelmus Blacche teneatur dicto Willelmo de Koulande in XX s. predictis de quibus inuenit hos plegios ad illos soluend' si sic contigerit quod tenementa sua dimiserit etc uidelicet Johannem le Parker de veteri parco et Johannem Bred qui se obligant ad soluend' XX s' predictorum modo superius expresso Et idem Willelmus Blacche concedi quod si dicti Johannes et Johannes ob defaltam suam adliquod (s i c) dampn' uel iactur' incurrerint, quod habeant predicta tenementa in manibus suis per tantum tempus quod possint leuar' dampn' et expens' racionabil' in quibus inciderint per defaltam ipsius Willelmi Blacche ut supradictum est sine contradiccione dicti Willelmi Blacche aut hered' suorum Et idem Willelmus Blacche po se per licenciam concordandi» (на полях: fin' XII d.). Ibid., Bundle 63, № 799.

[78] «Johannes filius Rogeri Thrower Nepos et heres Saete Thrower venit in plena Curia et petit terras et tenementa que fuerunt predicte Saethe ut ius et heredium suum et optulit se ad faciendum quod de iure etc super qua calumpnia venit Alicia et matild' filie predicte Saethe et dicunt quod predicta Saetha per licenciam domini

in curia hic eis dimisit unum mesuagium II acras et dimidiam terre tenend' usque ad finem III annorum post obitum dicte Saethe et hoc manifeste constat per inspectionem rotulorum Curie». Ibid. Bundle 62, № 788.

[79] Ibid., Bundle 62, № 760.

[80] Hundred Rolls, II, 322, 328, 330, 332, 323—4, 324—5, 325—6, 326, 327, 331.

[81] Ibid., 327.

[82] Ely Inq., Cotton MSS., Claudius, C. XI. 60, a (Vinogradoff, Villainage, p. 213, n. 2).

[83] «Johannes le Bedel sursum reddidit domino undecim acras terre cum pertinenciis in Waltham que quondam fuerunt de uno quarterio terre quod matild' le Grang' aliqu' tenuit de domino Ad opus Johannis Blacche natiui domini Cui concessa est inde seisina sub hac forma Ita quod predictus Johannes Blacche heredes vel assignati sui facient annuatim domino et penes quoscunque aquietabunt et defendent omnimoda servicia et consuetudines que de predicto quarterio terre integro aliquo modo exigi possunt Et quod idem Johannes Blacche heredes uel assignati sui reddent annuatim prefato Johanni le Bedel et heredibus uel assignatis suis uel assig' (s i c) octo solidos argenti ad quatuor terminos anni principales per equales porciones Ad que quidem seruicia et consuetudines et alia ut premittitur plenarie faciend' et ead' ad predictos octo solidos ad terminos statutos annuatim soluend Idem Johannes Blacche per licenciam domini obligat eandem terram et omnes alias terras quas de de (s i c) domino tenet in villa de Waltham ad quascunque manus deuenerint Ei in forma predicta deliberata est ei seisina tenend' de domino ut supra et super hoc fecit fidelitatem Et dat domino de fine pro ingressu habend' in forma predicta ut patet plegius Johannes le Bedel» (на полях fin' XVIII d.) Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62: № 788.

[84] Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 63, № 799.

[85] «Agnes de Bathelesbregg' per licenciam domini dimisit Johanni Robert et Is' uxori eius I quart' terre custum' quam tenet ut liberum bancum suum ad terminum IX annorum termino incipiente ad festum sancti Michaelis proximo futuro faciendo per tempus predictum seruicia et consuetudines inde debit' Et reddet annuatim durante termino predicto predicte Agn' I quarterium frumenti IIII bus' fababum et IIII buss' pisarum et sustentabit dictum tenementum per tempus predictum in adeo bono statu quo nunc vel meliori Et dat de fine pro predicto termino habendo ut patet Et ad omnia predicta fac' et explend' inuenit Johannem lonel fideiussorem etc» (на полях: fin' XL d.). Ibid., Bundle 63, № 797.

[86] Ibid., Bundle 63, № 793.

[87] «Willelmus Smith venit in plena Curia et concessit Ade Pumock II acras terre sue tenendas eidem Ade usque ad terminum XII annorum ffaciendo eidem Willelmo per annum II den. ad quatuor terminos et domino comiti I caponem per annum». Ibid., Bundle 62, № 759.

[88] «Hugo de Colwyk queritur de Willelmo de Duff' parua ecclesie de Colston quod cum ipse cepit de dicto Hugone III bouatas terre ed terminum XII annorum ad soluendum capitali domino XV sol. per annum et dicto Hugoni VIII s. per annum...». Ibid., Bundle 32, № 298.

[89] Ibid., Bundle 63, № 799.

[90] «Henricus atte helle natiuus domini per licenciam domini dimisit Willelmo atte Fanne libero I acram terre cum pertin' a festo sancti michaelis prox. futur' usque finem IX annorum prox. sequ. et plenarie completorum Et dat de fine pro dicta terra in forma predicta habenda ut patet» (на полях: fin XII p.). Ibid., Bundle 63, № 797.

[91] «Ad hanc Curiam venit henricus atte hulle et per licenciam domini dimisit Willelmo atte ffanne unam acram terre jac'in Rotectoft a festo sancti michaelis Archangeli prox. post datam istius Curie usque ad finem decem annorum prox. sequ. plenarie complet' fac' seruicia et cons' per totum tempus predictum Et dat domino de fine pro termino habendo ut patet per pleg' Johannis clerici» (на полях: fin. VI d.). Ibid., Bundle 63, № 800.

[92] Ad hanc Curiam venit henricus atte helle et per licenciam domini dimisit Willelmo atte Fanne duas acras pasture in Releye a festo Purificacionis beate marie prox. futur' post dat' ipsius Cur' usque ad finem III annorum prox. sequ. et plenarie completorum faciendo serucia et cons' Et dat domino pro termino habendo per pleg' Johannis Goloppe». Ibid., Bundle 63, № 803.

[93] «Henricus atte helle per licenciam domini dimisit Simoni le Chapman et Alic' uxori eius ad terminum septem annorum termino incipiente ad festum sancti michaelis proximo preterito Et dictus Simon dat domino pro dicto termino habendo in forma predicta ut patet supra» (на полях: III d.). Ibid., Bundle 63, № 798.

[94] «Ad hanc Curiam venit henricus atte hull' et per licenciam domini dimisit Simoni Chapman unam acram terre jac' in campo vocato Sabarneswallyng inter terram Abbat' de Walden et terr' dicti henrici ab ista Curia usque festum sancti michaelis prox. sequ. post datam istius Cur' Et a dicto festo sancti michaelis usque ad finem VIII annorum prox. sequ. plenarie completorum faciendo pro dicto Henrico seruicia et cons' per totum tempus predictum Et dat de fine pro termino habendo ut patet per pleg' bedelli» (на полях: fin III d.). Ibid., Bundle 63, № 801.

[95] «Henricus atte Hulle natiuus domini petit licenciam dimitendi Ricardo Salkyn unam rodam prati jacentem iuxta le Parkestane ad terminum XII annorum termino incipiente ad festum Purificacionis beate marie ultimo preterito faciendo termino predicto seruicia inde debita Et dictus Ricardus dat domino ad terminum predictum habendum de dicta roda prati ut patet pleg' de fine bedellus» (на полях: fin. XII d.). Ibid., Bundle 63, № 799.

[96] «Ad hanc Curiam venit henricus atte hulle et per licenciam domini dimisit Roberto Schach' V acras terre jac' in Wallyng ab ista Curia usque ad festum sancti michaelis prox. futur' post datam istius Curie, et a festo sancti michaelis usque ad finem XI annorum prox. sequ. et plenarie completorum faciendo seruicia et cons' per totum predictum tempus Et dat de fine pro termino habendo ut patet per pleg' bedelli» (на полях: finis II s.). Ibid., Bundle 63, № 801.

[97] Ibid., Bundle 64, № 806. См. выше, стр. 179.

[98] «Marger' Ganel per licenciam domini dimisit Willelmo Randolf unam virgatam terre voc' Ganeles Tenend' eidem Willelmo a festo Purificacionis beate marie virginis ultimo preterito usque ad finem termini XII annorum ex tunc proximo sequ. fac' seruicia etc Et fecit fidelitatem Et dat de fine pro tali statu habend ut patet». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 66, № 830.

«Willelmus Randolf per licenciam domini dimisit Roberto Parker unam virgatam terre Tenend' eidem Roberto a festo Purificacionis beate marie virginis ultimo preterito usque ad finem XI annorum extunc prox. sequ. faciendo seruicia etc Et fec' fidelitatem Et dat de fine pro tali statu habendo ut patet pleg' de fine Will. Randolf». Ibid., Bundle 66, № 831.

[99] «Ad hanc Curiam venit Johannis hamond et cepit de domino I virgatam terre quondam Johannis Palmere habend' et tenend' de domino dictam virgatam terre eidem Johanni a festo sancti Michaelis ult' pret' usque ad finem decem annorum prox. sequ. et plen' completorum reddendo domino per annum XXXII s. ad IIII terminos principales equis porcionibus primo termino solucionis incip' ad festum Natalis dom' pro omnibus seruiciis Et fecit fidelitatem, sust' dom' et mur' etc Et dat de fine ut patet (на полях: firma terre XXXII s., finis VI d.).

«Ad hanc Curiam Johannes hamond et Johannes Strout ceperunt de domino dimidiam virgatam terre quondam Johannis Swetyng habend' et tenend' de domino dictam dimidiam virgatam terre eisdem Johanni et Johanni a festo sancti michaelis Archangeli ult' pret' usque ad finem nouem annorum prox' et plenar' complet' reddendo domino per annum XVI s. ad IIII terminos principales primo termino solucionis incipiente ad festum Natalis dom' sust' dom' et mur' exist' in dicto tenemento etc Et fec' fidel' Et dat de fine pro termino habendo ut patet (на полях: firma terre XVI s., finis XII d.). Ibid., Bundle 64, № 808.

[100] «Ad hanc Curiam venerunt Johannes Hamond et Alicia uxor eius et ceperunt de domino omnia illa terras et tenementa cum omnibus suis pertinenciis que quondam fuerunt Humfridi Clerk Tenend' eisdem Johanni et Alicie usque ad plenam etatem Humfridi filii et heredis predicti Humfridi per seruic' et cons' etc Et predicti Johannes et Alicia durante termino predicto sustent' et manutenebunt domos

et edificia et vastum non facient in tenementis predictis etc Et fec' fid' Et dant de fine pro tali statu habendo ut patet per plegium de fine Johannis Blecche». Ibid., Bundle 66, № 829. Rot. 8. На полях стоит: finis C s. (sic: 100 s.).

[101] «Johannes Hamond per licenciam domini dimisit Johanni Stonhach XII acras terre vocat' Redenes Tenend' eidem Johanni a festo Michaelis ultimo preterito usque ad finem termini trium annorum ex tunc prox. sequ. faciendo servicia etc Et fec' fid' Et dat de fine ut patet» (на полях: finis XII d.). Ibid., R. 17.

«Johannes Hamond per licenciam domini dimisit Johanni Houte unam acram terre vocat' Stamercroft Tenend' eidem a festo Michaelis ultimo preterito usque ad finem trium annorum ex tunc prox. sequ. Et fecit fid' Et dat de fine ut patet». Ibid.

«Johannes Hamond reddit in manus domini unam dimidiam virgatam terre et unam acram terre de mollond jac' in Northene ad opus Johannis Brok et Sabine uxoris eius Et dominus concessit predicta tenementa prefatis Johanni et Sabine et sequele eorum Tenend' ad voluntatem domini per seruicia etc Et fec' fidelitatem Et dant domino de fine pro ingressu habendo ut patet pl' de fine Willelmi Blecche et Jacobi Sawine» (на полях: finis XIII s. IIII d.). Ibid., R 12.

«Johannes Hamond per licenciam domini dimisit Artur' Lewgor XIIII acras terre voc' Hampstal Tenend' eidem Artur' a festo Purificacionis beate Marie virginis ultimo preterito usque ad finem termini III annorum ex tunc prox. sequ. Et dat de fine pro tali statu habendo ut patet» (на полях: XII d.). Ibid., R. 19.

[102] «Johannes Hamond per licenciam domini dimisit Johanni Ram seniori octo acras terre iac' in diversis parcellis Tenend' eidem Johanni a festo michaelis proximo futuro usque ad finem termini duorum annorum ex tunc prox. equ. fac' seruicia Et dat de fine pro tali statu habend' ut patet». Ibid., Bundle 66, № 832.

[103] Ibid., Bundle 63, № 799.

[104] «Willelmus Blacche sursum redd' domino unum mesuagium et tria quarteria terre custum' que de domino tenuit in villenagio Et dominus a seisina sua concessit et liberauit predict' mesuag' et terram cum omnibus suis pertin' Johanni Parker de veteri parco et Roesie uxori sue et Johanni filio eorumdem juniori Tenend' de domino in villenag' per seruic' et cons' inde debit' annuatim faciend' Et sub forma que subsequitur videlicet quod predicti Johannes Roesia et Johannes invenient dicto Willelmo ad totam vitam suam omnia sibi necessaria in victu et vestitu prout decet statum suum si ad mensam dictorum Johannis Roesie et Johannis moram facere voluerit quod si non voluerit tunc soluent dicto Willelmo Blacche dimidium busselum frumenti qualibet septimana ad totam vitam suam Et eciam quolibet anno unam tonicam uel supertonicam precii III s. uel III s. (s i c) unum par caligarum precii XII d. II paria sotular, precii XII d. et unum par pannorum lineorum precii XII d. Et eciam inuenient eidem Willelmo in predicto mesuagio unam cameram in qua possit honneste hospitar' ad totam vitam suam Et in forma predicta delibertata est eis inde seisina Tenend' eisdem Johanni Roesie et Johanni filio eorumdem... et hered' suis Et idem Johannes Parker dat domino de fine ut patet Et fec' fid'» (на полях: finis XX s.). Ibid.

[105] Jacob' Algor petit licenciam ut possit dimittere Willelmo Blacche unam acram prati sui vocat' Litlemed prout undique includitur et concessa est sibi licencia Tenend' prefato Willelmo et assignatis suis a festo Purificacionis beate marie prox. futur' usque ad terminum IX annorum prox. tunc sequent' Et ipse Jacob' faciet et soluet per tempus predictum omnia redd' et seruicia Et ipse Willelmus nichil capiet de sepibus nisi pro claustura intra Et dat de fine pro tali statu habend' ut patet» (на полях: finis VIII d.). Ibid., Bundle 64, № 816.

[106] «Et seisire in manus domini unum tenementum natiuum quod Willelmus Blacche dimisit ad firmam Willelmo Reue sine licencia domini». Ibid., Bundle 67, 844.

[107] И он действительно преуспел, как видно из протокола уолтэмской курии от 30 Edw. III (текст его приведен нами на стр. 361, прим. 20), в котором он фигурирует среди других вилланов, «сильных телом и имуществом», чтобы взять и держать вилланские держания (natiui domini et potentes tam in corpore quam in catallis accipere et tenere tenementa natiua), и тем не менее не держащих их.

[108] Ibid., Bundle 66, № 835. Приведем текст одной из типичных земельных сделок, с помощью которых Джон Blacche постепенно достиг благополучия.

«Johannes Blacche per licenciam domini dimisit Ricardo Salkyn I acram terre voc' le Shortaker ad terminum VI annorum termino incipiente ad festum sancti michaelis ultimo pretrito Et idem Ricardus faciet domino per tempus predictum seruicia et cons' inde debita Et idem Johannes dat domino pro licencia habenda ut patet s(upra)» (на полях: finis VI d.). Ibid., Bundle 63, № 799.

[109] Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 32, № 307.

[110] «Ricardus Flaxeman qui de domino tenuit in bondagio unum mesuagium et II bouatas terre et XVI acras terre de Forland que quondam fuerunt Johannis Colyn ad terminum XX annorum ex dimissione predicti Johannis per licenciam Curie venit hic et reddidit in manus domini predictas duas bouatas terre' Et acras (s i c) di' terre et prati ad opus Willelmi Dolyner deduct' predicto mesuagio Et acr' di' prati que remanebunt penes prefatum Ricardum etc qui quidem Willelmus venit hic in Curia — domino — ffolecamult tunc senescallo ibidem Et predictas duas bouatas terre et acr' di' terre et prati ut supra tenend' de domino in bondagio secundum cousuetudinem manerii ad terminum XV annorum prox. sequent. post datam present' et plenarie expletorum». Ibid.

[111] «Compertum est per inquisicionem XII jurat' captam inter Willelmum Dolyner petentem et Ricardum Flaxeman defendentem in placito conuencionis quod predictus Willelmus tenebit (s i c) II bouatas terre cum mesuagio infra non edificat' vocat Scaresdale — hard cum pratis et terra de Forlond' videlicet XVI acr' que quidem fuerunt Johannis Colyn ad terminum XIIII annorum prox' sequ' post festum sancti michaelis prox. futur' reddendo per annum predicto Ricardo durante termino predicto pro qualibet acra terre predicte tam de bouatis quam de Forlond IX d.—sancto Martin' et sancti Johannis Bapt' equaliter saluis predicto Ricardo I plac' edificat'... dicti Johannis Colyn et dimidia acra prati ubicunque eligere voluerit de tenementis predictus Ita videlicet quod predictus Ricardus satus faciet domino de quibuscumque reddit' ad predicta tenementa domino pertinencia Et predictus Willelmus faciet omnia alia seruicia domino pertinencia pro predictis terris et tenementis durante termino predicto nomine dicti Ricardi etc. (на полях стоит: «Terra recuper' ad terminum XIII annorum»). Ibid.

[112] Вот еще данные о Уилльяме Flaxeman'е, повидимому, сыне Ричарда, относящиеся к более позднему времени (к 13-му и 14-му году царствования Ричарда II).

«Robertus Bagger redd' in manus domini I bouatam terre in bondagio ad opus Simonis Clerk Tenend' sibi et suis etc Et idem Symon instanter redd' in manus domini predictam bouatam terre ad opus Willelmi Flaxeman Tenend' sibi et heredibus suis secundum consuetudinem manerii Et dat ad ingressum XII d.».

«Robertus Bagger et Matild' uxor eius red' in manus (domini) dimidiam acram prati ad opus Willelmi le Flaxemon ad terminum VII annorum sequ. Et dat pro fine II d.».

«Robertus Bagger et matild uxor eius red' in manus domini XVI acras terre ad opus Willelmi Flaxemon ad terminum II annorum sequ. Et I acram III rodas prati ad terminum XI annorum prox. sequent. ad opus predicti Willelmi Et dat pro fine VI d.».

«Willelmus Tay red' in manus domini VII acras terre ad voluntatem in Southewode ad opus Willelmi Flaxemon Tenend' sibi et suis secundum consuetudinem manerii Et dat ad ingressum VI d.». Ibid., Bundle 33, № 324.

Роберт Bagger, здесь упоминаемый, был в четырнадцатом году царствования Ричарда II избран в старосты (electus est prepositus). Ibid.

[113] «Willelmus filius Gibberti electus est in officio prepositi per totam villatam Alrewassl et fecit sacramentum». Ibid., Bundle 32, № 285 (21 Edw. I).

«Ricardus Rog' electus est prepositus ibidem (в Duffield'e) per totum homagium et fecit sacramentum». Ibid., Bundle 32, № 294 (18 Edw. III).

«Willelmus atte Wode electus est prepositus ibidem (в Duffield'e) et fecit sacramentum». Ibid., Bundle 32, № 295 (19 Edw. III).

[114] «Memorandum quod ad istam Curiam venit Ricardus Flaxemon qui electus fuit ad officium prepositi de Duffeld Et se protulit ad illud officium exercendum et fac' coram domino Godefr' Folecault (?) senescallo et coram tenentibus domini in bondagio qui ipsum elegerunt qui quidem tenentes in bondagio prefatumRicardum dictum officium facere et exercere per se ipsum permittere noluerunt nisi ita foret quod prefatus Ricardus securitatem eis invenire posset de $\frac{XX}{IIII}$ lib. ut redditus et firm' ville predicte se attingunt etc Et prefatum Ricardus hoc facere non potuit Et super hoc pretendit se facere finem domino ad ipsum exonerandum de officio supradicto et admissus fuit Et dat domino XX s. ut ab illo officio exoneretur ad istud turnum per plegium etc Et postea venit Willelmus Dolyner qui tenet terras et tenementa que dictus Ricardus tenuit ex dimissione eiusdem Ricardi ad terminum XV annorum prout dictus Ricardus illa habuit ex dimissione nuper Johannis Colyn et admissus est ad dictum officium prepositi exercendum pro isto anno lta quod idem Willelmus tenebit dicta tenementa hoc anno absque aliqua firma inde reddend'prefato Ricardo Et fac' domino redditus et alia seruicia domino pertinent' prout dictus Ricardus facere deberet I acra prati et dimidia dumtaxat extra (?) reseruantur predicto Ricardo etc.». Ibid., Bundle 32, № 307 (Curia de Duffeld, tenta ibidem die jouis prox. post festum sancte Katerine a° XLV to (Edw. III).

[115] «Sawardus le Som Natiuus domini ostendit quandam Cartam per quam adquisiuit unum mesuagium cum pertinenciis in villa Plessetis de Waltero filio Ranulphi molendinar' de Alta Rochyngg' tenend' de domino in capite per eadam seruicia et consuetudines per que idem Walterus illud prius tenuit Et dat domino de fine pro ingressu ut patet Et fecit fidelitatem Et de incremento redditus per annum plegius Johannes haldayn». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 63, № 790. Случай относится к 1 Edw. III.

[116] «Osebertus filius Johannis Purt et Johannes frater eius natiui domini ostendunt quandam Cartam per quam adquisierunt de Willelmo Knyght de Plessetis unam acram et dimidiam terre libere in villa de magna Waltham in campo vocato Smedleye tenend' eisdem et assignatis suis Et dant de fine pro ingressu suo habendo prout patet Et fecerunt fidelitatem Et de incremento redditus per annum ad festum sancti michaelis ut patet plegius Bedellus». Ibid. Из протокола того же года.

[117] «Ad hanc Curiam venit Galfridus le Whyte de Alta Estre natiuus et ostendit quandam cartam secundum formam statuti factam per quam adquisiuit de Johanne de hamstede de Plessetis unam acram terre arabilis jacentem in villa de Alta Estre in campo vocato Berywykfeld juxtra terram domini Tenend' de domino in capite sibi et suis ad voluntatem domini per seruicia etc Et dat de fine ut patet per plegium bedelli Et predicta carta traditur per dominum eidem Galfrido ad custodiendum». Ibid., Bundle 63, № 803. Из протокола 19 Edw. III.

[118] «Ad hanc Curiam venit Johannes filius Walteri Northfolk de Alta Estre et Alicia uxor eius natiui domini et ostendunt quandam cartam secundum formam statuti factam per quam adquisierunt de Simone Ponwer et Johanne fratre suo tres acras terre jacent' in Alta Estre per diuersas parcellas in quodam campo vocato Clyppesbyry Tenend' de domino eisdem Johanni Nothfolk et Alicie uxori eius per seruicium unius denarii de nouo redditu soluendo ad festum Pasche et sancti michaelis per equales porciones Et predicte tres acre tenentur de Johanne de Essex Et fecerunt fidelitatem Et dant de fine ut patet per plegium bedelli Et predicta carta tradita eidem Johanni Northfolk pro sua Warancia». Ibidem. Из того же протокола.

«Ad hanc Curiam venit Ricardus le Wete natiuus et ostendit quandam cartam secundum formam statuti factam per quam adquisiuit de Willelmo de hierde de Alta Estre duas acras terre cum pertinenciis in villa de Rochyng Aytrop' inter terram dicti Willelmi ex parte una et terram Johannis Ailet tenend' de domino in capite etc Et fecit fidelitatem Et dat domino de nouo redditu ob per annum ad festum sancti michaelis Et predicta carta tradita est ad custodiendum pro Warancia sua» (на полях: nouus redditus ob., finis q[a]). Ibid., Bundle 63, № 802. Из протокола 20 Edw. III.

«Ad hanc Curiam venit Johannes le Whyte natiuus domini et ostendit quandam cartam secundam formam statuti factam per quam adquisiuit de Johanne Ham-

stede de Plessetis medietatem cuiusdam pecie terre sicut limitatur per t'as metas jac' in Alta Estre voc' Berywykfeld Tenend' de domino in capite Et fecit fidelitatem Et dat de fine per plegium Johannis Hamsted' Et carta predicta ei traditur ad custodiendum pro Warancia sua» (на полях, finis VII d.). Ibidem. Из того же протокола.

«Ad hanc Curiam venit Willelmus Child natiuus domini et Cristina uxor eius et estend' quandam cartam secundum formam statuti factam per quam adquis' de Johanne Fabro apud Stonhach' libero unam peciam terre arabilis jac' in quadam crofta terre vocat' Palmeresaker Tenend' de domino eisdem Willelmo et Cristine et eorum assignatis fac' seruicia etc Et dat de incremento redditus q^{a} soluend' ad festum Nat' dom' prox. sequ. Et carta predicta tradita est eidem Willelmo ad custodiendum quosque dominus eam habere voluerit Et fec' fidelitatem Et dant de fine per plegium Bedelli» (на полях: finis III d. Increm. redd. q^{a}). Ibid., Bundle 63, № 802. Из протокола 19 Edw. III.

Какую серьезную гарантию представляла для виллана передаваемая ему ad custodiendum грамота, показывает тяжба, занесенная в протокол Уолтэмской курии на 31-м году царствования Эдуарда III. «Robertus Wake natiuus domini», читаем мы в этом протоколе, «venit et ostendit quamdam cartam per quam adquisiuit diuersa tenementa parua Legh's (сверху надписано: VI, I acr' I rod' prati cum q^{a}... venell de vic' per... et I acr' terr' et pastur') Et quia Johannes Lucas et Thomas Lucas q' clamant dictam terram sibi et heredibus suis de feoffamento facto ante tempus predicte adquisitionis dies datus est predicto Roberto ad ostendendum melius de predicta adquisitione ad proximum visum Et premunire fac' predictos Johannem et Thomam quod sint ad eundem diem ostensuri si quid etc Et medio tempore predicta tenementa rem' in manus domini Et super hoc venit predictus Robertus et ostendit cartas et monumenta sua per quas demonstrat quod predicti Johannes et Thomas nullum ius habent in terris et tenementis predictis Ideo predictus Robertus admittitur ad nouum redditum faciend' uidelicet I d. ad festum sancti michaelis annuatim» (на полях: nouus redd' I d.). Ibid., Bundle 64, № 813.

Несколько необычным представляется нам текст следующих записей:

«Ad hanc Curiam venit Ricardus Poleyn natiuus et ostendit quandam cartam per quam adquisiuit unum mesuagium cum gard' adjacent' et unam acram terre cum pertin' in villa de Godyestr' in quodam crofto vocato Doggescroft de Galfr' marhach' de Rochyng Aytrop et Agn' uxore sua Tenend' sibi et suis per seruicia etc Et dat domino de redditu ob. ad festum sancti michaelis archangeli annuatim pro Warancia sua etc Et dat de fine ut patet Et fecit fidelitatem que quidem carta traditur ad custodiendum eidem Ricardo etc» (на полях: finis XII d., nouus redditus ob.). Ibid., Bundle 64, № 807. Из протокола 25 Edw. III.

«Ad istam Curiam venit Johannes le Wete natiuus domini et ostendit quoddam irrotulamentum per quod adquisiuit II acras terre de Willelmo le Kyng de Alta Rothyng jac' in Alta Rothyng inter terram ipsius Johannis ex utraque parte Et dat domino de redditu ob. solu. annuatim ad festim Pasche pro Warantia sua». Ibid. Из протокола того же года.

«Willelmus de Plessetis venit in Curiam et ostendit cartam per quam adquisiuit de Rogero de Ereswelle VII acras et dimidiam de feodo domini ten' de domino pro seruiciis debit' secundum statutum Et fecit fidelitatem etc Et dat pro ingressu etc» (на полях: VI d.).

«Johannes Gofceby venit et ostendit cartam per quam adquisiuit de Willelmo Stobat I cotagium cum curtilagio adiacente sicut includitur ten' de domino secundum formam statuti Et fecit fidelitatem etc Et dat domino pro ingressu per pleg'» (на полях: VI d.). Ibid., Bundle 62, № 786. Из протокола 11 Edw. II.

[119] «Item, si aliquis bundus ab antiquo vendiderit magnam partem terrae suae, ita quod de residuo seruitia debita et consueta sustinere non poterit, inquirendum est diligenter ubi terre illae jacent, et distringentur pro praedictis seruitiis una cum principali, in quacunque manu fuerint inventae; nec permittatur de caetero quod villani ita vendant terras suas etiam aliis villanis, quia plurima destructio est». Gesta Abbatum M. S. A., I, 455. Ср. в той же инструкции: «Item prohibemus ne uno homini tradantur plures terrae ad tenendum; et si modo unus plures teneat, dividantur, si commode et honeste fieri poterit». Ibid.

[120] «Item, diligenter iquirendum est ubi et quando villani nostri emunt terras liberorum de catallis nostris; et statim ingrediendum est in eis». Ibid., p. 454. Ср. приведенную у проф. П. Г. Виноградова запись в Suffolk Court Rolls (Bodleian), 3: Preceptum inquirere nomina eorum qui terram servilem vendiderunt per cartam et quibus, et qui sunt qui terram liberam adquisierunt et ibi resident et prolem suscitant et ob hoc libertatem sibi vindicant». Vinogradoff, Villainage, p. 158, n. 2.

[121] «Ricardus de Swordere et Simon Jacob communiter adquisierunt per cartam de Galfrido Wykyng unum mesuagium et unam acram terre de terra libera habend' et tenend' de domino per seruicia etc Et dant domino de fine pro ingressu habendo Et fec' fidelitatem» (на полях: finis XII d.). Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 62, № 786. Из протокола 11 Edw. II.

«Johannes Balle ostendit cartam per quam adquisiuit unam acram prati de Johanne de Emfend de feodo Johannis de Bibesworthe de terra libera Et dicta carta retradita est ei ad custod' Et dat domino de incremento redditus ad festum sancti michaelis quadrant' ad festum sancti michaelis (sic) et cap' domino seruicia etc Et fecit fidelitatem pl' Joh' Bed'». Ibid., Bundle и номер те же. Из протокола 12 Edw. II.

«Walterus Jacob venit et ostendit unam cartam per quam adquisiuit unam acram terre libere de Galfrido Wykyng in Smedleye et dicta carta redradita est ei ad custodiendum et dat domino de incremento redditus ad festum sancti michaelis unum obolum et fac' capitali domino seruicia etc et fecit fidelitatem Et dat de fine». Из того же протокола.

«Willelmus Pakyn junior natiuus venit et ostendit quandam cartam feoffamenti per quam ipse cum Alicia Sawal II acras terre libere de Willelmo Pyntheware adquisiuit Et fecit fidelitatem Et dat domino de fine ut patet in cap' Et debet domino annuatim ad festum sancti michaelis I d. de nouo redditu» (на полях: finis XII d., Nouus redd' I d.). Ibid., Bundle 64, № 812. Из протокола 31 Edw. III.

«Rogerus Wete natiuus domini venit ad hanc Curiam et ostendit quandam cartam simplicem iuxta statutum factam per quam adquisiuit de domino Nicholao Neweton' XIII acras terre libere que quondam fuerunt Roberti horsendon' Et fecit fidelitatem Et dabit domino annuatim de incremento redditus I d. que quidem carta eidem Rogero redditur pro Warantia pro eande habend' etc» (на полях: increm. redd' I d.). Ibid., Bundle 64, № 813. Из протокола 31 Edw. III.

«Preceptum est seisire corpus et catalla Ricardi Poleyn natiui manent' ad portam ecclesie de Alta Estre — Item preceptum est seisire in manus domini II acras terre libere quas ipse Ricardus adquisiuit de Cristina Pyton — Item preceptum est seisire II acras terre libere quas idem Ricardus adquisiuit de Willelmo Rogg' sine licencia etc pro fidelitate fine et nouo redditu». Ibid., Bundle 64, № 812. Из протокола 31 Edw. III.

[122] «Ad hanc Curiam venit Adam Legenor et petit licenciam morandi extra libertatem domini et impetrare terras et tenementa ubicumque etc ita quod veniet cum cartis adquisitionis sue ad faciendum secundum quod decet custumario Et habet licenciam in forma predicta Et dat domino pro predicta licencia habenda annuatim unum caponem semper ad Pascham dum mora' etc Et sectam faciet ad visum etc» (на полях· cheuag' unus capo). Ibid., Bundle 62, № 786.

[123] Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts. Bundle 507, № 8226 30—31 Edw. III. (County of York). R. 4.

[124] Ibidem.

[125] См. выше, примеч. 121.

[126] Ср. следующий параграф глостерской инструкции: «Item, inhibeatur nativis domini manerii ne aliquid alicui dent per annum in recognitione, ut aliquo gaudeaut patrocinio». Gloucester Cartulary, III. 217.

[127] «Ad hanc Curiam venit Aruisius Gladewyn' de Alta Estre et ostendit quandam cartam secundum formam statuti factam per quam adquisiuit de Waltero Gerrard de Plessetis unum mesuagium cum domibus super edific' jacens in villa de Plessetis inter Gard' domini Comitis voc' Gastelgardyn et regal' Cheminum habend, et tenend' de domino in capite per seruicia sibi et heredibus suis Et fec' fid' Et dat de fine ut patet quesiti ab eodem, an fuit liber vel natiuus dicit quod natiuus Ideo predictum mes' simul cum carta seisit' in manus domini Super hoc venit idem

Aruisius et petit predictum ten' tenend' sibi et suis Et dat de incremento redditus ob. solu. ad festum Pasche ut illud tenere possit in forma predicta Et predicta carta eidem lib' custod' ut Warantiam suam habere possit si necesse hab' per plegium Johannis hamst'» (на полях: increm. red: ob., finis II s.). Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 63, № 801.

[128] Gesta Abbatum, I, 454.

[129] «Ad ultimam Curiam ven' Edmundus de la Grene Capellanus et Allex' Billyn clericus et optul' se domino ad fidel' eorum faciend' pro ten' adquis' de Salkino man' in villa de Plessetis et magna Waltham et Chikenhale Trencheford prout carta eorum testatur Et quia constat seneschall' quod idem Salkinus est natiuus domini predictos Edmundum et Alex' ad fidelitatem domino faciend' omnino recusauit pro ten' predictis...» Record office. Duchy of Lancaster Court Rolls, Bundle 63, № 803.

Не может быть, однако, никакого сомнения, что подобные случаи едва ли были часты уже и в первой половине XIV столетия. Для этой поры более типичными были такого рода случаи: «Villata presentat quod Radulfus Swan liber diem clausit extremum qui tenuit duo mesuagia I acram et I Rodam terre libere et per cartam domini Reddendo per annum III s. Item tenuit VI acras terre de Bundagio d'm Reddendo per annum pro acra III s. et tallagium Item tenuit III acr' terre ad voluntatem del Champaynelond reddendo pro acra VIII d. Item tenuit II acras terre de dominicis reddendo pro acra per annum VIII d. Item tenuit dimidiam acram prati ad volutatem reddendo per annum XII d. unde dominus calumpniat unum iumentum precii VI s...» Ibid., Bundle 32, № 287 (4—5 Edw. II).

К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

[1] The Annals of Ireland, By Friar John Clyn, of the Convent of Friars Minor. Kilkenny, and Thady Dowling, Chancellor of Leighlin. Edited by R. Butler, Dean of Clonmacnois. Dublin, 1849. (См. A. History of Epidemics in Britain by Charles Creighton. Cambridge, 1891, p. 115).

[2] «Aestimabatur autem a pluribus, quod vix decima pars hominum fuisset relicta ad vitam». Thomas Walsingham, Historia Anglicana (Rolls' Series) I, p. 273. Ср. Capgrave, Chronicle of England (Rolls' Series), p. 213; Polychhronicon Ranulphi Higden (Rolls' Series), VIII. Appendix; Annales Monastici (Rolls' Series) (Annales de Bermundeseia), p. 475: «Ista pestilentia vix reliquit decimum hominem in Anglia»; Chronicon Galfridi le Baker de de Swynebroke. Edited with notes by Edward Maunde Thompson. Oxford. At the Clarendon Press. 1879, p. 99: «Set tandem Gloverniam, immo Oxoniam atque Londonias, et finaliter totam Angliam tam violenter invasit, quod vix decimus utriusque sexus superfuerat».

[3] Tantaque miseria ex hiis malis est secuta, quod mundus ad pristinum statum redeundi nunquam postea habuit facultatem». Walsingham. H. A., I, p. 273.

[4] Polychronicon R. Higden, VIII, p. 345 и Appendix; Chronicon Henrici Knighton (Rolls' Series), II, p. 61, 59; Chronica Monasterii de Melsa (Rolls' Series), III, p. 68; Eulogium (Rolls' Series), III, p. 213: Adae Murimuth Continuatio Chronicarum. Robertus de Avesbury, De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii (Rolls' Series), p. 406—7; Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke, p. 99—100.

[5] К этому выводу склоняются все исследователи, изучавшие Черную смерть 1348—9 года, и он теперь может считаться общепринятым в исторической литературе. См.: Rogers, History of Agriculture and Prices in England, I, 1886, Rogers, Six Centuries of Work and Wages, I, 1884; Rogers, The Economic Interpretation of History, 1891; Rogers, England before and after the Black Death (напечатано в Fortnightly Review II. pp. 191—196); Seebohm, The Black Death and his place in English History (в Fortnightly Review, II., pp. 149—160,

268—279); Seebohm, The population of England before the Black Death (в Fornightly Review. IV, 87—9); Seebohm The English Village Community, 1896; Creighton, A History of Epidemics in Britain, 1891; Gasquet, The Great Pestilence, London, 1893; A. Jessopp, The Coming of the Friars (именно статью The Black Death in East Anglia) Eighth edition; Little, The Black Death in Lancashire (в English Historical Review, July 1890, pp. 524—530). См. также: Cunningham, The Growth of English Industry and Commerce, 1890; Edgar Powell, The Rising in East Anglia in 1381. Cambridge, 1896; G. M. Trevelyan, England in the Age of Wycliffe 1899; T. W. Page, Die Umwandlung der Frohndienste in Geldrenten in der oestlichen, mittleren und südlichen Grafschaften Englands (год не обозначен; вышла в 1899 году); его же The End of Villainage in England. 1900; André Réville (и Petit-Dutaillis), Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381, Paris, 1898. A. E. Levett. The Black Death on the Estates of the See of Winchester (Oxford Studies in Social and Legal History. Vol. V. 1916). Maitland. History of a Cambridgeshire Manor (Collected Papers. Vol. II). Petit-Dutaillis. Causes et caractères généraux du soulèvement de 1381 (напечатано в виде приложения ко II тому французского перевода Конституционной истории Англии Stubbs'a 1913 г.). См. также статью miss E. E. Power The Effects of the Black Death on Rural Organisation in England (в журнале History, июль 1918 г.).

[6] «Pauci proceres moriebantur... Vulgus innumerum, et religiosorum atque aliorum multitudo soli Deo nota, migravere. Juvenes et fortes potissime illa clades involvit; vetulis et languidis communiter pepercit». Chronicon G. le Baker de Swynebroke, p. 9.

[7] «Tanta pestilentia, quae in festo Assumptionis Virginis gloriose Bristollie, et circa festum sancti Michaelis apud Londonias incoavit, per annum integrum et amplius in Anglia desevit, ita ut multas villas rurales penitus ab omni individuo humane speciei evacuaret». Ibid., p. 100. «Tantum autem invalescebat ipsa pestilentia ut homines utriusque sexus per plateas incedentes, et ad ecclesias euntes seu redeuntes, subito ceciderunt, ut innumerabilibus mansiunculis et villis plerisque unus superstes non dimitteretur». Chronica Monasterii de Melsa (Rolls' Series), III, p. 69. «Post praedictam pestilentiam multa aedificia tam majora quam minora in omnibus civitatibus, burgis et villis collapsa sunt et ad terram penitus diruta prae defectu habitatoris; similiter multae villulae et hamilletae desolatae sunt nulla in eis relicta domo, sed mortuis omnibus qui in eis habitarent, et verisimile erat quod multae tales villulae non essent habitandae pro perpetuo». Chronicon Henrici Knighton (Rolls' Series), II, p. 64. «Et coment puis par celle Pestilence sa Commune est grantement anentiz et destruitz, dount Citees, Burghs, et autres Villes et Hamellets parmi la terre sont descheies, et de jour an autre descheont, et plusours nettement deshabitez...» Rotuli Parliamentorum, II, p. 227 (25 Edw. III).

[8] «Et oves et boves per campos et inter segetes vagabantur errantes, et non erat qui eas agendo fugaret aut colligeret, sed in sulcis deviis et sepibus morte perierunt numero incomputabili per universas regiones prae defectu custodis». Chronicon H. Knighton, II, p. 62.

[9] «Eodem anno fuit magna lues ovium ubique in regno, adeo quod in uno loco moriebantur in pastura una plusquam V mille ovium». Ibidem, p. 61.

[10] «... tunc redditus perierunt, tunc terra ob defectu colonum, qui nusquam erant, remansit inculta». Th. Walsingham, Historia Anglicana. I, p. 283. «... tunc redditus perierunt, terra in sterilitatem redacta ob defectum tenentium qui colere ipsam solebant». Polychronicon R. Higden, VIII, Appendix.

[11] Gasquet, The Great Pestilence, p. 164.

[12] Ibid., p. 164.

[13] Ibid., p. 176—7.

[14] Ibid., p. 177—8.
[15] Ibid., p. 174.
[16] Ibid., p. 188.
[17] Ibid., p. 188.
[18] Это слова некоего Уилльяма Dene из Рочестера; приведены у Gasquet., p. 199.
[19] «In hieme sequenti tanta erat penuria servorum in omnibus agendis, quod vix, ut homo credebat, retroactis temporibus tanta carentia fuerat». Knighton, II, p. 64.
[20] «... tantus defectus extitit servorum et famulorum, quod non erat quis qui sciret quid facere deberet». Ibid., p. 62.
[21] «Cessante pestilentia nutu Divino tanta facta est paucitas servientium quod non sunt inventi ad agriculturam faciendam, pro quorum defectu mulieres et parvuli invise missi sunt ad carucas et ad plaustra fuganda». Eulogium, III, p. 214.
[22] «In autumno sequenti non potuit quis habere unum messorem minori pretio quam VIII denariis cum cibo, unum falcatorem quam XII denariis cum cibo. Quam ob causam multae segetes perierunt in campis prae defectu collectoris». Knighton, II, p. 62.
[23] «Operarii autem et artifices ac servientes, proinde callidiores et fraudulentiores solito sunt effecti». Walsingham, H. A., I, 276.
[24] «Insuper et magnates regni, et alii minores domini, qui tenentes habebant, perdonarunt redditum de redditu, ne tenentes abirent prae defectu servorum et caristia rerum. Quidam medietatem redditus, quidam magis et quidam minus, quidam per II annos, quidam per tres et quidam per unum, prout poterant cum eis convenire. Similiter qui habebant de tenentibus per diaetas totius anni, ut assolet de nativis, oportebat eos relaxare et remittere talia opera, et aut penitus perdonare aut sub laxiori modo in parvo redditu ponere, ne nimia et irrecuperabilis ruina fieret domorum, et terra ubique totaliter remaneret inculta». Knighton, II, p. 65.
[25] Gasquet, p. 174.
[26] Ibid., p. 199.
[27] «Tempore mortalitatis hominum sive pestilencie que fuit anno Domini milesimo CCC°XLIX° vix remanserunt duo tenentes in dicto manerio, qui recedere volluisent nisi frater Nicholas de Upton tunc abbas dicti manerii cum iesdem et aliis supervenientibus tenentibus de novo composuisset, qui convenit cum eisdem forma qua sequitur». Saturday Review, Jan. 16, 1886 (статья «The Manor»), p. 82.
[28] См., напр., Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, B. 4, № 24. В этой связке мы находим вшитый лист со списком держателей, которым уменьшены по случаю чумы их платежи. Список озаглавлен так: Rotulus de decasu et diminucione reddit' in dmo de Halton et Denham de term. Nat. J. Bapt. anno r. R. Edw. tercii port conqu. vicesimo sexto et term. martini prox. anno sequent'.
[29] Эта латинская мотивировка приведена из одного приказчичьего отчета у Page'a, стр. 33, прим. 16 (его нем. раб.).
[30] «... in anno pestilentiae, ut supra dictum est, de aliis rebus tanta abundantia erat omnis generis bladorum quud nullus de eis quasi curavit». Knighton, II, p. 62. «Illo enim in tempore vendebatur quarterium frumenti pro XII denariis, quarterium ordei pro IX denariis, quarterium fabarum pro VII denariis, quarterium avenarum pro VI denaris». Eulogium III, 214. Чтобы понять эти цифры, следует знать, что за период времени от 1261 г. по 1400 год средние цены на все это были такие: квортер пшеницы стоил 5 шил. $10^3/_4$ пенс., квортер ячменя—4 шил. $3^3/_4$ пенс., квортер овса—2 шил. $5^3/_4$ пенс., квортер бобов—3 шил. 9 пенс. Rogers, History of Agriculture and Prices, I, pp. 218—220.
[31] «Et erat leve pretium de cunctis rebus prae mortis timore. Nam valde pauci erant qui de divitiis vel quibuslibet rebus curam agerent. Nam homo posset habere unum equum qui ante valuerat XL solidos pro dimidia marca, I boven crassum et pinguem pro IV solidis I vaccam pro XII denariis, I juvencam pro VI denariis, I multonem pinguem pro IV dinariis, I ovem pro III denariis, I agnum pro II denariis, magnum porcum pro V denariis, I petram. lanae pro IX denariis».

Knighton, II, 61—62. «...unus magnus bos pro XL denariis, bonus equus pro VI solidis, qui quandoque valuit XL solidos, bona vacca pro II solidis, et pro XVIII denariis et toto isto pretio non sunt emptores nisi raro inventi». Eulogium, III, p. 240.

Приводим средние цены названных предметов за время от 1260 года по 1400 год: 7 фун. шерсти, так называемой clove, составляющий приблизительно половину так называемого stone (по-латыни petra), стоили 2 шил. 1¾ пенс., вол—13 шил. 1¼ пенс., корова—9 шил. 5 пенс.; бык—10 шил. 4¾ п., лошадь для полевой и др. работы—13 шил. 5¼ пенс., лошадь для езды—19 шил. 3¾ пенс., баран—1 шил. 5 пенс., овца—1 шил. 2 пенс., ягненок—8 пенс., свинья—2 шил. 11¾ пенс. и 3 шил. 4½ пенс., боров—4 шил. 7½ пенсов. Rogers, H. of Agr. and Prices, I, pp. 366, 395, 361, 362.

[32] «Also that yere bygan grete derthe of thinges that schulde be soolde, so that the sale of thinges was of double price to that it was i—wont». Higden. Polychronicon. VIII. Translation of Trevisa, p. 347. «Et sic cuncta necessaria adeo cara devenerunt, quod id, quod retroactis temporibus valuerat unum denarium, jam isto tempore valuit IV denarios aut V denarios». Knighton, P. II, p. 65. В парламенте 25 года царствования Эдуарда III общины жалуются на дороговизну хлеба: «Et outre ce, si lui pleise, qu'il eit regard a la grande defaute et chierte de Blee qu'ore esi en sa terre». Rot. Parl., II, p. 227.

[33] «Eodem tempore tanta penuria erat sacerdotum ubique, quod multae ecclesiae viduatae erant carentes divinis officiis, missis, matutinis, vesperis, sacramentis et sacramentalibus, Vix posset homo habere unum capellanum infra X libras vel X marcas ministrare alicui ecclesiae, et ubi homo posset habere unum capellanum pro V aut IV marcis, vel pro II marcis cum mensa, quando copia extitit sacerdotum ante pestilentiam, vix erat in isto tempore qui acceptare vellet unam vicariam ad XX libras aut XX marcas; sed infra breve confluebant ad ordines maxima multitudo quorum uxores obierant in pestilentia, de quibus multi illiterati et quasi meri laici nisi quatenus aliqualiter legere sciebant licet non intelligere». Knighton, II, p. 63.

[34] The Statutes of de the Realm, v. I, p. 307—308.

[35] «Interim rex misit in singulos comitatus quod messores et alii operarii non plus caperent quam capere solebant sub poena in statuto limitata et ex hoc innovavit statutum. Operarii tamen adeo elati et contrariosi non advertebant regis mandatum, sed si quis eos habere vellet oportuit eum eis dare secundum suum velle, et aut fructus suos et segetes perdere, aut operariorum elatam et cupidam voluntatem ad vota implere. Quod cum notum regi fuisset, eo quod mandatum ejus non observassent, et majora stipendia operariis dedissent, levavit gravia amerciamenta de abbatibus, prioribus, et de magnis militibus, et minoribus, et aliis tam majoribus quam minoribus de patria; de quibusdam C solidos de quibusdam XL solidos et de quibusdam XX solidos de quibuslibet secundum quod possent dare. Et cepit de qualibet carucata par totum regnum XX solidos et nec eo minus unam quintamdecimam. Deinde rex fecit attachiare laborarios quamplures, et misit eos in carcerem, et multi tales retraxerunt se, et abierunt ad silvas et boscos pro tempori, et qui capti erant graviter sunt amerciati. Et majores (messores?) sunt jurati, quod ultra antiquam consuetudinem stipendia diurna non caperent et sic sunt liberati de carcere. Simili modo fiebat de aliis artificiariis in burgis et villis». Knighton, II, p. 63—4.

[36] Rymer, Foedera, vol. III, P. I (1826), p. 210—211.

[37] «Mes ja, par cause q'il enforme de la Pees de la terre n'est pas bien gardee, et qe tout plein de autres Mesprisions et Defautes y sont, qe busoignent d'estre redrescez et amendez; come par maintenance des Parties et Quereles en pais, et aussint par cause des Servantz et Laborers, qe ne voillent travailler et laborer sicome ils soleint»... Rot. Parl., II, p. 225.

«Item prie sa Commune, pur ceo qe les Laborers puis la Pestilence ne voleient overer, a grande meschief du people, pernaunt pur lour travaille come acorde estoit par nostre Seignour le Roi et son Conseil, ne ils ne ount regard a Fynes ne a Redemptions, mes fount de jour en autre de pire ou pis. Qe pleise a nostre Seignour le Roi qe corporel Penaunce ovesqes Redemptions soit fait sur eux come ils serront atteintz en du manere par l'avise de nostre Seignur le Roi et son Conseil, et par l'assent

des Piers du Roialme, si bien a suyte de partie come a suyte nostre Seignur le Roi». Ibid., p. 227.

[38] Statutes of the Realm, I, pp. 311—313: 25° Edwardi III, Stat. 2.

[39] «Item prie la Commune, qe come pur grant marchee et plenertee de Blee q'il ad en le Roialme les Laborers et Artificers ne volent servir tut demy an et quarter, ne prendre liveresons de Blee come ils soleient einz ces heures, mes volent soulement servir par journees, pernant tut louer en argent; et aussint pernent bovees de terre, ou demy bovee, des Seignours, quele n'est pas sufficiancie pur eux dount vivre, ou estre occupez, qe lour excuser de servir par termes; et le remenant servent par journees, pernant lour louer en argent. Q'il plese a nostre Seignour le Roi et son Conseil, qe l'Estatut des Laborers soit expressement desclare en cel point, et contre les Meschiefs autrement ordiner covenable remedie». Rot. Parl., II, p. 261.

[40] «Quant a cest Article, l'Estatut sur ce point est assez s'il usec et bien execut», Ibid., p. 261.

[41] Судебная практика, как видно из процессов, возникавших на почве рабочего законодательства, вполне усвоила эту расширительную точку зрения. В протоколах коронных судов, разбиравших дела о рабочих, мы находим такой, например, случай. Человек привлекается к суду за то, что не согласился итти в рабочие к лицу, обратившемуся к нему с этим предложением. В оправдание свое ответчик заявляет, что он держит землю от епископа лондонского в мэноре W. («nous diomus qe nous avomus XV acres de terre, pur quel nous devomus faire XX overaignes, et aulters besoignes chescun an, al Evesque de Londre a son manor de W.»). Судья Belknap возражает ему на это, что ведь он держит только шесть акров, что это не есть достаточное занятие («Sir, il ad dit que il n'ad que VI (sic) acres terre, quel n'est pas sufficient occupation»), и на возражение со стороны истца, что за эту землю он должен сделать двадцать работ и, следовательно, это достаточное занятие («il ad dit qe il doit faire pur mesme la terre XX overaignes, et cel est sufficient occupation»), повторяет, что у ответчика только шесть акров земли и он должен работать за них только шесть «работ», что он может сделать в одну неделю, и потому не может быть изъят из-под действия рабочих законов («nous diomus que il n'ad que VI acres de terre, et il ne doit faire que VI overes, qe poient este fait en un semaigne, issint n'ad il pas sufficient cause d'estre excuse, per que nous demaundomus judgement»). На это со стороны ответчика один из судей приводит то соображение, что следуемые с него работы ответчик должен исполнять не в какой-либо определенный срок, а тогда, когда угодно будет сеньеру их потребовать (очевидно, он держит tenementum vilenagium), вследствие чего он никоим образом не может поступить к истцу в рабочие и в то же время исполнять свои повинности своему сеньеру («et del heur' que vous aves con' que nous avomus terres, pur queux nous devomus tants des overes per quel heure qe ce pleist al seignior, issint ne poiomus vous server, et auxy faire les services dues al Evesque»). Белкнэп упорно стоит на своем и заявляет, что ответчик должен исполнять епископу только шесть «работ», что может сделать в короткое время: ведь после этого всякому человеку с таким малым цензом позволено будет вовсе не итти в рабочие («nous avomus dit, que vous ne deves faire que VI overes, queux poient aste fait en poy de temps, et autrement chescun home per un tiel petit vague serra excuse de chescun service»). Тогда один из судей попробовал стать на чисто феодальную, сеньеральную точку зрения и указал на то, что ведь рабочий статут издан для пользы сеньеров, чтобы они не чувствовали недостатка в слугах; зачем же итти против сеньеров? Чтобы иметь людей, которые бы исполняли необходимые в мэноре службы, каждый сеньер по необходимости сдает часть своей земли, и раз человек исполняет эти службы, он вполне занят, чтобы его еще заставлять итти к кому бы то ни было в рабочие («Sir, le statute fuit fait en advantage des Seingniors, qe ils n'avoient pas default de servants, et il est neccessary a chescum seignior de lesser parcel de sa terre pur faire les services dues a son manor, ei par tant est il occupie en son service pur le temps, per que vo(us) pl(eintif) ne preignes riens per votre breve»). Аргумент, повидимому, подействовал («Quel person serra dit sufficient de terre qe il ne servir». Nota bene.).

Year Books (изд. Brook, Fitzherbert et Statham. London. MDCLXXIX) P-ts 4, 5, 6, p. 39. Mich. 40 Edw. III.

[42] Statutes of the Realm, I, p. 366—367.

[43] «Et nientmeins pur sa fauxine soit ars en le frount dune fer fait et fourme au manere de la letre F, en signe de Fauxine si la partie greve le vodra suyer; mes soit celle penance de larson mis en respit tanqe al Seint Michel proschein avenir, et adonques ne soit mie execute sil ne soit par avis de Justices, et demoerge le fer en la garde du viscont». Ibid., p. 367.

[44] «Issint qe chescun Maceon et Carpenter de quel condicion qil soit, soit arte, par son Mestre a qi il sert, de faire chescun overaigne qe a lui appent affaire, ou de fraunche pere ou de grosse pere, et aussint chescun Carpenter en son degre». Ibid., p. 367.

[45] «Item pres' quod Elias Wryth et Johannes Hole de parua Beruyngham falcatores bladorum invicem confederati non voluerunt seruire per diem pro congruo sallario set pro acra... de diuersis hominibus dicte ville pro qualibet acra ordei VIII d. et pro acra auen' VII d. per II autumpnos ultimo preteritos unde excessus eorum dimidia marca». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[46] «Item pres' quod Rogerus le Sawyere de Fflandria cepit similiter et eodem modo de predictis Thoma atte Walle et Johanne de Hopeton et de pluribus alliis unde cepit per dictum tempus XL s. excessive. Et dict' Henricus et Rogerus a d invicem sunt jurati quod non volunt justiciari per statutum nec per aliquem et si debeant deservire cum aliquo homine de lege quod non capient minus quam quilibet eorum XX d. per diem et prandium suum in contemptum domini Regis». Record Office. Ancient Indictments, № 92 (Indictments temp. Edw. III).

Нам кажутся интересными в этой связи и следующие представления присяжных:

«Item pres' quod Johannes atre hoo de ffarnham Willelmus Stonard Stephanus Shawe Johannes pretit Johannes Cole de Bierdon Johannes Tornour Johannes atte lee Johannes Bacheler senior Johannes filius Rogeri Taillour de maunden' Johannes Stonord Robertus — that was — Jonesservant Walden' Willelmus Burre Johannes Rog Johannes Trewman Ricardus Sofham Willelmus Norman de longeley Johannes Chapman de longeley Johannes lone de uggele Johannes Bodell' et Johannes Tailour junior de maunden sunt communes laborarii et nolunt servire alicui per annum per dimidium annum nec per quarterium anni set tantum per diem vel per septimanam percipiendo per diem duos denarios cum cibo et potu et sic ceperunt de Thoma Valans Johanne ake et aliis hominibus in Claueryng predict' in annis undecimo duodecimo et terciodecimo Regis nunc usque ad summam II marc».

«Item pres' quod Johannes Bakere that was Jonesseruant hampton' de claueryng Robertus Webbe matheus Serle Johannes Gandre Edmundus filius Willelmi Edmund Willelmus filius Johannis Rook Johannes Dere de Claueryng Johannes Archer Thomas atte Wode Johannes filius Edmundi Rook Johannes lambard de maunden Ricardus Ingram et Johannes Ilger sunt communes laborarii in autumpno ad blada messend' et colligend' et percipiunt per diem IIII d. cum cibo et potu et sic ceperunt de Ricardo hatton Johanne Sarich' Willelmo Rotour Johanne Borle et aliis infra hundredum predictum in annis XII et terciodecimo excessiue ad summam X s.

Et pres' quod ubi per diuersa statuta ordinat' sit quod omnes illi potentes in corpore non habentes unde uiuere et nullum excercentes artificium et infra etatem sexaginta annorum seruire teneantur capiendo per annum ut in vicesimo anno domini E. nuper Regis Angl' aui domini Regis nunc percipere consueuerunt quidem Johannes that was the vikerseruant of Claueryng Dauid that is — uneys seruant of algyr Johannes Jue de maunden' et Willelmus Cokyn sunt communes seruintes et laboratores capiendo quilibet per annum XX s. contra statutum et sic perceperunt et ad hoc percipiunt in hundredo predicto de Ricardo hatton de Claueryng et Johanne Borle et aliis in annis XII et terciodecimo Regis nunc ad summam XX s.

«Item pres' quod Johannes Gobbe de hatfeld hethe Johannes Yonge webbe senior Johannes Trot de eadem Johannes ffleg' et Thomas Gibbi de Rothyng' alba sunt communes laboratores et nollunt laborari per terminos usuales nisi solummodo per diem capiendo per diem quatuor denar' et cibum tempore autumpnali et in yeme et estate tres denarios et cibum vel aliter laborari nolunt». Record Office. Ancient Indictments. 19 (Indictments temp. Ric. II).

[47] «Item pres' quod Walterus Hakteby annis r. r. Anglie nunc tricesimo septimo et tricesimo octauo cepit de diuersis hominibus tempore falcacionis quolibet die sex denarios vel octo per diem pro labore suo faciendo. Et quod idem Walterus sepius per tempus predictum fecit diversas congregaciones diuersorum laborariorum in diuersis locis Comitatus predicti et eos procurauit et consiluit quod non caperent per diem pro labore suo nisi sex uel octo denarios et tabulam uel aliter duplum salarium et quod ipse aliter facere noluit». Record Office. Ancient Indictments, № 92 (temp. Edw. III).

[48] Statutes of the Realm, I, p. 373. Rot. Parl., II, 271.

[49] Statutes of the Realm, I, p. 373—374.

[50] Закон ничего не говорил о тех случаях, когда капеллан оставлял своего нанимателя раньше условленного между ними срока. А между тем в жизни таких случаев наверное было очень не мало. Как поступали при этом наниматели, показывает судебное дело между некиим Генри Б., приходским священником (Parson de B.) и некиим Томасом Ф., капелланом, имевшее место на 50-м году царствования Эдуарда III. Генри предъявил Томасу иск после того, как тот, заключив с ним договор, в силу которого обязывался известное время служить у него в качестве сенешала и приходского капеллана («fist covenant ove luy a servir en le Office de sen', et d'estre son chaplein parochial a certeins temps»), ушел от него без серьезного основания («depart sans cause reasonable»). Ответчик заявил, что он вовсе не заключал с ним договора служить у него в качестве сенешала. Что же касается того, что он заключил с ним договор быть у него приходским капелланом и затем ушел от него, то он в праве был это сделать, так как он—не рабочий и не ремесленник, которых одних имеет в виду рабочий статут, а слуга божий, стоящий на совсем иной ступени, чем эти последние: они могут, раз они здоровы и сильны, работать ежедневно; он же, по причинам, лежащим на его совести, не может петь службы каждый день, если не желает и может вовсе не делать этого неделю и две («nous entendomus que le statute n'est a auter entent, mes a ceux que sont labourers artificers, et ceo n'est l'un, ne l'auter, mes le servant de Dieu, issint ne fuit il pas lie par le statute, issint n'entendomus my que devers nous cest arc' gist, car chescun auter servant s'il soit en sanite et power de corps, il est tenus de fair son service, et son labour de jour en jour, mes le Chaplein n'est tenus de chaunter chascun jour, s'il ne voill', pur divers causes que gist en son conscience, et issint poet cesser de chaunter par un semaine, ou deux, issint que il est tout en auter degree que labourer ou artificer»). На это со стороны истца было заявлено, что приходский капеллан может быть признан рабочим скорее, чем другой капеллан, обязанный служить один, или настоятель прихода. Настоятель прихода имеет другие обязанности, кроме пения служб: он должен служить мессу и другие службы. Со всем этим настоятели приходов одни справиться не могут. Они должны нанимать себе в помощь приходских капелланов, которых рабочий статут, несомненно, имеет в виду, как и всяких других рабочих «Clopton, Cestuy que est son chaplein parochial, poet estre plus tost ajudgez labourer, que auter Chaplein que doit servir solement ou Parson singuler: car Parson parochial ad plusors choses a faire que de chaunter s(cilicet) messe, et autres divine services; car il covient que le Parsons de saint Esglise eiount lour service necessaries: car ils ne poient my faire ils mesmes: per que il semble a divers regards que il est auxint avant en case de statute come auter person de people»). Дело, однако, было решено в пользу ответчика: суд признал, что рабочий статут не имеет в виду капелланов («il nous est avis et a nous compaign de bank le Roy auxy», постановил Belknap, «que n'est lie per statute, come auter person est»). Year Books. P-ts 4, 5, 6, p. 13 (Trinity 50 Edw. III). Ср. ibid., p. 14, Easter 46 Edw. III.

[51] Statutes of the Realm, I, p. 357.
[52] Rot. Parl., II, p. 257—8.
[53] Ibid., p. 270—271.
[54] Ibid., p. 286.
[55] Statutes of the Realm, I, p. 388. Специально трактуется вопрос о рабочих судьях в книге Miss B. H. Putnam The Enforcement of the Statutes of Labourers. New York. 1908.
[56] Rot. Parl., II, p. 296.
[57] Rot. Parl., II, p. 296.
[58] Ibid., p. 296.
[59] «Item, Purce qe Laborers et Servantz soy fuent d'un Countee en autre' dount les uns vont as grantz Villes et devignent Artificers, les uns en estrange Pays pur laborer, par cause des excessives lowers, nient demurantz en certein en nul, par qi execution de l'Estatut ne puist estre fait vers eux; et les uns devignent Larons: Et purce qe punissement suffisaunt n'est ordeyne sur tiels qi les pregnent et recettent; Daunt soit ordeine remedie». Rot. Parl., II, p. 312.
[60] Ibid , p. 312.
[61] «Et omnes illos Artifices, Operarios et Laboratores qui pro sallariis et Stipendiis in dicta Ordinatione contentis laborare et servire recusant et illos qui plus capiunt Et eciam omnes illos qui eis plus solvunt quam per Ordinacionem illam statutum et ordinatum est debite juxta formam Ordinacionis antedicte puniri et castigari». Patent Roll. 44 Edw. III. P. III. m. 15. d. (Mus. Brit. Mss. Bibl. Lansdown. № 293. f. 114).
[62] «Item pros', quod Edmundus Tillote de Walham est communis procurator diuersorum seruientium ad fugiendum extra seruicium dominorum suorum offerendo eis salarium excessiuum uidelicet uno bercario per annum XX s. et tabulam et unam robam et sic procurauit isto eodem anno quemdam Rogerum bercarium Celerarii de Sancto Edmundo a seruicio eiusdem Celerarii apud Risby». Record Office. Ancient Indictments, № 92. Повидимому, на подобное сманивание рабочих и слуг намекает, между прочим, уже рабочий статут 25 года царствования Эдуарда III, когда говорит о «ceux qi parlent en presence des dites Justices, ou autres choses facent en lour absence ou presence, en abaudissement ou meintenance des ditz servantz et laborers, au contraire de ceste ordinance». Statutes of the Realm, I, p. 313.
[63] «...Ac jam quamplures Carpentarii, Latomi et alii Artifices, Operarii et Laboratores qui in operacionibus nostris in diversis locis conducti, percipientes vadia et salaria sua per Ordinaciones predictas diminuta esse, et ipsos in serviciis Religiosorum et aliorum Dominorum plus quam in servicio nostro pro Stipendiis et Salariis suis capere posse, se ab operacionibus nostris elongarunt, et ad diversas partes trahunt, in obsequiis aliorum moraturi, in nostri contemptum et grave dampnum, ac operacionum nostrarum adnullacionem et destructionem manifestam, unde intimitus conturbamur...». Rot. Claus. 35 Edw. III, m. 30. dorso [напечатан в Rot. Parl., II, p. 458. (Appendix)].
[64] См., напр., Rot. Claus. 36 Edw. III, m. 36, напечатанный М. М. Ковалевским в его Приложениях к истории полицейской администрации в Англии, стр. 149.
[65] Year Books (изд. Brook, Fitzherbert et Statham. London. MDCLXXIX P-ts 4, 5, 6, p. 21: Mich. 50 Edw. III. John Brid' port briefe de Trespas vers John Dobeine, et counta que il aver' ove force et arm' prise et amesne Thomas Sole et W. Sole son villeins en son service esteant a H. en le count' de Som. Persay, Nous diomus que mesme ceux T. et W. viendr' a Herflet en le county de Devon', et fuer' vograunts hors de chescun service: et nous a eux proferrom, service, et ils fieront covenant ove nous, de nous servir de la feast de S. Michael tanques al feast de Saint Michael prochein ensuant, deins quel temps vous suppose per vostre count, q'ils fuer' prises, et amesnes, deins quel temps vous venustis a Herdllete en le county de Devon' et pristes nostre sarvants hors de nostre service et les amenastes en le county de S m' a Hewiche, a q' vous estes, et nous illonques pristomus, come bien a nous list, et demaundomus judg' si de tiel prise tort en nre person poies assigne» и т. д. См. еще ibid., p. 37 (Mich. 39 Edw. III)

[66] «Item pres' quod Johannes Bronewyne est capitalis constabularius hundredi de Wayneford coram quo omnes artifices laboratores justiciari debent secundum stat' et' a die lune prox. post festum sancti michaelis anno r.r. nunc XXXVI-to usque diem istius sessionis cepit de artificibus et laboratoribus de Balliua sua fines permittendo eos capere salarium excessuum ad voluntatem eorum uidelicet de Johanne Jeckes Thacstere XVIII d. de Ricardo Reymund XVIII d. de Willelmo Wrighte carpentario XVIII d. et sic de omnibus aliis de Balliua sua uidelicet de aliquibus II s. de aliquibus XX d. et de aliquibus plus de aliquibus minus usque ad summam X lib. in oppressionem populi». Record Office. Ancient Indictments, № 92.

[67] «Idem Johannes Bronewyne colore officii sui die lune prox' post festum sancte margarete virginis anno r. r. nunc XXXVII dimisit VI falcatores Thome leuerbetere per II dies capiendo de eodem Thoma II s. de fine preter stipend' eorum et sic cepit de diuersis hominibus laboratoribus et artific' ad firmam per eum dimissis in Balliua sua de aliquibus II s. de aliquibus plus de aliquibus minus ad summam C s' in oppressionem populi». Ibid.

[68] «Item pres' quod idem Johannes Shepherde subconstabularius hundredi de Blakeburn' annis r. r. nunc Anglie XXXVII, XXXVIII assumpsit sibi diuersos seruientes et laborarios infra hundredum predictum colore officii sui et postea cuilibet homini... de servicio servientium et laborariorum predictorum seruientes et laborarios predictos pro suo dando dimisit et tamen a... et laborariis predictis cepit certam summam pecuniarum de permittendo ipsos ad seruicium predictorum hominum pro... cepit de diuersis hominibus tam laborariis quam magistris suis ad summam dimidiam marcam». Ibid.

[69] «Item pres' quod Johannes Keep de Ingworth appropriauit sibi laboratores... qui debuerunt seruire uicinis pro congruo sallario et illos locauit allis... prandio ad dampnum et preiudicium uicinorum ad falcand' et metend' tempore autumpni». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[70] Rot. Parl., II, p.p. 340—341.

[71] ....si tots come lours Mestres les chalengent de mal service ou les voillent paier pur lour dite service solome la forme des ditz Estatutz, ils fuont et descurront sodeynement hors de lours services, et hors de lours pays propre, de Countee en Countee, de Hundred en Hundred, de Ville en Ville, en estranges lieux desconuz a lours dites Mestres. Par qoi lour dites Mestres ne savont ou les trover pur avoir remedie ne sute devers eux par vertue de les avaunt ditz Estatutz». Ibid., p. 340.

[72] «Et si les ditz Servantz corores soient utlagez a la sute de partie, il n'est profit al sutour, ne damage ne chastiement al servant futyf, par cause q'ils ne poont estre trovez, ne ja ne pensent repeirir en pays la ou ils ont ensi servi». Ibid., p. 340.

[73] «Et qe greyndre meschief est de tre-tout la receptement de ditz Laborers et Servantz corores quant ils sont ensyn fuys lours Mestres services, ils sont si cherement receues en estranges lieux en service sodeynement, qe celle receptement donne essample et confort as touz Servantz, si tost come ils sont de riens desplu, de coure en estranges lieux, de Mestre en Mestre, come dit est devant. Et pur doute de tiel fute et descurrer la Commune n'osent lours Servantz chalanger ne desplere en present, eyans lours doner ce q'ils voillent demander, niencontresteantz les Estatutz et Ordinance faites en contrarie; et ce principalment pur doute de lour recettement, come avant est dit». Ibid., p. 340.

[74] «Et fait assaver a nostre dit Seignur le Roi et son dit Parlement, qe plusours de les avaun ditz Laboreres corores devenont mendinatz beggeres, pur mesner ocious vie, et soi trient hors de lours pays communement as Citees, Burghwes, et as autres bones Villes, pur begger; et lesquels sont fort de corps, et bien purroient ese la Commune pur vivre sour lour labour et service, si ils voudroient servir. Et plusours de eux devenent stafstrikers, et mesnent auxint ocious vie, et communement desrobent la pitaille en symple Villages, par deux, troys, ou quatre ensemble, et malement sont soeffert en lour malice. Et la greyndre partie des ditz Servantz corores devenent communement fortes larounes, et encrecent de eux roberies et felonies de jour en altre, par touz partz, en destruction du Roialme avant dit». Ibid., p. 340.

[75] «qe le recettement des tieles soit chastie par toutes partes universelment permy le Roialme, et qe nul desoreme de quel condition q'il soit, pure ne riche,

pur nul meschief ne receyve, retigne, ne meyntigne nul tiele Servant corour d estrange lieu en son service, pur peyne de paier au Roi X lib». Ibid., p. 340.

[76] «Et qe nul soit si hardy et destorbe Conestable, ne a nulle autre Baillif, ne Ministre le Roi, de faire execution des Laborers rebeales en la fourme avaunt dite, ne de faire rescours as ditz Conestable, ou Baillif, ou Ministre, de nul servant, ne mayntenance, eide, force, ne procurement, encontre la dite execution faire des ditz servantz rebeales en la fourme desus dite, sur la peyne avant dite, et d'avoir prison par un an sanz maynprise si de ce soit atteynt». Ibid., p. 341.

[77] «Et qe nul Artificer deyns Franchise ne dehors ne receivere, retigne, ne mayntigne ovesqe lui nul Laborer ou Servant de nulle Ville, en Apprentys, ne en son service de son arte, si longement, qe nulle de la dite Ville ad mestre de laborer de mayntenir la coultoure de la terre, sour la peyne de paier au Roi X lib. et a la partie Cs'». Ibid., p. 341.

[78] «Endroit de ceste grant Bille precedent touchant Labouriers, soient les Estatutz et Ordinances ent faites tenuz et gardez en touz lours pointz, et duement mis en execution». Ibid., p. 341.

[79] Rot. Parl., III, p. 17: «a grant damage du Roialme; et serra en destruction d'icel par proces de temps a venir, si remede deinz brief eit soit ordine».

[80] «...les Communes de vostre Roialme d'Engleterre sont trop' greefment enpoverez par les grevouses et outragiouses lowers des Laborers, lesqueux sont trop sustenuz en leur malfait». Ibid., p. 17.

[81] «Et si aucun Laborer y soit qe soy excuse de servir pur cause d'un petit tenure q'il tient, ou par cause q'il voet estre Artificer, q'ils ne soient soeffert a ce faire si aucun en pays eit meister pe son labour; mes les Conestables eux teignent en seps tan qe se veullie justifier, sur peyne q'est ordene en autre Estatut». Ibid., p. 17.

[82] «Et qe les mendinatz wakerantz qe sont suffisantz de corps de servir et ne veullient ce faire, q'ils soient pris et mandez al proscheine gaoele, illoeqes a demorer un quarter de l'an, sanz estre lesse en maynprise». Ibid., p. 17.

[83] «L'Estatutz et Ordinances avant ces heures en faites se tiegnent en touz pointz, et duement soient mises en execution par bones et suffisantz Justices a ce assigners en chescune Countee d'Engleterre». Ibid., p. 17.

[84] Rot. Parl., III, pp. 45, 46.

[85] «L'Estatutz et Ordinances ent faitz, et par especial l'Ordinance qe comence, Quia magna pars populi, soient fermemont tenuz pur Estatut, et mys en execution» Ibid., p. 45.

[86] «Le Roi, par advis de son Conseil, en ferra purveier tiel remede come il purra mieltz faire de reson». Ibid., p. 46.

[87] Statutes of the Realm, II, p.p. 55—58.

[88] Ibid., p. 56.

[89] Ibid., p. 57.

[90] Ibid., p. 57.

[91] Ibid., p. 55.

[92] «Bidders and beggeres · fast oboute yede,
With her belies and her bagges · of bred ful ycrammed
Fayteden fon here fode · foughten atte alle;
In glotonye, god it wote · gon hij to bedde,
And risen with ribaudye · tho roberdes knaues
Slepe and sori sleuthe · seweth hem eure».

The Vision of William concerning Piers the Plowman by William Langley or Langland. Edited by the Rev. Walter W. Skeat. Third Edition, revised. Oxford. MDCCCLXXXI, Prologus, vv. 40—45.

[93] «Pilgrymes and palmers · plighted hem togidere
To seke seynt James · and seyntes in rome.
Thei went forth in here wey · with many wise tales,
And hadden leue to lye · al here lyf after.
I seigh somme that seiden thei had ysought seyntes:

To eche a tale that thei tolde · here tonge was tempred to lye,
More than to sey soth it semed bi here speche».

Ibid., vv. 46—52.

[94] «Heremites on an heep · With hoked staues,
Wenten to Walsyngham · and here wenches after;
Grete lobyes and longe · that loth were to swynke,
Clotheden hem in copis · to ben knowen fram othere;
And schopen hem heremites · here ese to haue».

Ibid., vv. 53—57.

[95] «I fonde there Freris · alle the foure ordres,
Preched the people · for profit of hem seluen,
Glosed the gospel · as hem good lyked,
For couetise of copis · construed it as thei wolde.
Many of this maistres Freris · mowe clothen hem at lykyng.
For here money and marchandise · marchen togideres.
For sith charite hath de chapman · and chief to sharyue lordes,
Many ferlis han fallen · in a fewe yeris».

Ibid., vv. 58—65.

[96] «There preched a Pardonere · as he a prest were,
Broughte forth a bulle · with bishopes seles,
And seide that hym-self myghte · assoilen hem alle
Of falshed of fastyng · of vowes ybroken.
Lewed men leued hym wel · and lyked his wordes,
Comen up knelyng to kissen his bulles;
He bonched hem with his breuet · and blered here eyes,
And raughte with his ragman · rynges and broches;
Thus they geuen here golde · glotones to kepe».

Ibid. vv. 68—76.

[97] Statutes of the Realm, II, p. 58.

[98] Poema quod dicitur Vox Clamantis, necnon Chronica Tripartita, auctore Johanne Gower nunc primum edidit H. O. Coxe, M. A. impensis societatis Roxburgensis. Londini. MDCCCL.

[99] Ibid., Lib. quintus, cap. IX, p. 267:

«Ili sunt, qui nobis magni sudore laboris
Perquirunt victus, jussit ut ipse Deus:
Est et eis jure nostri primi patris Adae
Regula, quam summi coepit ab ore Dei».

[100] Ibid., p. 267.

«Unde Dei seriem cultor si servet eundem,
Ac opus in cultu sic gerat ipse manu,
Tunc pariet fructus quam fertilis ordine campus,
Uvaque temporibus stabit abunda suis».

[101] Ibid., p. 267.

«Nunc tamen illud opus vix quaerit habere colonus,
Sed magis in vitiis torpet ubique suis:
Inter quos plebis magis errat iniqua voluntas,
Sulcorum famulos aestimo saepe reos;
Sunt enim tardi, sunt rari, sunt et avari,
Ex minimo quod agunt praemia plura petunt:
Nunc venit hic usus, petit en plus rusticus unus,
Tempore praeterito quam petiere duo;
Et dudum solus plus contulit utilitatis
Nunc tribus, ut dicunt, qui bene facta sciunt.
Sicut enim vulpes resonantibus undique silvis
De fovea foveam quaerit et intrat eam;
Sic famulus sulci contrarius amodo legi
De patria patriam quaerit habere moram.

Otia magnatum capiunt hi, nil tamen, unde
Se nutrire queunt, ni famulentur, habeant:
Hos servire Deus naturaque disposuerunt,
Ille vel illa tamen hos moderare nequit:
Quisque tenens terras has plangit in ordine gentes,
Indiget omnis eis nec reget ullus eos».

[102] Ibid., p. 268:

«Quicquid agit patiens corpus servile subactum,
Mens agit interius semper in omne malum».

[103] Ibid., lib. quintus, cap. X, p. 269—270.

«Hi sunt, qui cuiquam nolunt servire per annum.
Hos vix si solo mense tenebit homo;
Sed conventiciis tales conduco diaetis,
Nunc hic, nunc alibi, nunc mihi nuncque tibi;
Horum de mille vix est operarius ille,
Qui tibi vult pacto fidus inesse suo;
Haec ist gens illa, quae denaturat in aula
Potibus atque cibis dum manet ipsa tuis;
Dum commensalis conductus sit tibi talis,
Omnes communes reprobat ipse cibos;
Omnia salsa nocent tantum, neque cocta placebunt,
Ni sibi des assum murmurat ipse statim;
Nil sibi cervisia tenuis neque cisera confert,
Nec rediet tibi, cras ni meliora paras.
O cur sic potum petit hic sibi deliciosum,
Quem fovet ex ortu lympha petita lacu?
Pauperis ex stirpe natus, quoque pauper et ipse,
Ut dominus stomache poscit habere suo;
Nil sibi lex posita prodest, nam regula milla
Talibus est, nec quis providet inde malis:
Haec est gens ratione carens ut bestia, namque
Non amat haec hominem nec putat esse Deum:
Ilis, nisi justicia fuerit terrore parata,
Succumbent domini tempore credo brevi».

В поэмах Walter'a Mapes, издан. Wright'ом, о классе рабочих говорится следующее (p. 234):

«Pauper mavult hodie terram circuire
Quam mercedem capiens gregem custodire,
Non est elemosina tali subvenire,
Non vult servire, malit namque fame perire».
(Poema quod dicitur Vox Clamantis, preface, p. XXXIII, note y).

[104] The Vision of William concerning Piers the Plowman. Ed. by W. Skeat, Passus VI, l. l. 309—319 (pp. 77—78):

«Laboreres that haue no lande to lyue on but her handes,
Deyned nought to dyne a—day nyght—olde wortes.
May no peny ale hem paye ne no pece of bacoun,
But if it be fresch flesch other fische fryed other bake,
And that chaude or plus chaud for chillyng of here mawe.
And but if he be heighlich huyred ellis wil he chyde,
And that he was werkman wrought waille the tyme
Agheines catones conseille comseth he to iangle:—
Paupertatis onus pacienter ferre memento.
He greueth hym agheines god and gruccheth agheines resoun,

And thanne curseth he the Kynge and al his conseille afrer,
Suche lawes to loke laboreres to greue».

Любопытно, что сатирические штрихи Гауэра и Лэнгли иногда буквально совпадают с фразами судебных протоколов. В одном из таких протоколов мы, например, читаем: «Item presentant quod Willelmus de Caburn de Limbergh, carucarius, non vult servire nisi per dietas et ad mensem et non vult comedere carnes salsas set recentes et propter hoc recessit de villa quia nemo audebat eum conducere tali modo et contra statutum domini Regis». Assize Roll, Lincoln, 524. 26—27 Edw. III, m. 2 (напечатано в книге Miss Putnam, p. 196).

[105] Piers the Plowman, Passus VII, l.l. 62—65 (p. 81):

«Alle lybbing laboreres that lyuen with her hondes,
That trewlich taken and trewlich wynnen,
And lyuen in loue and in lawe for her lowe hertis,
Haueth the same absolucioun that sent was to peres».

[106] Ibid., Passus V, l.l. 433—435 (p. 58):

«And my seruauntz (говорит один из семи смертных грехов Accidia) some tyme her salarye is bihynde,
Reuthe is to here the rekenynge whan we shal rede acomptes;
So with wikked wille and wrathe my werkmen I paye».

l. l. 558—559 (p. 63).

«He (правда) is the prestest payer that pore men knoweth;
He ne with—halt non hewe his hyre that he ne hath it at euen».

[107] «Operarii vero, et artifices ac servientes, proinde callidiores et fraudulentiores solito sunt effecti. Contra quorum astutiam ac superbiam, nequitiam ac avaritiam, ordinata sunt statuta per Parliamentum ad Westmonasterium, expost anno regni Regis Edwardi Tercii a Conquestu, vicesimo octavo et tricesimo quinto; sed parum aut nihil communibus profecerunt». Walsingham, Historia Anglicana, I, p. 277.

[108] «Eodem anno editum est statutum de servientibus, et ab eo die pejus servierunt magistris suis de die in diem quam ante fecerant, sed per Justiciarios et alios ministros emolumentum regi semper accrevit, et dominigerium ad populum». Knighton, II, p. 74.

К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

[1] Walsingham, Historia Anglicana, I, p. 277.

[2] «Et nest pas lentent le Roi ne des autres grantz et communes, qe par my cele grant, fait au Roi du quinzisme, les poures cotiers, ne autres qi vivent de travaill de lour corps, soient compris dedinz le taxe du dite quinzisme, einz soient deschargiez par lavis de ceux qi sont deputez taxours, et des grantz qi sont deputer surveours». Statutes of the Realm, I, 289. У Найтона (II, 15) смысл этой длинной фразы передан несколькими латинскими словами, приведенными нами в тексте.

[3] См. The Rising in East Anglia in 1381. By Edgar Powell. Cambridge. 1896, p.p. 67—119, где в виде Appendix I напечатаны все имеющиеся податные списки графства Suffolk, а также The Great Revolt of 1381. By Charles Oman. Oxford. 1906, p.p. 167—182, Appendix III, в котором напечатаны податные списки сотни Hinckford в графстве Essex.

[4] E. Powell, p.p. 67—89.

[5] «Item presentant quod Elias Wryth et Johannes Hole de parva Beruyngham falcatores bladorum invicem confederati non voluerunt seruire per diem pro congruo sallario set pro acra... de diuersis hominibus dicte ville pro qualibet acra ordei VIII d. et pro acra auen' VII d. per II autumpnos ultimo preteritos unde excessus eorum dimidia marca». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[6] «Item Willelmus heued de Colby carpentarius debilis capit per diem III d. et cibum suum et pro falcacione bladorum tempore autumpnali X d. unde in excessu XX s».

«Et quod martinus Cas de Kingetonsholm carpentarius et falcator in Autumpno cepit excessiue de diuersis hominibus a° predicto II s.». Ibid.

[7] См. выше, стр. 389, прим. 46. Ср.: «Item pres' quod Thomas Pyryman de Adeburton communis labor' et noluit deseruire alicui homini nisi per dietas et iurnas et cepit quolibet die cum prandio II d. videlicet de Willelmo Salman et de aliis hominibus ville ad voluntatem suam contra statutum.

«Item pres' quod Johannes Chapman de leyre Breton est communis laborar, et noluit deseruire alicui homini nisi per dietas et iurnas et cepit per diem de Nicholao Bretona pud leyre Broton a° XII II d. cum prandio contra statut(um) inde edit(um) etc». Record Office. Ancient Indictments, 19.

[8] «Dicunt quod Andreas that was the personesseruant of leyndon pro majori parte vite sue stetit in officio carucarii et modo scilicet ad festum sancti michaelis anno r.r. nunc duodecimo deuenit communis laborator pro majori lucro non vult seruire per terminos usuales set per diem capiendo III d. et cibum cum potn in autumpno IIII d. cum cibo... videlicet de Reginaldo Batlesdon apud leyndon et de aliis hominibus etc de hundredo predicto.

«... Johannes fferour de Bartesden pro majori parte vite sue extitit in officio carucarii et modo scilicet... michaelis anno r.r. nunc duodecimo deuenit communis laborator pro majori lucro et non vult alicui seruire... excessiuum daret videlicet III denar' per diem et cibum cum potu per quod idem Johannes vagrans... tempt' dom. Regis et populi graue dampnum.

«Item dicunt quod Johannes Currannt de Northwelde fuit carucarius per decem annos ult' preterit' et quod amodo in officio carucarii per terminos usuales renuit seruire nisi diem pro excessiuo lucro contra statutum in contemptum domini Regis.

«Item dicunt quod Willelmus Bygod de Sheryng' carucarius cepit de Roberto Webbe apud latton per duos annos ult' preteritos videlicet anno undecimo et duodecimo Regis nunc quolibet anno viginti sex solid' et octo denar' vesturam et metecorn' ex convencione uel aliter alicui seruire noluit Et pro eo quod predictus Robertus eidem Willelmo in anno terciodecimo domini Regis nunc noluit concedere quadraginta solidos vesturam cum metecorn seruicium suum renuit in contemptum domini Regis et contra formam statuti». Ibidem.

[9] «Item pres' quod Ricardus Edward carectarius cepit ibidem similiter de Johanne Salman viginti solidos et cibum per annum per extorsionem». Ibid.

[10] «Henr' fflemmyng de hal' mowere cepit excess' de diuersis hominibus patric in vill' de hal' et aliis villis sex denarios per diem in estate annis primo et secundo supradictis unde in excess' II s.». Подобных ему много. Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[11] «Item pres quod Johannes Doules de henyngham senior admonittus fuit ad seruiendum Willelmo Burel in officio bercarii pro a° instant' per Edmundum Gurney Justic' domini Regis apud Aylesham die sancti Petri Aduincula a r.r. nunc II° et contra monit' dicti Edmundi fug' in vill' de Eryngilford pro majori stipendio in preiudicium predicti Willelmi non modicum». Ibid.

[12] См. выше, прим. 7.

[13] «Rogerus Gurnay de Rauyngham Plowman licet seruicium pro statu suo competens infra vill' de Rauyngham per Willelmum de holond sepius oblatum fuerit ac sibi XX s. pro salario suo optulerit ipseque seruire in forma predicta omnino recusauit et propter magnam summam mercedis deuenit ad artificium de shipwright in contemptum domini Regis ac contra formam ordinacionis in hujusmodi casu prouis'». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[14] «Item dic' quod Johannes plot de Southbeneflet per magnum tempus vite sue extitit in officio bercarii cum Thoma Blossome apud Southbeneflet et modo videlicet in festo sancti michaelis anno r.r. nunc terciodecimo ab officio predicto recessit in offcium de shipman cum Johanne Sewold apud Southbeneflet capiendo de eo per annum XL s. cum curtesio contra statutum». Record Office. Ancient Indictments, 19.

[15] «...Ricardus ffouke de Sharne—recessit ab officio caracarii extra seruicium domine Eme de Sherneloune et receptus est et conductus per Radulphum

pibel transeundi ad mare in offici' marinar' pro nimio salario capiend' videlicet XXX s. vel XL s. per annum in oppressionem populi». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[16] «Hugo Elyot Thresshere et mowere est communis laborator in villa de Thurneton' et aliis villis adiacondibus et capit per diem in yeme pro trituratione bladi II d. et capit in estate per diem pro mowyng II d. de diuersis hominibus videlicet annis primo et secundo Regis nunc unde in excess' II s.

«Johannes maret de Norton soupecors mowere et Thresshere est communis laborator in villa predicta et aliis villis adiacentibus et capit per diem in yeme pro trituracione bladi duos denarios et in estate capit per diem pro falcacione herbarum IIII d. de diuersis hominibus videlicet annis primo et secundo Regis nunc unde in excess' XII d.». Ibid.

[17] «Item pres' quod Simon hayman Robertus Creydon messor Thomas michel michael (sic) lyon' Johannes Brydies et Robertus hayward sunt communes messores in tempore autumpnali et nolunt metere quilibet eorum minus quatuor denar' et prandium et sic ceperunt per extorsionem de diuersis hominibus in villis de Reynham et upmynster' in com' Essex in annis regni Regis Ricardi secundi nono decimo undecimo duodecimo et terciodecimo ad damnum L s.». Record Office. Ancient Indictments, 19.

[18] «Item pres' quod Robertus atte Wynd manens in Salle est communis triturator et capit quolibet die quo laborat II d. et cibum suum et sic cepit excisiue de Thoma hoddes in Salle et alibi per istos sex annos XX s. contra statutum etc.». Record Office. Ancient Indictments, 65.

[19] «Item pres' quod Henr' Sawyete nuper seruiens Johannis Gynne est communis sarrator et cepit de Thoma atte Welle in mildenhale et de Johanne de hopeton' in Ereswell' pro sarracione in annis supradictis quolibet die tam festiuali quam operabili quolibet die VI d. et prandium suum unde excessus lucri sui valuit per dictum tempus XL s. contra statutum». Record Office. Ancient Indictments, № 92.

[20] «Johannes Amelyn Webstere de Elyngham cepit excessiue de diuersis hominibus patrie in vill' de Elyngham pro text' ulni panni lanei de latitudine III quart. ob. ubi solebat capere pro ulna de latitudine predicta nisi tantum q[a] continuand' excess' huiusmodi annis primo et secundo Regis nunc unde excess' II s.». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[21] «Item pres' quod Johannes Polstede de Colcestr' carpentarius cepit in quolibet septimana II s. cum prandio de Johanne atte Weile de leyre del hay a[o] r. r. Ricardi secundi XII[o] apud leyre del hay contra statut' de artificibus edit'». Record Office. Ancient Indictments, 19.

[22] «Item dicunt quod Willelmus Reed de Walsingham magna ffaber cepit de labore et artificio suo videlicet de ferrura equorum et falc' faciend' in exc' et contra stat, VI s. VIII d.». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[23] «Johannes Cole Taillour cepit excessiue de diuersis hominibus patrie in vill' de Sythyng et al' vill' duos denarios per diem pro artificio suo tam in yeme quam in estate annis primo et secundo Regis nunc unde excess' XVIII d.». Ibid.

«Item pres' quod Ricardus underwode Taillour de Waltham Thomas Taillour de eadem sunt communes cissores et capiunt pro arte sua excercenda et facienda videlicet predictus Ricardus underwode cepit de Willelmo lewyn apud Waltham sancte Crucis pro una toga cum capucio faciend, die lune prox. post festum sancti michaelis anno r.r. nunc XII viginti denarios Et predictus Thomas cepit de Thoma Chaumberleyn apud Waltham sancte Crucis pro una toga faciend' die et anno predictis viginti denarios et sic ceperunt de predictis Willelmo lewyn Thoma Chaumberleyn et aliis hominibus de hundredo predicto diebus annis et locis predictis... tres annos ultimo elapsos videlicet predictus Ricardus underwode di' marcam per excess' Et predictus Thomas Taillour quinque solidos per excess' et contra form am statuti.

«Item pres' quod Willelmus Taillour et Johannes Repton cissores capiunt pro quadam tunica curta non dupplicata octo denarios et pro tunica mulier' non dupplicata decem denarios Et sic ceperunt de Johanne Rolf et alliis apud Chyngylford in annis r. r. Ricardi secundi post coquestum XII et XIII videlicet predictus Willelmus ad summam di marc' Et predictus Johannes ad summam III s. IIII d.

per excess' contra formam statuti etc». Record Office, Ancient Indictments, 19.

[24] «Et quod Jacobus Kys architector domorum capit per diem II d. et III d. et cibum suum unde in excessu XI s.». Record Office. Ancient Indictments, № 65.

[25] «Item pres' quod Willelmus sesson' de parua bernyngham architector straminis capit per diem de communitate eiusdem ville pro se et serviente suo IX d. per diem et sepe retraxit se extra dictam villam in vill' forinsec' pro majori stipendio unde in excessu XL d.». Ibidem.

[26] Trespas port en banc le Roy per l'Abbe de Bury vers un home, supposant que il prist son servant hors de son service. Tyl, dit coment un B. fuit seisi del manor de F. a ql m'le servant est villein regardant, et il et tous ceux q'estate il ad en le manor, ont este seisies de luy et de ses auncestors come villeins regardants a m'le manor de temps d'ont, etc. et dit q'm' cestuy B. per un fait q'il mist avant, dona m'le villein a m'cestuy defendant et a un auter, et dit coment l'auter aver release e luy per un fait, etc. le ql, etc, et issint fuit il son villein, et pur ceo que il aver mistier d'un servant, il luy prist come son villein de luy server come bien a luy list, et demande judgment, etc. Reade, N. v. d. q' longe temps devant q'il luy prist, l'Abbe luy trove vagrant, et il fist covenant de luy server per force de pl covenant, il fuit en son service tanqs le defendant luy prist, per q'del heure quil ad conue le prisel, nous priomus pre domages. Tyl. Jeo pose q'si jeo ay a certein jour sufficient servants, et mon villein fait covenant ove un auter de luy server, et apres mes servants deviont, ore jeo prendre mon villein de moy server, per qe, etc. Gascoigne negavit, etc. Vide bon case touchat ceo mater 50 E. 3. fo 21. Et la nota l'opinion Belknap chiefe Justice del common bank». Year Books (изд. Brook, Fitzherbert et Statham. London. M. DCLXXIX), P-ts 2, 3 pp. 12; Hil. 3 Henr. IV.

Достойно внимания, что как ни решительно стоит ответчик на феодальной точке зрения, но и он принужден сослаться на то, что ему нужен в данный момент захваченный им его виллан («et pur ceo que il aver mistier d'un servant, il luy prist come son villein de luy server come bien a luy list»). Эта ссылка стала главным, решающим аргументом в подобных процессах. На основании рабочего статута был, например, вчинен кем-то иск против некоего Ричарда С. (на 30-м году царствования Эдуарда III); этот Ричард взял к себе человека, находившегося в услужении у истца. Ответчик заявил на суде, что этот человек был вилланом некоего W., что этот W. умер, а его мэнор А., к которому принадлежит этот виллан, перешел, за малолетством наследника умершего, под опеку короля, который передал эту опеку сэру Мишелю de Poninges, а этот последний передал ее ему, ответчику. Виллан этот, продолжал ответчик, был у него, ответчика, в услужении, и он запретил ему уходить со службы, а он между тем ушел к истцу. Так как он, ответчик, нуждался в его службе, то он и взял его у истца, на что имел полное право («et pur ceo q'nous avo' besoign de son service, nous luy prisom' a nous, come bien nous list»). Судья Burt. сказал на это ответчику следующее: «Вы вдвойне правы: во-первых, тем, что это виллан из мэнора, над которым вы имеете право опеки; во-вторых, тем, что он состоял у вас на службе и ушел от вас против вашей воли; вы вполне могли взять его к себе обратно, если только он не свободный человек». «Burt. Vr. r'ns e double: n. de c'q' il e vill' du de q'vo' aves le gard: aut', q'il fuit en v're service et departa encontre v'r gre; en q'l cas mesq' il ust e'e frank, vo' luy purr' av' pris».) На это со стороны ответчика было заявлено, что свое право на виллана он, ответчик, вовсе не основывает на том, что этот виллан прежде был у него на службе, что, следовательно, он был ему нужен и тогда, и теперь. («Wich. Nous ne fondom' rien sur ceo q'il fuit en nostre service devant»). «В таком случае»,—сказал судья Burton,—«мы заявляем, что вы не нуждаетесь в его службе, что у вас достаточно и других» (Burt. «Donques nous diomus, q' vous n' aves pas besoign de son service, pur ceo q' vous aves autres asses».) (Ibid., p. 31: Mich. 30 Edv. III).

[27] James E. Thorold Rogers. History of Agriculture and Prices in England (первые два тома вышли в 1866 году); его же Six Centuries of Work and Wages, vols I—II. London, 1884 и The Economic Interpretation of History. London, 1891. Второе

из названных сочинений есть и в русском переводе под заглавием «Истории труда и заработной платы».

[28] History of Agriculture and Prices, I, 81.

[29] Есть и русский перевод, напечатанный во «Временнике Демидовского Юридического Лицея» и вышедший отдельной книжкой в 1878 году.

[30] Englands wirthschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters von Dr. W. v. Ochenkowski, Jena. 1879.

[31] W. Cunningham. The Growth of English Industry and Commerce during the Early and Middle Ages. Cambridge. 1890.

[32] Ibid. pp 356—357.

[33] W. Stubbs. The Constitutional History of England, vol. II, § 264.

[34] Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381, par André Réville. Etudes et documents publiés avec une introduction historique par Ch. Petit-Dutaillis. Paris. 1890.

[35] Ibid., XXXVI—XXXVII.

[36] Die Umwandlung der Frohndienste in Geldrenten in den oestlichen, mittleren und südlichen Grafschaften Englands. Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doctorwürde an der Universität zu Leipzig. Von Thomas Walker Page (год не обозначен).

[37] Ibid., p. 24.

[38] Ibid., p. 41.

[39] The End of Villainage, p. 59.

[40] «... The commons of the realme sore repining, not onely for the pole grotes that were demanded of them, by reason of the grant made in parliament (as yee haue heard) but also (as some write) for that they were sore oppressed (as they tooke the matter) by their land-lords, that demanded of them their ancient customes and seruices, set on by some diuelish instinct persuasion of their owne beastlie intensions, as men not content with the state whereunto they were called, rose in diverse parts of this realme, and assembled togither in companies, purposing to inforce the prince to make them free, and to release them of all seruitude, whereby they stood as bondmen to their lorps and superiours». Holinshed, Chronicles. Hooker, v. III, p. 429.

[41] The English Works of Wyclif hitherto unprinted. Edited by F. D. Matthew (Early English Text Society). London, 1880, p. 234.

[42] Chronicon Angliae (Rolls' series), p. 311.

[43] Chaucer. The Canterbury Tales, p. 559 (дешев. изд. в одном томе).

[44] Chronicon Henrici Knighton (Rolls' series), II, 133.

[45] Froissart, IX, p. 387 (изд. барона Kervyn de Lettenhove 1869 года).

[46] Page, стр. 30; «Das Recht des Lords den Villain zur Uebernahme eines Gutes zu zwingen scheint vor der Pest verhältnissmässig selten ausgeübt worden zu sein, weil sich der Villain in der Regel gern dazu verstand. Jetzt aber wird es sehr häufig gebraucht».

[47] Латинский текст этого протокола см. выше, стр. 361, прим. 20.

[48] См. там же.

[49] Приведем еще несколько случаев сдачи сеньерами земли pro antiquis seruiciis et consuetudinibus.

«Et sic venit dictus Willelmus de Broydesale capl's et cepit domino in plena Curia dictam terran vocat' Suyneslay tenend' de domino etc pro antiquis seruiciis et consuetudinibus Et dat ad ingressum VI s. IIII d.». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 32, № 299 (31 Edw. III).

В отчете приказчика мэнора Eastwood в Эссексе, за 39—40 Edw. под рубрикой firma terre читаем:

«Item r' de XIII s. IIII d. de firma II part' unius mes' et X acr' terre cum pertinenc' vos' Nighteldistent in manu domini exist' derelict' quondam per Willelmum Adgor sic dimiss' Rad' pandman Et de III s. IIII d. de firma V acr' terre parcell'

unius mes' et XX acr' terre cum pertinenc' voc' Wakesistent sic dimiss' Willelmo Wodeham Et de residuo dicti tenementi nichil ulterius hic r' quia dimittitur cuidam tenenti pro seruiciis et cons' inde faciend' sicut in rotulo cur' continentur Et de VIII s. X d. de firma unius tofti et VI acr' terre de ten' sopere et IIII acr' terre voc' Sedetoppere quas Johannes Alayn natiuus domini nuper sursum redd' in manus domini quia impotens erat facere seruicia et consuetudines inde debit' nunc dimis' Philippo Passend per terminum VII annorum hoc anno III° sicut in rotulo Cur' continetur. Summa XXV s. VI d. Record Office, Ministers' Accounts (general series), Bundle 840, № 27. В отчете следующего года (40—41 Edw. III) общая сумма арендной платы (firma terrarum) равняется только 16 s. 8 d. Текст этой рубрики здесь тожествен с текстом этой же рубрики в отчете предшествующего года до слов «Willelmo Wodeham» включительно, а затем следует: «Et de residuo dicti tenementi nichil ulterius hic' r' quia dimittitur tenenti pro seruiciis et consuetudinibus antiquis inde faciend' sicut in rotulo Cur' continetur. De firma I' tofti et VI acr' terre de ten' sopere et III° acr' terr' vocat Sedetoppere quas Johannes Alayn nat' domini nuper sursum redd' in manus domini nichil ulterius hic r' quia dimittitur tenenti pro seruic' et cons' antiquis inde faciend' sicut in rotulo Cur' continetur». Ibid., Bundle 840, № 28.

«Ad hanc Curiam venit Philippus Chaundeler et Thomas Sawene et ceperunt de domino unum cotagium in Notthend nuper Johannis Quilter Tenend' sibi et her' suis pro antiqua seruic' qui fecerunt domino fidelitatem Et dant de fine pro ingress' habend' ut patet» (на полях: finis VI s. VIII d.). Record Office, Duchy of Lancaster Cours Roll, Bundle 65, № 823. Из протокола 41 Edw. III.

«Ad hanc Curiam Agatha moom per licenciam domini dimisit Nicholao G... unum mesuag' et IX acr' terre de mollond Tenend' a festo sancti michaelis prox. futur. usque ad finem IX annorum ex tunc prox. sequ. Et plenarie completorum Redd' inde domino antiqua seruicia qui fec' fidelatatem Et dat pro tali licencia habend' ut patet» (на полях: finis VI s. VIII d.). Ibid.

«Ad hanc Curiam venerunt matill' atte more et Ricardus filius eius et per licenciam domini dimiserunt Roberto man VIII acras terre cum pertin' que nuper fuerunt Johannis atte more Tenend' a festo Pasche prox. sequ. usque finem termini XII annorum extunc prox. sequ. Reddend' inde domino antiqua seruicia etc qui fecit fidelitatem Ed dat de fine pro tali statu habend' ut patet» (на полях: finis V s.). Ibid., Bundle 65, № 824. Из протокола 42 Edw. III.

«Johannes Chapman dat domino de fine ut patet ad inquir' si habet ius in uno cotagio post mortem Thome Chapman patris sui quod iacet in la Chende super hoc capta est inquis' per sacrament Johannis Osebarn Joh' Yonge et al' iur' qui dicunt super sacram. suum quod predictus Johannes est proximus heres predicti Thome Et ius habet in ten' predict' Ideo admiss' est inde Tenens Tenend' eidem Johanni her' et assignatis suis ad volunt' domini per seruic' etc qui fecit fidelitatem Et dat de fine pro ingressu habend' ut patet Et statim venit dictus Johannes et per licenciam domini dimisit Nicholao le-Whitt dictum cotag' cum pertin' Tenend' a festo Pasche prox. sequ' usque ad finem termini trium annorum extunc prox. sequ' faciend' domino antiqua seruicia etc qui fecit fidelitatem Et dat de fine pro tali statu habend ut patet» (на полях: finis VI d., finis XII d., finis IIII d.). Ibidem.

[50] Record Office, Duchy of Lancaster Cour Rolls. Bundle 64, № 813. Из протокола 31 Edw. III.

[51] «Sicut alias preceptum est capere corpora Ricardi et Johannis fil' Galfr' marhatch natiuorum domini et corpora Johannis et Willelmi fil henr' marhatch natiuorum domini et seisire omnia tenementa et catalla sua ubicunque reperiri contingerint tanquam tenementa et catalla domini secundum legem terre et similiter juxta consuetudinem de bondag' sub pena V s. Qui quidem Galfr' in ista plena Curia inuenit securitatem essend' ad proximam Cur' ad faciend' et recipiendum id quod iustum fuerit». Ibidem.

В этом же протоколе читаем: «Sicut alias p' est attach' corpus Johannis Sygor natiui domini qui manet in Takeleygh' et seisire omnia ten' et catalla sua apud Takeleygh' et alibi contra proximam Curiam sub pena V s.».

[52] «Item pres' quod Thomas Wether est natiuus domini et manet in Comitatu de Norhamtton' Ricardus atte bregge Laurencius Eue Faber qui manet in bran-

ketre Willelmus Short qui manet apud Canefeld Johannes Coch senior Johannes frater eius Bartolomeus frater eius et Galfridus frater eius qui manet apud Dummowe cum Waltero Bygod Johannes Stobat tanner' qui manet in Wretele Galfridus Wete qui manet apud Royston Et Johannes Proude qui manet apud Wretele sicut Natiuos domini et manentes extra libertatem quos preceptum est capere contra proximam» (s i c). Record Office, Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 64, № 810. Из протокола 27 Edw. III.

«Prec' est seisire corpus et catalla Thome Sawyne natiui domini manentem (s i c) super terram Johannis Bernar's contra proximam curiam sub pena XX s. et

«Prec' est seisire corpus et catala Alic' mom natiue domini manentem (s i c) in Gadestre infra XV sub pena V s.

«Item prec' est seisire corpus Agn' Welnough' manentem ibidem cum Johanne Brek, — que venit et jur' Et invenit pleg' videlicet Johannem Mich' et quod non maritab' absque licencia domini». Ibid., Bundle 64, № 812. Из протокола 29 Edw. III.

«Adhuc Walterus meese natiuus domini habet diem ad proximam Curiam recipiend' et faciend' id quod iustum fuerit per pleg' Johannis Colopper et Johannis atte Cherche». Ibid., Bundle 64, № 813. Из протокола 31 Edw. III.

«homag' pres' quod Willelmus Russel natiuus domini est extra dom' de Waltham et manet in felstede ad artificium Carpentarii quem prec' est attachiare Item Joh' Gibelot est extra m' in seruicio dom. Thome de Walmefford Item Johanna Thralbere manet in London Alic' Welnough que manet cum domina de Comeys Ideo preceptum est illos omnes attachiare per corpora sua». Ibid., Bundle 64, № 816. Из протокола 33 Edw. III.

«Adhuc prec' est attachiare per corpus Johannem filium marg' Polein natiuum domini quod sit ad prox. Curiam sub pena grauis amerciamenti.

«Et attachiare per corpus Johannem Codebolt natiuum domini manentem cum Willelmo Bedel quod sit ad prox. Curiam». Ibid., Bundle 65, № 823. Из протокола 40 Edw. III.

Присяжные «present. quod Edmundus atte Wode et Willelmus atte Wode sunt natiui domini et manent in Terling, Johannes Rede est natiuus domini et manet in Grofham Stephanus Rede est natiuus domini et manet in hatfeld Peuerel, Galfridus lambherde est natiuus domini et manet in Bokking Et Johannes Procthour est natiuus domini et manet in Northee extra dominium quos preceptum est attachiare per corpora quod sint ad proximam Curiam Et prec' seisire omnia terras et tenementa sua similiter et omnia bona et catalla eorum Et inde r' de ex' quousque etc». Ibid., Bundle 66, № 835. Из протокола 7 Ric. II.

«Preceptum est capere Johannem Serich natiuum domini ad tenendum tenementa Smothes contra proximam». Ibid., Bundle 66, № 827. Из протокола 45 Edw. III.

[53] «Adhuc prec' est attachiare Bartholomeum Smyth qui desponsauit margaretham Thrawere natiuam domini sine licencia pro fine cum domino faciend' Et ad ostend' quo titulo occupat et tenet terr' et ten' d'm nati' etc». Record Office, Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 64, № 813. Из протокола 31 Edw. III.

«Et dis (tringere) hugon' Short ad ostend' quo titulo tenet unam croftam terre vocat' Slonch'...» Ibid., Bundle 65, № 824. Из протокола 42 Edw. III.

[54] Ibid., Bundle 64, № 816. Из протокола 33 Edw. III.

[55] «Prec' est attachiare Stephanum filium Aldyth Polayn qui erudiuit artificium cissoris et Johannem filium matill' marhatch qui erudiut artificium sutoris ad faciend' finem cum domino quia hoc fecerunt sine licencia domini». Ibid., Bundle 64, № 813. Из протокола 31 Edw. III.

[56] Ibid., Bundle 65, № 817. Из протокола 35 Edw. III.

[57] Ibid., Bundle 65, № 825. Из протокола 42 Edw. III.

[58] «Robertus Stonhach ex parte domini allocutus est quod ipse tenet unam peciam terre voc' Brewyngacre et deb' redd' per annum de redd' VIII d. et omnia alia seruicia sicut al' ter' voc' Brewyngacres super hoc capta est inquis' per sacramentum XII jur' qui dicunt super sacramentum suum quod predictus Robertus tenet unam peciam terre voc' Brewyngacre et redd' inde per annum' VIII d. de seruic' arrent' tempore humfr' de Bohun nuper Comitis hertford Et dic' quod dictus Robertus alia seruicia reddere non deb' quia dic' quod seruic' antiqua val'

per annum nisi IIII d. ideo etc». Ibid., Bundle 66, № 835. Из протокола 6 Ric. II.

[59] «Compertum est per inquisitionem quod Edmundus Warner qui mortus est per longum tempus occupauit duas acras terre et dimidiam quas cepit de Johanne Rede natiuo domini sine licencia Cur' et Willelmus Bedil qui disponsauit Johannam nuper uxorem dicti Edmundi sine licencia dictam terram occup' per unum annum et amplius que terra seminata est cum auena Ideo preceptum est bedello quod seisire faceret dictam terram in manus domini Et de ex' earum r' domino etc Et preceptum quod distr' dictum Willelmum ad respondendum domino pro occupacione dicte terre etc. Et eciam preceptum seisire Et' de ex' r' III rod' prati causa predicta etc.

«Preceptum est seisire in manus domini omnia terras et tenementa Johannis Rede pro eo quod dimis' II acr' et dimidiam terre sine licencia Cur' Edmundo Warner etc. Et inde r' de ex'». Ibid., Bundle 66, № 829.

[60] «Preceptum est seisire in manus domini certa terras et tenementa voc' Keremannes jac' in Dummawe pro eo quod Willelmus Pakyn natiuus domini illa adquisiuit per cartam etc Et inde' r' de ex' Et preceptum est leuare de Willelmo Pakyn V marcas pro occupacione dicte terre per quinque annos preteritos sine licencia». Ibid., Bundle 66, № 830.

[61] «Agnes Coppesgrave natiua domini que diu antequam istud dominium deuenit in manu domini Edmundi nunc Comitis March' se maritauit cuidam Ricardo Boisshel et extra istud dominium Et in festo sancte Trinitati ultimo preterito eadem Agnes reperta fuit apud Munchenehampton et ducta huc usque Biselegh' et sic morabatur quousque Ricardus vir suus et ipsa fecerunt finem pro licencia morandi extra dominium et pro maritagio predicto pro X s. solueud' ult' medietatem af festum sancti Petri quod dicitur Aduincula». Record Office. Augmentation Office Court Rolls. Port. 2, № 58.

[62] Chronica Monasterii de Melsa (Rolls' Series), vol. III, pp. 127—142.

[63] Ibid., p. 126—127.

[64] См. о крестьянах старых королевских имений у проф. Виноградова в Villainage in England, pp. 89—126.

[65] П. Виноградов, Исследования по социальной истории Англии в средние века, стр. 98.

[66] «Item dicunt quod ubi Abbas de Bury sancti Edmundi dominus manerii de harlowe habet et solebat habere unam Curiam de visu franciplegii de jure et consuetudine teneri certo tempore anni semel in anno uidelicet die jouis in septimana Pentecost' — qui quidem Abbas per Radulfum Walsham tunc senescallum ipsius Abbatis ibidem Curiam visu franciplegii predicti mut tauit uidelicet die lune prox. ante festum sancti laur' anno regni Regis Ricardi secundi post conquestum sexto quandocumque ei placuerit tenere eillam tenuit incertiue uidelicet a predicto die lune usque idem Radulfus ex officio seneschalcie predicte amotus fuit Et quod Edmundus lakynghethe iam senescallus eiusdem Curie visu franciplegii in forma predicta modo tenet per quod iidem tenentes et sectatores Curie visu franciplegii predicti uidelicet Johannes Shauke Willelmus Quyntyn Robertus atte Strate Walterus atte melle Hubertus Bardolf Andreas Pottere Ricardus Wayte Johannes Chaundeler Johannes Balle Willelmus Clopham et plur' alii grauiter sepe amerciantur uidelicet quilibet predictorum sectatorum ad sex denarios et illos ad opus ipsius Abbatis leuant' Et dicunt quod Curia visu fraciplegii predicti ualet per annum quadraginta solidos ad dampnum ipsorum tenencium et sectatorum non modicum et grauamen». Record Office, Ancient Indictments, 19.

[67] Patent Roll Ric., II, part 2, m. 21. Напечатан и извлечении у Petit-Dutallis'a (Le soulèvemet, p. XXXVII, n. 2) и в Calendar of Patent Rolls.

[68] См. выше, стр. 18—19.

[69] См., между прочим, Duchy of Lancaster Court Rolls (Record Office), Bundle 66, №№ 289, 830, 831 и т. д.

[70] Rotuli Parliamentorum, v. III, 21. Ср. The Statutes of the Realm, vol. II, p. 2—3.

[71] См. рецензию П. Г. Виноградова на книгу The End of Villainage in England в «Engl. Hist. Review», октябрь 1900 года.
[72] См. выше 104.
[73] Ibid., стр. 104.
[74] Ibid., стр. 104.
[75] Ibid., стр. 101.
[76] Ibid., стр. 105.
[77] Ibid., стр. 105.
[78] Ibid., стр. 105.
[79] Ibid., стр. 105.
[80] Abbreviatio Rotulorum Originalium, vol. I, pp. 40, 298 и vol. II, pp. 292, 293, 311, 321, 325, 331, 336, 337, 339, 341, 343. Приведем примеры.

«Rex per episcopum Wynton' cancellarium suum concessit et ad firmam dimisit Willelmo Symme manerium domini Regis de la Gare cum quodam marisco vocato Sloyhelle cum omnibus et singulis pertinenciis suis exceptis feodis militum, etc. In quibus quidem manerio et marisco liberari fecit staurum vivum et mortuum videlicet in manerio de la Gare LXVI acr' frumenti LXX acr' ordei LII acr'vesc' XIIII acr' aven II equos carectar' CLXXIIII multones II apr' III sues XV porcul' etat' dimid' anni et in predicto marisce de Sleyhelle XXX hurcard' DCC oves matrices tenend' usque ad finem septem annorum reddendo inde annuatim XXIIII X libr' sterlingorum de claro ultra repris' etc. Ita, etc.». A. R. Or., II, A° 41° Edw. III, Ro. 12, p. 293.

«R. per idem ep'm concessit et ad firmam dimisit Petro de Tonge et Thome Gregory manerium ipsius domini Regis de Eselynge cum omnibus et singulis pertin' suis exceptis feodis militum, etc. In quo quidem idem dominus Rex liberari fecit eidem Petro et Thome staurum vivum et mortuum videlicet de frumento pro semine XXXI quarteria de ordeo pro semine et liberacione LXXVII quart' de aven' pro semine XX quart' I equum carectar' V scott, pro caruc' CCLXV multones I aprum III sues II corpora carectar' sine rotis II carucas cum toto apparatu exceptis II vomeribus et II cultur' ad idem tenend' etc. reddendo inde annuatim XL marcas sterling' de claro ultra repris' et reddit' denar' inde castro dicti domini R. Reg' Doverr' et aliis annuatim debit' durante termino predict' incipiente prima, etc. Et si, etc.». Ibid., A° 41° Edw. III, Kanc'. Ro. 9, p. 293.

«Rex per venerabilem patrem dominum Willelmum Wynton' ep'm cancellar' suum concessit et ad firmam dimisit Johanni Michel manerium suum de Mere cum suis pertin' Except' ward' maritagiis, etc. tenend' usque ad finem septem annorum In quo quidem manerio idem dominus Rex liberari fecit eidem Johanni duos equos carect' scott' pro caruc' CXXI multones X quarteria ordei pro semine IIII quarteria aven' pro semine Reddendo inde annuatim X marcas sterlingorum ac eciam VII libras de redditu assiso XVII s. de precio gallorum et gallinarum et consuetudine manerii predicti quos idem Johannes sumptibus suis propriis de tenentibus ejusdem manerii colliget et recipiet racionabiliter secundum legem et consuetudinem hactenus in comitatu usitat' idemque Johannes adgistamentum de herbagio in parco pro sustentacione bestiarum manerii predicti ac eciam focali et bosc' extra parcum, etc. percipiet, etc». Ibid., A° 41° Edw. III. Kanc'. Ro. 8, p. 292.

В Public Record Office нам встретился документ, несколько дополняющий записи, образчики которых мы только что привели. Это — rotulus patens Ричарда II от 5-го года его царствования. Вот он:

«Rex dilecto clirico suo Willelmo de Hanley uno Rememoratorum da Scaccario nostro salutem. Cum dominus Edwardus nuper Rex Anglie avus noster per literas suas patentes indentatas de magno sigillo suo dat' XV die maij anno regni sui XLIIII-to tradiderit et ad firmam dimiserit Johanni de Foxle Chivaler manerium suum de Bray cum pertin. in Com' Berk habend' et tenend' manerium predictum cum extrahura et alliis suis pertin. a festo sancti Michaelis tunc prox. preter. usque ad finem tresdecim annorum tunc prox. sequent. plenarie completorum una cum proficuo subbosci durante termino predicto proporcionaliter capiend' Ita videlicet quod ultra octavam partem ejusdem subbosci per annum non caperet seu prosterneret soluendo eidem domino Regi in Scaccario suo apud Westm' singulis annis durante firma sua sexaginta et tresdecim libras sex solidos

et octo denarios sterlingorum ad festa Pasche et Sancti Michaelis per equales porciones. Et quod prefatus firmarius haberet maeremium pro reparacione domorum necessariorum eiusdem manerii carucarum carectarum et herciarum housbote heybote et focale quociens necesse foret per visum et assignacionem senescalli terr' dicti avi nostri qui pro tempore foret vel sui locum tenentis in hac parte Et quia dictus firmarius in principio dicte firme sue certa bona et catalla dicti avi nostri receperit videlicet XIIII boves precii septem librarum quatuor affros precii XII s. Item X acras et dimidiam rodam terre apud Ocle seminat' cum frumento unde VI acre ter arabantur et VIII acre et dimid' bis arabantur et inde compostebantur cum falda V acre et V acr' et dimid' apud Brayforlong seminat' cum frumento ter arat' unde compostebantur cum falda V acre et cum carecta dimidia acra et XIX acr' et dimid. rod' terre in le hay seminat' cum frumento unde VIII acre terre ter arabantur et XI acre et dimid' bis arabantur Item IIII acr' et dimid' terre apud Ocle seminat' cum siligine bis arat' unde compostebatur cum falda una acra et tres acr' apud le hay seminat' cum siligine bis arat' et octo acre apud Weldon' seminat' cum siligine bis arate unde compostebantur II acre cum carecta et cum falda VI acre III rod' et dimid' apud Abenetheberwe seminat' cum siligine bis arat' et II acr' et III ron'. apud Sixaeres seminat' cum siligine bis arat' Item VII acr' et dimid' apud Weldon' seminat' cum ordeo bis arat' unde compostebantur cum falda V acre et IIII-or acr' apud Stanputhure seminat' cum ordeo bis arat' et II acr' III rod' in Maistroffure seminat' cum ordeo bis arat' et IIII acr' apud Eldernestuble seminat, cum ordeo bis arat' et IX acr, et dimid' in Furmeforlong' seminat' cum ordeo bis arat' unde compostebantur cum falda III acr' et IX acr' I rod' dimid. in le hay seminat' cum ordeo bis arat' at XVII acr' dimid. rod' apud Ocledonne seminat' cum ordeo bis arat' Item III acr' I rod' apud Holynden seminat' cum drag' bis arat' et II acr' apud Hungerhull' seminat' cum drageio bis aratas Item VI acr' in le hay seminat' cum pisis nigris semel arat' Item III acr' apud Hunggerhull' seminat' cum aven' semel arat' et II acr' in Fornuforlong seminat' cum aven' semel aratas et I acr' terre quondam Ade Michel que tunc fuit in manibus dicti avi nostri seminat' cum aven' semel arat' Ideo predictus firmarius in fine termini sui tot animalia seu valorem eorumdem ad eleccionem dicti avi nostri et consilii sui et tot acras terre arat' et compostat' et seminat' cum diverso genere bladorum modo quo premittitur ibidem ad opus dicti avi nostri dimitteret Et si contigerit firmam predictam in parte vel in toto aretro fore per unum mensem post aliquem terminorum predictorum tunc liceret ministris dicti avi nostri dictum manerium cum pertinenciis reingredi et tenere cum bonis et catallis quibuscumque ibidem inventis quousque de eo quod sic aretro fore contigeret eidem avo nostro plenar' foret satisfactum...» Record Office. Lord Treasurer's Remembrancers of Exchequer Memoranda 5 Ric. II: Commissiones et littere patentes de termino s. Trinitatis anno quinto Regis Ricardi Secundi.

[81] «Et [de] XI libris V s. ob. quadr. de capit. mes' $\frac{XX}{IIII}$ (= 82) acr' di' terre de dom. acra ad XIX d... 10 acr. prati acra VI s. XVI acr' pasture voc' Oxpostour in toto ad XXXI s. sic affirmatis tenentibus ibidem ad voluntatem t' martini et Pent' Et de IIII libris XIIII s. IIII d. de LXIX acris una roda terre del Forland sic affirmatis tenentibus ibidem ad voluntatem etc hoc anno V-to». Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts. Bundle 507, № 8226 (30—31 Edw. III) (Country of York.). R. 4.

[82] «Et de XXIII libris de CCXL acris una roda terre LXI acr' prati de dominic' una cum VI acr' una roda prati apud Stanleylideyate XX acr' terre voc' milneflat una... prati voc' Dampstede VIII acr' prati voc' Swayncroft et pastura in Pery... Gildeker Thome Rodelres Coteyerd et in' salices sic dimiss' Johanni... Ricardo Naillere et Thome Naillere Johanni de Dodeworth Thome Tilesson Johanni Smyth Michaeli Greyne Ricardo Tilly Ade Michel et Roberto Adamson ad terminum... annorum per generalem consilium domini term. Annunciacionis et Nativitatis beate marie hoc anno III[o] et tunc sol' XXVI libr. XVIII s. ut plenius patet in compoto de anno XXVIII Et de XL s. de firma situs manerii herbag' parci et quarumdam terrarum de dominic cum firma de Personesclif que r' sol' per annum VI s. VIII d. sic affirmat' Johanni Davy hoc anno t' michaelis et tunc r' sol' VII

libras VI s. VIII d. et non plus quia terre non possunt inculcari eo quod includ' parco pro sustent' fer'...» Ibid., R. I.

«Et de XV libris de CXX acr' terre XXXI acr' III rod' prati de dominic. una cum pastura del Twait stagno subtus maner' langeleigate Okewelleng Brodeste... Staut Thormland Starrod Oxpastour cum herbag' et fructu magni gardini sic affirmat' prius ad terminum X annorum et modo affirmantur Henr' Olton Johanni Gamul et Ricardo de Armeleye ad terminum XV annorum t' Pasche et michaelis hoc anno X-mo». Ibid., R. I.

«...Et de LXXI s. II d. quadr. de CXXXIX acr' III rod' dim. terre de dominic. in Hallefield et II acr' et dim. prati in Russhmarssh sic dimiss' Ricardo de Snayth per scriptum domini ad terminum vite t' Pasche et Michaelis hoc anno V». Ibid., R. 5.

«Et de VII libris IX s. de situ manerii gardino et tofto LXXIIII acr' terre et VI acr' prati in Southenge X acr' prati in Beighale cum herbag' ad XXIIII averia tempore estiuale et subbosco ad m' fagot custubus suis propriis per visum parcarii seu alicujus ministri domini percipiend' in parco sic affirmatis Johanni de Cotyngton ad terminum X annorum t' Pasche et Michaelis hoc anno V-to omnibus dom' maner' manutenend' sumptibus dom. exc. Grang' Bouer' et Granar'». Ibid., Rot. 3.

«Et de C s. qe firma capitalis mesuag' CXXXVI acr' terre-XVI acr' prati de nov' dominic' cum pastura in Thurstansthagh' magna et Cotey et herbag' ex maner' una cum herbag' Bosci del Schagh' Blakefen en Stubbyng sic dimiss' Thome Elis et Willelmo fratri suo ad terminum X annorum t' Pasche et Michaelis hoc anno VII-mo et tunc r' sol' IX libr. XIII s. VIII d. Et de XX s. de firma II molendinorum aquatic' de Hillom sic dimiss' Thome Elis hoc anno t' Pasche et Michaelis et tunc r' s' per annum LX s.».... Ibid., R. 3, Мэнор Berwyk.

«Et de X libris de capital' mes' CLXXII acr' di' terre in secroft quarum LI acr' in man' tenent' X acr' di' prati separal' pasture in le Westkerre et herbag' in—bosco cum XIX s. IIII d. annui redd' diversorum tenent' in man' Thome Elys ad voluntatem domini t' Pasche et Michaelis et tunc r' sol' XIII libras XIII s. IIII d.». Record Office, Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, Bundle 507, № 8227 (47—48 Edw. III), Мэнор Roundehay, рубрика firme.

«Et de XII s. de herbagio bosci de Scoles sic dimiss' Thome Elys ad terminum XII annorum ultra terram ibidem superius arrentatam e t' hoc anno IIII-to et tunc reddere sol' XXVI s. VIII d.». Ibid., Мэнор Scoles, рубрика firme.

«Et de XIII s. IIII d. rec' de gardino capital' mes' dom. in Poterton dimiss' Thome Elys ad voluntatem domini t' Pasche et Michaelis Et de X s. de furno dom. ibidem cum una acra terre sic dimiss' hoc anno Et de IIII libris rec' de X bou' terre in Wodhous nuper in manibus bondorum tenent' jam defunctorum pro C s. VI d. sic dimiss' Thome Elys et Willelmo Boteler t' Pasche et Michaelis Et de VI libris XIII s. IIII d. rec' de firma de novis terris dominicis de Berewyk sic dimiss' Thome Elys et heredibus de corpore suo etc per scriptum Henrici nuper Ducis Lancastr' t' Martini et Pent'». Ibid., Мэнор Berewyk, рубрика firme.

[83] «Et de VI libris XIII s. IIII d. de capitali messuagio cum II gardinis CXLII acr' una roda terre X acr' III rod' prati separali pastura in Balnyng et Hargincroft agistam. in Bernesdale pro med' pro parte dom. cum marisco pro turb' et cirpis in litelmor affirmatis Rogero de Clowne Rectori Ecclesie de Camsale ad terminum XII annorum t' Pasche et Michaelis hoc anno VI-to non obstante firme septem librarum decem et octo solid. et duorum denar' unde prius afirm' ad terminum que non dum preteriit et hoc pro debilitate...» Record Office. Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, Bundle 507, № 8226 (30—31 Edw. III) (County of York), R. 4, Мэнор Camsale.

В мэнорe Akworth capitale mesuagium cum omnibus terris) et pratis de dominic' взял в аренду на 12 лет Johannes de Barton Recort ecclesie de Akworth. Ibid., R. 4.

«Rex per idem ep'm concessit et ad firmam dimisit Thome de Woltone rectori ecclesie de Godmersham et Johanni Newe manerium domini Regis de Bertone Bukwelle cum suis pertin' in quo stat tantum una domus exceptis wardis maritagiis, etc. tenend' usque ad finem septem annorum reddendo inde per annum un' marc' sterling' de claro ultrà repris' etc. Ita etc.». Abbrev. Rot. Orig., II: \° 41° Edw. III. Kanc' Ro. 10, p. 293.

[84] Много случаев такой аренды мы находим в Duchy of Lancaster Court Rolls, Bundle 64, № 808 (25 Edw. III) (Record Office). Например: «Ad hanc Curiam venit Johannes marion' et cepit de domino dimidiam virgatam terre quondam Galfridi le Cartere habend' et tenend' de domino dictam virgatam (sic) terre eidem Johanni a festo sancti michaelis ultimo preterit' usque ad finem XII annorum prox. sequent. et plenarie complet' redd' domino per annum XVI s. ad IIII terminos principales equis porcionibus primo termino soluc' incip' ad fastum Natalis dom. prox futur' Et dat de fine ut patet» (на полях: firma terre XVI s., finis VI d.).

В парламенте 37-го года царствования Эдуарда III (1363 г.) общины жалуются, что вследствие чумы и больших ветров королевские мэноры, находящиеся в руках его непосредственных держателей и у других «sont touz desolatz, gastez et anientez, si bien les Homages et Bondages come le chiefs Manoirs, et tieux Tenantz de Bondage come furent devant ne poeut ore estre trovez»; и вот, чтобы облегчить бедственное положение и иметь хоть какой-нибудь «profit des ditz Terres et Wastes, les Seign'rs des ditz ruinouses places les lessent, toute ou partie, a terme de vie pur les enhabiter». Rotuli Parliamentorum, II, p. 279.

[85] См., например, выше, на стр. 223—225 текст мэнориального протокола 30 Edw. III. Ср. F. W. Maitland, The History of Cambridgeshire Manor (The English Historical Review, № XXXV, July 1894, v. IX, pp. 417—439, или The Collected Papers of Frederic William Maitland edited by H. A. L. Fisher 1911, volume II, pp. 366—402).

[86] Ср. Maitland, The Hist. of Cambr. Manor.

[87] «Ad istam Curiam venit Johannes atte hyde et cepit de domino dimidiam virgatam terre native cum petrin. in Waltham in qua Willelmus Baron bastard' obiit seisitus sine hered' de se Tenend' eidem Johanni her' et assign' suis ad voluntatem juxta cons' manerii per servicia et cons' saluo iure cuiuslibet preter qua soluet domino pro isto anno de firma certa XII d. Qui fecit fidelitatem domino Et dat de fine pro ingres' habend' ut patet Et invenit plegios ad manutenend et commorand' et ad fac' id quod de iure facere debet videlicet Joh' Strout Joh' Jacob et Johannem Alisaundre». Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls, Bundle 65, № 817. Из протокола 34 Edw. III.

[88] «Ad hanc Curiam venit Reginaldus Bayfer et Johanna uxor eius et ceperunt de domino dimidiam virgatam terre quam Johanna melford tenuit et de qua recessit ut patet in quadam Cur' precedent' habend' et tenend' de domino dictam virgatam terre eisdem Reginaldo et Johanne usque festum sancti michaelis prox futur' Et a dicto... festo sancti michaelis usque ad finem decem annorum prox. sequ. et plenarie compl' reddendo domino per annum XVI s. ad festum Pasche et sancti michaelis equis porcionibus pro omnibus seruiciis et secul' demand' primo termino soluc' incip' ad festum sancti mich. prox. futur' Et fecit fid' custod' dicta ten' sine vasto et destruct' etc» (на полях: firma terre XVI s.). Ibid., Bundle 64, № 808. Из протокола 25 Edw. III.

[89] «De LXVI sol. ob. de redditu liberorum et terminariorum in Roundhay liberorum et terminariorum in Schadwell' t' martini et Pent' ut in extenta nichil hic quia in man' firmar' ut inferius». Record Office, Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, Bundle 507, № 8226 (30—31 Edw. III), Rot. 2.

«Et de VI lib. XI s. VII d. de redditu tenenc' in Bond' terminar' et tenent' ad voluntatem t' martini».

«Et de VIII lib. XIII s. III d. ob. quadr. de redditu libere tenencium (24 s. 9 d.) et terminar' (VIII lib. VIII s. VI d. ob. quadr.) t' Martini et Natiuit. J. Bapt.».

«Et de LX lib. 1 d. ob. de redditu libere tenent' Natiuorum Cotariorum et terminariorum in Ant'bus Croweleigh' t' Martini et Nativit. J. Bapt.». Record Office, Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, Bundle 4, № 24 (25 et 26 Edw. III) (County of Chester).

[90] «Et de II s. rec' de Ricardo del Wodhous et Roberto del Holton pro V acr' terre in le Illeflatte eisdem dimiss' per rotulum Curie de anno XLV-to ad terminum duodecim annorum hoc anno quarto t' Michaelis pro toto anno». Record Office,

Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, Bundle 507, № 8227 (47—48 Edw. III).

[91] «Simon Symond et Johannes atte Helle natiui domini adquisiverunt per cartam unum cotagium et dimidiam acram terre in Littelhey et modo veniunt et petunt de gracia domini quod possunt tenere dictum cottagium et terram per virgam ad voluntatem domini Et concessum est eis tenere ad voluntatem domini per servicia etc Et dant domino de incremento redditus annuatim ad festum Michaelis ob. Et eciam dant de fine pro tali gracia habenda ut patet Et preceptum quod deliberent Curie proxime cartam etc sub pena XL d.». Record Office, Duchy of Lancaster Court Rolls, Bundle 66, № 829 (Essex) (1 Ric. II).

«Ad hanc Curiam venit Johannes Pakyn natiuus domini et cognouit quod adquisiuit per cartam unam croftam terre continentem IIII acras de Ricardo Treket et petit quod possit tenere predictam terram per virgam ad voluntatem domini cui concessum est salvo iure cuiuslibet Reddendo inde domino de incremento redditus unum denarium ad festa Michaelis et Pasch' et fecit fidelitatem Et dat domino de fine pro tali statu habendo Et habet diem contra proximam Curiam ad reddend' cartas suas» (на полях: incrementum redditus I d., finis V s.). Record Office, Duchy of Lancaster Court Rolls, Bundle 66, № 834 (5—6 Ric. II).

«Compertum est per inquis' quod Johannes Cooth natiuus domini adquisiuit per cartam unam acram terre Et modo venit dictus Johannes et petit quod possit tenere dictam acram terre per virgam ad voluntatem domini cui concessum est Tenend' eidem Johanni et heredibus suis ad voluntatem domini Reddendo inde domino annuatim de incremento redditus I d. Et fec' fid' Et dat de fine pro ingressu habendo ut patet» (на полях: finis II s.). Ibid., Bundle 66, № 829 (1 Ric. II).

«Ad ultimam Curiam preceptum fuit Johanni Page bedello domini quod seisire fac' in manus domini unam acram terre et dimidiam que (s i c) Johannes Rede natiuus domini alienavit per cartam cuidam Nicholao Stobbere Et modo ad istam Curiam venit predictus Nicholaus et petit quod possit tenere predictam acram terre et di' pro incremento redd' per virgam domini cui concessum est Tenend' sibi et heredibus suis ad voluntatem domini Reddendo inde domino annuatim noui redditus ad festum michaelis unum denar' Et fecit fidel' Et dat domino de fine pro tali statu habend' ut patet per plegium Johannis haldeyn Et quia predictus Johannes Rede est natiuus domini et alienavit predictam acram terre et dimid' per cartam sine licencia domini dat domino de fine ut patet» (на полях: Nou' redditus; fin' XII d.; finis VI d.). Ibid., Bundle 65, № 824 (42 Edw. III).

«Ad ultimam Curiam preceptum fuit bedello quod seis' fac' in manus domini unam acram terre quam Johannes atte helle natiuus domini adquisiuit per cartam de Thoma Wodeham Et modo venit dictus Johannes atte helle et petit quod possit tenere dictam acram terre per virgam ad voluntatem domini cui concessum est Tenend' eidem Johanni et heredibus suis ad voluntatem domini Reddendo inde domino annuatim de nouo redditu ad festum Pasch' unum denarium Et dictam cartam per quam adquisiuit dictam acram terre modo in manus domini reddit Et fecit fid' Et dat domino de fine pro tali statu habend' ut patet» (на полях: Nouus redd' I d., finis III s. III d.). Ibid, Bundle 65, № 825 (42 Edw. III).

[92] «Dies datus est Edmundo Warenner essend' ad proximam (sic) ad ostend' qualiter ingressus est in V acr' terre de ten' nuper Symonis Geffrey etc Et ven' et ostend' quoddam irrotulamentum quod dominus concessit ei dicta tenementa ad terminum IX annorum cuius dat' e' a° R. nunc XXI-o Ideo sit quietus». Ibid., Bundle 64, № 811 (29 Edw. III).

[93] «Et de XIX s., VI d. de incremento firme LII acr' terre in le Welleflate concess' per rotulum Cur' anni XLVI-ti domino Johanni de Bretby Capellano ad t' viginti annorum hoc anno tercio ultra I d. ob. de antiqua firma videlicet pro qualibet acra III d. ob t' Pasch' et Mich' per plegium Thome Elys ut in rotul' Cur' eiusdem anni XLVI-ti». (Манор Berewyk.).

«Et de XVI lib. XIII s. IIII d. rec' de capital' mes' cum aysiament' domorum manerii de Roundehay cum omnibus terris arabil' pratis et pasturis separabilibus dominibus de manerio predicto pertinent' quoquo modo cum puteo marlere nuper ad XIII s. IIII d. et cum LXVI s. ob. exeunt' annuatim de reddit' liberorum et terminariorum in Roundehay, liberorum et terminariorum in Shadewell ac eciam

cum pastura unius tauri et viginti vaccarum in parco del Roundehay tam tempore yemali quam estiuali sic dimiss' Johanni del West de Bramham per rotulum Curie anni XLVII-i ad terminum IX annorum hoc anno secundo non obstante termino quem Thomas Taillour habuit in eisdem eo quod Sibilla que fuit uxor predicti Thome et execut' testamenti eiusdem Thome reliquit super dom' propter ejus inopiam et servientium paucitatem ut plenius patet in rotulo Cur' predictis terminis Pasch' et Mich' sub condicione quod si ipse non habeat pasturam in parco quolibet anno tempore yemali ad XXIIII boves durante eodem termino quod allocantur ei XII s. in firma sua sicut predicti Thomas et Sibilla habuerunt temporibus suis et tunc r' sol' per annum XX lib.». (Мэнор Roundehay). Record Office, Duchy of Lancaster Ministers' Accounts, Bundle 507, № 8227 (47—48 Edw. III).

[94] «Et de VIII d. rec' de I acra terre ibidem in loco vocato Gib-tak existent' in manibus Johannis de Midelton persone ecclesie de merschton ex dimiss' per rotulum Cur' anni XLII ad totam vitam suam».

«Ed de IIII d. rec' de Ricardo Smyth de nouo redditu pro dimidia acra terre invente per examinacionem senescalli non content' in nouo rentali sic sibi dimiss. ad totam vitam suam per rotulum Cur' anni XLV-ti t' Pasch' et Michaelis»,

«Et de II, s. VIII d. rec' de firma IIII acr' terre in Coppewelleflate dimiss, per rotulum Cur' anni XLII Roberto Jolyf ad totam vitam suam videlicet pro acra VIII d. t' Pasch' et Michaelis». Ibidem.

[95] См. выше, стр. 57 — 58.

Per rotulum Curiae сдавали в аренду и мельницы.

«Et de LXXVI s. VIII d. de firma molendini aquatici et ventrit' de Saxton sic dimis' per rotulum Curie t' Pasch' et Michaelis».

«Et de XIII s. IIII d. rec' de quodam molendino fulret' situat' apud Hil' in loco eiusdem molendini aquatic' nuper ibidem sic al' dimiss' Thome Elys per rotulum Cur' anni XLIII-cii ad terminum XX annorum hoc anno quinto t' Pasch' et Michaelis». Record Office, Duchy of Lancaster Ministers' Accounts. Bundle 507, № 8227 (47—48 Edw. III).

[96] «In view of all this manorial documents have to draw a distinction between tenements in villainage and land held at the will of the lord, not in the general, but in the special and literal sense of the term. From a formal point of view, villain tenure by custom obtained its specific character and its name from a symbolical act performed in open Court by the steward; a rod was handed over to the nerw holder bu the lord's representative, and a corresponding entry made in the roll of the Court. Hence the expression tenere per virgam aut ter rotulum Curie». Vinogradoff, Villainage in England, p. 172—3.

[97] Ср. выше, стр. 88—91.

[98] См. Record Office. Duchy of Lancaster Court Rolls. Bundle 32 №№ 299, 303—307; Bundle 33, №№ 310, 313—315, 317, 320—329; Bundle 64, №№ 806—808, 810—816; Bundle 65, №№ 817—819, 823—826; Bundle 66 №№ 827—828; Bundle 66, № 835; Bundle 67, № 837 и пр.

К ПРИЛОЖЕНИЮ

[1] Все три названные хроники напечатаны в издании Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores (так называемой Rolls' Series) под такими заглавиями: Chronicon Angliae 1328—1388 auctore monacho quodam Sancti Albani. Edited by Edward Maunde Thompson. London, 1874; Thomae Walsingham quondam monachi S. Albani Historia Anglicana. Edited by Henry Thomas Riley. Vols I—II. London. 1863—64; Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albania Thomae Walsingham. regnante Ricardo Secundo, ejusdem ecclesiae praeceptore, compilata. Edited by Thomas Riley. Vols I—III. London. 6 —1869 (рассказ о восстании 1381 года находится в III томе).

[3] В I томе вставлены стр. 470 (со слов «Nec mora»)—484, во II стр. 22 (со слов «Cum itaque Rex») — 31 (до слов Finitis Vesperis) и стр. 36 («Interea villani») — 38 (кончая словами «idem Abbas quae volebat»).

[3] Эти Gravamina per tenentes Monasterii Sancti Albani eidem Abbati violenter illata напечатаны в Gesta Abbatum, v. III, pp. 289—296.

[4] Charta libertatis villanorum Sancti Albani, de Abbate et Conventu ibidem violenter extorta, pp. 318—320; Obligatio Abbatis Sancti Albani, per villanos violenter extorta, p. 321; Defatio super obligatione praetitulata, pp. 321—322; Acquietancia generalis, per villanos praedictos a praedicto Abbate violenter extorta, p. 322; Charta libertatum, extorta per villanos de Barnet, p. 324; Charta libertatum, per tenentes de Watford et Caysho violenter extorta, p. 325; Charta libertatum, per villanos de Rikemeresworthe violenter extorta, p. 325—326; Charta per tenentes de Trenge de toloneo violenter extorta, p. 327.

[5] Chron. Angliae, p. 288.

[6] Ibid, p. 289.

[7] См. речь Джона Болла в Chron. Angl., p. 320—321, а также Froissart, IX, 387—389; об отношении к чиновникам см. в разных местах как названных хроник, так и других.

[8] Chron. Angliae, p. 290.

[9] Ibid., 311.

[10] Chronicon Angliae, p. 291—293.

[11] Chron. Angliae, 309—310.

[12] Ibid., p. 308.

[13] «Iam, ait, mentiri non expedit, nec fas est falsa proferre; praesertim cum per ea noverim spiritum meum tormentis artioribus deputandum, et quia duplex spero commodum ex veritate dicenda: primo, quia reipublicae profectura sunt quae dicam, et postea, juxta promissa vestra, post mortem vestris suffragiis adjuvari sine fuco eloquar falsitatis». Ibid., p. 309.

[14] «Eo tempore», inquit, «quo ad le Blakeheth convenimus, quando pro accersiendo rege destinavimus, propositi nostri fuerat, cunctos milites, armigeros et ceteros generosos, qui cum eo venissent, morti subito tradidisse; ipsum quoque regem, inter nos regaliter exhibitum in universis, nobiscum de loco ad locum traduxisse, ut, eo viso, omnes, et praecipue commune vulgus ad nos et nostram turbam transmigrare debuissent audacius, qui viderent, ipsum regem esse velut auctorem nostrae commotionis. Cumque innumerabilem turbam conflassemus per omnes patrias communis plebis, repente dominos mortificassemus, in quibus consilium contra nos, vel resistentia, esse potuisset; et primo et principaliter, destructioni Hospitalanorum vacassemus. Postremo, regem occidissemus, et cunctos possessionatos, episcopos, monachos, canonicos, rectores insuper ecclesiarum, de terra delevissemus. Soli Mendicantes vixissent super terram, qui suffecissent pro sacris celebrandis aut conferendis universae terrae. Cum vero nullus major, nullus fortior, nullus scientior, nobis superfluisset, leges condidissemus ad placitum, quibus subjecti regulati fuissent. Nam et reges creassemus, Walterum Tylere in Kancia, et in ceteris comitatibus singulos praefecissemus. Sed quia istud nostrum propositum impeditum fuit per archiepiscopum, majori odio exarsimus contra eum, et citius studuimus tradere eum morti. Rursum, eo die advesperascente quo occisus est Walterus Tylere, proposuimus, quia commune vulgus Londoniensium nobis favebat, et praecipue pauperiores, injectis ignibus in quatuor partibus civitatis, urbem repente cremasse, et omnia pretiosa reperta inter nos pro libito divisisse». Et addidit: «Haec fuerunt in nostro proposito, sicut Deus me adjuvet in exitu vitae meae». Ibid., p. 309—310

[15] Ibid., p. 308.

[16] «Ne autem insufficiens videnda fuerat ista unius confessio, confessi sunt eadem, vel omnino similia, plures alii, dum mortem adesse prae oculis cernerent, qui ex post capti sunt». Ibid., p. 310.

[17] См. Chron. Angliae, pp. 295, 295—6, 321; Froissart, IX, pp. 387—389; Knighton, lib. V, col. 2634, 2638, 2643, 2644, 2655; Higden, IX (Appendix), p. 4; Annales Monastici, v. III, p. 418—419; Mon. Evesh., p. 33; Stow. pp. 284—285, 294; An Anonymalle Chronicle, pp. 509—522;

Fasciculi Zizaniorum, pp. 272—274; Political Poems and Songs, v. I, p. 235; Joh. Gower, Vox Clamantis, lib. prim., cap. XI, p. 50, а также 49; Wilkins, Concilia, vol. III, pp. 64—65, 152—153; Record Office: Patent Roll 50 Edw. III, Part II, A tergo, m. 8, Chapter House Placita, 33. Cantebrg. Plac' etc. 5 Ric. II. Ro. V; Knighton, lib. V, col 2633—2632; Froissart, IX, pp. 394, 411; Eulogium, v. III, p. 352; Froissart, IX, pp. 421, 408; Chron. Angliae, pp. 310, 307, 305—306; Froissart, IX, pp. 406, 410; Vox Clamantis, lib. I. cap. IX, v. v. 693—700, p. 46; Rotuli Parliamentorum, v. III, p. 175; Rec. Office. Coram Rege Roll Michaelmas 5 Ric. II, m. 1; Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr. Plac. etc. 5 Ric. II, Ro. XII; Rec. Office, Ch. H. Pl. 33. Cantebr. Plac. ad. perturbatores pacis puniend. etc. et presentationes 5 Ric. II. Ro. primus; Pat. Roll 5 Ric. II, Part. I, m. 35. d. (Rymer, III, P. III, p. 123—124 и Chron. Angliae, p. 314—315): Chron. Angliae, pp. 116 и 117; Eulogium, III, p. 345.

[18] См. Mon. Evesh, p. 27—28.

[19] См. De revocatione quarumdam Literarum Manumissionis et Pardonationis, saeviente Plebe, Communitati Regni Angliae concessarum у Раймера, т. III, ч. III, стр. 124, а также Literae Revocationis Libertatum в Chron. Angliae, pp. 318—319.

[20] Chron. Angliae, p. 295.

[21] Froissart, IX, pp. 406, 410.

[22] «maxima pars illius populi taliter saevientis». Mon. Evesh., p. 27; Фруассар говорит, что на Mile-End'е было 60.000 чел., а на Смисфилде 20.000 чел. Froiss., 405, 410.

[23] Oeuvres de Froissart, publiées avec les variantes de divers manuscrits par M. le baron Kervyn de Letenhove, Chroniqués. Tome neuvième, 1377—1382. Bruxelles. 1869.

[24] Froissart, IX, pp. 387—389, а также 391 и passim.

[25] См. напр., pp. 395 — 396 (восставшие с Блэкгиза посылают к королю в Тоуер рыцаря Джона Ньютона), 407—409 (убиение восставшими Роберта Сали, военного начальника города Норича), 404—406 (свидание короля с восставшими на Mile End'е, где король будто бы дал восставшим обещание выдать им свои знамена), 410—410 (сцена на Смисфилде, где король будто бы потребовал от восставших назад свои знамена).

[26] Ср. напр., pp. 387 — 389 с pp. 392—393 и 395 (и там, и здесь Фруассар изображает причины недовольства среди крестьян и их стремления).

[27] Henrici Knighton Canonici Leycestrensis Chronica de Eventibus Angliae a tempore Regis Edgari usque mortem Regis Ricardi secundi. Nunc primum edita ex Mss. codicidus fideliter collatis. Напечатана в сборнике: Historiae Anglicanae Scriptores X, by Twysden. Londini. M. D. C. L. II. В новом издании (2 тома) Cronicle of Henry Knighton вошла в серию Rer. Brit. M. Ae. Scriptores (Rolls' series), под редакцией J. R. Lumby.

[28] Eulogium (Historiarum sive temporis): Chronicon ad orbe condito usque ad Annum Domini M. CCC. LXVI, a monacho quodam Malmesburiensi exaratum. Accedunt continuationes duae, quarum una ad annum M. CCCC. XIII. altera ad annum M. CCCC. XC. perducta est. Edited by Frank Scott Haydon, B. A. vol. III. London. 1863 (из серии Rerum Britannicarum Meddi Aevi Scriptores).

[29] R. B. M. A. S. Polychronicon Ranulphi Higden monachi cestrensis together with the english translation of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century. Edited by Rev. Joseph Rawson Lumby, D. D. Vol. IX (Containing a continuation of the Polychronicon by Johannes Malverne). London. 1886. Appendix, pp. 1—10.

[30] Chronica Guill. Thorne, Monachi S. Augustini Cant. De rebus gestis Abbatum Sancti Augustini Cantuariae, напечатанная у Twysden'a в Historiae Anglicanae Scriptores X.

[31] R. B. M. A. S. Annalles Monastici. v. III. Edited by H. R. Luard. London. 1860: Annales Prioratus de Dunstaplia. Appendix, pp. 415—419.

[32] Historia Vitae et Regni Ricardi II, Angliae Regis, a Monacho quodam de Evesham consignata, E. Codicibus MSS nunc primus edidit Tho. Hearnius. Oxoniae. A. D. MDCCXXIX.

[33] Mon. Evesh., pp. 21—24, 27—28, 33.

[34] Memorials of London and London Life in the XIII-th, XIV-th and XV-th centuries being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A. D. 1276—1419. Selected, translated, and edited by Henry Thomas Riley, M. A. London. DCCCLX VIII: Account of the Insurrection of Walter Tyler, and of his death at the hands of William Walworthe, the Mayor.

[35] The Annales or Generall Chronicle of England, begun first by maister John Stow, and after him continued and augmented with matters forreyne, and domestique, anncient and moderne, unto the ende of this present yeare 1614 by Edmond Howes, gentleman. Londini. Impensis Thomae Adams. 1615.

[36] Holinshed, Chronicles. Hooker, v. III.

[37] Ср. Stow, pp. 288—290, Chronicon Angliae, pp. 295—298, Froissart, IX, pp. 411—415 и Knighton, lib. V, col. 2637.

[38] «quoth the collector that will I soone wit, and taking the mayden, turned her up to search whether shee were under growne with haire or not (for in many places they made the like triall)». Stow, p. 284.

[39] Stow, p. 284.

[40] Stow, p. 284, взял это известие у автора Анонимной хроники. См. Anonimalle cronicle, p. 512.

[41] Петиция общин в парламенте 7 Ric. II. называет вождя восставших «Wauter Tylere del Countes de Kant» (Rot. Parl., III, 175); Уотом Тайлером из Мэдстона (в Кенте) называет его автор Анонимной хроники (An anonimalle cronicle, p. 512); в Продолжении же хроники мэмсберийского монаха он является как unus tegulator de Essex (Eulogium, III, 352); Уолтером Тайлером из Эссекса (Walterus Teghelere de Essex) называют его и присяжные Даунгэмфордской сотни (в Кентском графстве) (Rec. Office. Ch. H. Misc. $^{21}/_{13}$ Kent. Presentaciones etc. 4. 5. Ric. II. Hundredum de Dounhamford).

[42] См. Political Poems and Songs, v. I, pp. 224—226 (On the Rebellion of Jack Straw), 227—230. (On the slaughter of Archbishop Sudbury); Knighton, lib. V, col. 2636; Holinshed, p. 429.

[43] Poema quod dicitur Vox Clamantis, nec non Chronica Tripartita, auctore Johanne Gower, nunc primum edidit H. O. Coxe, M. A. impensis societatis Roxburgensis. Londini, MDCCCL.

[44] Vox Clamantis, lib. I, cap. XI, vv. 695—700, p. 46.

[45] Ibid., lib. V, cap. IX, v. 589, p. 561—562, p. 267.

[46] Lib. V, cap. IX и X, pp. 266—270.

[47] On the Rebellion of Jack Straw. 1381; напечатано в сборнике Th. Wright'a Political Poems and Songs, relating to English history. London. 1859, v. I, pp. 224—226.

[48] Political Poems and Songs, v. I, p. 224.

[49] Ibid., pp. 227—230.

[50] Ibid., p. 227.

[51] Ibid., p. 227. Ср. Walsingham, Hist. Angl., v. I, p. 475.

[52] Johannis Capgrave Liber de illustribus Henricis. Edited by Fr. Ch. Hingeston. London. 1858, напечатана в R. B. M. Ae. Scriptores.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От Института К. Маркса и Ф. Энгельса 3
От редакции 5

Предисловие автора к третьему изданию. . . . . 9—10
Предисловие автора ко второму изданию. . . . . 11—12

Глава первая. **Описание восстания** . . . . . 13—71

Начало восстания (Эссекс и Кент), 13—25. Восставшие в Лондоне, свидание с королем на Майл-Энде и сцена на Смисфилде, 25—36. Восстание в Сэнт-Албансе, 36—43. Восстание в Бедфордшире, 43—44. Восстание в Саффольке и в Норфольке, 44—49. Восстание в Кэмбриджском графстве, 49—54. Восстание в Гэнтингдонском графстве, 54. Восстание в Нортгэмптонском графстве, 54. Восстание в графстве Дерби, 54 — 55. Восстание в Линкольншире, 55. Восстание в Лестерском графстве, 55—56. Восстание в Иоркшире, 56—57. Восстание в Сомерсетшире, 57 — 58. Восстание в Беркшире, 58. Восстание в Гэмпшире, Дорсетшире, Улитшире и Оксфордшире, 58. Подавление восстания 58—68. Ликвидация восстания 68—71 . . . . .

Глава вторая. **Характеристика восстания со стороны его организации и программы** . . . . . 72—106

I. Постепенное возникновение и развитие программы и организации у жителей Эссекса и Кента после столкновения с королевскими комиссарами и со сборщиками поголовного налога, 72—79. II. Причины появления инсургентов Эссекса и Кента в столице и роль Лондона в восстании 1381 года, 79—83. III. Анализ майл-эндской программы в связи с данными источников о сцене на Смисфилде и констатирование отсутствия общей программы и общей организации как у восставших Эссекса, Кента и Лондона, так и у жителей остальных графств, примкнувших к восстанию, 84—89. IV. Выяснение радикальной (идеологической) программы восставших: Исповедь Джэка Строу и требования Уота Тайлера на Смисфилде, поскольку они освещают эту программу, 89—92. Джон Болл и его проповедническая деятельность, 92—100. Роль лоллардизма в восстании 1381 года, 100—101. Радикальная программа и ее связь с реальной программой, 101—104.

Итоги и постановка вопроса для исследования восстания 1381 года со стороны места его в хозяйственной и социальной истории средневековой Англии, 104—106.

Глава третья. **Характеристика основ манориального строя.** 107—147

Общие замечания, 107. I. Хозяйственный строй английского феодального поместья, 107—117. II. Правовой строй английского феодального поместья, 117—131. III. Генезис

Стр.

феодального поместья в связи с общим процессом феодализации западно-европейских обществ, 131—137. IV. Юридическая доктрина общего права о вилланах-сервах и ее влияние на хозяйственный и правовой строй английского феодального поместья, 137—142. Проблема разложения мэнора, 142—147.

Глава четвертая. **Эволюция мэнориального строя до второй половины четырнадцатого века** . . . . . 148—200

Общие замечания о развитии денежного хозяйства в средневековой Англии с англо-саксонских времен, о его причинах и следствиях, 148—150. I. Перевод натуральных повинностей вилланов на денежные платежи (коммутация) и возникновение класса наемных рабочих, 150—159. II. Развитие самостоятельного барского хозяйства путем выделения его из общины, и путем захвата лордом мэнора общинных угодий (Мертонский и Второй Уэстминстерский статуты), 160—170. III. Развитие аренды на домэне, 170—176. IV. Развитие междукрестьянской аренды, 176—192. V. Продажа и покупка земли среди вилланов, 192—197. VI. Итоги, 197—200.

Глава пятая. **Черная смерть и рабочее законодательство четырнадцатого века** . . . . . 201—235

I. Черная смерть и произведенный ею хозяйственный разгром, 201—204. Поднятие цен на труд и попытки землевладельцев собственными средствами справиться с хозяйственными затруднениями, 204—207. Потребность в государственном вмешательстве, 207—208. II. Рабочий ордоннанс 1349 года, 208—211. III. Его неудача, 211—212. IV. Рабочий статут 1351 года (25 Edw. III), 212—217. V. Петиция общин в парламенте 1354 года, 217—218. Подтверждение, изменение и дополнение рабочего статута в 1361 году (34 Edw. III), 218—219. Тайная организация среди рабочих, 219—220. Петиция общин в парламенте 1362 года (36 Edw. III) о капелланах, епископское постановление о них и парламентское дополнение к нему, 220—221. Рабочие судьи, 221—222. VI. Петиция общин в парламенте 1368 года (42 Edw. III), 222—223. Борьба из-за рабочих между нанимателями, 223—226. VII. Билль о рабочих в Добром парламенте 1376 года, 226—229. VIII. Жалобы общин в первом парламенте Ричарда II (1377), 229. Петиция общин во втором парламенте Ричарда II (1378 — 1379), 229 — 230. Статут 12 Ric. II (1388), 230—232. IX. Рабочий вопрос и рабочий класс в современной рабочему законодательству литературе — в поэме Гауэра Vox Clamantis и в Видении Уилльяма о Петре Пахаре Лэнгли, 233—235. Заключение, 235.

Глава шестая. **Экономическая эволюция и социальная борьба во второй половине четырнадцатого века.** . . . . . 236—294

I. Хозяйственный строй и хозяйственная жизнь Англии накануне и после Черной смерти по данным рабочего законодательства и другим современным свидетельствам, 236—242. II. Положение, созданное рабочим законодательством для всей рабочей массы страны, 243—250. III. Анти-феодальный, классовый, народно-хозяйственный характер рабочего законодательства, 250—253. IV. Реакционность теоретических предпосылок его и его жестокость, 253—257. V. Не-феодальный характер нового прикрепления, 257—259. VI. Вопрос о феодальной реакции второй половины четырнадцатого века в научной литера-

Стр.

туре, 259—263. VII. Данные источников о феодальной реакции четырнадцатого века, 263—280. VIII. Возражения Паджу и анализ петиции и статута первого года царствования Ричарда II (1377) о брожении среди вилланов и держащих вилланскую землю, 280—285. IX. Лоллардское движение и феодальная реакция XIV века, 285—286. X. Итоги о феодальной реакции, 286—287. XI. Феодальная реакция и восстание 1381 года, 287—289. XII. Рабочее законодательство и феодальная реакция второй половины XIV века—основные причины восстания 1381 г. как явления хозяйственной и социальной истории средневековой Англии, 289—292. XIII. Краткий очерк хозяйственной эволюции мэнора во второй половине XIV века, 292—294.

Итоги . . . . . 295—306

Приложение. **Краткий обзор источников для истории восстания 1381 года** . . . . . 307—321

Общие замечания о документальном материале и о хрониках, 307—308. Хроники сэнт-албанского аббатства и, в частности, Chronicon Angliae анонимного монаха, 308—314. Фруассар и его Хроники, 314—315. Хроника Генри Найтона, 315—316. Продолжение к Хронике мэмсбэрийского монаха (Eulogium), 316. Джон Малверн и его Приложение к Polychronicon Ranulphi Higden monachi cestrensis, 316. Хроника Уилльяма Торна, 316. Дэнстэблские Анналы, 316. История жизни и царствования Ричарда II, короля Англии безымянного ивэмского монаха, 316. Рассказ о восстании Уолтера Тайлера и его смерти от руки Уилльяма Уолворса, мэра, 316. Анналы или общая хроника Англии Джона Стау, 317. Анонимная хроника, принадлежащая аббатству св. Марии в Йорке, 317—318. Легенда об оскорблении сборщиком поголовного налога дочери кровельщика Джона, как о поводе к восстанию 1381 г., и ее анализ, 318—319. Джон Гауэр и его Vox Clamantis, 319—320. О восстании Джэка Строу анонимного автора, 320. Об убиении архиепископа Сэдбэри анонимного автора, 320—321. Книга о знаменитых Генрихах, Джона Кэпгрева, 321. Рассказ Джона Госфорда, 321.

Примечания. . . . . . 323—413

Карта английских округов, более всего охваченных восстанием 1381 г.

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Очерки из истории средневекового общества и государства. Издание 5-е. вновь пересмотренное автором. Госуд. Изд. Москва 1922 г.

Очерки из истории английского государства и общества в средние века. Часть первая. Издание 2-е. Изд. Акц. Общ. Брокгауз и Ефрон. СПБ. 1909 г.

Великая Хартия Вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. С приложением латинского и русского текста Великой Хартии и др. документов. Издание 2-е. Изд. М. и С. Сабашниковых. Москва 1915 г.

Общество и государство у Гомера. Опыт исторической характеристики. Издание 2-е. «Задруга». Москва, 1913 г.

Очерки из экономической истории средневековой Европы. (Печатается).

Карта английских округов, более всего охваченных восстанием 1381 года.

ЦУНБ
им.Н.А.Некрасова
2 000001 926536